

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛУЧШИЕ КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

А.В. Никандров

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИКА

**КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
РОЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НОРБЕРТО БОББИО
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ XX ВЕКА**

2016

Монография посвящена истории интеллектуалов Западной Европы XX века — от их рождения в «буре Дрейфуса» на рубеже XIX–XX веков и до наших дней. Западноевропейские интеллектуалы, размышлявшие над проблемами своей политической деятельности, разработали немало концепций, предлагающих различные интерпретации собственной роли в политике. Важное место в этом ряду занимает направление, связывающее политическую роль интеллектуала с защитой культуры. В этой связи серьезный интерес представляет идейное наследие итальянского интеллектуала, авторитетного ученого в области философии права и философии политики, **крупнейшего политического мыслителя Италии XX века Норберто Боббио (1909–2004)**, творчеству которого в книге уделено особое внимание.

Книга предназначена для всех интересующихся политической и интеллектуальной историей XX века, отношениями политики и культуры, проблемами философии политики и права.

ISBN 978-5-93883-320-3

9 785938 833203

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛУЧШИЕ КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

А.В. Никандров

Интеллектуалы и политика

Концепция политической роли
интеллектуалов Норберто Боббио
в культурно-историческом
контексте XX века

Москва
2016

УДК 291
ББК 86.2
Н62

Печатается по решению Ученого совета
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор философских наук *И.А. Гобозов*
доктор философских наук *В.Н. Расторгуев*

НИКАНДРОВ А.В.

Н62 Интеллектуалы и политика. Концепция политической роли интеллектуалов Норберто Боббио в культурно-историческом контексте XX века / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. — 428 с. (— Лучшие кандидатские диссертации философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)

ISBN 978–5–93883–320–3

Монография посвящена истории интеллектуалов Западной Европы XX века — от их рождения в «буре Дрейфуса» на рубеже XIX–XX веков и до наших дней. Западноевропейские интеллектуалы, размышлявшие над проблемами своей политической деятельности, разработали немало концепций, предлагающих различные интерпретации собственной роли в политике. Важное место в этом ряду занимает направление, связывающее политическую роль интеллектуала с защитой культуры. В этой связи серьезный интерес представляет идейное наследие итальянского интеллектуала, авторитетного ученого в области философии права и философии политики, крупнейшего политического мыслителя Италии XX века Норберто Боббио (1909–2004), творчеству которого в книге уделено особое внимание.

Книга предназначена для всех интересующихся политической и интеллектуальной историей XX века, отношениями политики и культуры, проблемами философии политики и права.

Книга написана на основе текста диссертации, победившей в конкурсе на лучшую кандидатскую диссертацию философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 2016 г. Диссертация защищена в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова в 2013 г.

Никандров Алексей Всеволодович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

© Философский факультет МГУ, 2016

ISBN 978–5–93883–320–3

© Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2016

Научное издание

Подписано в печать 04.10.2016. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26,75. Уч.-изд. л. 23,94. Тираж 500 экз. Заказ № 301.

Оригинал-макет подготовлен *А.В. Воробьевым*. 7720376@mail.ru. Корректор *Феоктистова Е.В.*

Издатель Воробьев А.В. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140–2–36. 8(495)772–03–76

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальное исследование по проблемам философии политики .. 5

ВВЕДЕНИЕ 7

ЧАСТЬ I. Интеллектуалы и политика:

история и современность 11

ГЛАВА 1. Интеллектуалы в XXI веке: проблема существования .. 11

Интеллектуалы в наши дни: бездействие или молчание?..... 11

Глобализация и «злключения» интеллектуалов 23

Интеллектуалы в 80-х годах XX века 33

Интеллектуалы и атланнизм 41

ГЛАВА 2. Политика или культура: интеллектуалы между
независимостью и партийными императивами..... 63

Автономия интеллектуала и культура.....63

Полемика о «предательстве» и «дезертирстве» интеллектуалов 65

Ромен Роллан и Анри Барбюс: проблема «партийности
интеллектуалов».....73

«Кларте»: независимость или партийность? 77

«Люди культуры» и «партийно-литературные» союзы 86

Интеллектуалы и антифашизм: необходимость активных действий... 94

Интеллектуалы на конгрессах против фашизма и в защиту культуры.... 100

Интеллектуалы после Второй мировой войны 109

ГЛАВА 3. Дело Дрейфуса и первые интеллектуалы 119

Значение дела Дрейфуса в истории интеллектуалов..... 119

Франция в преддверии «бури Дрейфуса»:
историко-политический контекст «рождения» интеллектуалов..... 126

Дело Дрейфуса: от приговора до начала борьбы за реабилитацию 138

Эмиль Золя и Жорж Клемансо перед «бурей Дрейфуса» 147

«Я обвиняю!...» Эмиля Золя	156
«Буря Дела Дрейфуса»: Tous ces intellectuels, venus de tous les coins de l'horizon	160
Реакция судит Золя — Золя судит реакционеров	167
Победа дрейфусаров и итоги дела Дрейфуса	171
ЧАСТЬ II. Норберто Боббио	
и его концепция политической роли интеллектуалов.....	185
ГЛАВА 1. Норберто Боббио: портрет на фоне эпохи	185
ГЛАВА 2. Концепция политической роли интеллектуалов Норберто Боббио в работе «Политика и культура» (1955)	235
ГЛАВА 3. Норберто Боббио о концепции гражданского общества Антонио Грамши	270
ГЛАВА 4. Концепция Норберто Боббио в конце 70-х годов XX века: интеллектуалы-идеологи или интеллектуалы-эксперты?....	287
ЧАСТЬ III. Американизация Западной Европы	
и «закат интеллектуалов»	299
ГЛАВА 1. «Конец идеологии» и деполитизация интеллектуалов	301
ГЛАВА 2. Американизация общественно-политической жизни и мысли Западной Европы.....	345
«Эксперты вместо интеллектуалов»: атлантизм и технократизация политики	346
Монополия американизма в идейной жизни и общественно- политических науках Западной Европы	357
ГЛАВА 3. Политический идеал Америки и проблемы глобального доминирования.....	371
Идеал, идеология и «американская исключительность»	371
Политический идеал и Американская революция.....	379
Проблемы воплощения идеала: от Вильсона до неоконсерваторов ...	387
Политический идеал Америки и демократия.....	396
ЛИТЕРАТУРА.....	411
SUMMARY	432

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальное исследование по проблемам философии политики

Книга А.В. Никандрова посвящена интеллектуалам, их политической деятельности и борьбе, дискуссиям и спорам, — одним словом, их судьбе в XX веке. Отечественная философско-политическая литература в настоящее время не богата такого рода объемными исследованиями. Обычно этой проблеме посвящаются статьи по некоторым аспектам деятельности интеллектуалов; или же, в основном, в рамках «проблемы интеллектуалов» пишутся работы, посвященные тому или иному представителю этого «сословия», какому-либо крупному и влиятельному интеллектуалу (например, Грамши, Сартру, Арону, Кроче, Камю, Фуко, Альтюссеру). Между тем проблемы отношений интеллектуалов и политики, интеллектуалов и власти, вообще политики и культуры, на которые в нашей литературе нечасто обращают внимание, представляются достаточно интересными как в историко-политическом, так и в философском измерениях. Актуальность исследования А.В. Никандрова состоит в том, что автор не только прослеживает историю интеллектуалов от возникновения этой своеобразной социальной группы и до потери ею влияния в обществе, но и вскрывает политические основания достижения интеллектуалами большого общественного влияния, авторитета — особенно в Италии и Франции — а также раскрывает те обстоятельства и причины, которые привели к их последующему уходу из активной политики.

В книге А.В. Никандрова продолжены те линии, направления исследования, которые были намечены в его диссертационной работе, посвященной концепции политической роли интеллектуалов, разработанной Норберто Боббио — итальянским философом политики и права, принимавшим активное участие в политической жизни Италии второй половины XX века. Так, например, автор, углубляясь в историю французских интеллектуалов, рассматривает и анализирует знаменитое дело Дрейфуса, в последнее время нередко упоминаемое в СМИ, давшее импульс к появлению на политической сцене

Франции интеллектуалов, родившихся в бурной полемике за торжество идеалов Закона и Справедливости.

Раздел книги, посвященный Норберто Боббио, существенно расширен и дополнен новыми материалами и аналитикой. Описывая полемику итальянского интеллектуала и политического мыслителя с коммунистами Италии, А.В. Никандров особо останавливается и заостряет внимание на событиях политико-идеологических столкновений двух блоков в эпоху «холодной войны», на роли интеллектуалов в этом противостоянии, на некоторых интересных эпизодах истории идейных сражений с участием интеллектуалов. Цель автора — показать, какими методами достигалась в то время гегемония Америки в Западной Европе, на чьей стороне были интеллектуалы, и как идеологам и практикам, проводникам идей атлантизма удалось вывести их из «игры». Далее автор ставит очень злободневный вопрос, лежащий за пределами собственно исследования об интеллектуалах, но вытекающий из логики «исторического расследования»: зачем нужна Америке эта пресловутая гегемония, из чего вытекает стремление стратегов и политических деятелей США установить диктат над миром? А.В. Никандров предпринимает попытку ответить на этот вопрос, исходя из реконструкции политического идеала Америки.

В своей работе автор использует очень широкий круг источников, разноплановых даже по виду — от публицистики до научных работ; от памфлетов писателей до мемуаров известных политических деятелей; от интервью западных интеллектуалов до советских фундаментальных исследований; от Эмиля Золя и Жоржа Клемансо до Джеймса Фулбрайта и Генри Киссинджера.

Авторское видение истории интеллектуалов в ее исторической динамике может прояснить некоторые сложные моменты политической истории XX века, или, во всяком случае, поставить ряд вопросов, которые ни исторической, ни политической наукой до этого в виде формулировки научно-исторических и философско-политических проблем не ставились.

*доктор политических наук,
профессор Е.Н. Моцелков*

ВВЕДЕНИЕ

«Проблема интеллектуалов» — от споров о дефинициях до дебатов о формах политического участия — одна из увлекательнейших и при этом достаточно серьезных проблем политической истории XX века. Ангажированные, или «политические» интеллектуалы — кто они, в чем суть их деятельности, и как конкретно эта социальная группа (если мы признаем, что интеллектуалы — это социальная группа) «оперирует» собственно интеллектом, разумом, — причем в политике, по отношению к политике: анализ и критика (концепций и доктрин, или также политических решений, стратегий, высказываний политиков, принятых законодательных инициатив) или разработка «своих» проектов, предложений (не говоря уже о концепциях и подходах к разрешению различных проблемам политики)? На каком основании писатели, журналисты, философы, ученые и другие представители разных «подгрупп» интеллигенции считают себя вправе выносить суждения относительно политических событий, решений, стратегий, идеологий?

Являются ли политические мыслители, ученые-политологи, эксперты и аналитики в области политики — интеллектуалами по определению, или же им необходимо, помимо того, что они делают, делать что-то сверх этого, дабы быть (или считаться) интеллектуалами? В какой момент, к примеру, ученый-политолог или философ политики становится интеллектуалом — когда, отвлекаясь от сугубо научных трудов, пишет смелые и (остро)полемические статьи или даже книги (и при этом достигает *универсального видения* в своих размышлениях о политике)? Не так ли обстоит дело, что выступая как собственно ученый, — философ (историк, социолог, даже и политический мыслитель) подчас не может выступить достаточно смело, рискуя оказаться под огнем критики (не все смелые мысли и обобщения можно обосновать научными методами); надевая же «тогу» интеллектуала, он не просто не рискует быть раскритикованным (а то и осмеянным), но принимает обязательство *говорить смело*, — и там, где теоретик неизбежно путается в обоснованиях, интеллектуал судит с позиции универсального видения истории и политики... Но смелые обобщения не всегда бывают верными, и зачастую интеллектуал рискует весьма далеко отступить от истины; вообще, интеллектуалам свойственно не только ошибаться, но и настаивать на своих

ошибках. В этом же смысле можно поставить проблему оценочных суждений интеллектуала, не говоря уж о суждениях чисто эмоциональных: здесь есть риск отступить не только от истины! При этом именно оценки и эмоции (подчас не столько политики, сколько конкретных политических деятелей) — это как раз то, что в принципе «*дозволено*» интеллектуалам (да и то, что от них, может быть, в первую очередь и ждут), но *не подобает* ученому.

Обязательно (или желательно) ли интеллектуалам при всем этом собираться в группы, «агрегироваться»; и по каким «параметрам» эта «агрегация» должна происходить? Может ли коллективность в принципе быть близка, если не свойственна, интеллектуалам, и до каких пределов и в какой степени целесообразны коллективные действия? Как могут строиться «интеллектуальные союзы», вокруг чего или кого следует группироваться интеллектуалам (если вообще это следует делать)? Нет ли при этом опасности того, что дисциплина союза перейдет в интеллектуальную диктатуру? Но как тогда, совсем обходясь без дисциплины, собрать воедино хотя бы двух интеллектуалов, если они по определению склонны к полемике и все проблемы понимают и решают по-разному? Учитывая эту полемическую натуру интеллектуала, поставим вопрос так: до какой степени должна простираться независимость интеллектуала — при том, что он по факту своего существования принимает *определенное* участие в политике, — кем может быть ограничена интенсивность, степень *вовлечения* его в политику; может ли интеллектуал, не теряя «самости», принимать непосредственное участие в политике, будучи, например, членом партии или политического союза, чиновником, политиком? — Тут, впрочем, можно ответить не задумываясь: да, утрачивает, ведь партийная дисциплина и определенная степень догматизма по определению свойственны партийным организациям и доктринам. Однако одна из основных проблем и причин для споров в истории интеллектуалов — это именно отношение к партиям и партийной деятельности (в особенности этот вопрос волновал Романа Роллана и Норберто Боббио, которые пришли к отрицанию возможности *партийного участия* интеллектуала).

Оказывают ли интеллектуалы влияние на политику, и как — только лишь посредством изменения общественного мнения? Или же политики под давлением критики вынуждены вносить коррективы не только в свои решения, но и в стратегические планы? Связано ли влияние интеллектуалов на политику, — в случае если мы признаем, что оно есть, и притом достаточной «силы», — с агрегациями интел-

лектуалов, с их склонностью группироваться (и чем вызывается эта склонность, и в самом ли деле она им присуща)? Что, собственно, изменяется, когда интеллектуалы — с их вечной полемикой и идейно-политическими разногласиями — объединяются в группы, союзы и сообщества? В самом ли деле коллективная деятельность интеллектуалов — это один из способов «демократического контроля» политиков и законодателей со стороны интеллигенции в западноевропейских странах? Может ли демократическое общество вовсе обойтись без них, насколько их роль является *необходимой*? Подлинно ли само движение, сама «страта» интеллектуалов отличается известным демократизмом, отсутствием какой-либо системы «рекрутинга», или же это скорее миф?

Как долго по времени была актуальна политическая роль интеллектуалов, и, если она исчерпана, то можно ли указать событие (каскад событий, какие-то взаимосвязанные факты), которые с уверенностью следует рассматривать как знаки или даже причины «заката» интеллектуалов?

Для того чтобы *обозначить ответы* на эти и связанные с ними другие вопросы, неизбежно возникающие при первом же обращении к проблеме определения интеллектуала по отношению к политике, — следует «пробежать» по истории полемики о роли и месте в обществе, о статусе и задачах тех, кто бесспорно принадлежал к их числу. Легко увидеть, что споры об интеллектуалах на протяжении почти всего XX века преимущественно велись самими интеллектуалами, и адресовать наши вопросы следует прежде всего им. Но перед этим необходимо «нарисовать» своего рода «обобщенный портрет» интеллектуала, каким мы видим его в XX веке.

Интеллектуалы — это *политически активная часть интеллигенции* — прежде всего интеллигенции творческой и научной («люди культуры» — Норберто Боббио, Умберто Кампаньоло), вовлеченная самым разным образом в *политическую борьбу, полемику и дискуссии*, включая непосредственное участие в политике (главным образом в составе политических партий и движений). Интеллектуалы выступают в публичной сфере с различного рода *политическими заявлениями* — в форме манифестов, книг и статей, коллективных петиций; участвуют в культурно-политических мероприятиях (съезды, конгрессы и другие форумы, как правило, посвященные определенным проблемам, определяющим повестку мероприятия); часто входят в самого широкого спектра и направленности *союзы или движения*; связаны с журналами и газетами, издательствами и издателями; —

оперативно реагируя на политические события и воздействуя на *общественное мнение*, и посредством этого (а иногда и непосредственно) на политиков, политические решения правительств, законотворчество (иными словами, деятельность интеллектуалов имеет *политический эффект*).

Выбор *политической позиции* интеллектуал делает свободно и осознанно, не отдавая отчет в этом ни партийным лидерам, ни мыслителям, ни идеологам. (При этом весьма и весьма часто выбор интеллектуала заключался в следовании «партийной линии», частичном, а подчас и полном, отказе от собственной интеллектуальной и политической автономии: как иронично заметил Фредерик Жолио-Кюри, «так хорошо быть в партии, нет необходимости думать».) Интеллектуалы могут обладать *политическим знанием*, но могут и не обладать им, — ведь *непосредственного* участия в политике и законотворчестве они обычно не принимают, ибо основная задача их — «не столько просвещать умы, сколько зажигать сердца» (Раймон Арон). Испытывать чувства и проявлять эмоции, обладать способностью «быть взволнованным» (Юрген Хабермас) — свойственно интеллектуалам в большей степени — более, чем кому бы то ни было из «участников политики». «Подогревая страсти» (Арон), интеллектуалы и сами пребывают «в плену *политических страстей*» (Жюльен Бенда), поэтому их позиции, высказывания и «вердикты» всегда небеспристрастны, оценочны.

Интеллектуалы в высшей степени далеки от аполитичности, отстраненности, а также от космополитизма, — национальные чувства никогда не были чужды интеллектуалам. Они призваны, «ангажированы», или «завербованы» (Жан-Поль Сартр) историей, «погружены в эпоху», и поэтому вправе свободно и смело судить о политике и политиках, исходя только из собственного понимания политических событий, тенденций и ситуаций (что не исключает возможности научного обоснования своей позиции). Безусловно, эта *свобода интеллектуала* — не абсолютна: она ограничивается обязанностями и *долгом* по отношению и к своему государству с его ценностями и идеалами, и к универсальным ценностям человеческого общества.

ЧАСТЬ I

Интеллектуалы и политика: история и современность

ГЛАВА 1

Интеллектуалы в XXI веке: проблема существования

Интеллектуалы в наши дни: бездействие или молчание?

Существуют ли интеллектуалы в наши дни, и если существуют, — то какое отношение имеют сегодня они к обществу и политике? Если полвека назад такой вопрос выглядел бы странным и неуместным, то теперь его постановка вполне закономерна: в последнее время все реже и реже можно услышать что-либо об интеллектуалах, нечасто упоминания о них можно встретить в новостях, хотя время от времени они все-таки напоминают о себе: назовем, к примеру, двух ярких критиков агрессивного гегемонизма США — Ноама Хомского и Джульетто Кьезу, с одной стороны, и двух «пламенных атлантистов», вовлеченных в политику в разных ролях и во всем поддерживающих американскую агрессивную внешнюю политику, — Бернара-Анри Леви и Андре Глюксманна (1937–2015), с другой (заметим при этом, что Глюксманн и Леви — фигуры скорее заметные, нежели значимые). Юрген Хабермас, с давних пор отдающий дань политической публицистике, выступает с критикой политических реалий современной Европы и американской внешней политики¹.

---

¹ Об интеллектуалах немецкий философ размышляет в известной статье: *Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // *Неприкосновенный запас.* 2006. № 3. О Хабермаса-интеллектуале см.: *Черноперов В.Л.* Юрген Хабермас в контексте моделей социально-политической реализации западных интеллектуалов // *Интеллигенция и мир.* 2015. № 2. Согласно классификации исследователя, Хабермас является «независимым экспертом» (В.Л. Черноперов выделяет «три варианта социально-политической вовлеченности европейских интеллектуалов: ”бес- сильные люди”, ”независимые эксперты”, ”аутсайдеры-нонконформисты”») (С. 101).

Крупнейший представитель современной левой мысли, неомарксист Иммануил Валлерстайн, не только пишет статьи и эссе по актуальным политическим проблемам, но и выступает на интеллектуально-политических форумах¹. Все громче слышен голос философа, публициста, политика Ивана Бло², развенчивающего антироссийские мифы; политик и публицист, евроскептик Филипп де Вилье разоблачает американский диктат, установленный над Европой³.

«Главная особенность научного творчества Хабермаса, — пишет В.Л. Черноперов, — его общественное лицо — это увлеченность проблемами построения гражданского общества и преобразования современной объединенной Европы. Он — настоящий апологет европейской интеграции» (С. 102). — По Хабермасу, интеллектуалам должны быть присущи «"чуткость к нарушениям нормативной инфраструктуры общественного организма", и "умение видеть, чего не хватает", или "что могло быть иначе", и "немного фантазии, чтобы разрабатывать альтернативы", и "немного отваги, чтобы инициировать поляризацию позиций", и, наконец, способность "выступить со скандальным заявлением, опубликовать памфлет". Вместе с тем германский ученый никогда не забывает о благоразумии. Вот почему он предупреждает, что интеллектуал "обязан обладать достаточным политическим здравомыслием, чтобы не допускать чрезмерных (избыточно эмоциональных) реакций"» (С. 104).

¹ К примеру, И. Валлерстайн выступил на VI Гайдаровском форуме «Россия и мир: новый вектор» (2015). — О том, как Валлерстайн видит сущность и роль современного интеллектуала, см.: Пучковская А.А. Иммануил Валлерстайн о миссии интеллектуалов // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2015. Т. 1. № 6.

² В 2015 году Иван Бло представил общественности свою книгу «Россия Путина» (см.: *Blot Y. La Russie de Poutine. Bernard Giovanangeli Editeur, P., 2015; Бло И. Россия Путина. М., 2016*). Иван Бло — сторонник тесного культурно-политического и экономического сотрудничества России и Франции, их стратегического союза. В книге «Россия Путина» он говорит: «Западная Европа сегодня колонизирована в политическом, экономическом, человеческом и культурном отношении. Для Европы Россия представляет собой надежду на восстановление суверенитета и на сохранение традиционных ценностей, и именно поэтому с Россией борются» (*Бло И. Россия Путина. М., 2016. С. 27*). Ученый известен не только своими книгами, но и яркими, интересными выступлениями на актуальные политические темы. Так, например, 4 марта 2015 года Иван Бло в качестве основного докладчика принял участие в работе Круглого стола «Вызовы и угрозы современному миропорядку: колонизация Европы Соединенными Штатами Америки, проблемы экстремизма» (в Госдуме РФ), выступив с докладом «Европа — колония Соединенных Штатов?». 6 марта 2015 года на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Иван Бло прочитал лекцию «Демократия или олигархия? История одного обмана», тематически связанную с его знаменитой работой «Олигархия у власти» (см.: *Blot Y. L'oligarchie au pouvoir. Editions Economica, 2011*).

³ Филипп де Вилье — автор ряда книг, среди которых — «51-я звезда на американском флаге» (2003) и «Пришел момент сказать, что я думаю» (2015) — см.: *De Villiers Ph. La 51ème étoile du drapeau américain. Albin Michel Éditeur, 2003; De Villiers Ph. Le moment est venu de dire ce que j'ai vu. Albin Michel Éditeur, 2015*.

Однако эти выступления западных интеллектуалов, несмотря на влияние их в мире науки и культуры, как правило, проходят незамеченными для тех, кто принимает решения: политики к ним особенно не прислушиваются. В наши дни редко можно услышать о громких заявлениях или акциях интеллектуалов; манифесты, которыми они славились в прошлые времена, не звучат в СМИ (хотя поводов для заявлений и манифестов — причем для громких и даже резких выступлений такого рода, и для коллективных акций — в последнее время, мягко говоря, немало)¹. Таким образом, можно констатировать не бездействие и молчание интеллектуалов, но скорее «незаметность», отсутствие прежнего могущества: политики просто «не замечают» критику, и это сходит им с рук, — самая жесткая критика остается без последствий, и кажется, нет никакой возможности, говоря словами Доминика Веннера, «пробудить оцепеневшие сознания»². Не является ли эта «незаметность» интеллектуалов их бессилием³, и не служит ли все это — молчание, незаметность, бессилие —

---

¹ Не считать же, в самом деле, «акциями интеллектуалов» приветствия А. Глюксманна в адрес Майдана и выступления Б.-А. Леви на Майдане в марте 2014 года. Равным образом некоторые воззвания и петиции последних лет, по форме напоминающие манифесты интеллектуалов, являются скорее пародией таковых: приведем в пример коллективное обращение группы интеллектуалов, ученых, деятелей культуры в поддержку Майдана («Support Ukrainians and they can help us build a fairer Europe» (январь 2014 года), под коротким и довольно нелепым текстом которого поставили свои подписи Зигмунт Бауман, Славой Жижек, Ульрих Бек, Сейла Бенхабиб, Майкл Уолцер, Карло Гинзбург и др. (об этом см.: *Будрайтскис И.* Интеллектуалы и «новая Холодная война»: от трагедии выбора к фарсу выбора // www.pravaya.ru/look/23561).

² Так, Доминик Веннер, французский интеллектуал, принадлежащий к движению «новых правых», в знак протеста против зловещих европейских «новаций» последнего времени (засилье мигрантов, легализация однополых браков и пр.) и как свершение акта самопожертвования 21 мая 2013 года застрелился около алтаря в соборе Парижской Богоматери. В посмертном послании он написал: «Я приношу в жертву то, что осталось от моей жизни, в знак протеста. Я выбираю глубоко символическое место — милый моему сердцу собор Парижской Богоматери, возведенный гением моих предков на месте еще более древнего культа, в память о нашем великом предназначении. <...> Я принимаю смерть для того, чтобы пробудить оцепеневшие сознания. Я восстаю против рока судьбы. Я восстаю против отравляющих душу ядов, против индивидуалистических желаний, что разрывают нашу связь с корнями и традиционными формами бытия, в частности с семьей — фундаментом нашей многотысячелетней цивилизации. Выступая в защиту идентичности каждого из народов у себя дома, я восстаю против преступного замещения нашего народа иным» (Доминик Веннер — посмертное послание // ed-aktion.livejournal.com/29593.html).

³ Здесь вспоминается Чарлз Райт Миллс с его эссе «Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе»: это эссе «было написано еще в конце Второй мировой войны и повествовало о той части американских интеллектуалов, которая вольно или не-

свидетельством ухода, исчезновения интеллектуалов (как раньше говорили, ангажированных, или *политически ангажированных интеллектуалов*) как активной политической силы?

Постановка проблемы существования интеллектуалов неизбежно приводит к проблеме определения интеллектуала в политическом аспекте его роли в обществе. Проблеме «дефиниции интеллектуалов», учитывая всю ее принципиальность и необходимость разрешения, как и высокую степень дискуссионности и полемичности, собственно, и посвящено настоящее исследование, в котором особый акцент будет сделан на историю полемики, самих интеллектуалов и их критиков со времен дела Дрейфуса до 80–90-х годов XX века, — со знаменитыми дискуссиями о «предательстве» и «дезертирстве», ангажированности, «конце века интеллектуалов» (или «века идеологий», как часто называют XX век), об исчезновении, молчании, а то и смерти интеллектуалов. Ведь только лишь на основании того портрета интеллектуала, который «нарисован» нами в Предисловии, без «пробежки» по всей истории их полемики в XX веке, непросто ответить на вопрос, существуют ли и насколько активны в общественной жизни, если существуют, интеллектуалы (можно разве что, если продолжить аналогию с портретом, найти людей, «подходящих под описание»). Но что можно сказать сейчас, до углубления в историю и полемику? Ясно, что те, кого называют интеллектуалами — часть общества, но не о каждой части общества серьезно можно говорить в сопоставлении с политикой (при этом добавим, что нередко говорят также «интеллектуалы и власть»¹); в настоящий момент по отношению к интеллектуалам такое словоупотребление практикуется редко, разве что в историческом плане. Вообще, если мы говорим

вольно оказалась под давлением ”властвующей элиты” и тем самым стала служить ее интересам, будучи бессильной предлагать и продвигать собственные проекты и решения общественных и политических проблем» (*Черноперов В.Л.* Юрген Хабермас в контексте моделей социально-политической реализации западных интеллектуалов // *Интеллигенция и мир.* 2015. № 2. С. 101). Если американские интеллектуалы уже тогда были бессильны в политике (да, собственно, а когда они были сильны в Америке?), иными словами, не были интеллектуалами в строгом смысле слова, то западноевропейские интеллектуалы оказались бессильны с приходом и распространением (или уж, если угодно, «победой») американизма с его «технократически-инструментальным» подходом к науке и культуре и с его «антиполитикой».

¹ Как представляется, «правильная» оппозиция — не «интеллектуалы и власть», а скорее «интеллигенция и власть»: интеллигенция — как наследница *philosophes*, *hommes de lettres*, *men of Knowledge*, *Männer des Geistes*, etc. — всегда критична по отношению к власти, иерархии и авторитета, тогда как «сама власть» платит «людям мысли» фундаментальным недоверием.

«интеллектуаль» — и добавляем «политика», «власть», — не утверждаем ли мы этим, что интеллектуалы имеют и ныне не косвенное, не постороннее, *не случайное* отношение к политике и (возможно) к власти, но отношение определенного участия (возможно, посредством определенных механизмов) в политических событиях, в принятии политических решений, в критике политиков, правительств, их решений и действий? Понятно, что если мы говорим о политическом участии, — то приходится добавлять и то, что такое участие интеллектуалов в политике (неважно, в какой форме и каким образом) имеет вполне серьезное *значение* и приводит к каким-либо *последствиям* (совсем не обязательно, чтобы эти последствия должны быть совсем уж большими, вполне достаточно, чтобы о них можно сказать «заметные», «значимые»).

Конечно, наша довольно смутно очерчиваемая группа не является пустым множеством, ее составляют люди, сплоченные определенными, более или менее ясно сформулированными идеями, и при этом — при всей возможной противоречивости таких идей — о многих конкретных людях можно будет сказать: такие-то и такие-то — это интеллектуалы, пусть даже являются идейными врагами и принадлежат к враждующим политическим лагерям (партиям, направлениям); а вот такие-то — просто политики, писатели, журналисты, политические публицисты (и пусть при этом они критичны по отношению к политике даже и сверх всякой меры). Вообще, если говорить о влиянии на политику, то дискуссии этого рода неизбежно получаются острыми, — ведь в наше время этот факт влияния легко оспорить, сказав, что существует лишь *некоторое количество* (но никак не группа) людей, безусловно *признанных* интеллектуалами, *признающих* себя самих таковыми, обладающих неоспоримым авторитетом и *правом* высказываться по вопросам и проблемам политики, являющихся авторами публикаций, которые без сомнения именуются *плодами творчества интеллектуала* (а не монографиями ученого-политолога, не исследованиями историка политических идей и т.п.). Положим при этом, что имеются и могут быть сформулированы четкие принципы, по которым можно (не обязательно легко) отличить книгу (статью, манифест, призыв, небольшую заметку на остроактуальную политическую тему, заявление в СМИ) интеллектуала от работы в области политической философии¹, памфлета

---

¹ О связи интеллектуалов, политики и политической философии см.: *Сморгунов Л.В.* Интеллектуал в политике и необходимость политической философии // Политическая наука. 2009. № 4.

писателя, речи политика, статьи политического публициста¹, интервью модного писателя; — таким образом, при всем этом ученые, политики, писатели, журналисты могут быть, а могут не быть интеллектуалами (но при этом многие из тех, кто таковыми не признаются другими, сами себя называют интеллектуалами; бывает, конечно, и наоборот). Всех (или очень многих) этих людей можно назвать поименно (поскольку их в наши дни не так уж и много), и признавая кого-либо интеллектуалом — мы неизбежно будем опираться на «старые критерии», по которым определялись интеллектуалы в XX веке (или просто сравнивать с «классическими интеллектуалами» и делать выводы «о соответствии»). При этом следует учесть еще и то обстоятельство, что само понятие интеллектуала после 90-х годов XX века стало размываться, подвергаться эрозии, все дальше и дальше отходить от связанности с политикой, приобретать новые смыслы², — так что в наши дни словосочетания «политический интеллектуал», «ангажированный интеллектуал» и т.п. — требуют дополнительных исторических комментариев (но, с другой стороны, не стали штампами, мнимо очевидными понятиями-идеологемами вроде «гегемонии», «демократии», «тоталитаризма» или «культы личности»³; хотя некоторые публицисты и исследователи полагают обратное — эти мнения будут разобраны далее).

---

¹ Как правило, плоды размышлений и трудов интеллектуалов (помимо манифестов, коллективных заявлений и пр.) — это и есть *par excellence* политическая публицистика; однако не всякий политический публицист является интеллектуалом (т.е. представителем интеллигенции, вовлеченным в политику). О сущности и функциях политической публицистики, ее отношениях с политикой, политической мыслью и идеологией см.: *Веремеенко Ю.Н.* Современная политическая публицистика (Предметно-функциональные и гносеологические характеристики). Дис. ... канд.полит.наук. Тверь, 2003.

² Классическое понимание, по выражению А.А. Балаяна и А.Ю. Сунгурова, «уходит от своей политической коннотации и закрепляется за категорией профессионалов, вовлеченных в производство и распространение знаний, идей» (*Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб., 2016. С. 64).

³ «Весьма часто, — справедливо замечает в этой связи Д.М. Фельдман, — маркированные политические термины — часть какой-либо идеологии. Целенаправленное использование маркированных терминов-идеологем было и остается средством управления массовым сознанием. Средством эффективных манипуляций». — Однако, добавляет ученый, случается при этом и так, что «носители власти, использующие политические термины в качестве средства манипуляции, сами довольно часто попадают под власть своей терминологии. Стало быть, уместен вопрос не только о «терминологии власти», но и о «власти терминологии». О «словах власти» и «власти слов»» (*Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2015. С. 9–12).

С учетом всего вышесказанного — можно ли ставить вопрос о влиянии интеллектуалов на политику и общественное мнение, которые сегодня подвержены совсем иным *влияниям*? И — главное — в настоящий момент не просто отыскать какие-либо группы, общности, союзы, тематические объединения, движения интеллектуалов (кого бы мы ни рассматривали в качестве таковых), обладающие неоспоримым влиянием на политические решения¹. — Такое утверждение, во всяком случае, выдвигают противники и «ниспровергатели» интеллектуалов, в качестве доказательства полного и окончательного ухода их из политики. К этому они добавляют, что никакого влияния на политику интеллектуалы оказывать и не могут: и дело даже не в разобщенности, а в отсутствии каких-либо механизмов, способов, которые позволили бы интеллектуалам не то чтобы влиять на политику, но даже в принципе принимать политическое участие (в каком-либо виде)². При этом какие-либо единичные примеры того, что «не

---

¹ Впрочем, ситуация меняется: нельзя не признать в последнее время рост как числа, так и влияния интеллектуалов (как, безусловно, и политиков), подвергающих жесткой критике политику ЕС и выступающих за нормализацию отношений с Россией (имена некоторых из них уже были названы). Растет число и вес интеллектуалов-евроскептиков, — тогда как до недавнего времени в число евроскептиков входили в основном политики (о евроскептицизме в данном контексте см.: *Лактионова Н.Я.* Европроблемы и европерспективы // *Геополитический журнал.* 2015. № 5). В пример можно привести «классика евроскептицизма» Эмманюэля Тодда, автора знаменитой книги «После империи. Рах Americana — начало конца». (Раз уж мы упомянули эту книгу, сложно удержаться, чтобы не привести пассаж о Бжезинском и шахматах: «Каковы бы ни были интеллектуальные достоинства книги Бжезинского, в шахматной метафоре ее заголовка имеется что-то от „несостоявшегося акта“ во фрейдистском смысле, какое-то предчувствие промаха: не надо играть в шахматы с русскими, для которых это национальный вид спорта». — *Todd Э.* После империи. Рах Americana — начало конца. М., 2004. С. 169). Конечно, говоря о скептическом отношении к возможным результатам политического объединения Европы, стоит вспомнить также, что «классические» интеллектуалы Западной Европы изначально относились к политическому объединению Европы крайне скептически — назовем имена Ромена Роллана, Анри Барбюса, Норберто Боббио, Умберто Кампаньола.

² Здесь можно привести весьма интересный пример: в книге Валери Жискара д'Эстена «Французы. Размышления о судьбе народа» (М., 2004) ни слова не говорится об интеллектуалах! Даже в 8-й главе, которая называется «О тех, в ком сегодня сосредоточены жизненные силы Франции», где, казалось бы, автор хотя бы вскользь коснется этой важнейшей для французской культуры и политики XX века темы, — мы ничего не находим... А ведь в бытность свою президентом Франции Жискара д'Эстен принимал делегации интеллектуалов, в том числе Жана-Поля Сартра, Андре Глюксманна и др. (см. об этом, в частности: *Арон Р.* Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 774; *Дьяков А.В.* Мишель Фуко и его время. СПб., 2013. С. 338).

все потеряно» и кто-то из оставшихся в живых из «старых» интеллектуалов еще в силах что-то громко сказать, — ничего не меняют.

Как может показаться, сама *модель* «интеллектуалы как политически активная часть интеллигенции, оказывающая достаточно серьезное влияние на политическую жизнь общества» — устарела и больше не действует ни в сфере политической критики (занятой пришедшими на смену интеллектуалам экспертами, аналитиками, обозревателями и пр.), ни тем более — в области политических решений, проектов, стратегий, — и в этом случае *проблема* политической роли интеллектуалов может быть актуальна разве что в историческом плане, как предмет исследования. (Хотя, к слову сказать, модель сама по себе ни устареть, ни «исчезнуть» не может: она может разве что временно не находить применения, и в этом случае есть смысл говорить о *временной* утрате действенности.) С другой стороны, потребность в оценке и комментариях политических событий, решений и пр. — именно со стороны *независимых* интеллектуалов, а не экспертов и аналитиков, — безусловно остается. Как тут не вспомнить ответ Альберто Моравиа на вопрос известного итальянского историка — к его работам мы еще не раз обратимся — Нелло Айелло — о том, приносит ли интеллектуал пользу обществу, народу (это было в конце 70-х годов). — Моравиа отвечал так: «Не знаю, очень ли много он приносит пользы, но он безусловно необходим. Массы ожидают от интеллектуала того, чего они некогда ждали от священника: правды, руководства, утешения. От него ждут, хотя и бессознательно, чтобы он как-то увязывал между собой события, на историческом фоне, в идеологическом ключе... По-моему, интеллектуал — это единственный положительный персонаж, созданный буржуазией»¹.

Разберем некоторые мнения относительно интеллектуалов, их сущности и существования, их роли, влияния, круга обязанностей, высказываемые в современной и относительно современной литературе. С начала 90-х годов XX века, когда при развитии глобализации стало заметно, что интеллектуалы «уходят из политики», интерес к этой теме не уменьшился, а поток литературы, посвященный интеллектуалам, даже возрос (в российской научной литературе и публицистике как раз около тех лет тема интеллектуалов открылась и стала развиваться). Возьмем книгу — сборник интервью философа и

---

¹ См.: *Кин Ц.И.* Итальянские мозаики. Статьи об итальянской литературе 70-х годов. М., 1980. С. 329.

историка философии, критика постмодернизма Ричарда Керни «Диалоги о Европе»¹. Среди интервьюируемых Керни крупнейших мыслителей современности, представителей европейской интеллектуальной элиты — философов, лингвистов, писателей — Кристева, Эко, Борхес, Гадамер, Деррида, Лиотар, Маркузе и др. — многих можно назвать интеллектуалами в классическом смысле слова; из трех тем книги первой идет «политика» (и здесь — интервью с безусловными, можно сказать, интеллектуалами — Ноамом Хомским и Эдвардом Саидом).

Сам составитель говорит, что «большинство интервьюируемых можно назвать интеллектуалами в самом широком смысле этого слова» — то есть, по его мнению, «современными умами, постоянно размышляющими над проблемами окружающего нас мира, подвергающими сомнению некоторые основные, формирующие наше миропонимание идеи, образы и идеологии». — Далее, продолжает Керни, интеллектуалы — также и «критические умы, ”разрушительная” позиция которых *vis-à-vis* общества как раз и позволяет им свободно высказывать необычные, беспрецедентные и зачастую непопулярные идеи. Им совсем не свойственна роль не терпящих возражений философствующих монархов. Отнюдь нет. Эти политические мыслители нацелены на открытие путей, а не на изыскание окончательных решений». — Резюмирует философ так: «Всех их можно назвать ”мыслителями” из-за присущей им готовности проникновенно обсуждать самые широкие культурные и социальные проблемы, возникающие в процессе собственно литературного творчества, — прежде всего в европейском контексте. Здесь соседствует поэт и мыслитель»².

Размышления Керни, выразившиеся в достаточно емких и интересных сентенциях, — в предисловии к сборнику интервью странно было бы искать и сложно требовать от автора каких-либо четких определений — тем не менее предоставляют нам хороший пример современного понимания интеллектуала. Это понимание — предельно широкое. Интеллектуалам предоставлено право размышлять о многом, если не обо всем, и высказывать любые, — лишь бы поинтерес-

---

¹ Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002. Эти диалоги были подобраны Р. Керни в течение долгих лет — с 1976 по 1994 годы; опубликованы в 1995 году; первый опыт такого издания — книга Р. Керни 1984 года: *Kearney R. Dialogues with Contemporary Thinkers. The Phenomenological Heritage: Paul Ricoeur, Emmanuel Levinas, Herbert Marcuse, Stanislas Breton, Jacques Derrida.* Manchester University Press, 1984.

² Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002. С. 7.

нее и поострее, но не конкретнее — суждения. Также предоставлено (а то и вменено) право критики — но критики особого рода: чем «разрушительней» (но не *конструктивнее*) будет эта критика — тем лучше. Загадочное «открытие путей» не означает «поиск решений», — это право по умолчанию не входит в «реестр прав» интеллектуалов, обладающих «правом» обсуждать и открывать что угодно — и не нести никакой ответственности за свои «открытия путей». Да и о какой ответственности может идти речь, если все эти «беспрецедентные» высказывания никаких последствий не возымеют и ни к чему не приведут, оставаясь просто красивыми словами, высказанными «представителями интеллектуальной элиты». Подвергать сомнению «идеи, образы и идеологии» — замечательно, что эти три слова идут у Керни через запятую, — задача весьма расплывчатая, да и непонятно, что это — роль или нечто вроде развлечения... Ко всему прочему, в своих сентенциях Керни не дает хотя бы почувствовать, что отличает интеллектуала от писателя, философа, политического мыслителя, публициста. Кто угодно может оказаться интеллектуалом, — лишь бы его высказывания были оригинальными (но не значимыми) и как можно более расплывчатыми. Расширяя понятие интеллектуала до мудреца и пророчествующего мыслителя, довольно легко вывести обладающими столь широкими «полномочиями» людей весьма далеко за пределы политики; при этом «наращивание престижа» позволяет сделать статус интеллектуала предельно желанным, а при достижении его любые высказывания «философствующего монарха», «публичного мудреца» — интересными, оригинальными, свежими (но едва ли ответственными, убедительными, взвешенными, серьезными).

«Расширение» понятия интеллектуала, констатация некоторой «необязательности» его высказываний, «элитизация» и попытка навязывания образности и метафоричности, представление интеллектуала как своего рода софиста наших дней, — таковы тенденции тех (и наших) лет, ярко отразившиеся в интересной и без преувеличения замечательной и знаковой книге Р. Керни¹. В рассуждениях Керни и интер-

---

¹ Впрочем, что касается «расширения» смысла понятия «интеллектуал», — то возможность его, надо сказать, имплицитно заложена в самом слове; и тем не менее «расплывчатый» вид это понятие стало приобретать только с начала 70-х годов XX века, — а к концу 80-х — началу 90-х годов как-то вдруг стало ясно, что когда говорится «интеллектуал» — уже непонятно, что, собственно, говорится, и о ком идет речь; так что всякий раз, когда было необходимо дать четкое разъяснение, что имеется в виду под словом «интеллектуалы», авторам приходилось ссылаться на дело Дрейфуса, письмо-воззвание Эмиля Золя, выступления и политическую деятельность Жана-Поля Сартра и т.д.).

вьюируемых им мыслителей об интеллектуалах, с одной стороны, практически выпадают понятия долга, цели, ответственности, а с другой — значение слова «интеллектуал» расширяется так, что становится уже непонятно, о чем идет речь; и все это — отражение противоречий в понимании роли, задач и долга интеллектуалов, сложившихся на рубеже XX–XXI веков. Собственно, к этому времени слова «роль», «задача», «долг», «цель» — по отношению к интеллектуалам — стали употребляться все реже и реже, так что уже и не ясно, кем являются интеллектуалы сейчас — политическими мыслителями или доктринерами, суровыми критиками или безучастными (а то и «ангажированными» — совсем не в сартровском смысле) претворителями в жизнь сомнительных политических решений, выразителями устремлений или мечтаний, создателями или разрушителями ценностей; политическими комментаторами, соревнующимися, кто более интересно, необычно и красиво — и непременно используя как можно больше метафор — выскажется по текущим политическим событиям?

Но что же говорят сами «интеллектуалы в самом широком смысле слова», отвечая на вопросы Керни? — На вопрос «А что происходит сегодня с "европейским интеллектуалом"» отвечает американский интеллектуал палестинского происхождения, автор книги «Представления интеллектуала», Эдвард Саид (интервью датировано 1991 годом). Отвечает он, как и подобает интеллектуалу, разграничивая сущее и должное в этом понятии (точнее, в своем видении роли интеллектуала), — вот только раскрывая сущее, Э. Саид видит лишь негативные черты (что для него как для критика всего западного характерно); а говоря о том, кем интеллектуал должен быть, предлагает крайне расплывчатую формулировку (что очень характерно для 90-х годов XX века)¹. Весьма эмблематично также смешение политиче-

---

¹ В «Представлениях интеллектуала» Э. Саид говорит: «Я хочу сказать, что интеллектуалы — говорят ли они, пишут, преподают, выступают на телевидении — это личности с призванием к искусству представления. И это призвание важно до такой степени, что когда публично узнаваемый интеллектуал берет на себя ответственность, то идет на риск, и в этом смысле — уязвим» (*Said E.W. Representations of the Intellectual. The 1993 Reith Lectures. N.-Y., 1994. P. 12–13*). Надо сказать, что автор «Представлений интеллектуала» всячески отстраняется от рассмотрения политических аспектов роли интеллектуалов, используя различные возможности сосредоточиться на привходящих, подчас малозначительных моментах проблемы интеллектуалов. При этом сам Саид был отнюдь не чужд как политики (он — один из учителей Б. Обамы), так и политической критики (прежде всего в адрес Америки): так, у Динеша д'Сузы читаем: «В Колумбийском университете Обама обучался под руководством палестинского ученого и активиста Эдварда Саида. До своей

ской роли и политической игры в саидовском рассуждении по поводу «настоящего» европейского интеллектуала. Э. Саид утверждает: «В сознании американца и европейца понятие "интеллектуал" подразумевает "признанный профессионал", причем в "признании" акцент смещается в сторону властных структур, то есть принято считать, что заслуги и цель, к которой должен стремиться интеллектуал, неразрывно связаны с политической игрой — его роль состоит в том, чтобы формировать и определять политику, создавать общественное мнение». — Из сказанного не вполне ясно, кто перед нами — интеллектуал или политик, причем политик не очень идеальный. Но вот что Э. Саид полагает истинными свойствами, настоящими задачами интеллектуала: «На мой взгляд, интеллектуал прежде всего обязан углублять самосознание, осмысливать все изменения и проблемы в жизни общества и брать на себя ответственность за него»¹. Эта формулировка — квинтэссенция современного понимания (или лучше сказать, *современного непонимания*) роли интеллектуала. «Углублять самосознание» удобнее всего будучи отстраненным политиком², в уединении: так легче, надо полагать, осмыслить *все* проблемы общества, а затем взять на себя (также, видимо, *всю*) ответственность за него. Что означает последняя фраза Саида? Интеллектуал может (в наше время скорее: может, когда захочет) нести ответственность за свои идеи, мысли, которые он высказывает; за то, что написано им в его статьях, сказано в выступлениях и т.д. Но вот брать на себя ответственность за общество — задача и неосуществимая, да к тому же и совершенно непонятная.

смерти в 2003 г. Саид был активным критиком Америки — «...страны с историей уничтожения целых народов, стран, даже континентов — не менее трагического, чем холокост». Саид утверждал, что Америка после Второй мировой войны сменила Англию и Францию в роли мировой империалистической державы. Будучи палестинцем, Саид считал Израиль малой колониальной державой, а Америку — большой. Если Израиль был "Малым Сатаной", то Америка, соответственно, "Сатаной Великим"» (*Д'Суза Д.* Америка: Каким мир был бы без нее? М., 2015. С. 82).

¹ Саид Э. Европа и ее «чужие»: арабская перспектива // Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002. С. 51.

² Именно отстраненность Э. Саид и демонстрирует. «Казалось бы, — говорит Ральф Дарендорф, — Саид выступает против релятивизма мира, в котором полностью отсутствуют универсальные ценности, но отвечает на это тем, что возлагает на всех одинаковую вину. <...> Саиду удастся достичь полной отстраненности от всего на свете, даже как член Национального Совета Палестины он придерживается, по собственному выражению, "этих своих, может быть, слишком протестных позиций"» (*Дарендорф Р.* После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 130).

Начиная приблизительно с 70-х годов и в политической науке, и в публицистике, а также в дискуссиях и полемике возрастает влияние направления, можно сказать, «отрицания интеллектуалов». Это направление со временем практически подавило любые попытки хотя бы и в усеченном виде «оставить» для интеллектуалов некоторое место в обществе и политике, причем представители его подчас гораздо более агрессивны. Возьмем недавнюю книгу «Интеллектуалы с дудкой. Разоблачение магии профессионалов долга»¹, автор которой — Лука Мастрантонио, журналист из «Коррьере делла сера», — ставит цель показать, что никакого служения обществу современные интеллектуалы не несут, и вся их деятельность — не более чем отыгрывание *роли служителей* — для возвеличивания собственной значимости, рекламы себя и своих произведений. Интеллектуалы, — пытается доказать автор памфлета, — это «шоумены мысли», которые хотят «иметь роль любой ценой», служить самим себе, получая за свое служение «профит», «хорошо предсказывая, но плохо разбираясь в своих же пророчествах»; и все это — с одной целью — обеспечить и удержать для себя «место под солнцем». Обвинения Мастрантонио невняты и необоснованны, за ними стоит откровенная неприязнь; автор не утруждает себя сколь-либо значимыми пояснениями о природе политической роли интеллектуала, об истории интеллектуалов (попросту утверждая о «мутации» левых интеллектуалов — «левой-которой-больше-нет»); зато от «бескомпромиссной» критики нет спасения никому: в списке «обвиняемых» — и Умберто Эко, и Джанни Ваттимо, и Ориана Фаллачи, и Альберто Азор Роза, и многие другие обладатели, по выражению автора, «выгодного титула»². Всем им молодой критик-«разоблачитель» запрещает высказываться, выносить на суд читателей свои суждения, — непринужденно навешивая ярлыки и «предъявляя» разной степени тяжести

---

¹ *Mastrantonio L. Intellettuai del piffero: Come rompere l'incantesimo dei professionisti dell'impegno.* Padova, 2013.

² При этом среди интеллектуалов некоторые и в самом деле полностью соответствуют определению «шоумены мысли», — вот о них Мастрантонио почему-то не говорит. Эти интеллектуалы — А. Глюксманн и Б.-А. Леви. С самого начала группа «новых философов» была скорее театрализованным *представлением* (реклама и информационная поддержка, быстрая «раскрутка», «гастроли» и т.д.), нежели новым направлением философско-политической мысли или новым движением интеллектуалов. — Об этих «философах» речь впереди.

обвинения — в стремлении к известности, в потребности быть всегда на экране и т.п. Мастрантонио не утруждает себя разбором произведений, сопоставлениями с фактами и пр., его вердикт прост: раз интеллеktуал — значит виновен.

В том же стиле, что и памфлет Мастрантонио, написана также книга писательницы-психоаналитика Корин Мэйр «Интеллектуалоиды всех стран, соединяйтесь!» (2007)¹; в определенном смысле Мастрантонио следует именно «методологии» этой исследовательницы и публицистки из Бельгии: громче обвинения и «праведные» возмущения, ярче лозунги «даешь разоблачения!»; нововводимым понятием «интеллектуалоиды» (или «интеллектуалы группы Б») К. Мэйр предлагает заменить совершенно, по ее мнению, ушедшее в прошлое понятие «интеллектуалы». Ее книга посвящена исключительно французским интеллектуалам (хотя скорее мыслителем постмодернистского направления), однако выводы К. Мэйр распространяет на интеллектуалов в целом. Эпоха *maîtres-à-penser* (Мэйр датирует ее с середины 40-х и до начала 80-х годов XX века) для нее фатально и безвозвратно закончилась, и на смену настоящим интеллектуалам пришли те, кто имеет лишь *вид* интеллектуалов, — т.е. интеллектуалоиды, «побочные дети знания и опыта». В определенном смысле книга об «интеллектуалоидах» — одна из вариаций «Интеллектуальных уловок» Сокала и Брикмона² (К. Мэйр многим обязана этой работе, однако Сокал и Брикмон не делали из своих разоблачений таких необоснованных и далеко идущих выводов, как она), и в ряде моментов ее ирония и сарказм вполне уместны, но для нас важно отметить отрицание любой возможности «достойного существования» интеллектуалов в современности, равно как и непонимание автором принципа «политического интеллектуала».

Эти и им подобные произведения напоминают нашу мевшую в свое время книгу Пола Джонсона «Интеллектуалы. От Маркса и Льва Толстого до Сартра и Хомского» (1990)³, автор которой высказывает (а когда не получается — то и придумывает) «компрометирующие» факты; цель — внушить читателю, что интеллектуалам верить нельзя и они не нужны в принципе. «Вытаскивая нелепые, странные, неприглядные черточки характера, поступки, высказыва-

---

¹ Maier C. Intellettualoidi di tutto il mondo, unitevi! Milano, 2007.

² См.: Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2001.

³ Johnson P. Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky. N.-Y., 1990.

ния своих персонажей (язык не поворачивается сказать ”героев”), — пишет Л.А. Фадеева, — Джонсон стремится доказать, что такие люди не имели морального права оказывать влияние на других людей и на общество в целом»¹. Впрочем, странно было бы от яростного антикоммуниста, испытывающего ненависть и к Европе (к Франции в особенности), чего-либо иного.

Как видно, многие публицисты, исследователи и критики весьма склонны ставить задачу «дезавуирования», если не «разгрома» интеллектуалов, причем некоторые авторы при этом не вдаются в суть вопроса и включают в число интеллектуалов даже и тех политических мыслителей и деятелей, писателей, которые творили задолго до появления интеллектуалов как таковых вместе с самим этим словом. Рассмотренные в качестве примеров такого подхода произведения, надо сказать, отличает не столько непонимание, сколько какое-то агрессивное нежелание разобраться в базовой проблеме: кем, собственно, являются интеллектуалы и какова конкретно их роль в обществе и политике, чем она обоснована, как она развивалась и т.д. Авторы, подобные Джонсону, Мэйр и Мастрантонио, часто идут от обратного: тех, кто предназначен стать мишенью для их «критики», — «записывают» в интеллектуалы автоматически: действует как принцип «интеллектуал — значит виновен», так и в отдельных удобных для «разоблачителей» случаях, «получается» *vice versa* — «виновен — значит интеллектуал».

Среди обширной литературы, посвященной «закату интеллектуалов», немало и достаточно серьезных работ, авторы которых предпринимают попытки разобраться, в чем же причины упадка влияния этой некогда политически влиятельной группы. Так, достаточно интересна в этом плане книга Джанпаоло Фурджуэле «Интеллектуалы. Фиаско одного класса»². Представляя ряд интервью с современными интеллектуалами (как видно, жанр интервью в литературе об интеллектуалах — не редкость), автор, суммируя все доводы и мысли об интеллектуалах, приходит к печальному выводу: бывший универсальный, ангажированный интеллектуал ныне мутировал, исчез, так что говорить о его отношении к политике нет никакого смысла.

Известный публицист Александр Кустарёв в ряде работ, вошедших в сборник его статей, посвященный интеллигенции и интеллек-

---

¹ Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., 2012. С. 99.

² Furgiuole G. Intellettuali. Una débacle di classe. Conversazione con Alberto Abruzzese, Mirella Seri, Franco Ferrarotti, Erri De Luca. Roma, 2014.

туалам, — «Нервные люди» — резюмирует некоторые критические исследования западных ученых по проблеме интеллектуалов, не обходя вниманием и мнения, высказанные в полемике по данному вопросу. Критик констатирует, что исследователи с некоторых пор стали сомневаться не только в познавательной ценности понятия «интеллектуал», но даже и в его научности, признавая этот термин разве что в поверхностном смысле, но не как наименование конкретной социальной группы. При этом А.С. Кустарёв, отмечая путаницу понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция» в современной литературе, приходит к выводу, что «интеллигенция (интеллектуалы) — это прежде всего некая *виртуальная референтная группа*, определяемая по-разному теми, кто хочет к ней принадлежать, и теми, кто не хочет к ней принадлежать»¹. Иными словами, «интеллектуалы» — это не название группы, наличествующей в обществе, но скорее «социальный определитель», один из многих в ряду похожих социальных определителей, которые «употребляются в целях положительной самоидентификации и негативной стигматизации, как ярлыки в политической борьбе, как содержательно-типологические обозначения объектов (*targeted groups*) политического манипулирования или маркетинга». — Эти социальные определители, подчеркивает А.С. Кустарёв, «используются инструментально в ходе социальных конфликтов, политической борьбы, статусно-культурной экспансии, экономической конкуренции и компенсаторной мифологии»². Вот примеры подобных социальных определителей, которые дает Кустарёв: «джентльмен», «буржуа (буржуй)», «мещанин», «люмпен», «интеллектуал», «профессионал», «менеджер», «новый русский» и т.д.

Ясно, что при таком понимании вопрос об отношении интеллектуалов к политике невозможно даже и поставить! По поводу соотношения понятий «интеллектуалы» и «интеллигенция» Кустарёв также настроен критически. Несмотря на то, что различие имеется³, — автор «Нервных

---

¹ Кустарёв А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М., 2006. С. 240. О референтных группах пишет А.С. Панарин: «В социологии есть понятие референтной группы: это группа, в число которой другие хотели бы попасть, эталоны поведения и ценности которой они активно заимствуют. <...> При этом вовсе не обязательно, чтобы представителей референтных групп любили — их нередко недолюбливают; главное то, что в сравнении с ними возникает комплекс лишенства и неполноценности» (Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? М., 1996. С. 37).

² Кустарёв А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М., 2006. С. 240–241.

³ И оно автором признается: «Можно считать, что понятие "интеллектуал" — это функционально-ролевое определение, а не профессионально-цензовое. <...> За понятием же "интеллигенция" можно оставить именно значение профессионально-

людей» настаивает на том, что «понятия "интеллигенция" и "интеллектуалы" не есть легальные конструкты. Поэтому они открыты для контроверз, а эти контроверзы, в свою очередь, не дают установиться никакой конвенции. Понятия "интеллигенция" и "интеллектуал" — зона неустойчивых конвенций. Это зона, так сказать, фатальной недоговорённости в обществе»¹. (Здесь, конечно, нельзя не согласиться с Л.А. Фадеевой, которая, анализируя проблему дефиниций интеллигентов и интеллектуалов (по ее словам, «эти понятия используются в разных смыслах в зависимости от исторического и странового контекста»), справедливо утверждает: «Их влияние и миссия ставится под сомнение, причем прежде всего в их собственной среде обнаруживаются самые жесткие критики прежних властителей дум, которые ставят под сомнение не только предлагаемые теми принципы, идеалы, варианты общественного обустройства, но и роль, позиции, нередко — само существование интеллектуалов/интеллигентов»².)

Некоторые исследователи проблемы «заката интеллектуалов» демонстрируют превосходное владение предметом, знание проблематики в ее историческом развитии, — и тем интереснее, что эти авторы предлагают рассматривать в качестве причин «исчезновения» интеллектуалов. Возьмем совсем свежую книгу — «Как окончили свой путь интеллектуалы?» Энцо Траверсо — книгу-диалог ученого-историка и исследователя политических доктрин, работающего во Франции, с французским журналистом и антропологом Режи Мейраном³. Помимо обычных, классических причин «угасания» интеллектуалов и их замещения экспертами в «постидеологическую эпоху», эпоху «конца метанарратива» — это «конец утопий XX века», «консервативный поворот 80-х годов», «коммерциализация культуры», «разочарования одного поколения» и пр. (многие из этих причин выявлены скорее по принципу одновременности, а не из отношений следования, иные — попросту *принято считать причинами* «конца интеллектуалов»), — Э. Траверсо связывает уход интеллектуалов с распространением в политической теории и проникновением в поры власти и масс-медиа принципов неолиберализма, что породило, по выражению автора, «*нео-антиинтеллектуализм*». Определенные

цензовой категории — наподобие "белых воротничков", "средних слоёв" или "служащих"» (Кустарёв А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М., 2006. С. 240).

¹ Кустарёв А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М., 2006. С. 240.

² Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., 2012. С. 7.

³ Traverso E. Où sont passés les intellectuels? P., 2013; Итальянское издание: Traverso E. Che fine hanno fatto gli intellettuali? Conversazione con Régis Meyran. Verona, 2014.

политические силы стремятся избавиться от интеллектуалов; эти новые силы и акторы политики также отстраняются от культуры, отрицают культуру, воспринимают ее как балласт, излишнее бремя¹, — вместе с интеллектуалами, ее представителями и защитниками, с дискуссиями, журналами, полемическими противостояниями, — все это только мешает осуществлению планов «новой меритократии». Итальянская исследовательница современной истории Наталина Лодато в своей рецензии на книгу Э. Траверсо пишет: «Автор умело вскрывает характерные черты современного антиинтеллектуализма, показывая его взаимосвязь с неолиберальным принципом управляемости политики: речь идет, таким образом, о нео-анти-интеллектуализме, который вторгается в общественный дискурс, деформируя представления об интеллектуале-критике, внушая образ окаменевшего консервативного ретрограда; базовая же установка тех, кто стоит за внедрением подобных принципов, — нейтрализация любых мнений, выражающих несогласие с новыми веяниями». — Что же касается проблемы «замены» интеллектуалов, то «новая меритократия» представляет стандартный набор «приемлемых» для общественного мнения фигур — «эксперты, технократы, полностью лишённые критического мышления»².

Этот аспект — интеллектуалы, взятые во взаимосвязи с культурой, — весьма важен, и формулировка исследователя достойна того, чтобы заострить на ней внимание: культура стоит на пути у «нео-антиинтеллектуалистов», а вовсе не глобализируется, как это часто говорится; при этом все, что не вписывается в их культурно-глобализаторские планы, — вызывает у представителей «новой меритократии» крайнее раздражение и желание избавиться от подобных «препятствий». В этом плане очень сильно, как говорят, «не в бровь, а в глаз», в адрес политики и политиков «новой меритократической волны» высказался математик, философ, профессор философии науки Миланского университета Джулио Джиорелло. На вопрос «Как обстоит дело с культурой в Италии? Глядят ли итальянские интеллектуалы в зеркало, спорят ли еще о своем ремесле?» в своем интервью «Интеллектуалы живы, зато политики — зомби» профессор Джиорелло ответил так: «По моему впечатлению, не культура лише-

---

¹ *Traverso E.* Che fine hanno fatto gli intellettuali? Conversazione con Régis Meyran. Verona, 2014. P. 53.

² *Lodato N.* L'eclissi degli intellettuali. Recensione a *Che fine hanno fatto gli intellettuali?* di Enzo Traverso. 14 aprile 2014 // www.lavoroculturale.org/leclissi-degli-intellettuali.

на ”жизненности”, а наоборот — политика стала безжизненной, плоской. В кризисе — не культура, а каста политиков, которая ничего не производит, кроме пошлостей. Нет ничего нового, ни правых, ни левых... Возлагать ответственность за эту пустоту на интеллектуалов — слишком легкий путь!»¹.

Анализируя другие концепции исчезновения интеллектуалов, можно остановиться на интересной по форме, достаточно ценной в научном отношении, и весьма при этом симптоматичной работе Томаса Малдонадо, аргентинского философа и публициста, — книге об интеллектуалах второй половины XX века — «Что такое интеллектуал? Приключения и злключения одной роли». Универсальных, политически ангажированных интеллектуалов он называет интеллектуалами-жрецами, — это отчасти торжественное определение соответствует фукольдианскому «универсальному интеллектуалу» (знаменитое противопоставление l'intellectuel universel и l'intellectuel spécifique²). Эта фигура интеллектуала-жреца имеет свою историю (и здесь Т. Малдонадо поднимает все прежние концепты «людей письма» — *hommes de lettres, men of Knowledge, Männer des Geistes*,

---

¹ Giulio Giorello: «Gli intellettuali sono vivi ma i politici sono zombie». Il filosofo replica a Doninelli e Cacciari sulla crisi del pensiero e dell'Università nel nostro Paese / L'Intervista. Il Giornale. Martedì. 11.11.2008 // rassegnastampa.unipi.it/rassegna/archivio/2008/11/11SI82205.PDF. Под тем же углом зрения анализирует американскую внутреннюю и внешнюю политику культуролог и специалист в области образования Анри Жиру в своей книге «Зомби-политика и культура». Констатируя, что «критическое мышление сегодня считается опасным, тревожным и подвергается государственному преследованию», а «искусственное невежество превратилось из недостатка в достоинство», ученый говорит: «Интеллектуалы (автор имеет в виду образованных, критически мыслящих людей — А.Н.) в слишком многих общественных сферах либо стали неэффективными, либо продались. Высшее образование — это больше не соль земли. Оно превратилось в корпоративный совет директоров/фабрику... В то же время, более обширная культура тонет в потоке консюмеризма и идиотского поклонения знаменитостям» (*Жиру А.А. Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма. Харьков, 2015. С. 24–25*).

² Жерар Може пишет, что «образу, который утвердился в эпоху Золя и защитников Дрейфуса... Мишель Фуко противопоставляет ”специфического интеллектуала”. По Фуко, ”универсальный интеллектуал” XIX и начала XX веков — по преимуществу писатель, ”носитель значений и ценностей, в которых все могли узнать себя”, — был производным от человека, следующего закону, от того, кто ”власти, деспотизму, заблуждению, высокомерию богатства противопоставляет универсальность правосудия и справедливость идеального закона”» (*Може Ж. Социологическая ангажированность // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН / Отв. ред. Н.А. Шматко. СПб., 1999. С. 296*).

philosophes, и пр.), но, по Малдонадо, в контексте левых политических движений после Второй мировой войны интеллектуал становится прежде всего тем, кто «занимает позицию (или, по крайней мере, так считают, что он делает) по самым разным вопросам политической жизни»¹.

Ключевое свойство политически ангажированного интеллектуала — то, что Малдонадо называет «гетеродоксия», *разномыслие*, и это свойство объединяет интеллектуалов разных времен: «Призвание этих людей — всегда не соглашаться, спорить, мыслить разным образом»². Разномыслие, инакомыслие — без этого непредставима идейная жизнь демократического общества; так, известный экономист, публицист и критик Уильям Истерли в работе «Тирания экспертов» приводит суждение Фридриха фон Хайека, который «утверждал в ”Дороге к рабству”, что для полноценной ”умственной жизни” требуется несогласие с общепринятым мнением: ”И пока в обществе не подавляется инакомыслие, всегда найдется кто-нибудь, кто усомнится в идеях, владеющих умами его современников, и станет пропагандировать новые идеи, вынося их на суд других. Этот процесс взаимодействия индивидов, обладающих различным знанием и стоящих на разных точках зрения, и является основой развития мысли”»³.

---

¹ Maldonado T. Che cos'è un intellettuale. Avventure e disavventure di un ruolo. Milano, 1995. P. 16.

² Maldonado T. Che cos'è un intellettuale. Avventure e disavventure di un ruolo. Milano, 1995. P. 25.

³ Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М., 2016. С. 67–68. Надо заметить, впрочем, что при всех заявлениях такого рода Хайек фанатично отстаивал принципы ультралиберализма — настолько, что был чужд в этом плане любого *инакомыслия*. При этом «бескомпромиссный либерал» очень не любил тех, кого называл «интеллектуалами», — и если с определением этого слоя у него возникали проблемы («торговцы подержанными идеями», «любители», оценивающие все «под углом некоторых модных идей», «класс с курьезными притязаниями» — Хайек Ф. Капитализм и историки / Б. де Жувенель, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, Т. Эштон. Челябинск, 2012. С. 231–236), то причину своего негативного отношения Хайек не скрывал: это — их чрезмерное влияние на общественное мнение и «социалистические спекуляции», склонность к социалистическим концепциям и доктринам. Превознося «профессионалов и экспертов», Хайек относится к интеллектуалам с плохо скрываемым раздражением: «Неудивительно, что настоящий ученый, или эксперт, или деловой человек, нередко относящийся к интеллектуалам с чувством брезгливости, склонны отрицать их влияние и бывают возмущены, обнаружив, что это не так. Профессионал понимает, что большинство интеллектуалов — это люди, которые ничего не знают достаточно хорошо и суждения которых по вопросам его профессии обычно не отличаются особой мудростью. Но было бы фатальной ошибкой по этой причине недооценивать влияние интеллек-

Малдонадо крайне осторожно говорит об исчезновении интеллектуалов, допуская утрату ими некоторых функций, или же предполагая, что какие-то из этих функций изменяются, заменяются на другие, — по сути, оставляя вопрос открытым. Что же касается причин «ослабления» функций интеллектуала (а в этом сомнений нет) — то философ предлагает стандартный их набор: маргинализация интеллектуалов происходит прежде всего из-за кризиса политического участия, понимаемого ранее как долг, служение, борьба и отстаивание интересов; этому сопутствует кризис идеологий и универсальных проектов коллективного подъема (массы уходят из «политики участия»), — и на все это накладывается возрастающее унифицирующее влияние масс-медиа. Гетеродоксия явно не соответствует новым веяниям, — отсюда ясно, что многие функции интеллектуалов становятся ненужными (а то и опасными). В этом плане небезынтересно вспомнить определение, данное интеллигенции видным большевиком, публицистом и литературным критиком, дипломатом В.В. Воровским. «Идейный парламент» — так он называл интеллигенцию, подразумевая под этим «идейным парламентом» некое собрание, где «представители различных классов входят во всевозможные группировки, соответственно тому, как группируются интересы пославших их классов»¹, акцентируя строго классовую заданность.

туалов. Хотя их знания, как правило, поверхностны, а интеллект ограничен, это не отменяет факта, что именно их представления решающим образом влияют на взгляды, исходя из которых будет действовать общество в не столь отдаленном будущем» (С. 236). К ультралиберальной концепции Хайека мы еще вернемся.

¹ *Воровский В.В.* Представляет ли интеллигенция общественный класс // Воровский В.В. Русская интеллигенция и русская культура. Харьков, 1923. С. 159. Интеллигенция, по мнению Воровского, не является классом, — соответственно, в целом, как социальная группа, не может иметь общих интересов: «Интеллигенция, как группа, безусловно, не имеет "тождественных хозяйственных интересов", а также лишена "сознания общности задач" (в силу отсутствия общности задач). Напротив, как раз по этим двум вопросам ведется самая отчаянная классовая борьба внутри интеллигенции...» (С. 158). Однако, подводит итог В.В. Воровский, «так как сферой деятельности интеллигенции является умственный и идейный труд и ей приходится, в силу этого, формулировать в виде идеологических требований насущные общественные запросы соответственных групп и классов, то эта формальная общность создает фикцию реальной общности интересов всей интеллигенции или значительной ее части» (С. 159). Таким образом, интеллигенция не может иметь собственной партии (или, иначе, из затей иметь свою партию ничего не может выйти), хотя на протяжении всей истории интеллектуалов достаточно часто поднималась именно проблема «партии интеллектуалов»: в самом деле, почему бы им, как политическому авангарду всей интеллигенции, не осуществлять свою «функцию авангарда», включая и политическое представительство, подобно тому как коммунисты были авангардом рабочего класса. Однако история показала, что вследствие

Мы, конечно, можем (и не без оснований) вложить в это же выражение несколько иной смысл: как сейчас говорят, «площадка дискуссий», партийно-политический полемический форум, где представители интеллигенции выдвигают разные мнения по самым разным вопросам (прежде всего — политическим), включившись в полемику, споры, дискуссии. Понятно, что в любом парламенте, тем более идейном, будут различные группы, группировки, отряды, партии, подразделения и т.п.

Разбор многочисленных концепций, взглядов и мнений по поводу ухода (исчезновения, *истончения*, смерти, *исхода*, *умаления*, заката, — здесь разные авторы используют весь этот семантический спектр) интеллектуалов показывает, что проблема эта не решена до конца, — да и не может быть разрешена, так как окончательный вердикт невозможен: сказать *интеллектуалов больше нет* мы не можем, но и утверждать, что *интеллектуалы и по сей день в силе* — аналогично нельзя однозначно. Достаточно легко обосновать и проиллюстрировать как одну, так и другую позицию по этому вопросу, — и во многом это будет зависеть от симпатий или же антипатий выносящего вердикт (причем вторая позиция может быть обоснована более сильно). Однако важно отметить при всем этом, что в настоящий момент присутствие интеллектуалов — в таком понимании этого слова, которое отсылало бы нас ко временам зарождения этой политически активной группы, своего рода авангарда интеллигенции, то есть к событиям вокруг знаменитого дела Дрейфуса (и в этом смысле интеллектуалы действовали и «были в силе» — и этот факт не оспаривается — до конца 60-х — второй половины 70-х годов XX века, если не дольше), — представляется во многом сомнительным: не к кому обратиться за прояснением политических событий, за комментариями и объяснениями истинных причин того или иного процесса, за прогнозом развития различных тенденций; никто не «травмирует» чувствительное общественное мнение резкими выпадами против власти, разоблачениями и призывами. Вряд ли мы прочитаем в ближайшее время какое-либо *воззвание* интеллектуалов, сопоставимое по силе с манифестом «Я обвиняю!..» Эмиля Золя. При этом нельзя сказать, что интеллектуалы молчат, скорее дело в особой направленности масс-медиа и в установках тех, кто *направляет* медийную по-

---

принципиальной политической «несогласованности» (той самой *гетеродоксии*, *dōxa* — мнение, или также, в некотором смысле, *позиция*) интеллектуалов те их объединения и союзы, которые могли бы теоретически соответствовать определению «партия интеллектуалов», были недолговечны, и по причине вечных споров, диспутов и столкновений мнений (разных «докс») распались, рассеивались...

литику. Если выступлениям интеллектуалов не будет придана значимость, их авторитет не будет признан на достаточном для сколь-либо заметного *влияния* уровне, а общественность не будет проинформирована об их выступлениях или манифестах, которые можно писать сколько угодно, — то какой тогда смысл в их существовании?

В наши дни больше нет (или представляется, что нет) «обратной связи» общества и интеллектуалов¹, со стороны общественности не поступает *запрос* на книги, статьи, выступления (если угодно, политическое «судейство», политические «вердикты») интеллектуалов; однако при этом следует иметь в виду, что в «эпоху глобализации» общественные запросы являются объектом формирования и контроля, так что «проблема отклика» должна быть поставлена в связь с управляемостью масс-медиа и в конечном счете с «управляемостью демократии». Исходя из этого, будет не совсем правильным решением возложить вину за падение значимости, «широковещательности», авторитета, «эффективности», и если угодно, силы, — на самих интеллектуалов, каким бы образом эта группа ни была определена (вспомним слова Джулио Джигорелло). Более того, возвращаясь к тому, с чего мы начали, следует все же признать, что не только интеллектуалы-«бронтозавры» действуют в наши дни: существуют также и *группы интеллектуалов*, серьезно работающие над проблемами политики, исполняя свой «долг интеллектуалов» в старом, классическом, «универсалистском», если угодно, ключе (пусть они и малочисленны, и не фигурируют в новостях). Исходя из этого можно выразить надежду на будущее возрождение величия интеллектуалов, новый подъем их авторитета как если и не монолитной, то по крайней мере достаточно сплоченной группы.

Интеллектуалы в 80-х годах XX века

Если говорить о французских интеллектуалах, то более или менее правдоподобно начало их «ухода» можно датировать с середины 70-х по середину же 80-х годов, — за эти десять лет влияние интеллектуалов во французском обществе заметно уменьшается. При этом

---

¹ В самом деле, если даже интеллектуалам есть что сказать, необходимо, чтобы были и те, к кому нужно (и можно) обратиться. Этот момент отмечал Юрген Хабермас, подчеркивая, что «интеллектуалы, оказывающие с помощью риторически заостренных аргументов влияние на общественное мнение, нуждаются в общественности — бодрствующей, информированной, способной на отклик» (Цит. по: *Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М., 2012. С. 67*).

симпатии к Америке и американизму (само слово родилось во Франции¹), наоборот, возрастают; антиамериканизм «выходит из моды», и уже к концу 80-х годов «во Франции усилился крен общественных вкусов в сторону американских ценностей»². Если «пиком антиамериканизма во Франции была эпоха Картера — вторая половина 1970-х годов», — пишет Б.В. Дубин, — то «в 1980-х годах он сменяется своеобразной ”рейганоманией”», причем «подобные сдвиги характерны как для интеллектуалов, так и для населения в целом»; и этапной в этом плане, продолжает исследователь, «представляется книга Жана Бодрийяра ”Америка” (1986)», в которой США предстают в качестве воплощенной утопии, «доводящей до предела тенденции, движущие собственно европейскими культурами в современную эпоху»³. Ослабление интенсивности антиамериканских настроений во

---

¹ Как отмечает Б.В. Дубин, слово «американизм» как «склонность ко всему американскому» впервые зафиксировано в 1863 году в словаре Ларусса (см.: Дубин Б.В. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М., 2004. С. 292).

² Косенко С.М. О франко-американских противоречиях в области культуры // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 105. Как тут не вспомнить яркие и яростные (и справедливые!) антиамериканские выпады и пассажи Сартра — «Осторожно, Америка взбесилась!» (Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 342). В своем выступлении в Институте философии АН СССР во время одного из своих визитов в нашу страну он сказал: «В настоящее время Франция является покорным рабом, подчиненным американскому порядку, американскому империализму, который стремится разрушать и уничтожать повсюду национальные структуры» (Долгов К.М. О встрече с Жаном-Полем Сартром и Симоной де Бовуар // Долгов К.М. Философские измерения политики, дипломатии и культуры. Том IV: Культура и современность. М., 2007. С. 284).

³ Дубин Б.В. Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М., 2004. С. 293–294. Конечно, этот текст Бодрийяра не следует понимать и принимать буквально; философ говорит вовсе не о США как «государстве в Северной Америке», но об идеальной, постигаемой особым видением Америке; в любом случае, Жан Бодрийяр — совершенно не проамериканский интеллектуал и философ (а после его комментариев по поводу 11 сентября 2001 года его стали обвинять в антиамериканизме — об этом см.: Дьяков А.В. Жан Бодрийяр собственной персоной // www.vshm.science/blog/aleksandr-dyakov). Рассуждая о распространении «нового порядка», глобализации и «триумфе» демократии в XXI веке, Бодрийяр говорит: «...Мы попадаем в систему либерализации диктаторского типа, применительно к ней можно даже говорить о терроризме. Нам все время твердят о преимуществе демократических ценностей над ценностями интегризма, но сама либеральная система, сам новый мировой порядок профессионалов, которые утверждают его от имени либерализма, — система террористическая» (Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 64).

Франции отмечает и Пол Холландер, связывая это явление с коммунизмом и левыми интеллектуалами и делая акцент на культурной направленности антиамериканизма во Франции¹.

Можно согласиться с Т. Голиченко, которая в своей известной статье утверждает, что «после расцвета и апогея, а затем и заката (середина 1970-х — начало 1980-х годов) эпохи ”ангажированных интеллектуалов” (символическая ”смерть” которых, собственно, совпала с уходом из жизни А. Мальро, Ж.-П. Сартра и Р. Арона) их роль в обществе и интерес общества к ним значительно померкли»². С другой стороны, нельзя не отметить — и опять же вместе с Т. Голиченко — что предполагаемое время «заката» интеллектуалов логично совпадает с началом изучения их в качестве уже объекта новых наук — истории интеллектуалов и интеллектуаловедения: «...Только в 1986 году выдающийся французский историк Франсуа Сиринелли в журнале ”Vingtième Siècle” (Двадцатый век) опубликовал статью ”Случайность или необходимость? Историческая стройплощадка: история интеллектуалов”, в которой сформулировал основы новой области исследований и причины, которые обусловили ее необходимость. Таким образом, определение и признание истории интеллектуалов как особой сферы исследований, но с весьма прозрачными дисциплинарными рамками, даже во Франции — стране, где интеллектуалы традиционно имеют особый статус, — датируется всего лишь серединой 80-х годов прошлого века...»³. Своеобразным «памятником» интеллектуалам стал монументальный (в издании 1996 года — свыше 1200 страниц) «Словарь французских интеллектуалов: Люди. Места. События» под редакцией Мишеля Винока и

---

¹ «Французский антиамериканизм, — пишет исследователь, — хотя и потерявший долю былой интенсивности в 1980-е гг., был достаточно широко распространен на протяжении всего периода после Второй мировой войны и особенно в 1960–1970-е гг. Он был тесно связан с французской компартией, симпатиями к Советскому Союзу и взглядами и убеждениями в целом монолитного слоя левых интеллектуалов. Самым главным его компонентом было презрение к американской культуре. Именно культурный антиамериканизм оставался наиболее ярко выраженным подвидом среди проявлений французского антиамериканизма и продолжал существовать, даже когда политические его виды атрофировались» (*Холландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный*. СПб., 2000. С. 698).

² *Голиченко Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2. С. 47.*

³ *Голиченко Т. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2. С. 43–44.*

Жака Жюлиара (в подготовке издания приняла участие и Жизель Сапиро)¹.

Итак, 80-е годы стали тем рубежом, который знаменует «закат интеллектуалов» во Франции, и с этим согласны многие исследователи. Так, анализируя историю французских интеллектуалов и констатируя сложившуюся во Франции своеобразную «диктатуру интеллектуалов», С.Г. Айвазова приводит утверждение известного журналиста, политического публициста Алена Дюамеля, полагавшего, что «ангажированность или пристрастие интеллектуалов к политике составляет совершенно особую традицию французской политической жизни», причем «политические деятели не только не оспаривали, но даже по-своему поддерживали эту традицию. Для придания большего веса и авторитета своей личности они и сами старались обзавестись репутацией интеллектуала». — Однако, пишет С.Г. Айвазова далее, «это положение сохранилось вплоть до начала 80-х годов, когда под воздействием глубокого экономического кризиса в обществе стали утверждаться ценности либерализма и индивидуализма. Они нанесли тяжелый удар по прежним идеалам французской интеллигенции, которые потеряли под этим натиском былую привлекательность»².

В начале XXI века во Франции продолжились дискуссии о «закате интеллектуалов». В работе «Герцоги республики»³ Д.Р. Хапаева разбирает различные мнения об интеллектуалах, высказанные самими

---

¹ См.: Dictionnaire des intellectuels français: les personnes, les lieux, les moments / J. Julliard et M. Winock (dir.); P. Balmand, Ch. Prochasson, G. Sapiro (collab.). P., 1996 (переиздания — 2002, 2009).

² Айвазова С.Г. Французы и политическая власть. Французские социологи об особенностях политического устройства своей страны // Франция глазами французских социологов / Отв. ред. В.Н. Фомина, С.А. Эфилов. М., 1990. С. 25.

³ Название работы отсылает к пассажу из Пьера Нора, который автор использует в качестве эпиграфа, — о том, что «слово "интеллектуал" возникает во Франции во время дела Дрейфуса, а именно тогда, когда аристократия окончательно лишилась политической власти, которой она обладала до начала III Республики», — так «интеллектуалы рождаются в тот момент, когда герцоги утрачивают свое значение и роль для республики»; соответственно, «интеллектуалы — это прирожденные герцоги республики» (Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 13). Интересную мысль о связи интеллектуалов и аристократии мы находим у французского философа Филиппа Лаку-Лабарта, который объясняет высокий статус интеллектуалов во Франции так: «Возможно, это связано с тем, что во французском обществе королевская функция еще не совсем отмерла, в то время как в культурах более либеральных и децентрализованных, например, в американской, английской, да и в современной немецкой, фигура интеллектуала не становится рупором чего-то крайне важного для всех» (цит. по: Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 86).

интеллектуалами и представителями социальных наук Франции в начале XXI века, констатируя положение, при котором мало кто из серьезных ученых или интеллектуалов хотел бы, чтобы его называли *современным* интеллектуалом. Так, Пьер Нора, Мишель Винок, Оливье Монжен — люди, которые «всеми единодушно признаются французскими интеллектуалами, и даже интеллекратами», — «выступают против попыток отождествить их с нынешними французскими интеллектуалами». — Современный интеллектуал — это прежде всего «*медиатизированный интеллектуал*», главный недостаток которого состоит «в забвении как научных, так и интеллектуальных интересов ради успеха у массового зрителя и слушателя, успеха, которого приходится добиваться ценой профанации собственных идей». — Мишель Винок ставит под вопрос легитимность существования медиатизированных интеллектуалов, так как «в отличие от интеллектуалов прошлого, таких как Сартр, Фуко и даже Бурдьё, за которыми стояли большие сочинения, эти интеллектуалы известны исключительно благодаря их умению выступать перед телекамерой или на радио»¹.

В мае 2000 года, рассказывает Д.Р. Хапаева, в продолжение полемики, ознаменованной выходом работы Р. Дебре «Французский интеллектуал»², вышел специальный номер журнала «Le Débat», посвященный

---

¹ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 38–42. Конечно, не все согласны принять эти аргументы (многие из которых и в самом деле совершенно бездоказательны и являются скорее мнениями, составленными исходя из общих впечатлений и эмоций). Так, отмечает Д.Г. Хапаева, Жак Жюльяр, историк, журналист, обозреватель «Нувель Обсерватор», полагает, что интеллектуалы в XXI веке не утратили своей сути, но скорее, наоборот, получив свободу от партийности и иных соблазнов XX века, — теперь «готовы выступать не от имени определенной политической партии, но во имя великих универсальных ценностей — справедливости, свободы, прав человека» (С. 48).

² См.: Debray R. I. F. suite et fin. P., 2000. «Вкратце аргументы Р. Дебре, — пишет Д.Р. Хапаева, — можно представить следующим образом. Великих интеллектуалов больше нет. После смерти трех великих — Жана-Поля Сартра, Раймона Арона, Мишеля Фуко — не осталось никого, кроме эпигонов. В своей книге Дебре рисует коллективный портрет медиатических интеллектуалов, не сходящих с экранов телевизоров и передовиц газет. Их имена знают все, но, в отличие от великих интеллектуалов прошлого, на их счету нет ни выдающихся достижений, ни значительных теорий. <...> Те же, кто называют себя интеллектуалами... приобрели известность исключительно благодаря своей фотогеничности и остроумию, но за ними не стоят ни самостоятельные теории, ни признание их выдающихся заслуг» (Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 47). Конечно, работа Р. Дебре полна необоснованных обобщений и противоречий, однако довольно симптоматична; критик легко смешивает «авторов теорий» и интеллектуалов; выступления в СМИ современного интеллектуала приравниваются к признанию его «медиатизированным»; во

теме «заката интеллектуалов» во Франции. Пьер Нора констатирует, что «интеллектуал перестал восприниматься французским обществом как идеальное воплощение "французского духа"», с ним в целом согласен и М. Винок. — «Больше того, по мнению и Винока и Нора, современное общество больше не нуждается в интеллектуале... Отпала всякая необходимость в существовании интеллектуалов как привилегированной группы людей, говоривших от имени тех, кто не мог самостоятельно отстаивать свои интересы; с другой стороны, средства массовой информации стали орудием профанации дискурса интеллектуалов, заставляя их примеряться к потребностям и возможностям восприятия массовой аудиторией»¹. Итак, согласно этим авторитетным мнениям, интеллектуалы как обладатели морального авторитета и политическая сила — ушли в прошлое; на смену «классическим» (универсальным, политическим, ангажированным) пришли медиатические интеллектуалы (или интеллектуалоиды), — таким образом, к началу XXI века «закат интеллектуалов» можно признать состоявшимся².

Авторитет интеллектуалов, обусловивший политический эффект их выступлений в деле Дрейфуса и во многих политических баталиях XX века, — тот авторитет, который базировался, по мнению Жюльена Бенда, на нравственной силе их манифестов, получивших моральную поддержку демократических сил французского общества, — ныне считается принадлежностью прошлого, причем достаточно далекого прошлого, если считать начало глобализации одновременно и начальным моментом «ухода» интеллектуалов. «Сам этот авторитет, — писал Ж. Бенда в 1927 году, — в истории явление новое, во всяком случае в его нынешних масштабах. Я не нахожу в прошлом аналогов того эффекта, какой произвело во Франции вмешательство "интеллектуалов" в дело Дрейфуса... Невозможно представить себе, чтобы Римскую республику в ее агрессии против Карфагена укрепила моральная поддержка Теренция или Варрона или

многом автор пристрастен, причем настолько, что готов и себя причислить к эпигонам, лишь бы доказать «факт ухода» интеллектуалов.

¹ *Ханаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 49.

² Закат — но не исчезновение: время от времени происходят своего рода «всплески» выступлений и, соответственно, полемики, — интеллектуалы показывают, что не собираются покидать арену политических дискуссий: так, в 2002 году вышел специальный номер журнала французских левых интеллектуалов «Линии» («Lignes»), основатель и редактор — Мишель Сюриа), посвященный интеллектуально-политическому осмыслению 11 сентября (см.: Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября 2001 глазами французских интеллектуалов / Специальный номер журнала «Линии». М., 2003).

чтобы правительству Людовика XIV, ведущему войну с Голландией, дало дополнительные силы одобрение Расина или Ферма¹. Что и говорить, и теперь ничего подобного нельзя представить! Более того: и эти события в наши дни крайне трудно даже понять, — они кажутся чем-то вроде эпоса, верить которому как-то нелепо, да и не нужно. Тот «жар политических страстей», который был вызван «в артериях Франции» (Р. Роллан) письмом Золя в защиту Дрейфуса, ныне, в самом деле, представить нелегко², а пафос манифестов интеллектуалов — увы! — непросто воспринимать серьезно в нынешнюю «эпоху глобализации», когда интеллектуалы, если судить о них по масс-медиа, исполняют скорее декоративную функцию — пророков или жрецов истины из какой-то глубокой древности, которые могут царствовать, но не править; «пророчествовать», выступая разве что в качестве живых экспонатов древности (вроде бронтозавров, по выражению Альберто Азор Розы³); или же в качестве дополнения к реальным акторам политики, — самим политикам и их think tanks.

В наше время, «в условиях постдискурсивного общества» (Борис Гройс) — «нас больше интересует, какой годовой доход интеллектуала с его критическим дискурсом. Интеллектуал, писатель, художник воспринимаются сегодня как мелкие предприниматели. Критический дискурс, в случае, если они его практикуют, понимается как дополнительная реклама их продукции. Нас уже не занимает вопрос об истинности дискурса — нас интересует исключительно его финансирование и приносимая им прибыль. Если бы Золя опубликовал сегодня "J'accuse", тут же возник бы вопрос, как эта публикация повлияет на тираж его сле-

---

¹ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2009. С. 217.

² Итальянский политик и журналист, бывший член Итальянской компартии, Фердинандо Адорнато, утверждая об уходе интеллектуалов из политики и в принципе с исторической сцены, обосновывает это утверждение именно отсутствием реакции со стороны интеллектуалов на острые события времени, и в качестве одновременно примера и точки отсчета «исчезновения» приводит эмблематичный случай — «дело Рушди» (1988): не было ни массовых выступлений интеллектуалов, ни громких манифестов, — они не показали себя как политическая сила, стоящая на страже истины и справедливости (см.: *Adornato F. I crimini di una classe. Inroduzione // Sartre J.-P. Difesa dell'intellettuale. Roma-Napoli, 1992.* Об этом см. также диссертационную работу итальянской исследовательницы Роберты Рива: *Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità. Tesi di Laurea in Filosofia. Laureando Roberta Riva. Università Ca'Foscari. Venezia. Anno Accademico 2011/2012.* P. 106–107; далее — *Riva R. Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità. Venezia, 2012.*

³ См.: *Asor Rosa A. Il grande silenzio. Intervista sugli intellettuali / A cura di S. Fiori. Roma-Bari, 2009.*

дующей книги. Если этот тираж вырастет по сравнению с тиражом предыдущей книги, значит Золя с его критикой прав. Если тираж упадет, значит он просчитался...»¹. (Впрочем, раз уж речь несколько преждевременно зашла о деле Дрейфуса и о манифесте Эмиля Золя, то надо добавить, что «энергия» дрейфусовской эпопеи была такова, что это этого взрыва не стихает до сих пор: интеллектуалы, в своем рождении прочно связанные с этой драмой, не могут уйти «окончательно», а смысл этого понятия — не может стереться совершенно.)

«Жар политических страстей» интеллектуалов стал достоянием театра: так, Романо Луперини² пишет о том, что «в 80–90-е годы постмодернизм предложил некую фигуру интеллектуала, которая представляла бы исключительно блеск Запада: то ли интеллектуал-оракул, обладатель высшего знания, преданный Слову, посвятивший себя священнодействию Письма, углубившийся в изучения мифов и размышляющий только об отношениях человека и божественного (своего рода интеллектуальная ангелология); то ли интеллектуал — ироничный циник, скептик-пародист текстов и слов, пересмешник, великодушный нарцисс, стремящийся обратить к своей выгоде и удовольствию свой же блестящий нигилизм»³ — и определяет эти две формы «деятельности» интеллектуалов как формы *отказа от служения обществу*, растраты своего дара в бессмысленном параде «блестящего нигилизма». Согласно Луперини, глобализация, экспортируя самое себя, продуцирует в области культуры явление «нарциссокинизма» (нарциссизм + кинизм), что и выражается в новой «двойственности» интеллектуала. Культура в эпоху глобализации, полагает Луперини, *встраивается* в экономико-политическую систему массовых коммуникаций, — происходит своего рода «умаление культуры», а отсюда — сокращение самого «поля культурно-политических дебатов». Логично, что *знание-власть* интеллектуалов как слоя или социальной категории, разбиваясь и фрагментируясь жерновами институционально-

---

¹ Гройс Б. Политика поэтики. М., 2013. С. 349–350.

² Романо Луперини известен своим циклом статей о положении интеллектуалов в современной Италии, открывшимся статьей «Закат итальянских интеллектуалов» (2004). В синтетическом виде свою концепцию ухода интеллектуалов с политической сцены Италии Р. Луперини излагает в работе «Восемь тезисов об условиях для интеллектуалов» (см.: *Luperini R. Otto tesi sulla condizione degli intellettuali // www.allegoriaonline.it/PDF/484.pdf*), опубликованной в 2012 году. Также интересен его автобиографический роман, переведенный на русский язык: *Луперини Р. Ивы растут у воды / Пер. с итал. М.А. Ариас-Вихиль. М.: Река времен, 2008.*

³ *Luperini R. Intellettuali, critica letteraria e globalizzazione // www. Allegoriaonline.it/PDF/132.pdf. P. 191.*

технологических структур новой системы, управляемых из определенных центров, утрачивает свою силу. Интеллектуалы (а в данном аспекте Р. Луперини трактует это понятие расширительно) лишаются всякой возможности контроля над новыми структурами управления и превращаются в «рабочих знания», лишаясь как идеологического влияния и статуса «посредников», так в конечном счете авторитета и «легитимности», — отсюда и новые «модусы» их деятельности. С определенными оговорками Луперини соглашается с терминологией Зигмунта Баумана, утверждающего о переходе от фигуры «интеллектуала-законодателя» (*legislator*) к новой фигуре «интеллектуала-интерпретатора» (*interpreter*)¹, — так сказать, с понижением статуса².

Анализируя работы Р. Луперини, итальянский исследователь Ренато Вентура особый упор делает на связь «падения» интеллектуала с «берлусконизмом» и «властью телевидения» в 90-е годы XX века. Заметим, что слово «берлусконизм» отсылает не к личности Сильвио Берлускони, к которому у итальянских интеллектуалов огромное количество претензий, упреков и обвинений (не всегда, прямо скажем, обоснованных), но скорее к 90-м годам XX века — распад «государства партий», переход ко Второй республике и т.д. Эти годы ознаменованы выходом на политическую сцену «неорганического интеллектуала», — перефразируя Грамши, пишет Р. Вентура, — рожденного из пены информационного манипулирования и безответственности. Впрочем, вскорости и этот интеллектуал, как считает исследователь, «был заменен компьютерной голограммой»³.

Интеллектуалы и атлантизм

В чем же причина всех этих «злключений» интеллектуалов? Надо полагать, виной всему — глобализация; причем одно это слово, как иногда хочется представить некоторым исследователям и критикам, может объяснить все, что нас волнует: и причины «ухода» интеллектуалов, и «необходимость» их «замены» экспертами и аналитиками, и «неотвратимость» и «естественность» всех этих процессов (и это при том,

---

¹ См.: *Bauman Z. La decadenza degli intellettuali* // www.pansofia.it/files/2014/12/20/570-Zygmunt_Bauman.pdf.

² См.: *Luperini R. Otto tesi sulla condizione degli intellettuali* // [www.allegoriaonline.it / PDF/ 484.pdf](http://www.allegoriaonline.it/PDF/484.pdf).

³ См.: *Ventura R. Gli intellettuali nell'Italia berlusconiana. Apocalittici o Integrati?* // *La Libellula. Rivista italianistica*. 2011. № 3: «Il mestiere perduto. Sul silenzio degli intellettuali e la rimozione storica dell'idea di cultura come valore politico-sociale».

что «глобализация» — скорее идеологема, нежели научное понятие, политико-пропагандистский конструкт; отражение *желаний* тех, кто пытается внедрить это *слово* в научно-политический лексикон; название нечетко проявляющейся тенденции мирового развития). Исследователь истории французских интеллектуалов Уильям Дюваль утверждает, что «процесс глобализации усиливает ощущение триумфа западных, и в особенности американских, ценностей в мире, а тенденция к унификации культуры обостряет в интеллектуалах чувство собственного бессилия». — Говоря об упадке влияния интеллектуалов в мире потребления, Дюваль задает вопросы: «Кому нужен интеллектуал в свете экономического кризиса, инфляции и роста безработицы после 1973 года? И кому нужен интеллектуал, когда главными заботами общества становятся процветание, более выгодное трудоустройство, потребление и технологический прогресс? Интеллектуала просто некому слушать!»¹. Вопрос ставится как риторический, но ответ не вытекает из него «автоматически», как это, по-видимому, хотелось бы предствить У. Дювалю, — ведь, с другой стороны, может быть, как раз интеллектуал-то и нужен, — хотя бы для ответа на вопрос, как соотносить «потребление и технологический прогресс» с «ростом безработицы»; да и для объяснения сути и причин «кризиса», который упоминает критик². Глобализация не может автоматически вести к триумфу «американских ценностей», если, конечно, эта победа американизма не была одной из целей установления «глобального миропорядка».

Помимо рассмотренных причин, по меньшей мере, *ослабления* роли интеллектуалов на рубеже XX–XXI веков, в западной литературе редко рассматривается роль культурно-интеллектуального, политического и идеологического влияния атлантизма в лице как американских структур, институтов и организаций, так и теоретиков, идеологов и практиков; идейных, пропагандистских и политических разработчиков, «оформителей» и проводников идей господства Америки (в отличие от проблем влияния американизма и порожденной им «массовой культуры» на культуру Европы — на эту тему написано очень много ярких, ценных и интересных работ, — среди которых можно отдельно отметить работы, и по обоснованности, и по силе эмоций напоминающие

---

¹ Дюваль У. Утраченные иллюзии: Интеллектуал во Франции // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2005. С. 347.

² О нефтяном «кризисе» 1970-х годов, его причинах, организаторах и протагонистах см.: Эндаль У.Ф. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. М., 2014.

манифесты интеллектуалов¹). Хотя, надо с некоторой надеждой на большее признать, что уже в XXI веке эта проблема стала находить своих исследователей: так, помимо книги-диалога Э. Траверсо и Р. Мейрана, назовем диссертацию итальянского историка Фабио Гвидали (2013)², посвященную послевоенным ассоциациям интеллектуалов — прежде всего проамериканскому Конгрессу за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom³) и противостоящему ему по духу и направленности Европейскому обществу культуры (Société Européenne di Culture, Società Europea di Cultura⁴). Проблемы американского влияния на интеллектуалов Западной Европы в свете деятельности проамериканского Конгресса за свободу культуры, и попытки отстоять автономию интеллектуалов, — предпринимавшиеся участниками

---

¹ Приведем в пример книгу-манифест, написанную министром культуры Франции, лингвистом Анри Гобаром «Культурная война. Логика разрушения», опубликованную в издательстве новых правых (*Gobard H. La guerre culturelle. Logique du désastre*. Copernic, P., 1979). «Культурной войной» А. Гобар называет проникновение американской массовой культуры, приводящей к *разрушительной американизации* национальных культур Европы. Стоит ли удивляться тому, что вскоре после выхода книги Гобар был вынужден оставить пост министра. Также необходимо обратить внимание на деятельность другого министра культуры Франции — Жака Ланга, по инициативе которого в 1983 году был проведен colloquium «Развитие и культура», прошедший «под лозунгом активного противодействия униформизации и примитивизации по американскому образцу мировой культуры» (*Косенко С.М. О франко-американских противоречиях в области культуры // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 102*). Среди западных работ XXI века об американской «войне за культуру» следует также назвать книгу французского публициста Фредерика Мартеля «Мейнстрим. Достижение глобального успеха и победа в мировой медиа-войне» (*Martel F. Mainstream. Enquête sur cette culture qui plaît à tout le monde*. Flammarion, P., 2010; итальянское издание: *Martel F. Mainstream. Come si costruisce un successo planetario e si vince la guerra mondiale dei media*. Feltrinelli, Milano, 2010).

² *Uomini di cultura e associazioni intellettuali nel Dopoguerra tra Francia, Italia e Germania occidentale (1945–1956)*. Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Geschichte am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin und am Dipartimento di Studi storici Università degli Studi di Milano. Vorgelegt von Fabio Guidali. Berlin, 2013 (далее — *Guidali F. Uomini di cultura e associazioni intellettuali nel Dopoguerra tra Francia, Italia e Germania occidentale (1945–1956)*. Berlin, 2013; см.: www.diss.fuberlin.de/diss/servlets/Guidali_Fabio.diss.pdf).

³ Заметим, что Конгресс за свободу культуры, о задачах и деятельности которого, а также о результатах этой деятельности, мы будем говорить специально в дальнейшем, сыграл далеко не последнюю роль в процессе усиления позиций американизма и вытеснении интеллектуалов из политико-культурной жизни Западной Европы. Скажем сейчас лишь то, что участие в этой проамериканской организации дискредитировало не только (и не столько) тех интеллектуалов, которые и принимали в этом участие, но бросило тень на всех западных интеллектуалов.

⁴ См.: 1) www.secfrance.fr/; 2) www.agendavenezia.org/it/organizzatore-145.htm.

Европейского общества культуры, стали предметом исследования для историка итальянской культуры XX века Массимо Мastrogregори¹. Об опыте насаждения специфической американской культуры в самой Америке и об эволюции форм и методов американской культурной экспансии пишет в своей работе «Эстетика гегемонии» (2012) Ишан Кадер². В институционально-политическом аспекте комплекс проблем, связанных с влиянием англосаксонских моделей и стереотипов на итальянскую политику и партийно-политическую систему во второй половине XX века, и с идеологическим воздействием атлантизма на политиков, политических мыслителей, и не в последнюю очередь интеллектуалов, — был проанализирован историком из Неаполя Эудженио Капоцци³. Изменению самой сути политики в «эпоху глобализации», закату демократии в Италии посвящены работы итальянского политика, бывшего в свое время идеологом социалистов, — Уго Интини⁴. Немаловажное значение имеют и интеллектуально-политические площадки в Интернете⁵.

---

¹ См.: *Mastrogregori M. Politica e cultura: gli intellettuali, la CIA e la «guerra fredda culturale» (1948–1968) / Lezioni tenute all'Università di Roma «La Sapienza». Facoltà di Lettere e Filosofia. Corso di Laurea in Storia. A.a. 2005–2006. Roma, 2006.* В журнале «Историография», основанном самим М. Мastrogregори в 1997 году, опубликовано его исследование, специально посвященное работе «Политика и культура» Норберто Боббио в контексте интеллектуальных баталлий времен холодной войны: *Mastrogregori M. La libertà della cultura e «guerra fredda culturale»: Bobbio, gli intellettuali «atlantici» e i comunisti: alle origini di *Politica e cultura* (1955) // Storiografia. Fasc. XI. 2007.* Также см. две интересные монографии Массимо Мastrogregори: *Mastrogregori M. I due prigionieri: Gramsci, Moro e la storia del Novecento italiano.* Casa Editrice Marietti, Genova-Milano, 2008; *Mastrogregori M. Breve storia dell'ideologia occidentale.* Casa Editrice Marietti, Genova-Milano, 2011.

² *Cader I. The Aesthetic of Hegemony. Sloanism and Mass Persuasion in the United States, 1900–1930 // sro.sussex.ac.uk/45566/1/cader_ishan.pdf.*

³ См.: *Capozzi E. L'alternativa atlantica. I modelli costituzionali anglosassoni nella cultura italiana del secondo dopoguerra.* Rubbettino, Soveria Mannelli, 2003. Эудженио Капоцци — также автор важной статьи, посвященной деятельности Конгресса за свободу культуры (см.: *Capozzi E. L'opposizione all'atlantismo: il Congress for Cultural Freedom e l'Associazione Italiana per la Libertà della Cultura // L'Antiamericanismo in Italia nel secondo dopoguerra / Craveri P., Quagliariello G. (a cura di). Rubbettino, Soveria Mannelli, 2004).*

⁴ См.: *Intini U. La democrazia virtuale.* Newton Compton, Roma, 1995; *Intini U. La privatizzazione della politica. Con un crollo dei partiti avanza il 2000 della «internazionale capitalista».* Nuova Editrice MondOperaio, Roma, 2000.

⁵ Что касается выступлений и публикаций в Интернете — тут в качестве важных примеров следует прежде всего назвать французского публициста Дени Боно, который выступает с критическими статьями в проекте «Сеть Вольтер» (Voltairenet.org; с Сетью Вольтер сотрудничают также Дж. Къеза и У.Ф. Энгдаль), разоблачая американские планы установления «культурной гегемонии» в Европе, углубляясь при этом в историю вопроса, — назовем такие статьи, как «Нью-йоркские интеллектуалы и ро-

Задолго до «наступления» глобализации мы сталкиваемся с достаточно интересными событиями и фактами из истории интеллектуалов Западной Европы после Второй мировой войны, рассмотрение которых ставит под вопрос тезис «исчезновения» интеллектуалов как бы «естественным путем», в порядке логики событий: становится ясно, что речь идет не об исчезновении, уходе *naturaliter*, распылении или самоликвидации политически активной социальной группы, а скорее — о ее *вытеснении* с политической сцены, отстранении от любого рода форм взаимодействия с властью и тем более от влияния на нее, — причем вытеснении продуманном, последовательном и активном¹. Конечно, речь идет о практиках и идеологах атлантизма, об американском культурно-политическом присутствии в Западной Европе, ставшим определяющим фактором развития этого региона после Второй мировой войны. Интеллектуалы, по выражению Зигмунта Баумана, *проиграли*, — но проиграли не истории или судьбе, а как раз-таки этим вполне конкретным и весьма агрессивным силам, идеям, людям, организациям.

Идеология атлантизма, связанная с политической практикой, расширяла свое присутствие в Западной Европе, усиливая воздействие в сфере политической мысли и культуры: «Западная Европа, — пишет К.Н. Брутенц, — не имела выбора, и ее укрыл американский военный зонтик. США — держава-покровитель, разумеется, дикто-

---

ждение неоконсерватизма» и «Фридрих фон Хайек, крестный отец ультралиберализма». Небезынтересна также работа Бертрана Шаво в сети «Вольтер» — «Школа высших культурных исследований в области социальных наук: социальные науки Франции, финансируемые ЦРУ», посвященная некоторым аспектам «духовного плана Маршалла». Нельзя обойти вниманием и острые выступления и интересные наблюдения по вопросам политики и культуры итальянского писателя и журналиста Лючио Лами (1936–2013) — LucioLami.com (особенно интересна, к примеру, статья «Одержимость антиамериканизмом» (10.11.2004), посвященная критике одноименной работы Ж.-Ф. Ревеля). Романо Луперини, о котором говорилось выше, ведет блог «Литература и мы» (laletteraturaenoi.it), в котором демонстрируется серьезный подход к проблемам современной литературы и образования в аспекте анализа негативного влияния глобализма и американизма на современную культуру.

¹ Вообще, и те процессы, начало распространения которых падает на рубеж 80–90-х годов XX века, и которые принято называть глобализацией, в том виде, в котором они *нарастают* (прежде всего имеется в виду «американоцентричность» глобализации) совсем не обязательно считать объективными и *безальтернативными*. В работе «Искушение глобализмом» А.С. Панарина, — книге, актуальность которой, и без того весьма высокая, в последнее время стала «высокой в высшей степени», — выдающийся ученый ставит и решает задачу «лишить злонамеренность новейшего глобального хищничества "алиби" объективности и непреложности и вскрыть субъективное своеволие там, где нас призывают видеть одну только предопределенность» (*Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 11*).

вала свои правила, и Западная Европа превратилась де-факто в протекторат Соединенных Штатов, которые контролировали внешнюю, а во многом, кстати, и внутреннюю политику европейских стран. И это отнюдь не преувеличение: именно так, как протекторат, Бжезинский и именует Европу периода "холодной войны", да и после него»¹. Уже с конца 40-х годов XX века идеологи атлантизма поставили цель подчинить континентальную науку и культуру своим установкам и императивам (собственно, атлантизм и немислим без этого, будучи изначально доктриной единства Америки и Европы)². Такое «усиление присутствия» проводилось и подавалось под лозунгами «борьбы за свободу культуры» или «спасения культуры» от ее якобы захвата коммунистами и т.п., — тут дело не в том, от кого или от чего «спасать» Европу (собственно, от всего, что не соответствовало американским «стандартам» — таков был основной «императив атлантизма»), сколько в неизбежности, неотвратимости этого «спасения»: Америка была таким *навязчивым спасителем*, от которого спастись уже не представлялось возможным. По словам Ю.М. Каграманова, «своеобразие ситуации в том, что в роли спасителей западной культуры подвизаются как раз те, кто предает и продает лучшие ее традиции. <...> Эти "новые гунны" не жгут городов и не разбивают статуй, разве что покупают их и увозят к себе домой. Они поступают иначе: раскрывая западным европейцам "дружеские объятия", навязывают им свой образ жизни и свою "массовую культуру", тем самым приучая их думать и чувствовать по-американски»³.

---

¹ Брутенц К.Н. Закат американской гегемонии. М., 2009. С. 231.

² Атлантизм как система внешнеполитических установок, теорий и доктрин; фактор, определяющий западноевропейское развитие после Второй мировой войны, — анализируется Ф.Г. Войтоловским в его докторской диссертации. Ученый доказывает, что «атлантизм как идейно-политическая система развивался во взаимосвязи с укреплением влияния сил американского участия в европейской политике»; основная мысль работы состоит в том, что «в ходе своей эволюции атлантизм как идейно-политическая система функционально и организационно усложнялся, но базовыми оставались его функции мотивации политического, экономического и военного сотрудничества между США и странами Европы» (*Войтоловский Ф.Г. Идеология и практика атлантизма во внешней политике США. Автореферат дис. ... д.полит.н. М., 2013. С. 4–5*). Америка в принципе никогда не мыслила себя в отрыве от Европы, и при первой же возможности (во времена Вудро Вильсона) активно включилась в европейскую политику, — так что сам «принцип атлантизма» был, если угодно, заложен в глубинах американского духа. Весь идейный комплекс атлантизма вырастает из политического идеала Америки, который непрерываемо требует американского присутствия в Европе и «руководящей роли» Соединенных Штатов.

³ Каграманов Ю.М. Америка «закрывает» Европу // Западная Европа и культурная экспансия «американизма» / Сост. Ю.М. Каграманов. М., 1985. С. 6. Известный полити-

Что такое «свобода культуры» в понимании «вождей» и идеологов атлантизма? От чего должна быть *освобождена* западноевропейская культура? — Собственно, от европейского же содержания, от принципов и идеалов, выработанных в Европе на протяжении веков. Речь шла о тотальном переформатировании западной культуры, о ее перестройке в соответствии с американскими установками и шаблонами¹. А.С. Панарин говорил об этом «культурном похищении» Европы так: «Континентальной Европе угрожало растворение в англо-американской системе, утрата многообразия и культурной самобытности. Американизация Европы — это не только геополитическая зависимость, но и культурный униформизм, растворение в обезличенной духовной индустрии, скроенной по меркам примитивного массового общества»². О склонности американцев навязывать свои идеи, представления и принципы говорил Ромен Роллан, предупреждая еще в 1926 году об опасной привычке Америки навязывать себя, — причем опасность эта действительно для всего мира, а не только для Европы: «Американец

ческий публицист Мэлор Стуруа, говоря о «назойливом, непрошеном мессианизме» Америки и ее «низкопробном высокомерии», среди иных показательных эпизодов, приводит в пример поведение американцев на XXIII летних Олимпийских играх (Лос-Анджелес, 1984) — пример довольно-таки злободневный и характерный: «Вашингтон воспользовался Олимпийскими играми, чтобы начать еще невиданную “психологическую войну” против сил мира, прогресса и социализма. Олимпийский дух буквально задохся в шовинистическом угаре, распространявшемся Вашингтоном, олимпийские идеи оказались под пятой бредовой идеи превосходства “американского образа жизни”, а идея всеобщности Игр была похоронена под плитой американской исключительности... словно Вашингтон объявил стадионы и бассейны зоной своих “жизненных интересов” и бросил туда не спортсменов, а “силы быстрого развертывания”» (Стуруа М. Америка восьмидесятых. Пять лет и пять минут. Pamфлеты. М., 1986. С. 151–152).

¹ К слову сказать, на этом поприще атлантисты к окончанию XX века достигли впечатляющих «успехов»: «О том, как далеко зашел процесс американизации в Западной Европе, — продолжает Ю.М. Каграманов, — свидетельствуют данные, приводимые западноевропейскими публицистами, социологами и т.д.; наконец, художественная продукция последних лет. К некоторым важным обобщениям приходит на примере своей страны французский публицист Жак Тибо в своей книге “Колонизированная Франция”. На пороге 80-х годов, делает вывод Тибо, становится очевидным, что в культурном отношении Франция “колониализована” Соединенными Штатами; другие западноевропейские страны, по мнению автора, “колонизированы” в еще большей степени... Еще в 60-е годы американизм воспринимался как внешняя угроза. Теперь же в нем видят, скорее, внутреннюю угрозу, — настолько “американизированы” оказались инфраструктура общества и культуры. Быт, нравы, даже язык несут на себе глубокий отпечаток заокеанских влияний» (Каграманов Ю.М. Америка «закрывает» Европу // Западная Европа и культурная экспансия «американизма» / Сост. Ю.М. Каграманов. М., 1985. С. 7).

² Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 370.

считает, будто бы все, что правильно, что хорошо для него, должно быть так же правильно и хорошо для всех других народов земного шара; а если народы с этим не согласны, то ошибаются, мол, они, — Америка якобы имеет право навязывать им свое мнение, в интересах всего мира и в их собственных интересах. Подобные взгляды порождают стремление к завоеванию мира, прикрытое фальшивым морализированием, которое (быть может бессознательно) восходит к алчному животному инстинкту власти над другими народами»¹. Кристофер Коукер писал, что европейцы, и в особенности интеллектуалы, опасались именно этого навязчивого внимания, щедро приправленного агрессивностью (в случае, если европейцы не захотят «быть ошастливленными»). Это опасение заключалось в том, что американцы могли потребовать (а они не только потребовали, но и вынудили исполнить свои требования), «чтобы европейцы приняли американский вариант будущего, навязывая свои добродетели и считая свое вмешательство ”благодатью для заблудшего и страждущего человечества”». — Далее Коукер цитирует Томаса Манна: «Беспримерная жертвенность Америки состояла в том, чтобы сделать счастливыми другие народы. И никто не имеет права отвергать эту любовь»².

Итак, американские идеологи, политические теоретики и практики поставили цель внедрить в общественно-политическую мысль и культуру Западной Европы определенные стереотипы, паттерны идеолого-политического плана, которые должны были в конечном счете стать парадигмальными установками для западноевропейской культуры в ее целостности, — начертать своего рода «генеральную линию» дальнейшего развития западноевропейской мысли, и прежде всего — мысли политической. Однако добиться этого было трудно представить без «расчищения» идейного поля от ряда собственно европейских идей и принципов, равно как и без дискредитации тех сил и групп, которые генерировали, осуществляли и воплощали эти идеи и принципы. Совершенно ясно, что западноевропейские интеллектуалы, представляющие собой политически активную часть интеллигенции, связанную с миром культуры, и были одной из таких социальных групп, воплощавшей оригинальную модель взаимодействия политики и культуры. Это — по происхождению и по сфере распространения романская модель взаимодействия культуры и политики;

---

¹ Роллан Р. Предупреждение Америке // Роллан Р. Соч. В 14 т. Т. 13. Публицистика (1917–1939). М., 1958. С. 133–134.

² Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 79–80.

культура в ее рамках является самоцелью и не может быть в каком-либо смысле *инструментом* политики (что явным образом идет вразрез с американскими моделями связи политики и культуры).

Свобода интеллектуала, автономия культуры, ангажированность, то есть призванность, «завербованность» на защиту культуры и ценностей, принцип служения (в итальянской культуре есть замечательное слово «*impregno*») культуре и народу, неуправляемость (более того, если вспомнить Фуко, — «решительная воля не быть управляемым»), «право вмешиваться во все» (Сартр) — эти высокие принципы были неприемлемы для «вождей атлантизма», для американизма как единства идеологии и политической практики, — так что компромисс атлантистов с интеллектуалами также был невозможен. Поэтому американскими разработчиками «генеральной линии» были выработаны различные методы по «деполитизации» и вытеснению интеллектуалов сначала из политики, а затем — и из общества; сначала — на периферию культурно-политической жизни, а затем — и на периферию общественно-политической мысли; иными словами, планы маргинализации интеллектуалов. Так, в качестве одного из способов была выдвинута своего рода «установка» на «замену» интеллектуалов — экспертами, сведение интеллектуала к эксперту, навязывание интеллектуалам роли экспертов, им не свойственной и для них неприемлемой. — Вообще, по словам А.С. Панарина, «везде, где только можно, американская экспансия приводит к замене сложного одномерным, высокого низменным, исполненного рефлектирующей самоиронии — ”крутой” самонадеянностью новых варваров»¹. В самом деле, сложно представить эксперта, восклицающего вместе с Эмилем Золя «Я обвиняю!» или «Истина шествует!», или же вместе с Норберто Боббио — «Культивировать сомнения, а не охотиться за истинами!».

Другой метод вытеснения интеллектуалов — распространение и поддержка (поддержка самого разного рода — от рекламы до прямого финансирования) целого спектра концепций «конца идеологии» в 50-х годах XX века. Это направление было жестко и явным образом противопоставлено марксизму и послевоенным интеллектуалам-коммунистам, равно как и тем, кто сочувствовал коммунизму и СССР; фундаментальная же задача «деидеологизаторов» — деконструкция западноевропейских моделей связи идеологии, культуры и политики. Вполне логично, что два «направления атаки» — «экспер-

---

¹ Панарин А.С. Правда железного занавеса. М., 2006. С. 158.

тизация» и «деидеологизация» — были взаимосвязаны: так, некоторые «деидеологизаторы»... выдвигают новые аргументы в пользу замены идеологических систем «экспертным», «технократическим» знанием. К этим социологам относятся З. Бжезинский, С. Липсет, Р. Арон, Г. Кан, Э. Винер и др... Они по-прежнему пытаются представить все социальные проблемы лишь как технические, требующие решения при помощи научных экспертов»¹.

«Борьба с идеологией», призывы к «раскрепощению» и «дедогматизации» марксизма, а также призывы покончить с «идеологическим энтузиазмом» (выражение Э. Шилза), — все эти лозунги скрывали по сути стремление определенных сил *расчистить идеологическое поле*, — причем явно не для того, чтобы оставить его открытым, *внедогматичным* и «демифологизированным», но именно с целью сделать это поле вполне «подготовленным» для осуществления культурно-эстетической агрессии атлантизма. Поэтому следует отличать критику марксизма и коммунизма, пусть и самую жесткую и бескомпромиссную, но не отвергающую диалог представителей различных мировоззрений и политических сил, — от того, что принято называть «антикоммунизмом», — то есть ангажированную позицию заведомого отрицания, неприятия всего, что связано с компартиями, учениями Маркса, Ленина и теоретиков марксизма-ленинизма последующих годов; с практикой коммунистического движения, в особенности второй половины XX века². Впрочем, задача деидеологизации Западной Европы Америкой была по ряду важнейших пунктов разрешена, так что к концу XX века место мифического советского комиссара, которым так пугали США Западную Европу, — «занял американский комиссар — представитель «воинствующего либерализма», с неусыпной бдительностью и неистовым пылом выискивающий и искореняющий следы старого мен-

---

¹ В лабиринтах буржуазного сознания. Критика концепций духовного мапипулирования / Отв. ред. В.Д. Гранов. М., 1978. С. 155.

² «Антикоммунизм, — говорит английский марксист Морис Корнфорт, известный критик Поппера, — не столько установившаяся теория, сколько ярость и предубеждения, пронизывающие и искажающие каждое теоретическое высказывание» (Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М., 1972. С. 498–499). Глава американской компартии Гэс Холл об антикоммунизме говорил так: «В действительности это не течение и не явление, это отрава, яд... Антикоммунизм — это шприц, с помощью которого стимулируется гонка вооружений. Антикоммунизм — это палки, вставляемые военными конъюнктурщиками в колеса малейших предпосылок к началу переговоров между Востоком и Западом» (цит. по: *Ньюберри М.* Йеху. Сатирические памфлеты. М., 1966. С. 164–165).

талитета и старой морали. Прежде это называлось борьбой с буржуазными пережитками, теперь это называется борьбой с пережитками тоталитаризма»¹.

В рамках Конгресса за свободу культуры, специально к Миланской конференции «Будущее свободы» (1955), проводимой под его эгидой, был приурочен выход книги Р. Арона «Опиум интеллектуалов». С целью «развенчания» коммунизма Р. Арон использует метод отождествления идеологии марксизма с религиозной идеологией, представляя («конструируя», как стало модно говорить) марксистское учение как особого рода «секулярную религию»; и в этом тождестве находит *error fundamentalis* марксизма как «опиума» левых интеллектуалов. Интеллектуалы будущего, уверен Арон, не нуждаются в идеологиях, в любом виде идеологического *paraver somniferum*. Но какое *мировоззрение* (лишенное притягательного яда идеологии) должно, по Арону, восторжествовать в интеллектуальном мире Западной Европы? Это — американизм, «американская идеология», которая лишена черт идеологии и поэтому на самом деле таковой не является. Автор «Опиума интеллектуалов» называет ее «американской не-идеологией», избегая слова «либерализм» (ведь книга предназначена прежде всего для «переубеждения» левых французских интеллектуалов). Американизм — как «не совсем идеология» — определяется Ароном через отрицание всех «негативных» черт идеологии марксизма-ленинизма, «вскрытых» им, — и это противопоставление он превращает в гимн американизму: «American way of life это отрицание того, что европейский интеллигент понимает под идеологией. Американизм не формулируется системой понятий или предположений; он не знает коллективного спасителя, ни завершения истории, ни причины, определяющей развитие, ни догматического отрицания религии; он совмещает в себе уважение к конституции, индивидуальную инициативу и гуманность; он вдохновлен сильными, но неясными верованиями, довольно безразличными к соперничеству между церквями... и культом науки и дела. Американизм не знает разработанного правоверия или официального толкования»². Американизм, убежден интеллектуал и пытается убедить своего читателя, не идеологичен и не идеократичен, это не доктрина, но либеральное, плюралистическое мировоззрение; и Арону принадлежит большая заслуга в популяризации и распространении влияния этого

---

¹ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 98.

² Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 215.

мировоззрения, причем не в последнюю очередь через посредство Конгресса за свободу культуры, в «идеологический успех» которого французский интеллигент в свою очередь внес немалый вклад.

Совсем иным методом были разного рода проекты — группы, имитирующие, а то и профанирующие деятельность интеллектуалов с целью их компрометации, поддержанные СМИ и политиками (но у большинства европейских интеллектуалов вызвавшие резкую критику). Самый яркий пример такого рода — «новые философы» во Франции — ярко разрекламированный «проект»: эпатаж, броские фразы, ложные проблемы и фальшивые обобщения, гастрольные поездки новых «звезд», — настоящие «шоумены мысли»! «В марте — апреле 1977 года, — рассказывает советская публицистка, виднейший знаток итальянской культуры Цецилия Исааковна Кин, — в Париже начался бум, какого не было уже лет десять, так как вышло несколько книг под эффектно-вызывающими названиями, и они были основательно разрекламированы. <...> ”На протяжении нескольких лет в мире мыслителей происходит настоящая смена караула. Новое поколение философов берет приступом вчерашние крепости, сотрясает засевших в них, колеблет их уверенность в себе. Плеяда молодых теоретиков врывается...”, и так далее. Низвергаются идолы (например, структурализм), утверждаются новые ценности»¹. Так шумно и громко — афиши, фанфары, дорогой конферанс, реклама — был обставлен «выход на сцену» новообразованной группы. — «Движение было очень популярным, — пишет А.В. Дьяков в своей фундаментальной работе о Фуко, — целый год во Франции нельзя было открыть газету или включить радио, не прочитав или не услышав о ”новой философии”. <...> Летом 1977 г. ”Le Nouvel Observateur” напечатал ”я-тест”, позволяющий читателю выяснить, является ли он ”новым философом”. Тот, кто отверг Альтюссера в прошлом году, набирал три балла, отвергнувший Фуко не набирал одного. Образцовым ”новым философом” мог считаться тот, кто в разное время был ортодоксальным коммунистом, маоистом и воинствующим католиком»².

Джеймс Миллер — биограф Фуко — рассказывает о вторжении «новых философов» в парижскую жизнь: «Их лица смотрели отовсюду: со страниц журналов, с телеэкранов, плакатов и футболок. Раскрученные, как рок-звезды, они без ложной скромности были окрещены ”но-

---

¹ Кин Ц.И. Итальянские мозаики. Статьи об итальянской литературе 70-х годов. М., 1980. С. 106.

² Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб., 2013. С. 322.

выми философами”. И за считанные дни суть их ”философии” (если это слово здесь уместно) была сведена к слогану ”Марксизм умер”¹.

«Смена караула» была обставлена в высшей степени ярко и эффективно, по принципу «средств не жалеть», — целью было привлечь к «сенсации» максимальное количество «зрителей». По словам А.А. Костиковой, «сенсационность, основанная на отречении молодых интеллектуалов от их ”революционного” прошлого, от идеалов, которыми они были движимы в конце 60-х гг., стала тем привлекательным моментом, который впервые вывел философскую концепцию на самую широкую аудиторию. По сути дела молодые философы оказались объединенными в движение в результате активной деятельности средств массовой информации. Как отмечается, это была исключительная шумиха, поднятая средствами массовой информации, которая впервые непосредственно коснулась области идей»².

Впрочем, специфическая *революционность* «новых философов» перешла в иное качество, распространившись на сферу политических идей и область взаимоотношений политики и культуры, — иными словами, звезды «новой философии» вторглись в епархию интеллектуалов. Ненависть к «власти» и «господству» (понятия, которым новые философы придают особый смысл, связанный с «тиранией логоса» и «репрессивностью культуры»), воспевание «бунта» и «бунтующих масс», «истинности мышления бунта», — таковы основные «принципы» молодых «теоретиков». Все, что не является бунтом, — является фашизмом: жить и мыслить «по-новому» — значит бунтовать. «Новые философы», пишет И.М. Кутасова, «выступили как критики всякой власти, всякого господства и всех разновидностей фашизма. Они заявили себя как продолжатели левых традиций антифашизма и антитоталитаризма. Но если идеологи ”новых левых” сосредоточивали внимание своих читателей на авторитарных, бюрократических, насильственных методах, применяемых буржуазными государствами, то ”новые философы” распространяют понятие ”фашизм” на все идеологии, на все общественные системы»³. Если уж и вспоминать о деидеологизационной волне 50-х годов, то «новые философы» в своей крикливой радикальности презошли все возможные пределы: «...Поскольку в основе всякой

---

¹ Миллер Дж. Страсти Мишеля Фуко. М., Екатеринбург, 2013. С. 406.

² Костикова А.А. «Новая философия» во Франции: постмодернистская перспектива развития новейшей философии. М., 1996. С. 29.

³ Кутасова И.М. Антифилософия «новой философии». М., 1984. С. 22.

власти лежит та или иная идеологическая концепция, то долой идеологию и вообще всякий философский рационализм...»¹!

По замыслу «продюсеров», бренд «новые философы» был создан с целью противопоставления набирающим влияние «новым правам», которые отличались своей непризностью к атлантистским идеям и призывали к защите фундаментальных европейских ценностей², отстаивая национальные интересы своей страны, выступая против размывания национальной идентичности, — во многом следуя политическим идеям и императивам де Голля, который, как утверждает Е.А. Карцев, был идеологическим предтечей «новых правых»³. «Новые правые» хотели вырвать из рук атлантистов культурную гегемонию, которой те добились во Франции. Современное им состояние культуры «новые правые», как пишет Т.М. Фадеева, оценивали «как глубокий духовный кризис, переходящий в декаданс, загнива-

---

¹ Розенталь Э.М. Лабиринтами сознания. М., 1982. С. 93.

² До известной степени утрируя, но тем не менее не погрешив против истины, — Раймон Арон пишет об Алене де Бенуа, одном из основателей движения новых правых: «Беру, например, последнюю статью Алена де Бенуа о Соединенных Штатах и Советском Союзе. Из нее вытекает совершенно определенное кредо автора: лучше советский комиссар, чем бруклинский гамбургер. Подобное предпочтение не может не подразумевать ничего иного, как то, что американизм есть абсолютное зло» (Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 763).

³ «В области внешней политики, — пишет ученый, — де Голль проводил политику "величия Франции", яростно и непреклонно отстаивая ее национальные интересы. В начале 60-х он решительно выступил против политических сил, заявивших о своем стремлении к "европейскому объединению", ведущему к упразднению национальных государств и созданию "сверхгосударства" в виде европейской федерации. В этом вопросе он явился идеологическим предтечей "новых правых"... Де Голль был решительным противником "атлантической солидарности"... открыто декларировал стремление к независимости Франции и Европы от Америки. В годы его правления в ход вошло в моду жаргонное словечко, презрительно характеризующее американскую цивилизацию как примитивную антикультуру "амерлоков". "Новые правые" продолжают эту традицию, дав уничижительную кличку проатлантически настроенным французам, назвав последних "галлориканцами"» (Карцев Е.А. «Новые правые» Франции: антология современных идей. Основные тенденции эволюции правой идеологии и политики в годы IV и V Республик. М., 1996. С. 39–40). При всех противоречиях французской внешней политики не следует упускать из вида тот факт, что влияние голлизма осталось в силе: так, И. Валлерстайн в статье 2014 года отмечает, что «с 1945 года все-таки именно голлизм являлся основной позицией Франции. И даже такие, предположительно, не-голлистские президенты, как Миттеран и Саркози, по сути-то, следовали в русле голлистской политики. Голлизм — это отнюдь не "левая" позиция, а скорее восприятие именно США, как основной угрозы геополитической роли Франции» (Валлерстайн И. Геополитика раскола Украины // left.by/archives/934).

ние и упадок. Отсутствие идеалов, преобладание рыночных ценностей, наступление эгалитаризма, упадок национальных и региональных культур и растворение их в одной всеобщей культуре»¹. — Нельзя, таким образом, не согласиться с А.С. Панариным в том, что «сознание ”новых правых” культуроцентрично». — «Отвергая экономический редукционизм либертаристов, — пишет ученый, — они утверждают, что идейная и культурная сфера живет собственной жизнью, что беспорядок в этой сфере не может устраниться автоматически вслед за налаживанием ”экономического порядка”. Кроме того, они считают, что загрязнение ”культурной среды” общества, проявляющееся в ослаблении национального духа, забвении традиций, нигилизме, утилитаризме и духовной апатии, — болезнь более серьезная, чем экономический кризис...»². Все эти симптомы «болезни культуры» во многом явились следствием культурной гегемонии атлантизма, безусловно враждебной французской культуре, и «новые правые» с их идеями защиты культуры и национальных интересов были опасны для американских стратегов культурной гегемонии, поскольку, заполнив идеологический вакуум, образованный из-за потери идейной гегемонии левыми, могли обрести лидерство в идейной сфере. Логично, что на «защиту» атлантизма были в спешном порядке мобилизованы «спецгруппы» наподобие «новых философов», созданные с целью дискредитации идей, защищаемых «новыми правыми».

Помимо «карнавализации» настоящих интеллектуалов, «фарсово-крикливые новые философы» (А.И. Фурсов) годились и для создания «шумовых эффектов», путаницы, дезориентирующей тех, кто прислушивался к голосам интеллектуалов. Среди этой «группы»³ особо выделяются упомянутые выше Б.-А. Леви и А. Глюксманн — предво-

---

¹ *Фадеева Т.М.* «Новые правые» и их роль в выработке стратегии правой оппозиции // Франция глазами французских социологов / Отв. ред. В.Н. Фомина, С.А. Эфиров. М., 1990. С. 25. О философии «новых правых» см. также: *Ремизов М.В.* Критика «универсализма» в философии французских «новых правых». Дис. ... канд. филос. н. М.: МГУ, 2004.

² *Панарин А.С.* Культурная революция «новых правых» // Франция глазами французских социологов / Отв. ред. В.Н. Фомина, С.А. Эфиров. М., 1990. С. 80.

³ «Новые философы» гастролировали по Европе со своими выступлениями: так, летом 1977 года «парижские дивы» (как метко выразилась Ц.И. Кин), «выступали» в Италии, при этом, пишет Ц.И. Кин, «французы вели себя как люди, владеющие истиной в последней инстанции» и «активно вмешивались в итальянские дела» (*Кин Ц.И.* Итальянские мозаики. Статьи об итальянской литературе 70-х годов. М., 1980. С. 108). «Традиция» политических гастролей не прервалась: так, уже был упомянут визит Б.-А. Леви на Майдан, где в марте 2014 года «шоумен мысли» выступил с пафосной речью, ничего, кроме смеха, не вызывающей.

дители «нового движения», «герои Красного мая», «идеологи 68-го». Антимарксизм и антикоммунизм, ненависть к СССР, перешедшая в ненависть к России, с одной стороны, — и страстная любовь к Америке, безоговорочная поддержка любых действий «гегемона», с другой, — таковы два базовых «принципа» двух вождей «новых философов». Разоблачая поддельную эрудицию и фальшивый блеск риторики, свое суждение о «новых философах» выносит Раймон Арон (сам будучи приверженцем атлантизма): «Лично меня ”новые философы” не волнуют. Им не присущ оригинальный стиль философского мышления; их нельзя сравнить ни с феноменологами, ни с экзистенциалистами, ни с психоаналитиками. Они пишут эссе, не укладывающиеся в университетские нормы. Успеху этих авторов способствовали СМИ и отсутствие... справедливой и признанной критической инстанции»¹. Жиль Делез был менее сдержан в оценках: утверждая, что мышление «новых философов» равно нулю, философ выносит безжалостный вердикт: «Во-первых, они оперируют грубыми, непрожеванными понятиями: Закон, Власть, Господин, Мир, Бунт, Вера и т.д. С их помощью они составляют гротескные связи, суммарные дуализмы: Закон и Бунт, Власть и Ангел. Во-вторых, и вследствие этого: чем слабее содержание мысли, тем важнее считает себя мыслитель»². Единственной новизной «новых философов» Делез считал введение во Франции *литературно-философского маркетинга*, называя их в статье 1977 года «телевизионными клоунами»³. Жан Бодрийяр приходил в ярость, когда его называли «новым философом» (к этому «направлению» он не принадлежал ни в каком смысле, да и не мог понять, как его вообще можно ассоциировать с Анри-Леви или Глюксманном)⁴.

Корнелиус Кастиориadis в статье, посвященной «новым философам», которая была им саркастично названа «Развлекающие», писал: «Эта новая волна развлекающих не спрашивает: каким образом воспроизводится тоталитаризм? Бесстыдно ворую наши идеи тридцатилетней давности, она поспешно вычленяет из них несколько элементов, полностью искажая смысл, чтобы заявить: тоталитаризм — это Маркс, это Гегель, это Фихте, это Платон. Она не берет во внимание ни того, что они хотели сказать, ни непостижимых отношений, которые соеди-

---

¹ Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 767.

² Цит. по: Кусанов А.А. Французская «новая философия» и культура постмодерна. Волгоград, 2003. С. 9.

³ См.: Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб., 2013. С. 325.

⁴ См., напр.: Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 79.

няют мысль и историческую реальность. <...> Компиляции, извращение и искажение чужих идей...»¹. — «Касториадис, — говорит А.Н. Сидоров, — увидел в течении ”новых философов” стремление интеллектуалов избавиться от ответственности и отказ от критического взгляда на окружающее общество, переход на позиции ”развлекающих” интеллектуалов, выступающих на сцене мирового Спектакля»².

Впрочем, продвижение «новых» (точнее, *нужных*) идей и концепций не всегда было связано именно с группами, с новосозданными движениями. Подчас рекламная и прочая поддержка оказывалась и отдельным проатлантистским интеллектуалам: один из самых ярких *проектов* такого рода — интеллектуал-социолог Жан-Франсуа Ревель (1924–2006), «утробный антикоммунист», с его многочисленными и очень сильно разрекламированными «бестселлерами», среди которых наиболее известны книги-памфлеты «Ни Маркс, ни Иисус» (1970), «Тоталитарное искушение» (1976), «Одержимость антиамериканизмом» (2002). Работы Ревеля не отличались научностью, обоснованностью или даже какой-либо особо интересной постановкой вопросов и т.п. Начинал он со скандального памфлета «Почему философы?» («Pourquoi des philosophes?», 1957), в котором, как рассказывает Н.И. Полторацкая, «утверждал, что историческая роль философии исчерпана, и осмеивал претензии ”философов существования”, в первую очередь Сартра и М. Мерло-Понти, на решение метафизических и онтологических проблем. Обвинения экзистенциалистской критики в ”интеллектуальном терроризме” были подхвачены многими»³.

Основная цель Ж.-Ф. Ревеля — создание чисто конъюнктурных «трудов», связанных с определенными событиями, решениями или намерениями атлантистов и их «союзников», и имеющих конкретную заданность. Так, например, в основе «Тоталитарного искушения», как говорит советский публицист, исследователь и критик Э.М. Розенталь, лежит «идея создания военно-политического блока ”малой Европы” под руководством наднационального европейского парламента... Автор ”Тоталитарного искушения” полагает, что отчуждение французского суверенитета пойдет Франции только на пользу»⁴. Однако,

---

¹ Цит. по: Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск, 2006. С. 87.

² Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск, 2006. С. 87.

³ Полторацкая Н.И. Меланхолия мандаринов. Экзистенциалистская критика в контексте французской культуры. СПб., 2000. С. 173.

⁴ Розенталь Э.М. Власть иллюзии. М., 1978. С. 159.

иронизирует Э.М. Розенталь, «сама по себе книга Ж.-Ф. Ревеля скорее всего осталась бы незамеченной, бестселлером ее сделала реклама, которая была тщательно продумана и подготовлена заранее. Ожидалось, что ребенок родится богатырского сложения, не вышло. "Монд" обнаружила в "Тоталитарном искушении" извращенные факты, необоснованные утверждения, эклектику и просто наивности. "Юманите-диманш" высказался более определенно: "Ему заказали бульдозер, а он дал терку для овощей". Как бы там ни было, но Ж.-Ф. Ревель выполнил социальный заказ в срок»¹. Не более интеллектуальна (но исполнена, как обычно, в срок) и «Одержимость антиамериканизмом»: так, Л. Лами едко замечает, что в этой работе Ревель делает акцент на «свежей» идее, суть которой в том, что европейский антиамериканизм — результат плохого знания Америки и собственных неудач Европы; обвинения в адрес США по поводу «культурной колонизации» — не имеют, по Ревелю, никаких оснований, — соответственно, в основе ненависти к Америке лежит банальная «истерия». Сведение антиатлантистских идей к истерии, аллергии, и далее в этом духе, — довольно распространенный прием «оправдания атлантизма»: проще наклеить ярлык или бросить «меткое» словцо, нежели отвечать на претензии обстоятельно и конкретно (тем более что честная дискуссия может привести и к нежелательным для апологетов американизма результатам).

...Тут хотелось бы сделать короткое отступление. Роль книг в идейных баталиях тех лет была велика. Книги воевали с книгами, книги — наряду с людьми и организациями — были бойцами Холодной войны. Авторы интересной работы «Дело Живаго» цитируют слова некоего «начальника отдела тайных операций ЦРУ»: «Книги отличаются от всех остальных пропагандистских средств главным образом тем, что одна книга способна существенно изменить восприятие читателя до такой степени, что с ним не сравнится никакое другое воздействие... это, конечно, не относится ко всем книгам во все времена и у всех читателей — но это достаточно часто оправдывается настолько, чтобы сделать книги самым важным средством стратегической [долгосрочной] пропаганды»².

---

¹ *Розенталь Э.М.* Власть иллюзии. М., 1978. С. 156.

² *Финн П., Куве П.* Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу. М., 2015. С. 137. В Послесловии, впрочем, авторы грустно говорят: «Много лет спустя, в эпоху терроризма, беспилотников и заказных убийств вера ЦРУ — и Советского Союза — в то, что литература способна преобразовывать общество, кажется старомодной и наивной» (С. 275).

«Борьба за конец идеологии», создание «ударных интеллектуальных контргрупп», навязывание «экспертизма», превознесение компетентности аналитиков и постоянное принижение значимости «некомпетентных», «излишне амбициозных» и «крикливых» интеллектуалов, якобы лишенных профессионализма (вплоть до, как уже было подчеркнуто, поддержки групп интеллектуалов, наделенных именно такими чертами в порядке замысла), — является ли все это «происками» атлантизма (или «мирового империализма»), нет ли здесь какого-то преувеличения или нарочитой таинственности (если не конспирологических мотивов)? Едва ли: в самом деле, могли ли проводники идей и политической практики атлантизма (к 80–90-м годам XX века превратившимся, по выражению А.С. Панарина, в «великодержавный глобализм Америки»¹) допустить ту, по его же выражению, «присущую интеллектуалам иронию», являющуюся «разрушительной в отношении любой ”лозунготиражирующей” политической практики»², если такая практика стремительно утверждалась в послевоенной Европе (и получила бы развитие и признание, равным образом и влияние)? Конечно, нет. Одно дело — интеллектуалы с их критическим сомнением и разрушительной иронией, и другое — эксперты-«профессионалы», аналитики, весьма далекие от «ненужных» рассуждений, сомнений и «несанкционированного» анализа, неуместных разоблачений.

Возможно ли со стороны идеологов «культурного плана Маршалла» было допустить существование влиятельной и независимой группы, выносящей на суд общественного мнения собственные, не согласованные с «генеральной линией» вердикты³, ставящей зада-

---

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 92.

² Панарин А.С. Стиль «ретро» в идеологии и политике. (Критические очерки французского неоконсерватизма). М., 1989. С. 186.

³ Но если некоторые интеллектуалы или считающиеся таковыми и действуют «по согласованию», то велик риск попасть под уничтожающий огонь критики интеллектуалов настоящих. Приведем пример. Жан Бодрийяр, по выражению А.В. Дьякова, отличался своей «исключительной способностью к провокации» и склонностью «наступать на любимые мозоли интеллектуалов». Характерно столкновение его с американской писательницей и критиком Сьюзен Зонтаг. — «Летом 1993 г. Зонтаг посетила Сараево с целью привлечь внимание мировой общественности к происходящему на территории бывшей Югославии. Она призывала интеллектуалов всего мира к солидарности с жертвами учиненного сербами геноцида и занималась организацией культурной помощи боснийским мусульманам (в частности постановки пьесы С. Беккета ”В ожидании Годо”). Бодрийяр увидел в этой деятельности работу на ”новый мировой порядок”, устанавливаемый Западом по всему миру. <...> Западные интеллектуалы, подчеркивает Бодрийяр, стремятся перевернуть ситуацию с ног на голову и, поддер-

чей «культивировать сомнения», — особенно в 50–60-е годы, когда «американский мессианизм» только начал утверждаться в Европе именно в качестве истины, за которой не надо было охотиться, поскольку она *провозглашена* в качестве догмы, не терпящей никаких сомнений. Итак, ясно, что атлантисты не могли допустить существование независимых интеллектуальных групп, представляющих угрозу их намерениям и планам; не представляет сомнений и то, что интеллектуалы были одной из сил, стоящих на пути продвижения американской культуры и американского «великодержавного глобализма». Такой вывод можно сделать исходя хотя бы из анализа тех серьезнейших усилий, которые были предприняты «американскими комиссарами» и «бонзами атлантизма» по устранению интеллектуалов с их неудобной гетеродоксией, неуправляемостью, свободой мысли. Как уже было сказано, атлантисты одержали в Западной Европе весьма убедительную победу, выполнив задачу устранения опасных «универсальных интеллектуалов» и «заменив» их безопасными и легко поддающимися управлению экспертами или интеллектуалами постмодернистского толка¹, — так что ныне «в полном соответствии с манихейскими установками идеологического прогрессизма мир рассматривается как находящийся на марше — от тоталитарного прошлого к американоподобному либеральному будущему. Как и водится в таких случаях, здесь различают непримиримых врагов и идеологических попутчиков. Одни подлежат устранению, другие — классификации и отбору на возможную пригодность»². Надо, впрочем, признать, что в рядах непримиримых врагов интеллектуалы в наше время уже не числятся, а как попутчики устроить «американских комиссаров» они не могут: в самом деле, если задача нового «великого учения» — «либерального талмудизма», как говорил А.С. Панарин, в сравнении с марксизмом, бывшим оппонентом, «стала и проще, и приземленнее: вместо того чтобы искать черты нового общества и нового человека в тек-

---

живая система подавления, распространить западные ценности на Востоке. Поэтому Зонтаг играет на руку системе...» (*Дьяков А.В. Жан Бодрийяр собственной персоной // www.vshh.science/blog/aleksandr-dyakov. С. 14*).

¹ «Интеллектуал эпохи постмодернизма, описанный Лиотаром, — пишет Х. Антонио Марина, — менее опасен. Он не верит, будто есть нечто великое, что требуется оставить, а если и было бы что-то подобное, то точно неизвестно, о чем именно идет речь. Он превращает анализ в дискурс, а потом подвергает дискурс анализу» (*Марина Х.А. Интеллектуал и власть // Интеллектуалы и политика / Под ред. Р. Дель Агилы. М., 2007. С. 48*).

² *Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 99.*

стах ”учения”, их теперь предстояло узреть наяву — в лице американского образца¹, — то очевидно, что никаких усилий, особенно интеллектуальных, прилагать для восприятия новой «генеральной линии», не требуется (да и не «благословляется» жрецами «либерального талмудизма»).

В настоящее время, надо признать вместе с Джульетто Къезой, — интеллектуалом, борцом против американского неоимпериализма, — что «Европа и не свободна и не независима, как мечталось некоторым из ее отцов-основателей, ибо она покорно подчиняется воле заокеанского союзника и властелина». — Однако нет никаких оснований, что этот «порядок» установлен окончательно, ибо, как продолжает Дж. Къеза, «Европа может выбрать и другой путь — альтернативный вариант самостоятельности и суверенитета. Но сделает этот выбор только при условии, что придут к власти новые правящие классы, не поддающиеся шантажу, не раболепствующие перед хозяином и не являющиеся лакеями по назначению ”Хозяев Вселенной”»². Учитывая нарастающую «деатлантизацию» Европы, такое развитие событий более чем вероятно.

Таким образом, *актуальность* и даже *необходимость* изучения истории интеллектуалов как особого рода активной политической группы западноевропейской интеллигенции (прежде всего Франции и Италии) в свете вышесказанного предстают вполне обоснованными: в ходе своей общественно-политической, как и собственно интеллектуальной деятельности, и в лице своих ярких представителей интеллектуалы поставили множество острых политических проблем, предоставив достаточно интересные, подчас неожиданные, ответы и методы решения вопросов политической теории и практики; обозначив, с одной стороны, пути взаимодействия политики и культуры, вскрыв опасности, которые может представлять для культуры — политика, а для политики — культура; а с другой — будучи подчас связующим звеном между политическими теориями, идеологиями и доктринами, и — политической практикой, претворением идей в реальность, интеллектуалы сами в определенные моменты своей истории представляли опасность для некоторых идеологов и политических деятелей, если не для целых направлений, идеологий и движений в политике. Дело тут не столько в том, что в политике есть сферы и проблемы, для решения которых менее всего нужны критика и обсуждение, тем более так, как это делают интеллектуалы — с дискуссиями и борьбой

---

¹ Панарин А.С. Испытание глобализмом. М., 2000. С. 98.

² Къеза Дж. Что вместо катастрофы? М., 2014. С. 91–93.

мнений. Сам *универсализм* интеллектуалов, способы и методы их критического осмысления совершенно разных вопросов, имеющих отношение к политике, — на каком-то этапе все это становится препятствием для сил и лиц, разрабатывающих свои планы и стратегии, — причем не обязательно глобального масштаба. С этой точки зрения в несколько ином, нежели обычном, свете предстают некоторые работы известных мыслителей, отвергающих и «дезавуирующих» как универсализм интеллектуалов, так и универсализм в культуре и науке¹.

ГЛАВА 2

Политика или культура: интеллектуалы между независимостью и партийными императивами

Автономия интеллектуала и культура

Ключом ко всей проблематике, связанной с интеллектуалами, является, если можно так выразиться, «основной вопрос интеллектуалов» — вопрос автономии (или независимости) в их политиче-

---

¹ Одной из влиятельнейших концепций в этом ряду является концепция Ж.-Ф. Лиотара, который полагал, что в постмодернистском мире не может существовать никакого универсализма, — интеллектуал, соответственно, попросту не может обрести свое место в этом мире (см. известную работу Лиотара «Могила интеллектуалов»: *Lyotard J.-F. Tombeau de l'intellectuel et autres papiers. Galilée, P., 1984*; первая публикация — в «Le Monde», 8 октября 1983 года). В постмодернистском (одновременно постиндустриальном, или наоборот) обществе, по Лиотару, «знание должно использоваться не как инструмент критики общества отчуждения (буржуазного общества) и гарантирования посредством этой критики общественной динамики, а как способ гармонизации существующих социальных противоречий (в процессе языковых игр, различных дискурсивных практик), обеспечения единства и повышения эффективности общества-машины...». — При этом наука в эпоху постмодерна «утратила свою легитимность в связи с кризисом метарассказов. Кризис метарассказов... повлек делегитимизацию науки, падение ее статуса со всеми вытекающими отсюда последствиями для высшего образования» (*Трыков В.П. Концепция высшего образования Жана-Франсуа Лиотара как теоретическая модель современной высшей школы // Знание. Умение. Понимание. 2012. № 3. С. 46*). Ясно, что во многом концепция Лиотара напоминает идеи «конца идеологии»: значение некоторых фактов преувеличивается, тогда как противоречащие «теории» факты и идеи не замечаются. Идеология, стоит заметить, изгоняется Лиотаром из «общества постмодерна», которое якобы не может состоять в «идеологическом рабстве». Что уж тут говорить об интеллектуалах в обществе по Лиотару — их существование в «старом статусе» становится бессмысленным.

ской деятельности. Будет легко заметить, что самая острая полемика среди интеллектуалов, чему бы она ни была посвящена, явным или неявным образом имеет истоки именно в разногласиях по вопросу автономии интеллектуалов. Это в сильной степени прочитывается у Шарля Пеги; проблема серьезно дебатруется в острой дискуссии Романа Роллана и Анри Барбюса и связанной с этим спором полемике клартистов и ролландистов; острейшего накала дискусионные страсти достигают в баталиях Жюльена Бенда и Поля Низана о «предательстве и дезертирстве». К большей или меньшей определенности в решении проблемы автономии интеллектуалы пришли уже после Второй мировой войны, — и это выразилось в обосновании Ж. Бенда и несколько позже Норберто Боббио нового «категорического императива» интеллектуалов — «не носить партбилет», не принимать непосредственного участия в политике, оставаясь в рамках своей «епархии», своей «юрисдикции»¹. Будучи с самого своего возникновения в «буре дела Дрейфуса» (Р. Роллан) активной политической силой, но разделенной в самой себе и не представляющей иной форму существования, кроме бурной полемики по бесчисленным вопросам, интеллектуалы с самого начала не мыслили свою историю иначе как историю споров о самих себе. В самом деле, преж-

---

¹ Партийный догматизм, партийные императивы, убеждены и Бенда, и Боббио, — деформируют сознание интеллектуала, нивелируя его особую роль в политике, сводя ее до простой партийно-политической деятельности, превращая «человека культуры» в «человека с партбилетом». «Партийная вовлеченность» интеллектуала отличается от его, если угодно, «классической вовлеченности» (engagement), причем наряду с последним понятием в работах и полемике интеллектуалов и исследователей их истории использовалось, но не получило распространения и признания понятие *embrigadement* — по определению Ф. Гвидали, «сугубо партийная вовлеченность, борьба в рядах партии, которая определяет решения и поведение своих активистов» (*Guidali F. Uomini di cultura e associazioni intellettuali nel Dopoguerra tra Francia, Italia e Germania occidentale (1945–1956)*. Berlin, 2013. P. 41). В своих работах, посвященных историческому развитию engagement интеллектуалов, известный ученый, специалист по истории французских и американских интеллектуалов Дэвид Шалк, касается и понятия *embrigadement*: см. две его известные книги: *Schalk D.L. The Spectrum of Political Engagement*: Mounier, Benda, Nizan, Brasillach, Sartre. Princeton, 1979; *Schalk D.L. War and Ivory Tower. Algeria and Vietnam*. N.-Y., 1991. В последней работе, «Война и башня из слоновой кости», посвященной анализу публичной роли интеллектуалов во времена национальных кризисов (американских — в период войны во Вьетнаме, французских — в период Алжирской войны; политические перипетии французских интеллектуалов во время алжирских событий исследователь называет «новым делом Дрейфуса»), Д. Шалк говорит: «Я утверждаю, что когда [интеллектуал] становится *embrigadé*, он отказывается от своего статуса интеллектуала» (*Schalk D.L. War and Ivory Tower. Algeria and Vietnam*. N.-Y., 1991. P. 53).

де чем участвовать в полемике на сугубо политические темы, выступать с требованиями и критикой, новой «своеобразной общественной группой» (М.И. Туган-Барановский) необходимо было оправдать это участие, «представиться» политикам и общественности, с одной стороны, и более или менее четко представлять собственную роль, равно как и то, на чем эта роль базируется, на каких основаниях выдвигаются требования и чем они обосновываются, — с другой.

Полемике интеллектуалов по вопросам самоопределения можно представить как два больших комплекса проблем. В ходе почти целого века интеллектуалы спорили, выдвигая различные решения по вопросам, с одной стороны, о предназначении, роли, обязанностях, — и наконец, о смысле и цели своей политической деятельности; а с другой — о принципиальной возможности такой деятельности, об *инстанции*, которая дает интеллектуалу право политического участия. Ведь если политическая роль его является необходимой, то в силу чего — собственной интеллектуальной инициативы или внешних по отношению к интеллектуалу императивов (например, партийной доктрины или решений партии относительно практических действий)? Критика аполитичности сама по себе не дает ответов на эти вопросы, так как влечет основной вопрос, на который должен ответить интеллектуал: какая инстанция придает ему политическую роль? В ходе длительной, более чем полувековой полемики, среди интеллектуалов было достигнуто определенное согласие (если вообще можно говорить о «согласии интеллектуалов»). Такой инстанцией является культура, и поэтому все противоречия истории интеллектуалов по определению связаны с противоречиями отношений политики и культуры. Выдвижение этого принципа, согласно которому смыслом деятельности интеллектуала в политике, его важнейшей политической ролью является защита культуры, забота о ее сохранении, связано с именами и политической деятельностью французских интеллектуалов — Ромена Роллана и Анри Барбюса, а обоснование — с именем итальянского интеллектуала Норберто Боббио, автора важнейшей работы XX века по «теории интеллектуалов» — «Политика и культура» (1955).

Интеллектуал, полагает Норберто Боббио, является «человеком культуры», и до тех пор, пока им остается, действует и его право называться интеллектуалом, действителен его «политический мандат», в силе пребывают его идеи, призывы и манифесты. На основании своей принадлежности к культуре интеллектуал вправе судить и выносить вердикты о политике и власти, о политических решениях и о полити-

ческих деятелях; более того — подчас интеллектуал не столько вправе судить, сколько не имеет права уклониться от свершения своего суда, чего бы ему это не стоило. История интеллектуалов предоставляет нам много примеров «мужества судить», честности и бескомпромиссности людей культуры, их бесстрашия и решительности.

Принадлежность интеллектуала к миру культуры не решает автоматически проблему формулировки цели его политической активности и не отвечает строго на вопрос о том, в чем заключается его роль в политике, хотя, казалось бы, ответ — «защита культуры» как главная цель, определяющая любые его политические действия и его борьбу, которую он ведет в политике, — возникает сам собой. Но, во-первых, при всей кажущейся очевидности и правильности таким образом сформулированной роли в политике, выдвинуто это положение было, повторим, только в межвоенный период, а обосновано и превращено в программу действий только в 50-х годах XX века. Во-вторых, прежде чем было предложено такое «простое» решение, интеллектуалам предстояло пройти долгий путь поисков ответов на вопросы об отношении к партиям, о степени автономии от партий и о степени независимости от политических догм, о возможности сохранения интеллектуальной независимости при участии в политической жизни и борьбе в составе той или иной партии.

*Пolemика о «предательстве»
и «дезертирстве» интеллектуалов*

Весьма важной и продуктивной в плане самосознания и самоанализа интеллектуалами своей роли оказалась противоречивая как в содержательном, так и понятийном смыслах концепция «предательства интеллектуалов» Жюльена Бенда, развернутая им в двух книгах-памфлетах: «Предательство интеллектуалов» (1927) и «Конец вечности» (1929). Истинный интеллектуал (точнее, *клирик*, отстраненный от житейских страстей, молитвенно-сосредоточенный средневековый *clericus*)¹, полагает Бенда, чужд политических страстей и соблазнов, космополитичен, его родина — истина, справедливость, —

---

¹ О происхождении и исторической специфике употребления термина *cleric* — в связи с концепцией Ж. Бенда — см.: *Косиков Г.К.* Может ли интеллигент быть фашистом? (Пьер Дриё Ла Рошель между «словом» и «делом») // Сквозь шесть столетий. Метаморфозы литературного сознания. Сборник в честь семидесятипятилетия Л.Г. Андреева / Сост. и общ. ред. Г.К. Косикова. М., 1997. С. 269–272.

вечные ценности разума. Соблазн национализма при этом — самый опасный из всех соблазнов, угрожающих интеллектуалу: для Бенда «основным источником интеллектуального предательства является ”национальная страсть”, а также все подобные ей страсти к отождествлению с героем или принадлежности к определенному коллективу»¹. Предатели — те из интеллектуалов, кто служит партии, классу, государству; те, кто «променяли принципы истины и справедливости на ”пользу родине” и политической группировке, поклонившись этим идолам... предали свою миссию»²; — тогда как истинному интеллектуалу (клирику), повторим вместе с Бенда, следует служить исключительно истине и справедливости³.

Аристотелевская созерцательная сосредоточенность, подобающая клирику, не должна заменяться политическим митингом, где людьми управляют идеологии, то есть «мысли, искаженные коллективными страстями»⁴. Интеллектуалы, предавшие свое призвание и «предавшиеся» политике, рискуют полным растворением в ней вместе с утратой своей сущности. Оправданий такому предательству Бенда не принимает: «Признаюсь, я не верю в интеллектуала, который, как меня уверяют, предается политической деятельности из чувства долга, в силу смирения, тогда как основой его существования была страсть к чистоте духа. Страсть к духовным вещам — это императив; тот, кто поражен ею, возможно уделит момент своей жизни публичности, но не отдаст ей ее всю целиком»⁵.

Слово «клирик» не прижилось, и употреблялось разве что в ироническом смысле: сам Бенда пользовался чаще словом «интеллектуал»

---

¹ Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999. С. 75.

² Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 165.

³ Клирики у Ж. Бенда — это и мыслители (не только политические, но и религиозные), и писатели, и художники, и т.д., — все те, говорит Бенда, «кто в своей деятельности, по существу, не преследует практических целей и, находя отраду в занятиях искусством, или наукой, или метафизическими изысканиями — словом, в обладании благом не временным, как бы говорит: ”Царство мое не от мира сего”». Действительно, обозревая более чем двухтысячелетний период истории, я вижу протянувшуюся до наших дней непрерывную череду философов, религиозных мыслителей, литераторов, художников, ученых... чьи устремления составляют полную противоположность реализму масс. <...> Однако в конце XIX века происходит радикальная перемена: интеллектуалы начинают потворствовать политическим страстям; накидывающие узду на реализм народов теперь становятся его поощрителями» (Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2009. С. 110–111).

⁴ Бенда Ж. Конец вечности. СПб., 2012. С. 9.

⁵ Бенда Ж. Конец вечности. СПб., 2012. С. 33.

(да и был им). Понятие «клирики» — так, как понимал его Бенда — попросту не соответствовало ничему в действительности, так как в те годы «созерцательных клириков» среди интеллектуалов почти не было. Писатель, декларировавший отвлеченность от политики, выглядел бы особенно странно в 30-е годы; в политизированное время среди интеллигенции сложно было отыскать совершенно аполитичных людей, да еще и громко заявляющих при этом о своей аполитичности; так что среди тех, в ком Бенда хотел бы видеть клириков, таковых было совсем мало или не было вовсе; также и сам Жюльен Бенда не был отстраненным от жизни клириком, созерцающим вечные идеи.

Если нововведение «клирик» (как обозначение для «идеального интеллектуала») было несколько неожиданным в дискурсе интеллектуалов, то о «предательстве» такого сказать нельзя. Итальянская исследовательница Паола Соссо показывает, что задолго до памфлета Бенда, начиная уже с противостояния дрейфусаров и антидрейфусаров, то есть с самого первого сражения интеллектуалов, они то и дело обвиняли друг друга в предательстве (это отмечается и Кристофом Шарлем). Так, Морис Баррес в насквозь буланжистском «Призыве к солдату» (1900) называет предателями интеллектуалов, безразличных к судьбе, характеру и пути французской нации, забывших о предках и традиции. Эмиль Золя «возвращал» обвинение, показывая, как политики и интеллектуалы-антидрейфусары подчас легко и без раздумий предают закон и справедливость, «эксплуатируя» национализм, с помощью уловок и обмана подвергая искажениям любовь к Родине¹. Сам Бенедетто Кроче нередко прибегал к использованию термина «предательство» практически в том же значении, что и у Ж. Бенда, по отношению к интеллектуалам, поставившим науку на службу сиюминутным интересам политической борьбы. Кроче писал: «Если они хотя бы раз предали истину, что помешает им предавать снова? Может быть, они совершили предательство из-за любви к родине? Но истину нельзя предавать из-за любви к чему-либо или к кому-либо: ведь, если согласиться с тем, что это дозволено делать из любви к родине, почему бы не совершать этого потом во имя сына или друга..?»².

---

¹ См.: *Sosso P. Julien Benda, Benedetto Croce e la funzione dell'intellettuale // L'utile, il bello, il vero. Il dibattito francese sulla funzione della letteratura tra Otto e Novecento / A cura di T. Goruppi, L. Sozzi. Pisa, 2002. P. 279.*

² Цит. по: *Sosso P. Julien Benda, Benedetto Croce e la funzione dell'intellettuale // L'utile, il bello, il vero. Il dibattito francese sulla funzione della letteratura tra Otto e Novecento / A cura di T. Goruppi, L. Sozzi. Pisa, Edizioni ETC, 2002. P. 280.*

«Идея ”предательства интеллектуалов”, — пишет Р. Рива, — обрела необычно счастливую судьбу; логично будет признать этот концепт обратной стороной медали политической вовлеченности, с которой ”предательство” представляется связанным неким противоречивым единством с самого момента своей формулировки. Речь идет, таким образом, об определении позиции интеллектуала в отношении к обществу — от отрешенного аскета в башне из слоновой кости до бойца, не выходящего из сражений»¹. Работы Бенда и полемика, которую они вызвали, — все это стало важным этапом в процессе самосознания и самоопределения интеллектуалов, так как в ходе «дискуссий о предательстве» окончательно фиксируется политическая составная понятия «интеллектуал», *постулируется* политическая роль этой новой группы, пусть даже и политическое значение соответствующего концепта вынесено в качестве обвинения интеллектуалам. Концепция «предательства» обрела известность и влияние главным образом потому, что была выдвинута и стала предметом для полемики именно в то время, когда политическая роль интеллектуалов стала очевидной, и речь шла уже не об основах, а о конкретных моментах ее реализации; Бенда же «рискнул» возвратиться именно к «основам», поставив под сомнение необходимость политической деятельности интеллектуалов (конечно, это сомнение в дальнейших дискуссиях, вызванных его работами, было развеяно).

Таким образом, несмотря на противоречивость как обвинений, так и «позитивной» части концепции Бенда, его идеи и вызванные им споры принесли плоды. Во-первых, критика Бенда «помогла» зафиксировать факт того, что интеллектуал «вмешивается» в политику, следуя своим собственным внутренним убеждениям, без какого-то внешнего воздействия (что не отменяет в дальнейшем влияние партийных установок и доктрин, если личные побуждения привели интеллектуала в партию), — то есть заострить внимание интеллектуалов на проблеме собственной независимости, *автономии интеллектуала*. Во-вторых, им была остро поставлена проблема участия интеллектуалов в партиях и политических союзах, определена угроза превращения интеллектуала в политика, забвения своих подлинных целей (при любом понимании и трактовке смысла деятельности и роли интеллектуала — цель и смысл его политической активности резко отличается от целей и роли политиков, партийных деятелей, ведь интеллектуал не стремится к власти,

---

¹ Riva R. Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità. Venezia, 2012. P. 18.

власть не является его целью)¹. В-третьих, своим личным примером Бенда отчасти опроверг свою же концепцию, показав, что в эпоху наступления реакции, в ситуации, когда не только культуре, но и самой цивилизации угрожает опасность, интеллигент в принципе не может отказаться от политической борьбы, как бы ни понимались им роль, цель и смысл интеллигента.

Безусловно, при рассмотрении концепции (или, скорее, все же концепта) «предательства интеллигентов» Бенда нельзя не учитывать политическую обстановку, исторический контекст, в котором эти идеи были сформулированы: «Отсылки и примеры, содержащиеся в *"Trahison"*, в большинстве случаев имеют источником идеологические противоречия конца 20-х годов XX века. Политическая сцена была таковой — Европа, наполненная открытым или ползучим фашизмом; политический климат тех лет был особо благоприятным для расцвета реакционных режимов»². Однако, на наш взгляд, нет смысла сводить концепцию Ж. Бенда исключительно к историко-политическим факторам конца 20-х годов, представляя памфлет Бенда как своего рода диагноз политического состояния Западной Европы тех лет, — время расцвета и разгула «политических страстей», когда, по его же словам, Государство, Родина, Класс — стали Богом. Концепция «предательства интеллигентов» имеет куда более широкий охват, как по времени, так и по своему существу (хотя сама терминология — *предательство*, и затем имеющее более сильный «военный акцент» *дезертирство*, — свидетельствовала за себя: тут и отблески недавней войны, и тревожные вполночи приближающейся новой).

Без сомнения, концепция Ж. Бенда в сильной степени повлияла на послевоенные западноевропейские споры о роли интеллигентов,

---

¹ В предисловии к изданию «Предательства интеллигентов» 1946 года Ж. Бенда корректирует свою позицию относительно «способов предательства», главной мишенью критики представляя тех интеллигентов, которые участвуют в деятельности политических партий (этим, конечно же, «варианты и типы предательства» не ограничиваются, но на критике партийной принадлежности делается серьезный упор). С особой силой критик обрушивается при этом не на писателей, но на ученых: «Вообще говоря, я считаю, что свою функцию интеллигента предают все те ученые, которые, в качестве ученых, становятся на службу какой-либо политической партии... и доказывают толпе, что их узкополитические страсти оправданы наукой, тогда как прекрасно знают, что эти страсти бывают таковыми лишь при условии крайнего упрощения, если не извращения, науки» (Бенда Ж. Предательство интеллигентов. М., 2009. С. 62).

² Riva R. Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità. Venezia, 2012. P. 19.

и не в малой степени послужила отправной точкой для разработки теории «ангажированной литературы»¹, — в определенном смысле как ответа на критику Ж. Бенда; но нельзя при этом не учитывать сугубо полемический, в какой-то степени провокационный посыл его работ: удачно (хотя с этим можно поспорить) найденное слово «предательство», собственно, и принесло им успех, взбудоражив и спровоцировав соответствующей «тяжести обвинений» силы ответную реакцию (понятно, что «предательство» зачастую понималось и «инкриминировалось» именно как измена определенной политической позиции, измена классу или партии, а вовсе не как отказ от созерцательности в пользу политической вовлеченности). Хотя концепция Бенда не сводится только лишь к обвинению интеллектуалов в том, собственно, что они интеллектуалы (а не созерцательные клирики из *turris eburnea*), в дальнейшем имя Бенда прочнейшим образом связалось исключительно с этими образами, — и это несмотря на то, что *интеллектуал Жюльен Бенда* — будучи дрейфусаром, соратником Шарля Пеги и сотрудников его «Двухнедельных тетрадей»² — поступал в полном согласии с принципами политического действия тех интеллектуалов, которые совершают, согласно *философу из turris eburnea Жюльену Бенда*, предательство³. Вопреки «идеалу» отстраненного от жизни клирика, Бенда на деле — скорее «воинствующий клирик»: свидетельство этому — его участие в дискуссиях, в союзах интеллектуалов и конгрессах в защиту культуры, — Бенда действовал в согласии с моделью интеллектуала, а не следуя образу клирика⁴.

---

¹ В 1946 году Бенда включает ангажированность (вовлеченность) в список «новых видов предательства», обвиняя тех интеллектуалов, которые «ценят мысль, если только она предполагает ”вовлеченность” (“engagement”) автора, а именно вовлеченность политическую и моральную... вовлеченность в битву настоящего момента, со всем, что в ней есть случайного, — писатель должен быть ”вовлечен в настоящее” (Сартр), должен занимать позицию в современности *как таковой* и питать величайшее презрение к тем, кто хочет возвыситься над своим временем» (*Бенда Ж. Предательство интеллектуалов*. М., 2009. С. 62).

² Из работ, посвященных Шарлю Пеги, см.: *Тайманова Т.С. Шарль Пеги: философия истории и литература*. СПб., 2006; *Бальтазар Г.-У. фон. Образ Пеги // Пеги Ш. Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия*. М., 2006.

³ «Предать значит выбирать ошибочную сторону, — размышляет о противоречиях Бенда Норберто Боббио, — дезертировать означает уклониться от выбора правильной позиции. Переходишь на сторону врага — предаешь, оставляешь друга — дезертируешь. Но какая сторона правильная, а какая — нет? Кто друг, кто враг?» (*Bobbio N. Il dubbio e la scelta. Intelletuali e potere nella società contemporanea*. Roma, 1993. P. 173).

⁴ Жюльен Бенда, говорит Н. Боббио, «никогда не укрывался в башне из слоновой кости и не занимал пассивной позиции в отношении фашизма и нацизма. Он прини-

Конечно, будучи, по выражению Ильи Эренбурга, «неистовым рационалистом»¹, Бенда, надо полагать, осознавал «некоторое отступление» от своего же идеала, но поделать ничего не мог: эта модель отношений «интеллектуалы — политика» была установлена необходимым образом, а не как результат «увлечения» отдельными «клириками» политическими страстями (которым можно поддаться, а можно и сохранить «стойкость»).

Дискуссии о *trahison des clercs* начались сразу же по выходу книги в 1927 году. Один из самых серьезных противников Бенда и соответственно, защитников интеллектуалов, Поль-Ив Низан, друг Сартра, марксист², вступивший в 1927 году в ряды французской компартии, в 1932 году публикует книгу «Сторожевые псы», — это, по сути, «контрпамфлет» в ответ на обвинения, выдвинутые в памфлете Бенда³. Интеллектуалов, отстраняющихся от политической борьбы, Низан обвиняет в *dezertirctve*. Спор идет о сущности понятия интеллектуалов: Жюльену Бенда, резко выступающему против политизации интеллектуального творчества, Низан возражает, приводя аргументы, свидетельствующие о том, что неангажированной философии не существует, и она может *действовать* (ведь философия, по Низану, — это прежде всего действие) только в политическом контексте; преданность же «вечным идеалам» — просто миф. «Грубая актуальность», как считает Низан, не позволяет философам быть отстраненными: желание «быть отсутствующими» — это дезертирство. (Думается,

---

мал участие в движении интеллектуалов в поддержку Испанской республики, всегда неизменно защищая демократию, расцениваемую как единственная политическая форма, за которую может бороться интеллектуал, не отступая от своего предназначения» (*Боббио Н.* Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 167).

¹ См.: *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга четвертая, пятая / Подг. Б.Я. Фрезинским. М., 2005. С. 68.

² Ж.-П. Сартр будет писать, что Низан «сделал из марксизма вторую натуру, или, лучше сказать, Разум с большой буквы. Были марксистскими его глаза и его уши. И также голова» (цит. по: *Riva R.* Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità. Venezia, 2012. P. 28).

³ Конечно, контрпамфлет Низана — не единственный в разразившейся полемике о предательстве (но, безусловно, самый яркий). Как рассказывает Ф. Гвидали, в 1929 году писатель-радикал Эммануэль Берл выступил в защиту политической направленности литературы и политической вовлеченности писателей и мыслителей — с памфлетом «Смерть буржуазной мысли» (см.: *Berl E.* Mort de la pensée bourgeoise. Première pamphlet: la Littérature. P., 1929). По словам Ф. Гвидали, Берл настаивал, что предательство состоит именно в отказе от политического действия, политической вовлеченности (*Guidali F.* Uomini di cultura e associazioni intellettuali nel Dopoguerra tra Francia, Italia e Germania occidentale (1945–1956). Berlin, 2013. P. 41).

«закат», «молчание», «уход» интеллектуалов, растянувшийся с 80-х годов XX века и длящийся по сей день, Низан расценил бы не иначе как «массовое», или, если угодно, «глобальное» дезертирство.)

Книга «Сторожевые псы», — будет писать Н. Боббио, — «это критика, направленная прежде всего против сорбоннских философов и интеллектуалов à-la Бенда, которых он как раз и клеймит ”сторожевыми псами” правящего класса¹, со свойственным им спиритуализмом и претензией быть выше классов, тогда как ”настоящая природа философии, как и всякой человеческой деятельности, — служить определенным персонам и их интересам”; с присущим им предубеждением, что будто бы они не принимают ничью сторону, тогда как преспокойно находятся на стороне власть имущих. Для коммуниста-неофита же речь идет о сознательном выборе определенной позиции — и этот выбор не может быть иным, чем выбор стороны угнетенных и обездоленных»².

Кто же предатель, а кто — дезертир? Итог полемики о «предательстве» подводит Норберто Боббио: «...Не получается ли, что и Бенда, подобно Низану, был непоследователен? Низан, осудив дезертирство, в конце жизни стал восхвалять стремление к познанию и защиту чести интеллекта. Бенда, выразив свое презрение к вовлеченным в борьбу интеллектуалам, сам, когда счел это необходимым, стал в ней участвовать. Дезертир... Но следует определить: с какого поля боя?.. Сторожевой пес... Но следует выяснить: на страже кого?.. Данный пример показывает сложность проблемы и зовет избегать упрощений, рождающихся скорее из полемического запала, чем из спокойного рассуждения. *Участвовать или не участвовать?* <...> Вот явное противоречие: участие не есть предательство, если сторона, к которой я примыкаю, лучше других осуществляет принципы моей веры; не-участие не есть дезертирство, если ни одна из сторон их не осуществляет»³.

*Ромен Роллан и Анри Барбюс:
проблема «партийности интеллектуалов»*

Полемика, связанная со спорами о предательстве и дезертирстве, касается проблемы автономии интеллектуалов — одной из важней-

---

¹ Удивительно, что списки «предателей» Бенда и «дезертиров» Низана пересекаются: в оба списка попал Анри Бергсон.

² *Bobbio N. Intellettuali // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 806.*

³ *Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 167.*

ших проблем отношения интеллектуала и политики: в какой мере интеллектуал, исполняющий политическую роль, действует в силу своего призвания и идеалов, а в какой — в силу его принадлежности к партии или иной форме политической организации? В самом деле, в межвоенный период, во время накала политических страстей, нелепо было призывать кого-либо, будь то писатель или политик, к «полной отрешенности» и к «аристотелевской созерцательности»: интеллигенция была вовлечена, «вброшена» в политическую борьбу, и дело было лишь в том, чтобы решить, насколько интеллектуал должен быть погружен в политику; политическая роль была для него не привилегией или даром небес, а настоятельным велением времени, он мог, если вспомнить выражение Р. Роллана, быть вне партий, но никак не мог быть вне политики.

Ромен Роллан в проработанной форме не только поставил вопросы, вскрыл основные противоречия политической деятельности интеллектуала, но и обозначил контуры решения тех проблем, которые волновали Бенда: отвергая «партийность интеллектуалов», подвергая критике тех из них, кто действует во имя эгоистических интересов партии или класса (как и Бенда), Роллан отстаивает принципиальную возможность и необходимость существования интеллектуалов, сплоченных нравственными принципами и осуществляющих, по выражению В.Е. Балахонова, «апостольскую» деятельность, и состоящих, по словам уже самого Роллана, «на службе ни реакции, ни революции, — а только разума»¹. При этом Ромен Роллан, по выражению С. Цвейга, «не сомневался, что в эпоху господства партийности ни одно стремление не может быть более неблагодарным, чем стремление к беспартийности»².

Свой личный «поход во имя Истины» Ромен Роллан начал необычайно ярко и смело — с призыва к миру, обращенному к захваченной шовинизмом Европе. Конечно, во время разгула воинственных настроений³ призыв к миру может вызвать потоки ненависти, но вы-

¹ Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958. С. 148.

² Цвейг С. Совесть Европы // Цвейг С. Соч. В 10 т. Т. 5. М., 1992. С. 445.

³ Р. Роллан пишет: «Самая поразительная черта в этой чудовищной эпопее, факт, не имеющий прецедентов, это — единодушные стремления к войне у всех народов. <...> Никто не устоял против этой эпидемии. Нет больше ни одной свободной мысли, которой удалось бы удержаться вне пределов влияния этого бедствия» (Роллан Р. Над схваткой // Роллан Р. Соч. Т. XVIII. Над схваткой. Предтечи. Л., 1935. С. 23). «Интеллигенция во времена войны, — справедливо негодует Андре Моруа, — из-за боязни общественного мнения отрекалась от разума» (Моруа А. Ромен Роллан // Моруа А. Соч. В 10 т. Т. 10: Литературные портреты. М., 2001. С. 274).

дающийся интеллеktуал презрел опасность. На фоне военной истерии в Европе, захватившей и «людей культуры» Франции и Германии¹, 22 сентября 1914 года в «Журналь де Женев» Р. Роллан публикует свою знаменитую статью-манифест «Над схваткой» («Au-dessus de la mêlée») — пожалуй, один из ярчайших антивоенных манифестов истории, которым писатель открыл серию призывов и протестов против войны и ненависти². — Но именно шквал ненависти обрушился на мужественного интеллеktуала, не побоявшегося пойти против «общественного мнения», как со стороны большинства французской³, так и со стороны немецкой интеллигенции; впрочем,

---

¹ «Своеобразные бои, — говорит Роллан, — происходят между метафизиками, поэтами, историками. Эйкен против Бергсона, Гауптман против Метерлинка, Роллан против Гауптмана, Уэллс против Бернарда Шоу. Киплинг и д'Аннунцио, Демель и де-Ренье поют военные гимны. Баррес и Метерлинк запевают пеаны ненависти. Между фугой Баха и органом, ревущим: Deutschland über Alles, старый восьмидесятидвулетний философ Вундт своим разбитым голосом призывает к "священной войне" лейпцигских студентов. И все называют друг друга "варварами". Парижская Академия гуманитарных наук в лице своего президента Бергсона заявляет, что *"начатая против Германии борьба есть борьба цивилизации против варварства"*. Германская история устами Карла Лампрехта отвечает, что *"война начата между Германией и варварством и что теперешние сражения являются логическим следствием сражений, веденных Германией в течение столетий против гуннов и против турок"*» (Роллан Р. Над схваткой // Роллан Р. Соч. Т. XVIII. Над схваткой. Предтечи. Л., 1935. С. 23–24).

² Советский писатель В.Г. Финк (1888–1973), лично знавший Р. Роллана и других известных деятелей культуры Франции, принимавший участие в конгрессах 30-х годов, пишет: «Ромен Роллан был во Франции едва ли не единственным, кто сумел подняться над шовинизмом. По-моему, именно эти два слова — "над шовинизмом" — были бы более точным названием для его статьи. В этом смысле он был не над схваткой и не в стороне от нее. Очертя голову бросился он в схватку с невероятно сильным врагом. Давид и Голиаф. <...> Ни рев артиллерийских орудий, ни протяжный вой тыловых шовинистов не были в состоянии заглушить чистый и страстный голос, одиноко звучащий в Европе в защиту разума и человека» (Финк В.Г. Литературные воспоминания. М., 1963. С. 55–56).

³ «Французские буржуазные газеты, — пишет В.Е. Балахонов, — изощрались в клевете на Роллана, обвиняя его в отсутствии патриотизма, предательстве, германофильстве... Нашлись журналисты, которые требовали смерти писателя и провокационно намекали на судьбу Жореса. Яростная защита "своего" отчества и "своего" правительства, ненависть к Роллану, посягнувшему на священные принципы буржуазного "патриотизма", объединили писателей разных философских и политических взглядов. В "Temps" Роллана отчитывал и поучал А. Бергсон... Роллану указывали на пример Пеги, добровольцем отправившегося на фронт и сложившего голову в одном из первых боев на Марне. ...А. Жид возмущался "германофильскими" идеями "Жана Кристофа", а в середине 1915 г. Анри Массис увенчал поднятую им "антиролландистскую" кампанию клеветнической книжкой "Ромен Роллан против

не все представители интеллигенции были ослеплены милитаристской пропагандой: разум все же оказался сильнее ненависти (заметим, что свою статью «Над схваткой» Ролан поначалу хотел назвать именно так — «Сильнее ненависти»). Многие деятели культуры уже в 1914 году выразили свое сочувствие и поддержку смелому писателю, среди них — С. Цвейг, Г. Уэллс, Г. Гессе, Б. Шоу, Э. Верхарн. В 1915 году к деятелям культуры, выступившим в поддержку писателя, присоединяются А. Швейцер, А. Эйнштейн и многие другие; в том же году Эйнштейн приезжает к Ромену Роллану в Швейцарию. «Роллану особенно понравилась в Эйнштейне ”абсолютная, счастливая и единственная в своем роде независимость духа”», — рассказывает Т.В. Мотылева. — Так «все яснее становилось Роллану, что у него нет оснований чувствовать себя покинутым и обреченным на молчание. Разные люди в различной форме высказывали ему горячее одобрение и благодарность»¹.

Призывы Ромена Роллана против разжигания ненависти, его борьба с милитаристской пропагандой и насилием постепенно (и достаточно быстро) оказываются действенными и результативными: «Его статьи способствовали разрушению многих иллюзий в сознании европейской интеллигенции, будили мысль, заставляли по-новому оценить содержание и цели войны, воспеваемой идеологами империализма»². С другой стороны, «по мере затягивания войны, когда с нее спали последние романтические покровы, наступило прозрение, за которым последовали мучительные попытки разобраться, кто виноват в том, что война обернулась трагедией, и что делать дальше (сакраментальные вопросы, мучившие и русскую интеллигенцию). Эти вопросы задавали себе даже люди правых убеждений, которых, как, например, Барреса, нельзя было заподозрить в симпатиях к пацифизму. Тем более не могли уклониться от них представители левой интеллигенции»³. — Так, Анри Барбюс, отправившийся на вой-

---

Франции”. <...> С не меньшим ожесточением нападала на Роллана немецкая интеллигенция» (*Балахонов В.Е.* Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958. С. 16–17). Анри Массис — идеолог правых, воинствующий империалист и клерикал, ученик Ш. Морраса, исследователь творчества Э. Золя и М. Барреса; среди прочих обвинений Массиса — и обвинение в моральном дезертирстве (вообще, взаимные обвинения интеллектуалов в предательстве и дезертирстве отсылают, конечно же, к реалиям Первой мировой войны).

¹ *Мотылева Т.В.* Ромен Роллан. М., 1969. С. 160–161.

² *Балахонов В.Е.* Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958. С. 33.

³ *Ревякин А.В.* Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 488.

ну добровольцем, уже к лету 1915 года приходит к пониманию, что «война — это самоубийство одной армии... Самоубийству должно положить конец. Отсюда — не только безоговорочное осуждение империалистической войны, но и твердое решение: приложить все силы к тому, чтобы наперекор воле правительств народы протянули друг другу руки»¹.

Антивоенный роман Барбюса «Огонь», начатый писателем в декабре 1915 года, вышел отдельной книгой в конце 1916 года (перед этим по мере написания романа части его печатались в газете «Эвр»). «Огонь» — конечно, не первый опыт использования мастерами слова художественной формы для выражения и пропаганды своих идей, но несомненно первый в этом ряду по эффекту. Роман — довольно неожиданная форма протеста против войны, и реакционеры не сразу среагировали «организационно»; чиновники и цензоры, можно сказать, «пропустили удар»². «Огонь» вызывает широчайший резонанс, и не только во Франции. «В художественной литературе века не было книги, которая вызвала бы такую бурю восторгов и хулы, сочувствия и озлобления, как "Огонь". И не было книги, в такой мере ставшей фактором политическим. По сигналу монархической "Аксьон франсез" заговорили пушки главного калибра: реакционная пресса ударила по "крамольной книге"... Все, кого ужалила книга

---

¹ *Наркирьер Ф.С.* Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965. С. 41.

² То, что «Огонь» был выпущен без купюр и получил Гонкуровскую премию, вызывал в те годы и позднее удивление многих, в том числе и Р. Роллана. Так, по прошествии долгого времени В.Г. Финк будет вновь задавать вопросы: «Поговорка "книги имеют свою судьбу", пожалуй, подошла бы и нам, если бы мы хотели отделаться от вопроса: почему же все-таки Барбюса не тронули, а Роллана едва не заклевали несмерть? Ответить на этот вопрос не поможет даже латынь... Мы не находили объяснения этому в те годы. И не только мы... но и сам Роллан. Даже теперь, когда я с трудом пробиваюсь сквозь толщу четырех с половиной десятилетий к тем дням, я не могу найти логического объяснения тому, что "Огонь" так и не был понят, а за статью "Над схваткой" Роллана жесточно травили» (*Финк В.Г.* Литературные воспоминания. М., 1963. С. 57). Впрочем, понятно, что выступление, которое в самом начале войны могло быть расценено чуть ли не как предательство, спустя два года воспринималось как суровая, но справедливая критика милитаризма и шовинизма, ибо результаты разгула «военных страстей» были очевидны. К тому же, интеллектуалы к этому времени успели «приручить» общественное мнение к своим специфическим формам выражения мнения и протеста, таким как манифесты, статьи, публицистика и т.п., — так что, вполне возможно, протест в форме художественного произведения поначалу могли и не заметить или не воспринять всерьез. Пожалуй, начиная именно с барбюсовского «Огня» литература вступает в открытую политическую борьбу.

Барбюса, накинулись на ”Огонь” и его создателя»¹. «Протест свидетеля», как назвал роман Барбюса его соратник-интеллектуал, будущий коммунист Раймон Лефевр², — в отличие от «протеста принципа» Р. Роллана, — предоставляет интеллектуалу право судить и выносить приговор. Книгу Анри Барбюса высоко оценили Р. Роллан, А. Франс, Р. Лефевр, М. Горький; не говоря уж о восторженных отзывах В.И. Ленина. Следующий роман Барбюса — «Ясность» («Clarté», 1919) — своего рода художественная артподготовка и «объявление о намерениях» создания целого движения интеллектуалов с таким же названием — Clarté. Глава «Ясность» («Clarté») из романа с тем же названием представляет собой нечто вроде программного заявления будущего союза-движения «Clarté» — Барбюсу было весьма дорого это слово, «ясность», которым он хотел подчеркнуть как серьезность и однозначную антимилитаристскую и антибуржуазную направленность будущего союза, так и тот факт, что мыслящим людям многое стало ясным, понятным в области политической борьбы.

«Кларте»: независимость или партийность?

С деятельностью Ромена Роллана и Анри Барбюса связано образование *непартийных* организаций интеллектуалов и участие в организационном оформлении движений интеллектуалов, выдвигающих политические цели защиты мира и культуры. Р. Роллан, верный своему принципу «вне партий, но не вне политики», после Первой мировой войны продолжал выступать с пацифистскими и антивоенными статьями, призывая нацию к умиротворению и защите ценностей культуры, подвергаемых войнами опасностям. Интеллектуал, полагал Р. Роллан, не должен поддаваться национальным амбициям и шовинистическим устремлениям; по отношению к подобным идеям и доктринам интеллектуал обязан сохранять независимость, свободу (платой за которую, как справедливо замечает М.А. Ариас-Вихиль, «был отказ от стремления к власти в любых ее проявлениях, от всякой ”партийности”»³). Ромен Роллан обвиняет тех интеллектуалов,

¹ Гуро Л., Фоменко Л. Анри Барбюс. М., 1962. С. 104–105.

² См.: Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958. С. 77. О Раймоне Лефевре см.: Наркирьер Ф.С. Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965. С. 70–118.

³ Ариас-Вихиль М.А. Роллан и Горький: Вокруг путешествия Р. Роллана в СССР (1935) // Постигжение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. 2015. С. 59.

которые, отказавшись от своей независимости, во время Первой мировой войны оказались неверны своему долгу. «Независимость духа» писатель-интеллектуал рассматривает в качестве главного условия выполнения этой политической роли интеллектуалов. Он был одним из первых писателей-интеллектуалов, поставивших проблему ответственности интеллигенции за преступления милитаризма. Среди подписавших «Декларацию независимости духа» Р. Роллана (опубликована в «Юманите» 26 июня 1919 года) — Анри Барбюс, Бенедетто Кроче, Бертран Рассел, Стефан Цвейг. Публикация Декларации вызвала и негативные ответы в стиле резко критического «Протеста интеллектуалов» М. Барреса — так, Анри Массис публикует «ответ» на Декларацию Роллана — статью «За партию интеллигенции», в которой отстаивает тезис о необходимости противостоять «большевистской агрессии» левых интеллектуалов¹, в старых антидрейфусарских традициях обвиняя интеллектуалов в том, что они «продались большевикам» (под «огонь» критики Массиса попало также новосозданное объединение интеллектуалов «Кларте»).

Независимость духа для Р. Роллана — не самоцель, не призыв к отстраненности от политической борьбы, но, по выражению самого писателя, бастион интеллектуалов, принцип их сплочения вопреки разногласиям: «Ведя бой, я пытался в то же время сохранить бастион независимости духа. Я не собирался превращать его в кастовую башню из слоновой кости. Напротив, я считал, что это передовой редут, что это редут революции. <...> Именно программу действий интеллигентов я представлял себе как неуклонную и беспощадную борьбу против убийственных идей, распространяемых политической и социальной реакцией, против националистического бреда, против всех отравляющих сознание предрассудков»². — В.Е. Балахонов пишет: «Разум и Истина — единственная цель, служить которой призван Интернационал духа. Задача интеллигенции — показать народу некую "Полярную звезду" среди политических страстей дня. Под народом Роллан в данном случае понимает единый "универсальный" народ, находящийся за пределами национальных границ, общий со-

---

¹ «Контрманифест» Массиса опубликован в «Фигаро» 19 июля 1919 года, в нем правый интеллектуал, старый оппонент Роллана, «отвечает» как Роллану, так и создателям группы «Кларте», в стиле Бенда, но жестче, явно незаслуженно бросая упреки «всяким Ролланам, Барбюсам... в том, что они опозили, принизили, опозорили мысль, якобы направляя ее на службу родине и правому делу».

² *Роллан Р.* Панорама // Роллан Р. Соч. В 14 т. Т. 13. Публицистика (1917–1939). М., 1958. С. 25–26.

юз разумных и равных друг другу людей»¹. Конечно, Роллан в «Декларации» достаточно далек от политической практики, но именно эта отстраненность и разработка принципов интеллектуальной независимости, автономии интеллектуалов, придает его «Декларации» особую значимость и прочно встраивает этот документ в последующую полемику интеллектуалов об автономии, независимости от партий и доктрин. — «Он никогда не мог бы быть партийным человеком», — говорит о Ромене Роллане Н.А. Бердяев². Несомненно, принципы и идеи «независимости духа», отстаиваемые и обосновываемые Р. Ролланом, оказали серьезное влияние на Барбюса, — и это хорошо показывает история «Кларте».

В 1919 году вместе с Анри Барбюсом Ромен Роллан участвует в создании международной независимой от политических партий организации интеллектуалов — группы «Кларте». Конечно, этот союз интеллектуалов, при всей декларируемой независимости от партий, был изначально близок к советскому коммунизму³ и целью своей деятельности устанавливал «втянуть в общественную, политическую борьбу широкие круги интеллигенции, вывести их на путь активной деятельности, привлечь к политическому воспитанию масс»⁴.

---

¹ Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958. С. 149.

² Бердяев Н.А. Памяти Ромена Роллана // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 494.

³ «Речь шла, — показывает в своей книге о Барбюсе Аннетт Видаль, которая была секретарем писателя, — о создании международной организации работников умственного труда с национальными и местными секциями с целью подготовки интеллигенции на революционные позиции. Барбюс определял ее цели так: 1. Организация широкого движения работников умственного труда. 2. Интернационализация Движения (Интернационал Мысли). 3. Объединение работников умственного и физического труда. 4. Разъяснительная и популяризаторская деятельность (популяризация без упрощения)» (Видаль А. Анри Барбюс — солдат мира / Предисл. Жака Дюкло. М., 1962. С. 80). Уточняя свою позицию и отвечая на вопросы об отношении «Кларте» и коммунизма, Барбюс говорил: «*Политической доктриной, наиболее приближающейся к социальному идеалу, по мнению группы, является доктрина III Интернационала*». — И далее: «*В силу того, что при известных обстоятельствах я брал под защиту Русскую революцию, нам говорили, что "Кларте" — движение, зависящее от коммунистического. Это неточно. В программу "Кларте" входят только основные руководящие принципы и общие идеи. Тем не менее верно и то, что между его благородными принципами и теми, которые вытекают из ясной программы коммунизма, в самом деле имеется большое сходство. За исключением некоторых моментов, общего немало. Это доказывает лишь то, что имеется не так уж много способов улучшения существующего положения*» (Видаль А. Анри Барбюс — солдат мира / Предисл. Жака Дюкло. М., 1962. С. 86).

⁴ См.: Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958. С. 159.

Анри Барбюс — «Прометей революции», по выражению Роллана, — призывал интеллектуалов покончить с равнодушием и аполитичностью. Союз интеллектуалов «Кларте» послужил прообразом и отчасти моделью будущих союзов интеллектуалов, преследующих цели борьбы с фашизмом и защиты культуры. «Кларте» — первое и принципиально новое движение интеллигенции и интеллектуалов, созданное с политическими целями, но на независимой от конкретных политических партий, организаций и деятелей основе, и с собственными целями (при сколь угодно большой общности идей с Коминтерном) и установками. Исходным пунктом было убеждение основателей в том, что интеллигенция способна на политические действия, и ей по силам ставить цели и достигать результатов в политике, — без «руководства» со стороны класса или партии. В этом — важнейшее сходство взглядов Роллана и Барбюса — сохранить особую позицию, влиться в политику, но не слиться с ней, не стать чьим-либо «филиалом» или «адептами» какого-либо учения: «...Барбюс, как и Роллан, сохранял веру в особое предназначение интеллигенции и тем самым в некоторых вопросах еще ставил группу «Кларте» над партией, над партиями. "Нужно, — говорит он, — чтобы мы могли во всех обстоятельствах судить все партии, каковы бы они ни были, и поддерживать независимость принципов, которые мы провозглашаем"»¹.

«Кларте» — массовое, организационно оформленное движение, имеющее свои газеты и журнал, издающее книги; филиалы и дружественные организации «Кларте» создаются и появляются по всему миру — не только в Европе, но и в США (в американском отделении «Кларте» некоторое время работал небезызвестный Макс Истмен), странах Латинской Америки, Японии, Турции. Среди основателей движения были, кроме Барбюса, будущие интеллектуалы-коммунисты Р. Лефевр и П. Вайян-Кутюрье; в состав «Кларте» вошли известные деятели культуры, включая А. Франса; после учреждения Международного руководящего комитета «Кларте» в него в разное время входили, помимо трех основателей, Г. Уэллс, С. Цвейг, Э. Синклер, Б. Шоу, Р. Тагор, С. Лагерлеф, Г. Манн и др. Участие в новом движении принимали также Р.М. Рильке, Т. Гарди, Э. Морель, Б. Рассел, Н. Хикмет и др.

Ромен Роллан, верный своим принципам, не вступил в группу (хотя Барбюс подчеркивал как независимость, так и особые отличия «Кларте» от политических партий), и дело тут было не столько в политике и

---

¹ Балахонов В.Е. Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л., 1958. С. 167.

отношении к ней Роллана, сколько в его принципиальном отказе от всякого рода коллективности (хотя при этом мыслитель, в противоречии с самим собой, пытался разработать принципы объединения интеллигенции, планируя ее союз международного уровня, основой которого должны стать достаточно расплывчатые идеи «Декларации независимости духа», формулировки которых никак не способствовали любимым более или менее конкретным практико-политическим интерпретациям). Однако при этом Роллан многое сделал для «Кларте», его помощь и поддержка были важны для союза (не говоря уж о влиянии на Барбюса во всех моментах, касающихся «независимости духа от партий»). Ромен Роллан, как уже отмечалось, по словам Ф.С. Наркирьера, «решительно возражал против того, чтобы его отказ вступить в "Кларте" был использован во вред движению и выражал "свое безграничное восхищение Барбюсом не только за его замечательное творчество, но и за его великий человеческий подвиг"»¹.

В развернутом и обоснованном виде программа «Кларте» представлена в книге А. Барбюса «Свет из бездны. К чему стремится группа "Кларте"» (1920) — от анализа причин Первой мировой войны и апологетики коммунизма (и признания неизбежности «революционного насилия») писатель переходит к формулировке предназначения нового союза интеллигенции; при этом, несмотря на признание доктрины III Интернационала как фактически установочной, Барбюс не отказывается от «надпартийности» группы². Политико-пропагандистские задачи превалировали в деятельности движения: это и манифесты в защиту Советской России, антивоенная пропаганда, и организация митингов, не говоря уже об издании книг, проведении лекций, собраний; распространении листовок и т.п. Однако при всей своей внепартийности группа изначально была *предназначена* и для выполнения сугубо политических задач. Так, Ф.С. Наркирьер утверждает: «В 1919–1920 годах сама жизнь поставила перед "Кларте" прежде всего задачи политические. Главной из них был вопрос о вступлении французской социалистической партии в Коминтерн, о превращении ее в партию нового типа. ... "Кларте" стала одним из центров, где подготавливалось создание ФКП»³.

---

¹ Наркирьер Ф.С. Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965. С. 210.

² См.: Наркирьер Ф.С. Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965. С. 210–214.

³ Наркирьер Ф.С. Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965. С. 217.

Конечно, сложно говорить о противоречии между стремлением Барбюса к независимости от партий с их установками и доктринами (речь шла, конечно же, о вполне конкретной партии, доктриной которой на тот момент и была «доктрина III Интернационала») и «притяжением» Коминтерна и советского руководства. Однако нельзя не оценить сами попытки французского интеллектуала сохранить определенную степень независимости. В этом же ключе, как представляется, следует рассматривать идеи создания на основе «Кларте» иных объединений интеллигенции, иных форм «Интернационала интеллигенции». Одно из самых ярких таких предприятий (окончившееся, увы, неудачно) — подготовка Международного конгресса независимых интеллигентов в Берне: тут налицо явное желание на платформе «Кларте» создать организацию по типу «Кларте», но с меньшей степенью привязки к Коминтерну.

«Кларте» не было бы движением интеллектуалов и интеллигенции, если бы деятельность этого союза не «аккомпанировалась» многочисленными, бурными и долговременными дискуссиями и мощной полемикой. Конечно, важной частью этой полемики было противостояние с реакционерами, — прежде всего противостояние интеллектуальное: так, известны споры с Ш. Моррасом, яростным противником демократии (ему принадлежит известный афоризм «Есть только одно средство улучшить демократию — уничтожить ее»). Однако «конституирующим» противоречием «Кларте» было противостояние «клартистов» и «ролландистов», нашедшее выражение в «полемической дуэли» Р. Роллана и А. Барбюса, представленной серией выступлений и ответов на страницах прессы в 1921–1922 годах. Если Барбюс, при всем своем стремлении к сохранению определенной доли независимости, склоняется к решительной борьбе, к практически полному погружению в политику, к безоговорочной поддержке Советской России и коммунизма, — то Р. Роллан выступал за сохранение серьезной дистанции от политики, склонялся к пацифизму, критике насилия и «революционного террора» как ошибочной тактики русской революции. Верный принципу Шарля Пеги «социальная революция будет моральной или ее не будет вовсе», Роллан «не столько отвечает на критику ”ролландизма”, сколько отстаивает свою старую мысль: самое главное — защита высоких моральных ценностей, человечности, свободы, истины. ”Эти моральные ценности должны всегда оставаться неприкосновенными. В интересах самой революции. Ибо если революция стала бы ими пренебрегать, она рано или поздно была бы обречена на нечто большее, чем материальное пора-

жение: на моральное банкротство»¹. — «Неверно думать, — утверждал Роллан, — будто цель оправдывает средства. Для истинного прогресса средства еще важнее, чем цель (так как цель всегда не полна и очень редко достигнутое изменяет только внешнее общение людей). Средства воспитывают человеческое сознание или в духе справедливости, или в духе насилия. И если в духе насилия, то никакой образ правления не помешает угнетению сильными слабых. Вот почему я считаю, что защищать моральные ценности необходимо, и в период революции — еще больше, чем в обыкновенное время»².

Совершенно ясно, что противоречие между двумя интеллектуалами — неразрешимое, и хотя в дальнейшем Р. Роллан с некоторыми оговорками признал правоту Барбюса, это не отменяет ни суть спора, ни аргументов двух сторон. Самое же важное здесь — тот факт, что интеллектуалы не существуют без полемики и дискуссий, и любые проблемы всегда влекут за собой дискуссии, — и вне дискуссий не могут быть решены (и то при этом никакое «разрешение спора» не может считаться окончательным), тогда как крен в сторону политики неизбежно ведет к перерождению союзов интеллектуалов, если не к распаду этих союзов и обществ.

Политизация «Кларте» в обстановке 20-х годов была неизбежной, — а значит, учитывая противостояние интеллектуалов любым попыткам их «политизировать» — неизбежным был и раскол «Кларте». Среди «клартистов» была группа интеллектуалов, не довольствующаяся степенью «левизны» союза и считающая взгляды уже и Барбюса «недостаточно левыми». Эта группа сектантов-троцкистов (среди них были Виктор Серж и Эдуард Берт) перехватывает у Барбюса руководство «Кларте» и устанавливает свои «правила игры». Все эти события ведут к обострению противоречий и к распаду организации. Сектантская нетерпимость к оппонентам, ультраревольюционность новых «руководителей» лишает «Кларте» ее сущности —

---

¹ *Наркьер Ф.С.* Французская революционная литература (1914–1924). М., 1965. С. 236. Н.А. Бердяев пишет о Ромене Роллане: «Он видел правду в коммунизме, как и видел страшную неправду в буржуазно-капиталистическом мире, он принимал социальный строй коммунизма, но он менее всего был материалистом. Его веру называли идеалистическим гуманизмом... Натура его была мистическая, и он искал не только социальной правды, но и духовности» (*Бердяев Н.А.* Памяти Ромена Роллана // Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры, искусства.* В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 494).

² Цит. по: *Ариас-Вихиль М.А.* Роллан и Горький: Вокруг путешествия Р. Роллана в СССР (1935) // *Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории.* 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2015. С. 81–81.

быть *союзом интеллектуалов*. И даже в этой ситуации не обошлось без дискуссий: однако если в 1924 году «Кларте», еще не утратившая своей интеллектуальности, ведет мощную полемику против М. Барреса, то с окончательным переходом руководства к ультраревольюционерам-троцкистам полемика к 1927 году приобретает характер нападков и откровенной ругани, мишенями ее закономерно становятся не только основатели — Роллан и сам Барбюс — но и французская компартия. В 1928 году история «Кларте» заканчивается.

Способны ли сами интеллектуалы — без организационной, финансовой и иных форм поддержки со стороны политиков — создавать союзы, основывать движения, причем с политическим уклоном, если не чисто политические? Могут ли интеллектуалы вырваться из сферы влияния политиков? Анализ деятельности движения «Кларте» по меньшей мере предоставляет право не давать автоматически отрицательный ответ на этот вопрос. Однако при этом история «Кларте» предельно ясно показывает, что любое *политическое* объединение интеллектуалов (а зачастую и политическое объединение *с участием* интеллектуалов) неизбежно или превращается в арену бесконечной полемики — так как ни полного, ни даже частичного согласия по политическим вопросам у интеллектуалов не может быть в принципе — и таким образом распадается; или же, в ходе усиления политизации, превращается в политическую структуру (а скорее, примыкает к действующим партиям), руководимую согласно принципам, более чем далеким от всяких споров и дискуссий, а значит, чуждую интеллектуалам и интеллигенции. Так или иначе, но *политические* объединения интеллектуалов, руководимые самими интеллектуалами, при отсутствии любого рода «руководящей и направляющей» силы, — имеют тенденцию к быстрому распаду, тогда как любые другие организации интеллектуалов, созданные не ими и не по их инициативе, неизбежно превращаются в дискуссионные площадки. Если культура объединяет интеллектуалов, то политика их разъединяет, ввергая в нескончаемую полемику (или, на языке партийных критиков, «идейную путаницу»). Это показывает и история писательских объединений 20–30-х годов под эгидой Коминтерна и советской компартии. Исходя из этого логично задать вопрос: а самим партиям, политикам, — так ли необходимы интеллектуалы с их спорами и разногласиями, которые могут поставить под сомнение «идейное единство» партийной догматики? Еще более остро звучит этот вопрос, если интеллектуал является «по совместительству» также и политическим мыслителем, пытающимся развить учение

партии, неизбежно имеющее догматический характер. В самом деле, нужны ли партии идейные столкновения, «творческие развития» и «метафизические обоснования» их догм? Современный политический мыслитель и исследователь истории политической мысли Ян-Вернер Мюллер на примере Георга Лукача и Эрнста Блоха показывает, что с самого начала «большинство компартий в Западной Европе не было особенно заинтересовано в интеллектуалах. Но сами интеллектуалы очень интересовались коммунизмом, несмотря на то, что партии-авангарды становились невероятно тяжелой проблемой для тех, кто стремился играть роль ”промежуточных фигур”»¹.

«Люди культуры» и «партийно-литературные» союзы

После создания Коминтерна перед руководством Советской России встала задача «активизировать ”революционные тенденции”, привлечь к сотрудничеству поверивших в идеи социализма литераторов зарубежных стран. <...> Впервые в истории писательскую организацию взя-

---

¹ Мюллер Я.-В. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века. М., 2014. С. 115. Ян-Вернер Мюллер — автор интересной острополемиической статьи «Провал европейских интеллектуалов?» (2012). Автор поддается искушению обвинять интеллектуалов в грехах политиков, перекладывая на первых часть ответственности за перманентный кризис в Евростране и констатируя «провал деятельности интеллектуалов» (это при том, что влияние интеллектуалов, как и причисленных к их числу политических мыслителей, исследователей, аналитиков и экспертов и пр. — в XXI веке минимально). Я.-В. Мюллер тем не менее задает вопросы: «Почему они не защищали великие достижения европейской интеграции? Почему они не рисовали картины прекрасного будущего Европы вместо того, чтобы проматывать доставшееся им в наследство взаимное доверие и взаимопонимание европейцев..?». Несмотря на несправедливость и запоздалость обвинений, автор четко ставит «будущие задачи» интеллектуалов, обрисовывает ту роль, которую они *должны* играть в европейской политике и культуре. В этом смысле тяжесть обвинений можно рассматривать также и в качестве *признания* роли интеллектуалов, своего рода «аванса» под будущее участие, которое предполагается быть довольно серьезным. «Почему бы не сделать главной задачей интеллектуалов борьбу: пусть выявляют несправедливость, бросают в лицо виноватым ”J'accuse!” и говорят правду чиновникам в Брюсселе», — восклицает Ян-Вернер Мюллер. Помимо критики, интеллектуалы могут определенным образом и оказывать помощь политикам: «...Евростран — самая важная институциональная инновация со времен создания современного демократического государства всеобщего благосостояния. Но разобраться в нем и понять, как он работает, крайне сложно. <...> И тут интеллектуалы могут сыграть вполне очевидную роль разъяснителей, как я бы это назвал: они могут попытаться объяснить Европу своей аудитории и — что крайне важно — обрисовать нормативные варианты развития Евространы...» (Мюллер Я.-В. Провал европейских интеллектуалов? // russ.ru/Mirovaya-povestka/Proval-evropejskih-intellektualov).

лось наладить само государство. Попытки создать международные союзы интеллигенции предпринимались и раньше, но инициатива шла "снизу", от самих деятелей культуры, стремившихся преодолеть национальную разобщенность, сопоставить своей опыт с чужим, совместно обсуждать актуальные проблемы. Теперь инициативу решило проявить государство»¹. Г.А. Тарасов пишет, что 30-е годы — «это время, когда авторитет писателей был востребован среди участников политической борьбы, и каждая сторона стремилась привлечь... как можно больше интеллектуалов на свою сторону и подкрепить свою позицию их авторитетом», — при этом «у истоков многих политических движений, организованных левыми интеллектуалами, стояли советские государственные и партийные служащие. За этими движениями обнаруживается советская внешняя политика, а следовательно, и централизованное финансирование из Советского Союза, руководство со стороны Коминтерна, ВКП(б) и специализированных организаций...»². — «Учреждения Коминтерна, — замечает Майкл Дэвид-Фокс, — сформированные в 1919 году, занимались прежде всего коммунистическими партиями и рабочим движением. Однако международный коммунизм неизбежно вовлекался и в создание образа советского социализма и формирование мнения о нем левых интеллектуалов»³.

В 1920 году создается Временное Международное Бюро Пролеткультура; в 1924 году, как удачно выразился советский историк, «было

---

¹ *Балашова Т.В.* Трудный диалог // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М., 2002. С. 6.

² *Тарасов Г.А.* Международное объединение революционных писателей (МОРИ): проблема революционного искусства и взаимоотношения с Анри Барбюсом (1925–1932 гг.) // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика / Сост. и науч. ред. Т.А. Круглова. Екатеринбург, 2016. С. 132–133.

³ *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. С. 78. В работе Дэвида-Фокса широко освещается деятельность подразделений Коминтерна и (подчас одновременно) советских партийно-политических организаций и структур, созданных для расширения культурно-политического общения СССР и Запада, — Межрабпом, ВОКС, Общество друзей СССР, Лига друзей СССР и др. О международном культурном сотрудничестве СССР, об антифашистских союзах интеллигенции см. также: *Фокин В.И.* Международное сотрудничество в области культуры и СССР (20–30-е годы XX века). Дис. ... докт.ист.наук. СПб., 2000. Специально ВОКС посвящены работы: *Анатишева И.А.* Роль Всесоюзного Общества культурной связи с заграницей в развитии международного сотрудничества СССР, 1925–1939 гг. Дис. ... канд.ист.наук. М., 1994; *Гриднев Ю.А.* Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей: 1925–1929 гг. Дис. ... канд.ист.наук. М., 2006.

сконструировано»¹ Международное Бюро связи Пролетарской Литературы (МБПЛ), переформатированное в 1926 году в Международное Бюро Революционной Литературы (МБРЛ), и вместе с переименованием избавленное от пролеткультовских тенденций². В 1930 году МБРЛ переименовывается в Международное Объединение Революционных Писателей (МОРП)³. Именно МОРП явилось до середины 30-х годов в большей или меньшей степени адекватной формой для организации контактов интеллектуалов (писателей, поэтов, художников) разных стран как с советскими коллегами, так и с руководством СССР и Коминтерна, с одной стороны; и для организации выступлений интеллектуалов в защиту СССР и пропаганды Советского Союза и социализма, — с другой. По словам Н.Ю. Харитоновой, МОРП «была не только вспомогательной организацией Коминтерна. С ее помощью советские

---

¹ Трифонов Н.А. Луначарский и МОРП // Литературное Наследство. Т. 81. Из истории Международного Объединения революционных писателей / Ред.: В.Р. Щербина (гл. ред.). М., 1969. С. 32.

² Важной темой для дискуссий тех лет была проблема «интеллектуалов-попутчиков» (*compagnons de route*). Ряд советских «литературных руководителей» достаточно резко отзывались об интеллектуалах, не разделяющих коммунистические взгляды, но при этом сочувствующих Советской России, полагая, что интернациональным объединениям интеллигенции такие союзники не нужны, если не вредны и опасны. Точка в полемике была поставлена А.В. Луначарским в статье «Попутчики и Европа» (1925). В этой работе Луначарский, по словам Н.В. Трифоновой, «говорил очень критически и о слабых, отрицательных сторонах в воззрениях и позициях многих „попутчиков“, в том числе крупнейших из них (Р. Роллана, Г. Уэллса, Б. Шоу), но он делал выводы, что нужно не отмахиваться от них, а вести борьбу за них. И это особенно важно в Западной Европе ввиду сильного влияния этих писателей и на интеллигенцию и на читающую часть пролетариата» (Трифонов Н.А. Луначарский и МОРП // Литературное Наследство. Т. 81. Из истории Международного Объединения революционных писателей / Ред.: В.Р. Щербина (гл. ред.). М., 1969. С. 33). А.В. Луначарский дал классическое определение попутчика: «Попутчик — не коммунист, у попутчика много заблуждений, попутчик идет неверными шагами и делает то вправо, то влево тур вальса с подозрительными для нас дамами. И все же попутчик а priori носит в своем сердце большое восхищение перед грядущим коммунизмом, перед героями борьбы за него, глубокое отвращение к буржуазии, яростнейший протест против противоречий нашего общества» (С. 33). Об интеллектуалах-попутчиках см. также: Краева Т.В. Образ революции в системе представлений французских левых интеллектуалов (1917 — сер. 30-х гг. XX в.). Дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 2006. Классическими работами на эту тему считаются книги Дэвида Кота: *Caute D. Le communisme et les intellectuels français, 1914–1966.* P., 1967; *Caute D. The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism.* New-Haven, L., 1988.

³ Истории этого объединения полностью посвящен 81-й выпуск «Литературного Наследства», см.: Литературное Наследство. Т. 81. Из истории Международного Объединения революционных писателей / Ред.: В.Р. Щербина (гл. ред.). М., 1969.

литературные деятели устанавливали диалог с писателями, симпатизирующими Советскому Союзу и делу революции. Она же дала начало широкому и успешному европейскому и мировому движению в защиту культуры в последнее десятилетие перед Второй мировой войной, собравшему в свои ряды писателей из разных стран мира»¹.

К середине 30-х годов МОРП стала мощной структурой с филиалами (национальными секциями) по всему миру, отвечающей задачам Коминтерна в сфере литературы (в принципе этот союз является воплощением идеи Литинтерна начала 20-х годов). Во Франции, несмотря на активность интеллектуалов и опыт «Кларте» (или, скорее, по этим причинам) секция МОРП — АЕАР (L'Association des Écrivains et des Artistes Révolutionnaires) — была создана только в 1932 году, когда история этого «литературного Коминтерна» подходила к концу². Поддержка СССР стала для большинства левых интеллектуалов принципиальной позицией. «Важнейшей составляющей левой (не только коммунистической) политической позиции в искусстве, — пишет Л.А. Закс, — стала поддержка Страны Советов. Сознание левых художников я бы уподобил сознанию романтиков, важнейшей чертой которого было *двоемирие*. Для левых художников кроме "первой", несовершенной и критикуемой ими реальности их собственного социального мира, существовала "вторая" реальность — реальность их социально-духовного идеала, их заветной мечты о справедливости, социальном равенстве и братстве... Этой воплощавшей их мечту реальностью и был СССР, тем более что на первых порах своего существования он действительно "источал" всемирно-историческое воодушевление и коллективный энтузиазм»³.

---

¹ Харитоновна Н.Ю. Каталонский эпизод истории Международной организации революционных писателей // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2015. С. 687.

² Основное противоречие, заложенное во все эти «литературно-политические» объединения, — конфликт политики и культуры — поначалу не было столь очевидно, но тем не менее, нельзя не согласиться с Т.В. Балашовой, утверждающей, что «с самого начала обнаруживается роковое несоответствие: согласно декларациям, это начинание было обращено к сфере культуры; в самом же деле — цели были чисто политические, а потому вступали в действие совершенно иные законы, по сути, несовместимые с задачей создания культурных союзов, объединений, ассоциаций» (Балашова Т.В. Трудный диалог // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М., 2002. С. 7).

³ Закс Л.А. Оппозиция «левое/правое», Советский Союз и искусство (зарубежное, советское, постсоветское) // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика / Сост. и науч. ред. Т.А. Круглова.

Анри Барбюс, вступивший в 1923 году в ФКП, в 1924 году устраняется от руководящих и редакционных постов в «Кларте» — именно потому, что группа явно склонялась на скользкий путь политики, вопреки мечте основателя о широком внепартийном охвате интеллигенции. Хотя бы и с партбилетом, интеллигент все равно остается интеллигентом, — и Барбюс предпринимает новую попытку преодоления разобщенности интеллигенции на основе принципов внепартийности — вокруг основанного им в 1928 году журнала «Монд», в редколлегию которого вошли А. Эйнштейн, А.М. Горький, Э. Синклер, М. де Унамуно. Основная направленность нового журнала — борьба с фашизмом и подготовка антифашистских мероприятий интеллигенции. Надпартийная позиция журнала не скрывалась, а скорее даже заявлялась открыто; Барбюс действовал в соответствии с собственными убеждениями и представлениями о роли писателя и интеллигенции, о свободе критики и интеллектуальной полемики, а совсем не как «литературный комиссар», — безусловно, совершенно не в русле «руководящих установок» тех лет. «Показательно, — пишет Т.В. Краева, — что на страницах ”Монд” печатаются, помимо социалистов и социал-демократов еще и бывшие коммунисты, например, Марсель Мартине и Магдалена Паз-Маркс, А. Таска, И. Силоне. Единственным редактором-коммунистом ”Монд” был сам Барбюс. Идеей Барбюса было объединить в ”Монд” широкие левые силы, по словам Д. Кота, ”давая в своей газете слово всем так называемым левым точкам зрения и покровительствуя самым еретическим ересям”. Идея сотрудничества, высказанная Барбюсом, очевидно, не соответствовала линии Коминтерна в 1928 г., отвергнутого единство с другими левыми силами. Таким образом, являясь, казалось бы, правоверным коммунистом, Барбюс в своем еженедельнике проводит политику, расходящуюся с тогдашней линией Коминтерна»¹.

Екатеринбург, 2016. С. 25. — И далее: «Реальная ситуация довольно быстро поменялась, но доходившая до Запада негативная информация воспринималась как инспирированная врагами СССР и выгодная им, а чаще просто не воспринималась — отторгалась иллюзорно-утопическим художественно-романтическим сознанием *буквально верующих, т.е. уверовавших в коммунистическую идею и идеализированный образ СССР, людей*» (С. 25).

¹ Краева Т.В. Французские левые интеллектуалы и Советский Союз: механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920-х — середине 1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 102. И далее: «Таким образом, вполне правомерен вывод об особой позиции Барбюса в рядах ортодоксальных коммунистов, позволявшей ему отстаивать иной раз идеи, идущие вразрез с офици-

Ф.С. Наркирьер, достаточно благожелательно настроенный по отношению к Барбюсу исследователь, пишет об этом сдержанно: «Говоря об общей тенденции "Monde" за 1928–1930 гг., нельзя не отметить все усиливающуюся идейную путаницу. Плохую услугу оказали журналу провозглашенные им принципы неограниченной "свободы мнений" и "абсолютной объективности". На страницах "Monde" излагались различные, порой исключаящие друг друга точки зрения, а редакция занимала позицию беспристрастного наблюдателя»¹. МБРЛ открывает по Барбюсу огонь, печатая в своем «Вестнике иностранной литературы» серию довольно жестких статей, среди которых выделяется статья Бруно Ясенского с очень характерным и знаковым названием «Универмаг идеологий». Б. Ясенский обвиняет «Монд» и лично Барбюса в том, что журнал «превратился в "международный мелкобуржуазный аукцион идей", скатился до роли "универсального магазина", озабоченного единственно удовлетворением потребителя той или иной "точки зрения"»². За критикой отдельных коллег последовала более серьезная критика на уровне конференции МБРЛ, далее (надо отдать должное Анри Барбюсу — он твердо оставался на *универсальных* позициях) последовали угрозы А.М. Горького снять свое имя как члена редколлегии журнала; и тем не менее Барбюс последовательно отстаивал свою позицию, несмотря на высокий накал дискуссионных страстей³;

альной точкой зрения Коммунистического Интернационала и ФКП. Барбюс, один из старейших членов ФКП, зарекомендовал себя не только как коммунист, но и как известный общественный деятель и крупный писатель. Он безуспешно пытался реализовать присущее интеллектуалам стремление к независимости мышления, выстроить редкую линию поведения творческого сталиниста» (С. 103).

¹ Наркирьер Ф.С. Еженедельник «Monde» // Литературное Наследство. Т. 81. Из истории Международного Объединения революционных писателей / Ред.: В.Р. Щербина (гл. ред.). М., 1969. С. 228. О полемике и противостоянии Барбюса и руководства МБРЛ-МОРП см. также: Тарасов Г.А. Международное объединение революционных писателей (МОРП): проблема революционного искусства и взаимоотношения с Анри Барбюсом (1925–1932 гг.) // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика / Сост. и науч. ред. Т.А. Круглова. Екатеринбург, 2016.

² Наркирьер Ф.С. Еженедельник «Monde» // Литературное Наследство. Т. 81. Из истории Международного Объединения революционных писателей / Ред.: В.Р. Щербина (гл. ред.). М., 1969. С. 230.

³ «Переписка Анри Барбюса с руководством III Интернационала, — пишет Т.В. Балашова, — детально воссоздает причины, из-за которых начинание строить организацию сверху, из единого идеологического центра — заведомо должно было потерпеть крах. Даже в тех случаях, когда Барбюс сам находится в плену догматических представлений (например, о необходимости пестовать "пролетарскую лите-

критика прекращается в 1932 году — по большому счету победой Барбюса — и до самой смерти (1935) он руководит журналом.

Требование руководства МБРЛ одно — полное подчинение: так, в одном из писем Секретариата МБРЛ, адресованных Барбюсу, говорится: «...Борьба классов, обостряясь во всем мире, разграничивает все более резко два непримиримых лагеря: лагерь воинствующего пролетариата и лагерь буржуазии... В этой борьбе нет больше места тем, кто хочет занимать позицию посредника в этом решительном конфликте классов. Эта борьба категорически ставит перед каждым истинным революционером следующий вопрос: с пролетариатом или с врагами пролетариата? (Хотя если революционер *истинный* — то какой смысл в такой постановке вопроса? — А.Н.) Никакая форма сотрудничества с защитниками буржуазии, с врагами пролетарской революции, с клеветниками Советского Союза недопустима больше для солдата пролетарской армии. Она ставит его вне наших рядов»¹.

Свои принципы Барбюс отстаивает, в частности, в письме 1930 года, направленном руководству МБРЛ: «Я никогда не считал, что "Монд" должен стать изданием партии. Моя концепция... состоит в том, чтобы сделать "Монд" органом объективной информации, находящимся вне партий, который обеспечивает свое влияние и деятельность только в результате опоры на неопровержимые факты, представляя их мировой публике в наиболее достоверной манере, с минимальными комментариями, позволяя фактам, которые строжайшим образом очищены от фальсификаций и легенд, самим ориентировать читателя на революционные решения»². Таким образом, Анри Барбюсу в некоторой мере удается защитить идею объединения интеллектуалов, которое во многом напоминало бы «Кларте» до 1923–1924 годов. В полной мере принципы, составляющие эту идею, конечно же, отстоять не удалось, однако

ратуру»), разногласия его с Исполкомом Коминтерна весьма красноречивы. Он постоянно настаивает на свободе литературной организации "от политических привязанностей", мотивирует необходимость опираться на крупные таланты, которые бы "принимали участие" в совместной деятельности ради "интересов профессии", а не из-за политической конъюнктуры; решительно критикует "легкомыслие" руководства Коминтерна, которое надеется все решить с кондачка, не создавая ни материальной, ни духовной базы союза» (*Балашова Т.В. Трудный диалог // Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М., 2002. С. 7*).

¹ Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М., 2002. С. 60.

² Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М., 2002. С. 64.

для истории интеллектуалов в данном случае более важна сама эта идея, концепция организации интеллектуалов во Франции, разработанная Барбюсом с учетом опыта «Кларте».

В достаточно четкой форме интеллектуал представляет свое видение французской секции МОРП как «союза интеллектуалов» в письме А.В. Луначарскому (1926). Прежде всего, по мысли А. Барбюса, такой союз не должен идентифицировать себя с компартией и Коминтерном, оставляя «двери открытыми», действуя на основании установок, которые, «не вступая в противоречие с политической доктриной коммунизма, не были бы привязаны к ней исключительно и буквально»¹; да и вообще, организация должна быть «свободной от всяких политических привязок». Конкретные политические цели (прежде всего — критика буржуазной культуры, ее идеологии и программ) должны, по мнению Барбюса, достигаться на постоянной основе «путем организации крупных мероприятий, с использованием широкомасштабных методов... опирающихся на публичные мероприятия с привлечением коммерческих средств, широко захватывая все общество, а для этого: необходима еженедельная газета (за неимением ежедневной), издание книг и переводов — литературных, научных, исторических и педагогических; театральные и кинопостановки»². Не забывает Барбюс и о руководстве, предлагая кандидатуры ряда интеллектуалов для секретариата организации (причем в этот список Барбюс включает и тех, с кем у него были столкновения, — например, Виктора Сержа). Как видно из всего этого, преодоление разобщенности интеллектуалов для Анри Барбюса было задачей наиважнейшей, ради решения которой интеллектуал готов был пожертвовать личными амбициями.

Несмотря на разногласия А. Барбюса с Р. Ролланом, поначалу не разделявшим его призывы к активной защите Советской республики и коммунистическую направленность манифестов (выразившиеся в полемике между ними 1921–1922 годов), все же в главном эти два крупнейших и влиятельнейших в межвоенный период интеллектуала были согласны: интеллигенция должна проявлять активность в политике, действовать, — и никакая политическая разнонаправленность не может этому препятствовать: условием и основанием служения интеллигенции идеалам мира и культуры является надпартийная пози-

---

¹ Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М., 2002. С. 48.

² Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М., 2002. С. 48.

ция (степень этой надпартийности Барбюс и Роллан оценивали, конечно, по-разному). Интеллектуал не может быть жестко привязан к определенной доктрине, обладая определенной свободой, автономией по отношению к идеологиям, доктринам, партийным установкам и императивам. Совершенно логично, что именно эти два интеллектуала стояли у истоков союзов интеллектуалов тех лет, — в особенности антивоенных и антифашистских конгрессов, форумов и съездов интеллектуалов, а также созданных на их основе и по их решениям международных организаций. Все эти союзы интеллектуалов ставили и преследовали политические цели — борьбу против войны и фашизма, защиту культуры. Важнейшими из них стали Международный антивоенный конгресс интеллектуалов (Амстердам, 1932) и Международный конгресс писателей в защиту культуры (Париж, 1935). В Парижском конгрессе приняли участие советские писатели, на его идейно-организационной базе была создана Международная ассоциация писателей в защиту культуры.

*Интеллектуалы и антифашизм:
необходимость активных действий*

Антивоенные и антифашистские конгрессы интеллектуалов и интеллигенции в защиту культуры конца 20-х — середины 30-х годов объединили людей культуры, политиков, партийных деятелей в едином союзе противостояния набирающему силу фашизму, во имя защиты мира и культуры. Б.Я. Фрезинский пишет: «Международные конгрессы писателей в защиту культуры середины 1930-х годов в немалой степени способствовали не только объединению левой художественной интеллигенции, но и, в чисто пропагандистском плане, сплочению тех политических сил, что составили, например, базу Народного фронта во Франции»¹. Первым крупным мероприятием стал Берлинский антифашистский конгресс 1929 года, и особую роль как в идейном оформлении, так и в организационном плане, в подготовке и проведении этого форума сыграл А. Барбюс. Работая в составе инициативного комитета по созыву конгресса, в полном соответствии со своими установками Барбюс в письме А.М. Горькому сформулировал цели и задачи антифашистского конгресса 1929 года, как и других будущих подобных мероприятий, так: «Берлинский

---

¹ Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 274.

конгресс будет держаться в стороне от влияния какой бы то ни было политической партии и совершенно независимо в социальном и политическом отношении. Он должен эффективно мобилизовать все современные антифашистские силы — интеллектуальные, моральные и материальные... Конгресс должен заняться всеми проявлениями этого всеобщего бедствия, которым является фашизм...»¹. Конгрессом была принята резолюция «Международный фашизм и средства борьбы с ним» и образовано координационное Международное антифашистское бюро.

Берлинский конгресс открывает череду самых разных по масштабу мероприятий с участием интеллектуалов и, как тогда говорили, прогрессивных деятелей культуры, — под эгидой или в сотрудничестве с советскими и подчиненными Коминтерну организациями (ВОКС, МОРП и т.п.). Начиная приблизительно с этого времени (и даже чуть раньше) организуются массовые визиты прежде всего западных интеллектуалов и деятелей культуры в СССР, равно как и делегаций советских писателей в страны Западной Европы. Необычайная важность визитов и благожелательных оценок именно со стороны западных интеллектуалов была несомненна для советского руководства. Как подчеркивает Г.Б. Куликова, «о значимости для высших советских руководителей мнения западных интеллектуалов, особенно таких, как Р. Роллан, а главное — их позитивных оценок советской действительности, можно судить по нескольким фактам. Б. Рассел и Г. Уэллс беседовали с В.И. Лениным, А. Барбюс, Б. Шоу, Г. Уэллс, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер получили аудиенцию у И.В. Сталина. ”Дружеская”, как об этом писалось в центральных газетах, встреча Сталина с Ролланом длилась около полутора часов. Неоднократно на даче Горького Р. Роллан общался с представителями высшего руководства партии и государства...»². — «Беседы с приезжими знаменитостями-интеллектуалами, — утверждает Майкл Дэвид-Фокс, — в значительной мере представляли собой феномен, характерный для довоенного сталинизма. До того как в 1929 году Сталин

---

¹ Цит. по: *Куманев В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов. М., 1987. С. 60.

² *Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. М., 2013. С. 98. В этой работе автор подробно рассказывает о встречах Сталина с интеллектуалами; отдельно детально анализируется история написания А. Барбюсом книги о Сталине (об этом также см.: *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. С. 384–391).

сосредоточил в своих руках всю полноту власти, он был практически неизвестен за рубежом и не принимал у себя интеллектуалов литературного круга, с которыми предпочитал встречаться впоследствии, в 1930-х годах. <...> ...1930-е годы представляли собой не только высшую точку симпатии европейцев и американцев к советскому эксперименту, но и время наибольшего внимания Сталина к западным интеллектуалам». — «...Практически все беседы иностранных интеллектуалов со Сталиным в начале рассматриваемого десятилетия одновременно служили и государственным интересам, и зарождающемуся культу личности диктатора — в том смысле, что имидж самого Сталина за границей был очень тесно связан с мнением Запада о советском эксперименте»¹.

Поддержка и, если угодно, симпатия интеллектуалов была важна для руководства Страны Советов и для Коминтерна, ведь им была в немалой степени подвластна область чувств, настроений, эмоций, — не только масс, но и слоев общества, стоящих достаточно близко у власти, а то и входящих во властные структуры. Все это хорошо понимал Сталин, организуя визиты западных интеллектуалов и общение с ними. В беседе с Лионом Фейхтвангером, состоявшейся в 1937 году, И.В. Сталин говорит: «Писатель, если он улавливает основные нужды широких народных масс в данный момент, может сыграть очень крупную роль в деле развития общества. Он обобщает смутные догадки и неосознанные настроения передовых слоев общества и инстинктивные действия масс делает сознательными. Он формирует общественное мнение эпохи. Он помогает передовым силам общества осознать свои задачи и бить вернее по цели». — В ответ на реплику Фейхтвангера «Если я вас правильно понял, вы также считаете, что писатель-художник больше апеллирует к инстинкту читателя, а не к его разуму», — Сталин уточняет: «Нельзя играть на слове "инстинкт". Я говорил не только об инстинкте, но и о настроениях, о неосознанных настроениях масс. Это не то же, что инстинкт, это нечто большее. Кроме того, я не считаю инстинкты неизменными, неподвижными. Они ме-

---

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. С. 378–380. При этом, продолжает М. Дэвид-Фокс, отношения советского руководства и западных интеллектуалов были далеки от идиллии: «Великие западные интеллектуалы, сочувствовавшие советскому строю, становились знаковыми фигурами для советской культуры; однако их переводили, цензурировали, "приручали" и контролировали в такой степени, чтобы при случае они не могли своими выступлениями навредить советским мифам о самих себе» (С. 413).

няются»¹. В этом же плане эмблематично замечание Антонио Грамши в «Ордине Нуово» о Ромене Роллане: «Роллан лирически угадывает потребность современного момента, возбуждает чувства; но это не менее активная и действующая сила в истории. ...Роллан разворачивает ценную деятельность, потому что изменяет духовный облик, вызывает симпатии к революции у полупролетарских слоев и групп, которые лишь косвенно и в отраженной форме ощущают столкновения борьбы классов. В этом смысле Роллан работает на коммунизм... и мы ощущаем благодарность и восхищение перед ним: он — Максим Горький латинской Европы»².

Анри Барбюс — в центре ярких культурно-политических событий 20–30-х годов, причем не только как автор воззваний, манифестов, но прежде всего как организатор. С начала 30-х годов в плане личного участия в политических антифашистских мероприятиях к нему присоединяется Ромен Роллан: «Изменение международной обстановки в начале 1930-х годов, наступление фашизма, расширение связей между странами, безусловный экономический и культурный рост СССР, возрастание его международного престижа, позволили Роллану существенно переоценить ситуацию в мире. Отныне важнейшими сторонами деятельности писателя, с одной стороны, стали защита СССР, защита мира во всем мире, и с другой стороны — борьба против капиталистического и военного империализма и борьба против фашизма»³. Надо сказать, свой идейный «поход во имя истины» и против фашизма автор манифеста «Над схваткой» объявил еще раньше. Р. Роллан со времен «Двухнедельных тетрадей» Шарля Пегги общался с итальянскими интеллектуалами, вместе с Бенедетто Кроче стоявшими у истоков итальянских культурно-политических журналов и ведущими споры о роли интеллектуалов как протагонистов культуры, — Джованни Папини и Джузеппе Преццолини, основателями знаменитого культурно-политического журнала «Воче»⁴. Убийство Маттеотти, смерть от побоев фашист-

---

¹ Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть 1 // Вопросы литературы. 2004. Март-апрель. С. 250–253.

² Грамши А. Из хроники «Ордине Нуово» // Грамши А. Искусство и политика: В 2 ч. Ч. 2. М., 1991. С. 281–282.

³ Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. М., 2013. С. 66.

⁴ «"Вочеанцы", — пишет Т.Л. Мотылева, — называли себя воинствующими идеалистами, выступали за культурное и нравственное обновление Италии. Роллан доброжелательно упомянул об этой группе в последней книге "Жана-Кристофа", отметил

ских молодчиков Джованни Амендолы¹, одного из участников «Воче», с которым Роллан общался, — эти и многие другие факты, не оставляющие сомнений не только в том, что фашисты способны на любые зверства, но и в антигуманной сущности фашизма², — побудили французского интеллектуала признать необходимость борьбы против фашизма в политическом плане; причем «люди культуры», согласно Роллану, особое внимание должны уделять идейной борьбе. В 1926 году он писал Барбюсу: «Нужно разграничивать две вещи: идею фашизма и тех людей или те государства, которые воплощают

свойственный ей ”высокий идеал и чистые стремления к истине”. В дальнейшем пути ”вочанцев” разошлись, и дружба Роллана с ними прекратилась. Папини уже во время войны выступал как националист, а затем стал одним из литературных подпевал фашизма. Джузеппе Преццолини, бывший главный редактор ”Воче”, экзальтированный путаник, не присоединился к фашизму прямо. В 1922 году он написал ”Очерк о мистической свободе”, в котором ”воспевал динамит интеллекта, анархизм мысли, освобождение духа, тайники души, — и все это во имя полнокровной жизни искусства. Но в том же году — накануне фашистского ”похода на Рим” — он заявил в печати: ”Фашизм существует и побеждает; для нас, историков, это означает лишь, что он имеет для этого достаточно оснований”. Так ”младшие братья” Жана-Кристофа капитулировали перед фашистской подлостью» (Мотылева Т.Л. Ромен Роллан. М., 1969. С. 233–234). О журнале «Воче» см.: La Voce e l'Europa. Il movimento fiorentino de La Voce: dall'identità culturale italiana all' identità culturale europea / A cura de D. Rüesch e B. Somalvico. Roma, 1995; *Ursa* S. La Voce. Etica e politica per una nuova Italia // www.raco.cat/index.php/Cercles/article/view/191145/262909.

¹ В письме сыну Джованни Амендолы — Джорджо Амендоле, одному из будущих лидеров итальянских коммунистов, Р. Роллан писал: «Ничто не сотрет со лба убийцы позорное клеймо. Он будет им отмечен всегда, словно каленым железом. Я хочу лишь заверить вас, что стоически безмолвные страдания великого мученика нашли глубокий отклик в сердцах всех свободных людей во Франции» (Роллан Р. Статьи, письма / Сост., предисл. Т.Л. Мотылевой. М., 1985. С. 304).

² Убийство Маттеотти открыло глаза на сущность фашизма многим интеллектуалам (среди них — Бенедетто Кроче, до 1924 года не осознававший в полной мере, какую угрозу представляет фашизм). Как Барбюс, так и Роллан (и ряд других интеллектуалов) приходят к пониманию, что такое фашизм, уже в начале 20-х годов. Так, Т.Л. Мотылева отмечает, что «еще в начале 20-х годов Э. Хемингуэй начал сражаться пером публициста с ”шарлатаном” Муссолини, а в рассказе-миниатюре ”Che ti dice la patria?” (“О чем говорит тебе родина?”) предельно лаконично, с глубокой внутренней иронией обрисовал молодого фашиста, который ”далеко пойдет”. В эти же годы Анри Барбюс с гневом и тревогой обличал жестокость реакционных, полуфашистских режимов Болгарии, Румынии. <...> Роль Ромена Роллана в развитии антифашистской литературы... очень значительна. Раньше многих других — еще до ”похода” Муссолини на Рим — Ромен Роллан сумел увидеть опасность фашизма не только для отдельных стран, но и для всего мира» (Мотылева Т.Л. Литература против фашизма. По страницам новейшей зарубежной прозы. М., 1987. С. 24–25).

ее в настоящее время в Европе. Формы деятельности, направленной против того и другого, должны быть различны. Политическая борьба против людей. Идеиная борьба против идеи. Я принимаю участие во второй. Я не вмешиваюсь в политику, — разве только в *той мере*, в *какой надо прийти на помощь угнетенным*. Фашистская идея оказывает в мире опасное притягательное воздействие... С ней нельзя справиться путем голого отрицания или путем чисто политических действий. Надо вступать в спор с ее носителями, разнимать на части ее механизм, показывать ее пороки»¹.

В начале 30-х годов Ромен Роллан приходит к осознанию необходимости более активной политической деятельности, вплоть до личного участия в борьбе. Об этом свидетельствует ряд его работ. Так, уже в 1931 году в письме Г. Гессе он признает ошибочность прежних взглядов: «...Я без всякой пощады произношу... свое *Mea culpa* и предъявляю обвинение той эпохе. Я не скрываю своих ошибок; я показываю, какого труда стоило мне прорваться сквозь толщу грозowych туч, что сгустили над нашими головами правительства и их пресса...»². В статье «О роли писателя в современном обществе» (1935), написанной накануне Конгресса в защиту культуры, Р. Роллан достаточно энергично отказывается от прежних установок на независимость духа — «независимость духа, эстетство, достоинство писателя, вечное искусство ради искусства» — ради действия: «Сегодня подобное начетничество Духа — которому и я отдал дань, как и другие, — столь же неуместно и далеко от действительности, как были неуместны во время осады Константинополя дискуссии о том, какого пола ангелы. Константинополь снова осажден. Вся цивилизация, все человечество переживают ныне могучий сдвиг, находятся в состоянии войны. Следовательно, истинный вопрос, который стоит перед нами, таков: "О роли художника в обществе, пребывающем в состоянии войны"»³. Так, по словам Майкла Дэвида-Фокса, «восхищение фран-

---

¹ Цит. по: Мотылева Т.Л. Ромен Роллан. М., 1969. С. 236–237.

² Роллан Р. Статьи, письма / Сост., предисл. Т.Л. Мотылевой. М., 1985. С. 320.

³ Роллан Р. О роли писателя в современном обществе // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века / Сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева. М., 1986. С. 81. Пожалуй, в этой статье Р. Роллан представляется даже излишне самокритичным в отношении своего постулата о «независимости духа», — тут дело, надо полагать, в предчувствии художником будущих катастроф, обеспокоенность, если не крайнее состояние тревоги. Именно в этом ключе, думается, надо прочитывать строки из статьи, вызывающие некоторое удивление своей очень уж большой дистанцией от былой независимости духа: «...В том и состоит — или должно состоять — преимущество

цузского писателя личностью Ганди 1920-х годов сменилось преклонением перед Сталиным в 1930-е. Во время этой трансформации утонченный *grand écrivain* с тревогой и довольно неуверенно писал о нарушениях прав человека в СССР и периодически возникающих дебатах по этому поводу в Европе...»¹. Размышляя о причинах симпатии Роллана к сталинизму и личности Сталина, Дэвид-Фокс говорит, очень серьезно оценивая позицию и интенции выдающегося интеллектуала: «Его симпатия к сталинизму не была ни простой, ни преходящей. Массовые репрессии и пакт с Гитлером поколебали ее, но полностью уничтожить не смогли. Кроме этого, эта симпатия подпитывалась из удивительно большого количества источников. Некоторые из них относились к сфере идеологии и культуры — достаточно упомянуть давние социалистические взгляды Роллана и глубокое знание им истории Французской революции, а также его антифашизм и стремление к просвещению народа. Другие имели личный характер: его статус друга Советского Союза и роль посредников: не в последнюю очередь — его жены М. Кудашевой, а также давнего друга по переписке — Горького и всегда тревожно-внимательного Аросева. Возможно, самым поразительным и раздражающим фактором было то, что Роллан являлся ”давним приверженцем культа героев”. В 1935 году он перенес свое давнее преклонение перед великими историческими личностями на Сталина»². В любом случае — при всей самокритике и заверениях о «разрыве с прошлым», исследователя не может покинуть ощущение, что Роллан остался в глубине души, в принципиальных основах своего «бытия в политике», независимым и *надполитичным* мыслителем: в любом случае «увлечение Сталиным» — это результат личного решения, а не внешних требований и обстоятельств, никакого «безоговорочного присоединения *perinde ac cadaver* к ”святой” доктрине»³.

художника, что он видит дальше и переживает глубже, чем видят и переживают другие люди. Поэтому и призваны художники стать штабом армии или, по выражению Сталина, гвардией, ”инженерами человеческих душ”. Но пусть заслужат себе нашивки, сражаясь рядовыми бойцами в общем строю! Право называться избранным не может принадлежать тому, кто отрывается от идущего вперед народа. Избранные — это те, кто шагает во главе колонны, лицом к вражескому огню» (С. 85).

¹ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. С. 248.

² Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. С. 396.

³ Выражение Ромена Роллана из его письма А.М. Горькому 1921 года: писатель говорит о спорах с Барбюсом, требовавшим «мгновенного отказа от всякого ”мора-

*Интеллектуалы на конгрессах
против фашизма и в защиту культуры*

Интеллектуалы и деятели культуры не разграничивали идейную и политическую борьбу против фашизма, понимая, что в этой борьбе идеи и действия должны быть единой силой: «Опыт истории показал, насколько глубоко был прав Роллан, когда говорил о необходимости настойчивой борьбы против фашизма. Но опыт истории показал — в конечном счете и самому Роллану, — насколько неразрывно связаны между собой различные аспекты антифашистской деятельности, политика и идеология»¹. Уже в 1928 году на VI Конгрессе Коминтерна было выдвинуто предложение провести представительный антифашистский съезд с участием всех прогрессивных сил мира. В 1932 году, учитывая опыт Берлинского конгресса, Барбюс возвращается к идее созыва такого конгресса на максимально широкой основе, активно используя руководимый им журнал «Монд», направив письма о необходимости созыва конгресса Роллану и Горькому, подчеркивая, что конгресс «объединит все духовные и интеллектуальные силы, способные выявить и пресечь надвигающуюся катастрофу»². Всемирный антивоенный конгресс против империалистической войны прошел 27–29 августа 1932 года в Амстердаме. Амстердамский конгресс обратился к миру с антивоенным манифестом и учредил Международный комитет борьбы против войны и фашизма (председатель — А. Барбюс; члены комитета — Ромен Роллан, Максим Горький, Дж. Дос Пассос, Э. Синклер). После Амстердамского конгресса антивоенное движение в мире усилилось, в ряде стран были созданы национальные антивоенные и антифашистские комитеты. Для Барбюса важны были не столько организационные формы, сколько сила и массовость антифашистского движения: так, интеллектуал, подводя итоги Амстердамского конгресса, утверждает, делая основной упор на *межпартийность* (если не надпартийность) нового движения: «*Следует говорить "движение", потому что мы не представляем собой ни союз, ни лигу, ни организацию, ничего похожего на партию. Конгресс только положил начало. Перед нами стоит безотлагательная практическая задача, обязывающая по-*

лизирования» ради безоговорочного присоединения *perinde ac cadaver* к «святой» доктрине» (М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М., 1995. С. 24).

¹ Мотылева Т.Л. Ромен Роллан. М., 1969. С. 237.

² Цит. по: Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов. М., 1987. С. 76.

*вторять, активизировать, умножать массовые встречи и повседневную работу»*¹.

Вслед за Амстердамским конгрессом в 1933 году состоялся Европейский антифашистский конгресс в Париже, в зале Плейель, избравший Международный антифашистский комитет. В том же году этот комитет объединился с Международным комитетом борьбы против войны и фашизма под председательством А. Барбюса, избранным на Амстердамском конгрессе, — так был образован Всемирный комитет против фашизма и войны, названный «Комитет Амстердам — Плейель»².

Конгрессы интеллектуалов и интеллигенции были эффективным средством мобилизации прогрессивных сил общества на борьбу с фашизмом. Как утверждает В.А. Куманев, «самой жизнью настоятельно выдвигались задачи противостояния натиску наиболее агрессивного отряда империалистической буржуазии, чтобы защитить, спасти культурные ценности цивилизации. Необходимо было обсудить конкретные пути вовлечения в движение новых слоев интеллигенции и повысить их общественную активность»³. Безусловно, для советского руководства важна была также и поддержка со стороны западных интеллектуалов и интеллигенции, оказывающих серьезное влияние на общественное мнение западных стран: так, по словам Б.Я. Фрезинского, «в силу высокого морального авторитета литературы в 1920–1930-е гг. конгрессы писателей для Сталина означали демонстрацию поддержки строящегося под его руководством и по его чертежам социализма со стороны широкой демократической общественности Запада, поддержки, нужной ему не только в международном плане, но поначалу еще и для внутреннего пользования в конкретных обстоятельствах середины 1930-х гг.»⁴. Более того, ввиду переориентации в 1935 году Коминтерна и связанной с этим реорганизации его структур, Парижский конгресс писателей в защиту культуры 1935 года, о котором пойдет речь, предстает — согласно решениям «руководящих органов» — как продолжатель и преемник МОРП (в организационном смысле), ликвидированной как раз перед Конгрессом (и в связи с Конгрессом).

---

¹ Цит. по: *Видадь А. Анри Барбюс — солдат мира* / Предисл. Жака Дюкло. М., 1962. С. 260.

² Об этом подробнее см.: *Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов*. М., 1987. С. 99; *Видадь А. Анри Барбюс — солдат мира* / Предисл. Жака Дюкло. М., 1962. С. 266–271.

³ *Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов*. М., 1987. С. 121.

⁴ *Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов*. М., 2008. С. 274.

Конечно, во многом МОРП и аффилированные с ней организации не соответствовали запросам времени: они ориентировались на писателей исключительно прокоммунистической направленности, проявляя «рапповские» подходы, «отбраковывая» даже крупных деятелей культуры по политическим мотивам. Б.Я. Фрезинский приводит письмо Эренбурга Сталину от 13 сентября 1934 года, в котором И.Г. Эренбург говорит о «рапповских» рецидивах в работе МОРП: «Авторов романов они упрекают за ”невыдержанность” политической линии того или иного персонажа литературных произведений, причем я говорю не о критике, но об обвинениях в ренегатстве и т.п. <...> Такое поведение секции МОРПа отталкивает от нас даже самых близких нам писателей: Андре Жида, Мальро, Роже Мартен дю Гара, Фернандеса и др. Достаточно сказать, что Барбюс находится на положении едва терпимого». — Эренбург подводит итог: «Положение на Западе сейчас чрезвычайно благоприятно: большинство наиболее крупных, талантливых, да и наиболее известных писателей пойдет с нами против фашизма. Если бы вместо МОРПа существовала бы широкая антифашистская организация писателей, в нее тотчас же вошли бы такие писатели, как Ромен Роллан, Андре Жид, Мальро, Ж.Р. Блок, Барбюс... Арагон... Томас Манн, Генрих Манн, Фейхтвангер... Драйзер... Дос Пассос, и др. <...> Скажу короче — такая организация за редкими исключениями объединит всех крупных и непроданных писателей. Политическая программа такой организации должна быть очень широкой и в то же время точной:

- 1) Борьба с фашизмом;
- 2) Активная защита СССР.

Западноевропейская и американская интеллигенция прислушивается к ”крупным именам”. Поэтому значение большой антифашистской организации, возглавляемой знаменитыми писателями, будет весьма велико.

Но для создания подобной антифашистской организации нужны, во-первых, санкция наших руководящих органов, во-вторых, роспуск или коренная реорганизация МОРП и его национальных секций»¹.

«Это письмо давало старт всему, что связано с Парижским конгрессом писателей в защиту культуры», — резюмирует Б.Я. Фрезинский². Сталин во многом согласился с предложениями Эренбурга, тем бо-

---

¹ Цит. по: *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 285–287.

² *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 287.

лее что они находились в полном соответствии с его планами и ожиданиями¹, — и с ноября 1934 года началась подготовка к Конгрессу, основную тяжесть которой легла на плечи Эренбурга и Барбюса: «...Все, что к весне сделали для подготовки конгресса писателей, было предпринято коллективными усилиями двух групп, центрами которых стали Барбюс и Эренбург. Неудивительно поэтому, что М. Горький в... письме Роллану говорит, что собирается “ехать в Париж, на съезд, организуемый Барбюсом — Эренбургом”». — Далее Фрезинский приводит любопытнейший пассаж из воспоминаний Эренбурга о том, как трудно «объединять» писателей: «Писатели — не рабочие: объединить их очень трудно. Андре Жид предлагал одно. Генрих Манн другое, Фейхтвангер третье. Сюрреалисты кричали, что коммунисты стали бонзами и что надо сорвать конгресс. Писатели, близкие к троцкистам... предупреждали, что выступят — ”разоблачат” Советский Союз. Барбюс опасался, что конгресс по своему политическому диапазону будет чересчур широким и не сможет принять никаких решений. Мартен дю Гар и английские писатели Форстер, Хаксли, напротив, считали, что конгресс будет чересчур узким и что дадут выступить только коммунистам. Потребовалось много терпения, сдержанности, такта, чтобы примирить, казалось бы, непримиримые позиции»². Конечно, принцип объединения был, и его важность была превыше любого рода творческих, мировоззренческих и политических разногласий — защита культуры от фашизма. Сама формула (или девиз) «защита культуры» была предложена интеллектуалом-коммунистом П. Вайяном-Кутюрье, генеральным секретарем французской секции МОПП (т.е. АЕАР), в его статье, опубликованной в журнале «Комюн», органе АЕАР, в ноябре 1934 года. Итальянская исследовательница Сандра Терони пишет: «Девиз дня — ”защита культуры” — надо думать, был аналогичен

---

¹ «Сталину, — утверждает Б.Я. Фрезинский, — нужен был подлинно мировой конгресс и общемировая поддержка СССР левыми кругами интеллигенции; видимо, общемировой масштаб предложения Эренбурга с самого начала привлек Сталина, и он постоянно держал его в уме» (*Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 310). Более того, можно также предположить, что письмо Ильи Эренбурга было напрямую инспирировано Сталиным, — иначе непросто оправдать весьма смелый тон письма, как и смелые планы, предлагаемые в нем (Эренбург выступает, по сути дела, не как организатор структурных перестановок, а как политик, причем имеющий суждение о международных делах), что было нехарактерно для документов такого рода тех времен.

² Цит. по: *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 306.

лозунгу ”защиты демократии” и дополнял его, отражая и — главное — апробируя на околополитической почве поворот в стратегии Коминтерна, утвержденный Конгрессом Коминтерна тем же летом»¹.

Итак, в продолжение и усиление антифашистского движения «Амстердам-Плейель» в 1935 году был созван Международный Конгресс писателей в защиту культуры (II Congrès International des Écrivains pour la Défense de la Culture), прошедший в Париже с 21 по 25 июня. Среди организаторов и участников инициативной группы по созыву Конгресса, а также в числе принявших участие в мероприятии — А. Барбюс и Р. Роллан, Ж.-Р. Блок, П. Низан, А. Мальро, А. Жид, Л. Арагон, А. Пулай, Э. Хемингуэй, Г. Манн, Т. Манн, К. Чапек, Л. Фейхтвангер, И. Бехер, М. Брод, Э. Форстер, О. Хаксли, Б. Брехт, Ж. Бенда, Ж. Геенно, В. Маргерит, К. Росселли, Г. Сальвемини, А. Донины, Г. Ферреро, Э. д’Орс, Р. Музиль, А.М. Горький, И.Г. Эренбург, М.Е. Кольцов, А.Н. Толстой, Б.Л. Пастернак, И.Э. Бабель, М.А. Шолохов и многие другие писатели. «Конгресс, — вспоминал Эренбург, — был очень пестрым: рядом с либеральным эссеистом Бенда сидел Вайян-Кутюрье, после скептического английского романиста Форстера выступил неистовый Арагон, испанский индивидуалист Эухенио д’Орс беседовал с Бехером, семидесятилетний немецкий критик Альфред Керр говорил о значении культурного наследия молоденькому Корнейчуку, друг и единомышленник Кафки Макс Брод обсуждал проект резолюции с Щербаковым, а в буфете Галактион Табидзе пил коньяк за здоровье растроганной Карин Михаэлис. Конгресс продолжался пять дней, и неизменно огромный зал ”Мютюалитэ” был переполнен; громкоговорители передавали речи в вестибюль; люди на улице стояли и слушали. Газетам, сначала решившим замолчать конгресс, пришлось уделить ему немало места. Даже Гитлер не выдержал и в гневе заявил: ”Большевиствующие писатели — это убийцы культуры!”»².

Проблематика Конгресса была определена так: «...Конгресс систематически и основательно обсудил следующие, связанные между со-

---

¹ *Teroni S. Difesa della cultura e problematico incontro fra culture: Il Congrès International des Écrivains pour la Défense de la Culture, Parigi 1935 // L’utile, il bello, il vero. Il dibattito francese sulla funzione della letteratura tra Otto e Novecento / A cura di T. Goruppi, L. Sozzi. Pisa, Edizioni ETC, 2002. P. 292. Также см. сборник самих материалов Парижского конгресса: Per la difesa della cultura. Scrittori a Parigi nel 1935 / Teroni S. (curatore). Roma, 2002.*

² *Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга четвертая, пятая / Подг. Б.Я. Фрезинским. М., 2005. С. 67.*

бой, но имеющие и самостоятельное значение проблемы: 1) культурное наследство; 2) роль писателя в обществе; 3) индивид и общество; 4) гуманизм; 5) нация и культура; 6) достоинство мысли и проблема творчества; 7) защита культуры»¹. Участники Конгресса «говорили о месте литератора в духовной жизни, о значении накопленных за века культурных ценностей для прогресса и необходимости их защиты от зловещих замыслов империалистической буржуазии, о задачах развития гуманистических принципов в литературной деятельности в условиях военных приготовлений фашистов»². Цели Конгресса были достигнуты: «... Конгресс прошел с редким для подобных мероприятий единодушием. Всех объединяла одна общая задача — защита культуры от фашизма, несущего ей гибель. Конгресс не был ни марксистским, ни партийным съездом, и не в этом была его задача. Важно было установить единство исходной точки зрения: убедиться в смертоносности фашизма для культуры; совместно определить линии удара по фашизму, империализму и милитаризму, националистическому шовинизму; договориться об основных направлениях и задачах дальнейшего развития культуры и литературы; требовалось, наконец, закрепить организационно борьбу за культуру в международном масштабе»³.

Безусловно, были на Конгрессе и столкновения мнений, и полемика, — все то, что подобает писателям, интеллектуалам, «людям культуры». В особенности примечательным и знаменательным стало полемическое столкновение между Жюльеном Бенда и Полем Низаном, — эта интеллектуальная дуэль была продолжением предыдущей дискуссии между ними, хотя надо учесть, что к 1935 году Жюльен Бенда несколько пересмотрел принципы практического воплощения (но не концептуальную суть) своей центральной идеи о *trahison des clercs* — об этом, во всяком случае, позволяет судить его политическая активность по защите культуры (следует учесть также и тот факт, что Ж. Бенда — будущий участник II Международного Конгресса писателей в защиту культуры в воюющей Испании в 1937 году). В предисловии И. Луппола к материалам Конгресса Бенда совершенно справедливо был назван

---

¹ Луппол И. Предисловие // Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 13. Заметим, что в этом перечислении не упомянута проблема ценностей, обсуждению которой посвящены многие доклады выступивших западных писателей.

² Куманев В. А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов. М., 1987. С. 124.

³ Луппол И. Предисловие // Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 12.

писателем, который неплохо борется с фашизмом (конечно, его концепция предсказуемо была квалифицирована как «совершенно неправильная»)¹. Говоря о разрыве западной и коммунистической культурных традиций, интеллигент констатирует их несовместимость, так что «между западной концепцией литературы и концепцией коммунистической... есть разница не в степени, а в сущности»². Ответ Поля Низана «мыслителю элеатского толка» Жюльену Бенда — иронично-уважительный: «Г-н Жюльен Бенда... задал коммунистам один вопрос... спросил нас: является ли цивилизация, которую вы намерены построить, расцветом и продолжением западных ценностей или — разрывом с ними? Я не принимаю такой альтернативы. Так как г-н Бенда мыслитель элеатского толка, то он требует, чтобы ему ответили или да, или нет. Так как коммунисты — наследники Гегеля, они ответят ему только — и да, и нет. И, следовательно, мы ответим: эта цивилизация есть одновременно и продолжение, и разрыв». — И далее Низан делает общую оценку Бенда как интеллигента и мыслителя, оценку очень точную и при этом тонкую: «Довольно ясно, что г-н Бенда придерживается относительно западного мира... платоновских идей, которым свойственно утверждение строго идеалистических ценностей и понятий, очищенных от всех ценностей и всех конкретных событий человеческой жизни»³.

Интересным и неожиданным моментом Конгресса стало выступление Бориса Пастернака. Как рассказывает Б.Я. Фрезинский, текст выступления, подготовленный Пастернаком, на тот момент находящимся в болезненном состоянии, прочитал Эренбург. В проекте выступления в свойственном ему ключе Пастернак проводил идею, ко-

---

¹ См.: *Луппол И.* Предисловие // Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 14.

² *Бенда Ж.* Литература и коммунизм // Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 75.

³ *Низан П.* О гуманизме // Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 227. Спор Бенда и Низана был продолжен в 1937 году, когда П. Низан опубликовал в «Юманите» довольно-таки неожиданную по содержанию и направленности рецензию на новую книгу Бенда «Юность одного клирика». Низан несколько иронично комментировал пассажи Бенда, отмечая противоречивость «интеллектуального маршрута» своего контестанта: при всех изгибах своего пути, полагает Низан, в поиске «вечных идей» Ж. Бенда не может уклониться от исторической реальности (об этом см.: *Riva R.* Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità. Venezia, 2012. P. 26–30).

торая была для него близка и дорога, — о том, что «культура не нуждается в объединениях и организациях по ее защите, надо заботиться о жизни и свободе людей, при этом культура возродится и утвердится сама по себе, как производное, как плод на этой почве»¹. — По прочтении этого Эренбург порвал тетрадь Пастернака, посчитав его мысли *плодом болезни*. В самом деле, такое было в те годы невысказано даже для «придерживающегося платоновских идей» Жюльена Бенда! Оставшись без текста, Пастернак, выйдя на трибуну, — рассказывает далее Фрезинский, — «растерянно и по-детски оглядел всех и неожиданно сказал: ”Поэзия... ее ищут повсюду... а находят в траве...” — раздались такие аплодисменты, такая буря восторга...»².

На конгрессе 1935 года Анри Барбюс выдвинул лозунг интеллигенции и интеллектуалов — защищать культуру: «...Интеллектуальные работники, хранители культуры, принадлежащей всем, должны сами защищать эту культуру. Она не может защитить себя сама, а если предоставить это другим, то они будут защищать ее для себя, против нас, против всех». — Защита культуры — это борьба, активность, действие, — и «никаких промежуточных позиций! Никакой спокойной золотой середины! Это третья позиция мнима и призрачна. Те, которые избирают ее, защищают не демократическую свободу, не культуру в опасности, они защищают — временно! — только свое спокойствие. Что это — недостаток активности? Нет, — неверная позиция. Силой своей инерции, они, как и все, кто сохраняет нейтралитет, способствуют укреплению существующего строя; они помогают, как и все, кто ”аполитичен”, господствующей политике...». — Таким образом, призывает Барбюс, «мы должны избегать того, чтобы под предлогом эгоистической независимости каждый из нас

---

¹ См.: *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 323.

² *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008. С. 324. В материалах Конгресса речь Пастернака — один небольшой абзац: «Поэзия останется всегда той, превыше всяких Альп прославленной высотой, которая валяется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы ее увидеть и подобрать с земли; она всегда будет проще того, чтобы ее можно было обсуждать в собраниях; она навсегда останется органической функцией счастья человека, переполненного блаженным даром разумной речи, и, таким образом, чем больше будет счастья на земле, тем легче будет быть художником» (*Пастернак Б.* [Выступление] // Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 375). О выступлении Б.Л. Пастернака см. также: *Струве Г.П.* Слово о поэзии // Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака / Институт по изучению СССР / Исследования и материалы (Серия 1, вып. 65). Мюнхен, 1962.

не оказался над, то есть вне... великих основных тенденций современной общественной жизни. Факты запрещают нам спастись в облака. Платоническая защита духа и культуры — пустые слова. Это только фейерверк из летящих искр мировой истории»¹.

На Конгрессе 1935 года была учреждена Международная ассоциация писателей в защиту культуры, в состав бюро которой вошли Ромен Роллан и Анри Барбюс², Андре Жид, Жюльен Бенда и Поль Низан, Жан-Ришар Блок, Андре Мальро, Луи Арагон, Генрих Манн и Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Максим Горький, Михаил Шолохов, Борис Пастернак, Алексей Толстой, Илья Эренбург, Бернард Шоу, Синклер Льюис, Теодор Драйзер, Джон Дос Пассос. «Бюро ассоциации, — говорится в резолюции Конгресса, — составленное из писателей различных философских, литературных и политических направлений, будет всегда готово бороться в области культуры против войны, фашизма и против всяких других опасностей, угрожающих цивилизации»³.

Второй Конгресс писателей в защиту культуры открылся в Испании 4 июля 1937 года, в обстановке гражданской войны; заседания проходили в Мадриде и Барселоне, завершение Конгресса состоялось в Париже. Многие деятели культуры отказались от поездки из-за военной обстановки в Испании: «Ряд писателей, получив приглашения, ответили, что обсуждать литературные проблемы в прифронтовой обстановке — ”ребячество, никому не нужная романтика”». — Интересный ответ на такие возражения дал Жюльен Бенда, признав правильность проведения именно Конгресса в *защиту культуры* — в стране, где идет борьба против фашизма, являющегося главной *угрозой для культуры*: «Сейчас главное, — сказал Бенда, — показать, что люди, которым дорога культура, на линии огня»⁴.

Интеллектуалы после Второй мировой войны

Таким образом, с начала XX века во Франции рождается, формируется, динамично развивается, организационно оформляется и закрепляется новая модель отношений политики и культуры в демо-

---

¹ Барбюс А. Нация и культура // Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 258–260.

² Анри Барбюс по приезду в Москву в июле 1935 года серьезно заболел и скончался 30 августа. Похороны состоялись в Париже 7 сентября.

³ См.: Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Луппола. М., 1936. С. 485–488.

⁴ Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов. М., 1987. С. 181–182.

кратическом обществе, главным актором, действующей силой и воплощением которой явились интеллектуалы — политически активная группа интеллигенции, включающаяся в политику и политическую борьбу; активно взаимодействующая с политическими партиями и политическими движениями, вплоть до прямого участия в их деятельности. В ходе этой борьбы и в полемике по поводу ее методов и форм, а также собственной роли в политике, — интеллектуалы вырабатывают представления и идеи, разрабатывают концепции о своем предназначении и целях политической деятельности; сами создают союзы и движения. В этот процесс вовлекаются широкие круги не только остальной интеллигенции (в первую очередь деятелей культуры других стран Европы, России и США), но и других слоев общества. Особое развитие эта модель получила в Италии — несколько позже по времени итальянские интеллектуалы развили и в некоторых моментах (прежде всего концептуальных) расширили круг «прав и обязанностей» интеллектуала, апробировав и критически переосмыслив основные идеи, выдвинутые французскими интеллектуалами, — при сохранении преемственности и важнейших установок.

Послевоенные дискуссии интеллектуалов уже не связаны со спорами о конституирующих моментах самого этого понятия: новая социальная группа, пройдя через полемику о «предательстве» и «дезертирстве» и ответив на обвинения Ж. Бенда своим участием в Сопротивлении (да и сам Ж. Бенда также участвовал в антифашистской борьбе), вполне осознает себя в качестве новой социальной силы. *Левые интеллектуалы* после войны осознают и определяют свою роль в политике связанности с собственной принадлежностью к миру культуры. «В этот поворотный момент литературной эволюции, — пишет Ж. Сапиро, — появляется независимая левая литература, которая становится полноправным деятелем в области идеологического производства, обеспечивая позицию "интеллектуала" в ее преемственности с дрейфусарским и антифашистским направлениями литературной эволюции, с которыми она себя связывает, не ограничиваясь отныне какими-то конкретными выступлениями в отношении вполне определенных политических задач текущего момента»¹.

К. Шарль, говоря о французских левых интеллектуалах, утверждает, что они, оставив свой первоначальный элитизм правым интеллек-

---

¹ Сапиро Ж. О применении категорий «правые» и «левые» в литературном поле // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2005. С. 325.

туалам, «приходят к убеждению, что их задача состоит в том, чтобы делать демократию реальной, распространять демократию в глубину»¹. — Но остается спорным и обретает даже «повышенную полемичность», становясь едва ли не центром всех дебатов, вопрос о *включенности в политические организации*: «Возникает раскол между теми, кто сохраняет верность прежней концепции и считает, что интеллектуалы должны воздерживаться от постоянного членства в политических партиях, — и теми, кто, напротив, считает, что интеллектуал является таким же гражданином, как и все прочие, и что единственная эффективная деятельность возможна для интеллектуала именно при вступлении в партию. Этот спор будет иметь центральное значение... до тех пор, пока будет сохраняться эта альтернатива между партийной ангажированностью и беспартийностью»². Несомненно, эта дилемма была изначально связана прежде всего (но, конечно, не исключительно) с Коминтерном и с советской компартией, и самые сильные споры шли вокруг оценки социалистического строя в СССР (от искренней поддержки до резкого неприятия), отношения к марксизму (от приверженности и «оригинальных» истолкований до антикоммунизма), принадлежности к европейским компартиям (от членства в них до обвинений компартий и их лидеров в самых страшных «грехах»).

После войны в среде интеллектуалов стал популярен лозунг ангажированности, получил высокий статус и приобрел распространение принцип ангажированного интеллектуала, связанный с работа-

---

¹ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 303. О французских левых интеллектуалах, их ценностях и роли в жизни Франции XX века пишет Т.В. Краева: «Становление "левого интеллектуала" — характерный феномен, определивший специфику французской культуры и политической жизни в XX в. Принадлежность к левым определяет особая система ценностей. По мнению А.А. Галкина, ядро левой системы ценностей составляет "ориентация на свободу... на юридическое и политическое равноправие индивидов, социальных, этнических, половозрастных и иных групп — вне их зависимости от удельного веса в обществе, на социальную справедливость... на рациональную организацию общественных отношений, делающую возможным осуществление всех этих ориентаций и, в конечном счете, обеспечивающую свободное развитие каждого, как условие свободного развития всех". Монархист Ш. Моррас в работе "Будущее интеллигенции" (1905) отмечал, что интеллигенция решительно отклонилась влево со второй половины XIX в. Рассуждая об утопиизе совершающегося мировоззренческого сдвига, он подчеркивал, что постепенно литераторы в мыслях отрывались от существующего миропорядка и "единственной связью их мысли и мира оказывался бунт против тех сил, которые поддерживали существующий мир"» (Краева Т.В. Французские левые интеллектуалы и Советский Союз: механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920-х — середине 1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 97).

² Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 304.

ми, политическими выступлениями и жизненной позицией Жана-Поля Сартра, именем которого во Франции называют послевоенный «золотой век интеллектуалов» (формула М. Винока) и в творчестве которого принцип интеллектуала-engagé раскрывается во всей возможной полноте. Левый интеллектуал становится знаковой и культовой фигурой, без которой невозможно представить политико-культурный пейзаж Западной Европы 50–70-х годов. «В 1950-е годы, — писала Алессандра Реччия, — в итальянском обществе, как и в других европейских государствах, например, во Франции, фигура интеллектуала как критика общественных тенденций была очень весома. Чаще всего это был гуманист, *l'engagé*, который мог не занимать конкретную прокоммунистическую политическую позицию, но так или иначе придерживался левых взглядов, не обязательно марксистских. Его культурная деятельность заключалась в написании статей и эссе для различных газет и журналов, много- или малотиражных, а также в использовании других средств массовой информации, в участии во всевозможных радио- и телепередачах»¹.

Влияние компартий на интеллектуалов подчас приобретало достаточно необычные формы, приводя их к радикализму и революционному романтизму. Именно в этом ключе можно рассматривать влияние, оказанное французской компартией и марксизмом в целом, на Сартра², который, как и Низан, подвергает резкой критике капитализм, буржуазию и их «чистое искусство», безответственное творчество, равнодушное к проблемам общества. Сартр основывает «свои эстетические взгляды на отождествлении политической практики и искусства, сводя политическую деятельность к эстетическому проекту, а эстетическую деятельность — к политическому» и поэтому «в противовес сторонникам теории “чистого искусства”, на первый план выдвигает социальную функцию литературы как ангажированного искусства, как посредника моральных принципов, восходящих к дидактической и педагогической традиции классики»³.

---

¹ Реччия А. Дискуссия вокруг романа «Доктор Живаго». Итальянские интеллектуалы и русско-советская культура в период оттепели // «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия. Антология статей / Под общ. ред. М. Ариас-Вихиль. М., 2012. С. 23.

² О влиянии идей Маркса на философию и политическое мировоззрение Сартра, о непростых «отношениях Сартра и марксизма», о столкновениях и спорах Сартра с Раймоном Ароном и Роже Гароди, см.: Гобозов И.А. Сартр и марксизм // Философия и общество. 2006. № 2.

³ Долгов К.М. От Киркегора до Камю. Философия. Эстетика. Культура. М., 1990. С. 209–215.

К политической деятельности Сартр шел той же дорогой, что и Эмиль Золя: надо сказать, что до провозглашения принципа ангажированного писателя и ангажированной литературы, в 20–30-е годы, Сартр, говорит американский историк Марк Постер, «был аполитичным литератором (*littérateur*): он не принимал участия в голосованиях; он участвовал в демонстрациях лишь изредка и там никогда не пел и не выкрикивал лозунги; он отзывался о чужих политических трактатах как о ”бессмысленной пропаганде”. Он был убежден, что литературная деятельность самоценна, что ее более чем достаточно, чтобы жить достойно». — Однако интерес к политике развивался (может быть, отчасти подспудно) именно в те годы, и во многом обусловливался кругом сартровского общения: «Интеллектуальная жизнь Сартра не сводилась к жизни буржуазного литератора. Через своего друга Поля Низана Сартр еще в 1920-х гг. познакомился с политиками-коммунистами. В 1930-х он контактировал и с троцкистами... Кроме того, будучи студентом в Эколь Нормаль Супериор, он чувствовал неудовлетворенность ведущими философами... погруженными в идеализм Декарта и Канта. Мысль их преподавателей представлялась Сартру и де Бовуар частью либерального ”Weltanschauung” и оттого неприемлемой»¹.

Логика сартровского *engagement*² приводит мыслителя к сближению с марксизмом и компартией, и в дальнейшем он попытается сблизить уже *марксизм со своей философией*. Его политические взгляды были то в большей, то в меньшей степени далеки от марксизма, — от некоторого совпадения до почти полного расхождения, а отношения с французской компартией — от сближения (в начале 50-х годов) до отхода, если не отстранения, от партии³. Принцип не-

---

¹ Постер М. Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции. От Сартра к Альтюссеру // Философско-антропологические исследования. 2008. № 1–2. С. 103–104.

² Согласно С.И. Великовскому, выражение *engagé*, «изобретенное» Сартром, «с его легкой руки стало почти что фразеологическим оборотом и совмещает множество соприкасающихся, однако не совпадающих полностью значений: вовлечен, причастен, добровольно завербован, служит делу, несет обязательства, взял на себя долг, выбрал свой стан в политике, граждански ответствен и ряд других смыслов...» (*Великовский С.И. «Властители дум» и социал-реформизм // Франция глазами французских социологов / Отв. ред. В.Н. Фомина, С.А. Эфилов. М., 1990. С. 175*).

³ Приведем интересное объяснение этих бесконечных метаний Сартра, сделанное Ильей Эренбургом: «Что касается неожиданности его политических поворотов, то они диктуются его характером: то, что у других может быть названо внутренним монологом, сомнениями, днями или годами молчания, у Сартра сопровождается декларациями, заявлениями в различных интервью — словом, действиями» (*Эрен-*

зависимости интеллектуала возводится Сартром в абсолют, распространяется на все сферы культуры и политики, — и делается обязательным догматом. Связав ответственность и свободу писателя в едином концепте ангажированности, Сартр, по словам Ж. Сапиро, «доводит до предела склонность писателей превращать собственное профессиональное кредо в основу общечеловеческих ценностей; в то же время он делает упор на принципе независимости писателя, противопоставляя его той партийности интеллектуалов, которую в это время исповедывают Луи Арагон и Поль Элюар»¹.

Сартровская концепция ангажированного писателя и — шире — ангажированного человека (*l'homme engagé*)² — вовлеченного и взявшего на себя ответственность — оказала большое влияние не только на западноевропейских, но и на американских интеллектуалов. Эта концепция была впервые представлена широкой аудитории в знаменитом эссе «Что такое литература» (1945)³. Ж.-П. Сартр писал: «Искусство прозы солидарно с единственным режимом, при котором проза сохраняет смысл: с демократией. Когда демократия под угрозой, то и проза в опасности, и отнюдь не всегда ее можно защитить одним только пером. Иногда наступает такое время, когда приходится отложить перо в сторону и когда писателю необходимо взяться за оружие. Так что какие бы взгляды вы ни исповедовали и какими бы путями вы ни пришли в литературу, она ввергает вас в битву; писать — это значит определенным образом желать свободы; если вы начали писать, то вы, вольно или невольно, ангажированы»⁴.

бург И. Люди, годы, жизнь. Книга шестая, седьмая. Словарь имен / Подг. Б.Я. Фрезинским. М., 2005. С. 207).

¹ Сапиро Ж. О применении категорий «правые» и «левые» в литературном поле // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2005. С. 326.

² Ж.-П. Сартр говорил прежде всего о политической ангажированности литературы и писателя, но логика развития его мысли вела к понятию ангажированности культуры. Так и В.И. Ленин, приняв положение о партийности литературы и затем философии, пришел к выводу о партийности культуры в целом (о ленинском понимании партийности см.: *Куницын Г.И.* Ленин о партийности художественного творчества // Ленин и искусство / Отв. ред. В.С. Кружков. М., 1969).

³ Об этой работе см.: *Пептуев В.И.* Жан-Поль Сартр как теоретик литературы: эссе 1945 г. // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. № 2. Эссе «Что такое литература» опубликовано в «Тан Нуво», в выпусках за февраль-июнь 1945 года, а знаменитое «Представление» («Présentation»), не менее яркий манифест ангажированной литературы, — уже в сартровском «Тан модерн», в первом номере (октябрь 1945 года).

⁴ *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? СПб., 2000. С. 64.

«Слово как действие, — подчеркивает В.И. Пефтиев, — предполагает намерение писателя что-то разоблачить и/или изменить, то есть быть причастным к определенной позиции; отсюда и новация со значением слова "engager" (юридический смысл — "брать на себя обязательства по контракту, договору, соглашению"). Новое значение "ангажированность" перетекло в слово "être engager" (быть вовлеченным в какое-то дело)»¹. Вовлеченность в политику, engagement для интеллектуала, писателя, — это означает прежде всего испытывать самому и затем «транслировать» чувства, эмоции; реагировать немедленно в соответствии со своими принципами и собственным пониманием политики. Быть вовлеченным не означает обладать политическим знанием, скрупулезно изучать и анализировать факты в их динамике, выстраивать концепции. Место интеллектуала — на площади, в гуще событий, в редакциях газет и журналов, а вовсе не в библиотеке или за рабочим столом; для него важно выразить и донести свое мнение о событии практически сразу же, и поэтому интеллектуал имеет безусловное право на ошибки и эмоциональность (при этом, следует заметить, такая «скорость реакции» гарантирует честность и открытость интеллектуала; то, что его вердикт не «согласован» на неких этажах политики и уж тем более не «внушен» ему «заинтересованными лицами»). — Можно ли не согласиться с Раймоном Ароном, сказавшим о Сартре: «Он был одновременно воплощением и мировой совести, и разгулявшейся бури»²! — «Не случайно, — утверждает К.М. Долгов, — Герберт Маркузе назвал Сартра... "сознанием мира". Действительно, все, что происходило в мире, вызывало отклик в душе, сердце и сознании Сартра, и благодаря его выступлениям на международных конгрессах и конференциях, его суждения по самым актуальным для миллионов людей во всем мире вопросам, становились достоянием самой широкой общечеловечности»³.

Кредо Сартра — вовлеченный в политику интеллектуал не просто имеет право вмешательства по своему произволу, но обязан это право постоянно использовать: так, в «Защите интеллектуалов» (1965), по словам Франсуа Нудельмана, Сартр «утверждает право интеллектуала контролировать любую деятельность людей, независимо от своей ком-

---

¹ *Пефтиев В.И.* Жан-Поль Сартр как теоретик литературы: эссе 1945 г. // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. № 2. С. 60.

² *Арон Р.* Пристрастный зритель. М., 2006. С. 123.

³ *Долгов К.М.* О встрече с Жаном-Полем Сартром и Симоной де Бовуар // Долгов К.М. Философские измерения политики, дипломатии и культуры. Том IV: Культура и современность. М., 2007. С. 277.

петенции; ”вмешиваться во все, что тебя не касается”...»¹. Позиция Сартра по отношению к праву и долгу ангажированного интеллектуала выражается и защищается философом в его полемике с Мерло-Понти, ясно показывающей, что «для Сартра интеллектуал всегда способен оппортировать существующую систему взглядов и готов к тому, что его взгляды в свою очередь будут отвергнуты»². Морис Мерло-Понти предостерегает Сартра от «чрезмерного вовлечения» и от необдуманных высказываний и действий: «Если вовлекаться в каждое отдельное событие, то такая ангажированность в напряженные периоды становится системой самообмана. Существуют события, которые позволяют или скорее требуют, чтобы их оценили немедленно... но чаще всего событие можно оценить, только поместив его в контекст общей политической ситуации, смысл которой меняется, и было бы трюкачеством высказываться по поводу каждого политического жеста вместо того, чтобы внимательно наблюдать за тем, как развивается политическая ситуация...». — И далее Мерло-Понти практически приравнивает интеллектуала к эксперту или политику: «Реагируя на каждое событие, как будто это тест на моральность, и придерживаясь своего понимания политики... ты, без всякой на то причины, отказываешь себе в праве на поправку, от которого не отказывается ни одна серьезная организация, особенно коммунистические правительства... и в конечном счете ты один остаешься на тех позициях, которые коммунисты уже покинули...». — Сартр отвечает: «...Ты отстраняешься от политики (по крайней мере, от того, что мы — интеллектуалы — называем политикой) и предпочитаешь посвятить себя своим философским исследованиям. Этот поступок одновременно правомерен и непростителен. Я хочу сказать, он правомерен, если ты не пытаешься его оправдать, и если это остается твоим личным решением, которое никого, кроме тебя, не обязывает, — за него никто не имеет права тебя упрекнуть. <...> Но если ты, отстаивая свой индивидуальный поступок, обсуждаешь позицию тех, кто остается в объективной сфере политики и кто пытался — хуже ли, лучше ли — высказаться по поводу объективно важных событий, то и ты, в свою очередь, попадаешь под объективную оценку. Ты больше не тот, кто говорит: я бы лучше воздержался; ты тот, кто говорит дру-

---

¹ *Нудельман Ф.* Сартр — автор своего времени? // Ж.-П. Сартр в прошлом и настоящем: Автобиографизм в литературе, философии и политике: Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге 8–9 июня 2005 года / Сост. и пер. с франц. С.Л. Фокина. СПб., 2006. С. 55.

² *Сидоров А.Н.* Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск, 2006. С. 68.

гим: нужно воздержаться. <...> ...Как бы искусно и деликатно ты не говорил, как бы не действовал, все сводится к тому, что философ не вправе сегодня высказываться об атлантическом пакте, о политике французского правительства и т.д. и т.п. Или скорее так: он может высказываться, если не отдает предпочтения ни одной из партий или блоков, которые находятся в оппозиции... Одним словом, философ сегодня не может занимать политическую позицию. <...> Но я упрекаю тебя — еще более строго — в том, что в обстоятельствах, когда необходимо высказаться как человеку, как французу, как гражданину и как интеллектуалу, ты отступаешь, прикрываясь ”философией” как алиби»¹.

Конечно, позиция Сартра, его взгляды и политическая деятельность — воспринимались по-разному. «Эстетико-политическая» концепция ангажированности была неоднозначно встречена интеллектуалами и не избежала подчас резкой (иногда вполне заслуженной) критики². Тем не менее на фоне возрастающей политизации западноевропейских стран после войны позиция отстраненности была неприемлема, поэтому политическая активность интеллектуалов, действующих всеми доступными для них методами, возрастала: возникали различные группы, союзы и объединения интеллектуалов, которые ставили политические задачи, выдвигали политические требования. От французских интеллектуалов не отставали и их итальянские коллеги, однако в Италии интеллектуалы в большей степени делали упор не на политических требованиях и манифестах (хотя едва ли по этим «показателям» они «отставали» от интеллектуалов Франции), — акцент был сделан на «теории», на дебатах и спорах о самоопределении, на углубленном поиске решения проблемы роли интеллектуала в обществе и политике (тогда как среди французских коллег благодаря авторитету Сартра на долгое время установился определенный консенсус относительно цели

---

¹ Гусаковская Н. Ж.-П. Сартр и М. Мерло-Понти: История одной переписки // p-europe.eu/article/2014/09/05/zh_p_sartre_i_m_merlo_ponti_istoriya_odnoi_perepiski.

О полемике, отношениях и спорах Сартра и Мерло-Понти также см.: Арон Р. Воображаемые марксизмы. М., 2010. С. 97–116.

² Так, Андре Мальро в «Обращении к интеллектуалам» (5 марта 1948 года) выступил категорически против самого принципа политической ангажированности культуры (о Мальро-интеллектуале см.: *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро. СПб., 2015). Альбер Камю, сетуя на то, что в «оглушительном гомоне» ангажированности писатель «не может больше рассчитывать на уединение», взывает к мере и разуму, против «тирании вовлеченности»: «И действительно, речь идет не о добровольном участии художника в чем бы то ни было, а скорее об обязательной воинской повинности. Любой художник обязан сегодня плыть на галере современности» (*Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 362).

и роли интеллектуала — суть этого решения и формулировалась концепцией ангажированности Сартра).

Постановка вопроса о роли и назначении интеллектуала в итальянских дискуссиях была прочно увязана с комплексом отношений и противоречий политики и культуры. Интеллектуал в Италии был прежде всего *протагонистом культуры*, — и из этого делались выводы о его роли в политике. Проблемы взаимодействия и взаимовлияния политики и культуры были проработаны итальянскими интеллектуалами и политическими мыслителями с особой силой и тщательностью: много об этом размышлял и писал Бенедетто Кроче, не отступавший от своего принципа безусловного превосходства культуры и невозможности ее смешения с политикой, — соответственно, *крочеанский интеллектуал* отвергает политику. Под другим углом вопрос о взаимодействии политики и культуры был поставлен и решен Антонио Грамши, выдвинувшим свою знаменитую доктрину гегемонии, после издания его работ в конце 40-х годах XX века стремительно завоевавшую популярность. У Грамши партия есть *коллективный интеллектуал*, ведущий битву за культуру, — и интеллектуалы Итальянской компартии в соответствии с установками завоевания культуры боролись за продвижение идей коммунизма в сфере культуры и идеологии. Центральной фигурой полемики об интеллектуалах во второй половине XX века стал Норберто Боббио — философ политики и права, интеллектуал, достигший к середине 70-х годов XX века своеобразной «интеллектуальной гегемонии» в Италии. Боббио, принимая постулат защиты культуры за отправную точку своей концепции роли интеллектуалов, следовал, во-первых, традиции, восходящей к Бенедетто Кроче, Джованни Папини и Джузеппе Преццолини, и во многом усиленной Жюльеном Бенда; во-вторых, традиции, ярчайшими представителями которой являлись Ромен Роллан (при всех оговорках его *веры* в независимость интеллектуала) и Анри Барбюс; и в-третьих, традиции «демократизации» и «политизации» интеллектуала, деятельного вмешательства культуры в политику, а интеллектуалов — в политическую борьбу, нашедшей выражение в жизни и работах Пьеро Гобетти и Антонио Грамши. Идея обязанности интеллектуалов защищать культуру обретает у Боббио концептуальную ясность и стройность. Интеллектуал, по Боббио, стоит на страже культуры, ограждая ее от «посягательств» со стороны политики.

Как бы в ответ на концепцию ангажированности в обстановке бурных споров и диспутов в среде итальянских интеллектуалов наполняется новым смыслом понятие долга, заботы по отношению к обществу, народу и культуре, выраженное емким словом *«impegno»*. Если сар-

тровская ангажированность означает политизацию интеллектуала, наделение его безусловным правом вмешательства в политику по произволу (но при этом неизбежно политизируется и культура), то *impugno*, хотя и ограничивает права и возможности интеллектуала, подразумевая «добровольно принятые на себя деятелями культуры гражданские и моральные обязательства»¹, выражает стремление людей культуры, хотя и часто «спорящих между собой, но связанных общей принадлежностью к миру этой Культуры»², — к служению ей и обществу в целом; — и в итоге позволяет интеллектуалу остаться самим собой, обойти угрозу такого вовлечения в политику, которое растворило бы его в ней без остатка (что, собственно, и произошло с Сартром). Такое служение культуре предполагало (а точнее, требовало) принятие интеллектуалами политической роли — ведь культуру, как показывает практика, необходимо защищать прежде всего политическими методами. Протагонист культуры принимает на себя ответственность по защите культуры и соответствующие обязательства, — в этом и состоит политическая роль интеллектуала: защита автономии культуры от вмешательства политики. — «Всю эту плеяду мыслителей, — пишет об итальянских «людях культуры» российский историк и философ Е.Б. Рашковский, — от убитого по тайному приказу Муссолини юного философа Пьеро Гобетти до... Норберто Боббио — роднит некая и притом в высшей степени европейская, да и небесполезная для нас на Святой Руси идея: подлинная и внутренняя солидарность человеческих общностей и свобода достижимы лишь при нами же выстроенных и в нас же самих укорененных культурных *гарантиях*»³. — Установление которых, добавим, и является призванием интеллектуалов-«людей культуры».

Прежде чем перейти к концепции Норберто Боббио, к полемике интеллектуалов Италии, к политическим перипетиям итальянской истории и к политико-культурным коллизиям Западной Европы XX века, необходимо возвратиться назад — к истокам движения интеллектуалов — и рассмотреть суть и результаты знаменитого дела Дрейфуса, в ходе которого произошло, собственно, «рождение» интеллектуалов как новой политической силы, выдвинувшейся на арену политической борьбы.

---

¹ *Кин Ц.И.* Алхимия и реальность. Борьба идей в современной итальянской культуре. М., 1984. С. 3.

² *Кин Ц.И.* Алхимия и реальность. Борьба идей в современной итальянской культуре. М., 1984. С. 116.

³ *Рашковский Е.Б.* Смыслы в истории: Исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008. С. 215.

ГЛАВА 3

Дело Дрейфуса и первые интеллектуалы

Значение дела Дрейфуса в истории интеллектуалов

В первой половине XX века только в двух странах Западной Европы интеллектуалы стали политической силой, и в своем влиянии на политику в определенные моменты истории этих стран достигли если и не политического могущества, то во всяком случае заставили о себе говорить как о протагонистах культуры и в некотором смысле политики, с которыми необходимо считаться. Эти страны — Франция и Италия: ведь именно французские и итальянские интеллектуалы стали неотъемлемой и активной частью гражданского общества. Вследствие массовости *движения интеллектуалов* (факт массовости констатирован впервые Жоржем Клемансо, он же первым употребил слово *intellectuels*, как и слово «движение» по отношению к интеллектуалам) «новая политическая волна», рожденная в «буре Дрейфуса», если следовать метафоре Ромена Роллана, захватила и многие другие страны Европы (и даже «проникла» в Америку), предоставив интеллигенции пример активных выступлений в виде самостоятельной силы, не связанной с партиями и властью.

История интеллектуалов как новой политически активной группы интеллигенции (или, как формулирует французский политолог и социолог, ученица Пьера Бурдьё, — Жизель Сапиро, — «особой социальной группы и политической силы»¹), начинается с ожесточенных дебатов вокруг «дела Дрейфуса», начало которым в свою очередь было положено открытым письмом президенту Франции от Эмиля Золя — знаменитого воззвания «J'accuse!..» («Я обвиняю!»)². Именно день публикации воззвания Золя в газете «Орор» («L'Aurore») — 13 января 1898 года — принято считать своего рода «днем рождения» интеллектуалов; в этот день начинается то самое

---

¹ Сапиро Ж. О применении категорий «правые» и «левые» в литературном поле // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2005. С. 301.

² Слова «Я обвиняю!» в дальнейшем стали лозунгом для европейских интеллектуалов, выдвигающих антимилиитаристские и антифашистские политические обвинения. К примеру, одним из первых такого рода манифестом стал призыв к интеллектуалам ученика Эмиля Золя — Анри Барбюса — «Мы обвиняем» («Юманите», 12 октября 1919 года), в котором писатель, убеждая интеллигенцию покончить с аполитичностью, призывал ее встать на защиту Советской республики.

«Дело Дрейфуса» с большой буквы (или просто «Дело» — «L'Affaire»), разделившее Францию на два непримиримых лагеря дрейфусаров и антитейфусаров, отголоски интеллектуальных сражений которых не утихают и по сей день¹. По словам Мизиа Серт, свидетельницы *эпохи Дрейфуса*, открытое письмо Золя «прозвучало как удар грома в Париже, всецело поглощенном искусством и удовольствиями. Франция мгновенно и бесповоротно разделилась на просто защитников Справедливости и приверженцев партии, называющей себя военной»².

Начиная с 14 января 1898 года в газете «Орор», ставшей главной (но не единственной) трибуной интеллектуалов, выступающих за пересмотр дела Дрейфуса, публикуются «списки протестующих», — это подписи представителей прежде всего французской интеллигенции, выступающих в поддержку требования пересмотра, выдвинутого Эмилем Золя. Один из главных интеллектуальных противников дрейфусаров, Морис Баррес, в ироническом и отчасти оскорбительном смысле назвал письмо Золя вместе с подписанными заявлениями в его поддержку — «Протестом интеллектуалов», как бы пародируя известное высказывание Клемансо, который, с восхищением приветствуя всех представителей науки и культуры, поднявшихся на защиту справедливости и истины, и присоединившихся к воззванию Золя, — 23 января 1898 года в статье в «Орор», — впервые назвал их *интеллектуалами* (это слово именно так — курсивом — и было напечатано). «Именно с этого момента, — пишет один из французских исследователей социальной истории Франции Кристоф Шарль, — термин стал общепотребительным и вошел в широкий обиход. Таким образом... интеллектуалы получили свое имя из рук противника. Уже отсюда становится понятна вся проблематичность наименования "интеллектуал": дело в том, что изначально это наименование было оскорблением»³. Другой

---

¹ Так, в 2012 году режиссер Роман Полански объявил о том, что намерен приступить к работе над фильмом о деле Дрейфуса, который предполагается в жанре политического триллера; рабочее название фильма — «D». Режиссер сказал: «Я давно хотел сделать фильм о деле Дрейфуса. Для меня это не костюмная драма, а шпионский триллер, история невероятно актуальная и в сегодняшнем мире, демонстрирующая механизмы охоты на ведьм среди меньшинств, параноидальную заботу о собственной безопасности, закрытые военные трибуналы, закулисную работу разведок и их официальное прикрытие, а также озверение журналистов» (www.km.ru/kino/2012/05/11/persony-i-deyateli-zarubezhnogo-kino/opalnyi-polanski-vvyazalsya-v-samyi-gromkii-pol). Съемки все время откладывались, сроки передвигались; летом 2016 года они должны были возобновиться, однако Р. Полански отложил работу над фильмом до мая-июня 2017 года.

² Серт М. Пожирательница гениев. М., 2008. С. 59.

³ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 293. Все же следует немного поправить К. Шарля: свое имя интеллектуалы дали себе сами

видный антидрейфусар, Фердинанд Брюнетьер, возмущенно говорил: «Уже сам по себе факт недавнего изобретения слова "интеллектуалы" для обозначения чуть ли не благородной касты — тех, кто обитает в лабораториях и библиотеках, — свидетельствует о едва ли не самой глупой выходке нашей эпохи, я имею в виду возвести писателей, ученых, профессоров, филологов в ранг сверхчеловеков»¹.

Очень быстро новое слово приобрело популярность, так что и дрейфусары, и антидрейфусары стали называться интеллектуалами². «Антидрейфусары и мы, дрейфусары, говорили на одном языке. Мы говорили на равных»³, — будет вспоминать Шарль Пеги, поэт и публицист, журнал которого «Двухнедельные тетради» стал колыбелью интеллектуалов Франции и местом их встречи с интеллектуалами Италии. При этом вражда интеллектуалов из противоположных «лагерей» ничуть не утихла, когда они стали называться одним общим именем: если уж обычные люди, находящиеся по разные стороны баррикад, не подавали друг другу руки и бросались в драку при одном только упоминании имени Дрейфуса⁴, — то легко представить себе, какой накал страстей царствовал в прессе, насколько яростной была *полемика* (именно от слова *πόλεμος* — война) интеллектуалов.

(пером Клемансо), благодаря же острой полемике, инициированной Барресом, это слово стало широкоупотребительным, превратившись в название новой политической группы (так часто бывает: дебаты и споры делают — лозунг ли, термин, понятие, просто слово — звучным и громким). Однако определенный негативный оттенок термина «интеллектуал» в общественно-политическом дискурсе Франции поначалу и в самом деле присутствовал, — правда, недолго. Нечто подобное произошло в русской истории с термином «декабристы», которое также поначалу имело обвинительный смысл: «...Слово декабрист было эмоционально окрашенным. Причем негативно — речь шла о преступниках, да еще и государственных» (*Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2015. С. 413). — Однако достаточно быстро, не в последнюю очередь благодаря пропагандистской деятельности А.И. Герцена, термин обрел положительные, если не героические коннотации, став идеологемой (С. 414–416).

¹ Цит. по: *Марина Х.А.* Интеллектуал и власть // Интеллектуалы и политика / Под ред. Р. Дель Агилы. М., 2007. С. 39.

² Впрочем, некоторые выдающиеся антидрейфусары все же так и не полюбили это слово. Так, сам Морис Баррес восклицал: «Предпочитаю обладать интеллектом, нежели быть интеллектуалом!» (См.: *Barres M.* Scènes et doctrines du nationalisme. P., 1902).

³ *Пеги Ш.* Наша юность. Мистерия о милосердии Жанны Д'Арк. СПб., 2001. С. 166.

⁴ Так, по словам М. Серт, в то время «сказать, что противнику не подавали руки, — все равно что ничего не сказать. Нередко случалось, что члены одной семьи бросали друг другу чем попало в голову. Мы утверждали, что узнаем антидрейфусаров по костюму, по манере, по поведению. Они казались нам достойными презрения» (*Серт М.* Пожирательница гениев. М., 2008. С. 59).

В любом случае, все представители интеллигенции, так или иначе принявшие участие в этой полемике, вне зависимости от позиции по отношению к Делу Дрейфуса, от интенсивности своих выступлений и даже от собственного желания, — можно сказать, «автоматически», по факту участия, — получили «дипломы интеллектуалов».

В ходе дебатов по делу Дрейфуса, таким образом, происходит как рождение самого понятия «интеллектуал», так и самосознание в качестве интеллектуалов и дальнейшее становление в этом «статусе» тех людей из образованного слоя общества, кто стремился обладать политической ролью и участвовать в политической борьбе, осознавая свою причастность к этой новой политически активной группе. Хотя и вся история борьбы вокруг дела Дрейфуса началась с личного заявления Э. Золя, дальнейшие действия интеллектуалов будут по преимуществу коллективными. «Речь идет, — говорит Норберто Боббио, размышляя о судьбах своего «беспокойного племени»¹, — именно об одной группе людей, не являющихся политиками, известных благодаря своей активности преимущественно литературной, — которые, поскольку литераторы, принимают позицию в отношении злоупотребления политической властью и борются против "разума государства" во имя разума без спецификаций, защищая истину, хранителями которой они себя считают, от "лжи во благо [государства]"»².

Коллективные действия — манифесты, петиции, выступления на страницах журналов и газет; кампании в прессе, мобилизующие общественное мнение; участие в различных лигах, движениях и союзах, — приводят интеллектуалов к вовлеченности в политику, причем «анти-интеллектуальные интеллектуалы тоже начинают публиковать петиции, проводить кампании в прессе, предъявлять обвинения некоторым дрейфусарам, организовывать свою лигу». — Как видно, левые и правые интеллектуалы действуют по одному сценарию, с помощью политических заявлений стараясь привлечь на свою сторону общественное мнение, и благодаря этим действиям «создается новое политическое сообщество, рекрутирующее своих членов главным образом среди людей умственного труда»³. Становилось отчетливо ясно, что с началом XX века во Франции появляется новая политическая сила и новая модель политической деятельности интеллиген-

---

¹ «Беспокойным племенем» (*tribù inquieta*) назвал интеллектуалов знаменитый итальянский интеллектуал-коммунист, выдающийся писатель и литературный критик Альберто Азор Роза.

² *Bobbio N. Intellettualli // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 803.*

³ *Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 297.*

ции, историко-политическая новизна и важность образования которой была очевидна для современников: так, М.И. Туган-Барановский, один из участников антивеховской полемики, в 1910 году будет писать: «...Обычный тип представителей умственного труда в западноевропейском обществе не выделяется особыми чертами от других общественных групп. Но в высшей степени характерно, что за последние годы положение изменилось. Во Франции все чаще и чаще говорят об "intellectuels" как своеобразной общественной группе, в Германии рассуждения об "Intelligenz" стали занимать видное место в социал-демократической литературе»¹. Русский корреспондент во Франции Н.С. Рusanов в своей книге «Очерки современной Франции» (1902)² свидетельствует об intellectuels как о новом идейном движении «в пользу нарушенного права и во имя общечеловеческой справедливости», которое является и новой силой на арене социально-политической борьбы: «Такое движение крайне любопытно хотя бы уже потому, что вносит в современную историю Западной Европы новый элемент и указывает нам на необходимость существенной поправки в теории и практике общественного развития». — «Странное дело, — продолжает публицист, — чем внимательнее я присматривался к упомянутому движению, чем более вдумывался в него, тем настойчивее выплывали в моей памяти различные перипетии нашего домашнего спора о роли интеллигенции, спора, имевшего такое значение в России начала 80-х годов. <...> Начать с того: людей, занимающихся умственным трудом, было во Франции всегда много; но отчего же только за последний год (эти строки писались около 1899–1900 годов — *А.Н.*) возникло здесь слово "intellectuel", очень близко соответствующее нашему слову "интеллигент", подобно тому, как выражение "le parti des intellectuels" может быть прекрасно передано нашим термином "интеллигенция"? Говорят, нашу "интеллигенцию" выдумал г. Боборыкин; враги здешнего идейного движения утверждают, что "intellectuel" (в его новом специальном значении существительного, ибо как прилагательное это слово давно живет в языке)

---

¹ Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Анти-Вехи. Сост. В.В. Сапов. М., 2007. С. 226. Здесь необходимо заметить, что немецкие дебаты об интеллигенции велись исключительно вокруг темы «интеллигенция и социализм», предметом споров была роль интеллигентов в социалистическом движении, но не в политике вообще; интеллигенция в немецких дискуссиях рассматривалась исключительно сквозь призму партийной принадлежности.

² См.: Кудрин Н.Е. Очерки современной Франции. СПб., 1902. «Н.Е. Кудрин» (или иногда «Н.К.») — псевдоним Николая Сергеевича Русанова (1859–1939).

сочинен Клемансо. Но как бы то ни было, не указывает ли этот смысл слова и на то, что возникло новое понятие?»¹.

Учитывая тот факт, что Франция — «пробная лаборатория Европы» (В.Г. Короленко)² — на момент возникновения интеллектуалов обладала огромным влиянием в мировой культуре, была лидером в области культурных и интеллектуальных инициатив, — не может вызвать удивления как дальнейшее развитие этой политической инновации, выработанной в «лаборатории Дрейфуса», в самой Франции «после Дрейфуса», так и последующее распространение новой модели в Западной Европе, — прежде всего в Италии. Впрочем, влияние и гегемония имели и свою обратную сторону: после того как «буря Дрейфуса» разразилась, а Франция разделилась на два враждебных лагеря, — антидрейфусары были только во Франции, тогда как остальная Европа и США были всецело за Дрейфуса: «Весь мир за Дрейфуса — кроме Франции», — повторяли в те годы. Общественное мнение и разного рода общественно-политические движения мира требовали (и подчас очень жестко требовали) от Франции *соблюдения ее же принципов* равенства и свободы! — Так восклицал Эмиль Верхарн: «В этом историческом Деле Дрейфуса

---

¹ Кудрин Н.Е. Очерки современной Франции. СПб., 1902. С. 460. Интересны также наблюдения революционера, советского политического деятеля Х.Г. Раковского, автора политико-публицистической работы «Очерки Франции» (1900, под псевдонимом «Инсаров»). Христиан Раковский пишет: «Особенно живое участие в этот период борьбы (за пересмотр приговора Дрейфусу, с конца 1897 года — А.Н.) приняла университетская профессорская интеллигенция, так называемые "intellectuals". По справедливому замечанию Жюля Геда, с последних лет реставрации и до сих пор не было такого движения ученых, литераторов и философов, склонных вообще записываться в своих клиниках, лабораториях и кабинетах. <...> До сих пор они стояли вне политической борьбы, которая не затрагивала в них живой струны — их интеллектуальной независимости; они были чужды и социальных движений, так как последние обращались к другим общественным слоям» (Инсаров. Современная Франция. История Третьей республики. СПб., 1900. С. 439).

² В этюде «Знаменитость конца XX века» (1898) В.Г. Короленко писал: «Франция — это удивительная страна, из которой в последнее столетие исходили все ожидания и все разочарования мыслящей Европы. Она то вызвала расцвет самых восторженных надежд, то опять разливала в умах реакцию и безнадежность. <...> Эта страна всегда была только пробной лабораторией. <...> Всегда Европа обращала свои глаза к пробной лаборатории, и если, по окончании многих опытов, в результате являлось разочарование, то разве мало препаратов, которые все-таки вошли в общее употребление. . . . Теперь мы видим в лаборатории новую работу: она дает нам экстракт буржуазно-политического строя, в виде Панамы, и конденсированного милитаризма — в деле Дрейфуса-Эстергази» (Короленко В.Г. Знаменитость конца XX века // Короленко В.Г. Соч. В 10 т. Т. 9. Публицистика. М., 1955. С. 401).

вся Европа обрушилась на Францию в защиту ее же свободомыслия...»¹.

Выступая в политике в качестве представителей гражданского общества, интеллектуалы наделялись полномочиями критики власти и ее решений, вмешательства в политические события, правом выдвижения требований и ультиматумов к власти, предъявляемых от имени широких слоев интеллигенции и общественности. Все это обусловило большой эффект, произведенный интеллектуалами-дрейфусарами как в плане влияния на общественное мнение, так и (правда, в меньшей степени) в плане влияния на решения власти. В определенные моменты политической жизни Франции и Италии интеллектуалы становились протагонистами гражданского общества, — именно благодаря своей дискуссионной и политической активности, переходившей подчас в агрессивность, зачастую при этом вполне оправданную. После 1898 года интеллектуалы завоевывают авторитет, «образ интеллектуала, — как пишет Хосе Антонио Марина, — становится престижным, выступает как орудие. Каждая властная группка стремится заполучить себе своего интеллектуала... С этого времени мы можем описывать его как профессионала из *мира культуры*, который использует свой авторитет для воздействия на общественное мнение»².

Таким образом, в ходе политических и полемических баталий по делу Дрейфуса конституируется понятие интеллектуала, обладающего благодаря своему «интеллектуальному статусу» и возможностям, предоставляемым собственно интеллектом и принадлежностью к миру культуры, определенными политическими возможностями и обязанностями; одним словом, — *политической ролью*, а затем и статусом (что не исключает, но скорее предполагает и «обладание» политическими пристрастиями). Все события и дебаты, связанные с делом Дрейфуса, поставили фигуру интеллектуала в центр французской культуры и политической мысли, сделали его протагонистом «века интеллектуалов». «Родившись» во Франции, интеллектуалы как социальная группа и как модель политической деятельности интеллигенции, со всеми своими противоречиями и изначальной схизматизированностью стали достоянием общеевропейской культуры.

---

¹ Цит. по: Лану А. Здравствуйте, Эмиль Золя! М., 1997. С. 409.

² Марина Х.А. Интеллектуал и власть // Интеллектуалы и политика / Под ред. Р. дель Агилы. М., 2007. С. 42.

*Франция в преддверии «бури Дрейфуса»:
историко-политический контекст «рождения» интеллектуалов*

С переходом «века Людовика XIV» в *Siècle des lumières* мировое лидерство Франции в культуре делает ее достижения образцами для всего мира, обеспечивая французскую культурную гегемонию в Европе. «В этот период, — пишет Н.Д. Беннет, — Франция становится центром интеллектуальной, духовной и культурной жизни всей Европы. В Париже и других городах возникают многочисленные общества и салоны, которые привлекают иностранных гостей и посетителей и способствуют резкому оживлению международных культурных связей»¹. Париж — город-светоч (*ville-lumière*), «центр человечества, средоточие всемирной мысли» (В. Гюго), становится культурной столицей Европы («французской Европы», как тогда говорили) и мира, а «влияние французской культуры достигает невиданной силы. <...> Просвещенная элита Европы и Америки говорит и читает по-французски, выписывает французские книги, воспринимает их как лучшую духовную пищу»². В 1841 году Виктор Гюго напишет о великой Франции, которая «внушает Европе свои идеи. Она управляет народами при помощи своей печати, она правит умами при помощи своих книг. <...> Она устанавливает порядок для всемирной мысли. То, что она предлагает, немедленно становится предметом обсуждения для всего человечества; то, что она решает, становится законом»³.

XIX век продолжает и развивает французскую культурную гегемонию: по словам Н.Д. Беннет, период между Великой Французской революцией и началом Первой мировой войны — 125 лет — стал именоваться «"золотым" или "великим" веком французской культурной экспансии», веком французского мессианизма, когда «Франция бросила своеобразный вызов всему человечеству, объявив себя подлинным выразителем идеи свободы, смысла универсального и универсальных человеческих идеалов и ценностей»⁴. Однако этот вызов порождает и соответствующее противодействие, и первой страной, принявшей его, стала Германия: «Движение, захватившее передовую Германию в конце XVIII века и получившее название "Бури и натиска", — пишет И.Г. Эренбург, — стремилось утвердить национальный

¹ Беннет Н.Д. Франкофония и мировая культура. М., 2003. С. 31.

² Беннет Н.Д. Франкофония и мировая культура. М., 2003. С. 45.

³ Гюго В. Речь при вступлении во Французскую Академию // Гюго В. Соч. В 15 т. Т. 15. Дела и речи. М., 1956. С. 29.

⁴ Беннет Н.Д. Франкофония и мировая культура. М., 2003. С. 32–34.

характер немецкой культуры. Сторонники этого движения выступали против преклонения перед Францией. Высмеивая тех немцев, которые слепо французили, они заодно пытались низвергнуть мастеров французской литературы, но при этом сплошь да рядом опирались на книги французских писателей и философов. Лессинг, выступая против Расина и Корнеля, ссылаясь на Дидро... Молодой Гете, Шиллер, Гердер зачитывались книгами Руссо. "Буря и натиск" шли на Францию, но можно сказать, что в известной степени они шли из Франции»¹. Равным образом и немецкая философия конца XVIII века, как говорит Д. Лукач, «выступает многоголосым эхом французской революции, звучащим, правда, в условиях экономической и политической отсталости Германии»².

XIX век приносит Германии лидерство в философии, — «философскую гегемонию» (Ф. Энгельс); в других областях культуры Германия в течение XIX века также обретает прочные позиции, хотя до «гегемонии в культуре» ей было далеко. Вообще, XIX век для Германии был веком не только завоеваний в области культуры, но веком «манifestации» немецкого проекта, веком выхода на историческую сцену Германии как «единой страны и империи»: «Немецкая нация была открыта и в значительной мере сконструирована в середине XIX века. Исходной точкой были наполеоновские войны, пробудившие национальное сознание, кульминацией стала революция 1848 года, сформулировавшая демократический общенемецкий проект. Однако именно индустриализация середины XIX века стала переломным пунктом, после которого формирование германской нации превращается из культурно-идеологического в практический проект. Германия одновременно становится единой страной и империей, претендующей не только на серьезные позиции в Европе, но и на весомое присутствие в мире...»³.

Культурная зависимость Германии, о которой говорит Илья Эренбург, заставляла немецких мыслителей и политиков искать методы и формы противоборства, и этот поиск привел к «открытию» *культурной политики*. Противостояние Франции и Германии (и отчасти Англии), — утверждает Н.Д. Беннет, — «превращало культурную деятельность ведущих европейских стран в культурную политику, где

---

¹ Эренбург И.Г. О некоторых чертах французской культуры // Эренбург И.Г. Соч. В 8 т. Т. 6. М., 1996. С. 8.

² Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987. С. 83.

³ Кагарлицкий Б.Ю. От империй — к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М., 2015. С. 505.

на передний план выходят не культурные связи, но культурное соперничество и противостояние, дополняемое прямым политическим соперничеством. Первой это осуществила Германия»¹. Тем не менее и в XIX веке культурное первенство оставалось за Францией; лишь в XX веке Франция уступает свою гегемонию Америке². При этом культурная политика Франции — как в те времена, так и ныне — по словам С.И. Косенко, «всегда была направлена главным образом на обеспечение "блистания/сияния" (*rayonnement*) Франции в мире, т.е. на восхищение ею, ее идеями и ее действиями. Быть признанной на мировой арене в качестве глашатая и носителя универсальных гуманистических ценностей — такова суть традиционных мессианских устремлений Франции во внешней политике. Эта цель лежит за пределами простого обеспечения безопасности, ибо призвана содействовать усилению планетарного влияния страны и направлена на утверждение ее величия методами "мягкого могущества". Именно из этой идеи исходила Франция со времен Людовика XIV, определяя свое место в мире»³.

После военного поражения во франко-прусской войне во Франции расцветает «литература реванша» как отражение военно-политических реваншистских настроений: «С наибольшей открытостью тема будущего реванша предстала в произведениях французских писателей и поэтов. "Литература реванша" во Франции даже для первого послевоенного десятилетия поистине необозрима...»⁴.

---

¹ Беннет Н.Д. Франкофония и мировая культура. М., 2003. С. 34.

² «Франция, будучи на протяжении почти двух веков признанным духовным маяком западной цивилизации, — пишет С.И. Косенко, — по мере наступления американского гегемонизма — после создания Версальской системы в 1918 г. и особенно после Второй мировой войны — постепенно стала утрачивать эту роль. <...> Уже на Парижской мирной конференции 1919 г. президент Вильсон провозгласил, что "Америке уготована невиданная честь осуществить свое предназначение и спасти мир". До этого носителем такого вселенского мессианства позиционировала себя и была признана Франция. Однако именно с данного исторического момента США стали неуклонно оттеснять ее с этого пьедестала». — Тем не менее Франция «за счет проведения последовательной и эффективной государственной культурной политики как одного из атрибутов своего "мягкого могущества" смогла в известной степени сохранить свое национальное своеобразие, престиж и влияние в международных делах» (Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 116–118).

³ Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 118.

⁴ Бодров А.В. Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011. С. 267. В этой работе

При этом германские мыслители и политики вполне серьезно относились к французскому «литературному реваншизму», опасаясь его влияния на общественное мнение в Европе, которое в свою очередь в достаточно сильной степени было зависимо от французских веяний и мнений. Авторитет Франции в сфере культуры оценивался прагматичным Отто фон Бисмарком как фактор политический, не учитывать который было невозможно. По словам А.В. Бодрова, «угроза своеобразного ”реванша” Франции в сфере культуры и искусства была по достоинству признана и в Германии. Дело не сводилось к простой зависти к соседней стране или патриотическому устремлению немцев превзойти отныне весь мир... Проблема заключалась в воздействии силой искусства на европейское общественное мнение, на утверждение собственного видения произошедших событий». — А.В. Бодров приводит интересные высказывания австрийского искусствоведа Фридриха Пехта (1814–1903), который, признавая, что художникам, писателям и поэтам Франции вполне по силам заставить весь мир смотреть на события глазами французов, «призывал представителей германской культуры нарушить монополию французов на интерпретацию событий войны и послужить делу укрепления национального самосознания немцев»¹. Сам Бисмарк не только учитывал влияние Франции в Европе, но, постоянно раздувая тему французского реваншизма в культуре, использовал этот фактор в качестве способа политического давления на оппонентов². Таким образом, «в умах немцев создавался образ коварного врага, перед лицом которого они должны стоять спина к спине... Такое ”военное положение” позволяло Бисмарку прибегать к чрезвычайным мерам и оправдывать многие издержки своей политики»³.

События 1870–1871 годов ослабили Францию экономически, поставили под угрозу ее политическое влияние на континенте, но в плане культуры сделали ее скорее даже более сильной. Равным образом утверждение Республики достаточно быстро начинает утвер-

---

А.В. Бодров исследует «литературу реванша», останавливаясь на творчестве отдельных писателей и поэтов, среди которых автора особенно привлекает Поль Дерулед.

¹ *Бодров А.В.* Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011. С. 259–260.

² Об этом см.: *Бодров А.В.* Политика Бисмарка в отношении Франции в первой половине 1870-х гг. в зеркале журнала «Preussische Jahrbücher» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. 2011. № 6.

³ *Бодров А.В.* Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб., 2011. С. 283.

ждать и политический престиж Франции. В 1872 году Виктор Гюго в обращении к участникам конгресса мира в Лугано заявлял: «За последние два года совершились важные перемены. Франция пережила серьезные события: одно счастливое — освобождение, другое ужасное — расчленение. Бог даровал ей одновременно и радость и горе. Это — действенный, но тяжелый способ оздоровления. Утрата империи — победа; утрата Эльзаса и Лотарингии — катастрофа. В этом есть какое-то непонятное смешение подъема и упадка. <...> Нынешнее положение Франции требует, чтобы она, оставаясь свободной, вновь стала великой»¹.

Поражение во франко-прусской войне заставило Францию придать собственной культурной политике, рассматриваемой теперь как средство политического соперничества *par excellence*, серьезный импульс, однако при этом такой же импульс неизбежно получают и националистические идеи, реваншизм, ксенофобия. «Следствием поражения Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг. стал такой феномен, как французский реваншизм. Более того... мысль о будущем возмездии ”была самой глубокою и самою национальной мыслью во Франции”»². Идея реванша, по выражению Макса Нордау, приняла форму религиозного верования. – Нордау, живший во Франции с 1880 года, писал: «С высокомерием, граничившим почти с манией величия, французы считали себя первым в мире народом, и вдруг они оказались униженными, раздавленными. Все то, во что они верили, рушилось разом. Каждый француз понес материальные потери, лишился близких ему людей и смотрел на поражение отечества как на личное несчастье и позор. <...> Тысячи людей помешались. В Париже наблюдалась даже настоящая эпидемия душевных болезней, для которой нашли весьма подходящее название ”*folie obsidionale*” — ”осадного помешательства”»³.

Ненависть к немцам и иступленное преклонение перед собственной армией, антинемецкая истерия и буланжизм, резкие изменения политического курса, обстановка постоянной угрозы со стороны Гер-

---

¹ Гюго В. Будущее Европы. Участникам конгресса мира в Лугано // Гюго В. Соч. В 15 т. Т. 15. М., 1956. С. 581.

² Бодров А.В. Макс Нордау о французском реваншизме 1870-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 1. С. 204. Автор цитирует работу известного русского историка-антиковеда, публициста, профессора Василия Ивановича Модестова (1839–1907).

³ Цит. по: Бодров А.В. Макс Нордау о французском реваншизме 1870-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 1. С. 205.

мании, — все это заставляло французов искать «виновных» в провалах своей политики, в бедах и неудачах цивилизации, — но при этом на роль «виновных» следовало назначить тех, кто в отличие от немцев смог бы эту роль «достойно» сыграть и понести соответствующее своей «вине» (в сколь угодно степени мнимой) — «наказание». Так реваншизм становится чисто платоническим «политическим чувством». Российский сенатор И.П. Закревский (1839–1906), в 1899 году уволенный со службы в связи с некоторыми обстоятельствами его публикаций о деле Дрейфуса¹, в сборнике статей «По делу Дрейфуса» (1900) говорит: «После 1870–1871 годов патриотизм французов принял форму ненависти к немцам. Несмотря на то, что поражения, понесенные французами в эту эпоху, были вполне заслуженным последствием постыдного правления Наполеона III и того легкомыслия, с которым французы начали войну, тем не менее, они до сих пор не могут примириться с неизбежными, роковыми последствиями своих заблуждений и тяжелых ошибок. Жажда "реванша", невозможно бессмысленного, могущего повлечь за собой еще более ужасные последствия, еще более тяжелый и назидательный урок, все беспокоит их, хотя, к счастью, совершенно платонически, так как они не двигают пальцем, чтобы предпринять его»².

«Виновные» нашлись, причем это были вовсе не немцы, ибо «немцы — в Германии, и надежды на успешную войну с ними пока что нет. И французские шовинисты ищут врагов в своем собственном доме. Ими оказалась горстка евреев, проживающих во Франции»³. Автор этих строк, израильский историк Л.Г. Прайсман, приводит слова Н.С. Русанова: «Дойдя до известной степени развития, ненависть к немцам превращается в чисто риторическое чувство, в искусственно согреваемое настроение, при котором человек, обуреваемый этим безрезультативным по обстоятельствам аффектом, обращает его на самое себя, на своих соотечественников и... видит повсюду в своих согражданах шпионов и изменников... Эта психология, достойная варваров, должна была рано или поздно вызвать как идолопоклонничество перед армией... так и ту ненависть к "посторонним", "чуждым Франции элементам", которая обращалась на самых подлинных французских граждан...»⁴. Такого рода поиски «подрывных элементов», «скрытых врагов», «тайных пружин»

---

¹ См. об этом: Панова Г., Белоненко А. Дело Игнатия Закревского // Наше наследие. 2013. № 105.

² Закревский Игн. По делу Дрейфуса. Сборник статей. СПб., 1900. С. 80–81.

³ Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 13.

⁴ Цит. по: Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 13.

жин» приводят ко вполне определенным результатам: так, современник событий, один из вождей Черной сотни В.Л. Величко, несколько не заботясь о логичности своих выводов, писал в 1902 году: «Франция встrepенулась, испугалась, увидев, что ее заедают посторонние элементы, что она отстает от соседей в отношении расового роста и экономического прогресса. Она чувствует, что горе ей, если она утратит главную силу созидания и самозащиты — свое национальное единство»¹. Понятно, что во главе этой «космополитической камарильи» (по терминологии Величко) стоят евреи.

Антисемитизм во Франции возникает в 80-х годах XIX века в связи с обострением шовинизма и милитаризма, вызванным поражением во франко-прусской войне 1870–1871 годов, сопротивлением монархизма развитию республики, а также обострением католической реакции². «Мы видели, — говорит Н.С. Русанов, — что шовинизм и милитаризм две органические болезни Франции; а в последнее время они обострились и приняли специально злокачественный характер под влиянием католической реакции и проповеди антисемитизма со стороны отживающих партий»³. Антисемитизм не был движением, имеющим какие-либо причины социального или экономического порядка⁴, это была организованная силами реакции кампания с целью «придать очень узкому и ограниченному течению фиктивные размеры народного потока и якобы повсеместного возмущения про-

---

¹ *Величко В.Л.* Отвлеченный и живой человек // Величко В.Л. Русские речи. М., 2010. С. 95. В этой статье автор проводит мысль о вредоносности Великой французской революции, совершенной, по его мнению, во имя торжества ложных идей космополитизма, лаицизма, равенства людей перед законом, в результате чего «в барышах оказались элементы инородные и иноверные по отношению к главной народности — иудеи и протестанты; из классовых категорий — буржуазия, и притом наихудшие ее представители: дельцы, темные промышленники...» (С. 127).

² Описывая культурно-политическую обстановку конца XIX века во Франции, французский историк и политик Эстер Бенбасса говорит об «уникальной смеси национализма, ксенофобии, нервозности и беспокойства» (*Бенбасса Э.* История евреев Франции. М., 2004. С. 222).

³ *Кудрин Н.Е.* Очерки современной Франции. СПб., 1902. С. 443.

⁴ С другой стороны, нельзя все сводить к политике и пропаганде и исключать полностью причины социально-экономического порядка. Так, немецкий историк Отто Данн такие причины все же находит: «Антисемитизм представлял собой новую форму антиеврейских настроений, которые продолжали давнюю традицию в христианской Европе. Теперь евреи оказались объектом нападков не из-за религиозных различий, а из-за их ведущей роли в процессе модернизации, к этому добавились идеология расизма, основывающаяся на псевдонаучных положениях, почерпнутых из биологической науки» (*Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб., 2003. С. 192).

тив евреев»¹, по сути — «пустая выдумка» (Э. Золя), из которой определенные силы стремились, по словам Ханна Арендт, выстроить «крупную политическую концепцию антисемитизма в общеевропейском масштабе»². Основу этой *политической концепции* составляет антиеврейское видение мира, — особая *картина мира*, базирующаяся, как утверждает П.-А. Тагиефф, на двух идеях: «...С одной стороны, преимущественно на расистской идее, согласно которой евреи не способны к ассимиляции в силу своих биологических (или ”расовых”) и психо-культурных качеств; с другой, — на конспирологии: евреев обвиняют в желании властвовать над миром путем манипуляций общественным мнением, заговоров и революционных потрясений, на основе более или менее открытого финансового манипулирования»³.

Крупнейшим представителем, если не основателем, и пропагандистом «теории» и затем практики антисемитизма во Франции конца XIX века был Эдуард Дрюмон (1844–1917), публицист и общественный деятель, один из основателей газеты «Либр пароль» («La Libre Parole»). С выхода его книги «Еврейская Франция» («La France juive», 1886), получившей небывалую популярность, и начинается настоящий разгул антисемитизма⁴. Странное желание Дрюмона изображать из себя не памфлетиста-антисемита, а социолога, «пришедшего» к «ужасающим выводам» в результате некоей «работы мысли» и «исторического исследования», — не выливается даже в подобие научно-исторического проекта: нет ничего более далекого от науки, чем его знаменитая книга-памфлет, — «”социологическая” галиматья», по выражению Н.С. Русанова⁵. «Евреи виноваты буквально во всем: и во франко-прусской войне, и в потере Эльзаса и Лотарингии, и в Коммуне, и в упадке общественной нравственности»⁶, — так излагает Л. Прайсман суть «обвинений» Дрюмона. В послесловии россий-

---

¹ Кудрин Н.Е. Очерки современной Франции. СПб., 1902. С. 442.

² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 162–163.

³ Тагиефф П.-А. Цвет и кровь. Французские теории расизма. М., 2009. С. 85. Интересно также другая его работа: Тагиефф П.-А. Протоколы сионских мудрецов. Фальшивка и ее использование. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2011.

⁴ В том же 1886 году в Германии было основано Германское антисемитское объединение, которое «объявляло себя ”первым камнем, заложенным в основание будущей большой немецко-национальной партии”. Акцентированное использование термина ”немецко-национальная” должно было означать, что понятие национального квалифицируется здесь особым образом; слово ”немецкий” использовалось тут в смысле ”нееврейский”» (Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770–1990. С. 192).

⁵ См.: Кудрин Н.Е. Очерки современной Франции. СПб., 1902. С. 442.

⁶ Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 8.

ского издания книги (2001) издатель «выдающегося труда», показывающего «процесс губительного разложения и коварного захвата Франции иудеями» (из аннотации к книге), утверждает, что эта работа якобы «дает возможность увидеть, как иудеи сильны своей спайкой и фанатичной настойчивостью в достижении своей даже самой грязной цели» и показывает, «что республика во Франции еврейская... и что революция во Франции в выигрыше оставила только иудеев»¹ (мы уже встречались с подобными мыслями у В.Л. Величко; заметим при этом, что даже он относится к Дрюмону с настороженностью, называя того «разъяренным и нетерпеливым»²). Так, бичуя «еврейскую Францию», Дрюмон подвергает осмеянию Францию светскую и республиканскую, — не удивительно поэтому, что его «внутренний пессимизм» по отношению к судьбам Республики, по словам французского историка русского происхождения Льва Полякова, «возбуждал отклик в лагере противников революции и гражданского общества, сохранявших ностальгию по старым и добрым временам, которые для этого лагеря совпадали с королевским строем»³ и стал настольной книгой монархистов и клерикалов.

Произведение Дрюмона, по словам П.-А. Тагиеффа, можно «рассматривать как первый на французском языке манифест современного политического антисемитизма в узком смысле слова»⁴. Эта книга приобретает невероятную популярность (а сама тема получает сильнейший импульс для «развития») в связи с Панамским скандалом. В 1889 году было объявлено о банкротстве Панамской компании, — денег лишились более полумиллиона вкладчиков; с 1892 года начинается коррупционный скандал: раскрылся подкуп политиков. Республика подвергается атакам не только со стороны монархистов и прочих реакционеров, но и со стороны социалистов; однако при всем этом «еще более сильно, чем антиреспубликанская пропаганда, ведется пропаганда антисемитская, в которой участвуют как монархисты и социалисты, так и буржуазные республиканцы, стремящиеся свалить всю ответственность за Панаму на евреев»⁵. Скандал уда-

---

¹ См.: Дрюмон Э. Еврейская Франция. Краснодар: Пересвет, 2001. С. 433. Эта книга является переизданием: Эдуард Дрюмон. Еврейская Франция. Очерки современной истории. Т. I. Харьков, 1895; второй том (по объему примерно такой же, как и первый, — то есть также около 600 страниц) на русском языке издан не был.

² См.: Величко В.Л. Роковой вопрос // Величко В.Л. Русские речи. М., 2010. С. 266.

³ Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха знаний. М., Иерусалим, 1998. С. 246.

⁴ Тагиефф П.-А. Цвет и кровь. Французские теории расизма. М., 2009. С. 101–102.

⁵ Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 26.

лось замять в 1893 году, и не в последнюю очередь благодаря именно тому, что вина конкретных чиновников-взяточников была «перенесена» на мифических злодеев, каковыми предстали перед общественным мнением евреи, — исключительно за счет массивной антисемитской пропаганды.

«Еврейская Франция» стала наиболее читаемой книгой, а газета Дрюмона «Либр пароль» — одной из наиболее популярных в охваченной смятением стране, к этому «ведущему органу» антиеврейской пропаганды присоединяются другие. В 1889 году Дрюмон участвует в основании «Антисемитской лиги Франции» («Ligue national antisémitique de France, или Ligue antisémite française»), ставшей в определенном смысле координационным центром прессы соответствующей направленности. Так с началом 90-х годов XIX века антисемитизм («болезнь века», по выражению Макса Нордау) во Франции превращается из *политической концепции* в *политическую силу*, имеющую идейное обоснование, вождей, доктринеров, теоретиков, пропагандистов, газеты, журналы и т.д. Макс Нордау в речи на II Сионистском конгрессе констатировал, что «Франция, великая революция которой провозгласила права человека, Франция, впервые давшая Европе пример еврейской эмансипации, эта Франция стоит теперь во главе антисемитского движения; правда, еще не официально, однако не менее активно»¹. В ходе дальнейшего развития антисемитской мысли («линию Дрюмона» продолжили и развили прежде всего Морис Баррес и Шарль Моррас — будущие вожди антидрейфусарского движения) антиеврейское видение мира превращается в идеологию, связанную с соответствующими политическими программами: «Став идеологией и политической программой, способной объяснить возникновение всех кризисов и аккумулировать недовольство масс, — утверждает Э. Бенбасса, — антисемитизм пришел к формированию образа истинного француза как противоположности еврею, воспринимаемому теперь как угроза единству нации»². Таким образом, антисемитизм стал знаменем сил реакции, переходящих в наступление на республиканские идеалы и ценности по всем фронтам — в политике, в искусстве, в печати, на улицах. Но чем сильнее свирепствовала реакция, тем сильнее слышался и «рокот демократии» (Э. Золя).

---

¹ Положение евреев в течение года между I и II конгрессом сионистов. Речь д-ра Макса Нордау, произнесенная на Втором конгрессе сионистов в Базеле. Вильна, 1898. С. 4.

² Бенбасса Э. История евреев Франции. М., 2004. С. 226.

Процесс превращения идей, лозунгов и настроений в программы, объединения и действия был активизирован и развивался в ходе дела Дрейфуса (то есть с 1894 по 1906 годы), которое явилось столкновением сил демократии с силами реакции и авторитаризма, — столкновением в *публичном пространстве* свободной печати. Но прежде чем перейти к самому делу Дрейфуса, которое вызвало, по замечательному выражению М. Серт, «широковещательное пробуждение социального сознания»¹, необходимо остановиться на том, благодаря чему эта интеллектуально-политическая битва стала возможной и значимой. Итак, в конце XIX века «силы реакции» (монархизм, шовинизм, клерикализм, антисемитизм) столкнулись с мощным сопротивлением, которым стало «самое сильное общественное движение, которое... выросло на почве страстного искания "справедливости"»². Пространством, в котором развернулась борьба, полем этого противостояния выступила свободная печать³, свобода которой в свою очередь явилась одним из важнейших завоеваний демократии Третьей республики в борьбе против монархической реакции, завершившейся принятием закона от 29 июля 1881 года, называемого «настоящим памятником свободы печати». Основной коллизией, сопровождавшей дебаты, предшествующие принятию этого закона, стало противоречие между свободой и возможным злоупотреблением этой свободой, — так называемая «безнаказанность оскорбления», прежде всего относящаяся к нападкам на основы государственного строя.

С участием Жоржа Клемансо был принят своего рода вердикт, который станет в определенном смысле интеллектуально-идеологическим основанием не только будущего Дела Дрейфуса, но и обоснованием деятельности самих интеллектуалов как протагонистов гражданского общества: «Республика может жить только свободой и должна научиться верить в свои силы. В стране, которая действительно хо-

---

¹ Серт М. Пожирательница гениев. М., 2008. С. 65.

² Кудрин Н.Е. Очерки современной Франции. СПб., 1902. С. 463.

³ Газеты Парижа... «Разноликие, изобретательные, литературно подкованные, мятущиеся, зачастую злые, бессовестные и субъективные, ежедневные газеты Парижа составляли самую деятельную и турбулентную часть общественно-политической жизни Франции. <...> Чтение газет входило в ежедневный рацион парижанина наряду с вином, мясом и хлебом. В журналистике начинались карьеры многих политических и государственных деятелей. И академики, и голодающие анархисты могли подработать, сотрудничая с газетой. Политики и государственные деятели, оставаясь не у дел, становились журналистами, приобретая себе и трибуну для самовыражения, и источник дохода» (Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890–1914. М., 2016. С. 223–224).

чет сама управлять собой, право критики и обсуждения действий правительства должно стать полным и нерушимым. Конечно, было бы желательно, чтобы республику нельзя было оскорблять. Но так как нет никакой возможности точно определить, когда критика становится оскорбительной, указать, где кончается обсуждение и где начинается нападение, то приходится по необходимости установить или безнаказанность оскорбления, или правительственный произвол. <...> Впрочем, правительству, основанному на всеобщем избирательном праве, нечего опасаться этой безнаказанности, — оно, прежде всего, должно полагаться на общественное мнение, которое, конечно, лучше всего отомстит за наносимые ему оскорбления». — Свобода печати является и благословением, и проклятием Республики, но «только свободой можно бороться против... злоупотребления свободой, только свобода... может залечивать раны, нанесенные свободой»¹. — О парадоксах свободы печати очень хорошо сказал Эмиль Золя в статье «Добродетель республики» (1895): «Разве можно себе представить, что какой-нибудь король или император потерпел бы такое безобразие, позволил бы, чтобы рассматривали каждую его бородавку? Он живо бы упрятал за решетку этих шантажистов с их скандальными газетами! Но республика не может этого сделать, ибо она обязалась всем даровать свободу. Входите, господа, ее дом прозрачен, словно построен из стекла»².

*Дело Дрейфуса: от приговора
до начала борьбы за реабилитацию*

«Делом Дрейфуса» называется последовательность различных судебных процессов, проводившихся с 1894 по 1906 годы французскими судами разных инстанций в связи с рассмотрением обстоятельств, связанных с обвинением капитана артиллерии французской армии Альфреда Дрейфуса, офицера-стажера Генерального штаба, в государственной измене. Это и «кизначальное» дело Дрейфуса, и дело Эстерхази, и дело Золя, и другие процессы³. Центральным эпизодом

---

¹ Смирнов Е. Периодическая печать во Франции // История печати. Антология. Т. II / Сост. Я.Н. Засурский, Е.Л. Варганова. М., 2001. С. 259–260.

² Золя Э. Добродетель республики // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 126.

³ В 2012 году французские историки Полина Перец (Pauline Peretz), Пьер Жерве (Pierre Gervais) и Пьер Статен (Pierre Statin) представили на суд читателей свое исследование дела Дрейфуса — «Секретное досье по делу Дрейфуса» («Le dossier secret de l'affaire Dreyfus») с анализом всех документов, фигурировавших в деле, и с

этой двенадцатилетней эпопеи является письмо Золя президенту Республики, озаглавленное «Я обвиняю!..», последующее обвинение Эмиля Золя и суд над ним, — именно в этот период (январь-февраль 1898 года) дело Дрейфуса превращается в событие, получившее невероятный общественный резонанс и имевшее большой политический эффект во Франции и в мире, вошедшее в историю, — Дело Дрейфуса, политической сущностью которого является противостояние сторонников республики, демократии, светского государства с монархистами, националистами и клерикалами. Началом же всей эпопеи послужило несправедливое обвинение против Альфреда Дрейфуса, который после оглашения вердикта военного суда сказал: «Мое единственное преступление в том, что я родился евреем!».

Две силы французского общества Третьей республики были враждебны республиканским идеям и демократии, так как сами по своей природе были всегда антидемократичны, — церковь и армия, причем вторая находилась под влиянием первой. Иерархичность и кастовая замкнутость по определению были свойственны церкви, но и в армии кастовость была в те времена более чем сильна. «Подчеркнутая замкнутость армии, — утверждает Х. Арендт, — столь характерная для кастовых систем, выступала контрастом по отношению к меняющимся и подвижным кликам в обществе и парламенте, куда доступ был легким и где царил не порядок, а непостоянство. <...> Даже ее пресловутый монархизм был... не чем иным, как предлогом для сохранения себя в качестве независимой группы, существующей для защиты собственных интересов, готовой отстаивать свои привилегии, ”не считаясь с республикой, вопреки ей и даже против нее”»¹. Непостоянство, неустойчивость власти Республики не добавляли авторитета ни парламенту, ни демократии, — поэтому армия и церковь представлялись своего рода опорами стабильности в подвижном мире политики Третьей республики².

копиями этих документов. В 2013 году благодаря их трудам и при поддержке департамента истории министерства обороны Франции (Service Historique de la Défense) на сайте «L’Affaire Dreyfus. Un site de ressources consacré à l’histoire de l’Affaire» можно посмотреть все документы дела Дрейфуса (около 500 документов): www.affairedreufus.com/p/le-livre.html#!p/the-book.html.

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 158–159. Об оценке Ханной Арендт значения дела Дрейфуса см.: Хейфец М. Ханна Арендт судит XX век. М.–Иерусалим, 2003. С. 67–84.

² По словам Д.П. Прицкера, «характерной чертой Третьей республики была крайняя неустойчивость правительственных коалиций и частая смена кабинетов. Так, за 30 лет, с 4 сентября 1870 года до конца XIX столетия, во Франции смени-

Реваншистские настроения трех последних десятилетий XIX века во Франции обусловили установление своего рода «культы армии» как символа реванша. После церкви армия была предметом поклонения и страстного обожания французского общества: «Культ этот, в особенности за последние десять лет, когда интересам и самолюбию Франции было нанесено столько ударом и в области экономических отношений, и в области международной политики, стал таким могучим фактором французской общественной жизни, что ни одна партия не имела смелости бороться с ним. Все, что касалось армии, что исходило от нее, было свято, не подлежало ни обсуждению, ни оспариванию: "честь армии" была святыней, перед которой преклонялись все»¹. Учитывая обстановку шпиономании, поиска чуждых элементов, нетрудно предсказать, что во французской армии подобная «охота за ведьмами» достигнет серьезных масштабов; а учитывая, что евреям вменялись в вину склонность к предательству как расовая черта, — нетрудно заключить, какого рода преступления будут инкриминированы «агентам еврейской Франции» в рядах армии. Уроженец Эльзаса, носящий *немецкое имя и еврейскую фамилию*, Альфред Дрейфус, был отличным кандидатом на роль обвиняемого: фабула «еврей — немецкий агент во французской армии» соответствовала ожиданиям, обвинение в предательстве было «самоочевидным»² и укладывалось во все схемы *успешного поиска врагов*.

В сентябре 1894 года агентом французской контрразведки в корзине для бумаг в кабинете немецкого военного атташе в Париже было обнаружено разорванное сопроводительное письмо к переданным ему неким офицером пяти секретным документам, их опись, или ведомость — бордеро́ (le bordereau). Надо полагать, сами документы атташе полковник Максимилиан фон Шварцкоппен отправил по назначению, а сопроводительное письмо выбросил³, — так, во всяком

лось 42 кабинета министров. Таким образом, средняя продолжительность пребывания правительства у власти составляла 8,5 месяца» (*Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 60).

¹ *Смирнов Е.* Предисловие // Дрейфус А. Пять лет моей жизни. 1894–1899 / Пер., ред. и предисл. Е. Смирнова. СПб., 1901. С. 11.

² В 1899 году Морис Баррес скажет: «То, что Дрейфус способен предать, я заключаю из его расы» (Цит. по: *Тагиефф П.-А.* Цвет и кровь. Французские теории расизма. М., 2009. С. 100).

³ Советский историк Е.Б. Черняк довольно иронично комментирует: «Наименее загадочным в "бордеро" было отсутствие подписи: шпионы не любят оставлять свою визитную карточку. Но надо добавить, что столь же мало принято у них составлять подобные описи (тем более от руки, а не на пишущей машинке!), а у руко-

случае, представил дело начальник отдела контрразведки генштаба майор Юбер-Жозеф Анри, к которому попало бордеро. Бордеро рассылалось начальникам отделов генштаба, и сразу «обнаружилось», что почерк автора совпадает с почерком единственного в генштабе офицера-еврея, Альфреда Дрейфуса. Несколько экспертов, привлеченных для экспертизы почерка, отказались признать идентичность почерков, — тогда военные чиновники находят более сговорчивых экспертов, наиболее авторитетным среди которых был Альфонс Бертильон, который, будучи антисемитом, «поспешив на помощь» военным в их аванюре, «творчески» подошел к проблеме экспертизы. Как рассказывает А.И. Винберг, «этот эксперт был лишен научной добросовестности. Он предвзято подошел к ”заказу” правительственной и военной клики Франции и дал лживое заключение об исполнении ”бордеро” Дрейфусом»¹. Заключение Бертильона было положено в основу обвинения. Дело находилось на контроле у начальника разведки и контрразведки генштаба (она называлась тогда «бюро статистики Генерального штаба») подполковника Огюста Сандерра, непосредственным подчиненным которого являлся майор Анри; сверху оказывало давление начальство генштаба и военный министр генерал Огюст Мерсье. Давление министра на разведку было обусловлено желанием показать ее эффективность, которая была

водителей шпионажа — небрежно бросать в корзину для бумаг столь секретные документы. А такой опытный человек, как полковник Шварцкоппен, даже не дал себе труда хорошенько разорвать ”бордеро” на мелкие кусочки — оно, лишь слегка поврежденное, попало в ”секцию статистики”» (*Черняк Е.Б.* Приговор веков (Из истории политических процессов на Западе). М., 1971. С. 372). Впрочем, некоторые исследователи, говорит далее Е.Б. Черняк, на основании ряда материалов утверждают о «явной беспечности атташе в отношении служебных бумаг» (С. 373). С другой стороны, вплоть до Первой мировой войны Германия в основном из-за неопытности политиков и военных вела неправильную политику в области шпионажа, практически не оказывая этой сфере никакого внимания. Так, немецкий политик Бергард фон Бюлов в связи с делом Дрейфуса подчеркивал, что «между Дрейфусом и каким-либо правительственным органом никогда не было никакой связи, никаких отношений какого бы то ни было рода», добавляя к этому следующее рассуждение: «...Германия до мировой войны гораздо меньше всех других стран третила на разведочную службу, шпионаж... была гораздо пассивнее других великих держав. <...> Рейхстаг не решался в мирное время ассигновать необходимые для разведочной службы суммы отчасти из-за ни на чем не основанного страха, что деньги будут истрачены на внутривнутриполитические цели, частью из скарденности, преимущественно же потому, что немецкий политик всегда склонен относиться ко всем политическим вопросам и ситуациям с обывательской и мещанской точки зрения» (*Бюлов Б.* Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 127).

¹ *Винберг А.И.* Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990. С. 148.

поставлена под сомнение в связи с убийством 24 июня 1894 года президента Сади Карно: нужны были меры по реабилитации «силовых структур», поэтому «вовремя» обнаруженный шпион, к тому же и еврей, — такой «успех» был как нельзя кстати. Как ясно с самого начала, армия — гордость Франции и ее олицетворение — стала по сути заложницей собственной разведки, была подставлена под удар в результате крайне сомнительной комбинации.

Дрейфус был арестован 15 ноября 1894 года. Кроме бордеро, — изначально фальшивого «документа», «найденного» специально с целью обвинения Дрейфуса в шпионаже, у следствия не было нет ровным счетом ничего — ни мотивов, ни цели. Однако по расчетам военных, достаточно будет и одного бордеро: кто тогда мог предположить, что этот документ, обреченный храниться в полной секретности (прежде всего по причине своего происхождения) будет выставлен на всеобщее обозрение. Собственно, как такового, не было и следствия (да и суд будет походить скорее на пародию правосудия), — зато, несмотря на секретность, каким окружено дело, о «предполагаемом расследовании факта шпионажа» узнали газеты, — причем газеты определенной направленности. Сначала «Либр пароль» (29 октября), затем «Эклэр» (1 ноября) сообщают о важном аресте шпиона-еврея в армии, — затем, по обыкновению, антисемитская печать поднимает волну «возмущения». Такая передача информации противоречила всякой логике расследования в любом подобном случае, но, как это становится очевидным из анализа событий, планы разведки заключались вовсе не в поимке шпионов: медийный эффект и был целью военных. «Вопреки обычаю, — рассказывает Ханна Арендт, — требовавшему воздержания от передачи в прессу любой информации о деле относительно шпионажа, пока оно находится *sub judice*, офицеры Генерального штаба с радостью снабдили газету "Libre Parol" подробностями дела и сообщили имя обвиняемого»¹. 28 ноября 1894 года Мерсье в интервью «Фигаро» (статья «L'espionnage militaire») заявил о несомненной виновности Альфреда Дрейфуса, офицера-шпиона. Тут надо заметить, что такого рода ошибки военных-«генштабистов» (а их на протяжении «дрейфусиады» будет еще немало) свидетельствовали о том, что они довольно плохо представляли себе и совершенно не просчитывали «медийную составляющую» своей акции: понадеявшись на шовинистические и реакционные круги и настроения, «разоблачители шпионов» не учли,

---

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 163.

что во Франции не так уж и недавно зародилась и набрала силу «демократическая волна», и нарастает тот «рокот демократии», о котором говорил Золя; всего этого «генералы» не замечали или предпочитали не замечать, полагая эти изменения случайными и несущественными.

Заседание военного суда по обвинению Дрейфуса началось 19 декабря 1894 года при закрытых дверях. «Обвинительный акт, — пишет Л. Прайсман, — не содержит никаких улик против Дрейфуса, поэтому ему вменяют в вину буквально все. Многие обвинения носят явно анекдотический характер. Например, его обвиняют в хорошем знании иностранных языков, особенно немецкого, в мягком и "...можно сказать, покорном характере, что весьма выгодно в шпионских сношениях с агентами иностранных государств", а также в "чрезвычайной гибкости ума"¹. В день вынесения приговора — 22 декабря — судьям трибунала были предоставлены еще три «документа», «подтверждающих» вину Дрейфуса. Эти «дополнительные материалы» не были предъявлены ни самому Дрейфусу, ни его адвокату Шарлю-Эдгару Деманжу. Только давлением военного начальства и прессы на военный же суд объясняет тот факт, что все эти ничтожные в юридическом смысле доказательства были приняты как изобличающие обвиняемого в шпионаже, и 22 декабря 1894 года Военный совет признал Дрейфуса виновным, приговорив к разжалованию и пожизненной каторге.

Публичная процедура разжалования состоялась 5 января 1895 года при большом стечении народа, по большей части ликующего по случаю разоблачения еврейского шпиона. Слова Дрейфуса: «Клянусь и заявляю, что вы лишаете чести невинного человека» — потонули в потоке проклятий: «Смерть жидам! Предатель!». 18 февраля 1895 года Дрейфус был отправлен на каторгу; при этом некоторые «горячие головы» требовали специально для данного случая вернуть смертную казнь за политические преступления: каторги им казалось мало. Среди тех, кто требовал смерти Дрейфусу, был тогда и Жорж Клемансо, и Жан Жорес... Антисемитская истерия после публичной процедуры разжалования Дрейфуса была *прогнозируемым эффектом* «разоблачения еврейского шпиона». Л. Прайсман так описывает обстановку и настроения во Франции после приговора Дрейфусу: «Вся Франция едина в своем порыве ненависти к Дрейфусу, а еще больше — к его народу. Со страниц либеральной прессы Клемансо писал: "Он ничего не любит, ничего не роднит его с человечеством...

---

¹ Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 46.

то подлая душа, негодный человек”. <...> Социалист Жорес в палате депутатов захлебывается от возмущения: ”Почему мы не знали этого изменника?” <...> А на следующий день газета его противника Дрюмона вышла с аншлагом через всю полосу: ”Браво, Жорес!”»¹.

В июне 1895 года пост начальника военной разведки и контрразведки («бюро статистики») Огюста Сандерра переходит к молодому майору (в апреле 1896 года произведен в подполковники) Мари-Жоржу Пикару, знавшему Дрейфуса лично (но не испытывавшему к нему никаких симпатий) и участвовавшему на процессе 1894 года в качестве наблюдателя; майор Юбер-Жозеф Анри остается на своем посту начальника контрразведывательного отдела. Около марта 1896 года среди документов своего отдела Пикар обнаруживает документ из неисчерпаемой мусорной корзины Шварцкоппена — телеграмму немецкого атташе французскому майору венгерского происхождения Фердинанду Вальсен-Эстерхази, — документ был назван «le petit bleu» из-за своего цвета. Этот документ был передан майору Анри его агентессой до назначения Пикара; Анри не предполагал, что «le petit bleu» попадет к его же новому начальнику. Текст был написан порученцем атташе, телеграмма адресована Эстерхази (и по какой-то непонятной причине — или уже экставагантной традиции — разорвана на кусочки и отправлена в корзину для мусора — далее «обычным маршрутом» во французскую контрразведку). Пикар начинает собирать сведения об Эстерхази: оказывается, что этот офицер в отношении чести и морали в высшей степени сомнителен (попросту мошенник, не брезгующий ничем ради денег).

Подозрения Пикара заставляют его по-новому взглянуть на дело Дрейфуса 1894 года, с которым он начинает вплотную знакомиться с августа 1896 года. Сравнение почерков автора бордеро выявили их сходство, — становится ясно, что Эстерхази работает на немцев. В подготовленном рапорте начальнику генштаба генералу Буадефру, поданном Пикаром 1 сентября 1896 года, резюмируются подозрения в шпионаже Эстерхази, но пока вне связи с делом Дрейфуса. Заместитель Буадефра генерал Гонз приказывает продолжить расследование. При этом в том же день, 3 сентября 1896 года, в английской «Daily Chronicle» появляется ложное сообщение о побеге Дрейфуса, реанимировавшее интерес к процессу 1894 года и к личности Дрейфуса, что шло вразрез с интересами генералов, полагавших это дело надежно закрытым. Пикар выступает с предложением исправить

---

¹ *Прайсман Л.* Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 50.

судебную ошибку, благо настоящий шпион найден, тогда как Дрейфус явно невиновен: автор бордеро — Эстерхази. Понятно, генералы убеждают Пикара молчать: огласка им совершенно не нужна; и ее легко избежать, если прекратить расследование, оставив в покое Эстерхази и на каторге — Дрейфуса. С этой целью в газете «Эклер» помещаются две публикации (10 и 15 сентября), «подтверждающие» виновность Дрейфуса. Публикации в «Эклер» выдают грубые нарушения в процессе 1894 года. Супруга Альфреда Дрейфуса — Люси Дрейфус — 18 сентября 1896 года первой возбуждает ходатайство о пересмотре дела 1894 года. 10 ноября 1896 года происходит разрыв в логике журналистско-шпионских игр: газета «Матэн» в статье «Доказательство. Факсимиле бордеро, написанного Дрейфусом» публикует фотокопию бордеро. Стало очевидно, что автор бордеро — Эстерхази: многие (особенно банкиры, получавшие от него долговые расписки) узнали этот почерк.

В конце декабря 1896 года полковник Пикар был отправлен в срочную командировку в Алжир — в Париже он становится слишком опасен. Однако в борьбу за пересмотр дела Дрейфуса около конца 1896 года подключается публицист, ведущий полемику с антисемитами (прежде всего с Дрюмоном), сотрудник газеты «Эко де Пари» и других газет и журналов, — Бернар Лазар. В обстановке усилившейся в связи с провокационным сообщением о побеге Дрейфуса антисемитской истерии он «выступил со своей первой брошюрой, бывшей настоящей бомбою, брошенной в лагерь военноклерикальной клики. Бернар Лазар вряд ли мог надеяться одиночным усилием поднять крышку гроба, в котором Дрейфус был заживо похоронен. Но он тем не менее попытался это сделать, рискуя всем своим материальным и нравственным положением во французской журналистике»¹, — рассказывает А. Людивиль. Шарль Пеги торжественно заявляет: «Честь участия в деле Дрейфуса лежала на его плечах раз и навсегда возложенной мантией»².

Брошюра «Судебная ошибка. Правда о деле Дрейфуса» была издана смелым журналистом в Брюсселе в начале ноября 1896 года. Свой памфлет Лазар начинает с заявления: «Я хочу установить тот факт, что виновность капитана Дрейфуса никогда не была доказана. Я утверждаю, что то, что было распространено и стало известно о

---

¹ Людивиль А. Бернар Лазар. Краткий очерк его жизни и деятельности. СПб., 1900. С. 15.

² Пеги Ш. Наша юность // Пеги Ш. Наша юность. Мистерия о милосердии Жанны д'Арк. СПб., 2001. С. 119.

нем, — все это не более чем лживые и противоречивые слухи, впрочем более чем способные ввести умы в замешательство и создать вокруг обвиненного атмосферу подозрения и ненависти. Я заявляю, наконец, что человек, которого осудили, — **невиновен**»¹. Заканчивается «Судебная ошибка» небольшим разделом под названием «La revision du process» с требованием пересмотра решения военной коллегии 1894 года. Эта тонкая (24 страницы) брошюра стала первым документом в общественном пространстве в защиту Дрейфуса: до Лазара никто не рисковал открыто высказаться в пользу Дрейфуса. Таким образом, Бернар Лазар открывает огонь *публичной полемики* дрейфусаров и антридрейфусаров. После года работы Лазара по реабилитации Дрейфуса стала возможной и публикация «Судебной ошибки» в Париже осенью 1897 года. За это время Б. Лазар, по словам Людвиполя, «в действительности стал настоящим апостолом реабилитации. В течение года он побывал у всех видных представителей литературы, политики, журнализма и т.п. Каждому в отдельности он изложил ”дело”. Если последнее имело впоследствии столько горячих защитников, мы этим... обязаны неустанной пропаганде Бернара Лазара»². До конца 1897 года он посетил многих видных политиков и представителей мира культуры — от Клемансо и Жореса до Золя.

Для Пикара борьба за честь правосудия стала и борьбой за собственную репутацию и жизнь. В свой приезд в Париж в мае 1897 года Пикар проясняет для себя всю серьезность ситуации и пишет завещание, которое в случае его смерти (которую могут представить как самоубийство) должно попасть к президенту; в завещании он излагает обстоятельства всей истории с осуждением Дрейфуса вместо настоящего шпиона — Эстерхази. В июне 1897 года он также открывает тайные обстоятельства осуждения Дрейфуса и сговора генералов адвокату и писателю Луи Леблуа, своему другу; также передает ему некоторые имеющиеся документы. 13 июля 1897 года адвокат Леблуа передает эти документы вице-президенту сената, видному промышленнику Огюсту Шерер-Кестнеру, до этого момента хоть и разделяющему убеждение в невиновности Дрейфуса, но опасавшемуся вторгаться в это дело. На следующий день после получения бумаг Пикара, 14 июля 1897 года, сенатор публично заявил о невиновности

---

¹ Lazare B. Une erreur judiciaire. La vérité sur l'affaire Dreyfus. Bruxelles, 1896. P. 1.

² Людвиполь А. Бернар Лазар. Краткий очерк его жизни и деятельности. СПб., 1900. С. 17.

Дрейфуса и о намерении заняться борьбой за пересмотр дела 1894 года, и в следующие месяцы активно подключился к этой борьбе.

К осени 1897 года многие французские политики, ученые, писатели и журналисты не только убеждаются в невинности Дрейфуса, но за действиями «защитников Эстерхази» начинают просматривать зловую и реакционную силу военщины. Во главе дрейфусаров становятся Золя и Клемансо, пришедшие на помощь Пикару, Шереру-Кестнеру, Бернару Лазару и Матье Дрейфусу. 15 ноября 1897 года Шерер-Кестнер публикует заявление о судебной ошибке и о невинности Дрейфуса; в тот же день Матье Дрейфус отправляет на имя министра Бийо письмо с требованием пересмотра дела 1894 года.

7 декабря 1897 года сенатор Шерер-Кестнер выступил на заседании сената с требованием пересмотра дела Дрейфуса. По словам Романа Роллана, очевидца выступления сенатора, тот «поднимался на трибуну, словно шел на эшафот»: «Эшафотом и было для него это возвышение, с которого он прочел свой благородный призыв к разуму и справедливости, медленно произнося слова низким, сильным, бесстрастным голосом перед враждебным собранием, слепым и жестоким, которое откликлось на его речь оскорбительным шиканьем, смешками»¹.

Эмиль Золя и Жорж Клемансо перед «бурей Дрейфуса»

К концу 1897 года Эмиль Золя — будущий интеллектуальный протагонист Дела Дрейфуса, и Жорж Клемансо — политический протагонист Дела — пришли к осознанию общественной значимости событий, разворачивающихся вокруг процесса по делу Дрейфуса, на глазах становящегося делом политическим, и к пониманию необходимости вмешаться и возглавить борьбу за пересмотр приговора 1894 года. После того как Эмиль Золя пообщался с Шерер-Кестнером, Лазаром, Матье Дрейфусом, Леблуа; ознакомился с документами, предоставленными защитниками Дрейфуса (прежде всего Б. Лазаром), — писатель убеждается в правоте этих честных и бесстрашных людей и принимает окончательное решение «ввязаться в бой» за справедливость и торжество истины. Первое его выступление по Делу Дрейфуса (а после вмешательства Золя и Клемансо *дело* может считаться уже *Делом*) — это статья в «Фигаро» 25 ноября 1897 года, озаглавленная «M. Scheurer-Kestner» (первая на первой полосе), которая заканчивается знаменитыми словами, ставшими лозунгом Золя,

---

¹ Роллан Р. Воспоминания. М., 1966. С. 485.

Клемансо и всех дрейфусаров: «La vérité est en marche, rien ne l'arrêtera». — Истина шествует, ничто не в силах остановить ее!

И Золя, и Клемансо, вмешавшись в борьбу за пересмотр приговора Дрейфуса, к этому моменту *были готовы* стать протагонистами «бури Дрейфуса», открыть огонь по врагам истины и республики: Золя обладал авторитетом не только в мире литературы, но и в политике, будучи политическим публицистом начиная с 1870 года; Клемансо же — авторитетный политик — к концу 1897 года обретает также известность как политический публицист. Таким образом, ко времени их вступления в дрейфусистскую полемику оба они *уже были интеллектуалами par excellence*, готовыми выдвигать политические обвинения и возглавить новое политическое движение.

В своей книге, посвященной Эмилю Золя («Золя», 1932), будущий интеллектуал Анри Барбюс, ученик Золя, призывает: «Надо ставить эту великую тень не позади нас, но перед собой и использовать ее в духе просвещения людей, коллективных требований и драматического прогресса, который изменит лицо мира, — повернуть ее не к XIX веку, но к XX и будущим векам, вечно навстречу юности»¹. «Старый республиканец», Эмиль Золя начинает свою политико-публицистическую деятельность с серии антибонапартистских статей 1870–1871 годов. Писатель поставил своей целью борьбу против реставраторов монархии, за торжество идеалов республики. С 1880 года он начинает свое сотрудничество с «Фигаро»: «Статьи в "Фигаро", — говорит А.И. Пузиков, — были новым шагом в развитии публицистического творчества Золя. Сохранив присущую ему страстность и убежденность, он поднимается теперь до больших обобщений. Пользуясь конкретными поводами, критикуя действия определенных политических партий и определенных лиц, Золя создает обобщенную картину буржуазных политических нравов»². Серию статей в «Фигаро» 1880–1881 годов писатель объединяет в сборник, озаглавленный «Поход», — первый сборник политической и культурно-политической публицистики знаменитого к тому времени писателя. Уже читая эту подборку, можно увидеть не только четко выражаемую политическую позицию, но также и постановку проблем отношения писателя к политике и политикам. Отношение Золя к политике (и тем более к действующим на тот момент политикам) достаточно скептически, он выступает с позиций арбитра истины, его трибуна — литература. В те годы — во время начала публицистической деятельности

---

¹ Барбюс А. Золя. М.-Л., 1933. С. 221.

² Пузиков А.И. Золя-публицист // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 649.

— Золя был еще весьма далек от собственно политических выступлений: его высокомерно-критическое отношение к политике не позволяло осознать необходимость для писателя покинуть свою *turris eburnea* и выйти на площадь. Однако при всем этом сами названия двух политико-публицистических сборников — «Поход» (1882) и «Новый поход» (1897) убеждают в том, что такой выход состоится; причем второй сборник показывает нам *эволюцию независимого интеллектуала*, от скепсиса по отношению к политике пришедшего к убеждению в необходимости политического действия, от позиции арбитра истины — к принятию активной позиции непримиримого борца за истину и справедливость: сборник же, посвященный Делу Дрейфуса, — «Истина шествует» (1901, 14 статей) — третий политико-публицистический сборник Золя (как бы «Третий поход») — всецело свидетельствует об этом.

Из всего сборника «Поход» наиболее для выяснения позиции Золя важны две статьи: «Чернила и кровь» («Фигаро», 11 октября 1880 года) и «Прощание» (22 сентября 1881 года). В первой статье писатель «выясняет отношения» политики и литературы, объясняя презрительное отношение писателей к политикам так: «Мы горды тем, что пребываем в сфере чистой мысли — единственного, что в мире абсолютно, тогда как они ведут жалкие распри из-за вещей преходящих, подстегиваемые всякого рода обстоятельствами, вынужденные хитрить, совершать глупости и пускаться на преступления». — С другой стороны, сами политики, говорит Золя, не ценят ни мысль, ни талант, со своей стороны презирая «тех, кто сидит в кабинетах, в тишине и неподвижности»: «В политике, — возмущается писатель, — мыслители только вредят, тут нужны солдаты. Если вас втянули в политику, вы можете быть дураком, лишь бы у вас были крепкие кулаки». — Кто же прав в этом споре «чернил и крови», мысли и силы? В любом случае, «чернила» как «великая сила цивилизации» — сами обладают своеобразным «могуществом», а мыслители и писатели отнюдь не бессильны. «...Мы с нашими чернилами и перьями, — говорит Золя от имени тех, кто пока еще сидит в кабинетах, «пребывая в тишине и неподвижности», — представляем большую силу. Политики хорошо это знают, потому-то они и напускают на себя такой презрительный вид. Когда мы говорим, все настораживают слух; к нам обращены все сердца. Стоит появиться художнику — и людей охватывает трепет, земля плачет или радуется: он — хозяин положения, он бессмертен, будущее принадлежит ему»¹.

---

¹ Золя Э. Чернила и кровь (Из сборника «Поход») // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 21–27.

В статье «Прощание», на год отстоящей от «Чернил и крови», Золя углубляет разделение литературы и политики. Оставаясь сторонником демократии и республики, он отстраняется от политики и утверждает первенство литературы (или, как можно было бы перефразировать, — гегемонии культуры). Влияние литературы, заявляет Золя, необходимым образом должно превосходить влияние политики: «Вот почему я так громко провозгласил первенство литературы. Она воцаряется на века, тогда как политика — относительна. В наши смутные времена народ до того напуган, что политическим деятелям приписывают непомерное влияние — это нездоровое явление, с которым надо бороться. <...> Нет, не они создают эпоху — эпоха принадлежит писателям и ученым!»¹. Для Золя, всегда стоящего на стороне личности, политика, которую писатель ассоциирует с толпой, суматохой и демагогией, — вторична по отношению к миру культуры с его величием и красотой. По словам Анри Барбюса, Золя была свойственна скромность и своеобразная боязнь публичности, а из этого «вытекала своеобразная физиологическая боязнь толпы, органическое инстинктивное отталкивание от всякого социального движения, которое побуждало его... замыкаться в вербализме "чистой истины"»².

За пятнадцать лет, прошедших между двумя «Походами», Золя многократно убедился, что «с провозглашением республики бедствия не кончаются», но его приверженность демократии, «рокот» которой за это время только нарастал, только усилилась. В «Новый поход» писатель включает статьи, опубликованные в «Фигаро» с конца 1895 до середины 1896 годов, — как раз время разгула реакции в прессе после приговора Дрейфусу и время антисемитских камланий. «Статьи Золя в "Новом походе", — особо отмечает А.И. Пузиков, — отличаются публицистическая острота, глубокий интерес к проблемам современной жизни. Никогда еще раньше Золя не интересовался так политикой и ее результатами, как в эти последние годы истекавшего века. Может быть, именно поэтому история дела Дрейфуса, которая поначалу почти не задевала Золя, все больше и больше начинает привлекать его внимание»³.

Одна из статей сборника «Новый поход» — «В защиту евреев» («Фигаро», 16 мая 1896 года) — даже несмотря на то, что писатель

---

¹ Золя Э. Прощание (Из сборника «Поход») // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 113.

² Барбюс А. Золя. М.-Л., 1933. С. 133.

³ Пузиков А.И. Золя. М., 1969. С. 232.

на момент ее написания не знал о деле Дрейфуса, — примыкает логически к его будущему сборнику «La vérité en marche», полностью посвященному Делу Дрейфуса. Нельзя сказать, чтобы Эмиль Золя отличался особым филосемитизмом: в его романах евреи рисуются вполне в духе того времени, то есть с малопривлекательной стороны. Это дельцы и банкиры, акулы капитала и гении биржи: так, Прайсман приводит цитату из романа Золя «Деньги»: «...Целая толпа евреев с жирными, лоснящимися лицами, с острым профилем прожорливых птиц...»¹. Но таких же персонажей — и толпами, и поодиночке — можно встретить и у Бальзака, и у Анатоля Франса, и у многих других писателей; однако при этом «пророки антисемитизма» как-то забывают, что среди банкиров, капиталистов и просто богатых людей Франции того времени не-евреев было куда как больше, чем евреев: «Нельзя отрицать, — иронизирует Золя, — что некоторые евреи захватили в свои руки огромные богатства, обездолив рабочих. Но ведь такие же богатства захватили и католики и протестанты»². К тому же одно дело литература, где могут действовать «евреи с жирными лицами», а другое дело — политическая публицистика, предполагающая не только степень доверия, но прежде — ответственность.

Золя восстает против антисемитской пропаганды, совершенно чуждой демократическому обществу. Все обвинения евреев в «захвате богатств», «финансовом космополитизме», «еврейском синдикате» и т.п. — несостоятельны, поскольку исходят из «расовой ненависти», которая в свою очередь является «дикарской потребностью», совершенно чуждой цивилизованной стране. Однако в последнее десятилетие XIX века реакционные силы намеренно подогревают и поощряют антисемитские страсти, открыв *организованную кампанию в прессе* и создавая фантомы, к которым возбуждается ненависть и с которыми затем предлагают «бороться». Свою статью писатель начинает с возгласа возмущения по поводу антисемитских шабашей клерикалов и шовинистов: «Уже несколько лет я со все возрастающим удивлением и отвращением наблюдаю кампанию против евреев, которую стараются раздуть во Франции. Я нахожу эту травлю чудовищной и совершенно бессмысленной; это грубое нарушение правды и справедливости...». — Шумиха в прессе в течение этих лет не стихает, но скорее идет по нарастающей; выступления тех, ко-

---

¹ Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 18.

² Золя Э. В защиту евреев // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 179.

го писатель называет презрительно «горячие головы», полны ненависти и фанатизма. «Я до крайности поражен, — говорит далее Золя, — что в наши дни в нашем великом Париже мог разгореться такой фанатизм... И это в нашу демократическую эпоху, когда всюду господствует терпимость и наблюдается могучее движение поборников равенства, братства и справедливости!»¹.

Эмиль Золя убежден, что «во Франции, где евреи не имеют власти и не захватили все капиталы (хотя нас усиленно в этом убеждают), антисемитизм является пустой выдумкой и не имеет корней в народе»², — поэтому речь идет не о движении народа, но о «видимости такого движения» и о «шуме», который поднимается, конечно, не сам по себе. Л. Прайсман так определяет позицию сторонников демократии и будущих интеллектуалов по отношению к антисемитизму: «Золя, Франс — сторонники демократической республики со всеобщим равенством всех граждан перед законом, с широкими правами граждан, а антисемитская пропаганда требовала отнять эти права у части французского народа — евреев, и они выступают против этого. Они прекрасно видят, что, прикрываясь антисемитскими фразами, усиливается военщина и церковь. И на конечных этапах дела Дрейфуса Франции грозит клерикально-военная диктатура. Против этой угрозы они готовы бороться изо всех сил»³.

В конце 1897 года после ознакомления с документами Бернара Лазара и бесед с Шерер-Кестнером (писатель встретился с сенатором 13 ноября 1897 года) и Леблуа относительно несправедливого осуждения Дрейфуса — Золя видит в приговоре 1894 года наступление монархистов и военщины на республику. В письме сенатору Огюсту Шерер-Кестнеру от 20 ноября 1897 года Золя пишет: «Я еще не знаю, что буду делать. Но до сих пор ни одна человеческая драма не вызывала во мне такого сильного душевного волнения»⁴ — и через пять дней публикует в «Фигаро» статью «Господин Шерер-Кестнер», которой открывает свою кампанию в защиту Дрейфуса. В «Фигаро» Эмилю Золя удастся напечатать еще две статьи — «Синдикат» (1 декабря 1897 года) и «Судебный процесс» (5 декабря). Первая статья представляет собой ответ антисемитским «активистам», успевшим обвинить Золя в том, что он и иже с ним «работают»

---

¹ Золя Э. В защиту евреев // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 173–178.

² Золя Э. В защиту евреев // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 177.

³ Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 20.

⁴ Цит. по: Пузиков А.И. Золя. М., 1969. С. 234.

на некий синдикат¹, возглавляемый, — кто бы мог сомневаться — синклитом «евреев с жирными, лоснящимися лицами, с острым профилем прожорливых птиц». Писатель отвечает «дрюмоновцам» так: «Да, существует такой синдикат людей доброй воли, поборников правды и справедливости. <...> Синдикат, цель которого — излечить общественное мнение от безумия, до которого довела его гнусная пресса... Да, я состою в этом синдикате и горячо надеюсь, что в него вступят все честные люди Франции»². Во второй статье Золя обрушивается на антисемитизм и его клеветов: «Яд проник в народ и, может быть, уже отравил его... И прискорбное Дело Дрейфуса — следствие этой отравы: именно она доводит в наше время толпу до безумия»³. «Фигаро» отказывается печатать статьи Золя — почти двадцатилетнее сотрудничество писателя с газетой закончилось. Следующие две статьи по Делу Дрейфуса — «Письмо к юным» (14 декабря 1897 года) и «Письмо Франции» (6 января 1898 года) — вышли в виде брошюр. В «Письме Франции», обращаясь к французскому народу, Золя продолжает говорить о «третьем походе» Истины: «Как я уже сказал в первый день, истина шествует и ничто не в силах остановить ее. Несмотря на сопротивление злонамеренных, каждый новый шаг вперед неотвратимо последует в свой час. И если преградить истине путь, если запереть ее в подземелье, она набирает во мраке такую непреодолимую силу, что в один прекрасный день происходит взрыв, и тогда на воздух летит все. Попробуйте в течение еще нескольких месяцев хоронить ее под горами лжи или держать под замком закрытого процесса, и вы убедитесь, что уготовили себе тягчайшее поражение»⁴.

...После оправдания Эстерхази военным судом 11 января 1898 года Золя пишет свое Письмо президенту и сначала планирует издать его в виде отдельной брошюры, как и два предыдущих письма-обращения — к юным и к Франции. Однако он меняет решение и ве-

---

¹ Б. Такман, называя этот мифический синдикат «изобретением антисемитской прессы», говорит: «Имелось в виду подпольное сообщество евреев, тайное и злонамеренное, поставившее себе целью добиться пересмотра приговора Дрейфусу и вместо него обвинить в предательстве христианина. Любые деяния, не нравившиеся националистам, приписывались "синдикату". Любой человек, и известный, и не столь известный, осмелившийся высказаться за пересмотр дела Дрейфуса, объявлялся платным агентом "синдиката". Свидетельства армейских фальсификаций представлялись как фабрикации "синдиката"» (Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890–1914. М., 2016. С. 228).

² Цит. по: Лану А. Здравствуйте, ЭмильЗоля! М., 1997. С. 366.

³ Цит. по: Лану А. Здравствуйте, ЭмильЗоля! М., 1997. С. 367.

⁴ Золя Э. Письмо Франции // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 205–206.

чером 12 января приходит в редакцию газеты «Опор» («L' Aurore. Littéraire, Artistique, Politique»), выходила с 1897 по 1914 годы), основанной Эрнестом Воганом, политическим редактором которой был Жорж Клемансо; в редакционный совет входил Бернар Лазар.

Жорж Клемансо в первый этап своей политической биографии принадлежал, по словам Д.П. Прицкера, «к крайне левому, радикальному крылу буржуазных республиканцев, боролся против режима Наполеона III, участвовал в революции 1870 года... вел настойчивую борьбу за утверждение республиканского строя»¹. Антимонархист и антиклерикал, «низвергатель министерств», опытный и искушенный политик, Клемансо не был чужд и искусству публицистики (причем не только по политическим проблемам, но и по вопросам искусства и науки). В 1880 году он основывает свою газету — «Жюстис» («Справедливость»), выступая не только в роли политического редактора, но и автора статей.

С начала 90-х годов XIX века Клемансо начали преследовать неудачи в политической деятельности. Значительный урон его репутации нанес факт поддержки им Буланже; многие депутаты, особенно антисемиты, болезненно воспринимали дружбу Клемансо с финансистом К. Герцем. На заседании палаты депутатов 20 декабря 1892 года поэт и политик Поль Дерулед, националист, реваншист и антисемит, основатель «Лиги патриотов», будущий воинствующий андрейфусар, обвиняет Клемансо в получении взяток от финансистов, действующих под эгидой Герца и виновных в афере, ставшей причиной Панамского скандала. Дерулед вызван Клемансо на дуэль, которая состоялась 22 декабря 1892 года. «Хотя дуэль закончилась "вничью", — рассказывает Д.П. Прицкер, — в палате депутатов и на парижских бульварах чествовали Деруледа. <...> Противники Клемансо... теперь осмелели. Против него повела ожесточенную кампанию буланжистская и правая пресса, подтверждавшая обвинения, выдвинутые Деруледом: Клемансо, оказывается, свободно говорит по-английски, он английский агент». — Как видно, кампания против Клемансо имела много общего с будущей кампанией против Дрейфуса: последнего также обвиняли в знании немецкого языка, делая «соответствующие» выводы; появились в «деле Клемансо» и «неопровержимые» доказательства предательства и шпионажа. В редакцию одной из правых газет, — продолжает Прицкер, — «явился негр, назвавшийся переводчиком английского посольства Нортонном,

---

¹ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 3.

и предложил купить у него за 100 тысяч франков 14 писем, изобличающих Клемансо как агента английской разведки»¹. На заседании депутатов выяснилось, что «важнейшие улики» — всего лишь фальшивки, причем плохого качества.

Клемансо серьезно пострадал из-за панамского скандала и в связи с разного рода обвинениями, выдвигаемыми правыми. В 1893 году он лишился своего депутатского мандата (заметим, что лишился мандата и Дерулед, — слабое утешение для Клемансо²). Путешествия и дуэли едва ли могли заполнить пустоту, образовавшуюся в жизни активного и опытного политика, — и борец за идеалы республики отдается литературе и публицистике: «Мастерство публициста пришло не сразу. Первое время его статьи страдали декларативностью, мысль тонула в высокопарных рассуждениях. Клемансо-журналисту не хватало качеств Клемансо-оратора: точности языка, лаконичности, строгой логики; однако постепенно его перо оттачивалось»³. Первый сборник статей, которые были опубликованы в газетах (в основном в «Жюстис») — «Социальная схватка» — выходит в 1895 году.

По мере того как общение с политиками заменялось дружбой с деятелями культуры⁴, среди которых — Альфонс Доде, Анатоль Франс, Октав Мирбо, Эмиль Золя. Бывший политик «все больше проникался идеей, что самое глубокое влияние на общество оказывают не профессионалы-политики, а теоретики, способные не только предложить новые пути для человечества, но и выразить свои идеалы в совершенной художественной форме»⁵. Эти идеи были очень близки и Эмилю Золя, — и поэтому нет ничего удивительного в том, что в битвах Дела Дрейфуса писатель и политик соединили свои усилия. В бурные воды полемики по пересмотру дела Дрейфуса

---

¹ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 106–107.

² М. Алданов пишет о вынужденном уходе Клемансо из политики: «Карьера была разбита. Казалась разбитой и жизнь. У Клемансо больше ничего не было: ни парламента, ни партии, ни семьи, ни друзей, ни средств. Большой человек не идет ко дну. Чтобы избавиться от кредитов, он продал картины, японские древности, которые собирал много лет. Чтобы жить, он на шестом десятке лет решил стать писателем» (Алданов М. Клемансо // Алданов М. Соч. В 6 кн. Кн.1: Портреты. М., 1994. С. 408).

³ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 116.

⁴ «Клемансо, — продолжает М. Алданов, — написал нашумевший роман, написал пьесу... приобрел славу одного из лучших публицистов Франции. Преждевременно похороненный политиками, он нашел признание у людей искусства. Знаменитые художники написали его портреты. Роден изваял его бюст. Близился час политического воскрешения» (Алданов М. Клемансо // Алданов М. Соч. В 6 кн. Кн.1: Портреты. М., 1994. С. 408).

⁵ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 121.

Клемансо входит почти одновременно с Золя — в ноябре 1897 года. В октябре Клемансо закрывает свою газету «Жюстис» по причине ее финансового краха и переходит в состав редакции новооткрытой газеты «Орор» (первый номер вышел 19 октября 1897 года), изначально дрейфусарской, вскоре возглавив ее политическое руководство наравне с Эрнестом Воганом. Политика звала Клемансо, в борьбе вокруг Дрейфуса он увидел возможность возврата в политическую жизнь, «одним из первых понял характер, значение и перспективы дела Дрейфуса»¹ — и двумя статьями от 1 и 2 ноября 1897 года («Дело Дрейфуса» и «Снова дело Дрейфуса») открыл дрейфусистскую полемику газеты «Орор», которая становится главной трибуной борцов за пересмотр приговора 1894 года. С середины ноября 1897 года «тема Дрейфуса» становится главной темой «Орор». Газета начинает освещать события по делу Эстерхази, в отношении которого начинаются судебные действия.

«Я обвиняю!..» Эмиля Золя

Суд над Эстерхази начался 10 января 1898 года, и на следующий день — 11 января — был вынесен оправдательный вердикт: генералы неплохо подготовились к процессу. Покровители Эстерхази сделали очень многое, чтобы добиться его оправдания, так как боялись, что тот может заговорить, выдав истинных виновников провокации против Дрейфуса (Эстерхази по этой причине был настолько уверен в своем успехе на суде, что в конце декабря 1897 года сам настаивал на передаче своего дела в суд). За полтора месяца до суда «Фальшивый Анри» вновь проявил «мастерство» в деле изготовления фальшивок², — только на этот раз перед ним была поставлена «обратная» задача — придать документу, избличающему Эстерхази, — *le petit bleu* — вид сфальсифицированного и вменить эту «фальсификацию» Пикару, якобы стремившемуся во что бы то ни стало обвинить Эстерхази. Неутомимый Анри «подкорректировал» также и некоторые другие документы, — и с такой «доказательной базой» клика генералов перешла в наступление. Все это сопровождалось, согласно новой «традиции», большой и хорошо организованной шумихой в правой прес-

¹ Алданов М. Клемансо // Алданов М. Соч. В 6 кн. Кн.1: Портреты. М., 1994. С. 408.

² «В экспертизах и контрэкспертизах, — пишет М. Алданов, — в слухах и опровержениях разобраться было очень трудно. Иные умные люди так и заявляли, что невозможно выяснить истину в деле, в котором замешаны столь важные социально-политические ин-тересы» (Алданов М. Пикар // Алданов М. Соч. В 6 кн. Кн.1: Портреты. М., 1994. С. 360).

се, восторженно встретившей оправдательный вердикт военной коллегии (которая, к слову сказать, получила четкие инструкции относительно процесса, как и сам подсудимый). Антидрейфусары даже не предвкушали, а уже праздновали победу.

Безусловно, у обвинителя — Матье Дрейфуса — не было шансов на этом суде, находившемся под давлением военной группировки. Рассчитывать на объективность было невозможно, равно как и участие адвокатов в процессе 10–11 января 1898 года было чисто символическим. Заметим при этом, что на суде появляется новое действующее лицо: помимо адвоката Деманжа, принимавшего участие в процессе 1894 года, в начале 1898 года к процессам подключается и адвокат Фернан Лабори, — в то время не очень известный (слава придет к нему после процесса по обвинению Эмиля Золя 7–23 февраля 1898 года).

Сразу же после суда Эмиль Золя принялся за письмо на имя президента Феликса Фора: момент предъявления обвинительного документа против реакции настал, хотя идея подобного акта созрела чуть раньше, в конце 1897 года. Уже в посланиях писателя к юным и к Франции Золя выступает против тех, которые «сначала допустили ошибку, а потом попытались скрыть ее с помощью лжи. Факты были столь красноречивы, а каждая следующая ступень разбирательства выдавала лжецов с головой: тут и совершенно непонятное заступничество за Эстерхази, и обращение с полковником Пикаром как с преступником, и град оскорблений, обрушившийся на его голову, и словоблудие министров, и оголтелая ложь официозных газет...»¹; — но теперь пришло время более жесткого заявления. Вечером 12 января писатель приходит в редакцию «Орор», уже являющуюся дрейфусарской (причем единственной на тот момент), чтобы зачитать свой обвинительный акт «военному правосудию», — и члены редколлегии газеты, включая Клемансо, решают опубликовать письмо Эмиля Золя президенту в своей газете (сам писатель предполагал опубликовать письмо отдельной брошюрой, как письма-воззвания к юным и к Франции). Заголовок «Я обвиняю!..» над названием документа — «Письмо господину Феликсу Фору, президенту Республики» — был предложен Клемансо. «Клемансо, — рассказывает А. Лану, — расценил "Я обвиняю!.." как смертоносное оружие. Ему как журналисту особенно нравится конец, бьющий наповал. Ибо конец письма напоминает обвинительную речь Цицерона против Катилины...»².

¹ Золя Э. Письмо Франции // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 213–214.

² Лану А. Здравствуйте, Эмиль Золя! М., 1997. С. 373.

Так от призывов, увещеваний и разоблачений дрейфусары переходят к нападению, к выдвигению обвинений в адрес реакционных военных, антисемитов и прочих антиреспубликанских сил: при этом все эти обвинения носят *политический характер*. «Острый вопрос о виновности или невиновности Дрейфуса, — говорит Анри Барбюс, — связывался с грандиозным органическим конфликтом современного общества. Протянуть руку помощи человеку, травмированному как зверь, — это означало столкнуться лицом к лицу с политическими и религиозными силами, стремящимися по следам этой дичи. Как только в области общественных вопросов выходишь из сферы слов, воплощенная ненависть поднимается со всех точек горизонта»¹.

Утром в четверг 13 января 1898 года номер «L'Aurore» со статьей «J'Accuse...! Lettre au Président de la République. Par Émile Zola», отпечатанный огромным для того времени тиражом 300.000 экземпляров, появился в Париже. В преамбуле своего обращения президенту Феликсу Форю, настроенному против Дрейфуса (и в дальнейшем — убежденному антидрейфусару), после «подобающих приличий» вежливого обращения, Золя говорит весьма жестко: «Но вот Ваше имя — чуть не сказал "правление" — омрачило позорное пятно — постыдное дело Дрейфуса! На днях военный суд, понуждаемый приказом, дерзнул оправдать пресловутого Эстерхази, нагло поправ истину и правосудие. Этого нельзя перечеркнуть — отныне на лице Франции горит след позорной пощечины, и в книгу времени будет записано, что сие... свершилось в годы Вашего правления». — Писатель переходит к изложению обстоятельств осуждения Дрейфуса, роли де Клама, Сандерра, Мерсье, Гонза и других. «Судебная ошибка» была порождена кознями военных, а обвинение было построено фактически на пустом месте, «на одной-единственной и вздорной улике — на дурацком препроводительном письме, свидетельстве... неслыханно наглого мошенничества». — Аргументы обвинителей сводятся ко лжи — и эта ложь «тем более гнусная и наглая, что виновные остаются безнаказанными и нет никакой возможности уличить их. Они бьют в набат, пользуются как щитом вполне понятным беспокойством народа, принуждают французов к молчанию, смущая их души и одурманивая клеветой»².

От анализа первого процесса писатель переходит к рассмотрению обстоятельств *второго дела* — дела Эстерхази. Расследование Пикара

---

¹ Барбюс А. Золя. М.-Л., 1933. С. 191.

² Золя Э. Я обвиняю!.. Письмо господину Феликсу Форю, Президенту Республики // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 217–222.

показало, что Эстерхази виновен в шпионаже в пользу Германии, он же является и автором бордеро; причем поначалу генералы Гонз и Буадефр, и затем Бийо это и не оспаривали. Однако признание виновности Эстерхази вело автоматически к пересмотру дела Дрейфуса, — а этого военные допустить никак не могли, поэтому они пошли на то, чтобы «отягощать свою вину все новыми злоупотреблениями», покрывая настоящего преступника: «Просто бывают такие тайны, в которые лучше не проникать». — Усилиями Матье Дрейфуса и сенатора Шерер-Кестнера «тем временем истина неуклонно прокладывала себе дорогу», и по мере того как это происходило, «мнимая виновность Дрейфуса — оказалась под угрозой». — Военные отягощали свою совесть все новыми и новыми преступлениями: давление на суд, фальшивки, решения по приказу сверху; «высшее начальство объявило приговор суда не подлежащим обсуждению, божественным откровением, пред коим должны умолкнуть человеки». — При этом была поставлена цель, прибегнув к помощи продажных газет, сформировать общественное мнение в пользу несправедливого правосудия, играя на патриотических чувствах, — и это «генералам» вполне удалось. Золя гневно обрушивается на мракобесов, пытающихся управлять общественным мнением: «Они совершают злодеяние, когда одурманивают сознание простого люда и бедноты... пользуясь разгулом отвратительного антисемитизма, который погубит великую просвещенную Францию — родину "Прав человека", если она не положит этому конец. Они совершают злодеяние, играя на патриотических чувствах ради разжигания ненависти, они совершают, наконец, злодеяние, превращая военщину в современного идола, в то время как все лучшие умы трудятся ради скорейшего торжества истины и правосудия»¹.

Первая часть обвинительного документа Эмиля Золя заканчивается утверждением твердой веры в «неостановимом шествии истины» и своего рода «объявлением войны» ее врагам, констатацией окончательного превращения дела Дрейфуса в политический процесс над реакционерами и разжигателями ненависти, — в *настоящее Дело Дрейфуса*: «Лишь теперь начинается настоящее дело Дрейфуса, ибо лишь теперь обозначились окончательно позиции противоборствующих сил: с одной стороны, злодеи, всеми неправдами стремящиеся похоронить истину, с другой стороны, правдолюбцы, готовые пожертвовать жизнью ради торжества правосу-

---

¹ Золя Э. Я обвиняю!.. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту Республики // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 225–229.

дия»¹. Объявив о начале «войны за истину», Золя переходит собственно к обвинениям: на его «скамье подсудимых» — генералы Мерсье, Бийо, Буадефр и Гонз; следователь Дюпати де Клам; три эксперта, составившие «заведомо лживое и мошенническое заключение»; военное ведомство, открывшее грязную кампанию в газетах; военный суд первого созыва, осудивший обвиняемого без всяких оснований; военный суд второго созыва, оправдавший заведомо виновного, — по сути, эти люди не просто выставили армию в недолжном, нелепом свете, но совершили преступление против нее².

Заканчивается письмо к президенту тем, что писатель, предполагая реакцию на свои обвинения со стороны самих «обвиняемых», демонстрирует готовность нести ответ за свое выступление в суде, как бы вызывая огонь на себя: «Пусть же дерзнут вызвать меня в суд присяжных и пусть разбирательство состоится при широко открытых дверях! Я жду»³. А. Барбюс говорит о мужестве, с которым Золя «принял решение... выступив с громовым ударом», поскольку гневное письмо Золя президенту — это «документ, который неизбежно должен был навлечь на него мстительность государственных законов». — При этом, подчеркивает Барбюс, «еще более чем мужеству человека, который целиком вызывался в это судебное дело... надо удивляться поразительной и всеосвещающей ясности и полноте документа, который он составил в течение этих двух ночей»⁴.

«Буря Дела Дрейфуса»:

Tous ces intellectuels, venus de tous les coins de l'horizon...

Сложно описать реакцию французского общества и реакцию в мире, вызванную письмом Золя, которое потрясло всех «героическим воплем обвинения» (Р. Роллан)! «В эти месяцы, в феврале —

---

¹ Золя Э. Я обвиняю!.. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту Республики // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 230.

² Иными словами, речь могла бы идти о предательстве армии. «Дело Дрейфуса, — говорит Б. Такман, — превратило ее в заложницу клерикалов, роялистов, антисемитов, националистов и различных группировок, настроенных против республики и стремившихся использовать проблему в своих целях. Угодив в западню, поставленную собственными офицерами, армия теперь должна была отстаивать свою честь утверждениями правоты приговора военного суда и отрицанием фабрикаций и подтасовок» (Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890–1914. М., 2016. С. 220).

³ Золя Э. Я обвиняю!.. Письмо господину Феликсу Фору, Президенту Республики // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 232.

⁴ Барбюс А. Золя. М.–Л., 1933. С. 186–187.

марте 1898 года, — будет вспоминать Ромен Роллан, — когда ярость дошла до пароксизма, когда Франция превратилась в палату буйно помешанных, оставшихся без присмотра, когда семьи, друзья, вся страна оказались разъединенными, когда тысячи людей, мирно живших бок о бок, вдруг обнаружили, что их, как непримиримых врагов, разделяет бездна, и преисполнились взаимной смертельной ненависти, я сам тоже был одержим»¹. Франция была поставлена фактически на грань гражданской войны — такова была сила открытого письма «Я обвиняю!...». «Самое смешное, — вспоминает Мизиа Серт, — этот маленький капитан-еврей, ради которого мы готовы были растерзать на части родных отца и мать, относился как раз к тому человеческому типу, какой нам был неприятен. Но его дело так очевидно являло собой Дело Справедливости, что для нас было невозможно не принять его сторону целиком и полностью»². Воистину, нельзя не согласиться с Марселем Прустом, который сказал, что дело Дрейфуса «из бальзаковского... стало совсем шекспировским, с нагромождением стремительных развязок»³!

После письма Золя баталии разразились, мягко сказать, не только на страницах газет; высказываться в защиту Дрейфуса стало довольно опасным занятием, — все известные дрейфусары стали подвергаться опасности для жизни. По словам Д.П. Прицкера, «никогда со времени Великой революции Франция не переживала подобного внутреннего конфликта, не стояла так близко к гражданской войне: распались браки, давние друзья становились непримиримыми врагами... У дома, где жил Золя, дежурили толпы деруледовских молодчиков, в окна квартиры Клемансо бросали камни. При обсуждении дела Дрейфуса в парламенте после страстной речи одного из самых активных дрейфусаров, Жореса, началась потасовка... Распоясались клерикалы. Члены различных монашеских конгрегаций, кликушества, грозили "красным" (! — А.Н.), т.е. дрейфусарам, небесными карами»⁴.

Эффект выступления Золя был обусловлен не только его своевременностью — к началу 1898 года возмущение многих французов несправедливым обвинением невинному и демонстративным оправданием преступника достигло высокого уровня — необходимо учесть также силу воздействия на общественное мнение таланта пи-

---

¹ Роллан Р. Воспоминания. М., 1966. С. 486.

² Серт М. Пожирательница гениев. М., 2008. С. 59–60.

³ См.: Моруа А. В поисках Марселя Пруста: Биография. СПб., 2000. С. 95–96.

⁴ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 132.

сателя, авторитета литературы в том «споре чернил и крови», о котором Золя говорил еще в первом «Походе». Еще в далеком 1880 году Эмиль Золя предрекал: «Нет, не Мессии ждут сейчас народы, а Истины. И новые пророки, которые возвещают ее приход, не проливают больше крови... Новые пророки, ученые и писатели, проливают чернила, которые оплодотворяют наш разум»¹. Итак, время ученых и писателей, сражающихся за правду и справедливость, пришло, — именно об этом возвестило открытое письмо «Я обвиняю!..». Интересное суждение об этом можно найти у Марка Алданова: с одной стороны, он признает силу слова писателя, с другой — отвергает возможность для писателя принимать участие в политике. Вот что пишет М. Алданов: «Письмо это было, думаю, крупной политической ошибкой: слишком много людей в нем обвинялось, и слишком тяжки были обвинения. Но в чисто литературном отношении, по силе и энергии стиля, письмо едва ли не лучшее произведение Золя, — говорю это без всякой иронии. От писателей, по общему правилу, мало толку в политике. Однако ни один политический деятель такого письма написать не мог бы. Для него нужно было сочетание бешеного темперамента с большой властью над словом...»². Конечно, Марк Алданов противоречит сам себе: политический эффект письма явно не был ошибкой или непредусмотренным следствием выступления; с другой же стороны, именно «Я обвиняю!..» открывает эпоху выступлений писателей, деятелей науки и искусства, журналистов, — словом, тех, кого вскоре назовут *интеллектуалами*, — на политической арене; и при этом новая политическая сила обладает не только своими средствами борьбы, которыми не обладают политики, — но также и особым пониманием политики в ее сложности, противоречивости и мистичности (вспомним Шарля Пеги!), — пониманием, недоступным политическим деятелем, «сугубым политикам». Все это начиная с 1898 года изменило «общее правило», согласно которому «от писателей мало толку в политике». Ясно также, что письмо Золя было им написано вовсе не ради «дополнительной славы» или с какими-то иными намерениями, кроме борьбы за торжество истины и справедливости: «Нужны ли были Золя дополнительные знаки внимания? — Задается вопросом Барбара Такман. — Конечно, разоблачение виновников заточения Дрейфуса могло принести новые лавры, но не

---

¹ Золя Э. Чернила и кровь (Из сборника «Поход») // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 28.

² Алданов М. Пикар // Алданов М. Соч. В 6 кн. Кн.1: Портреты. М., 1994. С. 358.

каждый мог решиться на это. Требовалось проявить незаурядное мужество, чтобы выступить против государственной системы и власть имущих. Надо было обладать талантами и гением великого писателя и способностью сопереживать страданиям другого человека, побуждающей к действию. Все эти качества имелись в избытке у Золя»¹.

Итак, после 13 января 1898 года Франция, как говорит тот же Алданов, «была близка к состоянию гражданской войны. Страна разделилась на два лагеря. Среди дрейфусаров были известнейшие писатели, ученые, художники... Были известные писатели и среди антидрейфусаров... Разделилась и аристократия... и католические круги... и круги еврейские... Разделились и социалисты»². Два лагеря — дрейфусары и антидрейфусары — образовались во Франции около 1897 года и манифестировались, «вышли на площадь» сразу после письма Золя. «Лагерь дрейфусаров, — говорит Л. Прайсман, — начал складываться как политическое движение в ноябре 1897 года, когда на сторону борцов за пересмотр встал Клемансо, а вместе с ним влиятельная часть радикальной партии, но особенно он усилился после письма Золя в начале 1898 года, когда к дрейфусарам примкнула часть социалистов во главе с Жоресом, и все больше представителей интеллигенции начали выступать как сторонники Дрейфуса. В дальнейшем... на сторону борцов за пересмотр дела становится часть либеральных республиканцев. На стороне антидрейфусаров — монархические и клерикальные круги... правые республиканцы и республиканский центр. <...> Армия, за исключением небольшого количества здравомыслящих офицеров, полностью на стороне антидрейфусаров»³.

Франция — родина «Прав человека» (выражение Э. Золя) — после его «J'Accuse!...» разделилась на две части: с одной стороны — сторонники свободы и демократии, с другой — «реакционеры всех мастей», чья «все усиливающаяся ненависть к свободе вспыхнула, словно порох от брошенной спички»⁴. Кристоф Шарль не без оснований утверждает, что «дело Дрейфуса фактически реактивировало начатый Французской революцией вековой спор между приверженцами прав человека, ставящими права индивида выше интересов государства, и их противниками — теми, кто остались верны монархической идее государства; теми, для кого ценность государства стоит превыше всего, поскольку в государстве заключено единство на-

¹ Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890–1914. М., 2016. С. 247.

² Алданов М. Пикар // Алданов М. Соч. В 6 кн. Кн. 1: Портреты. М., 1994. С. 355–356.

³ Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 97.

⁴ Золя Э. Письмо Франции // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 211.

ции...»¹. Барбара Такман представляет этот «вековой спор», оживленный «бурей Дрейфуса» и превратившийся без преувеличения в эпическое противостояние, так: «Протагонисты упивались разразившейся бурей. Они боролись... ”за торжество высоких принципов”, и их переполнял ”неиссякаемый энтузиазм”. В них воедино сливались чувства ненависти, неприятия зла, отваги и жертвенности. Они вели борьбу эпохальную, за идеалы республики. Каждая из воюющих сторон сражалась за свою идею, за будущее Франции. Для одних это была Франция контрреволюции, для других — Франция 1789 года. Одни хотели воспользоваться последней возможностью для того, чтобы остановить процесс прогрессивных социальных перемен и вернуть старые устои, для других было важно уберечь республику от посягательств реакции»². Игнатий Закревский писал, что «в деле Дрейфуса сам Дрейфус и все, что с ним тесно связано, есть только призрак, имя, название, предлог; под видом дела Дрейфуса бушуют совсем иные страсти, иные инстинкты; продолжается та борьба, что длится в течение веков, прошедшего с будущим, отживающих общественных форм с наступающими...»³.

Однако каким образом «правдолюбцы, готовые пожертвовать жизнью ради торжества правосудия» (Э. Золя) могли выразить своей протест против нарушения правосудия (в данный момент — в деле Дрейфуса), и какие действия могли предпринять для исправления «судебной ошибки»? Писатели и художники, ученые и политики, вставшие на путь борьбы за справедливость, избрали метод коллективного протеста. На следующий день после опубликования письма Золя на имя президента — 14 января 1898 года — газета «Орор» публикует статью Клемансо «Des procès! Des procès!» — а также редакционную заметку под названием «Протест» («Une protestation»), в которой после слов: «Мы, нижеподписавшиеся, протестуем против нарушений юридических норм на процессе 1894 года и против ”мистики”, которой окружено дело Эстерхази, и настаиваем на требовании пересмотра [дела 1894 г.]» — следуют подписи. Возглавляют список подписавшихся имена Эмиля Золя, Анатоля Франса и Эмиля Дюкло, директора института Пастера в Париже. Среди подписавшихся 14 января мы находим имена Даниэля Галеви, Эли Галеви, Феликса Фенеона, Марселя Пруста, Люсьена Герра и многих других

---

¹ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 298.

² Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890–1914. М., 2016. С. 215.

³ Закревский Игн. По делу Дрейфуса. Сборник статей. СПб., 1900. С. 57.

ученых, писателей, журналистов. Такие списки протестующих с одинаковой формулировкой сути протеста будут печататься в «Орор» до начала суда над Золя (7 февраля 1898 года), этими списками (все-го подписались около трех тысяч человек) протестующих было положено начало *движению дрейфусаров*. К протесту, то есть к обвинительному письму Эмиля Золя, и вообще к движению дрейфусаров по мере развития событий присоединятся тысячи деятелей науки и культуры, в числе которых: Жозеф Рейнах, Шарль Пеги, Октав Мирбо, Жюль Ренар, Поль Ланжевен, Жак Адамар, Сара Бернар, Стефан Малларме, Клод Моне, Камиль Писсарро, Анри де Тулуз-Лотрек, Морис Метерлинк, Северин, Поль Алексис, Марсель Прево, Гийом Аполлинер, Эрнест Лависс, Эмиль Дюркгейм и его ученик Марсель Мосс, Люсьен Леви-Брюль, Габриель Моно, Эрнест Психари, Андре Жид, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Жюльен Бенда, Эдмон Ростан, Эмиль Верхарн, норвежский поэт Бьёрстjerne Бьёрнсон, Вильфредо Парето (был дрейфусаром до 1900 года), Жак Маритен, Жорж Сорель, Юбер Лагардель и Эдуард Берт, Антон Павлович Чехов и Владимир Галактионович Короленко; многие политики: помимо Клемансо и Шерер-Кестнера, — Жан Жорес, Леон Блюм, Пьер Мари Вальдек-Руссо, Франсис де Прессансе, Аристид Бриан, Раймон Пуанкаре, Константин Петрович Победоносцев, российский сенатор Игнатий Платонович Закревский. Конечно, не все «люди культуры» и уж тем более не все политики были за Дрейфуса: «по ту сторону баррикад» оказались Поль Валери, Жюль Верн, Анри Рошфор, Эдгар Дега, Поль Сезанн, Шарль Моррас и Морис Баррес (эти два интеллектуала стали фактически лидерами антидрейфусаров), Эдуард Дрюмон и Поль Дерулед, Жюль Сури, Фердинанд Брюнетьер, Огюст Роден, Пьер-Огюст Ренуар, Жюль Леметр, друг и издатель Чехова Алексей Сергеевич Суворин... — И это «люди культуры»! — Что уж говорить о политиках-антидрейфусарах! Равнодушных (таких как Анри Бергсон, например) было ничтожно мало, — Дело Дрейфуса вовлекло в свои бурные волны решительно всех!

Трибуна дрейфусаров, газета «Орор», руководимая Воганом и Клемансо, 15 января помимо заметки Клемансо «Надо говорить!» («Il faut parler»), публикует редакционную разъяснительную заметку «Мнение» («L'opinion»), в которой редколлегия выражает солидарность с позицией Золя. «Со всех сторон, — говорится в статье, — приходят к нам поздравления и уверения в поддержке и присоединении к позиции Золя и "Орор". Истинную радость доставляет нам встречать одобрение и отмечать присоединение к на-

шей позиции людей высокой мысли и совести. Наше мнение — это мнение, но и — правда. Это — позиция продуманная и выверенная, она — выше страстей момента, ибо является заботой о справедливости и истине». Редколлегия выражает гордость поддержкой и заявляет о надежде на то, что к поддерживавшим Эмиля Золя присоединятся и другие, — так оно вскоре и произошло. С 17 января название статей с подписями за пересмотр дела 1894 года меняется: вместо «Протест» они теперь называются «Протестующие» («Les Protestataires»); а 23 января газета публикует статью Клемансо «A la dérive», в которой политик и публицист восклицает: «Это [добрый] знак — все эти *интеллектуалы*, пришедшие отовсюду, объединившиеся вокруг одной идеи и непоколебимые в ней!» (N'est-ce pas un signe, tous ces *intellectuels*, venus de tous les coins de l'horizon, qui se groupent sur une idée et s'y tiennent inébranlables)¹. Жорж Клемансо говорит, что если бы не угрозы и преследования, то присоединившихся было бы куда больше: так как многие боятся высказать свое мнение, особенно в разного рода публичных учебных заведениях, — и поэтому вынуждены молчать. Но все это — обычное дело для любого широкого общественного движения: по мере того как идея будет завоевывать сердца, пройдет и страх. Клемансо полагает, что новое движение — «мирный бунт» (*pacifique révolte*) — будет стоять выше частных мнений и интересов, несмотря ни на какие угрозы и противодействие. Более того: те, кто наивно полагает, что покончить с проблемой можно замолчав ее, закрыв ее за двойными, а то и тройными дверями, — жестоко ошибаются, ибо это приведет лишь к усложнению. Остановить Золя и дрейфусаров, заставить молчать решительных людей, требующих справедливости, — невозможно!

---

¹ См. в статье Х.А. Марины: «Разве не примечательны все эти "интеллектуалы", пришедшие с четырех сторон света и объединяющиеся вокруг одной идеи с поразительной стойкостью? Я хотел бы видеть в них свежее веяние — мнение, поднявшееся над многообразными интересами; и в час, когда мы все в этом нуждаемся, я возложил бы на мирный мятеж французского духа все мои надежды на будущее» (Цит. по: *Марина Х.А.* Интеллектуал и власть // *Интеллектуалы и политика* / Под ред. Р. Дель Агилы. М., 2007. С. 40). Не это ли примечательное высказывание Клемансо имел в виду Йозеф Шумпетер, когда утверждал, что «интеллектуалы это не социальный класс в том смысле, в каком им являются крестьяне или рабочие; они приходят из всех уголков социального мира, а занимаются главным образом тем, что воюют между собой или формируют передовые отряды» (Цит. по: *Томилина М.Я.* Социология интеллектуалов в контексте теории среднего класса // *Вестник РГГУ.* 2009. № 12. С. 106).

Сила интеллектуалов заключалась не столько в коллективности как таковой, сколько в сплоченности вокруг принципа борьбы за установление справедливости в деле Дрейфуса; в их среде присутствовало понимание, что вне сплоченного коллектива невозможно одержать победу, и это отчетливо показал процесс Эмиля Золя, в ходе которого суд военщины и реакционеров над ним превращается в суд Золя над военщиной и реакционерами. Поэтому суд над Золя был не столько «акцией военщины», «нападением реакционеров», сколько *первой общественно-политической акцией интеллектуалов*, которые как раз-таки дали бой реакции и военщине.

«Пусть же дерзнут вызвать меня в суд» — так заканчивал свое письмо к президенту Золя — и суд не заставил себя долго ждать. Уже в день выхода номера «Орор» с письмом «Я обвиняю!..» в палате депутатов было озвучено требование суда над писателем за оскорбление власти; 18 января 1898 года министр требует того же, но за оскорбление военного суда. 22 января в «Орор» Золя в письме на имя военного министра воспроизводит и подтверждает свои обвинения, — писатель как бы не оставляет правительству и военным иного выхода, кроме как вызова его в суд. Золя избирает довольно жесткую (можно даже сказать, *агрессивную*, — но как по-другому защищать истину?) линию поведения: вызывая огонь на себя, вынудить власти защищаться. Из письма военному министру от 22 января ясно, что скорее Золя вызывает военных в суд, нежели наоборот; безусловно, военное руководство предпочло бы промолчать, но после этого письма сделать вид, что ничего не произошло, было невозможно.

«Я принимаю вызов этой темной в своем упорстве силы, но честно предупреждаю: ничто вам не поможет...», — Золя идет в суд, поставив задачу «защищаться, избличая незаконность приговора военного суда, осудившего Дрейфуса»¹. Тактика дрейфусаров на суде — постоянно возвращаться к «теме Дрейфуса», из-за чего Золя и вынудил военных вызвать себя в суд, — была ожидаема «противником», который предполагал противопоставить этому свое влияние на суд и множество различных других уловок; не в последнюю очередь «генералы» рассчитывали на «помощь» толпы, на ставшую к тому моменту шквальной антисемитскую ярость правой прессы. Процесс Золя был таким образом третьим процессом из «эпопеи Дрейфуса», по преимуществу на

---

¹ Лану А. Здравствуйте, Эмиль Золя! М., 1997. С. 381.

нем обсуждались обстоятельства, связанные с обвинением Дрейфуса; выступали люди, связанные исключительно с этим обвинением (от Клемансо до Пикара), — поэтому процесс Золя и занял столь долгое время. Никто из дрейфусаров не ожидал (да и не желал, видимо) оправдательного вердикта самому Золя, — смысл интеллектуальной атаки Золя был в том, что в суде присутствовали «обвиняемые» из его списка (и вдобавок Эстерхази), и их писатель совместно со своей «группой поддержки» судил бы публично на «своем» же суде. С другой стороны, генштабовцы не могли допустить никакого иного вердикта, кроме обвинительного, — оправдание или хотя бы уступка Эмилю Золя означала признание своих ошибок и преступлений.

Суд начался 7 февраля 1898 года и продлился две недели — до 23 февраля. Обвиняемые — Эмиль Золя и Александр Перрен. Адвокат Золя — Лабори, адвокат Перрена — брат Жоржа Клемансо — Альбер Клемансо. В группе поддержки обвиняемых и среди свидетелей защиты — адвокаты Леблуа и Деманж, Матье Дрейфус, Люси Дрейфус, сенатор Шерер-Кестнер (на днях не переизбранный на должность вице-председателя сената), Пикар, Жорес, Жозеф Рейнах. Адвокат Золя — Фернан Лабори — был сравнительно молод, однако после процесса Золя обретает известность: превращение дела Золя в продолжение дела Дрейфуса — это прежде всего заслуга Лабори, который сформулировал свою стратегию так: «Если Золя обвиняется в том, что он оклеветал военный суд, оправдавший Эстерхази, то ему необходимо дать возможность доказать, что Эстерхази виновен, а это, в свою очередь, также требует предварительно доказать невиновность Дрейфуса. Каким же образом могли мы доказать, что военный суд в 1898 году покрыл его по приказу беззакония, если нам не будет дозволено доказать, что это беззаконие было совершено? Все факты связаны между собой»¹. Лабори поставил обвинителей в патовую ситуацию, когда *не рассматривать* обстоятельства дела Дрейфуса на процессе Золя было невозможно, — а на этом поле шансов у обвинителей не было. Дрейфусары использовали возможность публичного выступления в полную силу, — тем более что отчеты судебных прений сразу же появлялись в газетах.

«Медийным эффектом» процесса Золя был шквал выступлений в защиту Дрейфуса в мировой прессе, ознаменовавший перелом в Деле Дрейфуса в феврале 1898 года, когда инициатива перешла в руки интеллектуалов. Кульминацией суда над Эмилем Золя стала его речь,

---

¹ Цит. по: Прайсман Л. Дело Дрейфуса. Таллинн, 1992. С. 119.

в которой он провозгласил невиновность Дрейфуса: «Мы хотим знать, есть ли еще Франция — Франция "прав человека", та Франция, которая дала миру свободу и должна ему дать справедливость. Остаемся ли мы еще наиболее благородным, братским, великодушным народом? Сохраним ли мы в Европе нашу репутацию народа справедливости и гуманности? <...> Пред этим судом... пред всею Францией, пред всей страной клянусь я, что Дрейфус невиновен. <...> Всем, что я приобрел, именем, которое я себе составил, моими произведениями, которые способствовали распространению французской литературы, я клянусь, что Дрейфус невиновен. Пусть все рухнет, пусть все мои произведения погибнут, если Дрейфус не невиновен. <...> Все, кажется, против меня: палаты, гражданская власть, вооруженная сила, распространенные газеты, общественное мнение, отравленное ими. За меня только идея, идеал справедливости и человечности — и все-таки я спокоен. Я выйду победителем. Я не хотел, чтобы моя страна продолжала жить в заблуждении и несправедливости. Меня могут осудить. Будет день, когда Франция меня поблагодарит за то, что я помог ей спасти ее честь»¹.

Обвинительный приговор Золя и Перрену был, конечно же, предрешен. Присяжным по итогам прений были предложены вопросы: «1) Виновен ли Перре, издатель "Aurore", в том, что отпечатанием и распространением статьи "Письмо Золя к президенту республики" совершил диффамацию? 2) Виновен ли Золя в том, что совершил диффамацию написанием статьи, в которой он обвиняет военный суд в том, что он по приказанию оправдал виновного, прикрыл незаконие и совершил юридическое преступление?». — Из формулировки вопросов к присяжным следовало, что сомнений в невиновности Эстерхази и соответственно виновности Дрейфуса у обвинителей нет; в этом случае совершенно логично, что ответ присяжных на первый и второй вопросы был положительный. Приговор: «Издатель Перре присуждается к четырем месяцам тюремного заключения и 3000 франкам штрафа, Золя к году тюремного заключения и 3000 франков штрафа»² — максимум возможного (т.е. без каких-либо смягчающих обстоятельств) по закону о печати 1881 года (ст. 30, 31).

Ненависть антисемитов и реакционеров к Эмилю Золя по оглашению обвинительного приговора превысила все мыслимые преде-

---

¹ Цит. по: *Винберг А.И.* Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990. С. 192.

² Процесс Эмиля Золя в связи с процессами Дрейфуса и Эстерхази. Полный отчет с портретами. Кишинев, 1898. С. 186.

лы; восторг некоторых из них был неописуем. Однако не все антидрейфусары испытывали такую радость (подобно Деруледу, пришедшему прямо-таки в экстаз от максимального срока и штрафа обвиняемым), — многим из кричащих «Позор Золя!» стали ясны цели, преследуемые дрейфусарами на процессе 7–23 февраля. Не менее сильной, чем ненависть, стала и поддержка Золя интеллектуалами и политиками-дрейфусарами, ряды которых после процесса стали пополняться с невиданной быстротой, сплотившимися вокруг писателя, который стал знаменем дрейфусарства. Мировое общественное мнение сравнивало Золя с Давидом, победившим Голиафа антисемитизма и реакции, — что свидетельствовало в пользу свершившегося перелома в общественном мнении, произведенного интеллектуальной активностью дрейфусаров (хотя это уподобление Давиду антисемиты использовали по-своему, уподобляя Золя также и Иуде, который отрабатывал еврейские деньги, — и здесь, как показывает в своей работе Анна-Лиза ди Фант, особенно «отличилась» итальянская пресса¹). Давление на Золя настолько усилилось, что не то чтобы его кассационные жалобы возымели толк, но под огонь ненависти попал даже отец Золя — Франсуа Золя; в пароксизме ненависти толпа требовала смерти и только смерти. В ночь на 19 июля 1898 года Золя вынужден уехать в Лондон. Писатель, конечно же, не остался в изгнании, длившемся около года, в одиночестве: его навещали друзья и поклонники, среди которых много интеллектуалов. В числе тех, кто посетил Золя, были Жорес, Октав Мирбо, Лабори; был среди них и молодой интеллектуал Шарль Пеги. Помимо Золя, пострадал и Пикар, в марте 1898 года уволенный из армии; адвокату Леблуа пришлось расстаться со своей должностью в муниципалитете. Временное торжество антидрейфусаров достигает своего пика с приходом на должность военного министра Эжена Кавеньяка, решившего покончить с делом Дрейфуса с помощью новых, — как всегда, «неопровержимых», — улик; новый министр планировал также и аресты дрейфусаров (в том числе Клемансо и Жореса, не говоря уже об адвокатах Лабори и Деманже), — и все это при поддержке антидрейфусарского большинства в парламенте. Стоит ли говорить, что его деятельность вскоре вызовет обратный эффект: подчас нет ничего лучшего для торжества справедливости, чем ее преследования и гонения; деятельность Кавеньяка спровоцирует шквал ненависти уже и со стороны дрейфусаров.

---

¹ См.: *Di Fant A. L'Affaire Dreyfus nella stampa cattolica italiana. Trieste, 2002.*

Победа дрейфусаров и итоги дела Дрейфуса

Если у некоторых антидрейфусаров и у совсем небольшого числа политиков и были надежды на медленное затухание интереса к Делу Дрейфуса (учитывая изгнание Золя, удаление Шерер-Кестнера и Пикара), то после прихода в июне 1898 года нового военного министра Кавеньяка эти надежды развеялись. В игру вступил могильщик «благополучного» (то есть любого рода *не слишком громкого*) исхода Дела. События развивались стремительно. 7 июля 1898 года Кавеньяк выступил на заседании палаты депутатов со старыми и несколькими новыми фальшивками, демонстрируя «благое» желание поставить точку в деле Дрейфуса. Уже 9 июля Пикар публично разоблачил предоставленные парламенту документы как фальшивки, а 25 июля обвинил Дюпати де Клама в пособничестве Эстерхази. Генерал Будадефр внезапно заболел, а генерал Гонз в срочном порядке покинул свой пост: стало известно намерение военного министра разделаться с некоторыми действующими лицами «дрейфусиады» (прежде всего с Эстерхази), и информированные генералы не желали присоединиться к тем, кого Кавеньяк определил в качестве жертв. Хотя Кавеньяк и рассыпал угрозы по адресу дрейфусаров, предложив 11 августа арест наиболее видных из них, было очевидно, что это лишь отвлекающий маневр: настоящий удар был подготовлен по той команде, которая фабриковала «улики», по Эстерхази, а также по Пикару, обвинительный приговор которому был вынесен 20 августа. За неделю до вынесения приговора Пикару, 13 августа, становится известным, что ряд документов по делу Дрейфуса и в самом деле фальшивы, как Пикар и утверждал. «Фальшивый Анри» арестован 30 августа, а на следующий же день его находят мертвым в камере (якобы самоубийство). Эстерхази, не желая повторения судьбы Анри, 1 сентября бежит в Лондон, где начинает неторопливую игру в саморазоблачение, не спеша с признанием авторства бордеро, и постепенно «сбывает» газетам «эсклюзивные» подробности. Уже никто не верил антидрейфусарам, доказывающим, что все разоблачения Эстерхази — только лишь кампания, оплаченная из известного и неиссякаемого источника, — еврейского синдиката; история зашла настолько далеко, что обвинения антидрейфусаров уже никого не впечатляли, и многие из них переходили в стан «врагов», а некоторые искали сближения со своими оппонентами, готовясь к «сепаратным переговорам». Ошибки Кавеньяка, отправленного в отставку в начале сентября, приближали победу дрейфусаров настолько, насколько

ко они и сами не в состоянии были это сделать, — и это было очевидно уже около конца 1898 года.

Итак, ошибки антидрейфусаров — политиков и «генералов» — приближали *победу Дрейфуса*, делая ее неотвратимой. При всем этом, однако, все же надо оценить по достоинству *ярость и упорство* сопротивления военных пересмотру Дела Дрейфуса: назначенный на место Кавеньяка генерал Цурлиндер, несмотря на давление премьер-министра Бриссона, отстаивает виновность Дрейфуса (хотя первоначально был сторонником пересмотра). Цурлиндера отправляют в отставку, а на его место приходит генерал Шануан, который приказывает арестовать Пикара, но благодаря мощному сопротивлению антимилитаристов Пикар был выведен из-под удара (хотя и остался в тюрьме); Шануан же отправляется в отставку. В сентябрю-октябре 1898 года военные фактически ведут бой с антимилитаристами в коридорах власти, Франция — в преддверии военного переворота, который и попытался осуществить Дерулед в день похорон президента Фора 23 февраля 1899 года. Переворот не удался, да и не мог завершиться успехом, поскольку генералитет был «в состоянии агонии» (Золя), однако оправдание руководителей переворота вместе с их «предводителем» Деруледом в мае 1899 года было воспринято республиканцами как явная угроза, а антидрейфусарами — как свидетельство успеха своей «кампании».

Новый президент Франции — Эмиль Лубе (избран 18 февраля 1899 года) — сторонник пересмотра дела Дрейфуса, но сопротивление генералитета и антисемитов ему удастся преодолеть лишь к лету 1899 года: 3 июня 1899 года Кассационный суд отменяет приговор Дрейфусу от 22 декабря 1894 года и передает дело на новое рассмотрение военному суду в Ренне (суд — в другом составе); 5 июня Эмиль Золя возвращается в Париж; 30 июля капитан Дрейфус (чин и мундир были возвращены ему ввиду изменения статуса: из приговоренного он снова становится обвиняемым) после пяти лет каторги возвращается во Францию; чуть позже выпускают на свободу Пикара.

Альфред Дрейфус по возвращению во Францию «напоминал человека, изумленного ослепительным светом жизни, которая мчалась мимо него. Синагоги Иерусалима, еврейские общины Нью-Йорка собирают для него деньги. Он ничего не знает об этом. Все либералы, существующие в мире, за него. К ним присоединяются также все враги существующего порядка. Его испугают некоторые дрейфусары. Дрейфус, который далек от демократии, поборник властей, Дрейфус, который, может быть, сам бы осудил другого Дрейфуса,

защищая принцип военных ”цель оправдывает средства”... Дрейфус-реваншист, Дрейфус-шовинист, Дрейфус, которого Клемансо окрестит антидрейфусаром, — этот Дрейфус будет поражен своими защитниками. Впрочем, и он поразит их»¹. Альфред Дрейфус, из-за которого уже который год шла серьезная битва политиков и интеллектуалов, генералов и писателей, — если и был «главным героем» Дела Дрейфуса, то в определенном отношении, не безоговорочно и не во всех смыслах. С другой стороны, нелепо было ожидать от военного, патриота Франции, осужденного незаконно и несправедливо и вернувшегося для пересмотра дела по обвинению в предательстве, — каких-либо особенных заявлений и уж тем более каких-либо вновь открывшихся способностей, которых раньше не было. Если Клемансо ожидал увидеть мессию, который стал бы пророчествовать (лучше в сонме коллег-пророков, *интеллектуалов*) сразу же по приезду во Францию, — то его ожидало разочарование. Оно и постигло политика-интеллектуала, после Реннского процесса воскликнувшего об измене Дрейфуса – Делу, носящему его же имя. Да, было нелепо, в самом деле, рассчитывать увидеть в Дрейфусе интеллектуала (впрочем, еще невероятнее было бы в нем увидеть политика)!

Реннский процесс — четвертый и заключительный из серии крупных процессов, связанных с Делом Дрейфуса — проходил с 7 по 9 сентября 1899 года в городе Ренне, который в эти дни «как будто на время уподобился шумному Парижу. Целые армии журналистов, съехавшихся со всех концов мира, штурмом захватывали многочисленные отели. Повсюду слышалась иностранная речь, то тут, то здесь мелькали хорошо знакомые всем представители французского политического, журналистского, литературного мира, пришло много знаменитостей из-за рубежа»². Заседания военного суда, вновь созданного для пересмотра дела 1894 года по требованию Кассационного суда Франции (аннулировавшего приговор военного суда от 22 декабря 1894 года), были открытыми, хотя даже для журналистов попасть на них было весьма непросто. Основным противоречием процесса была дилемма невинности Дрейфуса: если тот невиновен и приговор 1894 года — незаконный, то виновны судьи военного суда, которые его вынесли, как и оказавший на них давление бывший военный министр Мерсье (незадолго до Реннского процесса дрейфусары попытались в парламенте провести решение о привлече-

---

¹ Лану А. Здравствуйте, Эмиль Золя! М., 1997. С. 441–442.

² Лану А. Здравствуйте, Эмиль Золя! М., 1997. С. 278.

нии «генералов» к ответственности). Впрочем, всегда можно свалить вину на Эстерхази, который еще 3 июня 1899 года в интервью газете «Матэн» признал свое авторство бордеро, а в тот момент из «далекого» Лондона то обвинял Дрейфуса в том, что он продиктовал ему текст бордеро, то обрушивался на генералов, приказавших ему «подставить» Дрейфуса. В любом случае, конфликт зашел настолько далеко, что решение в стиле процесса Золя было совершенно неприемлемым: военные готовились к компромиссу, тем более что новое правительство Вальдека-Руссо, пришедшее к власти в июле 1899 года, оказывает на «агонизирующий генералитет» мощное давление.

Само же правительство в свою очередь подвергается серьезному давлению со стороны международного сообщества, и прежде всего стремится избежать не только угрозы международной репутации Франции, но и финансовых издержек, которые были вполне реальны в случае бойкота американцами Всемирной выставки в Париже 1900 года. Однако не следует абсолютизировать эти опасения и считать угрозу бойкота исключительной причиной прекращения Дела Дрейфуса, принижая значение выступлений интеллектуалов и политиков-дрейфусаров, как это делает Х. Арендт, которая безапелляционно утверждает: «То, чего не смогли достичь ни ежедневные передовицы Клемансо, ни пафос Золя, ни речи Жореса, ни ненависть народа к духовенству и аристократии, а именно изменить настроения в парламенте в пользу Дрейфуса, в конце концов было достигнуто из-за страха перед бойкотом»¹. Как представляется, куда как большее значение имело желание нового правительства прекратить «войну» сторонников и противников пересмотра, которая заполнила собой все политическое пространство Франции и стала препятствовать конструктивному решению всех текущих политических и экономических проблем. С целью положить конец «доминированию Дрейфуса» в политике и был организован процесс в Ренне, ход которого не имел отношения к запланированному решению по делу Дрейфуса.

Защитники Дрейфуса — Лабори и Деманж; последний просит Золя и Клемансо не являться на процесс, чтобы не злить «генералов». В принципе на процессе показания «генералов», работа защиты, с одной стороны, — и судебное решение, с другой, — не имели друг к другу особого касательства: генштабисты стояли на своем, адвокаты с блеском разбивали их «аргументы», основывающиеся на старых фальшивках; решение суда, как кажется, было безразлично по отно-

---

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 180–181.

шению к прениям сторон. Впрочем, иначе и быть не могло — по причинам, о которых уже говорилось: оправдание Дрейфуса неизбежно привело бы к открытию судебного преследования многих из его обвинителей; да и вся история с фальшивыми «уликами и документами» не могла завершиться установлением справедливости. Поэтому Лабори пытался свести все к судебной ошибке, виновности Эстерхази, «Фальшивого Анри» и Дюпати де Клама. Вопрос об ответственности генералов не поднимал вовсе; даже несмотря на это, за излишнее красноречие адвокат получил ранение от особо ретивого «поклонника армии» (о поисках стрелявшего полиция даже и не думать не собиралась). Из-за давления на защиту Лабори вынужден отказаться от заключительной речи, передоверив ее Деманжу, — во избежание политических аллюзий и «инсинуаций». Впрочем, сами дрейфусары (прежде всего — Жорес) не настаивали на политическом заострении речей, несомненно зная о компромиссном решении военного суда, проработанном до довольно затяжного Реннского процесса и продиктованном влиятельными кругами буржуазных республиканцев.

Последний процесс Дрейфуса завершился 9 сентября 1899 года признанием обвиняемого виновным в предательстве при смягчающих обстоятельствах, приговор — 10 лет заключения. «Смягчающие обстоятельства» не были названы, — было бы небезынтересно узнать, как это представляли себе судьи, и почему в деле Золя, где обвинение было попросту пустячным, таковых обстоятельств не нашлось, — вердикт военного суда был очередным несостоятельным решением в череде подобных вердиктов (приговор 1894 года и решение по делу Эстерхази). Эта странность объяснялась тем, что дело Дрейфуса по сути вывели за пределы правового поля, прений сторон, доказательств и т.п., так как в области права генералы были обречены на поражение. Правительство приняло решение «замять» Дело, завершив процесс почти келейно: 20 сентября 1899 года президент Лубе по согласованию с кабинетом Вальдека-Руссо помиловал Дрейфуса¹, — причем сам Альфред Дрейфус принял амнистию, отказавшись от подачи кас-

---

¹ «...Уже в 1899 г. Вальдек-Руссо, — пишет В.М. Далин, — напуганный неслышанным обострением классовой борьбы в стране и перспективой гражданской войны, возглавляет ловкий маневр французской буржуазии. Вместо борьбы за оправдание Дрейфуса "до конца", т.е. против продажной машины военной юстиции, верхушка дрейфусаров идет на компромисс. Победа дрейфусаров приводит всего лишь к смене политического персонала, к созданию "левого блока", к господству радикальной партии, к широкой коррупции даже кадров Социалистической партии, всех этих Мильеранов, Брианов, Вивини, Жеро-Ришаров» (Далин В.М. Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970. С. 111).

сационной жалобы, — как если бы и в самом деле был виновен. Против этого решения президента о помиловании выступили Клемансо, Лабори, ряд молодых левых дрейфусаров во главе с Шарлем Пеги, Пикар; на сторону недовольных встает Эмиль Золя. При этом Жорж Клемансо высказал возмущение принятием помилования самим Дрейфусом. Бернар Лазар, Матье Дрейфус и ряд других умеренных дрейфусаров, никогда и не принимавших воинственный вид, — согласны с амнистией президента.

Международный резонанс, вызванный вердиктом суда в Ренне, был огромным: «Вердикт, — пишет Б. Такман, — имел силу страшного бедствия. Королева Виктория телеграфировала лорду Расселу: "Королева с изумлением узнала об ужасном вердикте и надеется, что бедный страдалец обратится к высшим судьям". "Чудовищное, несправедливое, циничное, гнусное, варварское" — назвал решение суда корреспондент газеты "Таймс". <...> В Одессе выражали "обеспокоенность", в Берлине — "негодование", в далеком Мельбурне — "отвращение и возмущение", в Чикаго устраивались митинги протеста, и повсюду раздавались требования бойкотировать Всемирную выставку. В Ливерпуле газета "Таймс" с информацией о судебном процессе была раскуплена за считанные минуты. Из Норвегии композитор Григ написал об отказе дирижировать оркестром при исполнении своих произведений...»¹.

Антидрейфусары, как это легко предположить, выражали бурную радость обвинительным приговором, — так, что по большому счету без особой аффектации отнеслись к амнистии (ведь надо заметить, что даже и они к концу 1899 года успели устать от долгих ликований). Как бы там ни было, *не слишком громко* завершить Дело Дрейфуса не удалось, последствия Дела были значительны и во многом определили дальнейшее политическое развитие Франции. Многие антидрейфусары к концу 1899 года уже и не сомневались в невиновности Дрейфуса, однако при этом требовали, чтобы приговор остался в силе исключительно по соображениям необходимости пожертвовать восстановлением справедливости в целях государственной безопасности, сделать исключение и не продолжать в данном конкретном случае никаких расследований и тем более не проводить дальнейших судебных процессов. Эти антидрейфусары, настаивая на принесении Дрейфуса в жертву, совершенно не учитывали ни уязвимость своей позиции, ни силы и влияния интеллек-

---

¹ Такман Б. Европа перед катастрофой. 1890–1914. М., 2016. С. 284.

туалов-дрейфусаров, ни изменения политического расклада, ни грядущей приход к власти левых сил, ставший к концу XIX века неизбежным.

Дело Дрейфуса и выход на общественно-политическую сцену истории интеллектуалов катализировали размежевание французского общества на правых и левых, усилившееся с появлением националистических доктрин, которые обязаны своему рождению исключительно Делу Дрейфуса. Так, Ж. Сапиро, утверждает, что «с начала двадцатого столетия понятия правого и левого, которые до тех пор принадлежали исключительно парламентскому полю деятельности, начинают фигурировать в избирательных кампаниях и становятся первостепенными категориями политической идентичности. <...> Показательны в этом плане выборы 1902 года, отмеченные победой "блока левых", успешное внедрение этих терминов подтверждается спорами по религиозному вопросу в момент разделения церкви и государства и становится всеобщим во время выборов 1906 года. Накануне Первой мировой войны их употребление устанавливается окончательно». — Отмечая, что разделение на два политических полюса коснулось даже Французской академии, так что с конца XIX века «писатели Академии разделяются на правых и левых академиков, разделение, которое *grosso modo* соответствует политическому делению на республиканцев и антиреспубликанцев», Сапиро анализирует дальнейшее развитие этой тенденции, которое к 30-м годам XX века привело к тому, что все писатели вне зависимости от желания и отношения к политике стали «примыкать» к одному из полюсов, — и никак иначе! Рассказывая о «широкомасштабной политической мобилизации» писателей Франции в 30-е годы XX века, Сапиро приводит высказывание французского писателя Марселя Арланда: «Писатель, хочет он того или нет, вынужден считаться с политическими партиями. Что бы он ни написал, его книга сразу относится либо к правому, либо к левому лагерю»¹.

Важнейшим политическим результатом Дела Дрейфуса было поражение и падение престижа правых, клерикалов и антисемитов, — и соответственно, резкое увеличение влияния левых, в особенности радикалов (впрочем, и социалисты не остались «в убытке»). В 1902 году на парламентских выборах левые получили абсолютное большинство

---

¹ Сапиро Ж. О применении категорий «правые» и «левые» в литературном поле // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М., 2005. С. 300–312.

(465 из 589 мест), было образовано радикальное правительство Эмиля Комба, основной задачей поставившее борьбу с клерикализмом; сам Э. Комб был сторонником пересмотра, а после 1899 года — полной реабилитации Дрейфуса, — поэтому требование нового пересмотра Дела, озвученное в 1903 году Жоресом в палате депутатов и подкрепленное новыми разоблачениями махинаций «генералов», получило полную поддержку правительства. В результате экспертизы в деле Дрейфуса были вскрыты различные нарушения, в связи с чем А. Дрейфус в ноябре 1903 года подал жалобу в Кассационный суд Франции (предварительно отказавшись годом ранее от амнистии), на основании которой в марте 1904 года Кассационным судом было принято решение об отмене приговора военного суда (в ходе дебатов бывшему военному министру Мерсье было высказано порицание) от 9 сентября 1899 года и о доследовании его дела. Наконец, 12 июля 1906 года Высший кассационный суд признал Альфреда Дрейфуса полностью невиновным, все обвинения были сняты (реннский приговор был признан «ошибкой и несправедливостью»), бывший обвиняемый был восстановлен в армии (с повышением до майора) и в качестве утешительной компенсации награжден орденом Почетного легиона; вскоре Альфред Дрейфус подал в отставку. Одновременно был восстановлен в армии с повышением до генерала Мари Жорж Пикар; он станет военным министром в правительстве Клемансо.

После помилования Дрейфуса президентом Лубе Эмиль Золя публикует в «Орор» статью «Письмо госпоже Альфред Дрейфус». Писатель, в отличие от Клемансо, не осуждает самого Дрейфуса, не требует от него становиться одним из лидеров Дела его имени, не обвиняет в «измене Делу Дрейфуса»; скорее наоборот — Золя радуется возвращению невинно осужденного в лоно семьи, переживая вместе с семьей Дрейфусов «это восхитительное мгновение, омытое радостными слезами». — Возвращение мученика писатель рассматривает как победу дрейфусаров: «После двух лет титанической борьбы мы сделали невозможное, мы претворили мечту в действительность, ибо мученика сняли с креста, на коем он был распят, ибо невинный обрел свободу...». — Все это так, но «милость» суда, — говорит далее Золя, — довольно горька. «Судьи сговорились нанести невинному еще один удар, чтобы спасти истинных виновников, а сами с чудовищным лицемерием надели личину милосердия»¹, —

---

¹ Золя Э. Письмо госпоже Альфред Дрейфус // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 234–236.

клеймит писатель тех, кто предал правосудие и малодушно отступил под давлением *военно-политической группировки*. По мнению Золя, правительство было обязано передать приговор военной коллегии в Ренне в Кассационный суд как вынесенный незаконно, но вместо правосудия оно проявило *лицемерное милосердие*. Ошибка Реннского суда — в защите «корпоративных интересов» армии любой ценой, даже и ценой презрения к праву.

Обращаясь к Люси Дрейфус, от имени своих коллег по борьбе Золя заверяет ее в том, что они — «ревнители правды и справедливости» — «вносили и будут вносить свой вклад в историю, будут доставлять все новые улики, которые помогут гигантскому расследованию» и достижению в будущем торжества справедливости. — Эти обещания будут выполнены Золя и его соратниками-дрейфусарами. Вместе с тем писатель отмечает, что «уже немало книг написано в его честь — целая груда сочинений, где доказывается его невиновность и прославляется его мученический подвиг»¹. В самом деле, к концу 1899 года литература, посвященная Делу Дрейфуса, — книги, сборники, статьи и петиции в газетах и журналах; различного рода заметки и отклики, приветственные телеграммы (а также соответствующая литература антидрейфусаров), — все это представляло собой огромный корпус, целый пласт литературы о Дрейфусе; и заслуга самого Эмиля Золя в создании этого была вне сомнений.

После письма Золя от 13 января 1898 года «Я обвиняю!..» и опубликования в «Орор» списков интеллектуалов, поддержавших его требование пересмотра дела Дрейфуса, в печати начинается публикация писем в поддержку самого Золя, его политической позиции, его обвинений и требований к французскому правительству и правосудию. Уже 6 февраля 1898 года, за день до начала суда над писателем, в газете «L'Essor», руководимой историком и политиком Эженом Аземаром, было опубликовано приветствие в честь Золя от юных писателей (*Hommage des jeunes Écrivains à Émile Zola*); а в конце 1898 года вышла целая книга такого же рода, причем весьма представительная, — «Французская литература чествует Эмиля Золя»², в которой представители интеллектуального мира Франции воздавали честь смелости открытого вызова, брошенного писателем реакции. Среди инициаторов и участников этого проекта — Жорж Клемансо, Октав Мирбо,

---

¹ Золя Э. Письмо госпоже Альфред Дрейфус // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М., 1967. С. 239.

² *Livre d'hommage des lettres française à Émile Zola* / Paul Alexis, Séverine, F. Labori. P.–Bruxelles, 1898.

Морис Метерлинк, Эмиль Верхарн, Северин; участвовали в сборнике также Поль Алексис, Ив Гуйо, Жозеф Рейнах, Эрнест Воген, Юрбен Гойе (редактор «Орор») и многие другие писатели и журналисты; в сборнике в честь Золя опубликованы письма к нему Шарля Пеги и Бьёрстьерне Бьёрнсона. Приветственные телеграммы и статьи в адрес Золя чередуются в книге с приветствиями интеллектуалов в адрес редакции «Орор», заверения в поддержке; письма, восславляющие писателя, соседствуют с рассказами о его юности. В книге переопубликованы списки протестующих интеллектуалов — *Les Protestataires* — из «Орор»; немаловажное место отведено и зарубежным приветствиям, выдержкам из американской, английской и российской прессы.

В «Письме госпоже Дрейфус» Золя, как представляется, несколько переходит меру в превознесении Дрейфуса. В целом эта статья звучит как панегирик Дрейфусу, восхваление «мученического подвига», благодаря которому тот обрел «венец святого», в результате чего любой ныне убежден «в непорочности Дрейфуса». Как уже говорилось выше, этот пафос Золя, его «культ Дрейфуса» (но, конечно, не «культ личности Дрейфуса»), — не совпадает с оценкой личности Дрейфуса, данной Жоржем Клемансо, зато в достаточной мере близок к «сдержанной глорификации» Дрейфуса со стороны Шарля Пеги. Однако для Пеги Дрейфус в меньшей степени, нежели для Золя, является конкретной личностью, но в большей — своего рода живой идеей, знаменем движения; Золя был все же далек от такого понимания роли Дрейфуса (равным образом и все движение дрейфусаров не являлось для него чем-то большим, чем поход в защиту истины в конкретном Деле). История внесла имя Дрейфуса в свои списки, не спрашивая его самого, *invitas invitam adeptus gloriam*: «Роковым образом именно этот человек стал центром дела, он был ввергнут в такое общественное действие, какое даже трудно себе представить», — говорит Шарль Пеги. — Имя Дрейфуса ценно постольку, поскольку именно ему суждено было стать знаменем (но не знаменосцем) дрейфусизма и интеллектуалов. — «Став капитаном, — продолжает Пеги, — поднявшись до ранга капитана... этот человек был вынужден взять на себя бремя, неожиданную славу, бремя вечной славы. <...> Вот человек, бывший капитаном. Он думал, что возвысится до ранга полковника, возможно генерала. А возвысился до ранга Дрейфуса»¹.

Клемансо оценивает Дрейфуса скорее как политик, нежели как интеллигент. Как уже говорилось, Жоржа Клемансо возмущало то, что

---

¹ *Пеги III. Наша юность. Мистерия о милосердии Жанны д'Арк*. СПб., 2001. С. 198.

Дрейфус не включился в борьбу за свою же защиту на Реннском процессе. Однако поскольку речь, согласно Клемансо, шла не столько о Дрейфусе и его судьбе, сколько о защите республики о ее чести, — все же линия, выстроенная интеллектуалами, не была ошибочной: настаивая на решении, которое суд в Ренне не смог бы принять по определению, защитники Дрейфуса неизбежно совершили бы ошибку. Что касается оценки политиком личности Дрейфуса, известны его высказывания такого рода: «Он [Дрейфус] походил на торговца карандашами... То был единственный человек, ничего не понявший в деле Дрейфуса. Он стоял бесконечно ниже этого дела. Впрочем, это неплохо. Никто не сможет упрекнуть нас, что мы находились под влиянием его индивидуальности — у него ее не было ни на грош»¹. Опять-таки, не мог же Клемансо ожидать чего-то сверхъестественного в Дрейфусе, который был осужден по несправедливому обвинению, а не вследствие роковых талантов или чего-либо неординарного! К тому же выдающийся политик прекрасно понимал, *за что именно*, за какие идеалы идет борьба в Деле Дрейфуса; и что, будучи символом этой битвы, от самого Дрейфуса не требовалось ничего более того, что он собою и представлял.

* * *

Таким образом, приход интеллектуалов на политическую арену Франции как активной в политическом же смысле группы интеллигенции является главным, политическим по преимуществу результатом Дела Дрейфуса, причем даже более значительным следствием Дела, нежели иные (победа левых сил в 1902 году, рождение сионистского движения и т.д.). Интеллектуалы были инициаторами и главными протагонистами Дела Дрейфуса, а после исчерпания политической энергии Дела станут одной из влиятельных политических сил на протяжении всего XX века (собственно, как уже говорилось, «века интеллектуалов»).

23 января 1898 года Клемансо впервые называет «решительных людей, требующих справедливости» — *интеллектуалами* (слово, напомним, как необычное, предлагаемое в таком значении и контексте впервые, было напечатано в номере «Орор» курсивом). В ходе роста движения в защиту Дрейфуса и за пересмотр приговора от 22 декабря 1894 года это слово будет употребляться все чаще, — и к концу 1898 года станет обозначением для всех участников дрейфусовской полемики, в том числе и для антидрейфусаров. При этом слово «интеллектуал» по мере развития полемики расширяет свой смысл и приобрета-

---

¹ Цит. по: Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. Политическая биография. М., 1983. С. 138.

ет значение «представитель культуры и науки, активно участвующий в политике»; причем поскольку демократически настроенных людей культуры было больше, то спустя некоторое время те интеллектуалы, которые выражали правые взгляды, будут представлять скорее исключение в своей среде, чем правило (так, рассматривая историю интеллектуалов, допустим, в тридцатые годы XX века, и говоря «интеллектуал-антифашист», мы чувствуем, что это выражение является плеоназмом, но при этом делаем оговорку, что были также и фашистские интеллектуалы, — но были они скорее *в порядке исключения*, нежели как заметная сила общества этого периода). Вторгнувшись в политическую борьбу, в политическое пространство, в «эпоху Дрейфуса», интеллектуалы останутся там и «после Дрейфуса», будучи политически активными представителями гражданского общества, выступающими, как правило, в поддержку демократических решений и стратегий, критикуя власть в случае ее отступления от принципов справедливости и истины, — *так, как интеллектуалы понимали эти принципы* в каждый определенный момент политической истории ряда стран Западной Европы, прежде всего Франции и Италии.

Так в январе-феврале 1898 года на сцене общественно-политической жизни Франции (а некоторое время спустя — Италии — и затем многих других стран Европы и в США) не без шума и скандальности появилась новая сила. В высшей степени рискованное предприятие Золя — бросать в лицо власти и армии столь тяжкие обвинения — было *немедленно поддержано* очень многими деятелями культуры, науки и даже политики, и это было совершенно новым явлением в политике, ранее не имевшим места (и, надо сказать, неожиданным для политики и политиков). Вспоминая уже приводимое высказывание Жюльена Бенда, можно сказать, что «моральная поддержка Теренция или Варрона» в деле укрепления римской агрессии против Карфагена произвела бы, бесспорно, впечатление на историков, писателей и поэтов, но совершенно не впечатлила бы современников; протест же Золя и интеллектуалов едва не привел к гражданской войне. «Мнение людей мыслящих», выраженное коллективным протестом в прессе, оказало колоссальное по силе воздействие на текущую политику.

С появлением «коллективного интеллектуала», коллективных протестов и заявлений политически активных групп интеллигенции, изменился сам принцип и эффект политических деклараций. Кристоф Шарль, как и Жюльен Бенда, обращает внимание на то, что и ранее известные и влиятельные деятели культуры Франции (например, В. Гюго, И. Тэн, Э. Ренан, Ж. Мишле) выступали с важными и

громкими обращениями на политические темы, однако «им не было нужды опираться на публичную поддержку», они «были самодостаточны, каждый из них мог свидетельствовать от себя лично». — Личный протест Золя подкрепляется коллективным протестом «людей культуры», инициируя одну из самых бурных общественно-политических дискуссий истории Западной Европы: «Коллективность интеллектуалов возникает в момент дела Дрейфуса и отныне будет оставаться важнейшим признаком интеллектуалов на всем протяжении их дальнейшей истории. Такая коллективность находится в прямой зависимости от нового политического пейзажа, сформировавшегося к концу XIX века. Этот пейзаж — парламентская республика, где вся власть сосредоточена в парламенте...». — Каким образом протагонистам гражданского общества следует реализовывать свои политические потенции, учитывая их актуальные ресурсы влияния на общественное мнение (прежде всего посредством прессы)? Исключительно одним методом, — отвечает К. Шарль: посредством представления себя в качестве политической группы (причем, заметим, слово для обозначения, самоидентификации людей культуры в качестве такой группы — *intellectuels* — появляется практически сразу). — «Как и все, кто хочет играть роль в демократическом обществе, они должны заявить о себе в качестве партии или политической группировки. Именно по этому пути идут интеллектуалы, когда начинают подписывать коллективные петиции: сами эти петиции являются первым шагом к созданию формальных объединений и к подготовке долгосрочных групп»¹, — говорит К. Шарль. Конечно, процесс кристаллизации каких-либо политических союзов среди интеллектуалов будет достаточно долгим и по большому счету безрезультатным, так как партийная дисциплина чужда интеллектуалам (главными объединительными факторами в истории интеллектуалов будут не партии и союзы, а журналы и газеты); однако тем не менее коллективность, манифестировавшаяся после 13 января 1898 года, является достижением сама по себе, так как до этого момента «людям культуры» менее всего было свойственно действовать сообща. Совместными усилиями, как показало Дело Дрейфуса, интеллектуалам вполне по силам добиваться поставленных целей (как, впрочем, добиваться достижения иных целей, которых никто не ставил и которые совершенно чужды природе интеллектуалов, — например, власти).

---

¹ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 295–296.

ЧАСТЬ II

Норберто Боббио и его концепция политической роли интеллектуалов

ГЛАВА 1

Норберто Боббио: портрет на фоне эпохи

I

Норберто Боббио родился 18 октября 1909 года в Турине.

Начало XX века для Италии — это «эпоха осуществления либеральных реформ, эпоха процветания итальянского государства... "золотой век" итальянского либерализма, на который ориентировалось последующее поколение либералов, жившее в условиях фашистской диктатуры»¹.

Изменение политического климата в стране — послевоенный революционный подъем рабочего движения, резкая политизация общества, затем приход к власти фашизма, формирование оппозиционных антифашистских групп и антифашистской идеологии, — в Турине чувствовалось особенно остро². После Первой мировой войны Турин — «промышленная столица Италии» (Грамши) — становится и центром интеллектуальной жизни страны, перенимая эту эстафету у Флоренции с ее знаменитыми культурно-политическими журналами³ и дискуссиями крупнейших представителей культуры в

---

¹ Либерализм Запада. XVII–XX века / Отв. ред. Согрин В.В. М., 1995. С. 180.

² «Турин, имевший высокоразвитую промышленность, на общем фоне тогдашней Италии отличался особо четкой классовой структурой, в которой удельный вес рабочего класса был достаточно значительным» (*Наумова Е.П.* Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): Формирование и эволюция идейно-политической платформы. Дис. ... канд.ист.наук. М.: МГУ, 1998. С. 182).

³ О журнале «Воче» было сказано ранее; о других итальянских периодических изданиях начала XX века (в частности, «Leonardo», «Lacerba», «Il Regno», «Hermes», «La Critica» и др.) — см.: *Шевакин Г.Г.* Итальянские философские журналы первой половины XX в. // Историко-философский ежегодник'2011 / ИФ РАН. М., 2013. С. 268–273; *Agostini N.* Il contributo del Baretti al dibattito linguistico del pri-

рамках интеллектуального поля, образуемого ими, — но туринская интеллектуальная деятельность имеет политическую направленность¹. Историк-коммунист Паоло Сприано, участник Соппротивления, член ЦК итальянской компартии, рассказывает о «легендарном и историческом Турине» — «итальянском Петрограде», в котором «молодой революционер-марксист и еще моложе революционный либерал мыслят и действуют, — пролетарский и индустриальный город, где рабочий класс хочет построить новый порядок»². Революционеры, о которых пишет Сприано, — это Антонио Грамши и Пьеро Гобетти. Их теоретические размышления и выступления на страницах журналов, и начавшаяся активная антифашистская деятельность, — все это притягивало внимание интеллектуальных групп Турина, и в особенности молодежи. По словам Станислао Пульезе, Турин «мог гордиться юным гением Пьеро Гобетти, с его журналами "Энердже Нуове" и "Риволуцоне Либерале" и движением, образовавшимся вокруг газеты Антонио Грамши "Ordine Нуово". Общим у этих инициатив было то, что они ставили своей целью создание союза интеллектуалов для борьбы против фашизма в этической и культурной плоскости»³.

Антонио Грамши, учившийся в Туринском университете и оставивший его, чтобы предаться полностью революционной деятельности, был одним из основателей знаменитого туринского журнала «Новый порядок» («L'Ordine Nuovo»), совместно с Пальмиро Толь-

---

mo Novecento. — Università degli studi di Trento. Facoltà di Lettere e filosofia. Lettere moderne laurea triennale. A.a. 2006–2007. Tesi di storia della lingua italiana. Il contributo del Baretto al dibattito linguistico del primo Novecento. Relatore: prof.ssa S. Baggio. Laureanda: Nadia Agostini. Correlatore: dott.ssa C. Gubert // circe.lett.unitn.it/attivita/tesi/Tesi_Nadia_Agostini.pdf; *Angelini M.C.* «Il Baretto» (1924–1928): L'ultima rivista di Piero Gobetti // circe.lett.unitn.it/le_riviste/riviste/biblio/angel.pdf; Gobetti e La Voce / A cura di G. Prezzolini. Firenze, 1971.

¹ Так, В.П. Любин говорит: «После Первой мировой войны в Турин переместился интеллектуальный центр страны, которым ранее считалась Флоренция, именно в этом городе возник очаг духовного сопротивления фашизму. Достаточно вспомнить имена туринцев А. Грамши, творчески переосмыслившего и развившего идеи марксизма, и П. Гобетти, пытавшегося соединить идеи социализма и либерализма» (*Любин В.П.* Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М., 2005. С. 113).

² *Spriano P.* Gramsci e Gobetti. Introduzione alla vita e alle opere. Torino, 1977. P. 3. Профессор Паоло Сприано — автор одного из авторитетных учебников по истории итальянской компартии (в советские времена книга была переведена на русский язык и издана «для служебного пользования», см.: *Сприано П.* История итальянской коммунистической партии. В 2 вып. М.: Прогресс, 1969–1970).

³ *Пульезе С.* Карло Росселли: Либеральный социализм и антифашистское действие. М., 2007. С. 37.

ятти. Грамши и Тольятти — инициаторы основания Коммунистической партии Италии.

Пьеро Гобетти (1901–1926), яркий интеллектуал, литературный и театральный критик, революционный мыслитель, испытавший идейное влияние Грамши, соединил либеральные идеи с общей революционной направленностью своего времени в едином лозунге «либеральной революции»: так называется его книга 1924 года¹. Либерализм как стремление к свободе, полагает Гобетти, революционен сам по себе. Рабочее движение выливается в рабочую же революцию для выполнения исторической миссии пролетариата. Эта миссия состоит не в завоевании средств производства через свержение буржуазии, а в достижении равноправного партнерства с капиталистами: в этом суть «рабочей политики» нового либерализма Гобетти — возглавить и осуществить *либеральную* революцию. «По сути дела "либеральная революция" Гобетти — это программа интегрирования рабочего движения в процесс функционирования капиталистической системы»². В построениях Гобетти ощущается влияние социолога антидемократических взглядов Гаэтано Моски, университетского преподавателя Гобетти³, с его концепцией элиты (правящего класса — *la classe dirigente*), преобразованной Гобетти в демократическом ключе под влиянием социалистических и коммунистических идей.

С идеями Пьеро Гобетти Норберто Боббио знакомится в лице Массимо д'Адзелио, где учится по 1927 год. Лицейская пора Боббио — это время знакомства и общения как с людьми, чьи имена значимы в итальянской культуре, так и с теми, кто внесет в нее весомый вклад в дальнейшем (среди них — Чезаре Павезе, Джулио Эйнауди, Леоне Гинзбург, Массимо Мила, Витторио Фoa). Леоне Гинзбург (1909–1944)⁴ был для молодого Норберто Боббио первым примером для подражания, человеком, «показавшим маршрут», более «продвинутым» и смелым товарищем, — антифашистом, объяснявшим, как

---

¹ *Gobetti P.* La rivoluzione liberale. Saggi sulla lotta politica in Italia. Bologna, 1924.

² Либерализм Запада. XVII–XX века / Отв. ред. Согрин В.В. М., 1995. С. 192.

³ Пьеро Гобетти, как и Пальмиро Тольятти, и Норберто Боббио, окончил юридический факультет Туринского университета. В 1922 году он защитил диплом «Политическая философия Витторио Альфьери» (под руководством Джоэле Солари).

⁴ Леоне Гинзбург — антифашист, участник движения «Справедливость и свобода» и Партии действия. Филолог-русист, переводчик русской классики. Арестовывался в 1935 году вместе с другими членами туринской ячейки «Справедливости и свободы». Погиб от пыток фашистов в тюрьме в 1944 году. Боббио с теплотой вспоминает о нем в своем предисловии к одноименному собранию сочинений Леоне Гинзбурга: *Bobbio N.* Introduzione // Ginzburg L. Scritti. Torino, 2000.

следует себя вести и что нужно делать интеллектуалу. Преданный поклонник Кроче, именно он познакомил Боббио с его идеями и творчеством. Совместно с Гинзбургом и Джулио Эйнауди в 1933 году Боббио участвует в основании знаменитого в будущем на весь мир издательства левой интеллигенции «Эйнауди». Лицейский преподаватель философии Дзино Дзини привил Боббио интерес и любовь к философии, а Умберто Козмо — к литературе и чтению; оба они — выдающиеся антифашисты.

Практически все студенты и многие преподаватели лицея и университета читали работы Грамши и Гобетти: можно сказать, что в первую очередь благодаря именно этим мыслителям и борцам в интеллектуальной среде Туринского университета царствовал антифашизм. Пьеро Гобетти полагал, что фашизм вскрыл недостатки либерального строя; однако тоталитарное фашистское государство, думал он, будет уничтожено в результате политической борьбы рабочего класса: «Именно от Грамши, — пишет итальянский историк философии Эудженио Гарэн, — у Гобетти уверенность, что, когда фашизм падет, рабочие авангарды и непримиримая элита во имя Маркса погребут его вместе с его иллюзиями»¹. В этом же ключе мыслили и туринские интеллектуалы. В 1928 году Норберто Боббио знакомится с Аугусто Монти, который приобщал молодых людей к творчеству Гобетти, возглавляя целую группу «гобеттианцев», встречавшихся и обсуждавших политические события. Энрико Ланфранки, исследователь «действенной» («воинственной») философии Боббио, называет А. Монти «отцом-основателем гобеттизма»². Политические споры, обсуждение книг и статей, — все это сопутствует молодым интеллектуалам-антифашистам, пробуждая интерес к политике. Принцип равнодушия к политическим событиям, к политической борьбе впоследствии станет у Боббио одним из пунктов «политической программы» интеллектуалов, принципом их участия и поведения в политике.

С 1928 по 1931 годы Боббио учится в Туринском университете, на юридическом факультете, который оканчивает, защитив диплом по теме «Философия и наука права». В философской и политической мысли довоенного времени (и особенно в университетской среде)

¹ Гарин Э. Хроника итальянской философии XX века (1900–1943). М., 1965. С. 335.

² Lanfranchi E. Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989. P. 200. Норберто Боббио был основателем (1961) и первым президентом Центра Гобетти (Турин, Centro studi Piero Gobetti, www.centrogobetti.it/il-centro.html), этому центру ученый завещал часть своей библиотеки и архив.

царил идеализм Бенедетто Кроче и Джованни Джентиле. Влияния этих философов-неогегельянцев не избежал и Норберто Боббио.

Джованни Джентиле скомпрометировал себя сотрудничеством с фашизмом, причем его актуализм, по общему признанию исследователей, скорее способствовал такому сближению, нежели препятствовал. Став официальным философом нового режима, он разрабатывал теорию, согласно которой свобода находит свое полное воплощение только в государстве (по его терминологии, в «этическом государстве»). Джентиле — соавтор (вместе с Муссолини) знаменитой «Доктрины фашизма» («La dottrina del fascismo»). «Доктрина фашизма» — это программное заявление и одновременно философско-доктринальное эссе, вышедшее в 1932 году как введение к статье «Фашизм» в 14-м томе Итальянской энциклопедии наук, литературы и искусств за авторством Б. Муссолини. Причем надо отметить, что, несмотря на двойное авторство, «Доктрина» выполнена в едином стиле, — и это свидетельствует о том, что авторы настолько прониклись «учением», что политик стал поэтом, а философ — политиком. «Доктрина» содержит много противоречий, софизмов, аллегорий и метафор, что, впрочем, не затемняет достаточно четкого и понятного (применительно к внешней *убедительности* доктрины) *представления* фашизма, ясно разработанной архитектоники фашистского общества, обоснования целей и программ его развития. Джентиле предпринимал большие усилия по *созданию* фашистской культуры (или, если угодно, *пересозданию* «старой» культуры на новых основаниях). Согласно этой идее, «новая, фашистская культура должна естественным образом стать компонентом нового, тоталитарного общества, в рамках которого неразрывно интегрированы политика, наука, культура, образование и т.д.». — По убеждению Джентиле, речь не шла о разрыве со «старой» культурой: «...Новый политический режим, пришедший к власти в Италии, ставит задачу создания нового общества и новой культуры, возобновления, а не разрушения культурной традиции Италии»¹.

Роль и значение Бенедетто Кроче в итальянской философии и культуре огромна. Норберто Боббио будет писать: «Авторитет Кроче был непререкаем: вооруженные его идеями, мы чувствовали свое превосходство над нашими же преподавателями, которые не принимали или же гневно отвергали их. Кроче был голосом времени, при-

---

¹ *Нестерова Т.П.* Джованни Джентиле: искушение тоталитаризмом // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 22. М., 2008. С. 196–197.

надлежать к крочанцам означало быть в потоке истории. Эта принадлежность давала уверенность, вселяла веру, открывала новые горизонты поиска, позволяла принять четкую позицию против культуры академической и схоластической, освобождала от цепей традиции и предрассудков»¹. О влиянии Кроче в университетской среде он напишет: «Принадлежу я к поколению, которое было, по крайней мере в Туринском университете, по натуре крочанским. Мы считали себя крочанцами — именно крочанцами, а не идеалистами, — с такой же серьезностью и наивностью, с какой поколение наших отцов считало себя позитивистами»².

Крупнейший представитель итальянского либерализма XX века, Кроче был одним из мыслителей, которые в значительной степени способствовали распространению марксизма в Италии. Его изучение Маркса вылилось в фундаментальный труд «Исторический материализм и марксистская экономия» (1900)³. Впрочем, его увлечение марксизмом было недолгим⁴, хотя нельзя не вспомнить признание Кроче в том, что именно Маркс привил ему вкус к диалектике Гегеля. Свою «философию свободы» Кроче разрабатывает во второй половине 20-х годов. Эта чисто идеалистическая концепция, весьма далекая от практики, лежит в основании его либеральных взглядов, его видения политики, — и здесь скрыто противоречие. Николо Аббаньяно пишет, что у Кроче «свобода, которую являет история посредством непрерывного творения новых форм, — это атрибут не индивидов, а лишь Тотальности истории и универсального Духа, который в ней действует. Эта свобода не может быть поправа или уничтожена; когда она на первый взгляд исчезает, то возрождается более сильной из пепла»⁵. По словам С.А. Мальцевой, Кроче «настаивал на идеальной сути стремлений к свободе, отстаивая неполитический аспект либеральной идеи»⁶.

---

¹ Bobbio N. Introduzione // Ginzburg L. Scritti. Torino, 2000. P. LI.

² Bobbio N. Italia civile. Ritratti e testimonianze. Manduria-Bari-Perugia, 1964. P. 72.

³ В 1902 году работа Кроче была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге (см.: Кроче Б. Исторический материализм и марксистская экономия. Критические очерки. СПб.: Б.Н. Звонарев, 1902).

⁴ Отметим, что не избежал увлечения марксизмом и Джентиле: в 1899 году вышла его книга «Философия Маркса». Эта работа удостоилась благожелательной оценки В.И. Ленина, особенно в части понимания Джентиле диалектики Маркса.

⁵ Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. СПб., 1998. С. 117–118.

⁶ Мальцева С. Философско-эстетическая концепция Бенедетто Кроче. Диалог прошлого с настоящим СПб., 1996. С. 108.

В предвоенные и военные годы влияние марксизма в итальянских интеллектуальных кругах не было значительным, — и не в последнюю очередь это объясняется влиянием историцизма и философии свободы Кроче. (Теории, соединяющие либерализм с социализмом, были далеки от марксизма, если подчас не враждебны философии политики Маркса.) Несмотря на солидный возраст марксистской школы в Италии, до 1945 года марксизм не выделялся заметно в интеллектуальной среде, подавленный идейной монополией Кроче, который, считая марксистское учение и школу закрытой догматической системой, использовал свой немалый авторитет для дискредитации марксистских идей. Склонные к авторитарности, но не к диалогу, «и Кроче и Джентиле в первых десятилетиях XX века являются сторонниками либерализма, который, с их точки зрения, должен стать надежным заслоном на пути марксизма и социализма и других экстремистских теорий и движений»¹.

Отношение Бенедетто Кроче к культуре было столь возвышенным, что «людей культуры» он считал настолько же выше политических страстей, насколько сама культура стоит выше политики, культура как вечная ценность в отличие от полной мелочных страстей политики (и в этом он невольно напоминает Эмиля Золя с его превознесением литературы и презрением к политике). «Человек культуры» Кроче предстает священнослужителем, преданным культуре и науке и осуществляющим культурный апостолат; недаром Грамши справедливо замечал, что в крочеанской концепции интеллектуалов прослеживаются клерикальные мотивы, что сближает ее с концепцией Ж. Бенда: «Роль Кроче можно сравнить с ролью папы в католической церкви, и нужно отметить, что Кроче, в сфере своего влияния, действовал порой даже более ловко, чем папа; к тому же в его трактовке понятия "интеллигент" есть нечто католическое и "церковное"... в наиболее органичной и концентрированной форме его трактовка понятия "интеллигент" близка к идеем, высказанным Жюльеном Бенда в книге "Предательство ученых"»².

Ясно, что так понимаемая интеллигенция никоим образом не должна низводить себя «до уровня массы», обращаясь к низменным делам и страстям, которые переполняют политику и составляют ее суть; поли-

---

¹ Зорин А.Л. Этика итальянских неоидалистов: Проблема обоснования морали и метода. Краснодар, 1999. С. 48.

² Грамши А. Философия Бенедетто Кроче // Грамши А. Искусство и политика. В 2 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 161.

тикой должны заниматься люди более низкого статуса — «техники от политики»: «Все это, — пишет Грамши, излагая эту позицию, — проблема политической техники, и решать ее надлежит техникам от политики. Главное для Кроче состоит в том, чтобы интеллигенция не опускалась до уровня массы и что одно дело — идеология, практическое орудие власти, а другое — философия и религия, которая не должна проституироваться в сознании самого духовенства. Интеллигенция должна быть правящим, а не управляемым классом, созидательницей идеологии для того чтобы править другими, а не быть шарлатаном, позволяющим ужалить себя собственным змеям и умереть от их яда»¹.

«Кроче, — пишет М. Аббате, — прежде всего отстаивал вечную невинность и непорочность культуры, философии в отношении всех конкретных определений практической жизни; он защищал высшую независимость их исследовательской функции, отрицал ответственность философии за противоречия возникающего мира и не позволял впутывать ее в эти противоречия»². — Но тут, конечно, возникала проблема соотношения высочайшего статуса культуры (по логике оправдывающего любые вмешательства в политику своих «попечителей», то есть «людей культуры») — и ограничений в политической деятельности, накладываемых на них мыслителем. Ведь если престиж «людей культуры» настолько высок, — тогда политики обязаны внимать их откровениям, а сами «люди культуры» хотя бы изредка должны нисходить в «презренный» мир политики, подтверждая свое почти божественное положение. Дело тут в личностных установках выдающегося философа: сам Кроче признавал собственное нежелание заниматься политикой: «То, что я уже сделал и делаю для политики, — эти усилия идут против моей натуры, против моего прошлого; усилия, предпринимаемые вопреки воле, только лишь силою долга (или иллюзии долга)»³. — Соответственно, и «людям культуры» философ вменял свой подход как императивный и непререкаемый.

О годах, предшествующих триумфальному приходу марксизма, Боббио будет вспоминать в «Портретах и свидетельствах»: «Насколько я знаю, труды марксистов не читали, — разве что страницу-другую из Лабриолы, — но не для того, чтобы перейти затем к Марксу, а чтобы лучше понимать Кроче. Не припомню, чтобы обсуждали

---

¹ *Грамши А.* Философия Бенедетто Кроче // Грамши А. Искусство и политика. В 2 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 114.

² *Аббате М.* Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. М., 1959. С. 205.

³ *Croce B.* Due anni di vita politica italiana. Bari, 1948. P. 24.

Маркса или марксизм ни в философских аудиториях университета, ни в юридических, — и вовсе не потому, что это было запрещено или опасно, — просто эта тема считалась исчерпанной, мертвой и похороненной»¹. — Как тут не сравнить это с французскими университетскими реалиями и не вспомнить слова Сартра, во время юности которого отношение к Марксу не было столь «снисходительным»: «В 1925 году мне было 20 лет и в университете не было ни одной кафедры марксизма. Студенты-коммунисты боялись сослаться на марксизм или даже упоминать в своих дипломных работах. Им было отказано заниматься марксистскими исследованиями. Диалектика наводила такой страх, что сам Гегель нам не был известен. Конечно, нам разрешали читать Маркса, нам даже советовали читать его: надо было знать Маркса, ”чтобы его опровергать”. Но без гегелевской традиции и без марксистских преподавателей, без программы, без инструментов познания наше поколение, как и предыдущие поколения, а также и следующее поколение, совсем не знало исторический материализм»².

Боббио открыл для себя Маркса уже на излете войны — и потом он будет вспоминать, с каким нетерпением и как жадно читало Маркса его поколение, привыкшее к господству либеральной традиции, твердо удерживаемому Кроче. Маркс впечатлил Боббио «той невероятной силой, с какой он опровергал старые идеи, своей способностью показать историю с точки зрения тех, кто никогда не имел ”своей” истории, своей жесткой критикой различных идеологий, срыванием масок, за которыми скрывалась жажда власти и богатства»³.

Что касается философии права, то университетским преподавателем этого предмета и учителем Боббио был Джозе Солари (1872–1952). Влиятельный мыслитель в области философии права, истории политической и правовой мысли, он «разрабатывал теорию ”социального идеализма”, также отталкивающуюся от идей Гегеля, но более прогрессивную, чем доктрина Кроче, по политической направленности»⁴. В одном из интервью 1997 года Норберто Боббио рассказывает о Джозе Солари: «Больше историк, чем теоретик, — как теоретик,

---

¹ *Bobbio N. Italia civile. Ritratti e testimonianze. Manduria–Bari–Perugia, 1964. P. 73.*

² Цит. по: *Гобозов И.А. Сартр и марксизм // Философия и общество. 2006. № 2. С. 6–7.*

³ *Bobbio N. Il futuro della democrazia. Torino, 1984. P. 103.* И — опять Сартр: «...Меня начала изменять *реальность* марксизма, перед моими глазами возникла огромная масса рабочих, представляющих мощный и темный корпус, который оживлял марксизм и практиковал его...» (Цит. по: *Гобозов И.А. Сартр и марксизм // Философия и общество. 2006. № 2. С. 7.*)

⁴ *Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 16.*

впрочем, он имел выработанную в течение очень долгого времени концепцию общества и государства, которую в последний период своей жизни назвал ”социальным идеализмом”; вдохновение он черпал в немецкой философии, в системах Канта и Гегеля»¹.

В 1932 году Норберто Боббио стажуется в Германии, в Гейдельберге и затем в Марбурге, вместе с другими учениками Солари. В Гейдельберге он слушает лекции Густава Радбруха², а в Марбурге знакомится с идеями Карла Ясперса (и с ним лично), с интересом изучает экзистенциалистские концепции. Однако в центре его внимания — феноменология, учения Гуссерля и Шелера. В 1933 году Боббио защищает диплом по философии. Его научный руководитель — Аннибале Пасторе, известный в те годы своей панлогической системой. Тема исследования Боббио — феноменология Гуссерля.

С 1934 года Боббио — свободный доцент с правом преподавания философии права. Он начинает свой долгий путь преподавательской деятельности: сначала — философии права, и потом — философии политики, как бы в соответствии с последовательностью защиты дипломов. С 1935 года он преподает философию права в университетах Камерино (1935–1938), Сиены (1938–1940), Падуи (1940–1948). В 1948 году он оставляет заведование кафедрой философии права в Падуанском университете и принимает руководство кафедрой философии права в родном Туринском университете, которую с 1917 года возглавлял Дж. Солари³. Эту кафедру он будет возглавлять до 1972 года, а затем возглавит кафедру философии политики; политическую науку Боббио будет преподавать с 1962 года. Н. Боббио будет одним из основателей факультета политических наук в Туринском университете, президентом этого факультета. В целом «интеллектуальный маршрут» Боббио можно обрисовать просто: от философии права к философии политики и (отчасти) к политике (конечно, ученый не оставил при этом «переходе» философию права и историю правовой мысли). «Начав в 30-е годы как философ права, — говорит В.П. Лю-

---

¹ Gioele Solari — Norberto Bobbio. Noi, ragazzi di via Po // Ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1997/07/27/gioele-solari-norberto-bobbio-noi-ragazzi.html.

² Густав Радбрух (1878–1949) — известный исследователь философии права, следовавший неокантианской традиции при рассмотрении сущности права. Его книга «Философия права» вышла в 1914 году (см.: *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004).

³ С Джозеле Солари Н. Боббио сохранит дружеские отношения, и до самой смерти учителя он будет вести переписку с ним: см.: *Solari G.* La vita degli studi. Carteggio Gioele Solari — Norberto Bobbio (1931–1952) / A cura e con un saggio introduttivo di Angelo D’Orsi. Milano, 2000.

бин, — Боббио все более и более становился ”политическим философом”. И это не случайно, так как он в отличие от многих своих коллег не оставался лишь... ”кабинетным ученым”. К сфере важнейших его интересов принадлежала политика, в которой он до конца своих дней оставался задающим тон и моральные принципы признанным авторитетом»¹.

Первая монография Норберто Боббио вышла в 1934 году в Турине — это было исследование «Феноменологическое направление в социальной и юридической философии»². В том же году и городе издается его «Наука и техника права»³. Эти книги по философии права открывают творчеству философа дорогу к его изысканиям в области права и политики. Что касается права, то его разработки будут посвящены проблемам определения философии права как науки, технико-формальным аспектам юридической нормы; вопросам языка права, способам выражения правовой реальности в языке. Соответственно, благодаря феноменологии Боббио приблизится к неорационалистическому направлению в философии и к неэмпиризму, а благодаря знакомству с англосаксонской аналитической традицией положит основание зарождению итальянской аналитической школы в философии права.

В период работы в университете Камерино, в конце 1937 года, во время зимних каникул, которые молодой ученый проводил в Германии для завершения своего исследования о Максе Шелере, в Берлине Боббио встретился с Карлом Шмиттом. Вспоминая эту встречу, Норберто Боббио в интервью 1995 года⁴ говорит, что и ныне не может не поражаться той сердечностью, с которой столь значимая личность, корифей политической философии, каким был Карл Шмитт, принял малоизвестного тогда юношу, помпезно представлявшегося как философ права из университета Камерино. К. Шмитт заинтересовался, как идут исследования молодого философа права по теории аналогии в логике права, и как продвигается изучение проблемы интерпретации, которой он и сам занимался в своей юности, написав работу «Закон и приговор» («Gesetz und Urteil», 1912). Шмитт подарил

---

¹ Любин В.П. Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М., 2005. С. 112–113.

² Bobbio N. L'indirizzo fenomenologico nella filosofia sociale e giuridica. Torino, 1934.

³ Bobbio N. Scienza e tecnica del diritto. Torino, 1934.

⁴ См.: Bobbio racconta Schmitt: «Quel che ricordo di lui» // ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1995/12/19/html.

молодому итальянскому философу свои книги — издание «Закона и приговора», а также издание «Политической теологии» 1924 года. В 1938 году вышла книга Шмитта «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса», — и мыслитель послал экземпляр Боббио; в 1939 году на страницах философского журнала тот поместил свою рецензию на работу Шмитта, отослав этот выпуск журнала автору «Левиафана». В 1948 году Боббио получил первое письмо от Карла Шмитта, и с тех пор между учеными завязалась не столько интенсивная, сколько содержательная переписка (надо заметить, что Карл Шмитт читал по-итальянски и с интересом следил за новыми работами и новыми веяниями итальянской правовой мысли)¹.

Историцизм Кроче с его антипозитивистской направленностью был неизбежным интеллектуальным фоном становления Боббио, либерализм в классической континентальной интерпретации, соединенный с социализмом в его немарксистской трактовке — политической платформой, а антифашизм — гражданской позицией молодого ученого. Начавшееся становление Боббио как философа требовало осмысления теоретического наследия и новых направлений философской мысли. Норберто Боббио не будет принадлежать к какой-либо одной, определенной философской и правовой традиции — его научная «беспартийность» станет такой же четко выработанной и открыто признаваемой позицией, как и беспартийность политическая после участия в Партии действия. Это нежелание быть «человеком части» («uomo di parte»), стремление к независимости² формируется начиная со второй половине 30-х годов в процессе освоения критического подхода в философии, по мере знакомства и изучения неопозитивизма, экзистенциализма, феноменологии и, наконец, персонализма; освоение и критическая проработка феноменологии и персонализма позволит молодому ученому критически подойти к анализу экзистенциализма³.

Изучение немецкой феноменологии дает ученому возможность занять критическую позицию как в отношении юридического пози-

---

¹ Переписка опубликована в издании: Carl Schmitt e la scienza giuridica europea / A cura di A. Carrino (Numero speciale di Diritto e cultura). 1995. V. I. Gennaio-giugno.

² Об этом см.: Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 22–23.

³ Об этом интеллектуальном развитии политико-философской мысли Боббио рассказывает Томмазо Греко в исследовании «Интеллектуальный маршрут между философией и политикой» (*Greco T. Norberto Bobbio. Un itinerario tra filosofia e politica*. Roma, 2000).

тивизма, выступавшего против метаюридических принципов и идей, вносимых в науку о праве различными теориями и доктринами (в особенности доктриной естественного права), так и в отношении идеализма в области философии права; и поставить под сомнение редуционистские идеи Кроче и Джентиле (первый сводил право к экономике, а второй — к этике). Ясно, что построение философии права как науки невозможно при этих подходах, а опровержение отрицания автономии права — это важный шаг к постановке вопроса о философии права именно как о науке. Ценность феноменологии для философии права и политики заключалась в том, что она занималась проблемами отношения индивида и общества, права и государства, поднимала проблему ценностей. М. Шелер с его персоналистской антропологией заинтересовал Боббио прежде всего своим учением о примате ценностей над долженствованием. Изучение феноменологического подхода способствовало критическому осмыслению крочеанского гипостазирования ценностей, критике юридического позитивизма и натурализма; оно дало ученому возможность поставить вопрос о научности философии права как такой отрасли правового знания, которая сопоставляет социальные факты и научные ценности, действуя в собственном эмпирическом поле, пользуясь собственной методологией и своим концептуальным аппаратом; утвердить, наконец, неразрывную связь научной методологии и юридической техники.

II

Начало 30-х годов — тяжелое время для Италии. Фашизм усиливается как организационно, так и идеологически: «К этому времени окончательно оформилась фашистская идеология, выявилась экспансионистская сущность фашизма. В сравнении с предыдущим периодом возросла концентрация государственной власти, ее контроль над экономикой и социальными отношениями, увеличилась и роль фашистской партии в жизни общества»¹. С приходом к власти фашисты поставили цель привлечь к сотрудничеству с режимом интеллигенцию: так, в «Манифесте фашистских интеллектуалов», написанном в 1925 году Джованни Джентиле, заявляется намерение направить энергию интеллектуалов на формирование «новой Италии», «национальной религией» которой примкнувший к формирующемуся режиму

---

¹ *Наумова Е.П.* Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): Формирование и эволюция идейно-политической платформы. Дис. ... канд.ист.наук. М.: МГУ, 1998. С. 35.

философ провозглашает фашизм. Фигура «отстраненного философа» неприемлема ни для фашистов, ни для фашиствующих философов: все должны служить новому режиму! Для Муссолини и Джентиле — вождя и философа — нетерпима ситуация, когда интеллигенты ставят себя не только над «толпой», но и над правителями, равно как и над государственной идеологией (или, если угодно, религией). Философия в этом ключе должна стать, уверены вождь и философ, не служанкой, но активнейшим сторонником нового режима, вовлеченным в строительство фашистского государства.

Фашизм, подчеркивает Е.Д. Федотова, стремился «создать в стране культуру тоталитарного образца, подавить антифашистские настроения в среде итальянской интеллигенции», придавая при этом важное значение завоеванию влияния в среде «людей культуры». — «Создание искусства, находящегося на службе у фашистского государства, изолированного от всего нового, было главной задачей, выдвигаемой политикой Муссолини в области культуры»¹. Эту опасную тенденцию режима почувствовал Бенедетто Кроче, выступивший 1 мая 1925 года против манифеста Джентиле с контрманифестом интеллектуалов-антифашистов.

Развивается наступление фашизма на культуру — но ширится политическое и интеллектуальное сопротивление ему. Для интеллектуалов Италии, да и вообще для итальянской культуры и интеллектуальной жизни эпохи Сопротивления (часто говорят о «культуре Сопротивления») характерны три важных момента. Во-первых, итальянские интеллектуалы создавали новые политические концепции, синтезирующие социализм и либерализм, разрабатывали теории «либерального социализма», которые в период Сопротивления обрели сторонников, стали конкурировать, и, наконец, превзошли по влиянию идеи Кроче². Во-вторых, важнейшей чертой антифашист-

---

¹ Федотова Е.Д. Искусство Италии. Век двадцатый. М., 2013. С. 119.

² Эти идеи тогда, как говорится, витали в воздухе: интуиция объединения социализма и либерализма, социализма и свободы, отразилась и в политико-интеллектуальной деятельности Сартра, который в 1941 году в оккупированном Париже основал группу «Социализм и свобода» («Socialisme et liberté»). «Сартр формулировал свою позицию как "социализм и свобода", — пишет М. Постер, — неавторитарный социализм, защищающий свободу человека в большей мере, чем в буржуазном или советском обществах» (*Постер М. Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции. От Сартра к Альтюссеру // Философско-антропологические исследования. 2008. № 1–2. С. 105*). — Вообще, удивительная связь культуры Сопротивления Италии и Франции с идеями социализма отмечается многими исследователями: так, Ц.И. Кин пишет: «В Италии культура, рожденная Сопротивлением,

ской деятельности итальянских интеллектуалов было их объединение в особого рода политические движения и партии, создаваемые на новой основе, без опоры на ранее действовавшие организации; причем эти союзы — прежде всего движение «Справедливость и свобода» и Партия действия — вели свою борьбу под руководством интеллектуалов, да и большую часть членов составляли «люди культуры» (поэтому эти союзы и называли «партиями интеллектуалов»). Поскольку идеи либерального социализма развивались теми же интеллектуалами, которые участвовали в создании и деятельности антифашистских союзов нового типа; а также по причине яркой антифашистской направленности «теорий синтеза» либерализма и социализма, — либеральный социализм стал идеологией антифашистских политических союзов интеллектуалов Италии. В-третьих, важную консолидирующую роль в «интеллектуальном Сопротивлении» играли университеты: «Университеты, — утверждает Н.П. Комолова, — стали нелегальными центрами антифашистов-интеллигентов. Особенно видную роль играли университеты в Милане, Падуе и Болонье»¹. — «Либерально-социалистическое движение, — пишет Е.П. Наумова, — зарождалось в основном на базе групп, сложившихся в высших учебных заведениях, университетах, вокруг антифашистски настроенных профессоров, в издательствах и редакциях, где... несмотря на жесткую кастовость и идеологическое давление, молодежь была одержима желанием "умственной свободы"»².

Так с начала 20-х годов XX века в мире культуры Италии совершается переход от интеллектуала-«возделывателя науки и искусств», «садовника культуры» (*cultore della scienza e dell'arte*), получившего самое яркое воплощение в личности и обоснование в работах Бенедетто Кроче, — к «интеллектуалу-бойцу» (*intellettuale militante*), воинственному интеллектуалу-антифашисту, и затем, после войны, защитнику демократии.

Во второй половине 30-х годов в Турине на базе либерально-социалистических кружков возникают ячейки созданного в эмиграции антифашистского движения «Справедливость и свобода»: «Ту-

---

была не просто антифашистской, но тяготела к социалистическим идеалам, — Пазолини называл это «социализмом чувства»» (*Кин Ц.И.* Итальянские мозаики. Статьи об итальянской литературе 70-х годов. М., 1980. С. 48).

¹ *Комолова Н.П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943–1947 гг. М., 1972. С. 155.

² *Наумова Е.П.* Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): Формирование и эволюция идейно-политической платформы. Дис. ... канд.ист.наук. М.: МГУ, 1998. С. 55.

ринская группа "Справедливости и свободы" была самой многочисленной, активной и изобретательной среди ячеек движения в Италии¹. Норберто Боббио симпатизирует этому движению, среди участников которого — его друзья-антифашисты, объединенные идеями Гобетти. «Туринское отделение больше других участвовало в культурных баталиях, происходивших внутри Италии»², — и со своими товарищами Боббио участвует в создании журнала «Культура» (издательство «Эйнауди»). Фашистское правительство препятствовало любым идеологическим инициативам, чья критика была направлена против него. Историк Нелло Айелло пишет: «С 1934 по 1935 годы в Турине арестовывались многие интеллектуалы, руководящие издательским домом "Эйнауди", который поэтому был временно закрыт. Серия арестов открылась с Леоне Гинзбурга, за ним последовали и другие: Джулио Эйнауди и Франко Антоничелли, Норберто Боббио и Массимо Мила, Чезаре Павезе и Витторио Фoa, Карло Леви и Людовико Джеймонат, Микеле Джуа и Аугусто Монти»³. В 1935 году в результате полицейской операции, совершенной по личному распоряжению Муссолини, туринское отделение «Справедливости и свободы» было практически обезглавлено. Боббио оставляет Турин и переезжает преподавать философию права в университет Камерино.

Движение «Справедливость и свобода» (*Giustizia e libertà*, по первым буквам названия его участников называли джеллистами) было создано братьями Карло и Нелло Росселли в 1929 году в эмиграции в Париже. «Справедливость и свобода» была задумана основателями именно как движение (а не партия), причем движение переходного типа, создаваемое вне рамок существующих партий, которое в будущем может сформировать и партию (так и произошло: в 1942 году на базе этого движения была создана Партия действия).

Фашистский режим ненавидел движение и самих братьев Росселли: расправившись с ними физически в 1937 году, фашизм всеми силами препятствовал деятельности созданной ими организации. Фашистское правительство боялось смелых акций джеллистов (и затем акционистов — членов Партии действия — *Partito d'azione*), но не в

---

¹ *Наумова Е.П.* Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): Формирование и эволюция идейно-политической платформы. Дис. ... канд.ист.наук. М.: МГУ, 1998. С. 213.

² *Пульезе С.* Карло Росселли: Либеральный социализм и антифашистское действие. М., 2007. С. 191.

³ *Ajello N.* *Intellettuali e PCI. 1944–1958.* Roma-Bari, 1979. P. 456. Историк, интеллектуал Нелло Айелло будет тесно общаться с Н. Боббио (личные встречи, споры, переписка) с конца 70-х годов.

меньшей степени оно боялось их идей, их беспощадной критики режима. Станислао Пульезе утверждает, что «Росселли был для итальянского антифашизма тем же, чем Бенедетто Кроче для итальянской философии»¹. Работа Росселли «Либеральный социализм» вышла в 1930 году. Две основные взаимосвязанные линии книги — критика марксизма и обоснование либерального социализма. О второй задаче Росселли говорит следующее: «...Я решился предложить, хотя бы и в виде набросков, картину обновленной социалистической позиции, которую предпочитаю называть либерально-социалистической. Исторически эта формулировка, возможно, снимет давнее противоречие: социализм возник именно как реакция на либерализм, прежде всего экономический, — бывший отличительной чертой буржуазной общественной мысли XIX века. Но с той поры пройден немалый путь, накоплен немалый опыт. И позиции первоначально антагонистические постепенно сближаются. <...> Что происходит? Либерализм становится социалистическим или социализм приобретает черты либерализма? Верно и то, и другое. Эти два возвышенных, но односторонних видения мира движутся по пути взаимопроникновения и взаимодополнения»².

Либерализм, по мнению Росселли, не является некой раз и навсегда данной и застывшей догмой: напротив, как теория он должен постоянно развиваться, следуя ходу истории. Понятно, что дофашистский либерализм стал рассматриваться буржуазией как идеал, к которому нужно вернуться, как средство защиты своего положения, — и либерализм, исповедуемый буржуазией, закоснел, превратился в теоретическую конструкцию, названную «классическим либерализмом» (который, полагаемый как цель, абсурден: ибо тогда отрицается идея развития, а по Росселли, нет никаких незыблемых теорий и политических концепций). Но не в меньшей степени закоснел, говорит Росселли, и социализм, — и с начала 20-х годов он резко критикует итальянских социалистов, обвиняя их в «интеллектуальном параличе». Ошибка коммунистов и отчасти социалистов, полагает Росселли, в догматическом построении собственных теорий на основе давно устаревшего марксизма, в слепом следовании догмам Маркса, — так, что партии превращаются в подобие церквей с каноническими текстами, пророками, схоластами и своими мучениками

---

¹ Пульезе С. Карло Росселли: Либеральный социализм и антифашистское действие. М., 2007. С. 12.

² Пульезе С. Карло Росселли: Либеральный социализм и антифашистское действие. М., 2007. С. 17–18.

(заметим, что о марксизме как подобии религии Росселли пишет задолго до «Опиума интеллектуалов» Арона). Карло Росселли предлагал разъединить социализм и марксизм, «очистить социализм от марксизма», так как считал, что марксизм является пройденным этапом в социалистическом движении. Росселли был объявлен еретиком, а его главная книга вызвала критику как со стороны социалистов и коммунистов (особенно главы итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти, в 1926 году ставшего генеральным секретарем КПИ), так и со стороны либералов. Кроче объявил либеральный социализм «абсурдной комбинацией», полагая, что подобный «синтез» невозможен¹.

Многие положения теории Росселли вошли в программу движения-организации «Справедливость и свобода». Задуманная как внепартийное движение, «Справедливость и свобода» принимала в свои ряды людей разных политических ориентаций и идейных воззрений, однако движение джеллистов не вылилось в движение массовое. «Справедливость и свободу» изначально называли «партией интеллектуалов» (затем точно так же будут называть и Партию действия): «В реальности "Справедливость и свобода" была прибежищем для независимых левых интеллектуалов. Ее идеологическая разнородность, стимулировавшая ряд важнейших дискуссий внутри антифашистского лагеря, в итоге обернулась политической слабостью»², которая заключалась в несогласованности идей и действий. В 1942 году движение «Справедливость и свобода» стало своего рода интеллектуально-политической матрицей для Партии действия, продолжившей традиции джеллистов.

После отъезда из Турина Норберто Боббио не теряет связи с антифашистскими группами города, не оставляет антифашистской деятельности. В Сиене он примыкает к либерально-социалистическому движению, созданному выходцами из Пизы Гвидо Калоджеро и Альдо Капитини. Либерально-социалистическое движение Калоджеро и Капитини часто называли «этико-политическим движением интеллек-

---

¹ Б. Кроче обвинял оба либерально-социалистических учения — как Росселли, так и Калоджеро–Капитини (об этих двух мыслителях будет сказано далее) — в «идеологической неопределенности», «наивности» и в «политической импровизации». Его критика во многом правильна, но неконструктивна: он исходит из своей догмы, «отрицающей законность любого либерализма с прилагательным» (*Ajello N. Intellettuali e PCI. 1944–1958. Roma–Bari, 1979. P. 17*).

² Пульезе С. Карло Росселли: Либеральный социализм и антифашистское действие. М., 2007. С. 15.

туалов». Оно зародилось вне связи со «Справедливостью и свободой» и ее идеями, хотя участники этих организаций часто переходили из одной в другую, а то и сотрудничали с той и с другой одновременно, как это делал Норберто Боббио в ходе своих перемещений по стране. Калоджеро и Капитини осуществили «свой синтез» либерализма и социализма самостоятельно, не будучи знакомы с работой Росселли, — и потом их идеи войдут в идейную базу Партии действия наряду с росселлианской концепцией. Либеральный социализм Калоджеро и Капитини — это комплекс идей, а не детально проработанное учение, как у Росселли. Однако эти идеи получили распространение в интеллектуальной среде Италии, и во многих городах возникали либерально-социалистические кружки и группы на этой идейной основе. Возникают такие группы и в Падуе, где с 1940 по 1948 годы преподает Норберто Боббио. В это время «его антифашистская деятельность, приобретающая все более политический оттенок, упрочилась в сотрудничестве с коммунистами, либералами и католиками различных оттенков»¹. Он примыкает к этико-политическому движению Калоджеро–Капитини (Боббио говорил, что если «либеральный социализм» Росселли можно определить как правый социализм», то «либералсоциализм Калоджеро и Капитини — как левый либерализм»²).

Отправной пункт философско-политических размышлений двух основателей либерально-социалистического движения (*il movimento liberalsocialista*) — либерализм, связанный с крочеанским идеализмом. Если К. Росселли называли «еретиком от социализма», то Альдо Капитини (1899–1968) — «еретиком от либерализма». Капитини и Боббио связывает долгая дружба и интеллектуальное общение; Норберто Боббио будет много писать о нем и о его идеях, с теплотой вспоминать его в своей книге «Учителя и друзья»³. Противник насилия (он даже практиковал вегетарианство), антифашист, выступавший против войны, — Капитини был уволен лично Джентиле за отказ вступить в партию фашистов. Во Флоренции он знакомится с Кроче, который ему помогает с публикацией «Элементов религиозного опыта» (1937)⁴. В этой работе Капитини представлен политический проект, синтези-

---

¹ Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 15.

² Наумова Е.П. В поисках синтеза либерализма и социализма: Карло Росселли // Левые в Европе XX века: Люди и идеи / Под ред. Н.П. Комоловой и В.В. Дамье. М., 2000. С. 222.

³ Bobbio N. La filosofia di Aldo Capitini; Religione e politica in Aldo Capitini // Bobbio N. Maestri e compagni. Firenze, 1984. Также см. переписку двух интеллектуалов: Aldo Capitini — Norberto Bobbio. Lettere 1937–1968 / A cura di P. Polito. Carocci, Roma, 2012.

⁴ Capitini A. Elementi di un'esperienza religiosa. Bari, 1937.

рующей идеи индивидуальной свободы и социального равенства, план «нового религиозного пути», предлагающий «новое равновесие между властью и свободой». Альдо Капитини не был склонен к политической деятельности, тем более в составе какой-либо партии, — поэтому он отказывался вступать в Партию действия.

Гвидо Калоджеро (1904–1986) — левый джентилианец, более склонный к действию, нежели Капитини: он сотрудничал с джеллистами, вступил затем в Партию действия. Его знаменитая работа — «Школа человека» (1939) — это книга, пронизанная «духом борьбы, острота которой — результат четкой направленности и благородной потребности в действии»¹. В ней представлен анализ моральной жизни и философия конкретного опыта. Исследователь античной философии, Калоджеро выступал против догматизма и теологии, считая лаицизм высшим выражением духа Запада. Критикуя крочеанство, он «приходит к выводу, что нужно четко разводить факты и ценности. Причем ценности ни в коем случае не должны трактоваться как некие ”реальности” или ”сущности”, ибо если бы они были ”вечными сущностями”, то человеку не было бы нужды испытывать за них тревогу, заботиться об их защите и реализации»². Подвергая критике крочеанское понимание свободы, обвиняя Кроче в абстрактном понимании свободы, Калоджеро полагал, что достижение свободы является моральным долгом человека и невозможно без его участия в политической борьбе. Одной из важных составных частей его наследия было учение о диалоге — диалогизм, «в основе которого лежит идея, что существует одна-единственная истина — утверждение о невозможности какой бы то ни было окончательной истины»³. Эти идеи о терпимости и необходимости борьбы против всякого рода догматизма в немалой степени повлияли на Боббио.

Многочисленные джеллистские группы и либерально-социалистические ячейки выливаются в 1942 году в создание партии нового типа — Партии действия. Как уже говорилось, оба либерально-социалистических движения были разнородны в идейном плане; это были движения интеллектуалов, не имеющие прочной организационной структуры, слабые в плане дисциплины. Партия действия унаследовала эти недостатки: «Партия действия не была идейно-политической общностью. Она объединяла людей разных взглядов —

---

¹ Гарин Э. Хроника итальянской философии XX века (1900–1943). М., 1965. С. 426.

² Зорин А.Л. Философские искания левых джентилианцев. Краснодар, 1999. С. 16.

³ Эфиров С.А. Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968. С. 101.

от левых либералов до бывших коммунистов — и представляла собой скорее лабораторию социалистической, демократической и либеральной мысли. <...> Членов партии объединяли антифашизм, идея создания нового демократического общества. В Партии действия ационисты видели организацию, которая в силу своей нетрадиционности должна возглавить процесс реорганизации страны». — Уставом новой партии были «политическая этика, нормы гражданского долга, нравственные принципы», что же касается дисциплины, то «Партия действия представляла собой организацию, для которой строгая партийная дисциплина имела второстепенное значение»¹. Дискуссии, борьба лидеров за утверждение собственных платформ — все это сопутствовало новой партии все пять лет ее существования (с 1942 по 1947 годы), и все это стало причиной ее распада.

Норберто Боббио вступает в ряды Партии действия в октябре 1942 года. В составе партии он участвует в движении Соппротивления (Resistenza). Этот практический опыт бесценен: ему довелось многое увидеть и многое понять за 20 месяцев Соппротивления (с 8 сентября 1943 по 25 апреля 1945 года). Годы своей жизни, предшествующие Соппротивлению, Боббио называет «предысторией»: тридцатичетырехлетний интеллеktуал окунулся в политическую борьбу, что не просто повлияло на его мировоззрение, но и, как писал он в своей «Автобиографии»², перевернуло его жизнь, разделив ее на «до» и «после» Соппротивления. События немецкой оккупации и войны за освобождение оставили неизгладимый след в душе Норберто Боббио, и из участия в Партии действия он вынес серьезные уроки. Сама политическая жизнь и борьба поставили вопросы о роли интеллеktуала в политике, об отношении интеллеktуалов и партий, о способах действия «человека культуры» в самой культуре и в политике.

Если теоретические разногласия в Партии действия были не в сильной степени актуальны до окончания войны, то после войны в ней разгорелись весьма интенсивные дискуссии. Они-то и привели партию к распаду. Рассматривая ход и суть послевоенных дискуссий в Партии действия, Е.П. Наумова резюмирует: «...В вопросах о содержании понятия демократии, характере предполагаемых реформ, целях и задачах Партии действия ационисты не смогли прийти к

---

¹ *Наумова Е.П.* Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): Формирование и эволюция действенно-политической платформы. Дис. ... канд.ист.наук. М.: МГУ, 1998. С. 305–311.

² *Bobbio N.* Autobiografia. Roma–Bari, 1999.

единому мнению. Позиции не совпадали даже в рамках одного течения»¹. Распад партии был неизбежен.

Послевоенные политические дебаты были жаркими во всей стране и особенно в рамках политических партий (не говоря уже о межпартийных дискуссионных столкновениях). Усиление итальянских коммунистов и приход на идеологическую арену марксизма придавали им особую остроту. Все это подталкивает Норберто Боббио к выработке собственной интеллектуальной позиции по отношению к политике, к размышлениям о действительном призвании интеллектуала: если суть этого призвания — в поиске истины, в стремлении к ней, то как же следует вести себя в политической жизни и как *действовать* в сфере политической мысли? Вопросы об отношении политики и культуры, политики и идеологии, партийной принадлежности (и вытекающей из нее дисциплины) и интеллектуальной независимости — эти вопросы ставила сама жизнь. Норберто Боббио приходит к убеждению, что деятельность политиков и деятельность интеллектуалов (которых вслед за Б. Кроче философ называет также «людьми культуры» — «uomini di cultura») являются разными видами человеческой деятельности, и их нельзя смешивать.

Непосредственное участие в Партии действия останется у Боббио единственным опытом такого рода: после ее распада он принимает решение не участвовать прямым образом в партийной жизни и политике, не принимать прямых политических обязанностей, чтобы сохранить интеллектуальную независимость, не отождествляемую им никогда, впрочем, с политическим безразличием, индифферентностью.

Политическую активность в годы Соппротивления — а ей философ посвятил много сил и времени: написание статей против фашизма и в защиту своей партии, участие в дискуссиях и выполнение партийных заданий, — Боббио совмещал с научной деятельностью в области права и с преподаванием философии права, теоретическими изысканиями в политической сфере. Во время войны научный интерес Боббио в области права вращается вокруг позитивизма, хотя, конечно, нельзя не принимать во внимание его критический настрой по отношению к этому направлению теоретической мысли, привитый Кроче. Позитивистское понимание науки привлекает Боббио своим стремлением к строгой систематичности, представлением об ученом как о систематизаторе понятий, а не пророке, провозглашающем истину. Стремление к истине

---

¹ Наумова Е.П. Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): Формирование и эволюция идейно-политической платформы. Дис. ... канд.ист.наук. М.: МГУ, 1998. С. 234.

должно соотноситься с практическими целями, с изучением фактов. В тот момент Боббио интересуется не философией права в строгом смысле слова (ведь она неизбежно должна подходить к праву оценочно, давая ему моральную и социальную оценку), а наука права, теория права, с ее ценностным индифферентизмом (хотя, заметим, с самого начала правовых изысканий ученый интересуется также и теорией естественного права). В 1938 году Туринский университет издает его «Аналогию в логике права»¹. В этой работе ученый разделяет деятельность юриста на две сферы: теория и техника, и эта деятельность должна продвигаться от реальности юридических фактов к понятию факта и далее к системе фактов. В сфере науки и практики перед юристами встает проблема интерпретации фактов, а механизм интерпретативной деятельности должен базироваться на четком различении логических процедур этого процесса (аналогия — одна из таких процедур, важнейшая составная часть интерпретативного механизма), — таким образом, необходима логическая теория интерпретации (осознание такой необходимости в начале 50-х годов как раз и подведет Боббио к неопозитивизму и аналитической философии).

В Падуанском университете с 1940 года Боббио читает курсы по философии права: несколько таких курсов, законспектированных студентами, было издано². В 1942 году в Падуе выходит его работа «Обычай как нормативный факт»³. Не отходя от своей критической рецепции позитивизма, Боббио продолжает изучение естественного права, юснатуралистских теорий: в 1946 и в 1947 годах выходят его два исследования по истории естественноправовой доктрины — «Истоки современного юснатурализма и его развитие в XVII веке» и «Естественное право в XVIII веке»⁴.

В 1945 году в Турине Боббио издает книгу глубоко почитаемого им политического мыслителя и деятеля Карло Каттанео (1801–1869) «Соединенные Штаты Италии», которую предваряет большим, в 100 страниц, предисловием⁵. Фигура Карло Каттанео для самого Боббио «эмблематична, — пишет Энрико Ланфранки, — в его философии

---

¹ *Bobbio N. L'analogia nella logica del diritto. Torino, 1938.*

² В 1941 и 1942 годах — в Болонье; а в 1945 и 1948 годах — и в Турине — издаются несколько курсов лекций Боббио по философии права.

³ *Bobbio N. La consuetudine come fatto normativo. Padova, 1942.*

⁴ *Bobbio N. Le origini del giusnaturalismo moderno e il suo sviluppo nel secolo XVII. Padova, 1946; Bobbio N. Il diritto naturale nel secolo XVII. Torino, 1947.*

⁵ *Cattaneo C. Stati Uniti d'Italia. Torino, 1945.* Предисловие Боббио в 1971 году вырастет в книгу о Каттанео: *Bobbio N. Una filosofia militante. Studi su Carlo Cattaneo. Torino, 1971.*

Боббио увидел противоядие от риторической философии, в том числе и от декадентства»¹. Вообще Каттанео — федералист и либерал — был противником всяческого идеализма и догматизма, неспособных решать политические проблемы, врагом «философского сектантства» и различных «исканий абсолюта». Тот факт, что Боббио после войны обратился к творчеству именно Каттанео, свидетельствует об оптимизме ученого и о поиске им новых путей развития. Об этом же говорит и выход в том же 1945 году его работы «Философия декадентов»², посвященной критике экзистенциализма.

В 1948 году Норберто Боббио оставляет заведование кафедрой философии права в Падуе и возвращается в родной Турин. Политика все больше захватывает его — но теперь уже как ученого: непрекращающиеся размышления о судьбе интеллектуалов в политике, об ошибках тех из них, которые полностью отдались политической деятельности, о собственном отношении к партийной деятельности, — все это найдет свое выражение в «Политике и культуре». Собственную интеллектуально-политическую деятельность философ будет осуществлять согласно своим же принципам. Его установки и максимы, названные «воинственной» (или «действенной», как переводит В.П. Любин) философией («*filosofia militante*»), и дальнейшее критическое изучение различных концепций, теорий и систем — помогут ученому ориентироваться в будущем в сложнейших политических дискуссиях, отстаивая ценности либерализма и придерживаясь принципов диалога и уважения к чужому мнению.

Философия права у Норберто Боббио исторически предшествует его политическим исследованиям, что объясняет методичность и терминологическую строгость его текстов, посвященных политике — особенно в свете требования лингвистической строгости, предъявляемого юристам. Но и политическая философия Боббио повлияла на

---

¹ *Lanfranchi E.* Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989. P. 56. Приведем также интересное замечание В.П. Любина: «Солидное предисловие Боббио интересно прежде всего тем, что наряду с глубочайшей симпатией к Каттанео в нем проглядывается то, что он, вероятно, вряд ли хотел афишировать: одинаковые оценки ими обоими многих философских проблем. Все, что пишется им о Каттанео, с таким же основанием можно отнести к строю мыслей самого Боббио. Исходя из своего опыта, пережитых потрясений войны, он пытается дать новые оценки деятелей Рисорджименто, и прежде всего Каттанео — убежденному "либералу и европеисту" (каковым является и сам Боббио)» (*Любин В.П.* Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М., 2005. С. 115).

² *Bobbio N.* La filosofia del decadentismo. Torino, 1945.

его философию права, и в особенности главная черта его политической мысли — открытость к диалогу, признание невозможности «окончательных ответов», призыв «сеять сомнения»; императивы взаимного уважения участников диалога. Всем значимым политическим концептам у Боббио посвящены очерки с названиями в виде вопросов: «Какой социализм?»¹, «Какой либерализм?» и т.п. Философию политики Норберто Боббио преподает с 1962 года; с 1972 года заведует кафедрой философии политики Туринского университета. С 1960 года он — член Академии наук в Турине, а с 1966 года — Академии Линчеи; с 1975 по 1976 годы Боббио — президент факультета политических наук, с 1975 по 1978 годы — президент Академии наук в Турине. Норберто Боббио — заслуженный профессор Туринского университета, почетный доктор многих университетов мира, директор туринского Института политических наук «Джозе Солари».

31 октября 1984 года ученый оставляет Туринский университет после полувековой преподавательской деятельности². С 1984 года Норберто Боббио — пожизненный сенатор Республики.

III

Послевоенный период в Италии характеризуется подъемом политической активности масс, бурными дискуссиями о демократии в политической среде. Итальянцы были исполнены надежд на построение демократического общества, их чаяния были устремлены в будущее. Дофашистская модель государства, пропагандируемая классическими либералами во главе с Бенедетто Кроче, уже не была актуальна, так как «политика как сфера руководства обществом и государством перестала быть исключительно прерогативой привилегированных групп, элит и олигархий, и становилась объектом оспаривания и демократической борьбы между различными силами»³. — Именно интеллектуалы будут оспаривать у политиков право быть протагонистами демо-

---

¹ В предисловии как раз к этой книге 1976 года Боббио говорит: «...Все очерки, собранные в этой книжечке, имеют заголовки в форме вопросов. Я не делал это нарочно — названия в виде вопросов отражают суть исследуемых тем и способ их исследования, осуществляемый мною. Эти темы сами по себе проблематичны, и у меня нет готовых ответов, — я только задаю вопросы, и задаю их прежде всего себе самому» (*Bobbio N. Quale socialismo? Discussione di un'alternativa. Torino, 1976. P. XVIII.*)

² Чествованию ученого посвящено университетское издание: *A Norberto Bobbio — la Facoltà di scienze politiche. Torino, 1986.*

³ *Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. М., 1996. С. 11.*

кратической борьбы, увлекая за собой общественное мнение, — и отчасти будут таковыми как раз до конца 80-х годов.

О послевоенных политических перипетиях Италии пишет В.П. Любин: «Это была не просто политика, как во многих других западноевропейских странах с давними традициями спокойной политической жизни. Это была, пожалуй, наиболее бурная и непредсказуемая политика в одной из самых беспокойных стран Европы. Послевоенная Италия резко отличалась от других стран Западной Европы. Отличие заключалось прежде всего в том, что всю политическую жизнь пронизывало острейшее противоречие левых и правых, главными из которых были, с одной стороны, коммунисты, с другой — христианские демократы. Это были две политические силы, вполне сопоставимые по своим электоральным результатам и укорененности в стране. Начиная с периода антифашистского Сопротивления... несмотря на помехи, то и дело возникавшие невероятные трудности и препятствия, в стране строилась демократическая система»¹.

Плюралистическая партийная система Италии складывается уже в ходе войны за освобождение, а на фоне послевоенного подъема активности и в Первой республике она оформляется как противостояние двух политических блоков — левого и правого: «В стране происходил бурный рост и расширение избирательной базы двух противостоящих друг другу политических блоков: с одной стороны, левых партий — ИКП и ИСП, — представлявших интересы рабочего класса, с другой — ХДП — католической интерклассистской партии центра». — В итоге «политическая система, образовавшаяся в постфашистской Италии, не являлась демократией в классическом смысле этого термина. Ее называли "полудемократией", "блокированной демократией", наконец, "режимом ХДП"»². Христианско-демократическая партия, хотя и имела конкурентов в лице социалистов и коммунистов, тем не менее взяла бразды правления страной в свои руки. — Ю.П. Лисовский так оценивает итоги партийно-политического становления «блокированной демократии» в Италии второй половины XX века: «Левые партии приобрели в Италии такую силу, какой они никогда не обладали в дофашистский период, но этой силе было суждено постоянно находиться в оппозиции»³.

---

¹ Любин В.П. *Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М., 2005. С. 113.*

² Лисовский Ю.П., Любин В.П. *Политическая культура Италии. М., 1996. С. 23–26.*

³ Лисовский Ю.П. *Италия: от фашизма к демократии. Трудные дни послевоенной перестройки. М., 1990. С. 126.*

В свете этих событий Норберто Боббио к концу 40-х годов (перед «Политикой и культурой»), как уже было отмечено, переоценивает свои взгляды на политику вообще и на фигуру политика в частности. Если раньше он склонялся к мысли, что в политике действуют такие же законы, что и в праве — то есть достаточно разработать «технику политики», свод правил политического поведения, чтобы успешно и на благо общества действовать в политике, — то «тяжелые и трудные уроки фактов» (в частности, распад Партии действия, неудача левых сил на выборах и т.д.) подводят его к мысли, что в политике «правила» и «законы» — собственно, «техника» — все это имеет второстепенное значение в сравнении с фактами практико-политической реальности. Тут важно заметить в принципе, что самого различного рода «иллюзии» в отношении политики были свойственны многим интеллектуалам, участвующим в Соппротивлении и почувствовавшим себя разочарованными по окончании войны: «В Италии... именно благодаря антифашизму и Соппротивлению родилась иллюзия о партии интеллектуалов, которая могла бы спасти и сплавить воедино свободы либерализма и элементы социальной справедливости социализма... благодаря преимственности людей и идей — от Карло Росселли... к либеральному социализму и Партии действия»¹.

Политика — арена противоборства многих сил (как классов и партий, так и доктрин и направлений политической мысли, выражающих интересы различных групп, в том числе этих классов и партий), но также политика — и арена человеческих страстей, поле реализации стремления к власти, — и поэтому никакой «технический» кодекс, как в праве, в ней немислим, а моральный (своего рода «этика политики») воплощается не всегда и в любом случае с трудом. Поэтому Норберто Боббио приступает, с одной стороны, к деятельности в сфере философии политики, а с другой — начинает разрабатывать «свод» правил, «кодекс» политического поведения интеллектуалов, — установки и принципы, которым он будет следовать и сам — как ученый и как интеллектуал.

Прежде всего, перед тем как высказываться о политике, вступать в полемику, давать советы политикам и спрашивать с них, интеллектуал должен определить свою позицию в отношении политики, очертить поле своей деятельности, оценить свои возможности и ограничения, — иными словами, осознать себя в качестве интеллек-

---

¹ *Cereja F.* Intellettuuali e politica. Dall'epoca giolittiana all'affermazione del fascismo. Torino, 1973. P. 12.

туала и заявить о себе как о «человеке культуры», который *обладает правом судить*. «Политика и культура» Норберто Боббио¹, которая после выхода в свет в 1955 году стала настольной книгой многих интеллектуалов Европы, и есть такое заявление самого философа: в этой работе понятия «интеллектуал» и «человек культуры» являются синонимами — прежде чем высказываться о политике, интеллектуал должен *быть* «человеком культуры». В соответствии с собственной формулой «беспристрастность и независимость, но не безразличие» (*indipendenza ma non indifferenza*) Боббио отказывается от непосредственного участия в политической деятельности, от принадлежности к какой-либо партии, — и в дальнейшей деятельности «не примыкая ни к одной из политических партий, Боббио становится чистым теоретиком, чьи работы используются левыми партиями»². В.П. Любин рассказывает, что «Боббио никогда не хотел принадлежать к какой-то одной партии, оказаться, по его выражению, *uomo di parte* (т.е. «человеком части»)». . . . Касаясь своих отношений с ИСП и ИКП, он совершенно четко заявил: «Хочу быть абсолютно независимым. Я ученый, а не политик». Подытоживая эту часть беседы. . . он подчеркнул: «Я — независимый левый»³.

Как философ политики и как интеллектуал в начале 50-х годов Норберто Боббио вступает в большую и значимую дискуссию с коммунистами — с Пальмиро Тольятти, Рануччо Бьянки Бандинелли, Гальвано делла Вольпе, и другими. Эти дискуссии с лидерами и теоретиками ИКП посвящены темам свободы и демократии, свободы культуры и коммунистической концепции партийности культуры, демократии и диктатуре; социалистической демократии и ее оценке с точки зрения западных концепций демократии и либерализма. Немаловажная часть дискуссий посвящена проблеме роли интеллектуалов; политико-теоретическим аспектам доктрины гегемонии и концепции «органического интеллектуала» Антонио Грамши; проблеме ответственности интеллектуалов перед обществом. Книга «Политика и культура» стала как бы завершением, итогом этих интеллектуальных споров, и одновременно ответом коммунистам со стороны представителя либерализма. Эта книга — первый опыт такого диалога, своеобразный «культурный манифест» (или, если угодно, манифест в защиту культуры) Норберто Боббио.

¹ *Bobbio N. Politica e cultura*. Einaudi, Torino, 1955.

² Либерализм Запада. XVII–XX века / Отв. ред. Согрин В.В. М., 1995. С. 202.

³ *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 22–23.

Диалог Н. Боббио с коммунистами — интереснейшая страница интеллектуальной истории Западной Европы времен Холодной войны. Что понимает под диалогом Боббио, какие принципы лежат в основании его понимания диалога, и как философ реализовывал их на практике? В одном из интервью 1982 года, — рассказывает Ц.И. Кин, — философа попросили сформулировать три самых важных принципа для грядущего нового тысячелетия (дать «три ключа, три талисмана» для XXI века). Вот что он ответил: «Единственный талисман, в который я верю, — принцип терпимости, универсальной терпимости. А если прибавить другие принципы, чтобы дойти до трех, то это будет: уважение к чужому мнению и отказ от уверенности в том, что ты обладаешь истиной в последней инстанции. Эти принципы являются единственным дополнением к первому: к универсальной терпимости»¹. Эти три принципа и составляют суть «принципа диалога» Боббио. Интеллектуал немислим вне диалога, не может даже состояться как «человек культуры», а тем более действовать в ней; «возможность дискуссии — это изначальное условие самого существования и возможности развития любой культуры», а «когда диалог угасает — и сама культура прекращает существовать»².

Полемика философа с компартией показывает с лучшей стороны не только самого Боббио, но и ИКП во главе с Тольятти, который, как высказался Боббио в 1989 году, «хотя и оставался верен принципам сталинского коммунизма, не только уважал демократические правила, но и достиг того, что компартия сделалась одним из базовых элементов восстановления демократии в Италии»³. Но где диалог — там и доверие: чем же заслужил это доверие и уважение Норберто Боббио со стороны коммунистов? Конечно, своим неприятием догматики: ведь косность и бездумное следование догмам были чужды и послевоенным западным коммунистам, особенно коммунистам Италии; своим умением слушать и уважать оппонента; умением понимать мнения других.

В конце 40-х годов были впервые опубликованы труды Антонио Грамши, написанные им в тюрьме (шеститомник «Тюремных тетра-

---

¹ Цит. по: Кин Ц.И. Выбор или судьба. Итальянская культура в преддверии XXI века. М., 1988. С. 327.

² *Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 31–35.*

³ *Боббио Н. Левые в 2000 г.: По материалам интервью, данного теоретическому журналу немецкой СДПГ «Neue Gesellschaft», а также римскому еженедельнику «Espresso» / Рефер. обзор В.П. Любина. М., 1990. С. 5.*

дей» выходит с 1948 по 1951 годы, под эгидой ИКП, при непосредственном участии Пальмиро Тольятти). Размышления Грамши о роли интеллектуалов в политике в связи с его концепцией «органического интеллектуала» и партии как «коллективного интеллектуала» подталкивают Боббио к выработке собственной «программы» действия в политике, к размышлениям о путях преодоления разрыва между «людьми культуры» и «людьми политики». Учение Грамши об органических интеллектуалах в их соотношении с партией и о культурной гегемонии как о задаче коммунистов оказывает сильное влияние на программно-теоретические разработки и политику ИКП, подводя партию к разработке политики в области культуры с использованием таких вариантов и методов, которые не находились бы в жесткой зависимости от партийных, идеологических императивов. Программа Грамши — это комплекс задач перспективной политики коммунистов, то есть коммунистами предполагалась (и велась) постепенная, кропотливая работа партии в области культурной политики с долгосрочной перспективой в борьбе за гегемонию марксистской культуры. В конце 40-х — начале 50-х годов Тольятти именно в грамшианском ключе решает проблему отношения коммунистов к культуре, их «культурной политики», отвергая концепцию А.А. Жданова, выражающую сталинскую позицию в отношении культурной политики, предписывающую прямое руководство культурой со стороны партии, «господство партии над культурой», установление полного контроля партии в сфере культуры. Ленинский принцип партийности культуры Сталин понимал как руководство к действию: наука и культура в СССР стали подобны отраслям экономики с ее системой планирования и жесткого контроля. Принципы политики «прогрессивной демократии» были несовместимы с идеей планирования культуры — так что ждановская концепция тотального идеологического доминирования, из которой планирование культуры вытекало как следствие, была решительно отвергнута Тольятти.

Норберто Боббио вместе с философом, интеллектуалом, отцом-основателем Европейского общества культуры, Умберто Кампаньолю (1904–1976) — называет политику, суть которой — в навязывании культуре своих императивов — «культурной политикой» (*politica culturale*); либеральную же политику не просто «императивного невмешательства», но заботы со стороны власти или партии — «политикой культуры» (*politica della cultura*). В первом случае «логическое ударение» падает на политику, а во втором — на культуру; если «культурная политика» допускает (а то и требует) вмешательство в

культуру со стороны «политического руководства», то «политика культуры» предполагает такое вмешательство минимизировать, если не отбросить; культура не должна следовать за политикой и ее кульбитами, за «генеральными линиями» партий, «руководящими и направляющими» указаниями и пр. Сама книга «Политика и культура» не состоялась бы без участия Норберто Боббио в деятельности Европейского общества культуры и без общения с Умберто Кампаноло, которому философ выражает искреннее признание.

Пальмиро Тольятти, руководствуясь концептуальными разработками, открытиями Грамши, разрабатывает программу действий ИКП в области культуры. Задача коммунистов — развивая собственную культурную компетенцию, постепенно усиливать присутствие марксизма в культуре. Коммунисты участвуют в многочисленных дискуссиях, дебатах начала 50-х годов, и партия, при всех ее новых демократических интенциях, сохраняет марксистскую идентичность. Полемика Норберто Боббио с одним из главных идеологов ИКП Гальвано делла Вольпе¹ о понимании свободы привлекает внимание Тольятти, и вот уже сам лидер итальянских коммунистов вступает в диалог с молодым ученым. Эта дискуссия имела место в 1954–1955 годах, она представляла собой обмен мнениями на страницах интеллектуально-политической прессы, проходила в конструктивном ключе и в духе взаимного уважения. Речь шла о понимании свободы и демократии², и Боббио заметил, что демократия нуждается в «интеллектуалах-посредниках» для своей защиты перед властью и от власти. Если Пальмитро Тольятти и Гальвано делла Вольпе были, по выражению пишет известного итальянского философа и публициста

---

¹ Гальвано делла Вольпе (1895–1968) — выдающийся итальянский ученый-марксист, вступивший в партию в 1944 году. Спустя некоторое время после войны он стал считаться главой итальянской марксистской школы. Работы и выступления в защиту принципов социалистической демократии, глубокий анализ проблемы свободы — снискали ученому уважение не только со стороны коммунистов, но и интеллектуалов либеральной направленности. «Свобода в социалистических государствах является, по мнению Делла Вольпе, более универсальной. Это право всех на социальное признание своих качеств и способностей. Это демократическое, действительно универсальное требование признания личности... Это в самом деле эгалитарная свобода, справедливая свобода или свобода как функция справедливости... Для Делла Вольпе свобода и социальная реализация личности — понятия не просто неразрывно связанные, но и тождественные» (Соколова С.Ю. Свобода по-итальянски. Размышления об итальянской политической мысли XX века. М., 2014. С. 79).

² В ответ на статью Тольятти, опубликованную им в «Ринашите» под именем Родерико ди Кастилья, Боббио пишет статью «Свобода и власть», вошедшую в «Политику и культуру» (см.: Боббио Н. Свобода и власть // Вопросы философии. 2013. № 5).

Микеле Мартелли, «защитниками СССР до последнего»¹, то Боббио, в духе тех лет считая советский строй тоталитарным, не соглашался с тем, что «социалистическая демократия в СССР» является реализацией демократического идеала (даже потенциально). Свободу искусства от попыток партийного руководства со стороны партии Боббио защищал в полемике с Р. Бьянки Бандинелли².

Из диалога с коммунистами, из дискуссий, споров и размышлений о демократии, свободе, о роли и месте интеллектуалов в политике, воплотившихся в 14 очерков на эти темы, опубликованных с 1951 по 1955 годы, и родилась «Политика и культура» — произведение удивительно цельное (ведь очерки не были тематически отстранены друг от друга — их объединяли единые проблемные линии), признанное программным для творчества Боббио и получившее широкую известность в Европе. Это — первая такого рода философско-политическая работа ученого³, в ней был в полной мере явлен его очерково-лекционный стиль, продемонстрирована логичность и ясность рассуждений, уважение к мнениям оппонентов.

Тема взаимоотношений политики и культуры, проблема роли интеллектуалов в политике и их влияния на политику, обязанности, или долга (*impegno*) интеллектуала, — вот главные линии размышлений Боббио в его программной книге. Осмысление философом принципов отношений политики и культуры базируется на его понимании свободы: защита либерального подхода в понимании и концептуализации свободы — важнейшая «линия» книги, ее, если так можно сказать, главный рефрен: в самом деле, без политических свобод нет и свободы искусства, свободы творчества, — наконец, свободы культуры, — а значит, нет и самой культуры, — что же тогда защищать интеллектуалу и кем самому ему («человеку культуры») быть? Либе-

---

¹ *Martelli M. I filosofi e l'URSS. Per una critica del socialismo reale. Napoli, 1999. P. 180.*

² Рануччо Бьянки Бандинелли (1900–1975) вступил в ИКП, как и Г. делла Вольпе, в 1944 году. Историк искусства и археолог (специалист по этрускам), был после войны министром просвещения, возглавлял Институт Грамши. Иностраный член АН СССР.

³ В философском плане «Политике и культуре» предшествуют две работы Боббио: книга «Философия декадентства» (1944) и статья «Философия и культура» (1946). Если в первой работе критикуется экзистенциализм как философия обмана и бегства, уводящая интеллектуалов от политических проблем, то в небольшой статье 1946 года Боббио как бы «расчищает поле», «подготавливает почву» для своей будущей *действенной философии*, подвергая критике различные «болезни» итальянской философии, основная из которых — «наш спекулятивный гений» (*il nostro genio speculativo*), которого не избрала даже итальянская феноменология.

ральное понимание свободы как прежде всего свободы индивидуальной отстаивается Н. Боббио в диалогах с коммунистами Г. делла Вольпе и Р. Бьянки Бандинелли. Буржуазные свободы, «неполные и формальные», Боббио защищает не как сугубо буржуазные завоевания, но как вклад «буржуазного общества» в прогресс человечества, как ценности общечеловеческие, завоеванные пусть и буржуазией, но для всех. Эти ценности в виде индивидуальных свобод должны быть защищены системой демократических институтов от посягательств слева и справа, справедливо полагает ученый. Энрико Ланфранки, говоря о необходимости различения исторической судьбы буржуазии и ее наследства в виде свобод, резюмирует, цитируя Боббио: «Марксистское противопоставление свободы формальной и свободы субстанциальной приводит к единственному результату: к потере первой еще до начала достижения второй»¹.

С особенной силой и последовательностью защита либеральных свобод проведена Боббио в очерке «О свободе современных людей в сравнении со свободой потомков» — пожалуй, одной из ярчайших работ «Политики и культуры», название которой отсылает читателя к программной лекции Бенджамена Констана 1819 года «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей»². Либе-

---

¹ *Lanfranchi E. Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio.* Torino, 1989. P. 76. «Опираясь на либеральную традицию, — пишет В.П. Любин, — Боббио спорил с крочечанцами и марксистами, отстаивая приоритет индивидуальных свобод, подчеркивал, что марксистское противопоставление свободы формальной свободе субстанциальной ведет к единственному результату: потере первой еще до того, как будет достигнута вторая. Лишь правовое государство, по его мнению, гарантирует демократическое развитие нации» (*Любин В.П. Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М., 2005. С. 120.*)

² Идеи Констана стали предметом глубокой философско-политической рефлексии Бенедетто Кроче: «В статье ”Констан и Еллинек: О различии между свободой древних и свободой современных людей”, — пишет И.А. Овсянникова, — Кроче ставит вслед за этими писателями проблему понимания свободы в новое время в отличие от свободы в древнем обществе, то есть о том, что, собственно, нового было в нововременном идеале свободы. Констан начинает решать эту проблему, сводя характер нововременной свободы к тотальности и всеобщности свободного чувствования и делания, говорит Кроче, в отличие от древней свободы, содержание которой ограничивалось непосредственным участием в общественных делах со стороны граждан. <...> Констан смотрит с недоверием и враждебностью на древнюю свободу потому, что она кажется ему чисто политической и ассоциируется с большим террором якобинцев, которые окружили себя греко-римскими богами... Но, возражает Кроче, несмотря на античный камуфляж якобинцев, их политическое движение брало начало не в античности, а в идеологии XVII и XVIII веков, из их ”антиисторического культа природы и разума...”. Впрочем, сам Констан указывал как на опасность, которую

ральное государство рассматривается Боббио как государство правовое; говорится о двух пониманиях свободы, критикуется руссоистское понимание свободы у делья Вольпе; раскрывается сущность «светской эсхатологии» марксизма. Коммунисты, критики этих «формальных свобод», их явно недооценивают, не видят в «формальных свободах» достижения цивилизации (а скорее рассматривают их как досадные препятствия на пути к цели). Марксисты, если следовать их же заявлениям, полагают, что достигнутым уровнем свобод можно и пренебречь ради достижения наивысшей, субстанциональной свободы в будущем обществе (уже не государстве, которое «отомрет») — царстве коммунизма. А это, по мнению Боббио, — прямой путь к тоталитарному обществу (в анализе и критике тоталитаризма Боббио следуют принципам, разработанным Пьеро Гобетти и Карло Росселли).

Таким образом, три главных пункта размышлений и полемики Боббио на страницах «Политики и культуры» таковы (в логическом порядке): 1) защита западной (буржуазной, формальной) демократии и критика «социалистической демократии» (или «всемирной демократии, реализованной в СССР»); 2) защита либерализма и понимания свободы как свободы индивидуальной от нападков как со стороны коммунистов, так и Кроче; 3) выводы и формулировки об императивах деятельности интеллектуала по отношению к политике, партиям и власти с точки зрения его принадлежности к сообществу «людей культуры». Теоретической основой, своего рода интеллектуальной программой «работы в политике» интеллектуалов у Боббио является разработанная им система рекомендаций, названная ученым «*filosofia militante*» — действенная (воинственная) философия. *Filosofia militante* — это философия политики как философия *действующая* и должна быть *действенной* в политике: с одной стороны, это — критический подход, критический дух (*spirito critico*), дух сомнения, подвергающий анализу догматические схемы, «неопровержимые» и «всесильные, потому что верные» концепции; это — неприятие любой ортодоксии, постоянное уточнение терминов и понятий; а с другой — вытекающее из этого стремление к диалогу, который базируется на уважении к оппоненту и убеждении в историчности знания и истины.

Немаловажная часть рассуждений Боббио о свободе в рамках «Политики и культуры» посвящена демократии. На тот момент, как

влечет нововременная свобода, на пренебрежение и безразличие к участию в политической власти тех, кто наслаждается личной или гражданской свободой» (*Овсянникова И.А.* Либеральная философия Бенедетто Кроче. Омск, 1998. С. 304–305).

было отмечено, дискуссии о демократии были достаточно острыми, особенно с коммунистами, — и прежде всего по вопросу собственно о понимании демократии. Эти споры подводят ученого к постановке проблемы демократии и проблемы согласования демократических институтов с либеральными основами общества, отношения демократии и правового государства как базисного либерального института. Основной постулат «Политики и культуры» в этом плане таков: демократия может быть только либеральной, или же ее не будет как таковой: «Демократические институты (всеобщее голосование и политическое представительство прежде всего) являются дополнением, развитием и улучшением институтов либеральных, но они — не замена их и не преодоление»¹.

IV

В 50-е годы интерес ученого «вращался вокруг трех фундаментальных категорий — либерализм, демократия и социализм, которые, особенно две последние, не были строго определены, несмотря на аналитическую методологическую установку автора», — пишет М. Мартелли². Как ясно в принципе, такая строгая дефиниция просто невозможна: эти понятия-идеологемы не только по-разному понимаются учеными и политиками, но и само их содержание исторически меняется, развивается, — это хорошо показал еще Карло Росселли. Тем не менее дальнейшие политические исследования философа все же будут преследовать цель более точного определения этих понятий, как раз-таки именно в силу методологических установок Боббио. Ученый продолжает размышлять о социализме, социалистической демократии, проблемах развития социализма в СССР — с его антилиберальным строем — свобода исчезает. В очерке «Два понятия свободы в политической мысли Канта» (1960) Боббио рассуждает о практической невозможности воплощения «социалистической свободы» в согласии с марксистскими постулатами и установками, — и таким образом остаются «в силе» два концепта свободы, которым философ уделил немало место в «Политике и культуре» — «либеральная, как *не-препятствие*... ”свобода *от* государства”, и демократическая, как *автономия*... касающаяся коллективной сферы,

---

¹ *Bobbio N.* Della libertà dei moderni comparata a quella dei posteri // *Bobbio N.* Politica e cultura. Torino, 1955. P. 177–178.

² *Martelli M.* I filosofi e l'URSS. Per una critica del socialismo reale. Napoli, 1999. P. 180.

”свобода в государстве”¹. Из этого становится ясным отношение ученого к концепциям третьего пути, к теориям трансформации капитализма в социализм, мирного достижения социализма, — то, о чем много спорили в конце 60-х и 70-х годах XX века.

Социализм, признает философ, — безусловный идеал для общества, спорить тут не о чем — но, как не уставала показывать практика, — идеал неосуществимый (прежде всего в плане воплощения «субстанциальной» свободы, ибо там, где есть социализм, — нет демократии, и наоборот, хотя социалистические системы представляют себя именно как социалистические демократии)². Причина здесь в том, что социализм, отменяя частную собственность и передавая все управление в руки государства, исходит из утопических постулатов об изменении социальной природы людей в лучшую сторону с устранением частной собственности и основанной на ней эксплуатации (некоторые теоретики говорили о «преображении человека»). Но на деле «преобразование» той свободы, которую коммунисты называют «буржуазной» и «формальной», в «субстанциальную», «реальную», по их выражению, — то есть с полным равенством и участием всего народа («широких масс») в политике, — приводит к неизбежному усилению государства с его бюрократическим аппаратом, и это государство становится *тоталитарным*, то есть охватывающим и контролирующим все сферы социальной жизни; что же касается «высшей формы демократии» — демократии социалистической, воплощающей субстанциальную свободу, — эта новая форма демократии на деле едва ли превосходит ту демократию, которую марксисты с пренебрежением называли «формальной»³. Надо отметить, что большеви-

---

¹ *Martelli M. I filosofi e l'URSS. Per una critica del socialismo reale. Napoli, 1999. P. 186.*

² «Социализм для Боббио, — размышляет В.П. Любин, — ”честный идеал, заслуживающий осуществления”, так как он уменьшает негативные последствия частной собственности, но его историческое воплощение в жизнь, построенное на неверных теоретических предпосылках, признать невозможно» (*Любин В.П. Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М., 2005. С. 120*).

³ Что касается отличия «социалистической» и «формальной» демократии — этот постулат с особой силой был выделен в марксистской теории И.В. Сталиным. Еще в 1937 году в беседе с Л. Фейхтвангером он говорил: «У нас не просто демократия, перенесенная из буржуазных стран. У нас демократия необычная, у нас есть добавка — слово ”социалистическая” демократия. Без этой добавки путаница будет. С этой добавкой понять можно. Вместе с тем мы не хотим отказываться от слова демократия, потому что мы в известном смысле являемся учениками, продолжателями европейских демократов, такими учениками, которые доказали недостаточность и уродливость формальной демократии и превратили формальную демокра-

стское пренебрежение «формальными свободами» давно уже вызывало негодование «людей культуры»: так, очень созвучно идеям Боббио предостережение В.Г. Короленко, который в 1927 году писал А.В. Луначарскому: «...При переходе к этому будущему от настоящего не все подлежит уничтожению и разгрому. Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати... не простые "буржуазные предрассудки", а необходимое орудие дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и небесплодной борьбы и прогресса»¹.

После войны теоретики коммунистических партий Европы приняли за фундаментальные разработки концептуальных основ теории социалистической демократии. ИКП отказывалась от постулатов диктатуры пролетариата и экспроприации частной собственности. Стремление к обновлению общества, смягчению негативных последствий капитализма благодаря завоеванию рабочими экономических свобод, — все это было свойственно ИКП не в меньшей степени, чем ИСП. Исходя из этого «в середине 60-х годов Боббио приходит к выводу о необходимости создания в Италии единой левой партии, "крупной социалистической и демократической партии", путем слияния партий расколотых левых сил»². На фоне эмоционального восприятия итальянским обществом (и не только коммунистами) смещения Хрущева Норберто Боббио поделился своими размышлениями по этому поводу с крупнейшим деятелем ИКП Джорджо Амендолой³, придерживающимся линии итальянского пути развития компартии. Обмен письмами, преданными гласности, привел к большой дискуссии, но ничто не могло поколебать «извеч-

---

тию в социалистическую демократию» (*Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть 1 // Вопросы литературы. 2004. Март–апрель. С. 261–262). Гальвано дела Вольпе иллюстрирует различие между социалистической (пролетарской) и буржуазной демократией так: «Следует для сравнения обратить внимание, что полемическая фраза Ленина "Пролетарская демократия в тысячу раз демократичнее любой буржуазной демократии", звучащая, может быть, излишне громко, но не противоречиво, — будет звучать совершенно фальшиво, если перефразировать ее так — "Пролетарская демократия в тысячу раз либеральнее любой буржуазной демократии"!» (*Della Volpe G.* Rousseau e Marx e altri saggi di critica materialistica. Roma, 1962. P. 43).

¹ *Ефимов В.В.* А.В. Луначарский и литературное движение. Хроника: 1917–1933 гг. Душанбе, 1991. С. 75.

² *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 22.

³ См. его книгу: *Амендола Дж.* Выбор на всю жизнь: Воспоминания. М.: Политиздат, 1983.

ное» противостояние коммунистов и социал-демократов (так что «режим ХДП» в Италии оказался прочным).

Норберто Боббио не был ни политическим, ни идеологическим противником коммунистов. Как никто другой из *некоммунистических интеллектуалов*, он был чужд антикоммунизму и антикоммунистам; при этом надо отметить, что тексты Маркса, Энгельса и Ленина изучал весьма скрупулезно и в итоге приобрел репутацию знатока и серьезного и вдумчивого исследователя марксизма, — так что некоторые интеллектуалы и публицисты даже причисляли его к марксистам (стоит, наверное, добавить, что антикоммунисты, напротив, как правило, текстов не читали, — антикоммунизм был политико-идеологической позицией, а не доктриной или суммой концепций, и нуждался в пропаганде и рекламе, а не в концептуальном оформлении). Будучи к послевоенному времени уже состоявшимся ученым в области философии права и философии политики, Боббио был *интеллектуальным противником* марксизма; критиком идеологии и практики коммунистического движения. Тексты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина для Боббио не являлись ни священным писанием, ни тем более объектом обязательного опровержения, — марксизм был для ученого открытой книгой, которую можно и нужно постоянно перечитывать с любой страницы, как бы освещая страницы светом критического разума, «критическим духом» — *spirito critico*. Отсюда особого рода диалогичность творческого подхода Боббио¹, но отсюда же — и особая обстоятельность, кропотливость и даже некоторая въедливость Боббио, отмечаемая в его работах, посвященных разным темам, связанным с «марксистскими студиями».

К середине 60-х годов Норберто Боббио обретает как серьезный авторитет в научном мире, так и большой моральный авторитет в политической среде. Он считается симпатизирующим в большей степени социалистам, но его размышления о свободе и демократии, статьи и книги дают исследователям ясное понимание того, что политический фундамент ученого — «либерализм с демократическим

---

¹ В.П. Любин говорит об этом так: «...Он никогда не навязывает своей точки зрения, а как бы призывает собеседника к продолжению своих размышлений, к нескончаемому диалогу, причем делается это столь деликатно и ненавязчиво, что читающий едва ли замечает, что, выбрав и зацепив какую-то одну его отточенную мысль, он вытягивает вслед за ней целый клубок на первый взгляд разноцветных и разносторонних идей, превращающихся при внимательном рассмотрении в туго сплетенную яркую ткань необычной и весьма стройной концепции» (*Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио*. М., 1991. С. 38).

уклоном» (демократический либерализм с элементами социализма — такую формулу часто используют для характеристики политических взглядов Боббио). Со времен «Политики и культуры» и диалога-дискуссии с П. Тольятти и Г. делла Вольпе философ вовлечен в большую и интенсивную полемику о свободе при социализме и коммунизме, а постановка проблемы свободы вела к возрождению старых споров об «отмирании государства» (*estinzione dello stato*). Коммунистические теоретики, принадлежащие к деллавольпианской школе (прежде всего ученики Г. делла Вольпе — Лючио Коллетти и в некоторой степени Умберто Черрони) пытались увязать обновленное марксистское понимание отношений социализма и демократии с ленинской теорией отмирания государства. Обращаясь к сопоставлению руссоистского понимания народного суверенитета и современных тенденций развития демократии, теоретики-коммунисты этого направления противопоставляли прямую, «антипредставительную» демократию Руссо–Маркса либеральной представительной демократии, являющейся, по Боббио, единственно возможной формой существования демократии¹.

В 1973 году свои взгляды на социализм, демократию и их взаимоотношения Боббио излагает в статье «Социалистическая демократия?», опубликованной на страницах «Мондоперайо» (периодического издания итальянских социалистов). Эту статью интеллектуал посвящает Пьетро Ненни (1891–1980) — многократному генеральному секретарю ИСП, до 1956 года возглавлявшему в партии левое крыло, но после пошедшему на раскол с ИКП. Именно в этой статье ученый поднимает тему фактического отсутствия в марксистской литературе теории социалистического государства и социалистической демократии, тогда как демократия «буржуазная» теоретически представлена куда как более серьезно, и при этом обе системы сосуществуют в реальной политике. Почему в действительной политической жизни не происходит слияния демократии и социализма, и что говорит по этому поводу теория? В 1975 году тема отсутствия у Маркса теории социалистического (переходного к коммунизму) государства продолжается в статьях о марксистской транзитологии: «Спор о проблеме отмирания государства в марксистской теории:

---

¹ Марксистской теории отмирания государства и спорам вокруг нее в итальянской политической мысли, так называемой «коммунистической транзитологии», посвящена монография «Коммунистическая теория отмирания государства» итальянского ученого Данило Дзоло (*Zolo D. La teoria comunista dell'estinzione dello stato*. Bari, 1974).

Маркс, Энгельс и теория государства» и «Существует ли марксистская доктрина государства?». В третьей статье 1975 года — «Каковы альтернативы представительной демократии?» — Боббио переводит теоретические проблемы в область практической политики, обосновывая значимость представительной демократии и защищая ее от обвинений в «недостаточности», «буржуазности» и «несубстанциональности». Все эти разработки Боббио выливаются в книгу «Какой социализм?» (1976). Защита представительной демократии, — основная цель работы и идея, пронизывающая эту работу, — проводится исходя из либералистического понимания демократии, противостоящего «руссоистско-марксистскому» (или, если все же довериться Л. Коллетти, марксистско-руссоистскому) пониманию свободы, которого придерживалась школа Г. дела Вольпе. Успех работы Боббио был обеспечен не только благодаря ее несомненным научно-теоретическим достоинствам, но и вследствие концептуальных и политических сдвигов в коммунистическом и социалистическом движении в Италии на фоне общемирового развития социал-демократического движения.

В начале 70-х годов «коммунисты под руководством Э. Берлингуэра сменили курс и выдвинули новые идеи, которые нашли отклик у широких слоев итальянцев. Благодаря этому в 1976 г. они достигли самого высокого в своей истории результата, набрав 34,4% голосов. Игнорировать эту электоральную победу ИКП ни социалисты, ни правящие христианские демократы, собравшие 38,7% голосов, уже не могли»¹. Концепция «исторического компромисса» Берлингуэра предполагала примирение трех ведущих партий и отмечала важность для коммунистов союза с католиками, следуя в русле демократического понимания политики партии, предложенного и обоснованного П. Тольятти. Теоретическая новизна многих принципов и предложений, вводимых новоизбранным генеральным секретарем ИКП Энрико Берлингуэром (1922–1984), который руководил партией с 1972 года, в развернутом виде представлена в едином концептуально-теоретическом комплексе еврокоммунизма². Эта совокупность идей может быть рассмотрена именно как *единое учение* (но, конечно, не монолитная доктрина), как достаточно внятная концепция, определяющая цели, общие для коммунистов Европы. «Итальянский вариант» еврокоммунизма Берлингуэра имел свои особенности:

---

¹ Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006. М., 2007. С. 382.

² О еврокоммунизме см.: Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма. М., 2005; Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М., 2008.

например, окончательный отказ от ленинизма в пользу учения Грамши, «исторический компромисс» с христианской демократией; особый такт в отношениях с католиками и со Святым Престолом, принятие концепции плюрализма. Что касается марксистской платформы, то коммунисты не могли, не желали и не оставили ее, несмотря на социал-демократизацию партии. Около того же времени начинается пересмотр отношений итальянской компартии с КПСС в пользу самостоятельности политического и теоретического курса ИКП.

В свете происходящих изменений в сфере теории и в определенном смысле политического курса компартии Норберто Боббио поднимает проблемы социализма и демократии в своей работе «Какой социализм? Дискуссия об одной альтернативе»¹. Кроме вышеназванных статей, посвященных коммунистической транзитологии, в книгу вошли еще две работы: «Почему демократия?» и собственно «Какой социализм?». На проблематике теории социалистического государства ученый заостряет внимание вовсе не с целью в очередной раз раскритиковать марксистские постулаты, но для очередного рассмотрения отношений социализма (как выражения стремления к равенству и справедливости) и демократии (как комплекса средств для достижения этого). Демократия не «продуцирует» социализм «автоматически», равно как и установление социализма не означает «автоматического» развития демократии. В СССР и других социалистических странах отношения демократии и социализма нельзя назвать простыми, — более того, демократия в этих странах испытывает серьезные проблемы не просто в плане своего развития, но и в плане своего существования. Однако и в странах Запада развитие демократии встретилось с серьезными препятствиями, и возможно даже, что успехи левого движения начала 70-х годов связаны с разочарованием в демократии. Многие «обещания демократии» не были выполнены, а «основные демократические принципы — участие, прямое или косвенное, всего населения в принятии решений, контроль снизу и свобода инакомыслия — не нашли в современных государствах полного осуществления»; капитализм не перерос в социализм, а «социал-демократия создала не социализм, а ”государство всеобщего благосостояния”»².

Существенным вкладом Боббио в развитие теории демократии являются предпринятые им усилия по формально-институциональному определению демократии как совокупности «правил игры», что было

---

¹ *Bobbio N. Quale socialismo? Discussione di un'alternativa.* Torino, 1976.

² *Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио.* М., 1991. С. 40.

оценено Ю. Хабермасом. В статье «Каковы альтернативы представительной демократии?» перечисляется шесть таких правил; эти «правила игры» в формулировке Боббио используются в литературе как одно из возможных формальных определений демократии. Ученый формулирует также и «парадоксы демократии» — ее противоречия и препятствия развития¹. В частности, Боббио заостряет внимание на противоречиях между демократическими тенденциями развития общества и бюрократизацией государства, между демократией и продуцируемым ею же развитием технократии. «Основное кредо» Боббио, выраженное им во многих работах, выступлениях и интервью, неизменно: демократия западного мира, в каком бы кризисе она ни находилась (а этот кризис западной демократии может быть только большей или меньшей интенсивности, его наличие — скорее некая константа демократии) и сколь бы плоха она ни была, — эта демократия все же существует, и не стоит ее «разрушать, чтобы улучшить», отменять или уничтожать ради стремления к какой-либо цели или утопии.

Начиная с середины 70-х годов итальянские социалисты стали испытывать острую необходимость в теоретическом обновлении, так как их главный соперник на левом политическом поле — ИКП — стал по значимости в политике практически равным христианским демократам. На XL съезде ИСП (Рим, 1976) Беттино Кракси (1934–2000) выдвигает новый партийный курс — так называемую «левую альтернативу» («l'alternativa di sinistra»): предполагался диалог с коммунистами, намечались контуры совместной работы. Однако все изменилось в том же году, после того, как Кракси был (с некоторыми нарушениями процедуры и партийной дисциплины) избран генеральным секретарем ИСП. Уже с 1978 года «демократической альтернативе» ИКП была противопоставлена «социалистическая альтернатива» ИСП, а еврокоммунизму Берлингуэра — евросоциализм Кракси. Проект социалистической альтернативы был принят на XLI съезде ИСП в Турине в 1978 году и носил откровенно ревизионистский характер, призывая к полному отказу от марксистской ортодоксии (вплоть до того, что коммунисты призывались к отказу даже от Грамши, так как эта концепция, по мнению социалистов, не соответствовала принципам плюрализма).

Участвуя приемлемым для себя способом в политической жизни, Боббио получил прекрасную возможность увидеть и оценить, как

---

¹ О шести «правилах игры» и четырех «парадоксах демократии» см.: *Соколова С.Ю.* Свобода по-итальянски. Размышления об итальянской политической мысли XX века. М., 2014. С. 132–133.

тесно сплетены теория и политика, политика и этика, идея и действие. Его размышления и работа над созданием «этики интеллектуалов», начатая в «Политике и культуре», не прекращается, а теоретические наработки дополняются «эмпирическим материалом», то есть опытом действия ученого в политической сфере и непосредственным опытом общения с политиками, партийными и государственными деятелями. В «Очерках политической науки в Италии» (1969)¹ ученый ставит вопрос о роли интеллектуалов в политике в связи со значением в ней идеологий: интеллектуал должен уметь не столько анализировать, критиковать или оправдывать политические события и решения, сколько пытаться самому их направлять в нужное русло, идеологически их инспирировать (что, хоть и крайне редко, но все же иногда удавалось и ему).

В 1977 году по итогам участия в конференции, проводимой ИСП и посвященной вопросам отношения партий и культуры, философ в программной статье «Интеллектуалы и власть» (в «Мондоперайо») предлагает разделение интеллектуалов на идеологов и экспертов в плане их влияния на политику. При этом Боббио не отказывается от собственного тезиса, рекомендующего интеллектуалу непосредственно не участвовать в политике для сохранения своей интеллектуальной независимости, лично следуя этому принципу. Понятно, что не отвергает он и императивы служения интеллектуала культуре, гражданского долга, *impegno* людей культуры. Важной вехой, во многом результирующей его разработки «по интеллектуалам», стала статья «Интеллектуалы» для III тома итальянской Энциклопедии XX века (1979)².

Одной из форм выражения политической, гражданской позиции интеллектуалов служат открытые письма, как правило, выражающие протест против какого-либо вопиющего факта или нетерпимой ситуации, подписываемые обычно группой интеллектуалов (бывают и заявления-протесты от одного лица — обычно интеллектуала с известным именем), — здесь можно вспомнить письмо-протест 101 интеллектуала-коммуниста 1956 года. В 1979 году группа интеллек-

---

¹ См.: *Bobbio N. Saggi sulla scienza politica in Italia*. Bari, 1969.

² См.: *Bobbio N. Intellettuali // Enciclopedia del Novecento*. Vol. III. Roma, 1979. Для многоотомной «Энциклопедии XX века» Боббио написал, кроме указанной, и другие статьи: «Свобода», «Равенство», «Мир». Писал он также и статьи для Энциклопедии Эйнауди (Турин), для Европейской энциклопедии (Милан); совместно с Н. Маттеуччи (основателем интеллектуально-политического журнала «Il Mulino») руководил изданием и писал для издаваемого в Турине «Политического словаря», а до этого в 1957 году в Философском словаре были опубликованы 16 очерков Боббио (См.: *Dizionario di Filosofia / A cura di Andrea Biraghi*. Milano, 1957).

туалов пишет совместное письмо, выражающее протест против методов осуществления своего руководства ИСП Беттино Кракси. В эту протестующую «касту интеллектуалов» (так выразился сам Кракси) входит и Норберто Боббио. Тенденции к авторитарному управлению, раскольническая деятельность («сектаризм»), стремление в единоличной власти главы руководства ИСП — таковы обвинения интеллектуалов. И после 1983 года, когда Кракси становится премьер-министром Республики, ученый («заумный философ», как говорил о нем Кракси) не прекратил своих выступлений против краксианской «демократии аплодисментов»¹ и «культы Кракси», базирующегося в том числе на коррупционной составляющей.

В 1981 году выходит одна из очень важных работ Боббио, в которой он теоретически осмысляет ряд серьезных перемен как в политической жизни итальянского общества, так и в идеологической сфере. Это — книга «Идеологии власть в кризисе: Плюрализм, демократия, социализм, коммунизм. Третий путь и третья сила»². В этой работе ученый обобщает свои идеи, а также ряд моментов дискуссий о социализме и демократии 70-х годов, как бы предваряя следующую такую же дискуссионную работу о демократии 1984 года — «Будущее демократии». На страницах «Идеологий» продолжается спор о плюрализме, который Боббио вел с коммунистами с 70-х годов. Конечно, ученый не считает концепцию плюрализма совместимой с марксистско-ленинской догматикой, лежащей в основе идеологии ИКП, но приветствует стремление коммунистов к демократизации своей партии и платформы.

В 1984 году выходит книга Боббио «Будущее демократии» (с подзаголовком «Демократия и интернациональная система»)³, в которую включены 7 очерков, написанных в 1978–1984 годы. Новое исследование философа посвящено анализу кризисного развития демократии — правда, автор предпочитает вместо «кризис демократии» (ведь демократия всегда в кризисе) говорить «трансформации демократии». Об этих трансформациях говорится в связи с возрождающимся интересом к либеральной мысли, интересом к ее историческому развитию, к теориям либерального социализма. Этот интерес

---

¹ Статья Н. Боббио «Демократия аплодисментов» (*La democrazia dell'applauso*) опубликована 16 мая 1984 года в «Стампе».

² *Bobbio N. Le ideologie e il potere in crisi: Pluralismo, democrazia, socialismo, comunismo. Terza via e terza forza. Firenze, 1981.*

³ *Bobbio N. Il futuro della democrazia. Torino, 1984.* Переиздана в следующем году также в Турине с подзаголовком «Защита правил игры» (*Difesa delle regole del gioco*).

имеет, по Боббио, два направления: «С одной стороны, это отстаивание преимуществ рыночной экономики против вмешательства государства, с другой — отстаивание прав человека против любой новой формы деспотизма»¹. Деспотизм, по мнению ученого, статичен, демократия же динамична, адаптивна и плюралистична, и под плюрализмом в данном случае Боббио понимает не только наличие различных партий и идеологий, но также и деятельность конкурирующих элит, выступая при этом против олигархического неокорпоративизма. В «Будущем демократии» Боббио вновь поднимает тему невыполненных обещаний демократии (в их числе — неудача в устранении «невидимой власти» — проблема для Италии достаточно острая), формулируя три препятствия для развития демократии: технократия, бюрократия и «древняя проблема» неуправляемости демократии. Д. Дзоло по этому поводу пишет: «Едва ли можно отрицать ясность и интеллектуальную силу этого скорбного списка, образующего наиболее исчерпывающий перечень заложенных в демократическую доктрину заблуждений из всех, когда-либо составленных либерально-демократическими мыслителями. Он также представляет собой прозорливый анализ опасностей, грозящих будущему демократии в развитых индустриальных странах»². Но любые препятствия преодолимы, и Боббио уверен, что оснований видеть «будущее демократии» в эсхатологических тонах нет, если демократия будет развиваться в соответствии с либеральными принципами плюрализма и минимального вмешательства государства в свободную экономическую инициативу (но не доходя до либеризма), а также без нарушения «правил игры» демократии.

Во многих работах 80-х годов Боббио задумывается над проблемами ассистенциального государства, которое, не переставая быть государством, может двигаться в сторону усиления контроля над индивидом, разрушая индивидуальные свободы, — гротескные формы эта тенденция принимает в «функциональных» (выражение Боббио) англосаксонских странах, где как раз в силу именно этой «функциональности» государства в малой степени имеется иммунитет против усиления государственного контроля над различными сферами социальной жизни. Эта проблема связана с развитием так называемого массового общества с его конформизмом, которое выражается в унификации индивидов, в превращении их в безличных потребителей

---

¹ *Bobbio N.* Il futuro della democrazia. Torino, 1984. P. 111.

² *Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010. С. 190–191.

продуктов культурной индустрии. Политическая индустрия как порождение индустрии культурной — важнейший пункт размышлений Боббио о парадоксах демократии. Деятельное неприятие и борьба против «индустриализации культуры»¹ — долг интеллектуала, важнейшая составляющая его «нового *impegno*» эпохи расцвета массовой культуры. Несомненно, что процесс индустриализации культуры — одна из негативных сторон кризисного развития демократии, и опасность массового конформизма связана с недостатком свободы в области идеологии; таким образом, развивающаяся («трансформирующаяся») демократия должна уметь преодолевать и это препятствие.

Итак, развитие демократии болезненно. Многие даже говорили в те годы о возвращении к старым моделям, о том, что «капитализм был меньшим злом» и лучше было бы «пойти назад по собственным следам». Реставраторские модели не устраивают Боббио, даже исторцистская концепция развития привлекает его больше, чем циклическая, несмотря на его скептический настрой в отношении прогресса общества. К тому же, как говорилось, ученый выступает против тех, кому хотелось бы разрушить имеющуюся демократию для ее же улучшения (*distruggere per renderla perfetta*). Д. Дзоло пишет, что «в работах Боббио реализм и прозорливость сопровождаются практическим увещанием, призывом не требовать от "реальной демократии" слишком многого. Эту демократию следует принимать такой, какая она есть, как меньшее зло. Ее будущее, то есть стабильность, зависит именно от способности граждан принимать ее такой, какая она есть, и не гоняться за невероятными альтернативами, которые... несут в себе новые опасности»². Любые попытки насильственного манипулирования обществом и государством, в любых целях, ведут к «тоталитаризации» общества, — и в этом плане «правление законов» обладает несомненным преимуществом в сравнении с «правлением людей», тем более что этот столь дорогой ему принцип «правления законов» получил в развитых европейских демократиях новое признание и обрел яркое воплощение. В рамках этой своей твердой

---

¹ В статье «Свобода» в Энциклопедии XX века Боббио, ссылаясь на Т. Адорно и Г. Маркузе, говорит о меркантилизации искусства, о превращении культуры в развлекательную индустрию, что ведет к усреднению вкусов и в конечном счете к деперсонализации. В мире, где культура превращена в товар, говорить о свободе бессмысленно, тем более о свободе творчества. Индивид как протагонист истории теряет свою сущность, превращаясь в удовлетворенного раба (*Bobbio N. Libertà // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 1004*).

² *Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010. С. 191.

позиции на страницах «Будущего демократии» Н. Боббио обращается к Максус Веберу, различавшему харизматическую власть и власть легальную. В том же 1984 году, когда вышла эта работа, ученый много выступал (в частности, на страницах «Стампы») против «харизматического культа» Беттино Кракси.

В 1984 году Боббио издает книгу воспоминаний «Друзья и учителя»¹; в 1996 и в 1999 годах выходят его автобиографические книги — «De senectute» и собственно «Автобиография»², а в 2002 году издается работа «Тридцать лет истории туринской культуры»³. Размышления ученого о войнах и о необходимости их прекращения в свете соблюдения прав человека и защиты демократии начинаются с выхода книги «Проблемы войны и пути мира»⁴ и продолжаются в работах «Третий отсутствующий» (1988) и «Эпоха прав» (1989)⁵. В вопросах войны и мира философ следует гуманистическим интенциям М. Шелера, выраженным им еще в берлинской лекции «Идея вечного мира и пацифизма» (1927), где отстаивались идеи европейского объединения как источника мира и гарантии против войны.

Авторитет Норберто Боббио в интеллектуально-политической среде Италии и Европы был очень высок: называя Боббио «Сократом итальянской культуры»⁶, Ланфранки утверждает, что «примерно с 1976 года в Италии существует ”интеллектуальная гегемония Боббио”, сравнимая разве что с прежней гегемонией идеей Кроче»⁷.

Начало 90-х годов — время значительных перемен в политической жизни и политической структуре Италии⁸, — в это время разразился, по выражению Дино Бозетти, «кризис на небе и на земле».

---

¹ *Bobbio N. Maestri e compagni. Firenze, 1984.*

² *Bobbio N. De senectute. Torino, 1996; Bobbio N. Autobiografia. Roma–Bari, 1999.*

³ *Bobbio N. Trent'anni di storia della cultura italiana a Torino (1920–1950). Torino, 2002.*

⁴ *Bobbio N. Il problema della guerra e le vie della pace. Bologna, 1979.*

⁵ *Bobbio N. Il terzo assente. Saggi e discorsi sulla pace e la guerra. Torino, 1988; Bobbio N. L'età dei diritti. Torino, 1989.*

⁶ Энрико Ланфранки здесь не одинок: Сократом назвала Н. Боббио и исследовательница его взаимоотношений с коммунистами Надя Урбинати в статье «Сократ и коммунисты: причины и ход развития одного диалога» (*Reset 74/2002* — номер, посвященный Боббио). Надя Урбинати — теоретик политики, исследователь современной политической мысли; автор работы «Искаженная демократия» (см.: *Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М., 2016*).

⁷ *Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 69.*

⁸ В статье «Все изменилось, и лучше молчать» («Коррьере делла сера», 20 октября 1996 года) Боббио говорит об изменении политической парадигмы с конца Первой республики, а в статье от 25 октября того же года добавляет: «Изменилась не только парадигма, изменился также и я».

Резкая смена политического климата, почти мгновенная (по историческим меркам) трансформация партий обуславливают так называемый переход ко Второй республике. Причину таких перемен Боббио, как и большинство политологов, видит в окончании Холодной войны и в распаде СССР. «Результатом этого стало более жесткое разделение на два противостоящих лагеря правых и левых. Реформа избирательной системы сделала возможной ошеломительную победу на выборах 1994 г. правого блока во главе с "постмодернистской", неопопулистской партией "Вперед, Италия!" во главе с Сильвие Берлускони»¹. Принято считать, что с приходом Берлускони культурная гегемония левых в Италии заканчивается: новая волна «секуляризованной и американизированной массовой культуры» (Перри Андерсон) приводит к культурному доминированию правых.

Если в середине 60-х годов Боббио размышлял о необходимости создания в Италии единой левой партии, о партийно-политическом единстве левых сил, то в первой половине 90-х годов он подходит к мысли о необходимости единства левого движения уже в рамках Европы. Его позиция была положительно оценена крупнейшим английским историком-марксистом Эриком Хобсбаумом, который в интервью 1989 года с Джанкарло Бозетти, известным журналистом и интеллектуалом, основателем (совместно с Боббио и Витторио Фоа) интеллектуального журнала «Reset», выразил свою солидарность с Норберто Боббио в том, что касается континентального объединения левых сил на базе парламентской демократии и гражданских свобод.

В 1994 году Боббио пишет работу «Правые и левые. Смысл и значение одного политического различия»², которая вызвала огромный интерес. Разделение на правых и левых рассматривается в теоретическом ключе как базовая бинарная оппозиция, конституирующая политическую мысль и систему. В книге рассмотрено развитие как самого различия на правых и левых, так и развитие теоретического осмысления этой «великой дихотомии» (излюбленное выражение Боббио); отношение к традиции и иерархии в свете разграничения между правыми и левыми; различия в понимании прогресса, категорий справедливости и равенства в свете понимания прогресса; разные установки в понимании демократии, социализма и либерализма.

---

¹ Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 126.

² *Bobbio N. Destra e sinistra. Ragioni e significati di una distinzione politica.* Milano, 1994.

В 1995 году Боббио совместно с Джанкарло Бозетти и Джанни Ваттимо выпускает книгу «Левые в эпоху караоке»¹. «Эпохой караоке» называется время правления Берлускони начиная с его «выхода в поле» в 1994 году, — но в работе говорится о левых в условиях «постдемократии» вообще, о соотношении традиций левых сил и новых политических реалий, в которых они почувствовали себя расколотыми. На вопрос, не могут ли мешать левым их же собственные традиции в проведении инновационных принципов, Боббио и Ваттимо отвечают, констатируя тот отрадный факт, что левые постепенно отходят от «революционных мифов» и начинают признавать ценность «правил игры» демократии. — Так подтверждаются и обретают новую жизнь идеи, так находят воплощение политические императивы и установки Норберто Боббио.

О равенстве и о развитии представлений об этой «ускользающей категории», об опасностях реализации различных теорий эгалитаризма (в том числе и марксизма), размышляет Боббио на страницах сборника «Равенство и свобода» (1995)². Конечно, очень много в этой книге говорится о Марксе и марксизме. Как бы итог своего полувекowego диалога с марксизмом ученый подводит в большом сборнике очерков «Ни с Марксом, ни против Маркса» (1997)³, посвященном осмыслению исторического развития отношений марксизма и либеральной культуры Италии, роли учения Грамши в развитии марксизма итальянскими интеллектуалами-коммунистами. Уже судя по названию сборника, вполне ясен ответ ученого на предполагаемый вопрос об актуальности марксистских идей: Боббио не собирается «хоронить марксизм» или «выбрасывать Маркса на чердак»⁴. Принцип диалога остается для него незабываемым: заметим, что этой книге предшествовала статья «Приглашение перечитать Маркса» (1993).

---

¹ *Bosetti G., Vattimo G., Bobbio N.* La sinistra nell'era del karaoke. Milano, 1995.

² *Bobbio N.* Eguglianza e libertà. Torino, 1995.

³ *Bobbio N.* Né con Marx né contro Marx / Antologia a cura di C. Violi. Roma, 1997.

⁴ В 1911 году Джованни Джолитти в своем выступлении в Палате депутатов непреднамеренно обронил фразу «...а Карла Маркса отправили на чердак» (*Carlo Marx è stato mandato in soffitta*), — в том смысле, что положение трудящихся улучшается, требования социалистов стали более умеренными, вопрос о революции как не стоял, так и не стоит на повестке дня... Выражение Джолитти вызвало большой скандал, а одна группа ультрареволюционеров назвала свой журнал «Чердак» (см. об этом: *Кин Ц.И.* Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М., 1978. С. 181–182). «Похоронить марксизм» — одним из первых стал призывать Бенедетто Кроче, в дальнейшем «похороны марксизма» проводились с завидной регулярностью; Деррида остроумно заметил, что призрак Маркса не собирается уходить, сколь часто и с каким усердием марксизм бы не «хоронили».

В работах, выступлениях и интервью конца 90-х годов Норберто Боббио продолжает отстаивать идеалы Сопротивления, идеалы антифашизма. В 2002 году в Италии вышел специальный номер интеллектуального журнала «Ресет»¹, полностью посвященный Норберто Боббио. На страницах этого номера журнала «о вкладе итальянского ученого в науку и политику высказываются ”друзья и противники”. Все они убеждены, что итальянскому философу удалось ”поставить диагноз” итальянской нации, дать ответ на многие спорные обсуждаемые в мире проблемы, стать крупным мыслителем современности»².

ГЛАВА 2

Концепция политической роли интеллектуалов Норберто Боббио в работе «Политика и культура» (1955)

I

В «Политике и культуре» в ходе полемики с коммунистами Норберто Боббио представляет, обосновывает и защищает свою концепцию свободы, которая понималась философом с «либеральной точки зрения», — как свобода индивидуальная: Боббио в этом следует, по его словам, «линии Локка–Канта»³, в рамках которой свобода трактуется как невмешательство государства в деятельность индивида, ограниченной только рамками закона⁴. «Линия Локка–Канта» —

---

¹ Reset. 2002. № 74. (Novembre). В спецномере — вводная статья Д. Бозетти и четыре тематических блока статей: статьи о диалоге, о философии политики, о демократии и о проблемах мира. Необходимо отметить, что большинство авторов скорее склонны к критике (причем подчас жесткой) мыслителя, нежели к апологетике. Особо следует выделить статьи Дино Кофранческо, Федерико Козна (экс-руководитель «Мондоперайо»), Перри Андерсона, Данило Дзоло, Себастиано Маффетоне, Джанфранко Паскуино, Никола Маттеуччи, Алессандро Пиццорно, Франко Сбарбери, Луиджи Бонанате.

² Любин В.П. Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М., 2005. С. 127.

³ См.: *Bobbio N. Della libertà dei moderni comparata a quella dei posteri; Libertà e potere* // Bobbio N. *Politica e cultura*. Torino, 1955.

⁴ Противоположная «линии Канта–Локка» — это, по Боббио, «линия Руссо–Гегеля». Делла Вольпе определяет этот подход как направление Руссо–Маркса–Ленина, — это последовательность учений о свободе как равенстве в *государстве*

свобода «негативная», свобода как не-препятствие или «свобода *от*» — особенно ярко было представлено крупнейшим теоретиком французских либералов начала XIX века — Бенджаменом Констаном, а во второй половине XX века — Исайей Берлином¹. Защиту концепции свободы в этой трактовке Боббио проводит особенно убедительно в очерке, название которого как бы продолжает тему, поднятую Констаном, — «О свободе современных людей в ее сравнении со свободой потомков». Называя так одну из наиболее политико-теоретически значимых статей «Политики и культуры», Боббио заостряет внимание тех, к кому обращены его строки, на довольно тривиальной вещи, которую тем не менее нередко забывают (или предпочитают делать вид, что забыли): свобода может быть и, как правило, постоянно находится под угрозой, свобода всегда нуждается

(см. уже упоминавшуюся его работу 1962 года «Руссо и Маркс»). По мнению ученика Г. делла Вольпе — Лючио Коллетти, заслуга Руссо как предшественника Маркса и Ленина состоит в критике принципа представительства и в теории народного суверенитета. Лючио Коллетти отрицал гегельянские истоки марксизма ввиду невозможности материалистической интерпретации гегелевской диалектики; в качестве фундаментальных источников марксизма он рассматривал философию Канта и политическую философию Руссо. П. Андерсон пишет: «В Италии Делла Вольпе и его школа критиковали гегелевскую философию, заявляя, что мысль Маркса представляет собой полный разрыв с Гегелем. <...> Однако именно ученик Делла Вольпе Коллетти написал крупную в рамках западного марксизма систематизированную работу, направленную против гегельянства. Это была книга "Гегель и марксизм". <...> Коллетти утверждал, что подлинным философским предшественником Маркса был не Гегель, а Кант. <...> Точно так же, по мнению и Делла Вольпе, и Коллетти, в своей политической теории Маркс, не сознавая того, опирался на труды предшественника — Руссо» (Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common place, 2016. С. 95–96). О Лючио Коллетти см. также: *Ойзерман Т.И.* Что такое «западный марксизм»? Существует ли он в действительности? // Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму. Материалы одноименной международной научно-практической конференции. 27–29 мая 2003 г. / ИФ РАН. Омск, 2004. С. 132–133; *Майданский А.Д.* «Русский европеец» Э.В. Ильенков и западный марксизм // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 95–97.

¹ Исайя Берлин в лекции 1958 года назовет эту свободу «негативной»; его работа «Две концепции свободы» выйдет только в 1969 году. Терминами «негативная» и «позитивная свобода» будет пользоваться и Боббио. Что же касается «дихотомии свободы» в «Политике и культуре», то это не нововведение Н. Боббио: в одном из позднейших интервью ученый расскажет, что главным источником для него в этом плане послужила книга лондонского политолога, активного участника Европейского общества культуры, автора замечательных биографий ряда мыслителей (Локк, Руссо, Сартр) Мориса Крэнстона (1920–1993): *Cranston M. Freedom. A New Analysis.* L., 1953. После выхода работ Берлина также и Крэнстон будет использовать его терминологию.

ся в защите, заботе о своем будущем. Этот очерк 1954 года является ответом на статью Гальвано делла Вольпе «Коммунизм и современная демократия», опубликованную в том же году, — в ней второй по значимости после П. Тольятти идеолог ИКП отстаивал коммунистическую «свободу в государстве», руссоистское понимание отношений государства и индивида.

Очерк Боббио в защиту негативной свободы (терминологию Берлина философ будет использовать и в последующих работах), против *libertas maior* коммунистов, был настолько сильным полемически и ярким в теоретическом отношении, что не оставил равнодушным лидера итальянской компартии, заставив его взяться за перо: в конце 1954 года Пальмиро Тольятти публикует в «Ринашите» под излюбленным псевдонимом «Родериго ди Кастилья»¹ статью «На тему свободы» («Ринашита», № 11–12 за 1954 год)². Боббио отвечает главе ИКП очерком «Свобода и власть», в котором в полемическом задоре доходит до патетики в защите своего либерального кредо — патетики, обычно не свойственной его строгим, логически выверенным рассуждениям: «То, что либерал ценит и на чем не устает настаивать, — чтобы в определенных пределах, время от времени меняю-

---

¹ Начиная с 1951 года некоторые статьи в «Ринашите» Тольятти подписывал «Родериго ди Кастилья». Имя «Родериго ди Кастилья» взято из новеллы Макиавелли об «архидьяволе» Бельфагоре, который по заданию «более высокой инстанции» должен сойти на землю и в человеческом облике жить среди людей; при этом женитьба была обязательна. Бельфагору было суждено убедиться в том, что по части хитрости, жадности и зависти люди вполне способны конкурировать с представителями и обитателями ада. Массимо Мастрогрегори, изящно называя имя Родериго ди Кастилья «светским именем дьявола», в качестве причины такого предпочтения Тольятти для псевдонима указывает изначальную вражду между церковниками и коммунистами, обострившуюся после войны. Как представляется, это было скорее беззлобной шуткой в стиле необычных предпочтений Тольятти (как привычка писать зелеными чернилами) в адрес церковников и христианских демократов, нежели намеренное желание разозлить их (а они были главными политическими антагонистами ИКП), хотя основатель и лидер ХДП Альчиде де Гаспери, непримиримый политический противник Тольятти, все же язвительно прокомментировал его псевдоним в том стиле, что дьявол занимает души коммунистов, и они таким образом находятся в аду (впоследствии он отказался от этих слов). Также известна полужутливая статья в «Ринашите», написанная редколлекгией в ответ на вопросы заинтригованных читателей по поводу «нового автора»: *Chi è questo Roderigo? // Rinascita*. 1951. № 10. (Все статьи Тольятти, опубликованные за подписью Родериго ди Кастилья, собраны в книге «Курсивы Родериго»: *I corsivi di Roderigo: interventi politico-culturali dal 1944 al 1962*. Bari, 1976.)

² См.: *Togliatti P. In tema di libertà; Ancora sul tema di libertà // Togliatti P. La politica culturale / A cura di L. Gruppi*. Roma, 1974.

щихся, была гарантирована свобода *от государства* (или от церкви, или от сверхгосударства, или от партии и т.д.); чтобы, каков бы ни был социальный класс, в руках которого находятся ключи от власти, он не осуществлял эту власть деспотически или тоталитарным образом, но гарантировал индивиду более или менее широкую сферу неконтролируемой деятельности, не подверженную указаниям и маниакальному контролю; чтобы сферы публичного и частного различались, и человек не оказался бы *гражданином по преимуществу* и исключительно. Все то, что не подчинено государству, а именно, поиски истины и моральное сознание, — и не может быть ему подвластно. И добродетель не должна быть *вынуждена сиять*, как в деспотические времена или во времена святых и героев, но может светить менее ярким светом, проявляясь во вполне обыденных, житейских делах *обычных граждан* из негероической плоти и не священной крови; чтобы человеческая жизнь не была охвачена государством и политизирована, не была превращена в бесконечный парад на площади или в вечное заседание, на котором все сказанное сразу записывается в анналы истории, но имела бы свои паузы, дни отдыха, свои скучные и серые будни»¹.

Массимо Мastrogregори, резюмируя диалог Боббио–Тольятти, говорит: «Подписываясь "Родерико ди Кастилья", Тольятти пишет большой очерк под названием "На тему свободы" и врывается в полемику с позиций авторитета. Сразу же все меняется: это больше не полемика между коллегами, университетскими профессорами — Бьянки Бандинелли, Боббио, делла Вольпе. Теперь в полемике выступают глава партии коммунистов и интеллектуал. Это — качественный скачок: дискуссия о политике и культуре становится воистину дискуссией *между политикой и культурой*»².

Насыщенность поэтическими образами, метафорика используются Боббио также для того, чтобы лишний раз акцентировать внимание своих оппонентов и вообще читателей на своем основном положении: свобода — это свобода индивидуума *от государства*, а либерализм — это «теория и практика ограничения пределов власти государства, особенно в нашу эпоху, когда возникло столько всемогущих государств»³. Именно так понимаемая свобода есть «само

¹ Bobbio N. Libert  e potere // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 276–277.

² Mastrogregori M. Politica e cultura: gli intellettuali, la CIA e la «guerra fredda culturale» (1948–1968) / Lezioni tenute all'Universit  di Roma «La Sapienza». Facolt  di Lettere e Filosofia. Corso di Laurea in Storia. Anno accademico 2005–2006. Roma, 2006. P. 338.

³ Bobbio N. Libert  e potere // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 278.

условие жизни общества и развития человечества»¹ На этом понимании свободы, лежащем в основании либералистического мировоззрения Боббио, базируется и его концепция свободы искусства, науки и культуры в целом, исходя из которой он делает выводы в отношении действий, способа существования в культуре и сущности «людей культуры», или интеллектуалов.

Защите автономии культуры, критике принципа ее партийности и, в более широком смысле, — борьбе против политизации культуры, Норберто Боббио посвящает три очерка из «Политики и культуры»: «Культурная политика и политика культуры» (1952), «Защита свободы» (1952) и «Свобода искусства и культурная политика» (1953). Два последних очерка, в свою очередь, отражают дискуссию либерального мыслителя с партийным теоретиком и идеологом Рануччо Бьянки Бандинелли, который настаивал на принципе партийности культуры (*partiticità della cultura*).

Подход Боббио к культуре, исходный принцип его отношения к проблеме культуры и свободы, ясен из сказанного ранее и логично вытекает из его концепции свободы: если свобода — это «непрепятствие» (*non-impedimento*), свобода *от* государства, то «свободная культура означает культура, которой не чинят препятствий (*cultura libera significa cultura non impedita*)»², культура, не испытывающая жесткого воздействия, прессинга, если угодно, государства и вообще политики (но сама культура при этом, заметим, вовсе не отказывается от воздействия на политику). Р. Бьянки Бандинелли в своей статье «Диалог о свободе» (1952) по-марксистски отстаивает партийность культуры: она партийна всегда, на всех этапах своего существования и развития, так как отражает мировоззрение доминирующего класса. Из этого постулата, на который делал особый упор В.И. Ленин, Бьянки Бандинелли делает те же выводы, что и все марксисты, в духе концепции развития человеческого общества на пути к коммунизму и рождения в связи с этим переходом *новой культуры*. Еще в статье «Приветствие итальянским интеллектуалам» (1946)³ один из ведущих идеологов партии настаивал на связи культуры с массами, на постулате передовой коммунистической культуры, идущей на смену реакционной буржуазной, базирующейся на идеализме

---

¹ *Bobbio N. Libertà dell'arte e politica culturale // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 99.*

² *Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 38.*

³ *Bianchi Bandinelli R. Dal diario di un borghese e altri saggi. Roma, 1976. P. 224–230.*

и оторванной от народа. В противоположность этому подходу Боббио рассматривает саму связь культуры с классом, отношение свободы культуры и связей в обществе. Быть свободным — вовсе не означает быть без связей, существовать, будучи не связанным ни с чем: в понимании Боббио свобода означает «не иметь других связей кроме как принимаемых по внутреннему убеждению, но не по внешнему принуждению»¹, поэтому важно не то, что, положим, какой-либо деятель культуры в своем творчестве выражает мировоззрение определенного класса или видение мира своего времени, — важно, делает ли он это, поскольку свободен или поскольку вынужден (например, партийными директивами). В этом свободном действии в культуре индивидуума, непреклонно защищаемом Боббио, и состоит основа автономии культуры, творимой и развиваемой интеллектуально независимыми «людьми культуры».

Политику руководства культурой со стороны класса, партии, государства, имеющих свои интересы в отношении культуры и предписывающих ей определенные императивы и директивные принципы, как уже отмечалось, философ называет «культурной политикой» (*politica culturale*), связывая это понятие с понятием органического интеллектуала Грамши. Культурная политика вменяет культуре внешние по отношению к ней императивы, и в этом случае культура зачастую становится, по Боббио, политизированной (*cultura politicizzata*). Крайнее выражение такой тенденции — тогдашняя советская культура, которая была политизирована абсолютно, вплоть до партийности науки. Боббио был впечатлен советскими лингвистическими дискуссиями, принцип (в данном случае вполне уместно сказать «догмат») партийности науки он назвал реакционным, и в этом с философом согласились многие итальянские коммунисты. — Он пишет: «Один принцип, по моему мнению, противоречит марксистской идеологии, рожденной на почве историцизма, — и это принцип партийности науки, придающий советскому государству церковно-догматический характер. В самом деле, если настоящая наука — та, которая следует директивам партии, то тогда мы имеем обладателя абсолютной истины, и это — партия»².

Боббио считает, что не только либералы, но в принципе все «люди культуры» должны до конца отстаивать свободу культуры: интел-

---

¹ *Bobbio N. Libertà dell'arte e politica culturale // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 86.*

² *Bobbio N. Difesa della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 52.*

лектуал «должен ясно понимать прежде всего следующее: когда он защищает свободу искусства, то высшая ценность, защищаемая им, — это не ценность свободы искусства, но ценность самой свободы»¹. Культурная политика, в отличие от прямого партийного руководства культуры партией, дает искусству, культуре относительную свободу, но тем не менее рассматривает эту свободу инструментально: культура относительно свободна постольку и в тех рамках, поскольку и до каких пор служит политике. Политизация культуры, — когда она «подчиняется директивам, программам, постановлениям, исходящим от политиков»², крайним выражением которой является принцип партийности культуры, то есть полное подчинение политике, — это первая опасность для культуры. Но существует и другая, прямо противоположная опасность — культура может стать аполитичной (*cultura apolitica*), оторванной от общества, в котором существует, от его потребностей, от социальной коммуникации. Эти два состояния культуры Боббио называет «двумя сторонами одной медали» и заключает: «Оба они, при всей их противоположности, несут одинаковую опасность: культура теряет свою функцию духовного руководства обществом»³.

Каковы же тогда должны быть действия «людей культуры» — интеллектуалов — в отношении свободы культуры? До какой степени «защищать ее от политики», не подвергая опасности довести культуру до полной аполитичности? Необходимо отметить достаточно высокую степень политизации итальянского общества во время, когда писались дискуссионные очерки «Политики и культуры», так что требования некоторой степени деполитизации культуры (или, лучше сказать, ослабления накала ее политизации) были бы вполне уместны. Но Боббио вовсе не призывает, подобно Жюльену Бенда, интеллектуалов к абсолютному отказу от политической деятельности, — напротив, ученый говорит об обязанностях «людей культуры» по отношению к самой культуре, причем эти обязанности являются политическими. Автономии культуры должна соответствовать независимость интеллектуалов, которая понимается философом в двух смыслах: как независимость собственно интеллектуальная, то

---

¹ *Bobbio N. Libertà dell'arte e politica culturale // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 95.*

² *Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 35.*

³ *Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 35.*

есть свобода от идеологических *догм* и *доктринальных «заповедей»* (но при этом независимость не идентична отсутствию идеологии); и как независимость политическая, то есть свобода от партийных директив и императивов. Политизированный интеллектуал, которому не удалось сохранить дистанцию по отношению к политике и позволить «политическим страстям» (Ж. Бенда) увлечь себя, растворяется в водоворотах политики, все больше утрачивая свою сущность «человека культуры». Эта вечная тема — история отношений интеллектуала, философа, «человека культуры», — и власти, политики. «Став проводником политических и идеологических установок, — пишут В.В. Миронов и Д.В.Г. Миронова в статье о взаимоотношениях с властью Мартина Хайдеггера, — философ исчезает как мыслитель и (осознанно или нет) оказывается встроен в процесс реализации идеологических конструкций власти». — Ведь «власть всегда переигрывает философов, ибо ее пространство — это пространство политики, в которой философы не сильны. И чаще всего именно власть использует мыслителей в своих целях, а использовав, в лучшем случае забывает»¹.

Интеллектуал, как уже было не раз отмечено, по твердому убеждению Норберто Боббио, не должен быть членом никакой из партий и не должен принимать *прямого участия* в политике², «не быть органичным» по отношению к партиям и идеологиям. Это требование не означает запрета участия в политической жизни, и тем более не является «требованием безразличия» к политике, ибо «также и мир культуры имеет потребности, обязанности и возможности политического плана», — а отсюда следует, что интеллектуал должен

---

¹ *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 23–27. Авторы работы приводят предостережение Ханны Арендт: «И потому духовные пастыри, радетели бытия и нового гуманизма должны быть максимально осторожными, ответственными, когда встают под знамена каких-либо уже существующих идейных движений или когда сами становятся основателями, родоначальниками новых ”поворотов”...» (С. 23).

² Боббио употребляет слово *imparzialità*, означающее и «непричастность» (интеллектуал не должен быть «человеком части», то есть партии, *участвовать* в партии), и «беспристрастность». Именно это понятие он противопоставляет «нейтральности», связывая непричастность к определенной партии также и с требованиями интеллектуальной дисциплины, неприятия догматизма. Себя Боббио называет иногда «не-политиком», оговариваясь при этом, что «неполитик не означает аполитик, тем более политикофоб: мнимый аполитик и похваляющийся политикофоб на деле всегда реакционны» (*Боббио Н.* Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 168).

«понимать культуру как политический факт». — «Из этой констатации, — продолжает Боббио, — следует общее правило поведения для человека культуры в обществе, — правило, согласно которому его участие или неучастие в политической жизни не должны затруднять сами условия существования и развития культуры. Этот долг для человека культуры — превыше всех других». — Это прямо соответствует принципу не-препятствия (*non impedimento*) в понимании свободы, принципу «негативной свободы», примененному в отношении культуры. Конечно, из этого «негативного» принципа вытекают и позитивные обязанности интеллектуалов в отношении культуры, общий смысл которых — «бдительность и твердость в защите культуры»¹, отстаивание ее интересов в политике и социальной жизни.

Обязанности «людей культуры» по отношению к ней таким образом имеют целью оградить ее как от политизации, так и от аполитичности. Совокупность этих обязанностей составляет своего рода кодекс интеллектуала-«человека культуры». Этот кодекс Норберто Боббио вслед за Умберто Кампаньоло и вместе с ним называет «политикой культуры» (*politica della cultura*), в отличие и в противопоставление «культурной политике» (*politica culturale*), предполагающей «планирование культуры со стороны политиков». — На страницах «Политики и культуры» Боббио много раз повторяет определение «человека культуры» как ее «возделывателя и хранителя» (*custode e depositario*); его при этом не пугает, что многие интеллектуалы являются членами различных политических партий и приверженцами различных мировоззренческих систем и идеологий, ведь «политика культуры» — «имеет отношение к тому общему, что объединяет людей культуры, и не касается того, что их разделяет»². Философ не видит большой опасности в том, чтобы «человек культуры» не просто принимал участие в политической жизни, но и занимался определенной политикой, — для него важен не сам факт степени вовлеченности в политику, но влияние этой вовлеченности на того, кто вовлекается, «ввергается»; это, по принципиальному требованию Боббио, не должно превращаться в пропаганду политических воззрений, и тем более доходить до проведения политических взглядов и позиций в практические решения в качестве императивных для культуры. В этом случае политическая деятельность интеллектуала

---

¹ *Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 34–36.*

² *Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 36–37.*

становится несовместимой с его основным призванием, с его главным долгом по отношению к культуре. Таким образом, интеллектуальная свобода, «свобода человека культуры от политических формул и пропаганды может стать предпосылкой его эффективной политики культуры»¹.

В итальянской культуре, современной Норберто Боббио и защищаемой им как «человеком культуры», аполитичность и политизированность были теми крайностями, которые необходимо было преодолевать интеллектуалу. Если «академическая культура» («*cultura accademica*»), при всей ее скрупулезности и научной строгости, страдала излишней беспристрастностью, доходящей до «холодности и безразличия»; то, с другой стороны, политизированная культура, при всей ее живости и вовлеченности в общественные проблемы, часто доходила до «тенденциозности». Противоречие между этими крайностями в Италии, полагает философ, было велико как нигде, поэтому задачу интеллектуала он видит в том, чтобы это напряжение снижать, примиряя данные крайности культуры прежде всего в себе самом. Исходя именно из таких задач, Боббио «вооружает» интеллектуалов своей «действенной», или «воинственной» философией — *filosofia militante*. В *filosofia militante* совмещается два смысла — действенность (активность и результативность, эффект) и воинственность (настойчивость, непреклонность, непримиримость в защите своих принципов, подобно принципиальности коммунистов). В очерке «Культура старая и культура новая» отражен идеал «человека культуры» Италии — итальянского интеллектуала с его просветительскими, антидогматическими интенциями и чаяниями свободы, главные задачи которого — поиск истины и способствование развитию свободы. О действенной (воинственной) философии Боббио пишет так: «Действенная для кого? Может быть, для партии, для секты или для конфессии? Действенность не означает партийность, сектантство или набожную преданность. Это не тот способ философствования, когда смотрят на вещи с высоты закоснелой мудрости, но когда углубляются в изучение конкретных проблем, и только после тщательного и методичного исследования принимают позицию [или решение]». — Важнейший принцип действенной философии Боббио — это принцип ответственности ученого, философа за принятое им решение, а также ответственности за собственный политический выбор, лежащий в основе этого решения. Действенная филосо-

---

¹ *Bobbio N. Difesa della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 49.*

фия Боббио направлена против догматизма, и поэтому ученый ставит задачу опровергнуть «старую концепцию философии как мертвого знания, делающего из философа жреца, интерпретатора абсолютной истины, по отношению к которой он является только хранителем»¹.

II

Один из очерков «Политики и культуры» — «Интеллектуалы и политическая жизнь в Италии» — философ посвящает анализу культурной ситуации в послевоенной Италии, борьбе левых интеллектуалов, приверженцев просвещенческой культуры с ее живостью и стремлением к действию, против культуры обскурантистской с ее иммобилизмом, клерикализмом и реакционностью, к которой тяготеет правящая группировка. Рассматривая условия формирования нового «политического корпуса», *класса* «людей культуры» как особой общественной группы со своими социально-политическими задачами, Боббио проводит сравнение политики и культуры как двух взаимосвязанных, но принципиально различных сфер общества, и делает из этого ряд выводов, касающихся сущности и функций интеллектуалов (как, впрочем, и политиков), а также формулирует различные способы поведения «людей культуры» *по отношению к политике и в политике*. Философ насчитывает шесть пунктов различия культуры и политики, — соответственно, шесть критериев отличия «людей культуры» от политиков, «людей политики».

Первый критерий различия касается ограниченности политики географическими границами государства, проводящего ее: поэтому «политика национальна и националистична, культура же космополитична. Культура не видит перед собой ни политических, ни географических барьеров. Отечество *человека культуры* — весь мир»². Этот космополитический идеал имеет свои корни в идеологии Просвещения и противостоит «тоталитарному» видению мира. Однако принцип космополитичности, доведенный до крайности, может превратиться в антинационализм и «абстрактный космополитизм», в пренебрежение национальными интересами. Здесь следует заакцентировать один важный момент: интеллектуалы никогда и не были «безродными космополитами», чуждыми национальных интересов

¹ *Bobbio N. Cultura vecchia e politica nuova // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 205–207.*

² *Bobbio N. Intellettuali e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 131.*

своих стран, а их космополитизм действителен только по отношению к ценностям культуры, которая не должна служить ни предметом, ни причиной раздора. Интеллектуалы ставили целью всеми силами предотвращать «войну культур», разоблачать политиков, когда те пытаются использовать культуру в своих целях; для интеллектуала невозможна даже мысль о том, что культуры могут воевать между собой (вроде хантингтоновского «столкновения цивилизаций» — концепции, к слову сказать, заведомо «подстроенной» к определенным задачам внешней политики Америки).

Второй критерий связан с сущностью культуры как области деятельности людей, в которой человеческий дух создает непреходящие, универсальные ценности, отражающие вечные идеалы человечества; политика же, вне сомнения, более приземлена: она имеет дело с проблемами частными, иногда даже случайными: «Люди политики знают только случаи и необходимости, тогда как *люди культуры* изменчивому случаю противопоставляют неизменные идеалы, а постоянно меняющейся политической необходимости — идеалы вечной справедливости»¹. Однако превращение этого принципа в догмат чревато превращением культуры в беспомощное созерцание «вечных идей»; также тут проглядывается и угроза более высокого порядка: если инертная культура делает из вечных культурных идеалов и ценностей предмет для созерцания, то культура, придающая второму критерию чрезмерное значение, превращает их в совокупность догм и обязательных императивов, превращая свои ценности в политико-догматический комплекс, и так бумерангом ввергает себя в услужение политике.

С отношением к конформизму и догматизму связан третий критерий: «Политика придерживается определенной степени конформизма; культура же, если и дышит, то только в атмосфере свободного поиска. В политической жизни догма представляется столь же необходимой, сколь и критическое сомнение в жизни мысли»². Однако метод критического сомнения, «экссклюзивными» обладателями которого являются ученые и «люди культуры», подвержен опасности вырождения в *проблематизм*, когда исследователь, мыслитель превращает в проблему решительно *всё*. С другой стороны, догматизм есть куда более серьезная опасность для культуры, — собственно, по Боббио, самая серьезная опасность: победа догматизма оз-

---

¹ Bobbio N. Intellettuali e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 131.

² Bobbio N. Intellettuali e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 131.

начает слияние культуры с политикой, поглощение и превращение культуры в часть, отрасль политики, реализующую политические планы и выполняющую политические задачи.

Четвертый критерий вытекает из третьего и является самым важным из всех шести, так как, во-первых, отражает отношения культуры и свободы, а во-вторых, касается сущности и назначения интеллектуалов как протагонистов культуры. «В политике существует необходимость в коллективном духе (*spirito gregario*¹), тогда как культура есть по преимуществу высшее выражение индивидуальности. *Человек культуры*, который уступает политике, заканчивает тем, что рискует отказаться от части себя самого, — от того, что делает его *человеком культуры*»². Конечно, дух индивидуализма при его чрезмерном развитии может привести и к анархическим формам самовыражения, но отказ от индивидуальности, растворение «человека культуры» в политической коллективности ведет к утрате им своей самости. С этим конституирующим элементом интеллектуальности связано понимание Боббио роли партий, партийности, и требование неучастия в непосредственной партийной деятельности, отказа от прямого политического действия. Как видно, эти требования философа к интеллектуалам обоснованы его сущностным пониманием культуры, свободы и индивидуализма. Из четвертого критерия вытекает также принцип невозможности «партии интеллектуалов», споры о необходимости и желательности, или, наоборот, о пагубности существования которой велись многими интеллектуалами еще с дрейфусовских времен (тут и Шарль Пеге, и Джованни Папини, и Джузеппе Преццолини, и Пьеро Гобетти, и Бенедетто Кроче; не говоря уж о полемике вокруг «Справедливости и свободы» и Партии действия как «партий интеллектуалов»). Но «доктринальная гомогенность» вообще не свойственна «людям культуры», ибо предполагает доктринальную дисциплину, помимо обычной партийной. Боббио полагал, что, будучи членом определенной партии, «человек культуры» растворяется в политике, утрачивая свою индивидуальность: «люди культуры» не могут быть подвержены влиянию доктрины (*addotrinati*), так как в этом случае утрачивается критический дух (*spirito critico*)³.

---

¹ Буквально «стадный» (*greggio* — стадо).

² *Bobbio N. Intellettuale e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 131.*

³ Так, Федерико Черейя, говоря о «растворении» интеллектуала в революционном действии в случае с П. Гобетти, показывает, что марксистский дух (*spirito marxista*) ведет у того к революционному самопожертвованию, к осознанию рели-

Пятый критерий касается пристрастности политики, в отличие от беспристрастности науки: «Политика пристрастна (*parziale*), тогда как наука беспристрастна (*imparziale*). Человек, занимающийся политикой, не может быть одновременно *человеком культуры*, так как страсти, подобающие первому, возмущали и сбивали бы с пути второго»¹. При этом философ считал, что беспристрастность не должна вырождаться в безразличие. Но что означает этот критерий на практике, почему он выделен отдельно? Заметим в который раз, что философ использует слова *parziale*, имеющее также значение «*частичный*», а у Боббио это — прямое указание на партийность, пребывание в определенной партии, тогда как «человек культуры» не должен быть «человеком части». В этом случае можно задаться вопросом: какое отношение имеет беспристрастность к партийности или беспартийности в политике и что нового задается требованием беспристрастности, если уже введен императив независимости (как в интеллектуальном, так и в политическом смысле)? Беспристрастность (но, вспомним, не безразличие) в отношении политики является у Боббио синонимом критического духа, обладая которым интеллектуалы должны участвовать в политической жизни, не подпадая под влияние партий с их доктринами и идеологиями, то есть не выходя из круга культуры. В практическом плане это выражается в нейтральности людей культуры, которая понимается философом нетривиально, не как политическая позиция, но как позиция интеллектуальная, когда «люди культуры», анализируя мнения различных политических партий, принимают ту точку зрения, которая при беспристрастном анализе в процессе диалога представляется им наиболее соответствующей их культурным интенциям. Только принимая принцип беспристрастности, интеллектуал может выполнять свои обязанности критика различных политических мнений и позиций, несмотря на риск оказаться в изоляции, когда борющимся политическим силам не удастся привлечь его на одну из сторон.

Критерий беспристрастности и соответствующее правило поведения «людей культуры» имеет также и полемическую направленность и силу. Отстаивая независимость интеллектуалов, Боббио выдвигает этот критерий как тезис против тех, кто обвиняет их в

гнозного характера революции и т.д., — но не ведет к интеллектуальной критике, даже не предполагает ее (см.: *Cereja F. Intellettuali e politica. Dall'epoca giolittiana all'affermazione del fascismo. Torino, 1973. P. 136–138*).

¹ *Bobbio N. Intellettuali e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 131.*

безразличия и бездеятельности. В очерке «Критический дух и политическое бессилие» из «Политики и культуры», защищая тезис беспристрастности в острой полемике с коммунистами, философ говорит: «То, чего нельзя допустить, — чтобы интеллеktуал отвернулся от обязанности беспристрастности, ибо где нет духа беспристрастности, — нет и культуры незаинтересованной, автономной, но только культура политизированная, — и, следовательно, культура фальшивая и испорченная». — Беспристрастность «людей культуры», вооруженных критическим духом, противопоставляется таким образом пристрастности политиков, — и хотя это полемическое противопоставление касается современного «Политики и культуры» собрания итальянского общества, Боббио делает общекультурные выводы, возводя разлад между политикой и культурой к «вековой вражде между свободным разумом и мирской властью»¹.

Шестой критерий отличия политики и культуры связан с моральной силой культуры, с отношением к морали как части культуры. Политика связана с экономической жизнью, с жизненными потребностями общества, ее действия связаны с насилием, с силой, осуществляемой государством. Культура придает ценность и силу моральным требованиям, предъявляемым обществу его моральным сознанием, интерпретатором которого является «человек культуры»². Следуя по этому пути, легко скатиться в пустое морализаторство, моральное проповедничество (*predicazione moralistica*), и Боббио предостерегал от этой опасности «людей культуры», критически рассматривая позицию Жюльена Бенда, уделявшего чрезмерное внимание универсальному и абстрактному в сфере интеллектуальной деятельности, «отстраняя» тем самым интеллеktуала от политической жизни и ограничивая его социальную деятельность функциями моралиста. Впрочем, не менее резко (но не совсем справедливо) критикует Боббио и морализаторство Сартра³, как и вообще его подход к

---

¹ *Bobbio N. Spirito critico e impotenza politica // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 143–144.*

² *Bobbio N. Intellettuali e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 131.*

³ Боббио, как и многие другие современники и исследователи, порицает Сартра за морализаторство. Так, к примеру, Р. Арон говорит: «...Сартр был моралистом. Он не мог допустить, что мои позиции, может быть ошибочные, не были преступными. Для него, моралиста, было трудно принять аргументацию человека, который занимал позиции, радикально отличные в политическом плане от его позиций» (*Арон Р. Пристрастный зритель. М., 2006. С. 211*). Напротив, К.М. Долгов считает иначе, вступаясь в защиту: анализируя и излагая сартровские идеи и взгляды на ис-

проблеме ангажированного интеллектуала: «Гениальный и разносторонний писатель, философ, литератор и драматург, он принес свой гений в жертву идолу ангажированности любой ценой, жертвуя даже обдуманностью и последовательностью; истощил свою исключительную жизненность в угаре постоянного присутствия: между марксизмом и экзистенциализмом, между коммунизмом и свободой; и эту двойственность исчерпал до конца, приведя себя к одиночеству»¹.

Таковы отличия политики от культуры, и «человека культуры», интеллектуала, от «человека политики», которого Боббио иногда называет «ординарным политиком». Политик склонен к догматизму, он редко бывает критичным, ему не свойственно «сеять сомнения». Со всем иное дело — интеллектуал — и здесь мы возвращаемся к разработанной специально для «людей культуры» действенной / воинственной философии (*filosofia militante*). *Filosofia militante* — это мировоззрение «людей культуры», соответствующее их особенностям и задачам в культуре и политике; это, можно сказать, «методология интеллектуалов», основными чертами которой являются кри-

---

кусство и долг писателя, он пишет: «Современная литература и искусство должны быть ангажированными и ставить самые серьезные и острые проблемы, но для этого они обязаны стать моральными, а не морализаторскими, и не забывать о том, что человек есть высшая ценность» (*Долгов К.М. О встрече с Жаном-Полем Сартром и Симоной де Бовуар // Долгов К.М. Философские измерения политики, дипломатии и культуры. Том IV: Культура и современность. М., 2007. С. 281*).

¹ *Bobbio N. Intellettuali // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 801.* В самом деле, критика не вполне справедлива, особенно в части, касающейся «растраты гения»: ведь на деле Сартр вовсе не истратил свой талант в громких (и пусть даже подчас, возможно, на первый взгляд, и бессмысленных акциях), выступая *в своем праве* на политической арене; однако — *à-propos* — это довольно жесткое замечание можно отнести к Андре Глюксманну, который и в самом деле впустую истратил свой дар философа, публициста и интеллектуала, — талант, который проявился в полной скрытых смыслов книге «Господа мыслители» («*Les Maîtres-Penseurs*», 1977) — одним из немногих (если не единственным) серьезном философском произведении волны «новых философов». С другой стороны, можно ли поставить вопрос, принес ли Сартр-интеллектуал ущерб Сартру-художнику, если учитывать то, что Жан-Поль Сартр непредставим как только художник слова, да и вряд ли состоял бы в отрыве от своей вовлеченности. Да и кто важнее — Сартр-интеллектуал или Сартр-художник? В этом плане не так уж неожиданно звучат слова Альберто Моравиа, сказавшего, что Сартр — «безусловно крупный интеллектуал, но лишь sporadически — художник» (см.: *Кин Ц.И. Итальянские мозаики. Статьи об итальянской литературе 70-х годов. М., 1980. С. 329*). С другой стороны, и логику Боббио — когда тот критикует Сартра — можно понять: ведь для итальянского интеллектуала совершенно неприемлемым является не только отрыв от культуры и принесение ее в жертву политике (что в определенной степени в случае Сартра приходится признать), но даже признание самой возможности этого.

тический дух с его методом критического сомнения (*dubbio critico*); лаицизм (*laicismo*), под которым имеется в виду противостояние идеологическому диктату и догматизму в политике; и диалог как образ действия «людей культуры» в политике.

Проанализировав *отличия* политики и культуры, Боббио переходит к «феноменологии *отношений* политики и культуры» на примере в итальянского общества второй половины XX века, насчитывая четыре основных образа действий, распространенных в среде итальянских интеллектуалов, анализируя каждый и обосновывая выбор того модуса, который более всего подобает «людям культуры». Речь идет об отношении интеллектуалов к противоборствующим политическим силам, партиям, группам и т.д., противостоящим, в частности, и в идеологическом плане.

В первом случае интеллектуал исходит из преувеличенного значения «вечных идеалов» и действует в соответствии с принципами Ж. Бенда, возвышаясь над всяческими спорами и наблюдая «политическую суету» сверху, «ожидая мира или перемирия, чтобы сойти со своего пьедестала и смешаться с толпой, оставшись чистым душой»¹. Конечно, добавляет Боббио, такое представление о способе деятельности разделяется немногими людьми культуры, — и ссылается на формулу Романа Роллана «над схваткой». Эта ссылка весьма символична: в годы создания «Политики и культуры» сложно было представить интеллектуала, безучастно взирающего на политические баталии, полностью отстраненного от политики и созерцающего платоновские вечные идеи; вспомним, что и сам Р. Роллан подвергал резкой критике «особую *церковь духа*, эгоистически отстраняющую от себя всякие обязанности по отношению к обществу, роль первосвященника в которой не без блеска играет Жюльен Бенда»².

Вторая позиция сходна с первой, но отличает ее все же несколько большая активность. Боббио называет ее «ни тут ни там» («né di qua né di là»). Это позиция нейтралитета, невмешательства — но не полного отстранения от событий. Философу импонирует здесь отречение от фанатизма, который он искренне ненавидит, но не устраивает холодная отстраненность таких интеллектуалов, их нескрываемое нежелание участвовать в истории. Однако здесь скрыто одно противоречие. Боббио всеми силами боролся против искусственного раз-

---

¹ *Bobbio N. Intellettuali e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 132.*

² *Роллан Р. Панорама // Роллан Р. Соч. В 14 т. Т. 13. Публицистика (1917–1939). М., 1958. С. 62–63.*

деления на правых и левых, на «разъяренных западников», «защитников цивилизации», и «филокоммунистов», призывающих к варварству; исходящее из манихейской картины мира многих политиков и их склонности видеть и/или представлять политический *спектр* только в черно-белом свете. Мир в этом случае видится «как клетка для сумасшедших, и нельзя сказать с уверенностью, кто более безумен, — те, кто справа или те, кто слева»¹. Нежелание становиться участником *такой политики* вполне оправданно, но «человек культуры» должен не только отстраняться от манихейского безумия, но и, защищая других от «безумной политики», бороться против навязанных альтернатив, фальшивых дихотомий, — и именно в этом смысле Боббио не принимает нейтральность, которая угрожает интеллектуалу оказаться вне истории, на ее обочине. Позиция отстраненности, безразличия — это осознанный отказ от ответственности; и при всем уважении к миролюбию тех, кто не желает вступать в яростные политические баталии и определяться с отношением к «крестовым походам», Боббио с его деятельной философией с ними не по пути: проповедь миролюбия и спокойствия неуместна, когда культуре угрожает опасность.

Третья позиция разделяется самим Боббио и имеет отношение к высшим ценностям его либеральной философии — свобода и истина, без которых невозможен прогресс культуры (да и само ее существование). Название ее — «и оттуда и отсюда» («*e di qua e di là*») — философ расшифровывает следующим образом: «На базе этого идеала интеллектуал не должен ни отвергать ни прислуживать, но присутствовать там, где могут быть позитивные ценности. А они не могут быть только на одной стороне. Более того, цель интеллектуала — работа с этими позитивными ценностями: освободить их от страстей, в которые они погружены, вознести в ранг очевидности, — и быть их носителем и глашатаем». — Отсюда явствует, что мысль Боббио направлена против всяческих блоков, противоборствующих лагерей: философ, не скрывая патетики, говорит о «благороднейшей» задаче интеллектуалов — «воззвать к взаимоуважению и терпимости — и стремиться к диалогу»², будучи *непримиримыми* защитниками свободы и истины.

Четвертую позицию Боббио считает наиболее смелой, но при этом наиболее безрассудной из всех, несмотря на ее примиритель-

---

¹ *Bobbio N.* Intellettuali e vita politica in Italia // *Bobbio N.* Politica e cultura. Torino, 1955. P. 133.

² *Bobbio N.* Intellettuali e vita politica in Italia // *Bobbio N.* Politica e cultura. Torino, 1955. P. 134.

ный характер. В соответствии с ней, задача интеллектуала состоит в синтезировании различных мировоззрений и интеллектуальных платформ, идеологий, — с тем, чтобы стать во главе процесса. Этой цели служит способность «людей культуры» видеть проблемы в целом, в отличие от частичного видения самих политиков, погруженных в политическую конкретику. Эта целостность («глобальность», если угодно) интеллектуального мирозерцания, по мнению тех, кто придерживается «синтетической» позиции, способствует преодолению идеологии в принципе и враждебности идеологий в частности, превращению идеологии в научное знание о политической реальности. Последняя претензия заставляет вспомнить один из важнейших постулатов Маркса, но речь в данном случае идет о некоей, по словам Боббио, «суперидеологии интеллектуалов», готовой интегрировать и сам марксизм. К этому направлению относятся многочисленные вариации на тему «третьего пути» — различные синтезы либерализма и социализма, персонализма и солидаризма, индивидуализма и универсализма и т.п. Сам Боббио отказывается от «соблазнов третьего пути». Главная опасность подобных «сверхконцепций» очевидна: это опасность создания новой догматической системы, представляемой как творение самих «людей культуры», — системы «абстрактных идеалов, которым реальность должна соответствовать, и неважно, каким образом и какими средствами», — а к этому ведет «стремление интеллектуалов образовать отдельный класс, имеющий экстраординарные задачи»¹.

Итак, четыре позиции участия людей культуры в политической жизни различаются по степени их вовлеченности в нее — от полного отстранения до претензий на руководство ею путем создания единой идеологии, вобравшей в собственный теоретический универсум все концептуальное богатство различных, часто противоборствующих, политических концепций.

III

Понятие политики — «сферы человеческой активности, имеющей отношение к делам государства» — «нерасторжимо связано с понятием власти». — Боббио различает три формы власти — экономическую, идеологическую и политическую. Власть в целом связана с

---

¹ *Bobbio N. Intellettuali e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 136.*

отношениями неравенства и подчинения: «Все эти три формы власти основывают и поддерживают общество неравных, то есть общества, разделенного на богатых и бедных на основе первой формы, обладающих знанием и невежественных на основе второй, сильных и слабых — третьей; в общем смысле — на подчиняющих и подчиненных». — Это разделение философ возводит к классической дихотомии власти — власти духовной (*potere spirituale*), которую мы называем идеологической, и власти светской (*temporale*), понимаемой как совокупность *dominium* (экономическая власть) и *imperium* (власть политическая). — «Идеологическая власть, — утверждает Боббио, — базируется на влиянии, которое идеи, высказываемые определенным образом, и распространяемые при конкретных обстоятельствах теми, кто обладает определенным авторитетом, — оказывают воздействие на поведение соотечественников. Из этой обусловленности проистекает важность для существования общества организованных групп людей, которые обладают знанием, ”знающих”, — будь то жрецы архаических обществ, интеллектуалы, или ученые развитых обществ; ибо посредством этих групп с их ценностями, которые они распространяют, знаниями, которым они учат, осуществляется процесс социализации, необходимый для консолидации и интеграции социальной группы»¹. Таким образом, идеология вырабатывается, выстраивается теми, кто принадлежит к миру культуры, но вырабатывается она исключительно для политики; это *идеи, имеющие политическую силу*, «практические идеи, пригодные для практики, для политической борьбы»².

Идеологическая власть, или «третья власть», достаточно сильна: Боббио называет ее «огромной», подчеркивая, что «этому учит история всех времен, а не только история нашего времени, в котором получили развитие массовые коммуникации». — Из этого очевидно, что здесь скрыта опасность, когда идеологическая власть «может быть монополизирована какой-либо группой обладателей и распространителей доктрины, разделяющей все идеи на правильные и ошибочные»³. Ясно, что такая монополизация какой-либо доктрины с ее последующей догматизацией, превращением в «истину в последней инстанции», угрожает защищаемой Боббио автономии куль-

---

¹ *Bobbio N. Politica // Dizionario di politica. Diritto da N.Bobbio e N.Matteucci. Torino, 1976. P. 728–730.*

² *Che cosa fanno oggi i filosofi? / A cura della Biblioteca comunale Cattolica. Milano, 1982. P. 164.*

³ *Bobbio N. Il futuro della democrazia. Torino, 1984. P. 19.*

туры; и при этом не имеет значения, какая именно доктрина превращается в идеологически императивную: любая доктрина, получившая политические преференции, склонна к диктату над культурой, к ее политизации под «самыми замечательными» лозунгами следования истине, борьбы с реакцией во имя прогресса, защиты демократии или прав человека.

Еще будучи членом Партии действия, Норберто Боббио выступал против «культы либерализма» Кроче, и это было выражением его твердой позиции утверждения «светской политики» (*politica laica*), направленной против «идеологической политики» (*politica ideologica*). Политические программы часто превращаются в «догматические идеологии» по вине интеллектуалов: «Это исключительно их ответственность, — резюмирует Э. Ланфранки, исследуя отношение Боббио к идеологиям, — за трансформацию политических программ в идеологии». — Ланфранки приводит высказывание Боббио из его статьи «Идеологическая политика» (1945), посвященной борьбе «идеологических платформ» в Партии действия: «Две программы, в их столкновении, становятся двумя догмами; две социальные идеологии, в их взаимном противостоянии, становятся двумя теологиями. <...> Политическая жизнь в здоровом демократическом обществе находится на правильном пути только если движется по рельсам интересов; когда же она встает на мертвые рельсы идеологий, — и прежде всего когда идеологии облекаются в помпезные одежды и украшения теологии, — то наступает резкое торможение»¹. Политическая деятельность таким образом превращается, как говорит Боббио, в политиканство (*politicantismo*), а идеология «теологизируется».

Таковы опасности, которые могут нести культуре идеологии — догматизация, подчинение политике, политизация культуры. Как защитить культуру от возможного разрушительного воздействия идеологий? Изучение трудов Парето показало Боббио возможности и опасности воздействия идеологии на культуру. С конца 50-х годов, после успеха «Политики и культуры», ученый продолжает заниматься проблемами отношения идеологии и науки, идеологии и философии, не только не оставляя изучение политико-социологической системы Вильфредо Парето, но и развивая собственную концепцию, основы которой были заложены в «Политике и культуре». Вопрос о том, как защитить культуру от идеологии, Боббио переформулирует

---

¹ *Lanfranchi E. Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989. P. 58–59.*

так: какими методами вооружить «людей культуры», то есть интеллектуалов, для ее защиты. Светская политика требует «расчистить политическое пространство от борьбы чисто идеологической»¹, а эта задача предполагает критику идеологий. Но в основе идеологии лежит определенная философия, и тогда критика идеологии переводится из сугубо политической сферы в сферу научно-политическую, — на «собственное поле», где действует независимый интеллектуал со своей деятельной-воинственной философией, «вооруженный» критическим инструментарием.

Философия предполагает научную методологию, идеология же связана с ценностным мировосприятием, которое не предполагает научной критичности. Но и философия под влиянием идеологии подвергается риску расстаться с критическим духом и превратиться в «церковно-догматическую систему» (не следует забывать при этом и об «идеологических потенциях» самой философии). Связь философии с ценностным мировосприятием очевидна, то есть ее идеологический характер — отрицать невозможно. «С философией, — рассуждает Боббио, — связана определенная позиция человека по отношению к миру. Отсюда вытекает ее характер, который я называю идеологическим, который отличает ее сущностным образом от чистой теоретичности, свойственной наукам»². Отсюда ясно, что «люди культуры» должны не опровергать эту очевидную связь, отрывая философию от культуры и политики и вознося ее в мир чистой науки, но, учитывая этот идеологический аспект, не позволять того, чтобы он обрел непреодолимую силу и доминирующее значение. Таким образом, *светская политика* Боббио оппонирует не идеологии как таковой, но «всесильным» и «всеобъемлющим» («тоталитарным», как принято было говорить во второй половине XX века) идеологиям и доктринальным системам. Такое понимание светской политики исходит из общего понятия «светского духа» — антидогматического духа Просвещения с его принципами терпимости, стремления к пониманию, уважения к самым разным точкам зрения. Главное в современном гражданском обществе, полагает Боббио, это бесценный дар Просвещения — «идея терпимости к различным верованиям, в числе которых также и различные политические верования»³.

---

¹ *Lanfranchi E.* Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989. P. 59.

² Цит. по: *Lanfranchi E.* Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989. P. 79.

³ *Боббио Н.* Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 170.

Идея терпимости исходит из принципа историчности истины: «Что касается идеи толерантности, то она имеет свое основание в одном философском принципе, в осознании историчности истины и, следовательно, неспособности человека достичь истины определенной и абсолютной. Те, кто без колебаний готовы разрушить правовое государство, должны для начала опрокинуть это глубокое убеждение, которое породило современную мысль и жизнь, и заменить его не только принципом достижимости абсолютной истины (и вытекающей из него законностью насильственного подавления инакомыслия), но и следующим уже из этого принципа выводом, что хранителем этой абсолютной истины является мирская власть, — государство или партия»¹. Диалог решительно встает на пути такого рода посягательств, резко отвергая принцип, согласно которому судить о добре и зле может только государство (или государство-партия), примеров чему XX век предоставил более чем достаточно (впрочем, добавим, и XXI век едва ли «отстает» в этом смысле — возьмем бесчисленное количество американских заявлений о «превосходстве и исключительности» и «соответствующих» выводов в том духе, что только Америке ведома «правильная сторона истории» и только она может судить «о добре и зле»).

IV

Говоря о культурной политике ИКП, о ее отношении к интеллектуалам, о принципах воплощения грамшианской доктрины в политике, необходимо сосредоточиться прежде всего на изменениях политики итальянских коммунистов в связи с важнейшими аспектами практического воплощения концепции гегемонии А. Грамши. Именно эти идеи стали своего рода теоретическим импульсом, отправным пунктом для послевоенной политики партии и для последующих идеологических и практических новаций и действий «новой партии» в соответствии с «новой стратегией». При всех концептуальных изменениях постулат партии-авангарда остался неизменным, даже если учитывать, что «новая партия» теперь находится не в авангарде революции, но является «предводителем» долгосрочной эволюционной программы перехода к социализму. Относительно роли партии Альдо Агости в своей биографии Тольятти пишет: «Демииургическая

---

¹ *Bobbio N. Dialogo tra un liberale e un comunista // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 69.*

функция партии есть конститутивный элемент теоретической традиции ленинизма, также в его реинтерпретации и деформации, совершенной Сталиным; без сомнения, и Тольятти чувствителен к влиянию этой традиции». — Что же касается перехода к социализму, то эта долгосрочная цель партии и новый лозунг «прогрессивной демократии» не отождествлялись ни в теории, ни тем более в партийной практике: Тольятти «не говорит ничего, что могло бы подтвердить, что концепция прогрессивной демократии рассматривалась бы как фаза перехода к социализму»¹. Агости предполагает, что такое теоретическое умолчание имеет определенные политические причины, но в любом случае убежденность Тольятти в историческом превосходстве социализма не представляет сомнений.

Как известно, к личности Антонио Грамши Пальмиро Тольятти относился очень уважительно и даже не без некоторого трепета². С написанными Грамши в тюрьме работами он знакомился первым, еще в Москве, и изучал таким образом работы Грамши с 1937 года. Роль партии в теоретических построениях Грамши огромна, — поэтому и инновации Тольятти 1944–1945 годов касаются по преимуществу проблем партийного строительства. Главное в новых инициативах — принципиальные нововведения в области партийной политики. «Вот каковы три новых элемента нашей борьбы и нашей программы в настоящий момент, — говорит Тольятти в одном из выступлений 1944 года, — во-первых, национальный характер нашей партии; во-вторых, активное участие в национальном правительстве, а не только его критика; в-третьих, массовый, народный характер, который должна иметь наша партия»³. Здесь важен прежде всего первый пункт: именно послulat «национального пути» был отправной точкой для дальнейших теоретических, программно-политических разработок и практических выводов: «итальянский путь» ИКП, полицентричность мирового коммунистического движения и т.д.

Принцип «итальянского пути» является отправным также и для дальнейших культурных инициатив партии и для построения партийной стратегии в отношении интеллектуалов: «Эта сильная национальная характеристика партии является для Тольятти одним из несущих элементов конструкции культурной политики и отношений

---

¹ Agosti A. Togliatti. Un uomo di frontiera. Torino, 2003. P. 287–288.

² Старейший член компартии Камилла Равера в своих воспоминаниях рассказывает, с каким волнением Тольятти читал письма Грамши, которые ему переправляли из тюрьмы (см.: Равера К. Воспоминания о Грамши. М.: Политиздат, 1976).

³ Agosti A. Togliatti. Un uomo di frontiera. Torino, 2003. P. 288.

с интеллектуалами»¹, — подводит итог Агости. Интеллектуальной трибуной партии и дискуссионным пространством для общения с интеллектуалами становится журнал «Ринашита» («Возрождение»), основанный Тольятти в 1944 году. Теоретическим центром партийной мысли, «кафедрой партии» в собственном смысле станет открывшийся в 1949 году Институт Грамши (при ЦК ИКП) в Риме.

На V съезде ИКП (декабрь 1945 — январь 1946 года) были приняты положения о работе коммунистов в области культуры, — культурная политика (*politica culturale*) компартии. На VI съезде была сформулирована концепция партии в области работы с молодежью: в своем докладе один из членов руководящего ядра ИКП Пьетро Секкья сказал, что завоевание молодежи — одна из приоритетных задач нашей партии. Он же прочитал доклад «Партия и интеллектуалы», в котором призвал коммунистов завоевывать влияние в среде левых интеллектуалов, в том числе опять-таки среди молодых интеллектуалов. Интересно, что проблема интеллигенции волновала Пальмиро Тольятти еще до разработки и внедрения политических новаций 1944–1945 годов: «Еще будучи в Советском Союзе, Тольятти в речи по радио 5 июля 1943 г. обратился к итальянской интеллигенции с призывом ”принять участие в первых рядах борьбы за свободу, мир и спасение родины”. Тольятти назвал тогда интеллигенцию ”связующей тканью нации”»².

VIII съезд ИКП (1956) завершает разработку новой стратегии партии, базирующейся на принципе «итальянского пути», то есть автономии ИКП в международном коммунистическом движении (имелась в виду прежде всего независимость от директив «материнской партии» — КПСС). Автономии компартии Пальмиро Тольятти защищал с такой же стойкостью и силой, что и Норберто Боббио — автономию культуры и независимость интеллектуалов. Из базового принципа итальянского пути вытекала «концепция полицентризма коммунистического движения, которая означала признание самостоятельности каждой компартии и необходимость учета в политической деятельности специфических национальных и региональных условий»³. Все эти новые политические принципы ИКП оказали влияние на теорию и практику других западных компартий, особенно французскую и испанскую, а в середине 70-х годов легли в основу концепции еврокоммунизма.

¹ Agosti A. Togliatti. Un uomo di frontiera. Torino, 2003. P. 290.

² Кололова Н.П., Филатов Г.С. Пальмиро Тольятти: Очерк жизни и деятельности. М., 1983. С. 121.

³ Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М., 2008. С. 35.

Новая генеральная линия ИКП — линия Грамши и Тольятти, «итальянский путь» развития и партийного строительства ИКП, без прежней зависимости от ленинско-сталинской теории и КПСС¹. Принимая демократические ценности западного мира, коммунисты Италии вырабатывали новое видение своих задач в послевоенной Европе. На основе теоретической платформы партии — марксизма-ленинизма в его грамшианской интерпретации — ставились задачи особой важности в сфере культуры: повышая культурную значимость партии, расширяя культурно-теоретическую компетентность ее членов, усиливая присутствие марксизма в итальянской культуре, — завоевывать влияние в среде интеллектуалов (по Грамши, бороться за влияние на традиционных интеллектуалов с целью перевода их в ранг органических). Партия, таким образом, поставила две тесно связанных между собой перспективные задачи — борьба за влияние на культуру и на интеллектуалов как людей, ее продуцирующих; в первом случае речь идет о пропаганде коммунистических идей в массах средствами культуры, а во втором — о внедрении марксистских идей и расширении влияния марксизма в партийной интерпретации среди многочисленных и обладающих достаточно серьезным влиянием на политику левых интеллектуалов Италии.

Для придания итальянской компартии особой значимости и ценности в глазах интеллектуалов под непосредственным руководством Тольятти была успешно предпринята попытка «пересоздания», «переформулирования» истории ИКП (речь не шла о «переписывании» в смысле создания какой-то ложной, приукрашенной или «мифологизированной» *версии* истории партии). История партии по линии ее марксистской преемственности возводилась непосредственно к Фридриху Энгельсу, с 1890 по 1895 годы с тактом и терпением руководившему итальянским социалистическим движением, переписывавшемуся с Антонио Лабриолой (1842–1904), первым итальянским марксистом. История коммунистической партии, имеющей такой высшей значимости источник, в конечном счете представляла как долгая борьба за преодоление идеализма, увенчавшаяся победой творческого марксизма над «сталинской схоластикой». Выстраива-

---

¹ Множественность путей к социализму ярко выражается в одном из лозунгов VIII съезда — о том, что в мировом коммунистическом движении «нет ни государства-лидера, ни партии-лидера». Некоторые коммунисты, например, Роже Гароди, обвиняли Тольятти в ревизионизме, но тем не менее теория собственного пути к социализму каждой из западных компартий в 1956 году одержала безусловную победу и в дальнейшем только укреплялась.

лась своеобразная «линия Спавенты¹ — Лабриолы — Кроче — Грамши»² — как схема нового канона партийной истории с прямой «апостольской» преемственностью и обоснованием особой значимости *итальянской кафедры коммунизма* (ее институциональное воплощение — Институт Грамши в Риме). Рождение и развитие компартии связывается как с развитием мировой социалистической и коммунистической мысли, так и с развитием этих идей в самой Италии. Связывая свою историю с именами Спавенты и де Санктиса, ИКП представляет себя в качестве истинной наследницы прогрессивных идей светско-демократического Рисорджименто. Партия таким образом прочно укоренялась и в политической истории страны, и в истории идей, и — в конечном счете — в культуре; исходя из «схемы преемственности», партия представала не просто как пропагандист идей марксизма, но как апостольская кафедра этого учения; партия таким образом не просто призывала интеллектуалов под свои значена, но делала это обращаясь к ним *ex cathedra* (здесь нельзя не вспомнить ординовистскую формулу «излучение престижа» Грамши: проповедуя *ex cathedra*, партия не могла проповедовать что-либо иное, нежели истину). В этом плане очень важным моментом была как раз публикация трудов Грамши (эта честь выпала туринскому издательству «Эйнауди»), осуществленная под эгидой Института Грамши, под непосредственным контролем специально созданной высокой партийной комиссии и под личным руководством П. Тольятти. Входявшая в те годы в руководство ИКП Россана Россанда³,

---

¹ Бертрадо Спавента (1817–1883) — учитель Лабриолы. Как и де Санктис, был гегельянцем. Одна из виднейших фигур гуманистического и антиклерикального направления в итальянской философии.

² В других вариантах в канон преемственности добавлялось имя Франческо де Санктиса (1817–1883) — крупнейшего деятеля итальянского Рисорджименто, исследователя итальянской литературы, перешедшего от гегельянства к материалистическому направлению в философии. Грамши высоко оценивал его творчество и деятельность. О конструировании «оригинальной, непохожей на другие, сугубо итальянской» линии истории компартии, «апостольской кафедре коммунизма» и особой значимости для западноевропейских марксистов итальянского примера — см.: *Degl'Innocenti M. Il mito di Stalin. Comunisti e socialisti nell'Italia del dopoguerra*. Manduria, Bari, Roma, 2005. P. 76–79.

³ В свое время Россана Россанда стала основательницей знаменитой некогда левый газеты «Il Manifesto», с которой сотрудничали Джульетто Кьеза и Тони Негри. О Россане Россанде много рассказывается в книге «Когда лавки были темными» (на улице Темных Лавок в Риме — *Via delle Botteghe Oscure* — располагался центральный офис ИКП), написанной Массимо Капрарой — бессменным личным секретарем Тольятти в течение 20 лет (с 1944 года), первым главным редактором

назначенная Тольятти «ответственной за культуру» от партии, любила повторять, что публикация Грамши влила новую кровь в итальянскую культуру. Вокруг этого института сплотилась также группа партийных историков, разрабатывающих историю партии в свете нового ее видения, тем более что при этой разработке возникали многие теоретико-исторические проблемы.

Операция идейно-культурной «инсталляции» партии была важна для проведения в дальнейшем диалога с интеллектуалами с позиций высокого культурного авторитета, который партия коммунистов Италии сохраняла очень долго. Но и культурная работа в массах, пропаганда коммунистических идей в среде рабочего класса была поставлена партией изначально на высоком уровне. Высокий культурный престиж партии поддерживался на региональном уровне: партия помогала простым труженикам в решении их бытовых проблем, под эгидой ИКП проводились различные мероприятия национального характера. Партией основывались многочисленные культурно-массовые организации, пропагандирующие идеи коммунизма. Одной из таких организаций был Центр популярной книги, основанный в 1950 году, с которым вплоть до прекращения его деятельности в 1956 году сотрудничал и Норберто Боббио.

Центральной организацией по координированию разрозненных структур, занимающихся пропагандой коммунистических идей в итальянской культуре, стал основанный в 1948 году при участии Эмилио Серени Альянс культуры (*Alleanza della cultura*). Эмилио Серени (1907–1977) — знаковая фигура в итальянской культуре этих времен: неординарный, страстно увлекающийся интеллектуал, — до того, как стать яростным приверженцем коммунизма, в юности был убежденным сионистом, хотел переселиться в Израиль; затем, «поменяв религию», стал коммунистом¹. «В партии, — пишет Айелло, — сложилось убеждение, что Серени — эта “интеллектуальная машина, которая никогда не ошибается” — “знает все”: он изучил русский, чтобы читать Ленина в оригинале, Маркса и Энгельса читает на немецком; побеждал тюремную скуку, изучая арабский, японский и высшую математику»². Его пе-

---

«Ринашты» (см.: *Caprara M. Quando le Botteghe erano Oscure. 1944–1969. Uomini e storia del comunismo italiano. Il Saggiatore, Milano, 1997.*

¹ См. сборник работ Э. Серени на русском языке: *Серени Э. Марксизм, наука, культура. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.* Также см. книгу воспоминаний Марины Серени, его супруги: *Серени М. Дни нашей жизни. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957.*

² *Ajello N. Intelletuali e PCI. 1944–1958. Roma-Bari, 1979. P. 149.*

ру принадлежат признанные в мире историков труды по аграрной истории Италии. В партии Серени называли «итальянским Ждановым».

В 1947 году по личной инициативе А.А. Жданова итальянским коммунистам было рекомендовано усилить идеологическое давление на культуру, и в частности, на интеллектуалов, добившись при этом повышения доктринальной дисциплины и активности в своих рядах, и в пропаганде марксизма в расчете на как можно более широкую аудиторию, — усилить своего рода марксистский прозелитизм. Речь шла, с одной стороны, о наращивании идеологического влияния в среде левых интеллектуалов вплоть до «ангажирования» как можно большего числа из них на сторону партии; с другой стороны, о таком форсированном росте идеологического воздействия на культуру, который привел бы к достижению если не контроля партии над ней, то, во всяком случае, к установлению определенной степени доминирования (настолько, насколько это возможно для культуры Италии, с учетом ряда ее особенностей). Это была попытка внедрить в итальянскую культуру сталинскую модель планирования и управления, — задача заведомо неисполнимая. Привести в исполнение ждановский «культурный проект» и было поручено Э. Серени: он был главой парткомиссии по культуре в 1948–1951 годах. Главными мишенями его активности и критики были американский империализм и итальянский клерикализм, в отношении же культуры Серени был бескомпромиссным приверженцем ленинско-сталинской модели партийности. Буржуазная культура по определению реакционна и антипрогрессивна, считал Серени, выводя цель итальянских коммунистов — бороться за новую высокую культуру социалистического гуманизма, образцом которой является советская культура.

Концепция, которой следовал Серени, была неприменима в итальянской культуре (для этой культуры советская партийность была в большей степени экзотикой, нежели угрозой), и скорее он показал, как не надо поступать партии в отношении к культуре. Подход Серени к проблеме интеллектуалов также был заранее обречен на провал, что явным образом шло вразрез с задачами, которые ставил перед партией Тольятти. В самом деле, «сложно было представить что-либо более далекое от задач Тольятти, которые состояли во внедрении коммунистического мировоззрения в стране, боготворившей... гуманистическую культуру», — пишет Н. Айелло¹. Методы Жданова («ждановизм»)², которые

---

¹ *Ajello N. Intellettuali e PCI. 1944–1958. Roma-Bari, 1979. P. 51.*

² О Серени, Жданове и итальянском «ждановизме» см. работы Гвидо Карпи, в частности, статью: *Carpi G. Ždanovismo all'italiana. Gli intellettuali del dopoguerra e l'«ingegneria» delle anime // www.utoronto.ca/tsq/17/carpi17.shtml.* Гвидо Карпи —

пытался использовать Серени, вряд ли сработали бы; помимо всей очевидной их несообразности культуре Италии, никто, кроме коммунистов (и то не всех) мог воспринимать «ждановизм» серьезно. Фигура Серени была слишком одиозной, и в 1951 году Тольятти сместил его с «руководящей культурой» должности. При этом необходимо заметить, что Пальмиро Тольятти не сразу пришел к выводу о том, что методами Серени сложно достичь каких-либо значимых результатов¹. Об эволюции Тольятти свидетельствует его столкновение и жесткая полемика, связанная с журналом «Политекнико», издаваемым с сентября 1945 года коммунистом, участником Сопrotивления Элио Витторини (1908–1966). Это произошло незадолго до начала дискуссии с коммунистами Норберто Боббио и его сильно впечатлило. «Шел большой спор, — рассказывает Ц.И. Кин, — о соотношении понятий ”культура” и ”политика”. Элио Витторини понимал роль интеллектуала в социальной и гражданской жизни общества как совершенно автономную»². — «Как бы ни относиться к таланту Витторини и ко всей его эстетической платформе, — в другой работе с симпатией к этому замечательному писателю и гражданину пишет Ц.И. Кин, — в глазах мыслящей Италии он неизменно играл роль своего рода символа, ибо с ним связывалось самое понятие писателя–”импеньято”, писателя-гражданина и антифашиста»³.

Девиз нового журнала Витторини — «новая культура»: программная статья в первом номере так и называлась; целью была активная борьба за свободу людей, за преодоление старого элитарного интеллектуализма, за вовлечение в культуру трудящихся масс⁴. При

итальянский историк марксизма, литературовед. Две его работы переведены на русский язык: *Карпи Г.* Достоевский-экономист. Очерки по социологии литературы. М.: Фаланстер, 2011; *Карпи Г.* История русского марксизма. М.: Common place, 2016.

¹ Проблемам послевоенной «культурной политики» ИКП и роли Пальмиро Тольятти посвящены интереснейшие страницы знаменитой книги «Зеленые чернила Тольятти», написанная Массимо Капрарой: *Caprara M.* L'inchiostro verde di Togliatti. Simonelli, Milano, 1996.

² *Кин Ц.И.* Выбор или судьба. Итальянская культура в преддверии XXI века. М., 1988. С. 208.

³ *Кин Ц.И.* Итальянские светотени. Заметки о литературе и культуре современной Италии. М., 1975. С. 32.

⁴ О Витторини и его концепции «новой культуры» см.: *Fortini F.* Un mancato editoriale del «Politecnico» // *Fortini F.* Questioni di frontiera. Scritti di politica e di cultura. 1965–1977. Torino, 1977. Также см. интересный в полемическом смысле статью-ответ Э. Витторини от коммуниста Феличе Платоне: *Platone F.* La politica comunista e i problema della cultura (Risposta a Elio Vittorini) // *Rinascita.* 1944–1962. Antologia / A cura di P. Alatri. Vol. I. Firenze, 1966.

всех этих лозунгах не предполагалось никакого контроля и руководства со стороны партии: «Политекнико» не имел намерений стать идеологическим рупором партии. Такой подход к культуре стал мишенью для партийной критики. С главной интеллектуальной трибуны коммунистов — со страниц журнала «Ринашита», первый номер которого вышел уже в июне 1944 года, — прозвучало обвинение в неправильной политике, проводимой Витторини и его журналом. В № 5–6 за 1946 год «Ринашиты» была опубликована статья Марио Аликаты, одного из руководителей партии, согласованная с Тольятти, о еженедельнике «Политекнико». В статье руководителю журнала были предъявлены обвинения как члену компартии: претензии партии сводились к тому, что Витторини и его журнал проводят культурную политику, не соответствующую с установками ИКП, а также впадают в «грех интеллектуализма», склоняясь к абстрактным поискам нового, вместо того чтобы проводить свою политику в соответствии с официальной линией партии.

В ответной статье «Политика и культура» в журнале «Политекнико» (№ 31–32 за 1946 год) Витторини выразил недоумение, почему его интеллектуальный журнал автоматически считают коммунистическим только на том основании, что им руководит коммунист, и предъявляют требование следовать официальной линии ИКП. Обоснованием самостоятельности и независимости от доктрины партии политики журнала Витторини полагает принцип первенства потребностей культуры в сравнении с политическими обстоятельствами и сиюминутными требованиями. Культура, полагает Витторини, не просто имеет политическую ценность, она первична в отношении политики, — его принцип таков: «политика как хроника, культура как история». Руководство культурой с позиций обладателя истины может обернуться, считает Витторини, бедой для нее. Сильная как в полемическом, так и в теоретическом отношении статья Витторини спровоцировала на ответ самого Пальмиро Тольятти. Статья лидера итальянских коммунистов («Ринашита», № 10 за 1946 год) «Письмо Витторини»¹ подтверждала обвинения М. Аликаты и, отвергая формулировку отношений политики и культуры, защищаемую Витторини, делала упор на принцип «первичности политики»: политика и культура находятся в отношениях теснейшей взаимосвязи при главенстве политики. Культура должна

---

¹ См.: *Togliatti P. Lettera a Elio Vittorini* // *Togliatti P. La politica culturale* / A cura di L. Gruppi. Roma, 1974. См. также его статью о «Политекнико»: *Togliatti P. La corrente «Politecnico»* // *Rinascita. 1944–1962. Antologia* / A cura di P. Alatri. Vol. I. Firenze, 1966.

энергично бороться против клерикализма и американского империализма, врагов новой «прогрессивной демократии» (руководитель коммунистов находился в то время под влиянием концепции Жданова, выражающей сталинские притязания в отношении культуры как фактически «служанки политики»).

Полемика продолжалась. Витторини продолжал упорствовать в своей защите автономии культуры в «Письме Тольятти» («Политехник» № 33–34 за 1946 год). У деятеля культуры, настаивал он, свои приоритеты и внутренние потребности, отличные от политики: интеллигент не обязан «по приказу партии трубить в горн революции». Политика оказалась сильнее: журналу было отказано в поддержке, и последний номер «Политехник» вышел в декабре 1947 года. Покинув в 1951 году ряды партии, Элио Витторини опубликовал в «Стампе» (6 сентября 1951 года) статью «Пути бывших коммунистов», в которой объясняет свой уход принципиальным несогласием с политикой партии, проводимой ею в отношении культуры.

Статья Витторини, выражающая либеральные взгляды¹ на проблему автономии культуры, равно как и уход его из партии, разозлили Тольятти. Ничем иным, кроме как крайней степенью раздражения, невозможно объяснить его выступление в «Ринашите» в адрес Витторини, названное язвительно-издевательски «Витторини, на кого ж ты нас бедных покинул» (№ 8–9 за 1951 год). Как видно из начала статьи («Сказать по правде, — в наших рядах немногие это заметили. Немногие, собственно, и до этого-то обращали внимание на его пребывание в наших рядах...» и т.д.), именно выход Витторини из партии вызвал гнев Пальмиро Тольятти (впрочем, это не помешало ему извлечь уроки из «диалога» с Витторини: стало ясно, что симпатии интеллигентов не могут быть завоеваны методами наскока и партийных директив).

Культурной политике коммунистов и соответствующим организациям, возникавшим под эгидой ИКП, различные деятели культуры, не поддерживающие коммунистическую парадигму, противопостав-

---

¹ Итальянский историк Пьеро Лючия, анализируя политические взгляды Э. Витторини, приходит к выводу, что политическое мировоззрение интеллигента-коммуниста контрастировало (но не шло вразрез явно) с партийной доктриной: так, показывает П. Лючия, Витторини — совершенно в духе итальянских интеллигентов 30-х годов — рассматривал социализм как «либерализм без капитализма», призывал к «интеллектуальной реконструкции» компартии, упорно защищая автономию интеллигентов (см.: *Lucia P. Intellettuali italiani del secondo dopoguerra. Impegno, crisi, speranza. Napoli, 2003. P. 88–91*).

ляли свои программы и свои союзы. Назовем прежде всего Итальянскую Ассоциацию свободы культуры (Associazione Italiana per la Libertà della Cultura, AILC), итальянское отделение печально знаменитого Конгресса за свободу культуры, который называли «культурным НАТО», или «НАТО в культуре» (об этой организации подробно будет сказано в дальнейшем). С AILC сотрудничали Н. Аббаньяно, П. Каламандреи, Г. Калоджеро, Э. Монтале, Г. Сальвемини, Э. Витторини, Р. Арон, А. Камю, А. Мальро и Т. Манн; возглавлялась AILC Иньяцио Силоне (1900–1978)¹, бывшим видным коммунистом, в начале 30-х годов порвавшим с партией. В Италии Ассоциация действовала с 1951 года, когда вышел ее Манифест, написанный по просьбе Силоне римским профессором философии истории, учеником Кроче — Карло Антони (1896–1959). Карло Антони не призывает к крестовому походу против коммунизма — он попросту запрещает коммунистам принимать участие в деятельности организации (этот запрет распространялся также и на христианских демократов). Норберто Боббио, поначалу подписавший Манифест, затем не без влияния дискуссий с коммунистами пришел к пониманию ошибочности такого запрета и его противоречия с либеральными установками самих авторов Манифеста.

Странный запрет вызвал острые дискуссии: так, против Карло Антони выступил Р. Бьянки Бандинелли. В своей статье в газете «Унита» (13 декабря 1951 года) Бьянки Бандинелли обрушивается на тех интеллектуалов, которые выступают против коммунизма и пропагандируют в Италии «американские ценности», обвиняет Конгресс за свободу культуры (отделением которого, напомним, являлась AILC) в том, что его деятельность направлена против культуры. Ответ Карло Антони — статья «Старая ошибка» от 29 декабря 1951 года в еженедельнике «Il Mondo» — знаменует начало большой дискуссии, так как попытка обоснования и защиты К. Антони позиции Конгресса за свободу культуры переводит спор в теоретический план, в поле противостояние коммунизма и либерализма в понимании свободы. «Старая ошибка», совершаемая коммунистами, восходит к *volonté générale* Руссо и заключается в постулировании необходимости отказа от собственной индивидуальности, от индивидуальной свободы в пользу тотальности государства (или нации, церкви, партии). В дальнейшем К. Антони сопоставил руссоистскую «старую ошибку» с отождествлением индивидуального и

---

¹ В литературе встречается также и написание имени «Игнацио».

универсального, проводимым в актуализме Джентиле с целью оправдания фашизма. Дискуссия продолжается на страницах различных интеллектуальных журналов, и в 1952 году к полемике «подключается» Норберто Боббио, к тому времени уже успевший выступить со своей статьей-программным заявлением «Приглашение к беседе»¹, обращенным прежде всего к коммунистам.

Антикоммунизм, развивающийся в условиях Холодной войны, был направлен вполне догматическим со свойственными любому догматизму нетерпимостью и фанатизмом, — поэтому антикоммунизм был так же чужд Боббио, как и итальянским коммунистам. Противостояние политических блоков и идеологий породило тенденцию рассматривать различные проблемы — как в сфере политики, так и в области культуры — «по-манихейски»: такой подход назывался тогда «aut aut» («или-или»). Призывая к диалогу, Норберто Боббио подвергает манихейство резкой критике, разоблачая ложные альтернативы, ярлыки и мифы. Фундаментальные проблемы при этом подходе, — пишет Боббио, — рассматриваются «следуя страсти, а не критическому рассуждению, в терминах несовместимых альтернатив». — Можно сказать, что предлагается выбор между двумя противоречащими друг другу положениями, которые каждая из сторон-контестантов считает абсолютными истинами, — приведем в пример имевший место в 50-е годы спор между филокоммунистами, полагавшими западный мир декадентским и агонизирующим в своей реакционности, и ярыми западниками, ассоциирующими мир социализма с варварством, полагавшими его врагом цивилизации, ценности которой хранит Запад. — Все эти доводы далеки от разума, и философ утверждает: «То, что важно сегодня, — расколдовать волшебство магических слов, питающих пустые надежды и усыпляющих бодрость научного поиска»². Каждая догматическая система — это система закрытая, своего рода «крепость, внутри которой легко найти укрытие от критики, от дискуссии», «зона молчания», создаваемая вокруг себя догматизмом. — Единственный выход из зоны молчания, «догматической тишины» и безразличия к ра-

---

¹ Статья опубликована в 1951 году сначала на страницах журнала Европейского общества культуры «Comprendre. Revue de politique de la culture», она вошла в «Политику и культуру»: *Bobbio N. Invito al colloquio // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955.* Подробно об этих дебатах см.: *Rizzinelli I. Carlo Antoni e l'Associazione Italiana per la Libertà della Cultura // www.storiadelmondo.com/64/rizzinelli.antoni.pdf; Muraca D. L'Associazione italiana per la libertà della cultura: il «caso italiano» e il Congress of Cultural Freedom // Storiografia. Fasc. XI. 2007.*

² *Bobbio N. Invito al colloquio // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 17–18.*

зуму и критике — диалог, общение: «Восстановить доверие к диалогу означает разбить круг молчания»¹.

Диалог, а не крестовые походы; взаимоуважение, а не вражда; «прекращение огня», а не «добрая война» между догматиками и фанатиками, — таковы принципы Норберто Боббио. Фанатизм антикоммунистов был чужд итальянскому мыслителю и интеллектуалу в большей степени, чем догматизм коммунистов, — и поэтому организации вроде Конгресса за свободу культуры вызывали у него отторжение. Приверженность принципу диалога, стремление к поиску путей наилучшего «сопряжения» политики и культуры — без ущерба для жизни культуры, бескомпромиссность в защите культуры, — эти качества привели Норберто Боббио в ряды Европейского общества культуры, сотрудничеству философа с которым суждено было стать долгим и плодотворным. Европейское общество культуры (*Société Européenne de Culture, Società europea di cultura*), основанное в 1950 году Умберто Кампаньола (и о Европейском обществе культуры, и об этом замечательном деятеле и организаторе культуры мы уже не раз упоминали) при активнейшем участии Норберто Боббио², изначально занимало принципиально внеблоковую позицию, заявляя о своем невмешательстве в политику (за исключением тех случаев, когда культура нуждалась в защите). В числе организаторов, участников и сотрудников, помимо Боббио и Кампаньола, — Ж. Бенда, Э. Витторини, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Р. Арон, А. Камю, Дж. Бернал, Б. Кроче, П. Каламандреи, И. Силоне, К. Барт, Т. Манн, Ф. Мориак, А. Матисс, С. Беккет, Б. Брехт, А. Бретон, М. Бубер, М. Крэнстон, Ф. Жолио-Кюри, Л. Мэмфорд, А. Швейцер, И. Эренбург, М. Шагал, Я. Ивашкевич, Б. Пастернак, Б. Полевой, К. Федин)³. Это крупнейшее объединение интеллектуалов, действующее и по сей

---

¹ *Bobbio N. Politica culturale e politica della cultura // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 41.*

² См. книгу: Norberto Bobbio — Umberto Campagnolo. Dialogo sulla politica della cultura / Introd. D. Cubbedu. Il Nuovo Melangolo, Genova, 2009.

³ Интересный факт: Ганс Кельзен, учитель У. Кампаньола, отказался от участия в деятельности Европейского общества культуры. Кельзен, надо сказать, представлял собой довольно редкий для XX века тип ученого, категорически отстраняющегося от любых «контактов» с политикой: так, в письме от 10 октября 1952 года, обращенном к Кампаньола (в ответ на приглашение стать членом ЕОК), он писал: «...Сожалею, но не смогу стать членом Европейского общества культуры. Я всегда следовал принципу не принадлежать ни к какой ассоциации, которая — прямо или косвенно — преследовала бы политические цели» (*Losano M.G. La trilogia su Umberto Campagnolo (1904–1976): Kelsen, il federalismo, la «guerra giusta» e la guerra europea // Atti della Accademia delle scienze di Torino. Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche. Vol. 145 (2011). Torino, 2012. P. 51.*)

день, объявило своим фундаментальным основанием принцип «политики культуры» Кампаньоло–Боббио. Генеральный секретарь Европейского общества культуры Мишель Кампаньоло-Бувье (1929–2011) писала: «В Европейском обществе культуры было выделено понятие ”политика культуры”, затем разрабатывалось теоретическое обоснование данной политики и механизмы ее внедрения»¹. Сам отец-основатель Европейского общества культуры отстаивал принципы превосходства культуры над политикой и универсальности культуры, создающей непреходящие ценности человечества. В своей программной работе «Политика и философия» (1960) он утверждает: «Политика культуры является деятельностью, в которой человек утверждает свое существование, становясь создателем ценностей. <...> Культура есть сущность человека, сама структура его мысли»².

ГЛАВА 3

Норберто Боббио о концепции гражданского общества Антонио Грамши

Доктрина гегемонии Антонио Грамши и лежащая в ее основе оригинальная концепция гражданского общества выдающегося мыслителя-марксиста на протяжении более чем полувека с момента публикации «Тюремных тетрадей» приковывала внимание не только ученых и политиков, но прежде всего *интеллектуалов*. Глубина и сложность интеллектуально-политических построений Грамши,

---

¹ Кампаньоло-Бувье М. Новое взаимодействие: культура и политика. Европейское общество культуры и его политика в области культуры // Искусство и философия. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса. Минск, 2007. С. 37. Интересно проследить тематику ассамблей ЕОК: «К осознанию политической роли культуры» (1951), «Автономия культуры на фоне мирового кризиса» (1952), «Европа в мире и политика культуры» (1953), «Политический долг человека культуры» (1954), «Европейская идея и политика культуры» (1955), «Сущность культуры» (1956), «Логика государства и логика личности в свете проблемы атомного оружия» (1958), «Проект культурного манифеста» (1961), «О мировой ассоциации людей культуры» (1963), «Совесть мира» (1965), «Проблема войны» (1968), «Долг человека культуры в истории» (1971), «Политика культуры как осознание моральной проблемы мира» (1976).

² *Campagnolo U. Repubblica Federale Europea. Unificazione giuridica dell'Europa / L. Cedroni (introd.). Soveria Mannelli, 2004. P. 14.*

необычная логико-политическая *выстроенность*, категориальная архитектура теории-доктрины, оказавшая огромное воздействие¹ на политические решения в области послевоенной политики не только ИКП, но и других западноевропейских компартий, — все это заставляет читателей и исследователей творчества Грамши всегда по-новому прочитывать его работы, находить в них новые смыслы, вспоминать «хорошо забытое старое» и делать подчас неожиданные (а иногда — и «незапланированные») открытия, воссоздавая заново *систему* мысли этого политического мыслителя-коммуниста.

Новизна Грамши в его учении о диалектическом единстве гражданского общества и общества политического, гегемонии и господства, связанном с открытой им «многослойной сложности и огромного запаса прочности буржуазного гражданского общества»², — была его огромной важности вкладом не только (да, может быть, и не столько) в марксистско-ленинскую теорию, — но и вкладом в западную политическую философию XX века, а также в политическую практику западных демократий. Работы Антонио Грамши были впервые опубликованы в Италии в конце 40-х годов XX века, — а именно в это время в итальянской интеллектуально-политической среде начались бурные дискуссии о политике и культуре. Надо ли напоминать, что доктрина гегемонии «одной социальной группы над всей национальной общностью, осуществляемое через посредство так называемых негосударственных организаций»³, в основе которой у Грамши лежит его теория гражданского общества, тесно связана с его трактовкой культуры и его пониманием политической роли интеллектуалов! Гражданское общество у Грамши есть прежде всего поле действия интеллигенции. «Интеллигенция более всего действует именно в пределах гражданской общности»⁴, — утверждает Грамши.

---

¹ Говоря о влиянии политических доктрин на реальную политическую жизнь, нельзя не привести слова Яна-Вернера Мюллера: «...Практически невозможно доказать, а тем более измерить такую постоянно ускользающую вещь, как "влияние", происходящее в истории идей. И все же изучение влияния, в том или ином виде, представляется единственным способом движения вперед, если только мы не хотим свести историю политической мысли к истории академических философских дискуссий или не исходим из допущения, что политические институты возникают исключительно благодаря "безыдейному (thought-less)" прагматизму или борьбе за власть и не являются в некотором смысле застывшим политическим мышлением» (*Мюллер Я.-В. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века.* М., 2014. С. 11).

² *Уолцер М.* Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М., 1999. С. 129.

³ *Грамши А.* Письма из тюрьмы // Искусство и политика: В 2 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 31.

⁴ *Грамши А.* Письма из тюрьмы // Искусство и политика: В 2 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 31.

«В самом широком смысле слова гражданское общество — сфера культуры, — писал индийский социолог Кришан Кумар, — она занимается формами человеческого поведения, нравственностью, образом жизни людей. Это та среда, где обозначаются цели и ценности, где они обсуждаются и изменяются. Грамши видел в нем неизбежное дополнение господства того общественного класса, который осуществляет власть, держа в своих руках производительные силы и государственный аппарат. Следовательно, это то, что подлежит захвату новым классом, сметающим прежний...»¹. Захват гражданского общества (в понимании Грамши) таким образом есть захват культуры, захват традиционной интеллигенции, захват интеллектуальной инициативы, наращивание интеллектуального и политического присутствия марксизма и компартии. Все это стало руководством к действию для Итальянской коммунистической партии, разрабатывающей свою политику в области культуры в соответствии с доктриной Антонио Грамши.

Отношения политики и культуры в послевоенном интеллектуально-политическом мире Италии являлись центром большой полемики, в которой сошлись интеллектуалы (и коммунисты, и антикоммунисты; и сочувствующие коммунистам, и далекие от них) и политики. Антонио Грамши стал первым политиком, придавшим интеллектуалам (как протагонистам культуры) и культуре (возвышенной Грамши вплоть до того, что она приобретает значение *перводвигателя* политики: сама не будучи политически активна по существу, тем не менее оказывает глубинное влияние на политические процессы и вообще на все сферы жизни общества) фундаментальное значение в рамках *марксистской теории гегемонии* рабочего класса под руководством партии (которая и сама является, согласно Грамши, коллективным интеллектуалом). Итальянские коммунисты, как уже не раз отмечалось, на основании концепции места и роли интеллектуала в системе гегемонии Грамши, поставившего интеллигенцию в центр своей политической теории, выступали за активное участие интеллектуалов в политической жизни, призывая интеллигенцию к участию в политике в составе компартии. В соответствии с идеями Грамши ряд теоретиков-коммунистов под руководством лидера ИКП Пальмиро Тольятти выдвинули программу вовлечения в интеллектуальное поле партии всех левых интеллектуалов и активной борьбы за усиление влияния марксизма на культуру в целях достижения

---

¹ Кумар К. Гражданское общество // Гражданское общество / Отв. ред. Иванов Г.И. М., 1994. С. 25.

культурной гегемонии¹. В бурной полемике второй половины 40-х и первой 50-х годов XX века наследие Грамши стало предметом страстного обожания с одной стороны и яростных атак с другой. Компартия Италии нашла в трудах Грамши свою идейную программу в сложное время, получила «руководство к действию», которое должно заключаться в том самом «захвате культуры»² (именно о *захвате* шла речь, при всех скидках на «майевтичность мышления» коммунистов — термин Грамши — и «позиционность» этой программы; но захват этот принципиально исключал любого рода насилие), как по-другому называли борьбу за гегемонию. Политические противники коммунистов видели в теории Грамши серьезное оружие, которое они хотели бы «выбить» из рук своих соперников. Что же касается идеологических противников коммунистов, а также интеллектуалов и теоретиков, не поддавшихся «излучению престижа» компартии и определивших свою позицию вне стана коммунистов или «напротив» него, — то некоторые из них поставили под сомнение марксизм Грамши, полагая вполне законной операцией дезавуировать Грамши как марксиста.

Отношение к теории Грамши Норберто Боббио не подпадает ни под какие категории и не вписывается ни в какие схемы, действовавшие на момент 50–60-х годов прошлого века, — хотя многие интеллектуалы как того времени, так и позднейших времен с уверенностью приписывали ему наиболее обоснованную концепцию из всех, которые ставили целью «отделить Грамши от марксизма» или, по крайней мере, противопоставить Грамши и Ленина. Таким оценкам были основания, — но позиция Н. Боббио в этом отношении была значительно сложнее, и его взгляд на Грамши — более проницательней, нежели простая констатация «не-марксизма» Грамши или «слишком оригинального марксизма» Грамши с его «добродушным» отношением к буржуазному государству, — настолько оригинального, что уводило

---

¹ Джин Л. Коэн и Эндрю Арато называют стратегию Грамши «контргегемонией», или «альтернативной культурной гегемонией» — альтернативной уже имеющейся гегемонии либеральной буржуазии (см.: *Коэн Д.Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 210–211, 227).

² Следует заметить, что, по словам Яна-Вернера Мюллера, идея ненасильственного захвата культуры появилась у левых интеллектуалов еще в первые десятилетия XX века. Приводя в пример немецких социалистов, он пишет: «...Появилась идея захвата культуры и "перевоспитания" больших групп населения в духе соответствующих общих ценностей с последующим использованием политических институтов для преобразования экономики» (*Мюллер Я.-В.* Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века. М., 2014. С. 85–86).

того весьма далеко от марксизма «архетипического» (выражение Боббио). Скорее, Грамши предстает в видении Боббио тем марксистом, который наилучшим образом понял и развил это учение, — так, что марксизм стал его мировоззрением, его *Weltanschauung*.

В «Политике и культуре» не рассматривается доктрина гегемонии и лежащая в ее основе теория гражданского общества Грамши. Poleмика Боббио направлена против программы усиления присутствия марксизма в итальянской культуре с целью достижения гегемонии компартии, являющейся в интеллектуально-логическом смысле следствием доктрины Грамши, — но имя Грамши, равно как и его работы, — не названы. Боббио не торопился с осмыслением идей Грамши, так как видел уже тогда, что они не сводятся только лишь к «захвату культуры», «борьбе за гегемонию» и т.д. К анализу грамшианских категорий гражданского общества и гегемонии в их связи с переосмысленными марксистскими категориями базиса и надстройки Боббио приступит значительно позже.

В конце 50-х годов после почти десятилетнего изучения наследия Грамши, равно как и многолетней полемики с достигшим на тот момент пика влияния в Западной Европе марксизмом, — Норберто Боббио публикует свою первую работу, посвященную анализу *системы* Грамши. Это — статья «Заметка о диалектике Грамши» (1958). В 1967 году Боббио выступает на международной конференции «Грамши и современная культура», посвященной судьбе наследия Грамши, с докладом «Грамши и концепция гражданского общества» (опубликован в виде статьи в 1969 году в сборнике работ конференции); в 1975 году публикует небольшую заметку в «Мондоперайо» под названием «Грамши и итальянская послевоенная культура»; и наконец, в 1976 году Боббио выпускает книгу под названием, повторяющем заголовок доклада 1967 года (в этом издании первая статья 1958 года и доклад 1967 года предваряются большим введением, в котором Боббио отвечает на критические замечания, высказанные в разное время в его адрес по поводу «марксизма Грамши»).

Несколько необычно, но во всех этих в достаточной мере интересных, порой неожиданных и обстоятельных (с учетом присущей Боббио талантливой краткости) работах, посвященных Грамши¹, Боббио почти

---

¹ Статья «Грамши и концепция гражданского общества» дала импульс большой полемике на темы гегемонии у Грамши и отношения Грамши к марксистской традиции, проблематизировав саму принадлежность Грамши к этой традиции. Творческое развитие марксизма-ленинизма или доктринальная революция? Оригинальный марксист, но противник «ленинизма» (как насильственного ниспровержения буржуазии)? Марксизм

не будет касаться темы интеллектуалов, — хотя, казалось бы, именно они должны встать во главу угла в его исследованиях, посвященных автору доктрины гегемонии¹. Самое важное, что находит Боббио у Грамши, — это его концептуальные разработки по гражданскому обществу. Теория гражданского общества интересует Боббио вне ее связи с интеллектуалами, являющимися у Грамши важнейшими акторами гражданского общества, его протагонистами, играющими *исключительную* роль в культуре² и вследствие этого — в политике. На этом очевидном факте Н. Боббио не заостряет внимание, концентрируясь на категориальном аппарате Грамши, сначала скрупулезно разбирая значение диалектики у Грамши, а затем вскрывая историко-политические и теоретические основания его теории гражданского общества.

В работе о диалектике у Грамши Боббио, подчеркивая тот факт, что «центральная тема изучения теории марксизма — это всегда тема диалектики», утверждает, что «необходимо добиться, чтобы понима-

---

Грамши? Антиленинизм Грамши? Неоленинизм Грамши? Все эти вопросы стали проблемами. Норберто Боббио упрекали (правда, не совсем заслуженно) в «экстрадиции» Грамши из марксистской мысли, на что он отвечает в большом «Введении» к книге 1976 года. (Об этой полемике см.: *Григорьева И.В.* Понятие гражданского общества в политической теории Антонио Грамши // Концепции гражданского общества в странах Европы (исторический аспект) / Отв. ред. М.Б. Корчагина. М., 2009. С. 61–64; *Мушинский В.О.* Антонио Грамши. Учение о гегемонии. М., 1990. С. 44–46.)

¹ Этот «недостаток» конференции 1967 года как бы исправляет друг и коллега Боббио — Эдженио Гарэн, выступивший с докладом «Политика и культура у Грамши: проблема интеллектуалов», название которого отсылает к проблемам, поднятым Боббио в «Политике и культуре». Тем не менее, нельзя все же не обратить внимание на некоторую странность у Боббио: в «Политике и культуре», посвященной интеллектуалам, не говорится о Грамши, а в работах о Грамши — практически нет ничего об интеллектуалах...

² Так, В.А. Копылов утверждает, что «Грамши создает свою собственную концепцию гегемонии (хотя формально он на это не претендует и позиционирует себя в рамках марксистско-ленинской парадигмы). Главным отличительным и вместе с тем атрибутивным признаком его концепции является выдвигание в центр всей конструкции категории знания; гегемония, таким образом, становится характеристикой не столько политэкономической, сколько нравственно-политической и интеллектуально-идеологической. А отсюда вполне логично следует обоснование в качестве главной социальной силы гегемонии именно интеллигенции — единственной группы, которая по своей профессиональной природе исключительно связана с формированием и передачей знания и культуры. <...> Так, именно интеллигенция становится главным гегемоном, а следовательно, власть-образующей группой. Грамши развеял и до сих пор очень популярный миф о "политической нейтральности" интеллигенции и четко выявил ее место в структуре власти и господства, поставив под сомнение сам факт существования независимой прослойки лиц интеллектуального труда» (*Копылов В.А.* Интеллигенция в системе гегемонии Антонио Грамши // Актуальні проблеми духовності / Відп. ред. Я.В. Шматко. Кривий Ріг, 2006. С. 125–126).

ние философии Грамши начиналось с его понимания диалектики». — Прежде всего для философии Грамши важно, что, по словам Боббио, «диалектика — это новый способ мыслить, более того, — это новая философия», причем — «трудный способ мышления, не для всех». — Важнее всего у Грамши и для Грамши, полагает Боббио, — это то, что «диалектика как концепция истории (и природы) теснейшим образом связана с идеей того, что историческая реальность (да и, согласно некоторым интерпретациям марксизма, природная) противоречива, и диалектика является адекватным инструментом для ее понимания; а также — после обретения этого понимания — для преодоления ее противоречий». — Отталкиваясь и руководствуясь этим общим пониманием, совершенно идентичным пониманию диалектики у Маркса и Энгельса, Боббио сосредоточивает свои усилия на области применения диалектики в трудах Грамши, — и находит, что наиболее «концентрированно» диалектика *применена* выдающимся марксистом в сфере его анализа отношений надстройки и базиса, — как раз в той области, где новации Грамши заставляли многих исследователей и критиков сомневаться в принадлежности его к марксистской традиции. Вот что говорит Боббио: «...Наиболее распространенное употребление термина ”диалектика”, которая понималась как взаимное действие, мы находим у Грамши в плане отношений базиса и надстройки, то есть в том единстве или синтезе, который назван им ”историческим блоком”. Можно сказать, что под ”историческим блоком” Грамши понимает, относительно определенной исторической ситуации, диалектическое отношение базиса и надстройки»¹.

Энрико Ланфранки пишет: «Согласие и свобода, надстройка и идеология, — вот ключевые элементы боббианской реконструкции идей Грамши, а его переоценка и углубление этих категорий в рамках марксизма есть знак оригинальности мысли и ее релевантности также и в немарксистской перспективе»². В своих исследованиях категории гражданского общества в философии Грамши Боббио исходит из «признания важности, которую имеет эта категория в грамшианских размышлениях, — как категория промежуточная между экономическим базисом и политическими институтами»³. После

---

¹ *Bobbio N.* Nota sulla dialettica in Gramsci Gramsci // *Bobbio N.* Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 49–61.

² *Lanfranchi E.* Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989. P. 183.

³ *Bobbio N.* Introduzione // *Bobbio N.* Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 15.

краткого исследования значения термина гражданского общества у Гегеля и Маркса Боббио определяет совершенную Грамши «глубокую инновацию» относительно всей марксистской традиции, и суть этой новации — в наполнении «старой» (но не по отношению к марксизму) категории новым смыслом (по сути — ее введение в категориальный универсум марксизма). Гражданское общество у Грамши «не принадлежит к плану базиса, но относится к надстроечному плану»; оно понимается и концептуализируется Грамши «не как весь комплекс материальных отношений, но как комплекс отношений культурно-идеологических; не в качестве совокупности коммерческой и индустриальной жизни, но как совокупность жизни духовной и интеллектуальной»¹. Отсюда вытекает, что именно гражданское общество (а не государство, возведенное у Гегеля, по выражению Людвига фон Мизеса, в «в ранг божественной сущности»²) у Грамши представляет собой «активный и позитивный момент в историческом развитии»³. Перевод гражданского общества в надстроечный план и наполнение этой категории активностью и преобразующей социум силой благодаря идеологической составляющей представляет собой безусловную инновацию (и, конечно, критику) по отношению соответственно как к Марксу, так и к Гегелю⁴; в определенной мере этот концептуальный «ход» инспирирован идеями Ленина⁵ об активной роли идеологий⁶ и о роли партии в революционном преоб-

---

¹ *Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile // Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 15.*

² См.: *Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск, 2014. С. 40.*

³ *Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile // Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 28.*

⁴ Приведем слова Коэна и Арато: «Грамши, несмотря на то, что он был последователем Маркса, разработал собственную концепцию гражданского общества, исходя при этом непосредственно из теории Гегеля. В отличие от Маркса, его вдохновила в этой теории не система потребностей, а учение о корпорациях. А так как Грамши несомненно был знаком с Марксовым пониманием термина *bürgerliche Gesellschaft*, его интерпретация Гегеля явилась одновременно и косвенной критикой того, как Маркс и Энгельс интерпретировали этого философа» (*Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 204*).

⁵ «Общеизвестно, — пишет И.К. Пантин, анализируя грамшианскую концепцию гегемонии, — что его концепция гегемонии выросла из осмысления работ В.И. Ленина и опыта русской пролетарской революции» (*Пантин И.К. Понятие «политическое» в теории гегемонии Антонио Грамши // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / Отв. ред. М.М. Федорова. М., 2009. С. 8*).

⁶ Продолжая размышлять об идеях Грамши, И.К. Пантин говорит, что его «концепция истории не могла обойтись без учета значения идеологий, практических схем дей-

разовании социальной действительности (но при этом в сильнейшей степени переосмысленными).

Норберто Боббио суммирует грамшианские нововведения так: «У Грамши отношение между институтами и идеологией, даже в схеме их взаимовлияния, перевернуто: идеологии становятся первичным историческим моментом, тогда как [политические] институты — вторичным. Признав единожды гражданское общество тем пунктом, через который осуществляется переход от необходимости к свободе, — впредь мы уже не можем рассматривать идеологии, средоточием которых в истории гражданское общество и является, только лишь как оправдание постфактум решений власти, историческое формирование которой зависит от материальных условий. [Под новым углом зрения они предстают теперь] как силы, формирующие и созидающие новую историю, участвующие в конституировании новой власти...». — Продолжая, Боббио утверждает, что «поистине своеобразное место гражданского общества в концептуальной системе Грамши приводит не к одной, но к двум инверсиям по отношению к традиционно-схоластическому пониманию идейной системы Маркса и Энгельса: первая состоит в «предоставлении привилегии» надстройке по отношению к базису, а вторая — в акцентировании, но уже в рамках надстройки, идеологического плана по отношению к плану институциональному». — Учитывая все это, Боббио конструирует «дихотомическую схему» из двух дихотомических же систем, находящихся одна над другой: дихотомия «необходимость-свобода», соответствующая дихотомии «базис-надстройка»; и дихотомия «сила-согласие», соответствующая дихотомии «институты-идеологии». В эту схему, в хорошем смысле напоминающую построения средневековых схоластов, Боббио встраивает гражданское общество, которое, согласно его выводам, является «одновременно активным элементом первой дихотомии, противостоящим пассивному; и позитивным моментом второй (противоположным негативному)»¹, — и в этом итальянский ученый видит «суть системы Грамши». Нельзя не заметить, что слово «позитивный» связано с понятием согласия (*consensus*) как специфическим термином Грамши,

---

ствия, которые, по убеждению Грамши, являются потенциальными, находящимися в процессе становления историческими сущностями» (*Пантин И.К.* Понятие «политическое» в теории гегемонии Антонио Грамши // *Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века* / Отв. ред. М.М. Федорова. М., 2009. С. 10).

¹ *Bobbio N.* Gramsci e la concezione della società civile // *Bobbio N.* Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 34.

значение которого напрямую завязано на либеральное видение политики, свойственное Боббио¹.

Сформулировав в почти схоластических терминах сущность и место в *системе Грамши* категории гражданского общества, Боббио переходит к анализу концепта гегемонии в связи с еще одной дихотомией — политического руководства (*direzione politica*) и культурного руководства (*direzione culturale*), то есть к анализу проблемы партии и гегемонии. Оппозиция политического и культурного руководства является у Грамши центральной в его размышлениях об обществе и о политической борьбе, причем именно отсюда выводятся все постулаты о роли интеллектуалов (точнее, органических интеллектуалов в их «позиционной войне», целью которой является завоевание влияния на интеллектуалов традиционных и обретение культурной — и затем уже политической — гегемонии). При всем этом утверждается «относительная ценность» институтов буржуазного государства, — постольку, поскольку позиционная война будет протекать в рамках именно буржуазной демократии. Грамши не было присуще негативное, нигилистическое отношение к либеральному буржуазному государству, равно как и к либерализму: скорее наоборот, ведь его теория строится исходя из признания определенной степени позитивности капиталистической демократии, буржуазного государства. Гегемония не может быть завоевана насильственным путем, она *достигается* в процессе борьбы партии за культуру и влияние в рамках буржуазно-демократического устройства, *преобразуемого* в перспективе в социалистическое. Все эти моменты стали объектом пристального внимания Норберто Боббио.

Партия и гегемония являются темами «Тетрадей», которые в наибольшей степени говорят об отдалении Грамши от ленинской теории и

---

¹ Здесь небезынтересно привести рассуждение о согласии в либеральной доктрине фон Мизеса, чтобы мысленно сопоставить это рассуждение с пониманием согласия у Грамши. «Прочный режим, — пишет Л. фон Мизес, — может установить только группа, которая может рассчитывать на согласие управляемых. Тот, кто хочет, чтобы мир управлялся в соответствии с его идеями, должен стремиться к власти над умами людей» (*Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск, 2014. С. 50*). В работе «Либерализм» (1927) фон Мизес также подчеркивает активную и во многом даже решающую роль идеологии (это была общая интуиция того времени — «Тетради» Грамши были написаны в период с 1929 по 1935 годы), утверждая о том, что «на свете нет ничего сильнее, чем идеологии и идеологи... против идей можно сражаться только с помощью идей», ибо «глупо полагаться на оружие, так как вооруженных людей можно использовать лишь тогда, когда они готовы повиноваться», и — таким образом, — «основой любой власти и господства в конечном итоге является идеология» (С. 192).

о пересмотре самим Грамши ряда идей, связанных с теорией политической борьбы и партийного строительства. Именно в «Тетрадах» слово «гегемония» приобретает, говорит Боббио, значение «руководства культурой», и это значение приобретает преимущественный смысл. Если до 1926 года под словом «гегемония» Грамши, вслед за Лениным, обозначал «политическое», «партийное руководство» пролетариатом социалистической революции¹, то после этого водораздела грамшианской мысли гегемонией стало обозначаться как раз то, о чем ведутся до сих пор дискуссии, и то, что сделало Грамши выдающимся теоретиком политики XX века². Рассмотрев различие употребления понятия гегемонии в два различных периода творчества Грамши и совершив небольшой, но интересный лингвистический экскурс по работам Ленина (по поводу значения в его работах, в частности, понятий «direzione» («rukovodstvo») и «egemone» («gegemon») — здесь надо отдать должное лингвистической скрупулезности итальянского ученого), Норберто Боббио выносит на суд читателей и критиков свое заключение о различии понимания гегемонии Лениным и Грамши: «Необходимо сказать, что у Ленина превалирует значение политического руководства, тогда как у Грамши — руководства культурного; но к этому следует добавить, что это различное преобладание смысла имеет два аспекта: 1) для Грамши момент силы, насилия есть момент инструментальный и вследствие этого подчиненный гегемонии, а у Ленина в его работах о революции диктатура и гегемония являются синонимами, и в

---

¹ Такое понимание гегемонии как самостоятельной и решающей роли пролетариата восходит к Г.В. Плеханову.

² «Учение о гегемонии, — пишет В.А. Копылов, — занимает в общей социально-философской концепции Грамши, пожалуй, центральное место. Заимствовав, как он сам признает, само понятие гегемонии из работ В.И. Ленина, Грамши... не только значительно расширил, но и видоизменил его. Показательно, например, что Грамши последовательно ведет речь именно о "полной гегемонии", отличая, таким образом, ленинскую теорию политической, т.е. неполной гегемонии, от своей — полной, проявляющейся во всех областях, и прежде всего в интеллектуальной и моральной» (*Копылов В.А. Интеллигенция в системе гегемонии Антонио Грамши // Актуальні проблеми духовності / Відп. ред. Я.В. Шматко. Кривий Ріг, 2006. С. 115*). И.В. Григорьева выводит формулу соотношения гегемонии и государства у Грамши: «...Полное значение понятия "государство" Грамши определял через формулы: сила+согласие, диктатура+гегемония, политическое общество+гражданское общество. Гегемонии он понимал как добровольно признанное ведомыми политическое и духовно-нравственное руководство ведущего, а гражданскому обществу отводил роль той сферы, где по преимуществу завоевывается и осуществляется такое руководство» (*Григорьева И.В. Социализм, демократия, либерализм: два взгляда (Антонио Грамши и Карло Росселли) // Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти!». М., 1997. С. 33*).

любом случае момент силы есть первичный и решающий; 2) для Грамши завоевание гегемонии предшествует завоеванию власти, для Ленина же оно идет вслед за захватом власти или совпадает с ним». — Поэтому «теория гегемонии Грамши связана не только с теорией партии и [социалистического] государства, состоит не только в деятельности политического воспитания [масс], но расширяется в новую и всеобъемлющую концепцию гражданского общества...»¹.

Теория гражданского общества Грамши едва ли согласуется с ленинскими постулатами о пролетарской революции и о диктатуре пролетариата, уничтожающей «диктатуру буржуазии»² (как и со всей ленинской теорией государства как аппарата классового угнетения³, в которую концепция гражданского общества просто не может вписаться), поэтому вместе с Боббио невозможно согласиться с утверждением В.О. Мушинского, который полагает, что «нет никаких оснований противопоставлять грамшианское понимание гегемонии марксистско-ленинскому понятию диктатуры пролетариата...»⁴. Как видно из работы Боббио, такие основания безусловно есть. Были основания и у критиков Боббио, вмняю-

---

¹ *Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile // Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 38–39.*

² И.В. Григорьева пишет, что «в коммунистическом движении его [Грамши] времени господствовало представление, что демократия в капиталистическом обществе условна, фальшива и является лишь формой диктатуры, подлинная же демократия (для трудящихся) осуществится после свержения капитализма и равнозначна диктатуре пролетариата» (*Григорьева И.В. Социализм, демократия, либерализм: два взгляда (Антонио Грамши и Карло Росселли) // Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти!».* М., 1997. С. 31–32).

³ Так, Э.Л. Розин пишет: «Конечно, Ленин не был теоретиком государства. У него не было никакой четкой системы идей касательно государства вообще. Самое большее, что можно сказать о нем, — это то, что Ленин был архитектором государства диктатуры “пролетариата”, тоталитарного государства, создавшим учение о безбрежном классовом насилии “пролетариата” над абсолютным большинством народа» (*Розин Э.Л. Ленинская мифология государства.* М., 1996. С. 15). Э.Л. Розин отмечает то, чего не увидел Ленин, но что понял и оценил Грамши, создавая свою теорию гегемонии: «...Одним из самых существенных просчетов Ленина был отказ признать идею правового государства как одну из важнейших в политико-правовых учениях второй половины XIX — начала XX вв. <...> Он не видел в правовом государстве элемент именно гражданского общества. Он не понял, что неправовое государство означало замкнутую закрытую систему, оторванную от общества, тогда как правовое государство — это открытая политическая система, находящаяся в постоянном взаимодействии с гражданским обществом» (С. 43).

⁴ *Мушинский В.О. Антонио Грамши. Учение о гегемонии.* М., 1990. С. 51.

щих ему в вину противопоставление Грамши как Ленину, так и Марксу и Энгельсу.

В своей полемике с критиками, общий смысл обвинений которых заключался в том, что Боббио пытался исключить Грамши из традиции марксистской мысли, итальянский ученый отстаивал тезис, суть которого в том, что если Антонио Грамши и совершил инверсию, — то разве что в отношении *догматической версии* марксизма. Защищаясь от нападков в «экстрадиции Грамши», Боббио парировал, что считает Грамши марксистом, не предполагая противопоставить его теорию традиции марксизма, но скорее выделяя в ней то, что явилось развитием этой традиции, дополнением и совершенствованием теории социалистической революции. Трансформация революционного перехода к социализму в позиционную войну, по мнению Боббио, не опровергает марксистское учение в его целостности и не отвергает суть теории революции, но при этом несомненно вносит серьезные коррективы в концепцию диктатуры пролетариата. Отвергая диктатуру пролетариата как метод, не подходящий для условий правового государства, Грамши предлагает другой путь к социализму, — и здесь сложно увидеть «опровержение марксизма» (и даже ленинизма) в его формулировке целей (но не задач и средств). Боббио, жестко отвечая некоторым из своих наиболее «суровых» критиков, говорит, что отождествлять оригинальность Грамши в рамках марксистской традиции с противопоставлением его мысли духу этой традиции нелепо. Однако при всем этом, полагает Боббио, вполне законно и логично рассматривать ряд идей Грамши вне этой традиции и — главное — вне ее догматической интерпретации: «Я считаю Грамши мыслителем такой величины, что его идеи заслуживают признания и оценки сами по себе, независимо от большей или меньшей зависимости его мысли от того образа, который возводится, в практически сакрализованном виде, к Марксу ли, или Ленину, — да, собственно, ко всему марксизму-ленинизму как архетипу». — В самом деле, нельзя не согласиться с утверждением, что «величина того или иного мыслителя не может ни в коем случае состоять в том, что он близок или далек от другого мыслителя, но [состоит она] прежде всего в приближении его мысли к современной ему же реальности, в той точности и широте охвата, с какой он вырабатывает свое видение этой реальности»¹.

---

¹ *Bobbio N. Introduzione// Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 8–11.*

К этому необходимо добавить, что учение Маркса и Энгельса, равно как и опирающееся на него учение Ленина, были противоречивы сами в себе (не в смысле изначально признаваемой диалектической противоречивости, но в обычном логико-историческом плане), и Боббио говорит, что споры о том, является ли Грамши марксистом-ленинистом, или же он больше марксист, чем ленинист; или, наконец, ни марксист, ни ленинист, — исходят из ошибочной посылки, «будто бы понятия, разрабатываемые марксизмом, ленинизмом, марксизмом-ленинизмом, являются четкими и определенными, и на их основании легко можно построить одну или другую теорию, или комплекс теорий, не оставив и краешка неопределенности, шероховатости, а затем использовать эти построения наподобие того, как используют шаблоны для выравнивания стен»¹.

Эту сложность и противоречивость идей Маркса и Ленина необходимо учитывать, когда речь идет о «творческом развитии» марксизма или марксизма-ленинизма. Что является «творческим развитием», а что не является, кого из мыслителей-марксистов считать марксистом творческим, а кого нет, — это вопрос скорее институциональный и историко-политический (или, можно сказать, *партийный*), нежели теоретический. Так, рассматривая развитие советского «марксистского проекта», Евгений Добренко замечает, что в него настолько часто «вносились столь радикальные изменения, что требовался немалый запас ”революционного романтизма”, чтобы интерпретировать диаметрально противоположные исходному проекту положения в категориях ”творческого марксизма”. То было объявлено, что социализм победит не в наиболее развитых странах, а почему-то в ”самом слабом звене империализма”; затем оказалось, что социализм возможен в ”одной отдельно взятой стране”; после войны, когда ”советское общество вступило в эпоху развернутого строительства коммунизма”, оказалось, что теперь уже и коммунизм возможен в одной стране, более того, что коммунизму свойственно... укрепление государства»². Как видно из этого, оценка мыслителей и теорий — как марксистских и творчески развивающих марксизм (или, наоборот, ревизионистских, антимарксистских и т.п.) — была делом скорее партийно-политического руководства той из компартий, к которой принадлежал тот или иной марксист (важны при этом

---

¹ *Bobbio N. Introduzione // Bobbio N. Gramsci e la concezione della società civile. Milano, 1976. P. 10.*

² *Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007. С. 63–64.*

и геополитические обстоятельства, которыми руководствовались лидеры компартий). Соответственно, Антонио Грамши, наследие которого было высоко оценено итальянской компартией и положено в программу ее политики, является безусловно выдающимся марксистом, — и Норберто Боббио это не только не оспаривает, но и подтверждает. Однако будучи все же идейным оппонентом марксизма, Боббио предпринимает попытку анализа идей Грамши не в противопоставлении их марксизму, но, как бы можно сказать, в некотором *отстранении* их от марксистской теории в ее интерпретации Лениным, как и от соответствующих доктрин, на нее опирающихся.

Таким образом можно охарактеризовать оригинальность интерпретации Грамши, совершенную Норберто Боббио: взяв грамшианскую концепцию в ее своеобразии, в ее *логико-политическом отрыве* от марксистской линии, мы получаем метод преобразования общества, который может быть использован органическими интеллигентами, к примеру, буржуазного общества, либерально-демократической интеллигенцией, к которой принадлежал и сам Боббио. С другой стороны, будучи ясно высказана, доктрина Грамши и вытекающая из нее программа предоставляют идеологическим и политическим противникам методы защиты от самой себя, показывают свои слабые и сильные стороны, позволяя выработать «контрстратегию»¹. Отсюда и обвинения, предъявленные к Боббио: марксисты не хотели делиться своим методом в части его сильных сторон и не желали раскрытия, «разоблачения» слабостей доктрины!

Интересно проанализировать и концепцию политической роли интеллигентов Боббио с точки зрения того, в какой мере он следует рекомендациям Грамши по «захвату гегемонии» и в какой мере размышления Грамши повлияли на выработку Боббио уже его требований к интеллигентам—«защитникам культуры»², на разработку

---

¹ «Теорию гегемонии, — пишет Ю.В. Барбарук, — можно использовать на разных уровнях теоретизирования. Во-первых, она объясняет механизмы функционирования социальных систем в период их стабильного существования. Во-вторых, теория гегемонии Грамши показывает, каким образом и по каким причинам происходит переход общества из одного режима функционирования в другой. Можно также сказать, что эта теория дает понять, как такой переход можно намеренно осуществить» (*Барбарук Ю.В. Социальная теория и политические стратегии постмарксизма*. М., 2012. С. 68).

² Что касается влияния теории гражданского общества Грамши на теоретические разработки Боббио в области политики, то этой проблемы касаются Коэн и Арато, анализируя некоторые боббианские «достижения, основанные на специфической интерпретации Грамши», к примеру, — идею о том, что «объектом демократизации у него [Боббио] вместо государства становится гражданское общество» (*Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория*. М., 2003. С. 235).

«контрстратегии» против «захвата культуры». Здесь можно обратиться к «Политике и культуре» с учетом выводов, полученных нами при анализе боббианской интерпретации идей Грамши.

Несмотря на то, что в «Политике и культуре» нет явной полемики с идеями Грамши, некоторые аспекты полемики скрытой можно выявить. Важнейшим контрапунктом этой *скрытой полемики* является противодействие Боббио попыткам захвата культуры, — такого захвата, который итальянские коммунисты, опираясь на теоретические достижения Грамши, стали планировать и проводить в жизнь со второй половины 40-х годов. Так, важнейшее требование Боббио к интеллектуалам, состоящее в том, чтобы они не принимали непосредственного участия в партийной деятельности, не принадлежали ни к каким партиям, безусловно инспирировано грамшианским пониманием гегемонии и гражданского общества как «крупного надстроечного плана», завязанного на культуру, протагонистами которой, по Боббио и Грамши, интеллектуалы как раз и являются. Норберто Боббио, в отличие от Грамши, отводит интеллектуалам исключительно значимую роль в пределах культуры, но не политики, полностью «отстраняя» их от партий и политики (в том смысле, в каком ее понимает Грамши, то есть как борьбу за власть). Роль интеллектуалов, по Боббио, состоит в защите культуры, защите автономии культуры (или, как он часто говорит, *относительной автономии культуры*) от политики, политических доктрин, их влияния, их доминирования, — от любого вида инспирации культуры со стороны политики, политических партий и движений, от любого вида проповеди «служения» культуры политике (но, конечно, сотрудничество не только возможно, но и желательно, — сотрудничество «на равных»). Совершенно логично, что исходя из таким образом сформулированной роли, — а эта роль является политической — Боббио выдвигает требование независимости интеллектуалов от партий и их доктрин как требование базовое, основное для «людей культуры». Грамшианскому «излучению престижа» партии Боббио противопоставляет «излучение престижа» культуры.

Различие в понимании политической роли интеллектуалов Боббио и Грамши обусловлено различным пониманием их роли в обществе, несмотря на то, что эти столь разные политические мыслители сходятся в том, что интеллектуалы как особая социальная группа относятся к гражданскому обществу, в понимании которого в свою очередь у Грамши и Боббио существует определенное согласие. Если у Грамши интеллектуалы — это сила политическая, организующая массы в борьбе за власть, сами будучи организованы в партию (коллек-

тивный интеллектуал); то у Боббио «независимые от политики и доктрин люди культуры» используют свое влияние, знания и энергию исключительно в целях защиты культуры, сознательно отстраняясь от политической власти. У Грамши критика власти и политики преследует цели ее дальнейшего завоевания, и в таком понимании активности интеллектуалов он сближается с Лениным; интеллектуалы же Боббио занимаются критикой власти, доктрин и политических концепций строго для защиты культуры и демократии, негативной свободы и принципов ограничения власти, — и здесь Боббио сближается с Бенедетто Кроче, который выразил свое видение долга интеллектуала в «Манифесте итальянских интеллектуалов-антифашистов» (1925) так: «...Интеллектуалы, то есть попечители науки и искусств, даже будучи гражданами, когда во имя исполнения долга примыкают к какой-либо партии, не могут пренебрегать единственной обязанностью и целью: возвышать всех людей независимо от каких бы то ни было партий — посредством добросовестных критических исследований и художественных творений и удерживать высоту духовной сферы...»¹.

Различие Кроче, Грамши и Боббио в их понимании роли интеллектуалов в обществе и политике можно представить следующим образом: если Кроче «удерживал» интеллектуалов в области культуры, а Грамши всецело и полностью «ввергал» их в политику (партийный интеллектуал *становится* у него политиком *par excellence*), то Боббио, синтезируя эти крайние позиции, наделяет интеллектуалов политическими полномочиями (правда, в строго очерченных рамках). Грамши, пишет Боббио в работе «Идеологический профиль Италии XX века» (1986), предложил новую модель взаимоотношений политики и культуры, новое видение политической роли интеллектуала, — именно так, что эта роль становится всецело политической. Соответственно, по этой модели «культура больше не вне или против партии, но внутри и через партию, которая становится плавильным котлом теории и практики»². Так партия — *коллективный органический интеллект*³ — в теории Грамши преодолевает и побеждает «старую» культуру и гражданское общество, порождая новые смыслы и новые отношения.

---

¹ Кроче Б. Манифест итальянских интеллектуалов-антифашистов // Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999. С. 255.

² Bobbio N. Profilo ideologico del Novecento Italiano. Torino, 1986. P. 171.

³ Федерико Черейя, анализируя грамшианскую теорию интеллектуалов-«носителей гегемонии», отмечает четко прослеживающуюся тенденцию к «десакрализации мыслителя, говорящего от первого лица, и передаче его функций коллективному организму» (*Cereja F. Intelletuali e politica. Dall'epoca giolittiana all'affermazione del fascismo.* Torino, 1973. P. 161).

ГЛАВА 4

Концепция Норберто Боббио в конце 70-х годов XX века: интеллектуалы-идеологи или интеллектуалы-эксперты?

Уже к началу 50-х годов XX века интеллектуалы с предельной ясностью осознают себя как социально-политическую группу, имеющую задачи, цель, предназначение, с одной стороны, и конкретную ответственность, долг, — с другой. Норберто Боббио, принимая положение Карла Манхейма о том, что «интеллектуалы формируют (или полагают, что формируют) определенный самостоятельный класс (*una classe a sé stante*), отличный от классов социальных или экономических, и ставящий для себя особенные, неординарные задачи», выражает уверенность в том, что в Италии «рождается, выделяясь как новая [социальная] общность, благословенная или непрощеная — кто знает! — класс *людей культуры*, со свойственными ему характеристиками, с претензиями быть во главе формирования [общественного] сознания, осуществлять политическое образование и являться собственно протагонистами истории»¹. Так полувековой опыт существования и политической деятельности интеллектуалов привел их к осознанию своей идентичности. В послевоенное время споры интеллектуалов идут уже не о сущности, но о политических целях и задачах: ни проблема сущности, ни проблема единства остро не ставились в их бурной полемике. Однако единство, достигнутое интеллектуалами в 50-е годы, постепенно разрушалось, и к середине 70-х годов стало ясно, что ряд принципиальных проблем, касающихся «основных вопросов интеллектуалов», — о призвании, цели и долге, об отношении к политике и культуре; наконец, о самом существовании этой группы, — необходимо ставить и решать заново.

Доминирование Америки в послевоенный период истории Западной Европы — в особенности в сфере социально-политических идей, — факт общеизвестный. Под влиянием американских теорий и установок, атлантических «технократических веяний», в Европе активно развиваются и приобретают влияние различного рода концепции, связанные с технократизмом и экспертократией. Влияние этих теорий в Италии привело даже к тому, что некоторые (конечно, немногие) пассивно-фаталистически настроенные публицисты стали

---

¹ *Bobbio N. Intellettuai e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 124.*

«отказывать» интеллектуалам в том, что они могут играть какую-либо роль в политике, пытаясь реанимировать отвергнутые принципы и лозунги «деидеологизации» и продвинуть принцип «disimpegno», то есть отрицания каких-либо гражданских и культурных обязанности интеллектуалов, — тем самым, наконец, пытаясь «вырвать итальянскую культуру и творческую интеллигенцию из "плена левых идей и настроений", в который она попала после краха фашизма», освободить интеллектуалов «от идеологии, от обязательности занимать ясную моральную позицию перед лицом действительности»¹. Однако такого рода попытки встретили серьезное сопротивление со стороны интеллектуалов. Ц.И. Кин говорит: «Да, конечно, деидеологизация, "дизимпеньо" — явления очень тревожные, и марксистская мысль в Италии не хочет делать вид, будто этих явлений не существует. Но... серьезные итальянские писатели, как светские, так и католические, ни в одном произведении не выступили в качестве апологетов образа жизни и шкалы ценностей, предлагаемых в Италии идеологами "государства благоденствия"»².

Казалось бы, после знаменитых дебатов о «конце идеологии», в свете усиления «технократизма» в общественно-политической мысли, и с учетом роста влияния «эксперткратического подхода», — и деятельность, и дискуссии интеллектуалов должны были потерять былую остроту. Однако многочисленные дебаты об интеллектуалах и их политической роли, усилившиеся в западноевропейских странах в середине 70-х годов XX века, свидетельствовали, наоборот, о нарастании интереса к этой проблеме, причем если во Франции интеллектуалы находились под влиянием идей о «смерти автора», упадке и уходе «универсального интеллектуала», об «утраченных иллюзиях» и концепций о «конце интеллектуалов», — то итальянские полемисты демонстрировали куда как большую степень конструктивности и оптимизма. 70-е годы в Италии ознаменованы всплеском интереса к интеллектуалам: какова их политическая роль в постиндустриальном мире, каковы их новые задачи и цели, обладают ли они и теперь автономией и в какой степени? — «Старые» вопросы вставали с новой силой.

В 70-е годы Норберто Боббио «достраивает» свою «теорию интеллектуалов», причем свои нововведения по интеллектуалам философ

---

¹ Кин Ц.И., Горяинов В.В. О некоторых течениях в итальянской культуре // История Италии. Ред. колл.: С.Д. Сказкин (пред.). В 3 т. Т. 3. Под ред. С.И. Дорофеева. М., 1971. С. 472.

² Кин Ц.И. Итальянские светотени. Заметки о литературе и культуре современной Италии. М., 1975. С. 36.

представляет, уже согласно традиции 50-х годов, после большой дискуссии с коммунистами и социалистами по проблемам государства в марксистской теории. В «новых марксистских дебатах» Боббио подтверждает свою репутацию серьезного исследователя марксизма и «человека диалога», теоретические споры с которым плодотворны и интересны. Конечно, ведущая тема размышлений и выступлений Боббио по «основной проблематике» в 70-е годы — изменение роли интеллектуалов в трансформирующемся обществе. В эти годы в Италии споры 50-х годов оживают и обретают актуальность: прения об интеллектуалах вновь порождают бурные страсти в журналах, газетах и на телевидении, программные произведения переиздаются: в 1970 году переиздается книга «Сторожевые псы» Поля Низана; в 1973 году — «Либеральный социализм» Карло Росселли; в 1974 году переиздана «Политика и культура» Боббио; в том же году переводится «Идеология и утопия» Карла Манхейма; «Предательство интеллектуалов» Жюльена Бенда переводится не только в Италии, но и в США; в 1975 году с новым научным аппаратом и в расширенном виде выходят «Тюремные тетради» Антонио Грамши. По всему миру проводятся конгрессы и конференции, посвященные интеллектуалам; западноевропейская интеллигенция — итальянская в особенности — охвачена острейшими спорами о «кризисе левых интеллектуалов» (в Италии говорили о «travaglio» — муки, терзания, смятение — левой интеллигенции); многие интеллектуалы пришли в уныние, поддались пессимизму.

В 1977 году Итальянская социалистическая партия проводит в Милане конференцию под названием «Партии и культура в Италии» (Convegno «I partiti e la cultura in Italia», 29 ottobre 1977). И интеллектуалы, и политики именно от Норберто Боббио ждут если и не вердикта, то по крайней мере весомого слова. Доклад Боббио на этой конференции называется «Интеллектуалы и власть» — в виде статьи он вскоре был напечатан на страницах «Мондоперайо»¹. В 1979 году на основе этой статьи ученый публикует в III томе итальянской «Энциклопедии XX века» статью «Интеллектуалы», связывающую его размышления 50-х годов с нововведениями 70-х годов и показывающую то новое, что Боббио внес в свою концепцию интеллектуалов — на основании своего политического опыта, а также изучения работ других ученых по этой теме. Боббио обозначает свое скептическое отношение ко всякого рода «сенсациям» (или, скорее, слухам) об «исчезновении» интеллектуалов (как если это были бы именно

---

¹ См.: *Bobbio N. Gli intellettuali e il potere // MondOperaio. 1977. № 11.*

слухи, сплетни), распространившимся к тому времени во Франции. Впрочем, не менее скептическое отношение выражается философом и к проблеме представления интеллектуалов как однородного, *единого* класса (*una classe omogenea*). Общеизвестно, что у этого «класса» не было никогда своей партии: при том, что некоторое время действовали «партии интеллектуалов» (достаточно вспомнить Партию действия); вообще не существовало партий, *представляющих* интеллектуалов, так как у них не было (да и не могло быть) «единого доктринального корпуса», свода доктрин (*unico corpo di dottrine*)¹. Постоянная полемика интеллектуалов, принадлежащих к различным политическим и философским лагерям, имеет силу, — говорит Боббио, — также и в области их самоопределения: разные группы имеют совершенно разные представления относительно определения природы и статуса интеллектуалов. Поэтому в своих работах 70-х годов философ пытается определить эти параметры и обосновать свое концептуальное нововведение — «дихотомию интеллектуалов» (разделение на идеологов и экспертов) исходя из отношения их к власти. Это вполне логичный ход: если «старые» интеллектуалы (идеологи, или, согласно М. Фуко, «универсальные интеллектуалы») от власти удаляются (и не в последнюю очередь в связи с понижением представительской роли партий в информационном обществе), то обретающие силу и влияние эксперты повышают свой статус в отношении власти и стремятся к консолидации в качестве нового правящего класса (таковы, во всяком случае, интенции, приписываемые «новой элите» многими исследователями).

Анализируя отношения интеллектуалов и власти, Норберто Боббио опирается на типологию этих отношений, предложенную известным социологом Льюисом Козером, сопоставляя ее с отношениями теории и практики². Первый тип отношений — когда интеллектуалы находятся непосредственно у власти: Боббио приводит в пример якобинцев и большевиков. Данному типу отношений соответствует марксистский постулат единства теории и практики. Во втором случае «люди идей» пытаются влиять на власть, находясь в стороне от нее — как, например, английские фабианцы или эксперты рузвельтовского «мозгового треста» (хотя последний пример не вполне удачен, так как эксперты «нового курса» действовали исключительно в рамках задания правительства). В третьем случае интеллектуалы вы-

---

¹ *Bobbio N. Intellettuali // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 800.*

² *Bobbio N. Intellettuali // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 800–801.*

ступают как идеологи, занятые по преимуществу легитимизацией существующего строя, — и здесь в пример зачисляются все «интеллектуалы-идеологи» тоталитарных государств. В этих случаях налицо разделение, но не противопоставление теории и практики. Суть разделения заключена в вопросе, должна ли практика подтверждать теорию, или же теория служит для удостоверения ценности практики. Четвертый тип представлен интеллектуалами-критиками власти, и эта критика — их призвание: Боббио иллюстрирует данную позицию примерами русской интеллигенции XIX века и советских диссидентов. Классификацию Льюиса Козера Норберто Боббио дополняет еще одной — пятой — категорией интеллектуалов: те, кто отстраняется от власти полностью, не желая иметь к ней никакого отношения. Во всяком случае, оба этих типа соответствуют тезису о разделении и противопоставлении теории и практики: выступая критиком власти и ее практики, интеллектуал явным образом выступает за другую власть и соответственно за другую властную практику.

В качестве источника для своего «разделения интеллектуалов» — разделения некогда единого (или, по меньшей мере, относительно единого, или уверенного в своем единстве) «класса» — на интеллектуалов-идеологов и интеллектуалов-экспертов — Боббио использует дихотомию «философов и техников» итальянского социолога Жана Паоло Прэндстраллера, автора известных некогда (и незаслуженно забытых ныне) работ о профессиональных этиках «нового среднего класса». Вкратце стоит остановиться на концепции этого ученого, мыслящего в духе американских технократических идей¹ и исходящего в своих построениях из американских реалий.

Конечно, разделение интеллектуалов на экспертов и идеологов в связи с переходом к постиндустриальному, или информационному обществу (или же, как некогда было принято говорить, к «когнитивному капитализму»), — нововведение не Прэндстраллера: эта идея принималась разными учеными в конце 60-х годов XX века. Помимо работ Ж.П. Прэндстраллера, необходимо указать и работы Ричарда Хофстедтера и Томаса Молнара, которые также послужили для Боббио стимулом для размышлений над изменением природы интеллектуалов. Знаменитый американский историк Ричард Хофстедтер в своем эссе «Антиинтеллектуализм в американской жиз-

---

¹ Н. Боббио опирается прежде всего на книгу Ж.П. Прэндстраллера «Интеллектуал-техник» (*Prandstraller G.P. L'intellettuale-tecnico e altri saggi*. Milano, 1972). Назовем другие работы Ж.П. Прэндстраллера: «Техники как класс» (1959), «Интеллектуалы и демократия» (1963); «Возрождение среднего класса» (2011).

ни» (1963)¹, опираясь на свои наблюдения 50-х годов XX века, утверждал, что в области политики антиинтеллектуализм базируется на возрастании роли специализированного знания, обладателями которого являются интеллектуалы-эксперты. Роль же идеолога постепенно сводится к чистому теоретизированию, к «витанию в облаках»: хотя и эксперты иногда могут чрезмерно «увлекаться» идеологией, но логика развития общества такова, что превалирующее значение они играют в качестве экспертов-профессионалов.

Томас Молнар (1921–2010), ученый и религиозный мыслитель, после войны живший и работавший в США, в своей довольно противоречивой и неоднозначной книге «Закат интеллектуалов» (1961) утверждал, что интеллектуалы и есть идеологи; правда, практически всегда — идеологи враждующие. Их роль в истории общества в этом своем качестве исчерпывается к середине XX века в связи с наступлением новой модели интеллектуальных отношений — профессионалов-экспертов, не связанных с идеологией. Как с течением прогресса культура постепенно освобождается от влияния политики, так и политика освобождается от влияния идеологии².

Уже знакомый нам исследователь Томас Малдонадо в своей книге об интеллектуалах второй половины XX века (универсальных, политически ангажированных интеллектуалов, вспомним, он называет *intellettuali sacerdoti* — «интеллектуалы-жрецы») пишет: «Хотя при-

---

¹ См.: *Hofstadter R. Anti-Intellectualism in American Life*. Random House, N.-Y., 1963 (см. также его книгу: *Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и ее создатели*. М.: Наука, 1992). Об антиинтеллектуализме Америке размышляли не только ученые и политические мыслители, но и публицисты. Так, в 1964 году вышла книга сатирических памфлетов журналиста, политического публициста Майка Ньюберри «Йеху». Говоря о том, что «для нынешних правых интеллектуал уже сам по себе подозрителен» и «антиинтеллектуалы стремятся запретить интеллект, запретить мысль», Ньюберри уточняет: «Однако этот антиинтеллектуализм нового толка принимает парадоксальный характер, ибо жизнь настолько усложнилась, а наука настолько расширила горизонты интеллекта, что воинствующий обскурантизм такого рода может удовлетворить лишь самых неприхотливых. Нынешнему противнику интеллигенции необходимо запастись степенью доктора философии. Собственно говоря, половина из них эту степень имеет. В наши дни противник интеллекта стремится стать интеллектуалом высшей пробы. Ему это необходимо» (*Ньюберри М. Йеху со снайперскими винтовками // Америка: Улицы Разделения. Американцы размышляют о себе. Документальная проза / Сост. Е. Стояновская. М., 1984. С. 468*).

² См.: *Molnar T. The Decline of Intellectual*. N.-Y., 1961; итальянское издание: *Molnar T. Il declino dell'intellettuale*. Edizioni dell'albero, Torino, 1965. Майк Ньюберри подвергает взгляды Молнара довольно жесткой критике, не совсем заслуженно причисляя в ряды «проповедников антиинтеллектуализма» (см.: *Ньюберри М. Йеху. Сатирические памфлеты. М., 1966. С. 182–184*).

звание этих людей было, в сущности, одним и тем же, — призвание расходиться во мнениях и мыслить различным образом, идеалы, начертанные на знаменах, которые они возносили, не были одними и теми же, — как и мишени их протеста»¹.

Интеллектуалы-техники Ж.П. Прэндстраллера — это все тот же новый класс менеджеров, экспертов и профессионалов, знакомый по американским теориям: в работе 2003 года «Профессиональная работа и цивилизация капитализма. Американский капитализм знаний и китайское экономическое недоверие. Новые стратегии активности креативных профессий» он апеллирует к концепту «революции менеджеров» Бернхейма, к концепциям общества знаний и *knowledge workers*, к понятию-идеологеме «креативный класс» Р. Флориды и т.д. Что же отличает его работы и почему Боббио именно на его различии техников и философов основывает свою «коррекцию» концепции интеллектуалов в конце 70-х годов? Работы Ж.П. Прэндстраллера ценны своим синтезом различных идей, касающихся экспертов и техников, также как и достаточно строгим формулированием генезиса и сущности «нового среднего класса» техников-экспертов с его новыми стратегиями. Немаловажно и то обстоятельство, что Прэндстраллер причисляет к «новому классу профессионалов» — также и «старых» интеллектуалов, философов, именуемых иногда «идеологами».

Интеллектуалы, — как техники-эксперты, так и философы, — являются, согласно модели Ж.П. Прэндстраллера, каркасом нового среднего класса, приходящего в индустриальном обществе на смену старому (т.е. буржуазии) и приобретающего в постиндустриальном обществе решающую роль. При этом политическая власть переходит от прежнего недифференцированного слоя интеллектуалов к выделившейся из него страте техников-экспертов: «Их функция — ориентировать общественное мнение, давать глобальные интерпретации мира ценностей, принимать политические позиции, основанные на трансцендентных системах, в значительной степени теряет свою силу с исчерпыванием индустриального общества»², т.е. с приходом постиндустриализма. Но что же остается тогда на долю интеллектуалов-философов как собственно идеологов (в своих работах, написанных с конца 70-х годов, Ж.П. Прэндстраллер называет их уже идеологами)? Ответом на этот вопрос является определение, которое

---

¹ *Maldonado T.* Che cos'è un intellettuale? Avventure e disavventure di un ruolo. Milano, 1995. P. 25.

² *Prandstraller G.P.* La rinascita del ceto medio. Milano, 2011. P. 39.

автор со ссылкой на С.М. Липсета дает классическим интеллектуалам: это — те, кто «создают, распространяют и приумножают культуру, т.е. мир символический, включающий искусство, науку и религию»¹. Таким образом, будучи лишены политической роли в том смысле, в каком интеллектуалы принимали раньше, они оставляют за собой теперь чисто «культурные обязанности» (но не включающие политическую деятельность по защите культуры), а идеологическая функция сводится к политическим исследованиям, дискуссиям и критике политических решений власти (но не к участию в них).

«Каждое политическое действие, — утверждает Боббио, — поскольку является или претендует быть действием рациональным, нуждается в общих идеях относительно преследуемой цели, — их я назову принципами, но здесь можно также использовать понятия ”ценности”, ”идеальности”, видения мира”; и в научных и специальных знаниях, необходимых для достижения поставленных целей. Под ”идеологами” я подразумеваю тех, кто поставляет руководящие принципы; под ”экспертами” — тех, кто поставляет знания-средства. Различие между одними и другими может быть интерпретировано посредством веберовского различения рациональных действий относительно ценностей и относительно целей. Идеологи — это те, кто вырабатывает принципы, на основании которых действие называется рациональным, поскольку соответствует определенным ценностям, представленным как цели, которые необходимо достичь; эксперты же — это те, кто, предоставляя знания, наиболее требуемые для достижения поставленной цели, способствуют тому, чтобы необходимое действие могло быть рациональным относительно цели»². Из этой новой дефиниции интеллектуалов, разделяющей прежних «универсальных» людей культуры на две группы, можно сделать некоторые выводы относительно их новой политической роли. Собственно, очевидно, что таковой могут обладать лишь те, кого философ именуется идеологами: не пренебрегая помощью экспертов, дабы не впасть в утопизм, идеологи не оставляют без своей «опеки» самих экспертов, уберегая интеллектуальный мир от господства чистого техницизма.

Определив новую дихотомию интеллектуалов, философ связывает два понятия — идеологи и эксперты — с историей и логикой развития самого понятия «интеллектуалы»: «Различие между идеологами и экспертами может быть проиллюстрировано двумя книгами,

---

¹ Prandstraller G.P. La rinascita del ceto medio. Milano, 2011. P. 38.

² Bobbio N. Intellettuuali // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 801.

которые для данного случая являются установочными: "Предательство клерков" Ж. Бенда и "Новые мандарины" Н. Хомского. Интеллектуалы-предатели, о которых говорит Бенда, — это идеологи (в особенности доктринеры из Аксьон франсез); интеллектуалы, на которых ссылается Хомский, — это эксперты (в особенности социологи и ученые, которые своей деятельностью способствовали развитию и эскалации военного конфликта во Вьетнаме). Идеологи Бенда обвиняются в измене принципам истины и справедливости, мандарины же Хомского обвиняются в предоставлении своих способностей на службу несправедливой и разрушительной власти»¹. — Совершенно логично, что для иллюстрации политического различия интеллектуалов Боббио прибегает к помощи книг, интеллектуально-политических памфлетов: недаром ведь и Т. Малдонадо называет интеллектуалов «людьми письма, текста» («uomini di scrittura»)»².

Ноам Хомский, лингвист с мировым именем, с середины 60-х годов XX века стал заниматься вопросами политики, выступая с резкой критикой американской внешней политики; ныне его можно назвать ведущим американским интеллектуалом, причем интеллектуалом в «старом», универсалистском смысле этого слова. В 1969 году в США вышел сборник его критических статей «Американская власть и новые мандарины», в том же году книга издается в Италии³, во Франции и в Англии. В сборник вошла лекция 1968 года «Объективность и гуманитарные науки» и статья 1967 года «Ответственность интеллектуалов». Хомский обвиняет интеллектуалов-экспертов в прислуживании власти, но если быть точнее, то позиция его наилучшим образом может быть выражена так: вместо того, чтобы говорить истину и обличать ложь, интеллектуалы (пусть даже и эксперты) перешли на сторону власти, отвергая свои обязанности ее критики⁴. В особенности это касается политологов Америки: изначальная поддержка политоло-

¹ *Bobbio N. Intellettuali // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 801.*

² *Maldonado T. Che cos'è un intellettuale? Avventure e disavventure di un ruolo. Milano, 1995. P. 22.*

³ Под названием «Новые мандарины. Интеллектуалы и власть в Америке»; в 1977 году вышло переиздание. См. также сборник работ интеллектуала, в который включен ряд принципиально важных его статей: *Хомский Н. Избранное. М.: Энциклопедия-ру, 2016.*

⁴ Так, американский исследователь Пол Холландер отмечает, что в основе обвинений Хомского, предъявляемых им ряду интеллектуалов, лежит «открытая и глубокая вражда к интеллектуалу, который, прекратив "свободное плавание", поступает "в продажу", становясь каким-нибудь советником, вроде "ученого-эксперта", "академического апологета" или "благополучного технического специалиста" в услужении у правительства» (*Холландер П. Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978. СПб., 2001. С. 121*).

гии со стороны правительства и капитала, по Хомскому, является злом, ибо обязывает их действовать в строго заданном направлении: так, ученый выступает против Сэмюэла Хантингтона, который в 1966 году в одной из статей высказывался в пользу сотрудничества политологов с правительством. «Новые мандарины», американские интеллектуалы, люди образованные и рациональные, превратились, по словам Хомского, в «бедствие нашей эпохи». Главная мишень критики Хомского — идея мировой миссии Америки, которая имеет право устанавливать повсюду свое господство: ясно, что острие критики Хомского направлено не столько на экспертов, «разработавших» войну во Вьетнаме, сколько как раз на идеологов американского превосходства.

В своих политико-публицистических работах Хомский показывает роль интеллектуалов-экспертов в политике, иллюстрируя их положение «советников правителей»; как отмечает Боббио, «с тех пор как государство стало вмешиваться во все сферы жизни, в частности в экономические и социальные отношения, необходимость технических познаний резко возросла». — Если идеологи заняты выработкой принципов, которые «соответствуют ценностям, избранным как руководство к действию», а эксперты озабочены технической стороной вопроса (Боббио говорит так: «У идеологов акцент — на цели, а у экспертов — на средства»¹), то вопросы политической роли интеллектуалов относятся к двум этим их типам. Именно поэтому Боббио в качестве установочных по данному вопросу приводит работы Ж. Бенда и Н. Хомского; более того, новая дихотомия интеллектуалов актуализирует идеи Бенда и придает значимость критике Хомского. Обязанность интеллектуалов говорить правду и обличать ложь политиков остается в силе, причем эксперты-техники не освобождаются от нее, так как «в идеологическом диспуте проблема целей обычно неотделима от проблемы средств, так же как и в технической дискуссии проблема средств не отделяется от споров о цели»².

Разделение, или, если угодно, «раздвоение» интеллектуалов, — это дополнение концепции Боббио в сильной степени производит впечатление «навеянности» американскими идеями, что проявляется не столько в «привлечении» сугубо американского интеллектуала Ноама Хомского (во многом действующего по «заветам» континентальных интеллектуалов), сколько в негативной, отчасти даже неприязненной, оценке Сартра (который никаким образом не вписывается в новую схе-

---

¹ Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 164–165.

² Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 165.

му «функционализации» интеллектуалов «идеолог-эксперт», предлагаемую Боббио). Такая тенденция прослеживается уже в «Политике и культуре», где проскальзывает неожиданное для итальянского мыслителя преклонение перед «функциональностью» англосаксонской культуры и политики. Так, несколько озадачивает пассаж, в котором Норберто Боббио предлагает считать интеллектуалов «знаком плохого функционирования социального организма». — «Подчас и сами интеллектуалы Италии, — замечает Боббио, — называют себя ”инородными”, ”оторванными” от того общества, в котором живут. Можно беспристрастно признать, что этот разрыв или отстраненность является характеристикой итальянского общества в эти годы застоя и путаницы после войны»¹. Особую роль интеллектуалов Боббио, намечая такой подход, связывает с «нефункциональностью» того общества, в котором интеллектуалы могут принимать политическую роль. Функциональным же обществом Боббио вслед за Карло Росселли считает английское: в Англии интеллектуалы не образуют особую группу, особый класс с какими-либо особыми правами и задачами в сфере политики. Английские «серьезные интеллектуалы» заняты своими сугубо профессиональными делами, будучи профессорами университетов, литераторами, критиками; и этой их профессиональной деятельности никто не придает политического смысла, равно как и они не будут квалифицировать политические события ни в пределах, ни за пределами своей профессиональной компетенции. Функциональность англосаксонского мира заключалась в том, что ученые могли влиять на политику не с помощью мобилизации общественного мнения, выступлений в прессе, дискуссий с другими учеными или политиками, но скорее благодаря своим научным исследованиям политических процессов, отчетам и рекомендациям, предназначенным для политиков, социологическим опросам (причем политические выводы из подобных исследований часто предлагалось сделать самим политикам) и т.п.

Такова англосаксонская модель интеллектуальной деятельности — здесь вместо слова «интеллектуал», имеющего неоспоримые политические коннотации, скорее уместно слово «эксперт», лишенное таковых: интеллектуал-эксперт поставляет политикам материалы для принятия решений и лично к политике не имеет отношения. Понятно, что «экспертизация» одной части интеллектуалов и «идеологизация» другой — все это не может не означать «сужения» сферы деятельности «людей

---

¹ *Bobbio N. Intellettuai e vita politica in Italia // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 124.*

культуры)», распыления сил и обязанностей, и, в конечном счете, — если угодно, «деуниверсализации» этого политически активного «класса»¹. В 70-е годы XX века англосаксонская модель начинает утверждаться и в Европе: ее распространение связано с утверждением влияния в европейском интеллектуально-политическом пространстве концепции постиндустриального общества, имеющей исключительно англо-американские истоки; и приходится признать, что Норберто Боббио *volens nolens* способствовал продвижению ее. Однако концепция разделения «класса интеллектуалов» на экспертов и идеологов — дихотомия достаточно искусственная — имела кратковременный успех, в отличие от классических идей Боббио (интеллектуал как «человек культуры», призванный к ее защите от политических императивов, партийных установок и догматизма), ярко представленных в «Политике и культуре» и заслуживших славу и признание².

---

¹ Казалось бы, в отличие от «сведения к эксперту», наделение интеллектуала «идеологическими полномочиями» должно, по меньшей мере, сохранить хотя бы за некоторой частью интеллектуалов достаточно высокой статус. Однако «идеологизация», пожалуй, даже в большей степени политизирует «людей культуры», а это в свою очередь, как хорошо показывал Боббио в «Политике и культуре», приводит к утере интеллектуалами своей самости. Если эксперт, или «интеллектуал-эксперт», может быть подчинен политике всего лишь формально, не нарушая внутренней гармонии, но лишь «соблюдая правила» новой (чужой) игры, — то интеллектуал, становясь идеологом, переходит от высокого служения культуре к служению политике, лишаясь внутренней свободы и интеллектуальной автономии, предаваясь всецело «власти-тирану», какой бы новый облик этот тиран ни принимал. От независимости остаются лишь иллюзии, да и то не всегда. Эмблематичен в этом плане случай Хайдеггера: «Философу, ставшему идеологом, придется подчиниться власти, причем не просто подчиниться, но и полюбить, что означает любить конкретного человека (тирана, деспота), который эту власть олицетворяет. Метаморфоза неизбежна: уже не тиран выступает средством достижения великих целей, поставленных философом (как он рассчитывал), а сам философ служит тирану и его устремлениям, которые могут оказаться весьма далеки от идеальных философских устремлений» (*Миронов В.В., Миронова Д.В.Г. Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 33*). Полагая себя «идеологом», интеллектуал становится на службу той политической силе, группировке, партии, чью идеологию он думает что «разрабатывает», на деле лишь углубляя или просто декорируя принципы и догмы, вносимые и сформулированные не им.

² Интерес к его книге «Политика и культура» не ослабевает и по сей день: этой работе посвящаются научные труды, проводятся семинары и конференции. Так, совсем недавно — 5 февраля 2016 года — в Риме прошел научный форум «*Politica e cultura. Una giornata di studio e confronto*» (Roma, 5 febbraio 2016. Istituto Luigi Sturzo). В особенности следует отметить доклад известного историка, автора многочисленных работ по интеллектуальной истории Италии, профессора Туринского университета Анджело д'Орси «Политика/культура в республиканской Италии. Диалог Норберто Боббио с Итальянской компартией»; а также круглый стол, проведенный в рамках конференции, на тему «Политика и культура сегодня» (www.historiamagistra.it/wp-content/uploads/2016/03/materiali3.2.pdf).

ЧАСТЬ III

Американизация Западной Европы и «закат интеллектуалов»

Установление политического доминирования в Западной Европе — цель США, над достижением которой американские политики и идеологи, стратеги и тактики, эксперты и аналитики — начали серьезно работать вскоре после окончания Второй мировой войны. Последовательность была разработана вполне логичная: военное доминирование (как основа вассалитета Западной Европы в отношении к США) — экономико-финансовое «руководство» (план Маршалла как «глобализация доктрины Монро»¹) — гегемония (или, лучше сказать, диктат, доминирование) в культуре и науке: внедрение американских идеологических схем (идеологическое переформатирование, своеобразная квазиидеологизация) — политический «вассалитет». «Применение плана Маршалла, — утверждает выдающийся английский ученый и общественный деятель Джон Бернал, — проходит через две стадии: сначала политическая, а затем стратегическая подготовка войны. Политическая цель — добиться того, чтобы все охваченные этим ”планом” страны имели правительства, послушные американской стратегической политике...», — и так «страны ”Западного союза”, будучи прикованными к Соединенным Штатам экономически, политически и в военном отношении, к концу срока действия плана Маршалла попадут в еще большую зависимость»². — Таким образом, как справедливо говорит советский исследователь В.В. Воронцов, Западная Европа, «поставленная на ноги благодаря американской помощи, должна была платить долги по политическим векселям и принять непосредственное участие в осуществлении глобальной стратегии США»³.

---

¹ Выражение знаменитого американского политика, дружественного СССР, — Генри Уоллеса (1888–1965); см. об этом: *Уткин А.И.* Стратегия глобальной экспансии: Внешнеполитические доктрины США. М., 1986. С. 61; о Г. Уоллесе см.: *Висков С.И.* Генри Уоллес: страницы жизни американского политического деятеля // Новая и новейшая история. 1985. № 1.

² *Бернал Дж.Д.* Наука против войны // Бернал Дж.Д. Наука и общество. Сборник статей и выступлений. М., 1953. С. 156–161.

³ *Воронцов В.В.* Сенатор от Арканзаса. М., 1971. С. 66.

Следует, конечно, по достоинству оценить американскую последовательность и методичность исполнения программы установления культурного, идеологического (и вследствие этого — политического) диктата, свидетельствующую о необычайной важности для американских стратегов достижения культурно-политической гегемонии в Западной Европе, — собственно, этого требовали императивы будущего глобального доминирования. Авторы совместного доклада аналитического центра Katehon и РИСИ (2016), анализируя положение, достигнутое в XXI веке, пишут: «США после Второй Мировой войны прочно заняли место авангарда Запада. Запад контролирует мир, США контролируют Запад. США контролируют мир. <...> США + Европа, составляющие совокупно исторический ареал возникновения западной цивилизации, Новый и Старый мир. Европа, с одной стороны, является исторической матрицей этой цивилизации, а с другой, в нынешних условиях, ближайшим стратегическим сателлитом США, конкурирующим с Новым светом лишь во второстепенных вопросах, но следующих за ним во всех стратегически первостепенных вопросах (геополитики, идеологии, дипломатии, экономики и т.д.)»¹.

В гл. 1 первой части были очерчены пути «устранения» интеллектуалов, вскрыты некоторые методы и средства достижения доминирования в культуре Западной Европы американскими стратегами гегемонии. Теперь необходимо более подробно остановиться на такой культурно-политической и идеологической программе атлантистов, как «деидеологизация», а затем заострить внимание на проблемах «экспертизации» интеллектуалов, продвижения в общественно-политической мысли Западной Европы концепций постиндустриализма, внедрения ряда идеологем и интеллектуальных конструкций, в достаточной мере удобных в качестве подспорья для насаждения американизма, для перестройки «интеллектуального каркаса» западноевропейской политической мысли. В связи со столь «многотрудными» усилиями американских стратегов, доктринеров, творцов «наступательной идеологии», логичным образом будет поднят вопрос о политическом идеале Америки: ради чего, собственно, предпринимаются огромные усилия по «продвижению демократии», американизации различных культур, отстранению от политического влияния целых социальных слоев и групп?

---

¹ Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование. Совместный доклад аналитического центра Katehon и РИСИ // katehon.com/ru/content/amerikanskaya-ideologiya-i-pretenzii-ssha-na-globalnoe-dominirovanie.

ГЛАВА 1

«Конец идеологии»

и деполитизация интеллектуалов

С развитием политического представительства и партий с их доктринами и программами идеологии приобрели большую политическую силу. «Идеология, — пишет один из авторов Итальянской энциклопедии XX века, известный французский политолог Жорж Бурдо, — представляет собой систему абсолютно серьезную, более того, научную. Она исходит из реальности, хотя и интерпретирует ее с фантазией; не ограничиваясь зарисовкой всеобщего идеала, указывает стратегию для его достижения; формулирует определенную цель, возможно далекую, но в принципе достижимую. Истина состоит в том, что идеология есть мотор для действия — действия, защищающего существующий порядок, но куда как чаще призванного его разрушить, заменив каким-либо другим. Именно эта энергия делает идеологию политической силой: этот призыв к обществу будущего, содержащийся в каждой идеологии, всегда имеет политическое содержание»¹. Следуя такому пониманию идеологии, нельзя не согласиться с утверждением о том, что идеологии будут существовать, покуда существует общество и политика: так, Норберто Боббио в работе «Правые и левые» (1994) говорит: «...Идеологии отнюдь не исчезли, более того, они живы как никогда. На смену идеологиям прошлого пришли другие — новые или претендующие называться новыми. Древо идеологий всегда зелено»².

В Западной Европе культура и политика, наука и политика, идеология и культура — находились в тесной взаимосвязи, будучи компонентами единого культурно-политического универсума. Установление культурного доминирования США и «перевод» общественных наук Западной Европы на американские стандарты был недостижим без определенных усилий в идеологической сфере. Идеология была одним из труднопреодолимых бастионов на пути продвижения американских установок, на пути достижения гегемонии атлантизма, понимаемой американскими «организаторами» и «координаторами» совсем не в грамматическом ключе. «"Американоцентристские" идеологи, — утверждает

¹ Burdeau G. Ideologia // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979. P. 512.

² Цит. по: Cotroneo G. Le nuove frontiere del pensiero politico dopo la fine delle ideologie // Il liberalismo come pratica della libertà. Napoli, 1997. P. 110.

Д.Б. Петров, — пытаются присвоить себе право стать непрошеными ”избавителями” от зла, под которым понимается все, что не отвечает американскому идеологическому и политическому шаблону. Их стратегические расчеты направлены на воплощение долгосрочной программы миропорядка по американским идеологическим стандартам»¹. Основным принципом «продвижения идеологии» — наступательность: в начале 50-х годов XX века стратеги и идеологи атлантизма поставили задачу «разработать наступательную идеологическую систему для более успешного достижения стратегических целей»², — так идеология превращается в орудие наступательной политики.

Что же такое идеология, в чем причины неприятия атлантистами западноевропейских идеологий, чем они мешали продвижению к американскому доминированию в Западной Европе? В содержательном плане идеология — это прежде всего сформированное и определенным образом сформулированное видение политики³, политического развития, в более или менее ясном виде предлагающее или предполагающее цель развития общества; это концептуальное видение: идеология представляет собой определенную концепцию, преобразованную так, чтобы политические реалии можно было сопоставлять с заданной целью, *идеалом*, — в ретроспективе, динамике и перспекти-

---

¹ Петров Д.Б. «Американизм»: идеологический ракурс. Исследования классовых функций идеологической стратегии США (60–70-е годы). М., 1980. С. 106.

² Боллингер К., Гейер Г.М. Идеологические аспекты глобальной стратегии США // Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии / Сборник переводов / Ред. и предисл. В.В. Мшвениерадзе. М., 1971. С. 223. Авторы статьи рассказывают, что «в 1955 году состоялась встреча с целью разработки теоретических основ внешней политики 60-х годов... По предложению Уолтера Липпмана все проекты были сведены в три главные теории: а) *Нормативная теория*, которая большое значение придавала тому, чтобы агрессивные цели американского империализма завуалировать пропагандой моральных ценностей... Был провозглашен главный лозунг, согласно которому стремление американской внешней политики направлено якобы на предоставление и обеспечение ”свободы, демократии, справедливости и т.д.” гражданам всего мира. Главным вдохновителем этой теории был в основном Уолтер Липпман. б) *Общая теория международной политики*, делавшая вывод о том, что право на длительное существование имеет только теория, содержащая самые общие выражения. <...> в) *Теория в качестве рабочей основы* (Arbeitsgrundlage). Этот третий тип призван был представить взаимосвязь между гипотезами и теориями государственных мужей и руководством внешней политикой» (С. 223–224).

³ «Любая идеология, — пишет Борис Гройс, — базируется на некоем видении, картине будущего — будь то образ рая, коммунистического общества или перманентной революции». — И далее: «Идеологическая... власть... всегда является властью, основанной на видении» (Гройс Б. Предисловие. Современное искусство как тотальность // Гройс Б. Политика поэтики. М., 2013. С. 14).

ве (и такое сопоставление, в свою очередь, не может не быть оценочным, если не эмоциональным полчас, суждением). Так идеология не только отражает политическую реальность, но и позволяет «заглянуть за политический горизонт». Тут важны, с одной стороны, отражение (прошлого и настоящего) и видение (будущего) — как иногда говорят, *оптика*; и собственно *идеал* — точка отсчета, эталон, относительно которого делаются сопоставления и выносятся суждения.

Конечно, это видение, отражение, и эти идеалы, — все это имеет отношение и присуще социальным группам, классам, государствам, союзам государств и т.д., — и так мы переходим в политический план идеологии. Здесь явным образом присутствует своего рода платонизм, разве что вместо философов, созерцающих вечные идеи, выступают социальные субъекты, склонные скорее к действию, чем к созерцанию; сами же эйдосы (умный мир) и идеал (единое, благо) предстают несколько более приближенными к действительности, более «приземленными». Идеи в определенной степени властвуют над довольно изменчивым, динамичным миром политической практики, будучи в любом случае менее «текучими» сущностями, чем этот мир политики; тем более эта неподвижность, неизменность относится к идеалам, — что и показывает Платон в своем «Государстве». Великий мыслитель рисует идеальный полис, «пользуясь» как образцом тем в высшей степени реальным полисом, который созерцается им в сфере вечных идей, в умном мире¹.

Как справедливо утверждает Ф.Г. Войтоловский, «политическая идея, концепция, доктрина, а тем более сформированная из них система, если она стала идеологией, не просто отражает общественно-экономические и политические реалии, а выражает определенные интересы по отношению к ним различных социальных групп и сложных социальных субъектов. В первую очередь идеология отвечает интересам элит, которые управляют данным субъектом, а также интересам того общества, на основе которого он сформировался, а точнее — целям и

---

¹ При этом идеальный полис в «Государстве», нарисованный (или срисованный с идеала, созерцаемого в области вечных идей) Платоном, при всей идеальности: 1) является полисом, имеющим 2) национальную идентичность и 3) географические границы; 4) по количеству населения не является большим. Это — исключительно эллинский город, к варварам отношения не имеющий. Свой проект Платон считает пригодным, да и вообще применимым (как в смысле попыток осуществления, так и в смысле теоретического значения) только для эллинов. Для варваров же все это, согласно общеэллинской установке и мысли Платона в особенности, совершенно неприменимо в силу их полной неспособности к устройству общественного порядка, основанного на началах разума.

задачам доминирующим в этом сообществе групп интересов. Идеология всегда вплетена в ”ткань” политической, в том числе и международно-политической жизни. Она отражает действительность в соответствии с определенными интересами и необходима не только для решения задач получения и удержания власти, но и для определения дальних рубежей развития и деятельности государств (но не только их)»¹.

Видение определяется не только идейным содержанием концепций, лежащих в основе идеологий, но и не в меньшей степени интересами того, чье, собственно, это видение. Таким образом, согласно Войтоловскому, «политическая идеология может быть определена как система идей и представлений об организации, развитии и функционировании общества, которая имеет определенную ценностную ориентацию, предполагает связанные с ней гипотезу прошлого развития этого общества, интерпретацию настоящего и идеальную модель будущего социального порядка как внутри ее социального субъекта-носителя, так и в сфере его отношений с другими субъектами (в том числе и миропорядка). <...> Именно идеология определяет осознание обществом стратегических целей его жизнедеятельности, а следовательно, влияет на его поведение во внешней среде как субъекта политики (в том числе мировой политики и международных отношений)». — И далее: «Идеи могут механически подверстываться под практическую политику (зачастую противоположную декларируемым целям) и быть лишь ее декоративным фасадом. Однако за любыми долгосрочными интересами всегда стоит осмысление руководящими группами социального субъекта тех целей, которых они надеются достичь в будущем и в важность которых для себя они *верят*, то есть идеология». — Вера является тем, что вселяет в идеологию жизнь, делает ее движущим принципом; в самом деле, «идея становится материальной силой!» «Долгосрочные цели и их достижимость, — продолжает Ф.Г. Войтоловский, — нельзя спрогнозировать с высокой степенью достоверности — они всегда носят *гипотетический характер*, а сама возможность их реализации является предметом не столько знания, сколько *веры*, хотя зачастую камуфлируется как знание — в зависимости от уровня развития общества — религиозное или научное»².

---

¹ Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М., 2007. С. 4.

² Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М., 2007. С. 32–39.

Вера в свою очередь определяет *ожидания*, ожидания же определяют поведение субъектов политики, — и здесь, как представляется, слово лучше передать политику — Джеймсу Уильяму Фулбрайту: «Идеология помогает нам ассоциировать нашу жизнь с более высокими целями, а также ”организовать мир для себя”, давая нам при этом картину реальности, хотя и не обязательно точную. Говорят, что человеческое мировоззрение или идеология фильтрует подходящие к нему из внешнего мира сигналы, придавая значимость и порядок разрозненным иначе отрывкам информации. <...> Идеология влияет на восприятие, а восприятие формирует цели, которые, в свою очередь, определяют поведение, содействуя так называемому самоисполняющемуся пророчеству... *Ожидания людей определяют их поведение*»¹.

...Спустя около десяти лет после окончания Второй мировой войны Западную Европу (а также до известной степени и Америку) захлестнула «концептуальная волна» деидеологизации, состоящая из множества почти одновременно сформулированных концепций, теорий и даже доктрин. Это концептуальное направление на некоторое время стало одним из влиятельнейших политико-теоретических и идеологических *движений* (то есть опять-таки *идеологией*) в западноевропейской политике, политической мысли, политической науке, публицистике. Среди влиятельных ученых США, прежде всего представителей политической теории и политической философии, разрабатывающих и обосновывающих концепцию конца идеологии, —

---

¹ *Фулбрайт Дж.У.* Самонадеянность силы. М., 1967. С. 167–168. — И далее вывод: «Существует определенная ”склонность к постоянству”, которая обязывает страну, раз и навсегда решившую, что другая страна плохая или хорошая, рассматривать любую информацию о ней с точки зрения того, подходит ли она к заранее принятой концепции; это достигает такой степени, что даже если одна страна искренне делает уступку, то другая склонна подозревать в этом какой-то трюк с целью добиться нечестного преимущества» (С. 169). Проиллюстрировать этот вывод можно следующим образом: концепцию нового политического мышления, выдвинутую М.С. Горбачевым, ряд влиятельных американских политиков посчитали ловким маневром, изощренным ходом в борьбе за мировое господство. Так, Р. Никсон *обвинил* советское руководство в утонченных уловках, приписав «цель ”расколоть НАТО”, ”поссорить США с западно-европейскими друзьями”»; другой политик призвал американское руководство «не соблазняться ”растущей изощренностью его (М.С. Горбачева — *А.Н.*) публичной дипломатии”» (*Аппатов С.И., Глебов В.В., Коваль И.Н., Райнов П.Я.* США: Современная внешнеполитическая мысль. Анализ концепций американской политологии 80-х годов. Одесса, 1992. С. 20–21). Впрочем, политика XXI века может предоставить, и предоставляет неисчислимое множество даже более ярких и убедительных «иллюстраций» идеологического самоослепления и самообольщения (например, той же пресловутой американской «исключительностью»).

Дэниел Белл (сборник эссе «Конец идеологии: Об иссякании политических идей в 50-е годы», 1960), Сеймур Мартин Липсет (книга «Политический человек», 1960), Эдвард Шилз (статья «Конец идеологии?», 1955), Збигнев Бжезинский (книга «Идеология и власть в советской политике», 1962), Генри Стюарт Хьюз (статья «Конец политической идеологии», 1951). К *деидеологическому движению* принадлежали также и западноевропейские политические мыслители, такие как Ральф Дарендорф, Реймон Арон, Эрнст Фишер, Лешек Колаковски, Эрнст Топич и другие. Своего рода завершением и оформлением результатов дискуссий о конце *идеологии* (или часто во мн.ч. — *идеологий*) стал сборник «Дебаты о конце идеологии», вышедший в 1968 году в Нью-Йорке¹. Основным рефреном этой книги является *догмат* о «внеидеологичности» (или даже об «антиидеологичности») так называемого «государства всеобщего благосостояния», или «субсидиарного государства» (*welfare state*), — убеждение довольно сомнительное, но разделяемое всеми идеологами и теоретиками, влившимися в движение «конца идеологии».

«Можно утверждать, — пишет Н.С. Куничкина, — что концепция деидеологизации предполагает не столько отказ от идеологии как таковой... сколько отказ от идеологической деятельности государства, которая направлена на создание и популяризацию определенных идеологем. Представители концепции деидеологизации утверждают, что в существующих обществах имеется весь набор средств для решения социальных проблем... а следовательно, отсутствует необходимость в специальном конструировании каких-либо идеологических постулатов и их внушении населению»². (Как если бы деятельность государства ограничивалась внутренней политикой, и как если бы внутренняя политика была тождественна социальной политике, — хотя, с другой стороны, «маршаллизация» Европы именно на это и была нацелена!)

Общий смысл, или девиз «движения за деидеологизацию», выражен Д. Беллом в его работе 1960 года: «Сегодня среди интеллигенции в общих чертах достигнуто некоторое согласие: получили признание государство всеобщего благоденствия, желательность децентрализации власти, смешанная экономика и политический плюрализм. В этом

---

¹ См.: The End of Ideology Debate / Ch.I. Waxman (ed.). Funk&Wagnalls, N.-Y., 1968.

² Куничкина Н.С. Концепции деидеологизации и реидеологизации общественной жизни как противоположные подходы к определению сущности и роли государственной идеологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 31. С. 21.

смысле идеологическая эпоха закончилась»¹. С.М. Липсет еще более категоричен в своей убежденности в том, что эпоха идеологий закончилась, время красных флагов и парадов прошло; и, предрекая завершение политической деятельности «идеологизированных» интеллектуалов, утверждает, что теперь в западном мире «решены коренные проблемы индустриальной революции: рабочие достигли полного гражданства в производственной и политической жизни, консерваторов перестало отталкивать государство благосостояния; демократическая левая признала, что безудержный рост государственной мощи скорее наносит ущерб свободе, чем способствуют решению экономических задач. И это торжество демократической социальной революции на Западе означает конец политической деятельности для тех интеллектуалов, которые воодушевились идеологическими и политическими мотивами»².

Государство перестает нуждаться в идеологии, а общество — в интеллектуалах (политически активных представителях культуры) и требует их замены *экспертами*, не вмешивающимися в политику. Либерализм и социализм перестают быть «оппонентами», соединившись на уровне практики в Welfare State, а на уровне доктрины — в теориях постиндустриального общества; для идеологии как «*секулярной религии*» (Р. Арон) более нет ни оснований, ни предмета веры, ибо то, во что верили, — всеобщее благосостояние, — снизошло на землю и воплотилось на Западе. Если у постиндустриального общества и остались проблемы, — то исключительно технического рода, и привлечение к их решению столь «неуместного» и неудобного, если угодно, инструмента, как идеологии, и столь неудобных для *новой политики* интеллектуалов, — по меньшей мере нелепо; артефакты идеологической эпохи (эпохи «больших», «глобальных» идеологий) должны занять почетное место в музеях, соответствующие идеи — стать предметом заботы историков политических идей, концепций и доктрин, а интеллектуалы обречены постепенно исчезнуть. Речь, таким образом, не шла о «ликвидации» идеологии/идеологий вообще, но скорее об уходе с политической сцены «больших идеологий», «всеобъемлющих учений» и т.п., и соответственно, — об изменении роли идеологии в общественно-политической жизни, сведении ее к минимуму. За идеологией могли быть оставлены разве что инстру-

---

¹ Цит. по: Кузнецов В.Н. Социология идеологии: Курс лекций. М., 2005. С. 44.

² Цит. по: Гальцева Р., Роднянская И. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М., 2012. С. 11.

ментальные функции («партикулярные идеологии»), тогда как идеология как политическое мировоззрение, как мобилизующая система идей, — все это, по мнению апологетов и проповедников «новой истины», уходило в прошлое¹.

«Под флагом освобождения от ”идеологического детерминизма”, — говорит В.В. Кортунов, — приверженцы ”деидеологизации” пытаются протащить все ту же, уже хорошо знакомую нам идею, что высшим идеалом, а следовательно, и своего рода вершиной общественного прогресса являются не кто иные, как США...»². Конечно же, о приходе атлантизма как будущей глобальной идеологии — «деидеологизаторы» и «постиндустриалисты» не говорили...

Таковы в простом виде общие интуиции «открытия» конца идеологии, и нельзя не отметить, что в определенном смысле не обошлось здесь без некоторой доли эйфории, на короткое время охватившей ученых, публицистов и политиков, — как и во второй половине XIX века на волне прогресса и веры в человека крупные политические мыслители стали разрабатывать анархистские учения, в которых, с одной стороны, постулировалось отрицание государства как аппарата и способа принуждения, эксплуатации и насилия; и государственности как принципа общественного бытия (т.е. в конечном счете отрицание политики вообще); и с другой — провозглашалось утверждение свободной личности, не подвергающейся внешнему воздействию в виде любого рода авторитета и иерархии; свободно развивающейся в «организации без власти» (иными словами, речь шла о «конце государства» и о «конце политической власти»). Идеал анархистов — тотально деполитизированное самоорганизованное общество, основанное на разумных началах, на «власти разума». Если анархисты переоценивали природу человека и возможности разума, то приверженцы «конца идеологий» демонстрировали необоснованную веру в развитие прогресса общественных отношений. Теоретики деидеологизации стремились элиминировать любую связь идеологии с системами ценностей классов и социальных групп, свести идеологии к социальным и политическим технологиям, разрабо-

---

¹ «...Речь шла о том, — говорит Дэниел Белл, — что неминуемо станет очевидной несостоятельность лишь наиболее масштабных, глобальных идеологий, которые могли тягаться с религиозными доктринами в своих попытках объяснить мир. Заменяя их, на перекрестках истории неизбежно будут возникать другие идеологии, более частные — национализм, пан-арабизм и т.д.» (Белл Д., *Иноземцев В.Л.* Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 70).

² *Кортунов В.В.* Идеология и политика. (Битва идей и эволюция идеологических концепций антикоммунизма в 1950–1970 годы). М., 1974. С. 168.

тываемым той или иной группой вне всякой связи с ценностями, и носящим исключительно инструментальный характер. Понятно, что в таком случае теряет всякий смысл понятие идеологической борьбы, идеологического противостояния: это технократическое видение «деидеологизированного мира» было хорошо выражено президентом США Джоном Кеннеди: «Суть состоит в том, что бóльшая часть проблем, стоящих сейчас перед нами, — это технические проблемы. Они требуют очень искушенного суждения и не могут быть объектом тех страстных движений, которые часто потрясали страну в прошлом. <...> На повестке дня — не какая-то высокая борьба идеологий, которая погрузит страну в схватку страстей, а практическое управление современной экономикой»¹.

Истоки концепций, обосновывавших необходимость деидеологизации или констатировавших ее как состоявшийся факт, восходят к Конту и его теории позитивной стадии, приходящей на смену метафизической, но непосредственную опору имеют в концепциях Макса Вебера, Карла Манхейма и Карла Поппера. В своем понимании идеологии К. Манхейм восходит к Марксу, которому многим обязан, что и признает в работе «Идеология и утопия» (1929), ставшей, по выражению Ф.Г. Войтоловского, «классической для западной политической науки и социальной философии»². В своей работе Манхейм, по словам С.М. Липсета, «рассмотрел условия, порождающие "упадок идеологии" и "отказ от утопий", с тех пор как всеобъемлющие учения (*Weltanschauungen*) стали сводиться к частичным прагматическим доктринам»³. М.А. Киссель утверждает, что, согласно Манхейму, «идеология есть некритическое, нереалистическое сознание, одержимое несбыточной мечтой, постоянно разбивающейся о суровую реальность, что обрекает на банкротство все выработанные на ее основе проекты человеческих действий. <...> Вернее, идеология возникает сначала как бессознательное искажение действительности,

---

¹ США: Политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М., 1976. С. 399.

² *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М., 2007. С. 12.

³ *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М., 2016. С. 553. «Тенденции, отмеченные Манхеймом в 1929 г., — продолжает Липсет, — похоже, стали реальностью в два десятилетия, последовавшие после Второй мировой войны, когда вера в различные формы харизматической *Weltrationalität* в религиозной, экономической и политической областях потерпела крах — отчасти потому, что разного рода идеологии и утопии оказались несостоятельными или же стали повседневными реалиями, выполняющими определенные функции» (С. 554).

но, по мере того как накапливается количество обличающих ее несостоятельность фактов, она все больше превращается в сознательную и лицемерную апологетику существующего социального порядка. Эта апологетическая функция и отличает, по мнению Мангейма, идеологию от "утопии" как системы идей, устремленных в будущее и предназначенных трансформировать социальную реальность»¹.

Манхеймовское понимание идеологии настолько повлияло на западную мысль, что после работ Манхейма 30-х годов теоретические проблемы идеологии вплоть до начала 70-х годов XX века практически не разрабатывались, — прямо скажем, что не в последнюю очередь благодаря этому состоянию дел на «теоретическом фронте» концепция конца идеологии получила популярность и влияние в общественных науках Запада. Конечно, помимо чисто политических причин («маршаллизация» западной общественно-политической мысли и наук), своего рода снисходительное, «скептически-пренебрежительное» (Ф.Г. Войтовский) отношение к феномену идеологии было связано также и с недостатками методологического характера. Так, снижение научного интереса к проблемам идеологии П.С. Гуревич объясняет «последовательным нарастанием позитивистских тенденций в общественном сознании капиталистических стран», — а позитивизм «отвергает при этом единую теорию общественного развития, декларирует множественность истин, трактует идеологию односторонне и искаженно, подчеркивая в ней лишь иллюзорные моменты»². Однако нельзя забывать и определенного рода «историческую преемственность» в этом вопросе, идущую от скептицизма и презрения Наполеона по отношению к «идеологам» и проходящую рефреном по всей политической мысли Запада. Не были исключением и классики марксизма, «рассматривавшие идеологию прежде всего в эпистемологических категориях как ложный метод познания — подход к действительности, состоящий в конструировании "мнимой, иллюзорной реальности, которая выдается за действительность"». — Они «не ставили, да и не могли ставить, перед собой задачу научного рассмотрения идеологии как общественно-психологического явления, как формы общественного сознания, как важной составляющей политических процессов. <...> В значительной степени это объясняется тем, что Маркс и Энгельс стремились противопоставить научное мировоззрение (основанное на эмпирически про-

---

¹ Киссель М.А. Философско-социологические предпосылки концепции «деидеологизации» // Борьба идей и научно-техническая революция / Сост. А.Я. Куклин. Л., 1973. С. 70.

² Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983. С. 4.

веренном знании) идеологиям (основанным на вере) как ”верное” отражение действительности — ”неверному”»¹.

Таким образом, как справедливо утверждают Н. Баранец и И. Калантарян, «”классическая” теория (К. Маркс, К. Манхейм) представляла идеологию как ”ложное сознание”. Идеология, по К. Марксу и Ф. Энгельсу, есть иллюзорное восприятие социального бытия, вытекающее из ограниченности и субъективности социальной практики, реципиентом которой выступает человек. Под влиянием марксизма сложилась традиция понимать идеологию главным образом как феномен политической сферы, как совокупность идей и теорий, в ложной, мистифицированной форме выражающей интересы больших социальных групп»². Вообще, «в XIX в., — пишет Е.В. Смирнова, — в частности, во времена К. Маркса и Ф. Энгельса, общепринятое значение термина («идеология» — *А.Н.*) было ”абстрактное доктринерство, непрактичность, мечтание, чуждые действительности”. В начале своего пути Маркс трактовал идеологию полностью в духе своего времени — в качестве идей, далеких от действительности. В 1842 г. он пишет: ”Возьмем мир таким, какой он есть, не будем идеологами”. Можно сказать, что на протяжении всего творческого пути у Маркса и Энгельса сохранялось негативное отношение как к самому термину ”идеология”, так и к его автору де Траси. Маркс называл его ”холодным буржуазным доктринером”, примером ”путаного и в то же время претенциозного недомыслия политико-экономов”»³.

Отношение Маркса к идеологии и к собственному учению (как к сугубо научной теории), очень хорошо выражено в статье Эрнста Фишера «Марксизм и идеология» (1965). «Маркс, — пишет австрийский коммунист и деидеологизатор «по совместительству» (к нему мы еще вернемся), — не был основоположником религии. Он стоит в одном ряду не с Моисеем, Иисусом, Мухаммедом, а с Аристотелем, Спинозой, Гегелем. По значению он равен этим великим философам. Идеология это не научное знание о мире, а, как определил ее Маркс, ”ложное сознание”, образ мира в фантастическом зеркале. Это зер-

---

¹ *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М., 2007. С. 11.

² *Баранец Н., Калантарян И.* Деидеологизация и реидеологизация современного общества: мифы или реальность? // *Власть*. 2012. № 11. С. 97.

³ *Смирнова Е.В.* Концепт идеологии в социально-философской мысли. Дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. С. 14–15.

кало сделано в соответствии с потребностями людей, стоящих у власти. Оно отражает действительность не такой, какова она есть, а какой она должна быть, какой хотят ее видеть власть имущие. *Правильные или наполовину правильные идеи* смешиваются, переплетаются с предрассудками, фетишами, табу, иллюзиями и заблуждениями и в силу этого *правильные идеи* фальсифицируются и искажаются. Марксизм — это не идеология. Марксизм — это философия и наука» (курсив мой — *А.Н.*)¹. (Тут не очень ясно, что разумеет Фишер под «правильными идеями», кто в силах оценить их как правильные, чем они отличаются от *неправильных*...)

...Такова ирония истории политических идей: с одной стороны, основная посылка «деидеологизаторов», среди прочих целей как одну из важнейших поставивших «идейное дезавуирование» марксизма, — идеологии как секулярные религии (или также, если вспомнить Жюльена Бенда, как «мысли, искаженные коллективными страстями») — вполне согласуется с марксовым подходом к идеологиям как «ложным мыслям» (если не опосредованно базируется на нем); и к Марксу был применен марксистский подход (или, если угодно, уже метамарксистский). С другой стороны, американизм, заполняющий западноевропейский «идеологический вакуум», был в своих основах проникнут религиозными идеями; по всем параметрам подходя при этом под определение «секулярной религии». Иван Бло пишет, что Соединенные Штаты «пытаются навязать миру новую секулярную религию юридического типа, религию прав челове-

---

¹ Марксизм и идеология (Материалы дискуссии по статье Эрнста Фишера «Марксизм и идеология») / Пер. и реф. с нем. и итал. яз. Дерюгина А.В.; ред. Цыпник Л.А. М., 1968. С. 1–2. И далее Фишер выражает общую интуицию западной мысли 50–60-х годов XX века относительно связи марксизма и идеологии: «Но когда его идеи овладевают массами и, прежде всего, революционным движением, направленным на завоевание государственной власти, то пытаются (кто? — *А.Н.*) превратить марксизм в идеологию». — На вопрос «кто» Фишер, проводя истинно марксистский подход к идеологии, отвечает абсолютно предсказуемо: «В эпоху Сталина марксизм был сведен к идеологии и упрощен. В этой упрощенной до катехизиса форме марксизм превратился как неприкосновенная и священная идеология» (С. 2). Впрочем, по Фишеру, такова судьба всех идей, «овладевающих массами и ставших материальной силой»: эти идеи «почти неизбежно "застывают" в идеологию. Всякое массовое движение, чтобы не быть расплывчатым, нуждается в *организации* и каждая такая организация не может отказаться от твердых "идеологических" принципов... Но с другой стороны из-за канонизации этих принципов возникает нечто застывшее, безжизненное, что отталкивает способнейших и благоприятствует посредственности, благодаря чему организация возможно выигрывает в плане прочности и бесспорно проигрывает в плане приятельской силы» (С. 27–28).

ка, — после поражения других секулярных религий: фашистского и коммунистического типа. Эта религия пытается подменить традиционные ценности ценностями новыми и опасными для самой природы человека»¹.

Немалую роль в качестве теоретического источника концепций «конца идеологии» и перехода к рациональному управляемому обществу сыграли идеи Макса Вебера, который, как утверждает Сеймур Мартин Липсет, «указал на секуляризацию и упадок тотальных идеологий, объяснив его тем, что с течением времени в обществах произошел существенный сдвиг — от *Weltrationalität*, или ”содержательно-смысловой (substantive) рациональности”, включающей ориентацию на высшие ценности, к *Zweckrationalität*, или ”функциональной рациональности”, связанной с переносом внимания на эффективные средства достижения целей. Твердая приверженность абсолютным целям, по сути, должна потерпеть крах»².

Работы Карла Поппера «Нищета историцизма» (1944) и «Открытое общество и его враги» (1945) послужили интеллектуальной базой для деидеологизаторов и их «критики идеологий». Главная опасность идеологий, согласно Попперу, — это их «интеллектуальная тотальность», ведущая к политической тоталитарности. Идеологии — проекты глобальные, их цели — не улучшение чего-либо в обществе, но создание совершенного общества, достижение идеала, вызывающего надежды, но не имеющего отношения к какой-либо конкретике. Глобальная цель — и в этом все тоталитарные идеологии одинаковы — вполне позволяет прибегать к любым средствам ради достижения идеала. Поппер *требует* отказа от холистических проектов. Безусловно, теоретические построения Поппера были во многом ангажированными, а ряд суждений — предвзятыми: так, нельзя не согласиться с И.А. Гобозовым, определяющим тоталитаризм как «идеологический миф» и утверждающим, что Поппер «сочинил понятие тоталитаризма и, отталкиваясь от него конструирует на свой

---

¹ *Бло И.* Россия Путина. М., 2016. С. 221. Далее философ вскрывает основные установки нового американского универсума: «В этом ”не-мире”... эго и эго прихоти занимают место Бога. Деньги заменяют мораль и честь, являясь единственным критерием дискриминации, разрешенным в современном обществе. Массы и уравнительные ценности эгалитаризма, являющиеся элементом модели, становятся определяющими и устанавливают существующий авторитарный конформизм. Техника становится идолом, служит основанием для отказа от корней и навязывает себя без каких-либо ограничений...» (С. 222).

² *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М., 2016. С. 552.

лад социальную действительность. Ему надо доказать "гуманность открытого общества" и "тоталитарность закрытого общества", под которым он подразумевает фашизм в Германии и Советский строй»¹.

Труд Поппера «Открытое общество» — по словам А.И. Фурсова, «слабая и крайне тенденциозная работа, искажающая историческую реальность, особенно античную»², — тем не менее (вследствие скорее литературных, нежели теоретических, достоинств, равно как и мощной рекламной поддержки) в истории политических идей обрел необычайно высокий статус и непререкаемый авторитет; само понятие «открытое общество», введенное А. Бергсоном и переосмысленное К. Поппером в политическом ключе, наряду с идеологемой «свободный мир» (за которой стояли «жрецы культа свободы» Трумэн и Эйзенхауэр и которая «творчески» развивала мифологемы «новой свободы» В. Вильсона и «четырех свобод» Ф.Д. Рузвельта³), на продолжительное время приобрело большой вес и в политической науке, и в публицистике⁴. При этом нет сомнений в том, что Поппер в своей работе ставил не научно-исследовательские, а идеологические цели, решая пропагандистские задачи, будучи при этом одним из первых крупных западных идеологов «антитоталитарного» направления, предвосхитив не только тематику, но в определенном смысле и стиль подобных работ, равно как и набор литературных приемов, образов и штампов.

«Разоблачая» историцизм, мыслитель и идеолог зачастую прибегает к антиисторизму, пренебрежению историческим контекстом, расширению (в удобных случаях) толкования понятий и терминов. Так, разбирая попперовскую «тоталитаризацию» Платона, П.Л. Карабущенко говорит: «Мир идей Платона гораздо богаче и значимей, чем мир идеологических догм самого К. Поппера. Если Платон философ вечности, то К. Поппер — идеолог своего времени. У этих мыслителей разные "весовые категории"». Они рождены для совершенно разных задач: Платон должен был доказать идею духовной

---

¹ Гобозов И.А. Философские проблемы политики. М., 2014. С. 192.

² Фурсов А.И. Русский интерес. М., 2015. С. 445.

³ См.: Нирунг С. Свобода: обещание и угрозы. Критика культа свободы. М., 1966. С. 62.

⁴ В некотором смысле не раз упомянутая выше книга Андре Глюксманна «Господа-мыслители» (1977) является реинкарнацией «Открытого общества» Поппера; но французскому «новому философу», конечно, недостает ни попперовского таланта «конструктора идеологем», ни блестящего стиля Поппера, ни той особой убедительности, которую с полным правом — наподобие «чар Платона» — можно называть «чары Поппера» (П.Л. Карабущенко).

элитарности, К. Поппер — преимущества политического либерализма. Интересы самого Платона нигде не совпадают с интересами К. Поппера. <...> Говоря о ”чарах Платона”, сам К. Поппер становится незадачливым чародеем — его собственное ”чародейство” неуклюже, поскольку им преследуются не столько философские, сколько идеологические цели. К. Поппер — автор ”новой идеологии”, а не новой философии, и оценивать поэтому его мы должны тоже с идеологических позиций»¹.

По убеждению Поппера, и в этом он сходится с Р. Ароном и многими другими, «коммунизм — это вера, которая обещает дать нам лучший мир». — Идеолог антиисторицизма, твердо убежденный в том, что «историцизм вдохновлял марксизм и фашизм», вспоминает: «В возрасте семнадцати лет я уже был анти-марксистом. Я осознал догматический характер этой веры и ее невероятное интеллектуальное высокомерие»². Две взаимосвязанные «антиисторицистские» работы Поппера, по его же словам, «были задуманы как защита свободы от тоталитарных и авторитарных идей и как предупреждение об опасности историцистских суеверий»³. Работы оказались довольно своевременными и были использованы западными стратегами уже тогда намечавшейся (если не детально распланированной) интеллектуальной войны с Советским Союзом в качестве артподготовки для дальнейших битв — деидеологизации, внедрения идеологемы тоталитаризма и др.; конечно же, ими было обеспечена поддержка и «организованное одобрение» идеологу «антиисторицизма». К. Поппер не без некоторого самообольщения вспоминает: «... Мое ”Открытое общество” (в 1946 году — *А.Н.*) было принято в Англии с одобрением, далеко превосходившим мои ожидания; даже платоники, ненавидевшие эту книгу, отмечали ”богатство ее идей” и то, что ”почти каждое ее предложение заставляет задуматься”, — что, конечно же, для меня было приятнее, чем любое открытое согласие»⁴.

---

¹ *Карабуценко П.Л.* Классики античной философии в современных учебниках и в жизни // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3. С. 259–260.

² *Поппер К.Р.* Неоконченный поиск: Интеллектуальная автобиография. М., 2014. С. 36–37, 123. (Как если бы эти слова нельзя было применить к вильсоновскому «либеральному интернационализму», да и к американской «тотальной демократии»!)

³ *Поппер К.Р.* Неоконченный поиск: Интеллектуальная автобиография. М., 2014. С. 124.

⁴ *Поппер К.Р.* Неоконченный поиск: Интеллектуальная автобиография. М., 2014. С. 132. Признаться, с трудом можно представить «платоников», отмечавших «богатство идей» работы Поппера...

Концепции, объединенные призывами к деидеологизации и уверенностью в ее «пришествии», вызваны во многом реакцией на события Второй мировой войны. При их определенной ценности в отношении исследования сущности и роли идеологий (а ценны они скорее в качестве объектов исследования, нежели как собственно исследования), многие из этих работ излишне ригористичны, а некоторые выдавали желаемое за действительное. Все это направление в целом имеет определенные черты идеологии: так, Аласдер Макинтайр удачно называл эту парадигму «идеологией конца идеологий», а канадский философ Роберт Алан Хабер в статье «Конец идеологии как идеология» (1966) разоблачил сугубо идеологическую направленность концепций «идеологов конца идеологии»¹. Однако эта идеологичность не случайна: как известно, проблема сущности и роли идеологии и ее решение в виде тезиса о конце (закате, затухании, умирании, в самом мягком варианте — утрате влияния) идеологий являлось ответом на усиление влияния коммунистических партий и лавинообразное распространение марксистских идей в послевоенной Западной Европе. Отсюда явная (декларируемая) и неявная направленность теоретического движения деидеологизации против марксизма и компартий, провозглашение «кризиса марксизма» (и соответственно, «расцвета теорий либеральной демократии»); отсюда же и стремление представить марксизм как догматическую систему, совершенно лишенную научности; как одну из идеологий, потерявших силу.

С другой стороны, приверженцы теорий «конца идеологии» стремились представить идеологии как своего рода мифологические системы, время которых прошло: «Существенной характеристикой концепции ”деидеологизации” служит отрицание научного статуса идеологии. Строго говоря, Белл, Липсет, Бжезинский и другие не приводят каких-либо доказательств, способных поставить под сомнение научный характер марксизма. Они предпочитают оставить в стороне, ”снять” сам вопрос об отношении идеологии к научному познанию общества... В откровенно позитивистском духе они сводят проблему идеологии лишь к выяснению механизма ее функционирования и результирующему эффекту, пребывая по ту сторону вопроса о ее сущности, научном статусе, соотношении идей с действительностью»². По сути дела, теоретики деидеологизации, объявив тождество идеоло-

---

¹ Об этом см.: *Мишениерадзе В.В.* Философия и идеология // Философия и современность / Ред. кол.: П.Н. Федосеев (рук.). М., 1971. С. 229–230.

² *Деменчиков Э.В.* Современная технократическая идеология в США. М., 1984. С. 44.

гии и марксизма (так, как они понимали марксизм, — то есть именно *в качестве идеологии компартий*, или как систему догм, наподобие церковных догматических корпусов; «сумму марксистской теологии»), отказывались даже от постановки задачи научного изучения идеологии; в итоге сущность идеологии как таковой (вне связи с Марксом и компартиями) выводилась из сферы научных интересов. Болгарский философ Васил Иванов возмущался по этому поводу: «Как следовало бы предполагать, первым и основным вопросом в теории ”деидеологизации” должен быть вопрос о сущности идеологии. Однако почти все ее самые видные представители... как бы это парадоксально ни звучало, не стремятся выяснить этот вопрос. У них нет четкого и определенного понятия об идеологии. <...> Не будет преувеличением сказать, что, в отличие от сторонников ”социологии знания”, деидеологизаторы не прилагают никаких усилий для выяснения сущности идеологии, чтобы на ее основе аргументированно доказать ”правильность” своего тезиса. Большинство из них воспринимают идеологию как нечто данное... приписывают ей всевозможные пороки... а затем уже объявляют о закате идеологической эпохи»¹. Объявление о конце идеологий было поэтому не констатацией определенного факта реальной политической жизни, а лозунгом, практически не скрывающим потаенные желания «деидеологизаторов», девизом четко понимающей и преследующей свои интересы политической группы; причем этот лозунг был выдвинут в процессе острого политико-идеологического противостояния, когда за внешне благодушной констатацией «победы внеидеологического либерализма» скрывается «драматическая обстановка целенаправленных идейных схваток, в которых искомая деидеологизация мыслилась ее сторонниками как близкий итог борьбы с коммунистическим мировоззрением»².

Эрнст Фишер, примкнувший к движению деидеологизации, утверждал, что «всякая идеология есть зло», так как превращает идеи в «погребенные догмы». В статье «Марксизм и идеология», вызвавшей в свое время весьма бурные общеевропейские дискуссии с участием Эрика Хобсбаума и Дьердя Лукача³, Фишер провозглашает два посту-

---

¹ Иванов В. Идеология: характер и закономерности развития. М., 1977. С. 104.

² Гальцева Р., Роднянская И. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М., 2012. С. 10.

³ Этим дискуссиям и был посвящен реферативный сборник, изданный под эгидой Института философии АН СССР: Марксизм и идеология (Материалы дискус-

лата — «о том, что ”идеологии — это крепости”, которые превращают идеи в догмы и не дают возможности свободно развивать какие-либо новые идеи; о том, далее, что в характеристике тех или иных идей пора покончить с эпитетами ”буржуазный”, ”пролетарский” и т.д., оставив в употреблении только ”истинный” или ”ложный”; о том, наконец, что пора и марксизм из идеологически-закрепощенной, ”закрытой” для новых идей системы сделать системой ”открытой”»¹. Спора нет, определенная степень догматизма и доктринерства не была чужда теоретикам и идеологам марксизма (правда, в той же мере все это было характерно и для их оппонентов), но под видом «расколдовывания» марксизма разработчики концепций деидеологизации предприняли во многом удачную попытку заместить в сознании левой интеллигенции марксистские построения (вовсе не закрытые от критики) совершенно иными догмами и доктринами.

сии по статье Эрнста Фишера «Марксизм и идеология») / Пер. и реф. с нем. и итал. яз. Дерюгина А.В.; ред. Цыпник Л.А. М., 1968.

¹ См.: *Суровцев Ю.И.* В лабиринте ревизионизма. (Эрнст Фишер: его идеология и эстетика). М., 1972. С. 101. Фишер говорит: «Идеологии — это крепости. Идеи же действуют на свободной территории, меряются своими силами в непосредственной борьбе, испытывают друг друга и учатся друг от друга, и, благодаря испытаниям, взаимообогащаются; более того, может даже случиться, что одна из борющихся идей признает свою недостаточность и будет скорректирована противником» (Марксизм и идеология (Материалы дискуссии по статье Эрнста Фишера «Марксизм и идеология») / Пер. и реф. с нем. и итал. яз. Дерюгина А.В.; ред. Цыпник Л.А. М., 1968. С. 4–5). По сути, под предлогом «восстановления животворности», «истинности» марксизма, преодоления «сталинского искажения» — Фишер предлагает «реконструировать» «крепость идеологии марксизма» (а на деле, если уж продолжать строительные метафоры, разобрать по кирпичам). Безусловно, марксизм — не «вневременная, божественная инспирация»; да и «канонизация», конечно, не должна переходить разумные пределы; но тем не менее при всем этом австрийский коммунист до некоторой степени (но не до конца, судя по его работам) игнорирует тот факт, что марксизм — это не только государственная идеология ряда стран, но идеология целого социалистического блока, т.е. геополитическая идеология, и любая искусственная «деканонизация», любой «ренессанс» и пр., в угоду мнимому «обновлению», «оживлению» — может разрушить это монолитное единство идеологии и политики. В рамках дискуссии Эрнсту Фишеру вторит Георг Лукач, полагавший, что марксизм нуждается в возрождении: «Мы потеряли марксизм: необходимо вновь найти его». — Виновник этой «потери» у Лукача, как и у Фишера — сталинизм (С. 41–42). При этом нельзя не признать, что в идейном плане антикоммунизм был политико-идеологическим течением в высшей степени догматизированным. Вообще, если и говорить об идеологиях как о крепостях, — то получится, что идеологический бастион антикоммунизма был выстроен как догматическая система, без всякой возможности «обновления», «ренессанса» и «расколдовывания»! Странно было в этом случае постоянно слышать призывы к марксистам о «разоружении» и «избавлении от догматизма».

Антикоммунизм не сводился к некоей «антимарксистской индоктринации», к идейному противостоянию ради собственно идейного противостояния, он имел более практические цели и действовал под эгидой и исключительно в интересах США и политической элиты атлантизма; что же касается догм и доктрин, нет смысла приписывать коммунистам эксклюзивное право на догматическое мировоззрение и мессианские проекты. Если «мессианство пролетариата и коммунизма» было обосновано как минимум огромным *корпусом текстов*, то американские доктрины превосходства, вроде «политико-философской» концепции «американского века» Генри Льюса (американский интервенционизм как господствующая тенденция мира второй половины XX века) не имели каких-либо серьезных теоретических обоснований! Ложная альтернатива — или американское покровительство, или завоевание Сталиным («проблема выбора» — *НКВД или Coca-Cola*)¹, навязанная Западной Европе, была *мифологемой*, с помощью которой атлантисты с успехом противостояли не только коммунизму и тем, кто ему симпатизировал или хотя бы критиковал буржуазную систему ценностей, но и — и в этом даже с большим успехом — тем интеллектуалам, которые соглашались принять американскую военно-экономическую помощь, но отвергали при этом американскую культуру и социально-политические модели Америки.

«Американцы в ходе холодной войны, — пишет А.С. Панарин, — организовали настоящий погром ”враждебной культуры интеллектуалов”, спорящих с буржуазной системой ценностей. Почему западноевропейский истеблишмент согласился с этим американским ”похищением Европы”? Потому что он не поверил в перспективы европейского ”центризма”, а поверил — точнее, поддался — шантажирующей дилемме: либо советизация Европы, либо ее американизация»². Раймон Арон, будучи одним из этих поддавшихся, вплоть до середины 60-х годов разделял эти идеологические штампы о благой миссии Америки и невозможности спасения Европы без нее, заявляя, что «для антисталиниста не существует иного пути, кроме принятия американского лидерства»³, и не обнаруживая, что «железная

---

¹ Раймон Арон в своих воспоминаниях уже довольно иронично приводит цитату из собственной статьи 50-х годов: «Начинают с лубочной картинки двух великанов, противостоящих один другому... Третья сила, Европа, становится очагом культуры, которому в одинаковой степени угрожают НКВД и Кока-Кола...» (Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 293).

² Панарин А.С. Политическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 93–94.

³ Цит. по: Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013. С. 147.

истина выбора» — быть антисталинистом значит принимать безоговорочно лидерство США — по большому счету, довольно сомнительна¹. Если Советский Союз представлял мнимую угрозу для Западной Европы, то Америка — вполне реальную: так, Кристофер Коукер, вспоминая о потере самоуважения у европейцев после войны в связи с «разделом Европы между двумя сверхдержавами», говорит: «...Ирония состояла в том, что гордость Европы пострадала не столько из-за ее раздела Советским Союзом, сколько из-за подчинения Соединенным Штатам. Ибо считалось, что Советский Союз представляет угрозу ее безопасности, но — по-другому — не меньшую опасность представляли и Соединенные Штаты, угрожая европейской культуре своей современностью, причем не следует забывать, что американская угроза имела более длительную историю»².

О превратностях навязанного европейской интеллигенции выбора между коммунизмом и демократией и о трансформациях самой идеи демократии в процессе ее «обработки» американскими идеологами говорил Франсуа Фюре, в 1959 году вышедший из компартии: «Идеологический крестовый поход, предпринятый Соединенными Штатами, впервые в этом веке столкнул лоб в лоб коммунизм и демократию, но сделал это ценой такого выхолащивания демократической идеи, что Европа перестала узнавать в ней свое детище. В то время, когда защиту свободы против Сталина надо было оплачивать согласием на американский культ свободного предпринимательства, могли ли они легко принять такую альтернативу?»³.

Исходя из вышесказанного, *идейно-политическое движение*, пропагандирующее «конец идеологии», с полной уверенностью можно охарактеризовать как движение, поставившее целью противостояние усилению присутствия марксизма и компартий в Западной Европе и отчасти в США начиная с послевоенных лет; причем своим рождением это направление политико-теоретической мысли обязано обеспокоенностью американской политической элиты чрезмерным, по ее мнению, влиянием коммунизма в послевоенной Западной Европе, и необходимостью противопоставить столь опасной тенденции ряд мер

---

¹ Впрочем, в «Мемуарах» мыслитель, признавая, что и ко времени написания воспоминаний «эти дискуссии... к сожалению, не во всем утратили актуальность», и не пытаясь оправдаться, как бы разъясняет свою позицию: «Когда я, как французский интеллигент, заявляю о своей солидарности с борьбой Соединенных Штатов против сталинского предприятия, то не думаю, что тем самым оправдываю все черты американской цивилизации» (Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 293).

² Коукер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 116.

³ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1995. С. 477.

в области культуры, — прежде всего в сфере научно-политической и идейно-теоретической. Прежде чем перейти к американским методам «взятия крепостей идеологии», необходимо заострить внимание на степень распространения и достижения влияния марксистских идей в послевоенной Западной Европе, прежде всего в Италии и во Франции.

После войны европейские компартии приобретают сильнейшее влияние в политике, марксизм начинает свое триумфальное шествие по Европе: можно сказать, что почти вся вторая половина XX века прошла «под знаменем марксизма». Об эволюции влияния марксизма и компартии во Франции Перри Андерсон говорит следующее: «ФКП [Французская компартия], превратившаяся в массовую партию, численность которой в последние годы Народного фронта перевалила за 300 тыс. членов, с 1941 г. стала решающей народной силой Сопротивления и вышла из войны невероятно окрепнувшей. После 1945 г. ее организационное влияние на французский рабочий класс стало непререкаемым. В результате быстро возросла ее привлекательность в глазах интеллигенции, которая начала вступать в ее ряды». — Об Итальянской компартии и колоссальном росте ее влияния после войны П. Андерсон пишет так: «Исключительный масштаб и скорость распространения марксизма в Италии после освобождения, включая рост не только ИКП, но также и ИСП [социалистическая партия], а также распространение марксизма в широких кругах интеллигенции, не имели аналогов ни в одной другой стране Европы», — и подводит итог: «В сочетании с признанием исторического материализма во Франции в послевоенный период распространение марксизма впервые за всю историю нынешнего столетия создало условия для того, чтобы после 1945 г. главная ось марксистской культуры сместилась из германской в романскую зону Европы»¹. — О степени влияния компартии в послевоенной Италии весьма ценно также свидетельство политика и политического мыслителя Джорджа Кеннана: «Коммунистическая партия там насчитывает более 2 миллионов членов и имеет 19 процентов мест в парламенте. Она контролирует ключевые позиции в рабочем движении. Располагая столь сильными позициями, она в состоянии серьезно противодействовать любым мерам, направленным на установление некоммунистического будущего страны»².

---

¹ Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М., 1991. С. 50–53. В 2016 году работа П. Андерсона была переиздана московским издательством «Common place».

² Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 226.

Французские и итальянские коммунисты начинают борьбу за культуру: из общего марксистского принципа партийности культуры как мировоззрения господствующего класса теоретики компартий делают практические выводы в отношении гегемонии в культуре, понимая партийность вполне конкретно, как «институциональную процедуру формирования культуры на основе установленных определенным образом культурных директив»¹, то есть как руководство к действию. Логика марксизма очевидна: раз культура партийна по определению, то и руководить ей надлежит партии, выражающей интересы прогрессивного рабочего класса, то есть компартии, — и так культура будет прогрессивной.

Марксистские установки и программы «завоевания культуры», в своем интеллектуальном основании базирующиеся на доктрине гегемонии рабочего класса и его авангарда — компартий, разработанной Антонио Грамши, менее всего соответствовали проектам установления *американской гегемонии* в Западной Европе (и в перспективе — в масштабах всего Запада и, возможно, мира)², которые разрабатывались и внедрялись с конца 40-х годов XX века, ознаменовывая начало распространения американских ценностей, — начало «американского века»³. Американские стратеги, идеологи и практики, связанные с разработкой доктрины глобальной гегемонии США, «наряду с прямым вмешательством в избирательные кампании, как в Италии и во Франции в 1948 году... разработали долгосрочные проекты культурного и интеллектуального воздействия на элиты этих стран. Цель работы над умом и сознанием европейской интеллигенции была двоя-

---

¹ *Bobbio N. Libertà dell'arte e politica culturale // Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 87.*

² «...Если в своей теории о гегемонии А. Грамши писал о союзе рабочего и крестьянского классов, о гегемонии данного союза, то "неоконсы" трансформировали ее до государственного уровня, полагая, что США, как гипердержава, могут и должны завоевать мировую гегемонию...» (*Широченко М.И.* Критическое осмысление современной американской неоконсервативной идеологии с позиций Антонио Грамши // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Сб. мат. научно-практической конференции 7 апреля 2012 г. / Под ред. В.С. Шутова. Томск, 2012. С. 36).

³ «Только начиная с конца 40-х годов, — пишет Э.Я. Баталов, — когда богатая Америка развивает бурную активность в разрушенной Европе (План Маршалла) и Азии... и когда она начинает формировать вокруг себя то, что иногда называют "западным блоком", — только тогда начинается "американский век". Причем формировала его не только Америка, но и Западная Европа, которой нужен был прочный оборонный щит, мощная "спина", экономический "спонсор"» (*Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 61).

кая. Во-первых, требовалось сделать левых ”некоммунистическими”, то есть сдвинуть их ближе к центру, поскольку избавиться от левых взглядов не представлялось возможным. Во-вторых, необходимо было ”оторвать” их от Советского Союза, сделать антисоветскими»¹.

Одним из важнейших инструментов американских стратегов в плане воздействия на западноевропейских интеллектуалов стала особая организация, своеобразное «НАТО в культуре», — Конгресс за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom), при финансировании и под эгидой ЦРУ успешно действовавший с 1950 по 1967 годы, пропагандируя американские ценности и американский образ жизни, противодействуя влиянию на интеллектуалов коммунистических идей, доктрин и организаций. Основная цель Конгресса за свободу культуры заключалась в распространении влияния американской культуры в Западной Европе², — прежде всего в Италии и Франции; для этого предполагалось пропагандирование привлекательности американского образа жизни, а также, если угодно, американского образа мысли, представляемого внеидеологичным и прагматичным, с одной стороны, и респектабельным, влиятельным во всех сферах науки и культуры, — с другой. Дискредитация советского образа жизни, Советского Союза, марксизма и практики компартий, — все эти задачи не могли быть решены без привлечения определенных идеологических и теоретико-политических разработок, без привлечения на свою сторону политической теории. Мелвин Ласки³, один из руководителей Конгресса за свободу культуры («культурный комиссар США»), выразил это так: «Невозможно бороться с Марксом только лишь при помощи Кока-Колы». М. Мастрогрегори, ко-

---

¹ Крашенинникова В. Предисловие // Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013. С. 3.

² Совершенно иную цель и иные задачи ставило перед собой другое интернациональное культурное общество — Европейское общество культуры, активное участие в деятельности которого принимал Норберто Боббио, — противодействие политизации культуры, борьба с ложными ценностями, поддержка автономии культуры и ее протагонистов — интеллектуалов. О различных задачах и о различии в методах этих послевоенных организаций интеллектуалов см. упоминавшуюся работу Фабио Гвидали: *Guidali F. Uomini di cultura e associazioni intellettuali nel Dopoguerra tra Francia, Italia e Germania occidentale (1945–1956)*. Berlin, 2013. P. 271–323, 345–435.

³ Британская журналистка Фрэнсис Стонор Сондерс, автор знаменитой книги разоблачения роли ЦРУ как истинного организатора Конгресса за свободу культуры, рассказывает, что Мелвин Ласки был в то время «”официально неофициальным” американским культурным пропагандистом в Германии и одним из старейших сторонников организованного интеллектуального сопротивления коммунизму» (Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013. С. 58).

торый приводит эти слова, иронично их комментирует: «Вот в чем суть проблемы: сражаться с Марксом следовало соответствующим концептуальным оружием, достаточно утонченным для этой цели, тогда как Кока-Кола должна вести совсем другие баталии»¹. С этим соглашались и политики, причем самого высокого ранга: так, Герберт Гувер около тех лет (50–60-е годы) переориентирует направление исследований Института Гувера на изучение проблем коммунизма, при этом цель работы политик определяет так: «исследования и публикации, направленные на борьбу с учением Карла Маркса»². Используя выражение Эрнста Топича, «партийному ангажементу»³ американские «идеологические комиссары» противопоставляли «антипартийный ангажемент».

За 17 лет своей работы, вплоть до раскрытия источников финансирования и соответствующего большого скандала в 1967 году, когда все именитые интеллектуалы порвали с финансируемым ЦРУ «культурным отделом НАТО», «Конгресс» провел значительную работу в полном согласии со своими целями, так что «достижения» этой организации были весьма серьезными: «На пике своей активности Конгресс за свободу культуры имел отделения в 35 странах, его персонал насчитывал десятки работников, он издавал более 20 престижных журналов, владел новостными и телевизионными службами, организовывал престижные международные конференции, выступления музыкантов и выставки художников, награждал их призами»⁴, — рассказывает Френсис Сондерс.

«Комиссары по культуре» из США щедро оплачивали услуги представителей культуры, сотрудничающих с «Конгрессом»: именно в те времена и не в последнюю очередь благодаря деятельности «Конгресса» была создана система скрытого финансирования подобных организаций. «Для сокрытия финансирования и участия в деятельности Конгресса за свободу культуры, — пишет В.Ю. Крашенинникова, — ЦРУ создало разветвленную систему фондов, служивших каналами для проведения средств. Эта система позволяла

---

¹ *Mastrogregori M.* *Politica e cultura: gli intellettuali, la CIA e la «Guerra fredda culturale» (1948–1968) / Lezioni tenute all'Università di Roma «La Sapienza». Facoltà di Lettere e Filosofia. Corso di Laurea in Storia. A.a. 2005–2006. Roma, 2006. P. 125.*

² См.: *Диксон П.* *Фабрики мысли.* М., 1976. С. 370–371.

³ О «критике идеологии» Э. Топича и о его разработках 70-х годов по «деидеологизации» см.: *Яковлев М.В.* *Идеология. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций.* М., 1979. С. 187–197.

⁴ *Сондерс Ф.С.* *ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны.* М., 2013. С. 5.

ЦРУ финансировать неограниченное количество тайных программ по работе с молодежными группами, профсоюзами, университетами, издательскими домами и другими организациями с начала 1950-х годов. Популярной стала шутка: если какая-нибудь американская благотворительная или культурная организация внесла слова "независимая" или "частная" в свои документы, она, скорее всего, является прикрытием ЦРУ»¹. Л.Н. Москвичев иронично отмечает, что «защитники "свободы культуры", рекламировавшие свою независимость от каких-либо правительственных и иных "бюрократических" органов, на деле слепо следовали за малейшими изгибами американской политики и меняли свою оценку и подходы в прямой зависимости от того, какие изменения происходили в правительственных офисах»².

Одним из важнейших мероприятий идеологического плана, проведенных под эгидой Конгресса за свободу культуры, стала Международная конференция «Будущее свободы» (*L'Avvenire della Libertà, The Future of Freedom*), проходившая 12–17 сентября 1955 года в Милане³. Именно на этой конференции был выдвинут лозунг «конца идеологий» и брошен призыв к деидеологизации как своего рода «идеологическому разоружению» (призывались к этому, что очевидно, коммунисты); в ее аудиториях были представлены разработки приверженцев теории конца идеологий, о которых было сказано выше. «Конец эпохи идеологий» — это, повторим, — не констатация факта общественно-политической жизни, а нечто вроде политиче-

---

¹ Крашенинникова В. Предисловие // Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013. С. 4. «ЦРУ финансировало издательства и радиовещательные станции, — пишет В.И. Лан, — научные, культурные, технические, религиозные и другие организации, а также их деятельность за пределами США. Оно осуществляло подкуп реакционных лидеров профсоюзов, щедро финансировало союз журналистов. Зачастую ЦРУ щедро "награждает" за заслуги не прямо, а окольным путем, в частности через "филантропические фонды"» (*Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978. С. 233*).

² Москвичев Л.Н. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность (Критические очерки об одной модной буржуазной концепции). М., 1971. С. 216.

³ Официальное название — V Международная конференция Конгресса за свободу культуры «Будущее свободы», 12–17 сентября 1955 года (*V Conferenza Internazionale Congresso per la libertà della Cultura «L'Avvenire della Libertà»*. Milano, 12–17 settembre 1955). Специально об этой конференции см.: *Scott-Smith G. The Congress for Cultural Freedom, the End of Ideology and the 1955 Milan Conference: «Defining the Parameters of Discourse» // Journal of Contemporary History. 2002. Vol. 37. No. 3. P. 437–455*. Информативна и интересна и другая работа этого исследователя: *Scott-Smith G. The Politics of Apolitical Culture: The Congress for Cultural Freedom and the Political Economy of American Hegemony, 1945–1955. N.-Y., 2001*.

ского заявления, событие желаемое, преподнесенное как свершившееся. Конечно, при этом не следует забывать, что все политико-идеологические разработки, осуществляемые под эгидой Конгресса за свободу культуры, следовали «генеральной линии» политических «*вождей атлантизма*»; и в этом плане совсем не случайно в том же 1955 году, но приблизительно за полгода до миланской конференции, вышел в свет «установочный труд», — результат коллективной работы американских экономистов, политологов и политиков, — «Политическая экономия американской внешней политики»¹. Во второй его части, — «Prescription» (первая называется соответственно — «Diagnosis»), в четкой, систематической и развернутой форме впервые на столь высоком научно-политическом уровне представлена стратегия послевоенной американской внешней политики (прежде всего в сферах экономики и финансов), выстроенная в русле новой концепции американской мировой миссии, целью которой ставилось достижение финансово-политической гегемонии США².

Одним из крупнейших интеллектуалов, поддерживающих идеи и направленность Конгресса за свободу культуры и принимающих активное участие в его деятельности, стал правый интеллектуал-атлантист, выступающий категорически против влияния в среде левых западноевропейских интеллектуалов марксизма и компартий, — Раймон Арон. Антикоммунизм, жесткая критика политики СССР и в особенности Сталина, — принципиальная позиция французского правого интеллектуала; Арон осознает и открыто утверждает необходимость борьбы против идей коммунизма, с одной стороны, и критики, основанной на «марксистских догмах» (в интерпретации Сталина) политики Советского Союза, — с другой. «Арон отлично понимает, — говорит А.Б. Гофман, — антикоммунистическую направленность концепции “деидеологизации”. Последняя, заявляет он, “вовсе не разоружает Запад перед лицом коммунизма... но дает ему наилучшее оружие»³. Цель Арона — разоблачить «марксистскую мифологию», показать, что для сильного и влиятельного ком-

---

¹ См.: The Political Economy of American Foreign Policy. Its Concepts, Strategy, and Limits. Report of a Study Group Sponsored by the Woodrow Wilson Foundation and the National Planning Association / By William Y. Elliot. N.-Y., 1955.

² См. об этом: *Иноземцев Н.Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960. С. 627; *Яковлев А.Н.* Идеология американской «империи». Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе. М., 1967. С. 371–372, 388.

³ *Гофман А.Б.* Социология во Франции // Социология и современность. В 2 ч. Ч. 2 / Редкол.: Ф.В. Константинов и др. М., 1976. С. 270.

мунистического движения в Западной Европе нет никаких оснований в политической реальности; что интеллектуалы, следующие «марксистской парадигме», ослеплены мифами; — и этим мифам следует противопоставить интеллектуальное оружие, разработав комплекс наступательных антикоммунистических идеологем, мифологем и концептов.

Речь идет, таким образом, об интеллектуальном сопротивлении «марксизму и советизму»: «В 1950 году, когда в Берлине произошло рождение ”Конгресса...”, мобилизация сил интеллектуального сопротивления против Советского Союза значила гораздо больше, чем мобилизация против него вооруженных сил»¹. В этой уверенности Арон не одинок, и многие влиятельные философы разделяли его точку зрения: так, Фридрих фон Хайек с середины 40-х годов «все более и более втягивался в сражение идей. Для Хайека интеллектуальная угроза была столь же велика, как и военная»². С австрийским экономистом и политическим философом Реймон Арон познакомился в начале 40-х годов в Лондоне, где помимо участия в голлистском антифашистском движении «Сражающаяся Франция» Арон общался с Хайеком, обсуждая будущую конституцию Общества «Монт-Пелерин», основанную в 1947 году³; столь же интенсивное интеллектуальное общение связывало Арона с Карлом Манхеймом и Людвигом фон Мизесом.

Миланская конференция 1955 года была одной из первых идеологических битв холодной войны, «неприятие коммунизма»⁴ объединило в ее аудиториях американских и некоторых европейских интеллектуалов⁵. Идея назвать конференцию «Будущее свободы» принадлежит

---

¹ Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 265.

² См.: Хайек Ф.А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений / Пер., сост. и предисл С. Мальцевой. СПб., 1999. С. 228.

³ В этом обществе — «материнской организации всех нелиберальных исследовательских центров» — Хайек, — пишет Дени Боно, — «собрал интеллектуалов разных течений, разделяющих, однако, веру в спонтанное равновесие рынка» (Боно Д. Фридрих фон Хайек, крестный отец ультралиберализма // www.voltairenet.org/article130043.html). «Монт-Пелерин», заметим, тесными узами было связано с Гуверовским институтом.

⁴ См.: Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 268.

⁵ Среди интеллектуалов миланской конференции особым интересом пользовалась тема сущности и исторического развития тоталитаризма и авторитаризма: так, с докладом по этой проблеме выступила Ханна Арендт («Подъем и развитие тоталитаризма и авторитарных форм правления в XX веке»). Начало 50-х годов — время детальной проработки и начала «внедрения» в научно-политический лексикон и общественное сознание идеологемы «тоталитаризм». «Именно в эти годы, — рассказывает Ги Меттан, — формируется идеологическая основа холодной войны:

активному деятелю Конгресса за свободу культуры Майклу Поланьи¹; страна для проведения мероприятия также была выбрана не случайно: около того времени в Италии разворачивались бурные дискуссии, в которых участвовали виднейшие интеллектуалы компартии (включая самого ее лидера Пальмиро Тольятти) и интеллектуал-оппонент коммунистов Норберто Боббио; накал идейной борьбы по силе не уступал дебатам французских интеллектуалов, сотрясавшим мир культуры и политики в то же самое время.

О представительности миланской конференции можно судить по тому факту, что на открытии ее и в пленарном заседании участвовали Раймон Арон, Майкл Поланьи, Фридрих фон Хайек; с докладами выступили Джон Кеннет Гэлбрейт и Ханна Арендт, Э. Шилз, С.М. Липсет и Д. Белл; сама конференция проводилась в Национальном Музее науки и технологии Леонардо да Винчи. Общая направленность и характер докладов на конференции были подчинены принципу деидеологизации, понимаемому как требование «идеологического разоружения» для западных коммунистов; марксистская идеология при этом представлялась как сплошное доктринерство и догматизм, оправдывающий фанатичное следование «священным догматам» Маркса и Ленина. «Почти каждое выступление, — говорит в этой связи Эдвард Шилз в своей статье «Конец идеологии?», — так или иначе представляло собой критику доктринерства, фанатизма, идеологической одержимости. Почти каждое выступление выражало ту идею, что человечество, если оно хочет возделывать и улучшать свой собственный сад, должно освободиться от навязчивых взглядов и фантазий, от треволений идеологов и фанатиков»².

Как раз к миланской конференции была приурочена книга Раймона Арона «Опиум интеллектуалов»³, написанная в 1952–1954 годах под

свобода и демократия противопоставляются притеснениям и коммунистической диктатуре. Борцы с коммунизмом стряхнули пыль с ”деспотизма” и ”тирании”, которыми когда-то клеймили Россию. Соединенные Штаты поддерживали организацию государственных переворотов и учреждение военных или консервативных диктатур на большей части контролируемых ими территорий... Поэтому слово ”диктатура” постепено было заменено словом ”тоталитаризм”, чтобы разграничить дружественные государства и ненавистные социалистические режимы» (Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. М., 2016. С. 324).

¹ О роли М. Поланьи в деятельности Конгресса за свободу культуры см.: Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 266–268.

² Цит. по: Москвичев Л.Н. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность (Критические очерки об одной модной буржуазной концепции). М., 1971. С. 10.

³ См.: Aron R. L'opium des intellectuels. P., 1955.

влиянием идей Конгресса за свободу культуры и в процессе острых дебатов о марксизме, коммунизме, о Советском Союзе и Сталине, с левыми интеллектуалами — Ж.-П. Сартром, М. Мерло-Понти и А. Камю (заметим, что Жан-Поль Сартр и Альбер Камю в достаточно резкой форме отстранились от «Конгресса» и его идей). Эта работа Арона¹, быстро вошедшая в корпус, иронично выражаясь, «классики антикоммунизма»², выполнена всецело в духе идей Конгресса и является как раз-таки тем рафинированным интеллектуальным оружием, о необходимости разработки которого говорил Мелвин Ласки. Литературные достоинства и полемический задор — те же качества, что были присущи и политико-идеологическим работам К. Поппера — определили успех ароновского «Опиума», причем если в отношении литературных изысков «Открытое общество» явно превосходит памфлет Арона, то в полемической заостренности заметно выигрывает «Опиум» (что вполне логично для работы французского интеллектуала, дискутирующего с другими французскими интеллектуалами)³.

---

¹ Книга Р. Арона «Опиум интеллектуалов» совершенно естественным образом вызвала яростную полемику, без преувеличения — шквал критики. О реакции интеллектуалов на книгу, изначально рассчитанную на скандал, см.: *Baverez N. Raymond Aron: Un moraliste au temps des ideologies*. P., 1993. Сам Р. Арон, вспоминая о своей знаменитой книге-памфлете, пишет: «"Опиум интеллектуалов" — одна из многих книг, написанных интеллектуалами и посвященных условиям существования той социальной категории, к которой они принадлежали. Но он произвел некоторый шум. Иные критики сравнивали его с "Предательством интеллектуалов" ("La Trahison des Clercs") Жюльена Бендэ, чтобы или раздавить автора этим монументом, или, напротив, высоко оценить работу, предоставляя ей место в почетном ряду. Критика в некоторой степени выявила постоянство двух блоков. За немногими исключениями те, кто причислял себя к левым, меня не пощадил, а те, кто соглашался считать тебя среди правых, похвалили полемику против "манدارинов"» (*Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике*. М., 2002. С. 358).

² Конечно, выражение «классика антикоммунизма» по отношению к работе Арона может быть употреблено разве только с определенной долей иронии. Изысканные пассажи французского интеллектуала нисколько не напоминают зубодробительный стиль «настоящего» антикоммунизма. Отличным примером такого рода «произведений» является книга 1960 года Фреда Шварца (1913–2009), в которой разработана структура антикоммунизма как «теории» и «стратегии», представлена трехчастная программа «обоснование (оправдание) — идеология — организация» (см.: *Schwarz F. You Can Trust the Communists (to do exactly as they say)*. Prentice-Hall, Inc., 1961; об этом см.: *Семеренко Л.М. Формирование, эволюция и институционализация западной политической науки*. Дис. ... докт.полит.наук. Саратов, 2002. С. 208).

³ За вычетом «темы интеллектуалов», своей антикоммунистической направленностью; разоблачениями «марксистской мифологии», советских мифов; как и тематической разбивкой — «Опиум интеллектуалов» в очень сильной степени напоминает книгу-сборник работ А. Кестлера «Йог и комиссар» (см.: *Koestler A. The Yogi*

Критика Ароном «сталинской догматики» — своего рода светского варианта религии, — не лишена оригинальности и известного блеска; в антимарксистской, антикоммунистической и антисталинской направленности ароновского «Опиума» присутствует много интересных и конструктивных моментов. Однако при всех достоинствах работы нельзя не заметить ее самой специфичной особенности: начиная уже с самого названия и заканчивая некоторыми приемами, автор преподносит свое произведение не столько как критику, разоблачение, книгу дискуссионную и вызывающую интеллектуальных соперников на диспут, — сколько как товар, хорошо сделанный (и, что не менее важно, хорошо разрекламированный). Сведение марксизма и коммунизма к догматической системе, а компартии — к своего рода церкви, — помимо своеобразной, оригинальной метафоры, — в первую очередь рекламный трюк, красивая упаковка для товара — интеллектуальной Кока-Колы.

Французского интеллектуала настораживает тот факт, что марксизм-ленинизм, — «первая удавшаяся религия интеллектуалов», «идеология, ставшая эквивалентом религии» — хотя и «превозможен в научном плане; но в плане идеологическом, в том виде, в котором он распространен во Франции, он приобрел невиданное до сих пор влияние; это влияние он приобрел благодаря своему толкованию истории»¹. Причина такого успеха «сталинской догматики» среди западноевропейских интеллектуалов, — в религиозном характере марксистско-ленинской идеологии, — утверждает Р. Арон. «Священное писание» марксизма-ленинизма основано на мифах о мировом пролетариате, роли революции в истории, роли коммунистических партий в социалистических революциях, роли вождей и идеологии как «священной доктрины» в коммунистическом движении. Только разоблачив все эти «догматы псевдорелигиозной основы марксизма-ленинизма»², показав интеллектуалам, что марксизм — это не движение, к которому они принадлежат, а вера, внушенная им, — можно вырвать промарксистских «прогрессивно мыслящих» (это выражение берет в кавычки сам Арон³) интеллектуалов из-под влияния са-

---

and the Commissar. L., 1945; об этой книге см.: Улановская М. Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кестлера. Иерусалим, 1996).

¹ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 82. (В 2015 году знаменитая работа была издана в новом переводе: Арон Р. Опиум интеллектуалов / Пер. с фр. Л. Боровиковой. М.: Издательство АСТ, 2015.)

² Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 5.

³ См.: Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 5.

мой притягательной «секулярной религии» XX века, — марксизма-ленинизма.

Само по себе сопоставление идеологии и религии достаточно банально, ведь вера, как уже было показано, есть неотъемлемый элемент любой идеологии; но талантливо оформленная и полемически насыщенная, концепция секулярной религии Р. Арона была с восторгом встречена антикоммунистической публикой. Впервые это обозначение — «секулярная религия» — по отношению к марксизму, к идеологии коммунистов Арон применяет в 1944 году, в статье с соответствующим названием, — «Будущее секулярных религий»; в это выражение Ароном уже тогда вкладывается противопоставление своего «реалистического осторожного либерализма» (выражение Дино Кофранческо) тому, что впоследствии будет названо «тоталитаризмом». Ясно, что основная идея Арона — «закат» идеологий-секулярных религий, и в первую очередь, конечно же, марксизма (сталинской схоластики); тогда как идеологии, понимаемые как системы ценностей (если угодно, «нормальные идеологии»), как являлись, так и будут являться неотъемлемыми элементами политики: «В работах Арона, и в знаменитом очерке "Опиум интеллектуалов" прежде всего, — пишет Л. Бернини, — предсказание заката идеологий, понимаемых как секулярные религии, сопровождается признанием невозможности исчезновения идеологий, понимаемых как системы ценностей, предоставляющих оправдание, обоснование политическим решениям»¹.

Сопоставление марксизма и религии, рассмотрение учения Маркса как религии, — все это само по себе не ново; за вычетом литературных изысков «Опиума» нельзя сказать, что Р. Арон представил в этом плане нечто особенное, тем более — совершил какое-то открытие. Действительно глубокий анализ учения Маркса («абсолютного социализма») как *своего рода религиозной доктрины* мы находим у П.И. Новгородцева в работе «Об общественном идеале». Марксизм, говорит Новгородцев, «несет с собою человеку такую полноту обетований, что поистине можно сказать, он сам становится религией, и

---

¹ *Bernini L.* Declino (o trionfo?) delle religioni secolari. Raymond Aron e la questione delle ideologie politiche // www.dialetticaefilosofia.it/public/pdf. P. 1. Заметим, что поскольку идеология невозможна без веры, то, как бы продолжая мысли Арона, правильно, по-видимому, можно будет сказать, что они будут различаться по степени присутствия и интенсивности этого элемента: так, допустим, марксизм — это «самая религиозная» из «секулярных религий», тогда как американизм — о нем пойдет речь далее — «самая секулярная» (что на самом деле весьма сомнительно).

более того: как всякая единоспасаящая вера, он вступает в непримиримую вражду с той другой религией, которую издавна исповедовали люди — религией неба и Бога...»¹. — И далее мыслитель детально анализирует религиозность «абсолютного социализма», показывая, что эта религиозность далеко не случайна, но укоренена в основах и целях учения Маркса, останавливаясь в особенности на марксовской трактовке пролетариата — «класса-богоносца»². — Однако в чем же, по Новгородцеву, фундаментальное отличие марксизма от религии, и в чем состоит могущество марксизма? «Поскольку марксизм был своего рода религией, он мог давать известное утешение тем, кто в него верил. <...> Но сам он хотел быть не религией, а наукой, и влиять не на воображение, а на мысль. Свои религиозные обетования и надежды он облакал в форму научных выводов и аксиом. Свойственный ему пафос морально-религиозного настроения он соединял с торжественным провозглашением культа науки. И этим он необычайно импонировал той эпохе, которая так высоко ставила авторитет научного знания. <...> Получалось гордое и могущественное сооружение, опирающееся на незыблемый фундамент науки. Это и был тот первоначальный классический марксизм, который имел столь могущественное влияние в истории. Если спросить, что было в нем важнее — верования и пророчества или научные положения и доказательства, — на это следует ответить: то и другое было одинаково важно для его необычайного практического успеха»³. Как

---

¹ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 213.

² В особой степени религиозный характер учения Маркса высвечивается в его «апологии пролетариата». П.И. Новгородцев пишет, что когда Маркс «говорит о грядущем господстве и значении пролетариата, реалистический язык изменяет ему. Мы попадаем здесь в полосу чудесных превращений и абсолютных явлений» (*Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 229) — В самом деле, говоря о марксовом понимании пролетариата, этой мистической субстанции истории и политики, невозможно, по словам Новгородцева, обойтись без признания «магических, волшебных метаморфоз», ибо тут — «настоящее чудо: совершив насильственный переворот и став господствующим, класс пролетариев отнимает у своего господства характер классового господства, а у своего классового существования характер класса; его господство превращается в свободу, а сам он из отдельного класса становится целым обществом» (С. 221). — Таким образом, «на пролетариат переносятся у Маркса черты абсолютного идеала: он является символом полного возрождения человека и человечества» (С. 223).

³ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 229. Подход и критику марксизма Новгородцева безынтересно сопоставить с рассуждениями о религиозном и догматическом, не выносящим «микроба критики», характере марксизма интеллектуала-антифашиста Карло Росселли. Марксизм в интерпретации Росселли

явствует из этого, могущество марксизма и его, как можно сказать, «идеологическая мощь» — не были бы так велики, не будь этой религиозной «составляющей».

В чем же состоит новизна «Опиума интеллектуалов» Арона, кроме «своевременности» и злободневности этой работы? Прежде всего — в том, что критика «мифологии» марксизма в его религиозной интерпретации впервые дана в применении к интеллектуалам — и со стороны интеллектуала; далее, марксизм подвергается разбору как действующее учение (действующая «сталинская догматика») советской компартии, имеющая силу и влияние и в культуре Западной Европы, и на международной арене; наконец, Арон первым среди интеллектуалов в таком контексте представляет свою «апологию американизма».

Марксизм-ленинизм, или «сталинская схоластика», — это священное писание коммунизма; история партии — его священное предание, съезды Коминтерна и партии — церковные соборы, сама компартия Советского Союза, этой «метрополии религиозного спасения»¹, вместе с зарубежными ее епархиями (диоцедами) — это вселенская церковь коммунизма; — подобные внешние аналогии можно множить довольно долго, но смысл ароновских отождествлений вполне ясен. «К коммунизму, говорит интеллектуал, — применима формула Мишле: "Революция [1789 г.] не признавала никакой церкви. Почему? А потому что она сама была церковью". Как и гражданская религия, коммунизм освящает долг индивидуума по отношению к партии, социалистическому государству, будущему челове-

---

предстает как своего рода религиозно-мистический реализм, слияние «мощного реализма» и не допускающей сомнений и колебаний (тем более анализа) веры. Констатируя тот факт, что «Маркеу никогда, даже в самых сухих и сложных рассуждениях "Капитала", не удалось скрыть религиозный пыл веры, предшествовавшей оформлению системы», — Росселли утверждает, что марксистское движение «в своих первых шагах и в период мессианских предсказаний отличалось прямолинейным и горделивым исповеданием веры, имеющим целью подчеркнуть отрыв от других... школ, превосходство над ними. Невзирая на всеобъемлющий реализм, обаяние новой доктрины было сродни обаянию религии. Быть марксистами словно означало принадлежать к иной расе, расе избранных, которым были открыты тайны бытия. Человечество еще было погружено в туман ложных идеологий, провозглашаемых ложными пастырями в собственных классовых интересах, и не ведало о своем настоящем и будущем. Только марксист ясно видел прошлое и настоящее и был в состоянии, благодаря знанию законов развития капиталистического общества, осознанно ускорить наступление нового времени» (*Росселли К.* Либеральный социализм. Roma, 1989. С. 32–41).

¹ Арон Р. История XX века: Антология. М., 2007. С. 191.

чества. Как и всякая другая религия, проповедывающая царство земное, коммунизм противопоставляет себя эзотерическому учению универсальной религии, как только ему удастся прийти к власти»¹.

«Коммунизм, согласно Арону, — пишет Бернини, — по сравнению с другими идеологиями в наиболее полной степени носит религиозный характер, так как марксизм содержит глубокие аналогии с иудео-христианским профетизмом; ленинизм породил партию, осуществляющую те же функции, что и церковь; а сталинизм породил настоящий ”культ” главы партии коммунистов. Для рядовых коммунистов, по Арону, партия хранит слово спасения, — догмат марксистской интерпретации истории»². (Интересно применить ароновские приемы и шаблоны для оценки, допустим, комплекса идей американской исключительности, божественного призвания Америки к мировому владычеству, концепции *явного* предопределения (*Manifest Destiny*) и т.д. — не найдутся ли и здесь подобные *аналогии*, учитывая, что как раз эти концепты пронизаны *явными и яркими* библейскими мотивами — идеолог антикоммунизма, видимо, этого не заметил?)

Марксизм силен тем, полагает Арон, что «себе присваивает вечное стремление к справедливости, он предсказывает торжество обездоленных», то есть ведет к спасению, — а спасение невозможно вне церкви, то есть партии, которая «не может и не смеет ошибаться, так как она проповедует и воплощает в себе историческую правду»³. Партия, преобразенная в мессию, делает идеологию догматом, эквивалентом религии; а ее глава отныне — *pontifex maximus* новой религии, единственный законный толкователь мистических истин для верных: «Генеральный секретарь партии... тоже интеллигент: на закате своей блестящей жизни он дает верным какую-нибудь новую теорию капитализма и социализма, и эта книга как бы подчеркивает величие достигнутого. Императоры часто бывали поэтами или мыслителями, но впервые император властвует как диалектик, толкователь учения и истории». — Однако, — и к такому выводу приходит сам Арон и подводит своих читателей-интеллектуалов, для которых предназначена книга, — судьба любой религии, в том числе и «сталинского догматизма», — «ослабление идеологической горячности»⁴,

¹ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 206.

² Bernini L. Declino (o trionfo?) delle religioni secolari. Raymond Aron e la questione delle ideologie politiche // www.dialetticaefilosofia.it/public/pdf. P. 11–12.

³ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 82–83.

⁴ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 210–211.

«испарение» революционного духа, исчезновение иллюзий вследствие победы духа сомнений.

Вот какова судьба светской религии: «Светские религии превращаются в мнения, как только люди отказываются от их догматов» с появлением скептиков, которые «должны потушить фанатизм» и научить людей «сомневаться в идеальных схемах и в утопиях», «не верить пророкам спасения и проповедникам катастроф»¹. Таким образом, Раймон Арон одним из первых использует метод отождествления идеологии марксизма с религиозной идеологией, или секулярной религией, — для переориентации интеллектуалов. Однако в слиянии религии, науки и идеологии в марксистском учении Арон видит не силу (как Новгородцев), но слабость, — более того, эта исполненность светского учения религиозными мотивами, согласно его вердикту, есть *error fundamentalis* марксизма как опиума левых интеллектуалов.

Взамен «разоблаченной» секулярной религии Раймон Арон предлагает Западу и западным интеллектуалам — американизм, американскую идеологию, «выражающую специфические черты американской экономики и общества: культ успеха, личной инициативы и чувства правил; оптимистический взгляд на будущее; отрицание экзистенциального беспокойства, сведение всех ситуаций к технически разрешимым проблемам, традиционная вражда к власти и к трестам, фактическое признание военного государства и гигантские промышленные корпорации»². Американизм, как его видит и *предлагает* Арон, — «хорошая идеология», удобная, современная и, если угодно, своевременная, — одним словом, вполне достойная того, чтобы стать заменой «фундаментально ошибочного» марксизма-ленинизма-сталинизма.

Заметим, что в своем разделении идеологий на «плохие и хорошие», «современные и отжившие свое» (своего рода «дихотомия идеологий») Арон не одинок; не одинок он и в убежденности в «торжестве американизма». Другой апологет конца идеологий, С.М. Липсет, полагая, что «экономическое развитие неизбежно ведет к концу идеологии», делает уточнение, «что такое будущее ожидает лишь "тотальные идеологии"», под которыми он подразумевает прежде всего марксизм-ленинизм. Но он охотно допускает "существование в Западной Европе и Америке "партикулярных идеологий", которые все более сходятся в идеологической согласии"». — И далее вскрывается

---

¹ Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 234.

² Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен, 1960. С. 215–216.

смысл и цель всей «операции деидеологизации»: «Больше того, и "универсальная идеология", как он полагает, необходима внутри будущего "мирового сообщества", в котором Соединенные Штаты Америки, согласно его прогнозам, будут играть роль образцовой модели. "Универсальная" идеология призвана, по Липсету, обосновать ведущую роль "образцовой" капиталистической страны — США — в "мировом сообществе"¹.

Итак, американизм — убедили себя и не без некоторого успеха пытались убедить других «деидеологизаторы» — не идеологичен и не идеократичен, это вовсе и не доктрина², но либеральное, плюралистическое мировоззрение; и Раймону Арону (как, впрочем, и Сеймуру Мартину Липсету) принадлежит большая заслуга в пропаганде этого «универсального» мировоззрения. Заключительная глава «Опиума интеллектуалов» называется «Конец идеологической эры?», и в ней автор объявляет о решимости бороться против тоталитаризма с его истинами в последней инстанции, насаждаемыми государством. Р. Арон в этом смысле — «неверующий», мишень его критики — «государство, навязывающее нам правоверное толкование каждодневных событий... толкование всего развития и, в конечном счете, — смысл человеческого бытия. Оно хочет подчинить своей псевдоистине творчество духа (американского? — А.Н.), деятельность общественных групп. Защищая свободу проповеди, неверующий защищает свою собственную свободу»³.

Нельзя отказать Р. Арону в частичной правоте и уж тем более в оригинальности его концептуального видения и критики марксизма, равно как и западного общества второй половины XX века. Также следует признать, что многие нововведения Арона, стремящегося показать, что

---

¹ В лабиринтах буржуазного сознания: (Критика концепций духовного манипулирования) / Отв. ред. В.Д. Гранов. М., 1978. С. 76.

² Ясно, что на самом деле роль идеологии в Америке колоссальна (и это будет рассмотрено далее). При этом, однако, американцы не считают себя идеологизированной нацией, предпочитают, как правило, делать упор — как раз будто бы споря с Ароном — на своей религиозности: «Мы не любим думать о себе, как о людях с идеологизированным разумом, — иронично говорит Гордон С. Вуд в работе, посвященной фундаментальной, если не определяющей роли идей и идеологии в истории США. — Кажется, что в американском мышлении нет места идеологии. Даже само это слово звучит по-европейски. Оно ассоциируется с системами доктринерских идей и догматическими, абстрактными теориями. Едва ли оно могло иметь что-то общее с практическими, прагматичными людьми, которыми, мы, американцы, привыкли себя считать» (*Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США*. М., 2016. С. 395).

³ *Арон Р. Опиум для интеллигенции*. Мюнхен, 1960. С. 233.

противопоставление капитализма и социализма не является необходимым, ибо индустрия и техника индифферентны по отношению к политике, — оказались в достаточной мере конструктивными и во многом предвосхитили дальнейшие теоретические разработки западных мыслителей, связанные с понятиями постиндустриального общества и технократии. Но не следует при всем этом и забывать о том, что помимо своей неоспоримой теоретической ценности большинство этих концепций имело и *ценность* в качестве аргументов в идеологическом противостоянии двух противоборствующих сторон эпохи Холодной войны. (Вообще, следует заметить, эту идеологическую составляющую и политическую направленность подчас кажущихся на первый взгляд чисто теоретических построений, — необходимо всегда учитывать при анализе любых разработок западных ученых, касающихся общества и культуры, особенно же — политики и идеологии.)

...Сложно представить Конгресс за свободы культуры без Раймона Арона, деятельность которого на ниве «защиты атлантизма» была поистине неумолима. «Раймон Арон, — пишет Дени Боно, — с 1950 года входит в руководящие органы Конгресса за свободу культуры и быстро становится одним из наиболее влиятельных деятелей движения и близким соратником Майкла Йосельсона, посредника между ЦРУ и интеллектуалами; при этом его работы — ”Великий раскол” (*Le grand schisme*, 1948), ”Опиум интеллектуалов” и ”Война за войной” (*Les guerres en chaîne*, 1951) — складываются в качестве корпуса основных трудов антикоммунистической интеллигенции». — В итоге уже в 40–50-е годы Арон — «друг Фридриха фон Хайека, советник Киссинджера, — в фарватере своей интеллектуальной деятельности сумел создать сильную школу либеральной, антикоммунистической и проатлантической мысли»¹.

В своих «Мемуарах» Р. Арон не выражает сожаления по поводу сотрудничества с Конгрессом за свободу культуры, отмечая большую роль этой организации в переориентации французских левых интеллектуалов, часть которых приняла либеральные идеи атлантизма²; именно благодаря Арону был поставлен и частично решен вопрос об «атлантическом консенсусе» американских и западноевропейских интеллектуалов. Более того, мыслитель и идеолог пытался если не оп-

---

¹ *Boneau D.* La «Democrazia» ed i suoi «amici». Raymond Aron, difensore dell’atlantismo // storiasoppressa.over-blog.it/article-criptocrazia-denis-boneau-raymond-aron-avocat-de-l-atlantisme-da-reseau-voltaire-2004-68030319.html.

² См.: *Арон Р.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 264–268.

равдать стремление Америки к доминированию в мире, то показать, что гегемония для США была скорее неизбежностью, нежели пределом устремлений; скорее нелегкой обязанностью, чем желанной целью; а термин «империализм» применим в большей степени к сталинскому СССР, чем к Америке: «Правящий класс Соединенных Штатов не желал гегемонии, которая досталась ему, как только промышленный потенциал Американской республики преобразовался в военную силу. Еще и сегодня общественное мнение... ощущает могущество своей страны скорее как бремя, нежели как благо. Американцы называют — с оттенком сожаления — обязательством (*commitment*) то, что империалисты назвали бы завоеванием. Как реакция на советскую дипломатию возникла воля к сдерживанию (*containment*), решимость совершить усилие, чтобы остановить экспансию соперника, но отнюдь не воля к господству — разве что мы употребим этот термин в смысле расширения зоны, открытой для свободной торговли»¹.

Начиная с конца 50-х годов Р. Арон, Д. Белл и другие создатели теории конца идеологии приступают к разработке своего рода доктрины постиндустриального общества, — общества, которое уже исходя из своей сущности в идеологии не нуждается и принципиально отказывается от любого рода мессианизма. При этом те концептуальные разработки и теории, в которых обосновывалось и провозглашалось «отмирание» не только идеологии, но и постепенное «угасание» собственно политики², — стали основой для определенных политических

---

¹ Арон Р. История XX века: Антология. М., 2007. С. 259–260. В своем «оправдании гегемонии», в своей апологетике атлантизма Арон здесь, пожалуй, переходит границы допустимого, опускаясь до какого-то совсем уж странного «выгораживания» Америки — так, что и сами идеологи и «пророки» атлантизма редко такое говорили ввиду явной неуместности столь откровенной апологии...

² Некоторые «пророки заката идеологии» настаивали и на «закате политики», полагая, что «с разрешением идеологических противоречий задачи и компетенции государства будут постепенно сведены к технико-административным функциям» (*Bernini L. Declino (o trionfo?) delle religioni secolari. Raymond Aron e la questione delle ideologie politiche // www.dialetticaefilosofia.it/public/pdf. P. 1*). Впрочем, во многом эти пророчества осуществились в современной объединенной Европе, — вот только кто руководит этой новой европейской «командно-административной системой», к чему уже привела такая политика (или скорее, по выражению итальянских интеллектуалов, *антиполитика*), и к чему приведет в конечном счете? Интеллектуалы чувствовали и понимали, что европейская политика деградирует: так, в беседе с Михаилом Рыклиным Жан-Люк Нанси говорит: «...Я констатирую, что на фоне развития всяческих прав наша французская и вообще европейская политика все больше деградирует. Поэтому все больше доминирует дискурс управления, менеджмента». — На что М. Рыклин справедливо замечает: «Да, действительно, эта

и идеологических выводов, важнейшим аргументом в политико-идеологическом противостоянии блоков времен холодной войны, новым обоснованием превосходства Америки и ее миссии в мире.

«Технократическая» риторика, конечно, не превалировала на Миланской конференции 1955 года, — задача «деидеологизаторов» была иной; однако некоторые авторы концепций «конца идеологии» уже тогда приступили к обоснованию необходимости глубинных изменений в политических принципах власти. Технократические постулаты перехода от политики к управлению, «догмы техницизма» в управлении, принципы «технократизации» и «экспертизации» власти, — все эти установки получили теоретический импульс и развитие в рамках «постиндустриального направления»; но поставлены на повестку будущего дня они уже были в рамках «деидеологизационного направления». Советский исследователь Б.В. Михайлов, справедливо называя подобные установки политическими, утверждает, что принцип «государственное руководство есть дело управленческой техники», который в США стал пропагандироваться еще во времена «нового курса», — «был воскрешен в дискуссиях о ”деидеологизации”». В этих дискуссиях сторонники ”нового типа руководства”, свободного от ”идеологии” и ”политики”, утверждали, что для решения наиболее острых... проблем Соединенные Штаты нуждаются лишь в разработке более совершенных технических инструментов управления и что любое обострение политического и идеологического противоборства вокруг данных проблем может существенно затруднить их решение»¹. Тут следует отметить любопытный факт: «технотронные изыскания» западных политических мыслителей подвергались острой критике не только учеными-марксистами Советского Союза, но и западными же интеллектуалами. Так, в 1969 году профессор Массачусетского технологического университета Джон Макдермотт опубликовал памфлет «Технология: Опиум интеллектуалов»², в котором подверг апологетов технологической революции серьезной критике за безответственные призывы к безоглядной технологизации «всего и вся», за безосновательную «слепую веру» в «блага технологии»³.

идея пронизывает собой здесь все, все становится ”управляемым”: семья, финансы, свободное время» (*Рыклин М.* Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 102).

¹ *Михайлов Б.В.* Современный американский либерализм: Идеология и политика. М., 1983. С. 33–34.

² См.: *McDermott J.* Technology: The Opiate of the Intellectuals // *The New York Review of Books*. July, 31. 1969.

³ Об этом см.: *Араб-Оглы Э.А.* В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973. С. 133–144.

Концепции деидеологизации исторически и политико-идеологически связаны с различного рода концепциями и теориями постиндустриального общества¹, причем в западноевропейской политической мысли и социологии идеи о «конце идеологии» исторически (но не логически) предшествуют разработкам концепта постиндустриального общества. При этом многие крупнейшие западные мыслители соединяют в своем творчестве эти теории, переходя в своих работах от одной концептуальной линии к другой, обосновывая их взаимосвязь и взаимозависимость. Л.Н. Москвичев справедливо утверждает, что «многие авторы теории "деидеологизации" являются в то же время создателями других новейших концепций (Арон, Гэлбрейт и др.). Более того, для некоторых авторов характеризовать современные развитые капиталистические страны как "индустриальное общество" чуть ли не равноценно утверждению, что в этих странах наступил "конец идеологии"»². Отметим при этом, что если «конец идеологии» — скорее идеологема (если не мифологема, поэтический образ), то, по замыслу создателей и разработчиков, «постиндустриальное общество» должно быть понятием науки, а соответствующие концепции и теории (т.н. «постиндустриализм») —

---

¹ А также, добавим, с концепциями конвергенции социализма и капитализма (см.: *Скворцов В.Н.* Доктрина конвергенции и ее пропаганда. М., 1974), и не в последнюю очередь с концептом-идеологемой тоталитаризма; в свою очередь эти и другие разработки имеют связь с деятельностью Конгресса за свободу культуры. Так, следует подчеркнуть, что многие из антимарксистских идеологов, ученых и интеллектуалов, «открывших» наступление «конца идеологии», разделяли основные постулаты новосоздаваемой «теории» тоталитарного общества, а некоторые и участвовали в этом концептуально-идеологическом конструировании. Нельзя не отметить, что идеологема «тоталитаризм» представляет собой великолепный пример, образец «наступательной идеологической системы». «Теория» тоталитаризма послужила для «обоснования» т.н. моральной порочности СССР, рейгановского концепта «империи зла» и пр. Стоит, видимо, также сказать, что западные концептологи «взялись» за разработку новой концепции, следуя доктрине Трумэна, обосновывающего свою доктрину «необходимостью выступления против коммунизма и его "тоталитарных режимов"» (*Модржинская Е.Д.* Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970. С. 74). Впрочем, и само «деидеологическое движение» было предварено «направляющей» работой — «Различия в идеологии и мировой порядок», в которой были обрисованы контуры теоретизирования в этом направлении — отказ от борьбы идей (в пользу идеи мирового порядка), движение в сторону нивелирования идейно-теоретических различий, т.е. к «мировому порядку», и т.п. (см.: *Ideological Differences and World Order: Studies in the Philosophy and Science of the World's Cultures* / Ed. by F.S.C. Nortrop. New Haven: Yale University Press, 1949).

² *Москвичев Л.Н.* Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность (Критические очерки об одной модной буржуазной концепции). М., 1971. С. 17.

обладать научным статусом. Однако многие ученые отказываются направлению постиндустриализма в научности.

Концепт «постиндустриализм» был разработан, как говорят, «за кулисами науки», причем приблизительно тем же способом, что и мифологема «закат идеологий», и в том же «наступательно-идеологическом» ключе. Важнейший импульс для своего концептуального оформления, формирования и развития постиндустриальный образ мира и связанная с ним доктрина получили на очередной конференции под эгидой Конгресса за свободу культуры, состоявшейся в 1959 году в швейцарском городке Райнфельден¹. Непосредственными организаторами и руководителями райнфельденской конференции стали Раймон Арон и Джордж Кеннан; участие в мероприятии принимали также физик Роберт Оппенгеймер, философ Майкл Поланьи, французский футуролог Бертран де Жувенель², американский специалист в области политической теории и политической философии Эрик Фёгелин, американский экономист и историк Эжен Росту, профессор политической науки Джованни Сартори из флорентийского университета.

После доклада на конференции 1959 года — «Индустриальное общество и политические диалоги Запада»³ — концепция «единого индустриального общества» Арона получает свое оформление в его работе «Восемнадцать лекций об индустриальном обществе» (1963), как бы «официально» представляющей новую концепцию научной (и «идеологической») общественности; при этом новая концепция органически связана с концепцией деидеологизации: «„Деидеологизация“, по мнению Арона, в сущности не что иное, как логические следствие единства технико-экономической природы современного индустриального общества. Борьба идеологий — анахронизм, связанный главным образом с „мифологическими“ традициями XIX в. <...> Фактором „деидеологизации“, согласно Арону, является не только единая техническая основа современных развитых обществ, но и развитие

---

¹ См.: *Colloques de Rheinfelden / Par R. Aron, G. Kennan, R. Oppenheimer et autres*. P., 1960; *World Technology and Human Destiny / Ed. by R. Aron*. University of Michigan Press, 1963.

² Нельзя не заметить, что именно Б. Жувенелю принадлежит первенство в разработке и внедрении идеи конвергенции социализма и капитализма: эта идея, в дальнейшем подхваченная многими западными политическими мыслителями, в том числе и Р. Арон, Дж. Гэлбрейтом и др., была выдвинута им в ходе Миланской конференции 1955 года (об этом см.: *Москвичев Л.Н.* Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность (Критические очерки об одной модной буржуазной концепции). М., 1971. С. 16).

³ См.: *Aron R. Industrial Society and the Political Dialogues of the West // World Technology and Human Destiny / Ed. by R. Aron*. University of Michigan Press, 1963. P. 3–26.

науки. ...Арон пытается доказать, что в социалистическом обществе происходит превращение марксизма во все более формальную догму, которая не будет определять практическую деятельность и сознание людей»¹. О взаимосвязи и нерасторжимом единстве теорий единого индустриального общества и деидеологизации у Арона пишет К.П. Зуева: «Эти теории представляют собой по сути две стороны единой буржуазной концепции общественного развития, где экономико-социологический аспект представлен теорией "единого индустриального общества", а теоретико-философский — теорией "деидеологизации", которая выступает как своего рода "политическая философия", направляющая внимание на актуальные проблемы идеологии и социального познания»².

Значимым и необычным моментом конференции 1959 года стало участие в ее работе Джорджа Кеннана, роль которого в американской политике и политической мысли к тому времени была весьма велика. После своей знаменитой статьи 1947 года «Истоки советского поведения», в которой провозглашалась доктрина сдерживания, влиятельный политический теоретик и практик стал одним из идеологов американской внешней политики. Как пишет А.Н. Яковлев, в самом определении доктрины «сдерживания коммунизма» уже «заложены ее основные политические параметры: "длительность" и "терпение", но "бдительность" и "сила"»³. Идеологическое противостояние, в рамках которого западноевропейским интеллектуалам предлагалось «доработать», «творчески развить» антикоммунистические и антимарксистские концепции и теории, на основе которых политики и политические мыслители призывались к разработке соответствующих доктрин, — это идейное противостояние всецело согласовывалось с той частью кеннановской политики сдерживания, которая касалась «длительности и терпения» в рамках сосуществования двух мировых противостоящих систем. Само сотрудничество Кеннана с западноевропейскими интеллектуалами (и прежде всего с Ароном) демонстрирует, что «в политических вопросах подход политика должен быть подходом садовника, а не механика: он

---

¹ Гофман А.Б. Социология во Франции // Социология и современность. В 2 ч. Ч. 2 / Редкол.: Ф.В. Константинов и др. М., 1976. С. 270.

² Зуева К.П. Вопреки духу времени. Некоторые проблемы теории и практики международных отношений в работах Раймона Арона. М., 1979. С. 25.

³ Яковлев А.Н. Идеология американской "империи". Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе. М., 1967. С. 231.

должен выращивать то, что органически существует уже в природе, а не ломать и строить какие-то выдуманные механизмы на пустом месте»¹. Отсюда — поддержка и покровительство Кеннана интеллектуалам и ученым, разрабатывающим свои концепции в «нужном стиле», и особенно это касается работ по концу идеологий, тоталитаризму и постиндустриальному обществу.

Другим интересным моментом рейнфельденской конференции стало выступление историка Джейкоба Лейба Талмона, автора знаменитых «Истоков тоталитарной демократии» (1952), провозгласившего «закат политического мессианизма». Понятие политическо-го мессианизма Талмон связывает с представлением о тотальности Истории, которая движется к определенному финалу². Это представление, утверждает Талмон, идущее от Великой французской революции³, реализуется в политической практике революции большевиков⁴. Политический мессианизм как теория и практика исходит из постулата, что история имеет свою цель и ее необходимо достичь, его кульминацией, воплощением и триумфом является «сталинский

---

¹ Далли А. Предисловие // Кеннан Д.Ф. Проблемы внешней политики США. Нью-Йорк, 1956. С. 14.

² См.: World Technology and Human Destiny / Ed. by R. Aron. University of Michigan Press, 1963. P. 163–165.

³ Интереснейшие размышления о якобинском мессианстве мы находим у Антонио Грамши: «Якобинство — это мессианское видение истории. Оно говорит всегда языком абстракций: зло, добро, угнетение, свобода, свет, мрак — все это существует для него как нечто абсолютное, общее, а не в конкретных, исторически определенных формах, каковыми являются экономические и политические институты, посредством которых общество дисциплинирует себя, в рамках которых или в противодействии которым оно развивается. Якобинство абстрагируется от этих конкретных форм человеческого общества... и рассматривает историю как договор, как откровение абсолютной истины, которая реализуется потому, что определенное число граждан доброй воли заключило между собой соглашение, поклялось претворить идею в действительность... Если события развертываются не в соответствии с заранее заданной схемой — кричат о предательстве, об отступничестве, предполагают, что их "естественный" ход извращен чьей-то злонамеренной волей. И из мессианского духа якобинцев, из их веры в открывшуюся им истину вырастает политическое требование насильственно подавить всякую оппозицию, всякую волю, которая отказывается присоединиться к общественному договору» (цит. по: Григорьева И.В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978. С. 40).

⁴ Американский интеллектуал-антикоммунист Джеймс Бернхэм в своей работе «Грядущее поражение коммунизма» (1949) назовет это представление «катастрофической точкой зрения», присущей коммунистам, — впрочем, как и всем иным, по его мнению, тоталитарным движениям (Бернхэм Д. Грядущее поражение коммунизма. Франкфурт-на-Майне, 1951. С. 7).

тоталитаризм». В своей работе «Истоки тоталитарной демократии» Дж. Талмон определяет политический мессианизм как такой подход к политике, который «исходит из примата и эксклюзивности истины в политике» и «постулирует предопределенный, гармоничный и совершенный порядок вещей, к которому неизменно влечет человека и к которому он неизбежно прибудет»¹.

Конечно, Талмон не говорит о том, что «конкурентом» мессианизма по-сталински является американский план глобальной гегемонии, — зато об этом вполне открыто заявляет Джордж Кеннан, в полном соответствии с планами сдерживания «советского империализма» и «сталинского тоталитаризма», представляющих собой «нездоровое явление и всеобщую опасность» и препятствующих устремлениям цивилизованного мира «к непрерывному развитию материальной цивилизации и к дальнейшему облагораживанию человеческого духа», — для беспрепятственного утверждения атлантизма с его неизменной демократией, что «по природе своей уязвима благодаря тем самым свободам и привилегиям, которые составляют ее сущность»². В лице Кеннана американский мессианизм по сути заявлял о нежелании иметь и терпеть любых конкурентов; а поскольку единственным реальным доктринальным оппонентом Америки был тогда СССР, — то именно здесь следует искать причины неприятия коммунистической идеологии и доктрины, — и в более широком смысле, — американской русофобии. Исходя из этого, невозможно не согласиться с В. Крашенинниковой, которая утверждает, что *«никакая другая держава, кроме Советского Союза и России, не противопоставляла Америке идеологию, способную конкурировать с американской. Идея "коммунизма во всем мире" или идея России как Третьего Рима представляли собой правдоподобную в некоторые моменты истории альтернативу миссии Америки. Никакая другая держава не ставила цель, столь близкую к американской сверхидее — "спасению мира". Но двух спасителей у мира быть не может. Мессианство — вот истинный предмет конкуренции для Америки в случае с Россией. В этой области Америка не терпит соперников»*³.

---

¹ Талмон Дж.Л. Истоки тоталитарной демократии // Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч. I. М., 1993. С. 192.

² Кеннан Д.Ф. Проблемы внешней политики США. Нью-Йорк, 1956. С. 101–117.

³ Крашенинникова В. Россия — Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007. С. 306.

ГЛАВА 2

Американизация общественно-политической жизни и мысли Западной Европы

Важнейшей задачей американских стратегов, поставивших целью установление доминирования атлантизма в Западной Европе, была задача подчинения, перестройки под свои шаблоны и стандарты¹, западноевропейской культуры и науки. Следуя этой логике, «принципу навязывания собственных принципов», характерному для американцев, интеллектуалы — «люди культуры», и ученые — «люди науки», — должны быть заменены экспертами, аналитиками, «техниками»; независимость интеллектуала и ученого должна смениться управляемостью эксперта и аналитика, «профессионально» руководимых «эффективными менеджерами», в свою очередь исполняющими волю политиков.

*«Эксперты вместо интеллектуалов»:
атлантизм и технократизация политики*

Представление о профессиональной интеллигенции, о профессиональных группах, основанных на знаниях, утверждающиеся в Англии с 30-х годов XIX века, в начале XX века по-новому преобразуются и разрабатываются в Америке. С работами Торнштейна Веблена связано так называемое технократическое движение в США и теории «менеджеризма» и «менеджериального общества». Эффективность — идол американского индустриализма — требует повышения роли восходящей элиты индустриального общества, — тех,

---

¹ Власть стереотипов подчиняет себе даже критически мыслящих людей, обладающих немалым культурным бэкграундом. Приведем характернейший пример. Диана Пинто, итало-американская писательница и историк, человек высокой культуры, легко поддается достаточно грубым шаблонам и приемам американской пропаганды 60-х годов, выставляющей Россию в нелестном свете. Цитата вряд ли потребует каких-либо комментариев: «Благодаря телевидению мы стали свидетелями подвигов последних великих путешественников — астронавтов. Мы наблюдали за их подготовкой, смотрели прямую трансляцию их первых полетов, которые всегда планировались — видимо, намеренно — на уик-энд. <...> Диалог с небом означал для Америки диалог с самой собой. Пусть русские предпринимают свои вылазки в космос — все равно они там не у себя дома. К тому же их скафандры, капсулы их ракет казались какими-то допотопными самоделками, а их “крестьянские” приземления прямо на пашню не имели ничего общего с поэтическими размеренными приводнениями американских “гондол”» (Пинто Д. Меж двух миров. Европейская культура и американская демократия. М., 1996. С. 113).

кого называют техниками, экспертами, менеджерами. В работе «Инженеры и система цен» (1921) Веблен, признанный «отцом технократизма», утверждает, что «трансформацию общества может совершить только новое поколение инженеров, поскольку оно не руководствуется в своей деятельности коммерческими ориентациями. Класс технических специалистов должен руководить промышленной системой опираясь на научно-технический прогресс и во имя "общего блага", т.е. в интересах общества»¹.

В русле идей Т. Веблена написана и работа Джеймса Бернхема «Революция менеджеров» (1941), влияние которой в США распространилось не на один десяток лет². Как в экономике, так и в поли-

---

¹ Цит. по: Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 87.

² Джеймс Бернхем (1905–1987) — троцкист, друг Троцкого; один из основателей и идейных вдохновителей Конгресса за свободу культуры; в конце 30-х годов, как и большинство американских троцкистов, стал противником коммунизма и СССР. Бернхем — автор знаменитой работы «Революция менеджеров» (1941). Его перу принадлежит также своего рода «гимн» Холодной войне, «эпос» глобального манихейства — памфлет «Грядущее поражение коммунизма». — «Коммунисты хотят разрешить мировой кризис путем создания Всемирного Союза Социалистических Советских Республик, т.е. коммунистической Мировой Империи». — Встав в позу пророка, Бернхем предсказывает, что «мировая победа коммунизма означала бы гибель всех ценностей, которые были веками созданы и лелеяны как нашей западной цивилизацией, так и великими цивилизациями Востока». — Что же противопоставляет «пророк» столь опасной тенденции? Кто в силах «защитить» мир от коммунизма? Ответ предсказуем. — «...Единственной серьезной альтернативой коммунистической Мировой Империи является другая мировая федерация — некоммунистическая... Как мы уже сказали, никакая мировая федерация в наше время не может быть создана добровольно. Помимо коммунистов одни только США имеют достаточно сил для того, чтобы осуществить федерацию принудительно» (*Бернхэм Дж. Грядущее поражение коммунизма. [Франкфурт-на-Майне], 1951. С. 29–31*). По отношению к «Революции менеджеров» эта работа является как бы первичной, предшествующей в логическом плане (исторически же — наоборот). Скрытые моменты «внутреннего устройства» и цели «общества менеджеров» Бернхема вскрывает Джордж Оруэлл, ясно показывая, что бернхемовские менеджеры «устраняют старый капиталистический класс и организуют общество таким образом, что вся власть и экономические привилегии останутся у них в руках. <...> Новые "менеджерские" общества будут состоять не из пестрой толпы небольших независимых государств, а из огромных сверх-государств, сформированных вокруг основных промышленных центров в Европе, Азии и Америке. Эти сверх-государства будут драться между собой за последние остатки еще незахваченных земель, но, видимо, будут не в состоянии завоевать друг друга окончательно и полностью» (Цит. по: Багаев А.В. Презумпция лжи. М., 2016. С. 108). — «Это — чистый "скелет" романа "1984"», — добавляет А.В. Багаев (С. 108). — Так в «мире менеджеров» не просто допускается, а требуется борьба блоков (со всей мифопоэтической риторикой, проде-

тике должны управлять специалисты: социально-политическая основа общества, по Дж. Бернхему, — это сообщество *управляющих*, то есть менеджеров, а в их числе — и «менеджеры политического механизма», политики-профессионалы, эксперты. В работах других американских ученых-политологов и философов уже в начале 40-х годов XX века понятие *эксперта* занимает важное место, — настолько, что несколько позже американский экономист и социолог Бернхем П. Беквит (Burnham Putnam Beckwith, 1904–1989) доведет концепцию экспертов до логического конца, объявив, что на высших стадиях политической эволюции демократия будет заменена *экспертотократией*, «правление экспертов» в постдемократическую эпоху будет осуществлением высшей эффективности власти; и это будет уже не власть, основанная на отношениях собственности, но власть, целиком основанная на рациональности. В своей книге «Правление экспертов. Следующая стадия политической эволюции» (1972) Беквит утверждает, что «в передовых странах на смену демократическим формам правления неизбежно придет правительство экспертов»¹. — Беквит выражает общую интуицию и уверенность «экспертотократов» в том, что «правление экспертов» — «более эффективное правление, нежели правление при помощи избирателей и избранников народа, поскольку эксперты более талантливы, лучше образованны и более опытны в специальных вопросах»².

Американский политический публицист, критик маккартизма Лео Гурко в 50-х годы XX века констатирует в американском обществе необычайно широкое распространение веры специалистам и экспертам, — веры, базирующейся на бегстве американцев от своего «я», отказе думать самим над проблемами любого рода. Реконструируя истоки этой «слепой веры», «неограниченного и безоговорочного доверия» к экспертам в Америке, он говорит: «Необычайная специализация, сопровождавшая рост научных и технических знаний, разбивала жизненные явления на все меньшие и меньшие участки и придавала руководителю каждого такого участка все большее значе-

---

монстрированной Бернхемом), и в эту бернхемовско-оружелловскую структуру «советский "коммунизм" вполне гармонично вписывался составной частью предполагавшегося нового "мира победивших менеджеров"» (С. 112).

¹ Цит. по: Деменчиков Э.В. Современная технократическая идеология в США. М., 1984. С. 153. (См. книгу Б. Беквита: *Beckwith B. Government by Experts: The Next Stage in Political Evolution*. Exposition Press, N.-Y., 1972.)

² Егоров В.К. «Экспертотократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3. С. 6.

ние. Со временем такой руководитель превратился в профессионального эксперта, который благодаря своим исчерпывающим знаниям в одной специальной области (часто при полном невежестве во всех остальных) стал своего рода посредником между этой отраслью знаний и широкой публикой. <...> Доверие к эксперту — это нечто большее, чем просто характерное явление нашего сложного века. Оно необычайно возросло из-за нашего нежелания думать самим и брать на себя ответственность за то, что происходит вокруг нас¹.

Идеи о возрастании профессионализма и специализации в связи с ростом значения теоретического знания как производительной силы на фоне прогресса науки вошли в теории постиндустриального общества, которые разрабатывали ученые Запада с середины XX века. Как отмечает Н.Л. Полякова, «главным содержанием этого нового индустриализма середины XX в., мощно и неотвратно определявшего жизнь, стала технологизация всех социальных и культурных сфер»².

Концепт «постиндустриального общества» в общих чертах сложился в западной науке к середине 70-х годов XX века (и тут есть определенная ирония: девелопментаристские теории стали классическими ко времени «антидевелопментаристской волны»). Некоторые итоги подводятся в работах Д. Белла «Становление постиндустриального общества: Попытка социального прогнозирования» (1973) и А. Турена «Постиндустриальное общество. История завтрашнего общества: классы, конфликты и культура в программируемом обществе» (1971). По мнению Д. Белла, в постиндустриальный (или информационный) мир, или «общество услуг», ведут Соединенные Штаты: тут утверждается цивилизационное лидерство Америки, которое она захватила после войны. А. Турен добавлял к теории постиндустриализма сакраментальный постулат о превращении технократов в доминирующий класс, подавляющий другие общественные группы. Господство технократов основано на владении знаниями и умелой манипуляции информацией. Итак, новая интеллектуально-технологическая элита признается правящей в новом обществе: вслед за А. Туреном и Д. Беллом исследователи постиндустриализма, отказываясь от гипотезы о бюрократической природе нового высшего класса, признают господство технократов и экспертов³.

---

¹ Гурко Л. Кризис американского духа. М., 1958. С. 233.

² Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях. М., 2004. С. 238.

³ Рассмотрение интеллектуалов-техников и экспертов как социального класса характерно в особенности для американского социолога, неомарксиста Аввина Гоулдера. В работе «Будущее интеллектуалов и возвышение нового класса» (1979) он рас-

Определенные выводы в отношении концепций постиндустриального общества, разработок и концептуальных схем общества «нового типа», альтернативного капиталистической системе, и соответствующего этому обществу «нового класса» технократической элиты, — были сделаны на VIII Всемирном социологическом конгрессе в Торонто (1974). «Теоретики "постиндустриального общества" в качестве нового правящего класса рассматривают научно-техническую интеллигенцию, полагая, что класс капиталистов теряет свои руководящие позиции в обществе»¹. — В чем состоят изменения роли интеллигенции, что означает «технократизация интеллигенции»? — «...Интеллигенция отождествляется с представителями науки и техники, технократического менеджмента, "социальной инженерии". Этот слой изображается ядром "нового класса", олицетворением рациональности и прогресса и в своей совокупности противопоставляется "философам", "гуманистам", якобы пребывающим в плену ценностей и радикалистских иллюзий прошедшего "идеологического" этапа истории»². «Партийный интеллигент», «ангажированный интеллигент», согласно идеям технократизации интеллигентов и интеллигенции, — уходит в прошлое. «Фигура последнего, — пишет В.К. Коломиец, — воплощавшего собой политику, суть которой составляла борьба мировоззрений, кажется сущим анахронизмом, будучи на сегодняшний день вытеснена фигурой "интеллектуала-технократа". Действительно, процессы секуляризации политики потребовали для нее совершенно нового интеллектуального обеспечения, исходившего из представлений о ней уже не как о мировоззренческом конфликте, а как о конгломерате неких специфических технологий реализации власти»³.

считывает интеллигенцию как социальный класс, причем класс собственников, обладающий культурным капиталом и даже собственным языком — критическим дискурсом. (Концепция Гоулонера детально разбирается в работе А. Кустарева «Нервные люди».) Не остались в стороне от теорий нового класса и новой элиты и марксисты: так, крупнейший интеллектуал-марксист Роже Гароди утверждал в конце 60-х годов, что инженерно-техническая интеллигенция достигла такого влияния, что рабочий класс, если и может быть руководящим, то лишь при условии слияния с ней и принятия своего подчиненного положения по отношению к интеллигенции.

¹ *Фомина В.Н.* Парадоксы концепции «постиндустриального общества» // Социология и современность / Гл. ред. Ф.В. Константинов. В 2 ч. Ч. 2. М., 1977. С. 140.

² *Демченко Э.В.* Современная технократическая идеология в США. М., 1984. С. 111.

³ *Коломиец В.К.* Политический образ современной Италии: Взгляд из России. М., 2013. С. 116. Необходимо заметить, что теории возвышения «класса теоретиков», но-

В чем в принципе отличие техника, эксперта и подобных им фигур эпохи «торжества технократизма» — от интеллектуалов; каким образом могут действовать эксперты в политике, — если, конечно, могут действовать в ней? Модель «эксперты вместо интеллектуалов» стала во многом удачной попыткой дезавуировать независимые мнения, идеи и концепции. И дело тут не столько в праве и обязанности интеллектуалов «говорить правду», раскрывать обществу истину, сколько в самом способе их «общественного бытия», в их критической роли по отношению к политике. В самом деле, возможно ли было допустить существование влиятельной и независимой группы, выносящей на суд общественного мнения собственные, не согласованные с «генеральной линией» вердикты, ставящей задачей «сеять сомнения» (Н. Боббио), — и это тогда, когда «американский мессианизм» только начал утверждаться в Европе именно в качестве истины, за которой не надо было охотиться, поскольку она *провозглашена*; догмы, не терпящей никаких сомнений, равно как и их «сеятелей». Могли ли проводники этих идей допустить ту, по выражению А.С. Панарина, «присущую интеллектуалам иронию», являющуюся «разрушительной в отношении любой ”лозунготиражирующей” политической практики»¹, если такая практика стремительно утверждалась в послевоенной Европе? Конечно, нет. Одно дело — интеллектуалы с их критическим сомнением и разрушительной иронией, и другое — эксперты-«профессионалы», действующие в нужном работодателям направлении, графике и ритме.

Универсализм интеллектуалов трактуется идеологами атлантизма как волонтаризм, тогда как за экспертом *по определению* закрепляются профессионализм, компетентность и «неангажированность», беспристрастность: интеллектуалы — гости незванные и подчас не очень желанные, тогда как экспертов можно выбрать самому. Ясно,

---

вой элиты, подвергались критике. Джованни Сартори, допуская справедливость постулата Белла о господстве интеллектуальных институтов в политике, отрицал тезис о доминировании и вообще о какой-то особой политической роли интеллектуалов: «Интеллектуалы — не бойцы, — писал он, — они предпочитают теплицы и башни из слоновой кости. На протяжении всей истории они ”служили”. Они имели все права. Но я не вижу ничего, что изменилось бы в этом отношении сегодня» (цит. по: *Пилипенко Н.В.* Соотношение общих закономерностей и особенностей в возникновении и развитии социализма. М., 1974. С. 63). Так, признавая моральный авторитет и до некоторой степени эффективность критики интеллектуалами власти, Дж. Сартори полностью отвергал возможность доминирования их в политике.

¹ *Панарин А.С.* Стиль «ретро» в идеологии и политике. (Критические очерки французского неоконсерватизма). М., 1989. С. 186.

что американским стратегам удобнее иметь дело с хорошо знакомыми им экспертами, нежели с совершенно непонятными, не укорененными в американской традиции и чуждыми ей интеллектуалами. В самом деле, опасность, которую представляют интеллектуалы для американских стратегов и теоретиков, очевидна: «ненужные» рассуждения и обобщения, «неправильная» категоризация, «несвобода от оценки», «неуместные» выводы; «излишне пристрастный» анализ мифологем и идеологем, выдаваемых за категории и понятия; да еще и «слишком глубокий», «несанкционированный» анализ «не тех» проблем, — таков примерно список грехов («*reccata capitalia*») интеллектуалов. При всем этом на интеллектуала сложно воздействовать, склонить к работе в «нужном» направлении, подвести к «правильным» выводам. Добавим к этому влияние заявлений интеллектуалов — и угроза становится еще более серьезной; при этом авторитетность выступлений интеллектуалов базируется на традиции, стоящей за ними, что усугубляет положение, — так как западноевропейские традиции совершенно не соответствуют ни американским традициям и реалиям, ни методам действия в политике.

Эксперты — как бы мы их себе ни представляли, — по определению не обладают ролью в политике; понятия автономии, свободы по отношению к экспертам не являются сущностными моментами и мотивами их социального бытия, но скорее — привходящими обстоятельствами; эксперты подконтрольны финансово и организационно; говорят «не от своего имени». «Эксперт, который осуществляет "нейтральную диагностику для публичной политики (либо для института или предприятия), — утверждает Е.П. Неменко, — должен... отказаться от критической позиции и подстроиться под требования государства (или другого института), заняв подчиненную позицию по отношению к обладателям экономического и политического капитала»¹.

Мнения, оценки, вердикты, заключения экспертов — это не манифесты интеллектуалов: при необходимости экспертное заключение легко оспорить, нанять другую экспертную команду, объявить недостаточно проработанным, обвинить в ангажированности, предвзятости (то, в чем интеллектуала *обвинить* по определению невозможно). Если интеллектуал — «человек культуры», который выдвигает себя сам, совершая свободный выбор и принимая ответственность за свои

---

¹ Неменко Е.П. Интеллектуалы и общество в современной французской социологии: к истории концепта ангажированности // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3 (30). С. 83.

политические высказывания и действия (во всяком случае, так в идеале), то эксперт — привлекается для того, чтобы дать какие-либо оценки, рекомендации, решить какие-либо задачи, поставленные не им лично, не вследствие своего свободного выбора; знания и опыт эксперта — предмет не гордости или восхищения, а рыночного выбора нанимателя, заказчика¹. Говоря об экспертах, можно говорить о компетенции, уровне, методах, способах и средствах, но не о целях; о конкретных проблемах, но не о смысле или необходимости их постановки². В современных СМИ сложно представить интеллектуала, но легко — эксперта или аналитика: подконтрольные СМИ не могут иметь дела с неподконтрольными интеллектуалами, но легко — с экспертами, поддающимися управлению и «руководству». Интеллектуалы, идеи, полемика — все это, если и может быть представлено в

---

¹ «Рыночный момент», финансовая заинтересованность здесь — достаточно важные моменты: «Рыночная конкуренция вынудила экспертов коммерциализировать свои знания, сделав их предметом профессиональных отношений, которые требовали от экспертов прежде всего адекватного анализа и быстрой оценки новой информации. Эксперты не стали выступать от лица всеобщего, сузив свою деятельность до конкретной индивидуальной работы. Литературная и общественная деятельность как сакрализующие признаки интеллектуалов отошли на второй план» (*Хвостунова О.И.* Эксперты как субъект политического дискурса в СМИ. Дис. ... канд. филол. н. М.: МГУ, 2006).

² Уильям Истерли пишет: «Хотя на смену экспертам, сознательно планирующим развитие экономики с помощью государства, могут прийти эксперты, планирующие развитие посредством рынка, они в любом случае остаются на службе диктатору — обладателю неограниченной власти» (*Истерли У.* Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М., 2016. С. 63). Не менее сильны и обвинения в адрес экспертов, выдвигаемые Ги Дебором: «Все эксперты служат государству и СМИ, и именно таким путем они добились своего статуса. Каждый эксперт отныне привязан к своему хозяину, и, благодаря современной организации общества, для такого эксперта исчезли все былые возможности быть независимым. Самый полезный эксперт — это, конечно же, тот, кто умеет лгать. <...> Когда индивид лишается возможности самостоятельно видеть вещи, всякого рода эксперты с радостью спешат ему на помощь» (*Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2014. С. 153–154). В обществе спектакля, пишет Энди Меририлд, биограф Ги Дебора, «государство и экономика, сливаясь, образуют неразрывное целое — им управляют политтехнологи и манипулируют менеджеры. Все зависит от милости эксперта или специалиста, а самым полезным экспертом считается тот, кто умеет лучше всех лгать. <...> У существующего порядка не может быть врагов. Мы счастливо распрощались с дурацкой концепцией, господствовавшей более двухсот лет, согласно которой общество было открыто для критики или преобразований, для реформ или революций». Общественному мнению заткнули рот. <...> Тотальная скрытность, окутавшая общество, стоит прямо за спиной у спектакля. Именно она служит решающим фактором в разыгрываемых перед публикой представлениях и, по сути, обеспечивает эффективность зрелищ» (*Меририлд Э.* Ги Дебор. М., 2015. С. 152).

СМИ и прессе «общества спектакля», то разве что в ненастоящем виде, как продуманный спектакль с прописанным сценарием, поворотами сюжета и развязкой (и никакой импровизации или незапланированных линий). «Либеральные философы, — пишет Ги Меттан, — любят говорить о ”рынке идей”»: так и видишь граждан-потребителей, отоваривающихся на этом рынке, как в супермаркете. Однако, подобно большинству капиталистических рынков, рынок идей не знает свободной конкуренции. В действительности он тщательно изучается и формируется маркетологами, стремящимися усилить позиции ”ведущих” фирм, утвердить их жесткие формулировки в ущерб менее серьезным конкурентам. Под лощеным фасадом медийной конкуренции и свободы слова скрывается манипуляция, усиливающая позиции хозяев рынка»¹.

Глубокое осмысление политической проблемы с учетом исторической динамики и перспектив развития — такая задача вряд ли может быть поставлена перед экспертом или аналитиком, ведь если дело касается прогнозов и предсказаний — тут эксперты, в отличие от философов политики и интеллектуалов, чаще всего отказываются их делать; да, собственно, это и не входит в их обязанности (если только «предсказание» не согласовано с «работодателем» или не «рекомендовано» им). Ясно, что эксперт, как и интеллектуал, занимает определенную политическую позицию, но при этом эксперт, в отличие от интеллектуала, скорее всего будет пытаться представить свою позицию как аполитичную, политически нейтральную и лишённую какой бы то ни было «партийности». Ко всему прочему, нет ничего, что бы мешало эксперту быть заинтересованным в результате своих оценок; равным образом и те, кто осуществляют подбор экспертов, могут или выбрать заведомо «заинтересованных» специалистов, или же «заинтересовать» членов экспертной команды уже в ходе их деятельности. Расшифровывая «формулу экспертократии», В.К. Егоров в качестве одной из характеристик приводит следующее: «Смена приоритетов, когда наличествует изначальная заданность в формировании экспертных групп, выборе экспертов; и профессиональные качества становятся не главными, а лишь необходимыми на соответствующем уровне, желательными, но сопутствующими при примате обязательных — нужная ориентация, преданность и т.п.»². (Собст-

---

¹ Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. М., 2016. С. 367.

² Егоров В.К. «Экспертократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3. С. 6.

венно, в таких случаях чаще всего от эксперта нужно одно — статус, подпись в экспертном заключении.)

Интеллектуалы — «люди культуры», вовлеченные в политику, — модель, совершенно чуждая для Америки и непонятная американцам. На каком основании, спросит американец, писатель или ученый может судить о политике? И почему его мнение должно иметь значение? — Объяснить американцу, что такое в принципе может быть, нет никакой возможности. С.М. Липсет, задаваясь вопросом о причинах «неспособности американских интеллектуалов играть активную роль в политике»¹, находит этому историческое объяснение. «Отсутствие аристократического класса в Америке означает, что в течение длительного периода у нации не было уважения к тем видам культурной деятельности, которые исторически сложившаяся аристократия сделала частью своего образа жизни и которые были во многом переняты европейской *буржуазией*, так как буржуа старались подражать стилю жизни вытесняемого ими класса. <...> Человек, всем обязанный самому себе, склонен переоценивать значение материального успеха и потребления ”на публику” и недооценивать внешне непродуктивные виды деятельности»².

Писатели, ученые, художники в Америке могут быть окружены всеобщей любовью и интересом, достигнуть славы и богатства, но их мнения по политической проблематике значимы не более (а скорее, даже и менее), чем высказывания «звезд» бейсбола, кино или эстрады; их идеи интересны не более, чем тексты рок-песен или сюжеты голливудских кинофильмов. Именно так американцы могут

---

¹ *Lipset M.* Политический человек: социальные основания политики. М., 2016. С. 398. Надо учесть предельно широкое понимание Сеймуром Мартином Липсетом интеллектуалов: «Я рассматриваю как интеллектуалов всех тех, кто создает, распространяет и применяет *культуру*, т.е. символической мир человека, включающий искусство, науку и религию» (С. 371). Понимание интеллектуалов и их роли в обществе С.М. Липсетом близко к идеям Йозефа Шумпетера о роли интеллигенции/интеллектуалов — сам Липсет представляет шумпетеровскую концепцию таким образом: «Он определяет представителей этого класса как ”людей, обладающих властью устного или письменного слова”. Интеллигенция прежде всего характеризуется ”критическим отношением” к различным общественным институтам. Она в силу самой своей сути относится подозрительно к установленным порядкам и нормам, поскольку ее профессиональная роль требует от нее быть носительницей нового; интеллектуалам воздают должное за их оригинальность, которая... неизбежно влечет за собой отрицание ранее принятого порядка вещей» (*Lipset С.М.* Размышления о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. *Journal of Democracy.* 1994. № 1. С. 12).

² *Lipset M.* Политический человек: социальные основания политики. М., 2016. С. 400.

воспринимать европейских интеллектуалов, — не как «людей культуры», обладающих безусловным правом вмешиваться в политику, но именно как «звезд», стремящихся к славе и пользующихся для ее достижения своими возможностями владения словом и мастерства публичного выступления (по этим шаблонам и были созданы те же «новые философы»¹).

Тем, что составляет суть призвания западноевропейского интеллектуала — политическая критика, разъяснение политических проблем, предвидение и «взгляд за горизонт» — всем этим в Америке заниматься могут только эксперты, аналитики, политические публицисты и пр., — то есть специалисты, профессионалы, профессионализм которых состоит прежде всего в изначальной подконтрольности «генеральной линии». «...Интеллигенция в США, — пишет Раймон Арон в «Опиуме интеллектуалов», — в качестве типичного представителя имеет не ученого или писателя, но эксперта — экономиста или социолога. В США больше доверяют технарю, чем культурному просвещенному человеку»². Вообще, в Америке, по словам Л. Гурко, «быть заподозренным в учености или, еще того хуже, публично проявлять ее — значит стать мишенью для насмешек. В представлении американцев, профессора колледжей выглядят чудаковатыми людьми, обычно старыми и настолько углубившимися в пропыленные и никому не нужные книги, что они утратили всякую связь с живой действительностью. Деятели искусства любой специальности считаются людьми, чуждыми условностей; им иногда, со

---

¹ Тут нельзя не вспомнить Ги Дебора, который саркастически писал: «Все эти специалисты по якобы дискуссиям, которые до сих пор оскорбительно называют культурными или политическими, непременно выстраивают свою логику и культуру сообразно с системой, которая их нанимает на службу...» (Дебор Г. Общество спектакля. М., 2014. С. 9).

² Арон Р. Опиум интеллектуалов. М., 2015. С. 340. Что касается специально отношения американцев к высшему образованию, — оно весьма противоречиво. Вот что пишет об этом К.С. Гаджиев: «...Ни один народ так не стремится к дипломам и научным степеням, как американцы, однако нигде к интеллектуалам не относятся так пренебрежительно, как в Америке. Характерно, что в одной лишь Америке профессор является объектом юмора и изображается длинноволосым и рассеянным чудаком. При всем том в глазах американца образование — в некотором роде религия, и, как от любой другой религии, он требует, чтобы оно было практичным и приносило дивиденды» (Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990. С. 80). — Независимый интеллект при этом, утверждает К.С. Гаджиев, не приветствуется: «Оппортунизм, практицизм, эмпиризм, ”статистический”, ”количественный” склад мышления американского буржуа приводят к тому, что он, как правило, не приемлет человека с глубоким, независимым интеллектом» (С. 97).

скуки, можно позавидовать, но их отнюдь не следует допускать в порядочное общество. На интеллигента многие смотрят как на сноба, и самое слово "интеллигент" приобрело нехороший оттенок»¹.

Как же воспринимаются в Америке интеллектуалы западноевропейского образца, если они не достигли определенного «звездного статуса»? В лучшем случае — как мечтатели или чудачки: «"Пустые мечтатели", "фантазеры", "книжные черви", "оторванные от реальности идеалисты", — пишет Раймон Арон, — вот классические оскорбления, которые отец буржуазного семейства бросал своему сыну, желающему посвятить себя карьере в области литературы или искусства. В этих же выражениях думают (если не высказываются вслух) политики или крупные предприниматели всякий раз, когда профессор или писатель дерзает критиковать их в жесткости поведения». — В худшем — «яйцеголовые» — у американцев в арсенале есть такое специфическое орудие на тот случай, когда необходимо дезавуировать неугодного писателя или ученого, дерзнувшего критиковать, допустим, правительство. Арон приводит «определение», данное американским писателем Луисом Бромфильдом, одним из «самых больших интеллектуалов среди антиинтеллектуалов»: «Человек фальшивых интеллектуальных устремлений, часто профессор или протеже профессора, лицо абсолютно поверхностных знаний. Сверхэмоциональный и женоподобный в реакциях на любую проблему. Высокомерный и избалованный, тщеславный и презрительно относящийся к опыту более рассудительных и компетентных людей. Особенно путанный в манере мыслить, погруженный в мешанину сентиментальности и неистового следования учениям церкви, сторонник доктринерского социализма и либерализма... <...> Самолюбленный педант, настолько приверженный рассматривать проблему под всеми углами так, что потом окончательно запутывается и все выкидывает из головы. Анемичное кровоточащее сердце»².

---

¹ Гурко Л. Кризис американского духа. М., 1958. С. 27–28. Сама культура, пишет далее Гурко, воспринимается американцами как «нечто тяжелое, громоздкое, скрытое в библиотеках и музеях, или собрание неведомых фактов, за которыми вечно гоняются женские литературные клубы, стремясь поставить себя выше "обыкновенных людей". В некоторых районах страны на искусство по-прежнему смотрят как на нечто чужеземное и антиамериканское, связанное каким-то аморальным путем с Францией, и считают, что культура вообще не может принести никакой пользы при решении повседневных задач» (С. 28).

² Арон Р. Опиум интеллектуалов. М., 2015. С. 341–343. Это перечисление напоминает «список профессиональных недугов интеллигента», приводимый Гурко: чувство собственного превосходства, пренебрежение к людям, догматизм и пр.

(Невольно вспоминаются «новые философы»: во многом это определение им вполне подходит.)

*Монополия американизма в идейной жизни
и общественно-политических науках Западной Европы*

Как хорошо видно из анализа различий между интеллектуалами и экспертами, самое важное, что отличает эти категории людей, — степень свободы, автономности: если интеллектуал принципиально неуправляем со стороны каких-либо политических и иных планировщиков, то эксперт — состоит «на службе», действует «по заданию», и поэтому его решения в принципе могут быть направлены в нужном русле, выводы и заключения — заранее «согласованы» и «удобны» для «заказчика». Принцип управляемости — ключевой принцип американских политических стратегов, им они и руководствовались, принимаясь за «перестройку» западноевропейской науки — как в целом, так и по областям и направлениям. «Раньше задачей науки, — обличает «общество спектакля» (собственно, то, во что превратился Запад в результате американской «гегемонии») Ги Дебор, — было познание мира, улучшение жизненных условий. Сейчас от науки требуется немедленное и безусловное оправдание всего, что в этом мире происходит. Общество спектакля срубило раскидистое дерево научного познания для того, чтобы сделать из него полицейскую дубинку...»¹.

Важнейшим объектом приложения усилий «на западноевропейском направлении» были общественные науки, из которых уже приоритетными в плане воздействия были политические науки, как, собственно, и политическая мысль Западной Европы в ее целостности и своеобразии. В самом деле, как иначе удобные и нужные (разумеется, для атлантистских идеологов) идеологемы, мифологемы и другие конструкты (вроде «конца идеологий», «постиндустриализма», «тоталитаризма») превратить в научные концепции, если не теории; как различным идейным конструктам из арсенала «наступа-

---

Особенно характерно, что американское общественное мнение вменяет интеллигенту в вину такой «недуг», как «неспособность во многих случаях занять твердую позицию в каком-либо вопросе, так как для него слишком ясны обе стороны» (*Гурко Л.* Кризис американского духа. М., 1958. С. 31) — вот поистине замечательный пример американского подхода: лишний кругозор, информированность сверх «меры» — мешают и должны быть устранены!

¹ *Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2014. С. 170.

тельной идеологии» придать научный статус? Равным образом — как «уберечь» от анализа свои методы внедрения стереотипов, достижения управляемости обществами и общественным мнением; как представить в качестве желательного образа мира свою гегемонию?

Политическая наука, политическая философия Европы, равно как и все другие социальные науки, согласно этим гегемонистским замыслам и планам, должны быть переформатированы и стать *управляемыми* по американским принципам. Л.М. Семеренко, анализируя проблемы развития западной политической науки, утверждает, что «процесс развития политической науки на европейском континенте после второй мировой войны шел в значительной степени в русле идей американской школы политической науки. <...> После второй мировой войны, особенно в 40–50-х годах, тон в мировом обществоведении, в том числе и в мировой политической науке, продолжают задавать политологи США. Политическая наука США продолжает играть ведущую роль в системе современного политического знания на Западе. Половину всех индивидуальных членов Международной Ассоциации Политической Науки (МАПН) составляли и составляют американские политологи, а Американская Ассоциация Политической Науки была и остается наиболее многочисленной. К концу 1981 года в нее входило 17 000 человек»¹.

«Начиная с первых послевоенных лет, — констатирует О.Ю. Бойцова, — происходило целенаправленное перенесение принципов и стандартов американской политической науки на европейскую почву. Благодаря этому сложившаяся в университетах США сциентистская модель политической науки получила значительное распространение во всем западном мире...»². В итоге к концу XX века, как

---

¹ Семеренко Л.М. Формирование, эволюция и институционализация западной политической науки. Дис. ... докт.полит.наук. Саратов, 2002. С. 169–172. — И далее: «Представители американской политической науки, опираясь на благотворительные фонды и используя разного рода программы культурного и научного сотрудничества, располагали немалыми возможностями для того, чтобы экспортировать свои идеи и кадры в другие страны, а также — проводить целенаправленную работу по подготовке и переподготовке в США профессионалов-политологов со всего света. <...> Представители американской политической науки оказывают довольно заметное влияние на развитие политической науки других стран и, прежде всего, на их теоретико-методологическую ориентацию. Как известно, важными функциями американской политической науки являются политическое воспитание граждан в духе либеральной политической культуры, воспитание лояльности по отношению к политическим институтам...» (С. 173–174).

² Бойцова О.Ю. Власть нормы и норма власти. О специфике нормативизма в западной политической науке XX века. М., 2004. С. 81.

констатирует В.В. Мшвениерадзе, «США оказались центром буржуазной политологии. По некоторым данным, в этой стране сосредоточено свыше трех четвертей всех западных политологов, в исследования вкладываются огромные финансовые средства, к ним привлекаются большие интеллектуальные ресурсы, растет техническая оснащенность исследовательских процедур. Разветвленная система преподавания политической науки готовит кадры как для себя, так и для других стран, в которых *насаждается проамериканизм и внедряется проамериканская система политического мышления*» (курсив мой — А.Н.)¹.

Учитывая все вышесказанное, необходимо также иметь в виду, что при всем «прагматическом уклоне» американцы изначально относились к наукам о политике (в том числе философского плана) более чем серьезно и заботливо, — такая позиция сохранилась и по сей день; нет ничего удивительного в том, что эти усилия и заботы принесли свои плоды: «При самом критическом отношении к американской политологии, — пишет Н.А. Гейдаров, — следует признать, что она представляет собой целую индустрию интеллектуального анализа и производства идей. Нигде в мире не ведутся столь интенсивные дебаты, не издается такое число научных журналов, не публикуется столько монографий, не проводится так много конференций и симпозиумов. Несмотря на то, что вся эта продукция имеет чисто академический характер, суммарно она способна мобилизовать политологический потенциал страны ”на решение внешнеполитических задач, поиск оптимальных решений, на выработку наиболее оптимального внешнеполитического курса, направленного на установление мировой гегемонии США”. При том, что эти усилия не избавляют американскую внешнюю политику от ошибок и просчетов, в запасе у американской администрации всегда в наличии альтернативные концептуальные подходы, дающие возможность исправлять ошибки, уйти от иллюзий». — Из этого становится ясно, что политическая наука США в сильной степени ориентирована на решение задач проективного характера, прогнозирование и «опережение событий», — ибо, продолжает Н.А. Гейдаров, «в основе американской политологии лежит понятие национального интереса. Разные поколения в различных внешнеполитических условиях по-своему воспринимают содержание этого интереса, но само его признание в качестве цели внешней политики обеспечивает сохранение целостности страны,

---

¹ Мшвениерадзе В.В. Современное буржуазное сознание. Философский аспект. М., 1981. С. 56.

защиту ее территории, помощь союзникам... В американской политологии разработана возможность различных схем развития мира: однополярный, биполярный или многополюсный мир; система баланса силы; система суверенных государств; мир нескольких цивилизаций; хаос. Популярность той или иной концепции объективно зависит от характера отношений, складывающихся между Россией, США и Европейским союзом»¹. Вполне логично поэтому стремление американских идеологов и организаторов в сфере науки подчинить континентальную политическую науку.

Генеральный секретарь Международной ассоциации политической науки (МАПН) Джон Трент в конце 70-х годов, оценивая достижения американской деятельности на ниве политической науки, как бы подводит итоги, удовлетворенно (но не без определенной доли самоиронии) констатирует установление американской монополии в этой сфере: «Американские благотворительные фонды не только финансируют значительные "международные" исследования (которые, как правило, планируются и выполняются в США, но и посылают чрезвычайных полномочных послов американской политической науки в "третий мир")». Известный американский политолог однажды писал мне: "Все эти годы я и мои коллеги были убеждены, что поступательное развитие общественных наук в США и американская монополия в этой области в значительной степени способствовали развитию общественных наук в других частях света"»².

Немаловажно отметить ярко выраженное неприятие МАПН к политической философии, вообще склонность этой организации избежать философского осмысления политических проблем. Так, Дж. Трент говорит: «Существует довольно большая группа ученых, работы которых

---

¹ *Гейдаров Н.А.* Идеология глобальной гегемонии США // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2008. № 1. С. 5–6. Об американской политологии также см.: *Ирхин Ю.В.* Миссия, особенности развития и методология политологической школы США (к 135-летию академической политической науки в США) // Вопросы политологии. 2014. № 2 (14).

² *Трент Дж.* Политическая наука вне политических границ: международное и институциональное развитие политической науки // Политические отношения: прогнозирование и планирование. Ежегодник Советской ассоциации политических наук, 1977. М., 1979. С. 104. Стоит заметить, что монополия заключалась не столько во влиянии, «теоретическом диктате» и пр., но проявлялась и на уровне понятийно-категориального аппарата науки, который подвергся довольно сильной проработке и переработке; по сути, речь шла о пересоздании понятийного «каркаса» политической науки (введение одних понятий и снижение понятийного статуса других, элиминация ряда категорий или их «переформулировка» в «нужном» ключе, и т.д.).

выпадают из "общего направления" деятельности МАПН. Это — политические философы: "западные" ученые марксистской ориентации, немарксисты и представители различных "критических", радикальных направлений политических теорий. Время от времени имена представителей этих направлений появляются в программах МАПН, но с точки зрения политологического подхода эти ученые оказывают очень незначительное воздействие на функции Ассоциации»¹. — Вот уж действительно, «никакой режим не терпит, чтобы его до конца понимали и продумывали. Да и вообще никто и ничто на свете этого не любит. А философ как раз хочет все понимать»²!

Неприязненная позиция в отношении к философии, склонность отвергать саму возможность философского осмысления политики, отрицание практической значимости европейской политической мысли — таковы черты и установки американского подхода к политике и общественно-политической мысли. Если «в Европе, — утверждает О.Ю. Бойцова, — в силу исторической традиции интерес и к теории в целом, и к философскому познанию политики, в частности, никогда не уходил на второй план», — то в Америке дело обстояло совершенно противоположным образом: «Что же касается США, то местная политология долгие годы сохраняла скептическое, если не негативное отношение не только к политической философии, но и к теоретическому познанию вообще». — Победа американского подхода и установок в западной политической мысли привела к тому, что «философское познание политического оказалось в положении "падчерицы" — историческое родство с ней не оспаривалось, но проблематика вытеснялась если и не за пределы дисциплины, то в периферийные по значимости области. И если в первой половине столетия необходимость философского осмысления проблем политики была предметом острых дискуссий, то в середине века... задача ограничить политическое познание ценностно-нейтральными эмпирическими исследованиями прикладного характера и соответственно вынести за скобки не только философию, но и любую макротерию, стала практически "общим местом"»³.

---

¹ *Трент Дж.* Политическая наука вне политических границ: международное и институциональное развитие политической науки // Политические отношения: прогнозирование и планирование. Ежегодник Советской ассоциации политических наук, 1977. М., 1979. С. 106.

² *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М., 1997. С. 181.

³ *Бойцова О.Ю.* Эволюция политико-философского научного сообщества в XX–XXI вв.: мировой контекст // Российское философское сообщество: история, современность.

Понятно, что постановка философских — а значит, неуместных для атлантистских «организаторов науки», вопросов (о природе власти, о сущности элиты, о гегемонии в мировой политике, и пр.), общетеоретических проблем, разработка дискуссионных тем, выходящих за узкие рамки «дозволенного» и, по сути дела, уже нашедшего «разрешение» в американских «методичках», — все это шло вразрез с планами «новых зодчих» науки. В самом деле, ведь раз «философия политики делала своим предметом не ”механику” и ”технологию” осуществления власти... а само *право на власть* и «*священное знание*» политических элит»¹, то нет лучшего решения, чем растворить философию политики и вообще политическую мысль в мелких проблемах, раздробить ее предмет на многочисленные темы, подтемы, субпроблемы, и лишить тем самым возможности воспарять над миром политической «материи», прорываясь в сферу, подобную платоновскому миру идей.

Американская гегемония в политике совершенно логично требует установления «монополии» в общественно-политических науках, журналистике, публицистике, вообще в идейно-политической сфере, — что выражается во «власти мейнстрима»², т.е. своего рода «генеральной линии», отклонения от которой не приветствуются. В самой Америке «генеральная линия» властвует достаточно давно и надежно: «Сложившаяся в настоящее время в США система финансирования и управления буржуазной политической наукой, — пишет И.Я. Кобринская, — является достаточно гибкой, чтобы обеспечить доминирующее положение в науке официальным воззрениям, поддерживаемым

менное состояние, перспективы развития. Материалы научной конференции 2–4 октября 2014 г. / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Общ. ред. В.В. Миронов. М., 2015. С. 271–272.

¹ *Расторгуев В.Н.* Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой. М., 2010. С. 35.

² Проблема «мейнстрима» — достаточно острая: так, 6 июля 2016 года в Москве состоялся международный медиафорум «Новая эпоха журналистики: прощание с мейнстримом» (организатор — МИА «Россия сегодня»). С поздравлениями в адрес коллектива МИА «Россия сегодня» на форуме выступил Президент России В.В. Путин. Тематами форума стали информационная война, заблуждения относительно свободы слова на Западе, отношения мейнстрима и власти. Джульетто Кьеза, утверждая, что мейнстрим — это зло, подчеркнул: «...Мейнстрим — это противодемократическая структура, которая может сломать равновесие. При этом это невероятно мощная и большая структура, которая захватывает практически все информационное пространство Запада. По сути, это военная структура. Уже 40 лет подготовка войн осуществляется в информационном пространстве» (см.: ria.ru/trend/mediaforum_06062016/).

или даже инспирируемым сверху» (курсив мой — А.Н.)¹. «Мейнстрим» (точнее, создание и управление системами стереотипов, «парадигмальными комплексами» для разных сфер политической мысли и исследований) — это, наряду с контролем над финансированием и определением сфер и направлений приложения финансов, — важнейший метод управления общественно-политической наукой. Создание «мейнстрима» — способ преодоления принципа гетеродоксии (Т. Малдонадо), инакомыслия. Как действуют принципы «мейнстрима»? Уильям Истерли рассказывает: «Если в своих работах вы отклоняетесь от политической линии, которую академический истеблишмент считает центральной, то рискуете прослыть носителем той или иной *идеологии*. Порой аудитория ищет в текстах кодовые слова, по которым автора можно счесть сторонником экстремальных взглядов. Стоит вам несколько раз употребить слово ”рынок”, и вы — противник всякого государственного вмешательства в экономику. Если вы часто говорите о свободе, то вы — сторонник крайне правой идеологии. Сошлитесь на книгу Фридриха Хайека ”Дорога к рабству” — и вы демагог, место которому — на телевизионных ток-шоу. Реже признается тот факт, что исследователь рискует быть причисленным к другому — левому направлению. Если вы регулярно упоминаете понятия *колониализм, расизм, империализм* как все еще важные для уяснения вопросов развития в их прошлом и настоящем, то легко можете прослыть ”левацким” идеологом»². Для любого *неудобного* ученого, как видно, всегда может найтись свой ярлык, — и так, «поправляя» неугодных авторов и причисляя исследователей, работы которых оппонировать «нужному» направлению, к «идеологам» (в «наполеоновском» смысле слова), можно эффективно ориентировать научные исследования в «правильном» направлении, минуя направления «неправильные», «ненужные», попросту опасные.

В основе американских принципов развития науки лежит постулат управляемости, совершенно чуждый европейским идеалам независимости как отдельного ученого, мыслителя, так и сообществ ученых (при всех возможных оговорках), — принцип, уходящий в глубь истории американской науки и американских интеллектуальных сообществ. Моррис Р. Коэн, американский философ и юрист, с сожалением и критикой пишет, что «в большей степени, чем в какой-либо

---

¹ Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М., 1986. С. 35.

² Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М., 2016. С. 29. Удивительно, но традиция употребления слова «идеолог» как клейма отнюдь не осталась в довольно далеком прошлом!

другой стране, Америка заменила древнюю идею об университетах как сообществе ученых юридической идеей о них, как главным образом о *собственности*, руководимой *доверенными лицами*» (курсив мой — *А.Н.*). — Кто же эти «доверенные лица» и чем руководствуются они сами, управляя университетами? — М. Коэн отвечает: «...Это бизнесмены, а не люди науки, и когда они пытаются осуществлять руководство университетскими делами, то в лучшем случае дело сводится к тому, что преуспевающих ученых облачают доверием и большей ответственностью, как за частное предприятие. Для доверенных вполне естественно вносить в руководство университетов те же методы, которыми они руководствуются в своих промышленных и торговых предприятиях»¹. Ясно при этом, что бизнесмены и финансисты в Америке также едва ли самостоятельны в том, что касается решений, выходящих за пределы их бизнеса и имеющих общественное значение: над ними стоят политики и партийные боссы.

Для Америки совершенно неприемлемыми и во многом абсурдными являются европейские идеалы «республики ученых», свободы и дерзновения мысли, поиска истины². Европейские университеты с их независимостью от бизнеса и политики; академии эпохи Возрождения с их изначальным демократизмом, духом дискуссий и независимостью от властей и церкви; национальные академии; — все это подлежало «реорганизации», приведению в определенное соответствие с американскими шаблонами тесной связи науки, политики и экономики.

---

¹ Коэн М.Р. Американская мысль. Критический обзор. М., 1958. С. 36–37.

² Бэконовское определение «республика ученых», пишет И.Е. Андронов, «представляется исключительно удачным, поскольку подчеркивает, с одной стороны, единство явления, с другой, общность интересов интеллектуалов (в широком смысле слова — *А.Н.*) и наднациональный характер ценностей и целей. <...> Кто был членом «республики ученых»? Это не просто «человек мыслящий»; отличительная черта интеллектуала XVII–XVIII вв. — тяга к общению, к распространению собственных идей. Эта тяга не имела национальных границ. <...> В этой атмосфере формировался новый социальный тип — член универсального ученого сообщества. Это человек, легко преодолевший рамки национального, мыслящий и действующий в иных масштабах, ином измерении, где территориальному дроблению континента нет места. Это человек образованный, смелый, чаще всего достаточно обеспеченный, чтобы не отвлекаться на повседневную рутину... Это человек читающий, ведущий активную переписку, имеющий строго определенный круг интересов и вместе с тем живо интересующийся событиями в интеллектуальной жизни. Наконец, это человек весьма тщеславный в положительном смысле слова, стремящийся прославиться не происхождением или с помощью карьеры, но ученостью, образованностью, интеллектуальной активностью» (Андронов И.Е. Европейская «республика ученых» XVII–XVIII вв.: механизмы общения // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Д.А. Сдвижков. М., 2001. С. 69–71).

С начала XX века в США — как бы в развитие описанной М. Коэнэром тенденции — стал формироваться совершенно особый тип отношений людей науки и власти, резко отличающийся от европейских традиций и моделей отношения политики и науки, — именно такой тип взаимоотношений ученых и власти и привел к превращению научного сообщества в специфическую «индустрию», выполняющую заказы и ориентированную на прибыль, а вовсе не на поиск истины. Этот «особый тип» получил импульс для формирования в годы пребывания на посту президента США В. Вильсона. Российский исследователь В.В. Романов утверждает, что «взаимоотношения ученых и власти, сложившиеся в ту пору, стали основой для создания в Соединенных Штатах особого феномена, получившего позднее название политико-академического комплекса. Под этим термином понимается довольно устойчивое, хотя и неформальное, объединение науки и политического истеблишмента страны, в котором ученые играли роль ”мозгового центра”. Окончательное оформление такого комплекса... произошло только к середине XX в. Тем не менее, во время пребывания у власти администрации Вильсона уже наметилось существенное сближение ученых и политиков»¹.

Ф.Г. Войтоловский прослеживает тенденцию дальнейшего развития американского «политико-академического комплекса»² (он использует еще более характерное понятие «научно-идеологическое сообщество»): «Первые структуры организации научно-идеологического сообщества,

---

¹ Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.–Тамбов, 2005. С. 362.

² Понятие «политико-академический комплекс» было введено Гансом Моргентау, который отчасти иронично назвал так сращение науки и политики в Америке (об этом см.: Gilbert A. Must Global Politics Constrain Democracy? Great-Power Realism, Democratic Peace, and Democratic Internationalism. Princeton University Press, 1999. P. 84–86). Политико-академический комплекс, по определению И.Я. Кобринской, — это «союз правительства, крупного бизнеса и научно-исследовательских центров». — «Научный компонент политико-академического комплекса США охватывает широкую сеть исследовательских учреждений, которые в зависимости от их статуса, направления разработок и источников финансирования можно подразделить на три группы. К первой группе относятся те центры, которые были созданы и работают преимущественно по контрактам с правительственными ведомствами... Во вторую входят исследовательские подразделения монополий, в первую очередь военно-промышленных корпораций США. Наконец, третью, наиболее многочисленную группу составляют университетские центры и институты, а также формально ”независимые” политологические центры, существующие на средства филантропических фондов, доходы от издательской деятельности, вклады корпораций и частных лиц» (Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М., 1986. С. 5–6).

как государственные, так и негосударственные, появились в Великобритании и США еще на пороге XX в., а после Второй мировой войны они начали создаваться по всему миру. Эти структуры стали институциональной основой производства политических идей: как стратегий долгосрочного характера, так и концепций краткосрочного применения, передачи мнений и позиций научно-экспертного сообщества политическому истеблишменту... Их функциями стало не только управление работой экспертов, ее организация, ориентация их деятельности на решение прикладных политических задач, но и распространение идей, пропаганда». — Эта модель политико-идеологического целеполагания одержала, к сожалению, убедительную победу над западноевропейскими идеями и их политическими воплощениями в сфере идеологии, так что, констатирует Войтоловский, дело к началу XXI века дошло до того, что «именно негосударственные научно-аналитические и экспертно-идеологические структуры, так называемые "мозговые тресты", "фабрики мысли" или "мыслительные центры" (think tanks), играют все более заметную роль не только в формировании идеологических компонентов внешней политики США и ведущих государств Западной Европы, но и в мировых идейно-политических процессах. Их роль бывает даже более значительной, чем государственных служб подобного рода»¹.

Конечно, не следует преувеличивать ни результаты, ни даже возможности такого рода структур; тут есть как свои преимущества, так и заведомо отрицательные черты: вспомним, чем отличается политик от интеллектуала или от ученого (и даже от «идеолога»), — ученый проблематизирует задачи, рассматривает варианты развития, историческую динамику процесса или феномена; где наука — там споры, полемика, столкновение мнений, конкурирующих концепций, подходов, направлений, — тогда как политику для принятия решения зачастую требуются простые и быстрые ответы, рекомендации «без преамбул и тенденций», ему не надо «зачитывать весь список литературы». В буре же противоборства идей и групп идеологов, интеллектуалов и

---

¹ *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М., 2007. С. 46–47. О «think tanks» см. также: *Диксон П.* Фабрики мысли. М., 1975; *Сунгуров А.Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М., 2015; *Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб., 2016. Интересную интерпретацию «think tanks» — как «питомников мысли» — предлагает Раймон Арон (*Арон Р.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 508).

исследователей политику часто бывает сложно определиться. Поэтому нередко работа «питомников мысли» только мешает работе политиков и дипломатов: так, как говорит Г.А. Арбатов, при том, что «внешнюю политику США обслуживает... чуть ли не самая многочисленная когорта ученых», а «множество научных центров изо дня в день скрупулезно изучает все, что заслуживает внимания (а заодно и то, что внимания явно не заслуживает)», — «стоит посмотреть на практические итоги этой огромной работы — и неизбежно встает вопрос о соотношении затрат и результатов. Весь интеллектуальный потенциал, поставленный на службу американской политики, не смог уберечь Америку от серии серьезных просчетов и ошибок»¹.

Одной из форм сотрудничества государства и олигархии с учеными, экспертами и аналитиками в рамках научно-идеологического комплекса, стала личная уния. «"Личная уния", — утверждает Н.В. Загладин в работе 1981 года, — связывает многих политологов и советологов и с пропагандистскими органами США. <...> Существует немало примеров и того, как представители академической элиты США, начинающие свою карьеру в специализированных центрах и университетах, занимали высокие посты в государственном аппарате. Здесь можно упомянуть Г. Киссинджера, З. Бжезинского, М. Шульмана, Р. Пайпса и многих других». — Таким образом, подводит итог Н.В. Загладин, «академическая элита США... непосредственно входит в научный, политико-идеологический комплекс, выступающий проводником интересов господствующего класса в целом, оказывает активное влияние на процесс разработки и осуществления внешнеполитической стратегии империализма США...»². —

---

¹ Арбатов Г., Олманс В. Вступая в 80-е... Книга-интервью об актуальных вопросах современных международных отношений. М., 1983. С. 53. Впрочем, с другой стороны, рассматривая преимущества политико-академического (или идеолого-политического, или медиа-политического, если угодно) комплекса, следует иметь в виду, что помимо очевидных достоинств и недостатков, есть тут и некоторые скрытые потенции: к примеру, в случае резкой смены политического курса — учитывая немалый «личный состав», систему конфронтирующих научно-политических и идеологических групп, фракций, даже направлений, и принцип «вращающихся дверей» — очень быстро может быть подобрана, «укомплектована», сформирована «политическая команда», отвечающая любому избранному политическому курсу, — достаточно «рекрутировать» во власть ученых, интеллектуалов и идеологов «нужного» направления (тем более что политическая практика для них — вещь знакомая).

² Загладин Н.В. Антисоветизм в глобальной стратегии империализма США. М., 1981. С. 39–42. Это явление часто называют «феноменом вращающихся дверей» — это, как пишет И.Я. Кобринская, «переход одних и тех же лиц из правительственных учреждений в "мозговой трест" и возвращение их в "коридоры власти"» (Кобринская И.Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М., 1986. С. 17).

Нельзя не согласиться с замечанием Анатоля Ливена, утверждающего, что «американская система стирает границы между правительством, академическим обществом, средствами массовой информации и бизнесом... <...> Формированию образа этого сообщества способствовала оставшаяся со времен холодной войны тенденция американской элиты из сферы безопасности представлять себя аналогом стражей Платона: закрытой, всеведущей, избранной группой, направляющей, охраняющей (вроде сторожевых псов), а при необходимости и обманывающей невежественное и безвольное простонародье ради его же блага, во спасение от безжалостных врагов»¹.

В конце 60-х годов XX века принцип управляемой науки приходит к своему полному воплощению в Америке: наука прекращается в индустрию, обсуживающую «заказчиков», причем тот же процесс усиленно и ускоренно «проводится» и в самой Европе; старые же европейские идеалы совершенно уходят в прошлое. В своей концепции «технотронного общества» Збигнев Бжезинский проводит идею, согласно которой «интеллектуальное сообщество, в том числе университеты, возможно, образуют еще одну "индустрию" по решению социальных проблем, поставленных заказчиком; ученые же будут стремиться к наивысшему материальному и политическому вознаграждению. Стремление к власти, престижу, хорошей жизни положит конец аристократическому идеалу независимости, интеллекта и поисков истины»².

Последствием проведения в жизнь всех этих усилий и планов стало то состояние культуры, науки, образования, которое описывается в ряде работ Ж.-Ф. Лиотара. Если отбросить постмодернистскую мишуру, то легко увидеть «достижения»: преобразованные и тотально управляемые по американским стандартам «прибыли и эффективности» — культура, наука, образование. В самом деле, раз технотронное общество «эпохи постмодерна», по Лиотару, — это «кибернетическая машина, которая работает на информации», а истина при этом устраняется из познания, заменяется «эффективностью», — тогда и наука, и образование «обретают» новый «прин-

---

¹ Ливен А. Анатомия американского национализма. М., 2015. С. 307. Стоит обратить внимание на то, что Ливен в своей платоновской аналогии сближает «управляющую элиту» именно с сословием стражей, но не философов, подчеркивая тем самым воинственность «сторожевых псов» мировой политики и одновременно их «служебность»; тогда как слой философов (высшая власть) остается за кадром.

² Цит. по: Борьба идей в современном мире. В 3 т. / Под общ. ред. акад. Ф.В. Константинова. Т. 2. Современный капитализм: противоречия и доктрины. М., 1976. С. 259–260.

цип» легитимности: «Важнейшим следствием нового принципа легитимизации через результативность становится утрата университетской институцией своей самостоятельности, ведь Лиотар отмечает: ”Начиная с того момента, когда знание перестает быть самоцелью, осуществлением идеи или эмансипацией человека, его передача уходит из-под исключительной ответственности ученых или студентов”. Закономерный итог — ”подчинение институтов высшего образования властям”. <...> Второе следствие нового принципа легитимизации знания через эффективность — меркантилизация системы высшего образования. В условиях постиндустриального, информационного общества, в котором знание стало главной производительной силой, ”знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих случаях чтобы быть обменным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою ”потребительскую стоимость”, — заключает Лиотар»¹.

«В эпоху постмодерна, — анализируя концепцию Лиотара, заключает В.Н. Волков, — знание делает человека продвинутым потребителем, но не делает его более просвещенным, совершенным, гуманным. <...> Происходит слияние техники и науки в огромный технонаучный аппарат. Усиливающийся плюрализм языковых игр ведет к неограниченному релятивизму, который создает превосходство языковой игры технонауки над всеми другими. *Технонаука подчиняет знание власти, науку — политике и экономике*» (курсив мой — А.Н.)².

80-е годы для общественных наук Запада стали определенного рода водоразделом, когда проявились результаты американского «руководства» (около этого же времени, напомним, был констатирован и «закат» западноевропейских интеллектуалов). Как утверждает А.И. Фурсов, «в конце XX столетия наметился развод между Интеллектом и Наукой. С 1980-х годов, не случайно совпав с враждебными острой научной мысли неолиберальной контрреволюцией и ее производным — глобализацией, процесс деинтеллектуализации, банализации и одновременно детеоретизации науки об обществе шел по нарастающей...»³.

---

¹ *Трыков В.П.* Концепция высшего образования Жана-Франсуа Лиотара как теоретическая модель современной высшей школы // Знание. Умение. Понимание. 2012. № 3. С. 48.

² *Волков В.Н.* Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 7.

³ *Фурсов А.* «Нормальная наука» versus «аналитика» // Свободная мысль. 2013. № 2. С. 15. «...И только после кризиса 2008 года ситуация начала меняться — но только начала, даже до рассвета еще не так близко», — продолжает А.И. Фурсов.

В свете «учения» о «конце большого нарратива» общественная наука свелась к бесконечному обсуждению «мелочей», частных, совершенно отстраняясь от теоретических обобщений, серьезных, «больших» проблем; появились такие «теоретики», которые «открыто отрицают возможность создания на научной основе обобщающих, то есть теоретических трудов по истории мира в целом и крупных стран, потому что, видите ли, все темы прошлого дискуссионны; утверждается, что создание единой концепции будет носить идеологический характер, а потому надо писать работы, в которых просто перечисляются существующие точки зрения». — При этом, продолжает ученый, — «западные фонды охотно выделяют гранты на эмпирические и третьестепенные проблемы, но практически не поддерживают серьезные теоретические исследования — опасно»¹. С таким подходом «стражи гегемонии», надо сказать, и сами оказались в той же ловушке, в которую «заманили» Европу: ведь деинтеллектуализация и детеоретизация науки не обошли и американскую науку и политическую мысль, так что западные идеологи и теоретики испытывают проблемы со значимыми и серьезными, если угодно, «метанарративами».

ГЛАВА 3

Политический идеал Америки и проблемы глобального доминирования

Идеал, идеология и «американская исключительность»

Фундаментом политической идеологии (как, впрочем, и политического учения, теории, также и доктрины) является политический идеал. Идеал в данном случае можно определить как центральную, основополагающую идею, вокруг которой выстраивается тот идейный комплекс, который составляет идеологию (учение, доктрину). Так, в основе платоновского идеального полиса лежит идея единого (hen), или блага (agathon); ее политическим инвариантом является справедливость (dikaiosunē), а антропологическим — счастье (eudaimonia). В самом деле, как говорит Е.Н. Трубецкой, «нет большего зла для

---

¹ Фурсов А. «Нормальная наука» versus «аналитика» // Свободная мысль. 2013. № 2. С. 17–18.

государства, чем раздвоение, и нет большего блага, чем внутреннее объединение. Преимущество идеального государства перед всеми существующими в действительности в том и заключается, что это — *государство единое*, тогда как прочие государства заключают в себе начало раздора-раздвоения. Оттого-то оно, несмотря на свои незначительные размеры, должно обладать могуществом, неслыханным у варваров и греков, и быть непобедимым»¹.

Понятие политического идеала обычно применяется по отношению к теориям, учениям конкретных политических мыслителей, идеологиям, направлениям политической мысли; что же касается страны, государства, нации — по большей части говорят о национальной идее и национальном идеале. Как соотносятся эти понятия и какое место занимает здесь идеология? «**Национальная идея**, — пишет Е.Н. Моцелков, — это "единичная" сущность данной нации и данного национального государства *на конкретном историческом этапе* развития, а точнее — в данном историческом контексте развития. Национальных идей не может быть много, их не может быть даже две. Она всегда одна, отражающая главную характеристику, сущностную черту данного национального бытия. По большому счету — это **общепринятая идея единого, целостного существования национального государства**. Отсюда только и вытекает, формулируется национальный идеал как *совершенный образ будущего* данной нации, данного национального государства, образ, в котором кристаллизуются как общечеловеческие, так и специфические национальные характеристики...» (курсивы мои — А.Н.). — В итоге «получается такая цепочка: национальная **идея** (национальный **идеал**) — национальная (государственная) **идеология** — национальные **концепции, доктрины, стратегии** обеспечения и развития страны и народа. Это может действовать только в такой последовательности (первое определяет второе, второе — третье), звенья нельзя переставить местами или удалить какое-то звено»².

Если идеология опирается на соответствующий политический идеал и на веру, и иных оснований может больше не иметь, то политический идеал должен иметь философское обоснование, — у Платона это показано необычайно ярко. Так и П.И. Новгородцев, рассматривая

---

¹ Трубецкой Е.Н. Социальная утопия Платона. М., 1908. С. 59.

² Моцелков Е.Н. Государственная идеология в России: конфликт прошлого и настоящего // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова, О.Ю. Бойцовой, В.Н. Рассторгуева. М., 2015. С. 130–131.

«понятие абсолютного идеала в качестве исходного и руководящего начала общественной философии», утверждает: «Необходимо иметь перед собой такой идеал для того, чтобы в свете его созерцать прогресс общественных форм, чтобы иметь критерий для различения вечных святынь от временных идолов и кумиров, чтобы знать направление, в котором следует идти. Необходимо иметь уверенность, что этот идеал есть не отвлеченная норма, предносящаяся человеческому уму, а живая сила, обладающая высшей реальностью...»¹.

Политический идеал Америки — это сама Америка, в единстве своего устройства и всех атрибутов, в единстве саморазвития, включающего будущее состояние; величие Америки — в ней самой: по сути она — платоновское государство, являющееся идеалом и целью саморазвития. В согласии с идеей П.И. Новгородцева о принципиальной неосуществимости абсолютного идеала, можно сказать, что эта идеальная Америка является для Америки реальной перспективой и пределом развития, эталоном, сверхисторической целью, — и также, если угодно, высшим политическим принципом. В содержательном плане при всем огромном различии в понимании идеала П.И. Новгородцевым, и в том, как идеал понимался — пусть даже, как правило, интуитивно — американцами — все же можно найти некоторые моменты, в которых оба этих понимания, принцип личности и принцип страны-мессии, сближаются. В главном же, конечно, эти принципы расходятся: так, во-первых, и это самое важное, П.И. Новгородцев высказывается категорически против отождествления идеала с национальной миссией какого-либо народа: «Идея избранничества и высшего предназначения, ставящего данный народ выше всех других, идея преимущественных прав на абсолютное царство духа есть только особая форма абсолютизации исторических явлений, и в этом смысле она не может иметь никакого философского оправдания». — Во-вторых, философ отстаивал постулат, гласящий, что «следует признать безусловно неправильным, когда высшую форму нравственного развития пытаются связать с каким-либо конкретным историческим явлением, будет ли это церковь, государство, народ или что-либо иное в этом роде. Все это будет незаконной абсолютизацией относительных форм»².

Географическое положение прежде всего, но также и некоторые другие факторы (в том числе политическое устройство), — пусть и с определенными оговорками, но гарантировали США от распада и

---

² *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 117.

внешней угрозы, предоставляя Америке *чувство* почти абсолютной уверенности в нерушимости своего единства (чего никак не скажешь о других странах) и в возможности создавать и осуществлять амбициозные и рассчитанные на долгое время планы, т.е. уверенность в вечности Града на Холме («perpetual state» отцов-основателей¹). В этом-то и состоит «американская исключительность» — во многом обоснованный исторический оптимизм, «счастливая судьба Соединенных Штатов, их уверенность в завтрашнем дне (пришедшая, правда, лишь со временем, но затем уже никогда не покидавшая их), мало побуждавшие к размышлениям о превратностях истории...»².

О специфическом «американском везении» говорит А.С. Манькин: «В отличие от европейских стран “взросление” США как государства протекало в более благоприятной внешней обстановке. Америка вплоть до второй мировой войны практически не испытывала какой-либо реальной угрозы своему суверенитету, а те войны, в которых она участвовала, не только не подрывали ее экономику, но даже оборачивались солидными дивидендами»³. Британский историк Пол Кеннеди пишет: «...Необходимо признать, что своим возвышением Америка обязана не столько таким протестантским этическим нормам, как упорная работа и честная жизнь, — сколько целому “букету” географических и технических факторов. Под защитой Атлантического океана и британского военно-морского флота от серьезной угрозы иностранной агрессии США смогли направить свою энергию на мирные нужды на протяжении почти всего XIX века. <...> Держась в стороне от политических споров Европы, США наживались за счет широких экономических связей с ней... Взамен они получали новую европейскую технологию... Две мировые войны способствовали усилению этих тенденций. С одной стороны, они ослабили эко-

---

¹ Отцам-основателям Америки, пишет Х. Арндт, было присуще «настойчивое желание гарантировать стабильность и долговечность новому творению, придать каждому фактору политической жизни статус “прочного института”», — отсюда и «озабоченность *perpetual state*, “долговечным государством”». — За всем этом, продолжает философ, «стояло глубоко прочувствованное желание Вечного Града на земле и плюс к нему убеждение, что “правильно организованная республика (*commonwealth*) может при всех ее внутренних условиях быть столь же бессмертной и долговечной, как Мир”» (Арндт Х. О революции. М., 2011. С. 318–319).

² Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 13.

³ Манькин А.С. Наследие американской революции: консервативная интерпретация // Проблемы американистики. Вып. 8: Консерватизм в США: прошлое и настоящее / Под ред. Е.Ф. Языкова. М., 1990. С. 139.

номику стран Европы, отвлекая львиную долю их ограниченных ресурсов на производство оружия, а с другой — ускорили разработку доселе нетронутого потенциала Северной Америки для военных целей. После 1945 года США оказались на особом положении. Они стали обладателями более чем половины производственных мощностей западного мира и сделали крупнейшие вложения в новые предприятия»¹. Таковы, в самом общем виде, причины возвышения Америки среди других стран и народов западного мира, — конечно, тут были поводы для исторического оптимизма. В особенности следует, как хорошо видно из вышесказанного, отметить роль фактора неучастия (до определенного момента) «в узловых пунктах мировых противоречий», благодаря чему, по мнению идеологов «американской исключительности», «американский капитализм, начав развитие в особых условиях, не известных остальному миру, оказался единственной формой капитализма, обеспечившей к середине XX века возникновение прообраза цивилизации будущего, эталона ”идеальной” организации человеческого сообщества»².

Вера, чувство, преображение, величие, оптимизм и счастье при *novus ordo seclorum* — как тут не вспомнить слова П.И. Новгородцева: «Вдумываясь в понятие *абсолютно осуществленного* идеала, мы должны сказать, что оно становится ясным лишь тогда, когда сочетается с верой в чудо всеобщего преображения. Поскольку речь идет о целостном осуществлении идеала, очевидно имеется в виду выход из естественных условий в сверхъестественные, когда действительно откроются ”новое небо и новая земля”»³. Ясно, что такого рода идеал может находить свое выражение не в какой-либо отдельной (или в каких-либо отдельных) концепциях, теориях, трактатах, направлениях мысли, но должен быть представлен во всей магистральной доктринально-идеологической линии американской мысли; это не «тренд» отдельного исторического периода, но общая интуиция всей политической мысли этой страны в контексте ее исторического развития, «генеральная линия» всего философско-политического и доктринально-идеологического движения истории Америки.

Идеал — «единое» (*ex pluribus*) — если следовать этим взглядам и интуициям, также является и целью: мир движется к единству и в

---

¹ *Кеннеди П.* Об упадке Америки // «Американская модель»: с будущим в конфликте / Под общ. ред. Г.Х. Шахназарова. М., 1984. С. 48–49.

² *Хромущин Г.Б.* Эволюция буржуазной социально-экономической доктрины «американской исключительности». Автореферат дис. ... докт.экон.наук. М., 1968. С. 8.

³ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 57.

перспективе Америкой будет весь мир (или весь мир будет Америкой); этот идеал единства является и целью устремлений Евросоюза (но едва ли достижимой, разве что в весьма отдаленном будущем). «США как государство, — утверждают авторы доклада «Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование», — уже в самом себе есть прообраз либерального человечества — Соединенных Штатов Мира. Штаты в США не воюют между собой, поэтому мир должен воцариться и в масштабе всей планеты, где государства станут Штатами, тем более, что в английском языке это одно и то же слово — State (означает и государство, и штат). В этой исторической оптике США больше, чем государство — это прообраз будущего устройства всемирного гражданского общества. Значит, США — не просто силовой, но смысловой, идейный авангард Запада, это будущее Запада, где исполнение высшей цели развития уже достигнуто»¹. Г.Б. Хромушин, анализируя концепции США как «образца будущей всемирной цивилизации», подчеркивает: «Именно это общество, провозглашают идеологические центры американских монополий, стало сегодня всемирным факелом, вершиной процесса человеческой модернизации, тем экономически-социальным и моральным эталоном, к которому, хотя бы того или нет, неизбежно придут все остальные страны»².

Это будущее «мировое государство» («всемирная федерация», «атлантический союз», «сверхгосударство» и т.п.³) как финальная цель усилий — является в платоновском смысле не меньшей реальностью, чем текущее положение (причем ни практико-политические моменты реализации цели, ни даже понимание ее недостижимости не имеют значения)⁴. Будущее мироустройство, исходя из всего этого

---

¹ Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование. Совместный доклад аналитического центра Katehon и РИСИ // katehon.com/ru/content/amerikanskaya-ideologiya-i-pretenzii-ssha-na-globalnoe-dominirovanie.

² *Хромушин Г.Б.* Эволюция буржуазной социально-экономической доктрины «американской исключительности». Автореферат дис. ... докт.экон.наук. М., 1968. С. 10.

³ «Поскольку, — цитирует А.Н. Яковлев одного из идеологов «мировой гегемонии», — мы «оказались в позиции», обязывающей нести тяжелое бремя ответственности за судьбы человечества, необходимо в качестве первого шага создать «мировое государство». Назвать его можно по-разному: «ограниченная федерация», «атлантический союз», «федерация свободного мира», «региональная федерация», «сверхгосударство». Но суть одна: будущее общество должно быть построено по образцу США и обладать силой «федерального правительства Соединенных Штатов»» (*Яковлев А.Н.* Pax Americana. Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969. С. 219).

⁴ Равным образом и для Платона проблема воплощения идеального полиса в конкретике, или, как говорят, «в железе», едва ли имела особое значение. Нуждается ли идеал, «философское государство», в принципе в каком-либо воплощении?

и согласно идеям всех апологетов и «жрецов» американского величия, — это гегемония и/или доминирование США в мире. И это грядущее состояние — законно, закономерно и неизбежно, ибо ведет к будущему мировому единству; в этом плане идеал, в согласии с логикой истории и политики, как и с платоновскими политическими интуициями, безусловно предшествует практике, целям и интересам, и определяет их. Во всяком случае, полагали идеологи и политики Америки, если какая-либо страна и может в перспективе быть мировым гегемоном (или, еще лучше, стать мировой империей), то это — Америка. — И это так, ибо прежде всего Америка сама является идеалом политического развития, — и вследствие этого воплощает все политические и иные идеалы в наибольшей степени; распространение же своей власти на весь мир будет гарантировать защиту и

Уместно ли «прикидывать», как могло бы функционировать это философское государство, если бы было построено в определенном соответствии с принципами, которые выстраивает Платон в «Государстве»? Ответ на этот вопрос попросту не нужен — мало что значило бы, будь оно построено, по сравнению с самой моделью, построенной в мире идей. При всей склонности Платона к практическим экзерсисам — это, и только это важно: « — Понимаю: ты говоришь о государстве, устройство которого мы только что разобрали, т.е. о том, которое находится лишь в области рассуждений, потому что на земле, я думаю, его нигде нет. — Но может быть, есть на небе его образец, доступный каждому желающему: глядя на него, человек задумывается над тем, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле и будет ли оно — это совсем неважно» (IX 592a-b). При этом нельзя назвать проект Платона *нереальным* — скорее наоборот, идеальный полис Платона является реальным в высшем смысле, в каком подлинным бытием обладают идеи, в отличие от всего брэнного. Также будет не совсем правомерно называть идеальное государство Платона утопией, равным образом как и «воображаемым», «фантастическим» проектом, ибо проект «начертан на небе» (в умном мире), и постигается не воображением, а высшего рода познанием — созерцанием идей. Таким же образом совершенно уж неправомерно считать платоновский проект идеализацией какого-либо реально существовавшего в те времена строя. Для Платона, справедливо утверждает Д.В. Бугай, «первично и истинно не осуществление задуманного, не практический поступок, но как раз рассуждение и речь. Поэтому рассуждения об идеальном обществе и идеальном человеке для реалистических критиков — пустые слова, тогда как для Платона пустоту стоит искать скорее в бессмыслице эмпирической практической жизни, а вот рассуждение может коснуться самой истины. <...> Поэтому образ идеального полиса, созданный в рассуждениях, имеет больше истины в себе, чем полисы, которые мы видим и осязаем. <...> Одним словом, вопрос о возможности осуществления хорошего полиса вторичен по отношению к его функции идеала, образца, "парадигмы". В логическом изображении образца — главная задача диалога, его истина, как выражается Платон. Вопрос о возможности его осуществления не затрагивает самой природы образца. Он остается образцом для нашей жизни независимо от того, осуществлен он или нет» (Бугай Д.В. Единство платоновского «Государства». М., 2016. С. 241).

развитие самой совершенной, гуманной, благородной и пр. страны, — как говорится, *magnus ab integro saeculorum nascitur ordo*.

В работе «Америка» Ж. Бодрийяр описывает чувство любования американцами своей «воплощенной утопией», выражая вполне серьезное отношение к этой вере: «Идиллическая убежденность в том, что они — центр мира, высшая сила и безусловный образец для подражания — не такое уж заблуждение. Она основана не столько на технологических ресурсах и вооруженных силах, сколько на чудесной вере в существование воплотившейся утопии — общества, которое с невыносимым, как это может показаться, простодушием, жидется на той идее, что оно достигло всего, о чем другие только мечтали: справедливости, изобилия, права, богатства, свободы; Америка это знает, она этому верит и, в конце концов, другие тоже верят этому»¹. Вудро Вильсон, положивший начало практическому воплощению мечты о мировом господстве Америки и уверенный в то, что «миром правят идеалы», нисколько не сомневался и в том, что «только Америка является идеальной страной»². Смысл всего этого — в том, что Америка не *обладает* идеалом, а скорее *является* им, — и эта мысль в разных вариациях и ракурсах озвучивалась американскими мыслителями: так, к примеру, рассказывает В.Л. Иноземцев, Ричард Хофстедтер утверждал, что предназначение Америки — «не обладать идеологией, а быть таковой», а англичанин Г. Честертон называл американцев «нацией с душой церкви»³. Часто (и в определенном смысле вполне правомерно) идеалом — а иногда и идеологией — называют Декларацию независимости и/или Конституцию США: так, к примеру, Пол Холландер приводит мнение одного американского ученого, который ставит знак равенства между «государственной идеологией США» и Декларацией независимости (и Биллем о правах)⁴.

Под центральную *философскую* идею⁵ Америки как идеала в качестве необходимого разъяснения (прежде всего в отношении обос-

---

¹ Цит. по: *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 12.

² *Гершов З.М.* Вудро Вильсон. М., 1983. С. 265.

³ *Иноземцев В.Л.* Книгочей. М., 2005. С. 108.

⁴ См.: *Холландер П.* Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб., 2000. С. 714.

⁵ Удивительный парадокс: самая антиинтеллектуальная и нефилософская страна («наиболее радикально нефилософская страна в мире», по выражению А. Кожева, — *Арон Р.* Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М., 2002. С. 110) построена на философском фундаменте.

нования своего рода ее «законности») подверстываются религиозные «обоснования»¹, — на самом деле громкие фразы о «богоизбранности», «особой миссии», «судьбе», «Граде на Холме», «явном предначертании» и пр. (специфическая «политическая религиозность»), — все это не более чем дополнения и толкования изначального принципа, и вся эта религиозно-фаталистическая трескотня (вообще американцы — большие любители громких и красивых фраз, слов и выражений рекламно-пропагандистского типа) не должна смущать, даже если и представляются фарисейской и лицемерной². Здесь проявляется, с одной стороны, стремление государства к самоэкспансии при отсутствии препятствий; с другой же — то религиозное значение, которое приписывается совершенному (или считающемуся таковым) обществу. Говоря словами П.И. Новгородцева, «совершенному обществу приписывается значение высшей нравственной основы, которая дает человеку и полноту бытия, и смысл существования. Общественное начало получает абсолютный характер. Преданность обществу заменяет религиозное стремление, обетование земного рая ставится на место религиозных чаяний»³.

Политический идеал и Американская революция

Американский идеал формировался и конституировался с самого начала истории Америки, и важнейшим ключевым событием является Американская революция, которая, согласно Х. Арндт, «в значительной мере была не только основанием нового государства, но и началом особой национальной истории»⁴. — «...Революция дала

---

¹ Так, когда Сэлмон П. Чейз, оценив идею одного священника, решил, что национальная валюта должна свидетельствовать о набожности американцев, монетный двор внес предложение выбить слова «Наша страна — наш Бог»; Чейз настоял на своем варианте «In God We Trust» (см.: *Гудвин Дж.* История доллара. М., 2016. С. 305).

² Вообще не стоит преувеличивать роль религии в Америке: «Религия в США характеризуется крайней заземленностью, направленностью на секулярные посягательства на проблемы. Более того, как правило, религиозность американцев вполне обоснованно подвергается сомнению, поскольку она лишена подлинной преданности религиозной вере. Характерно, что в американскую мифологию "успеха" составной частью была включена в секуляризованном виде односторонне трактуемая пуританская доктрина "призвания". В этой трактовке трудолюбие и успех в бизнесе провозглашались средством служения богу, а успех или неуспех в экономической деятельности — ключом к пониманию духовного состояния индивида» (*Гаджиев К.С.* Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990. С. 50).

³ *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 42.

⁴ *Арндт Х.* О революции. М., 2011. С. 294.

жизнь Соединенным Штатам и... республика возникла не в результате некоей исторической необходимости или естественного развития, но как результат сознательного акта: основания свободы»¹. Основание — или скорее *утверждение* — свободы как принципа было одной из основных идей этой революции. Как известно, то *событие*, которое названо Американской революцией, не было похоже на другие революции. П.Г. Мижуев, называя Американскую революцию «расколом англо-саксонской расы на два независимых политических целых», пишет: «Русское общество... склонно представлять себе американскую революцию, как *массовое* движение всего народа, доведенного до крайности *нестерпимыми притеснениями* правительства метрополии». — Это неверно, и в особенности в части «притеснений», как, впрочем, и вообще в смысле какого-либо ущемления свободы. — «Напротив, можно с большими основаниями утверждать, что в XVIII веке нигде в мире не было народа более свободного, имевшего частью *de jure* и частью *de facto* больших политических и гражданских прав, чем население американских колоний Англии»². — П.Г. Мижуев в своем исследовании перечисляет факты, которые предоставляют возможность убедиться, «как велика была в действительности свобода американских колонистов: — свобода прессы, свобода сходов, свобода ассоциации и обществ — как независима была их выборная администрация, как сравнительно незначительно было фискальное обложение колонистов... Одним словом, американские колонисты в XVII и XVIII веках пользовались у себя дома такими вольностями, такой свободой, которой не удалось достигнуть у себя дома многим народам континентальной Европы даже теперь, на заре двадцатого века» (книга вышла в 1901 году — *А.Н.*)³.

Другая важная особенность Американской революции — особая роль в ней идей, идейной борьбы, и, так сказать, идейного конструирования. В чем же состоит эта особенность? Анализируя литературу по Американской революции, П.Г. Мижуев обращается к работе «Литературная история американской революции» М.К. Тайлера (1897), который утверждает следующее: «...Эта революция в самой сильной степени (*preeminently*) *была порождена* (*caused by*) идеями и никогда не переставала быть борьбой идей (*pivoted on ideas*).

---

¹ *Арендт Х.* О революции. М., 2011. С. 300.

² *Мижуев П.Г.* Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). М., 2015. С. V.

³ *Мижуев П.Г.* Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). М., 2015. С. 60.

Правда, то же самое можно в некотором смысле сказать обо всех революциях; однако в большинстве из них идейные причины в общем сознавались мало, а потому эти причины начинали действовать лишь тогда, когда они уже чувствовались осязательно в виде реальных страданий и притом обыкновенно после того, как эти страдания длились продолжительное время. Так было, напр., с французской революцией. Не так развивалась революция американская. Американский народ не ждал, пока... возможные в будущем бедствия и страдания обратятся в бедствия и страдания действительные, настоящие. Достигнув уже в то время сравнительно высокого политического развития, обладая такой политической прозорливостью... *американский народ восстал не против фактической тирании, а против тирании, ожидаемой в будущем* (anticipated). *Американцы произвели свою революцию не потому, что они действительно уже были страдальцами, а потому что, будучи хорошими логиками, они оказались в состоянии предвидеть, что, если они тотчас не окажут сопротивления, то впоследствии дело дойдет до фактических страданий...*¹.

Важная, если не определяющая, роль идей в Американской революции выразилась в необычайно сильном воздействии политической литературы на американское общество в 60–70-е годы XVIII века и в огромной роли *политико-публицистической борьбы* в предреволюционное время, в ходе революции и в последующие годы. «...В настоящей истории американской революции, — П.Г. Мижув продолжает излагать Тайлера, — герои ее являются таковыми не потому, что они были могущественными министрами, законодателями или генералами; нет, наши герои являются таковыми главным образом потому, что они были писателями: — авторами газетных и журнальных статей, брошюр (памфлетов), песен, рассказов, сатир и, наконец, проповедей в церквях. Изучение трудов этих лиц... может познакомить нас с более тонкими... *менее уловимыми, но не менее глубокими или менее действительными силами, создававшими независимость американского народа*» (курсив мой — А.Н.)².

---

¹ Мижув П.Г. Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). М., 2015. С. 6–7. Ясно, что речь может идти не обо всем американском народе, но о политически активной его части, о «политическом авангарде» (в который включались не только те, кого мы называем «политиками», но и писатели, журналисты, религиозные деятели — выступавшие как прежде всего политические публицисты, авторы воззваний, памфлетов и пр., то есть на «идеологическом фронте»).

² Мижув П.Г. Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). М., 2015. С. 5.

Анализируя работу Ханны Арендт «О революции» (1963), известный неоконсерватор Ирвинг Кристол пишет, что «мир склонен воспринимать американскую революцию в качестве какой-то несостоявшейся французской революции, в то время как отцы-основатели находили причины считать французскую революцию неудачной версией американской...»¹. Дело в том, что смысл Американской революции состоял в установлении нового государственного порядка, в политическом творчестве, утверждении новых политических форм, а вовсе не в разрушении, насилии, терроре (за которыми, безусловно, следует и утверждение нового, но это новое рождается в невероятных муках). Собственно, сама история «устроила» дело так, что и разрушать было нечего, — наоборот, революция была импульсом к «политическому зодчеству». В этом плане, с европейской, да и российской точек зрения, она и революцией-то не была! Практически чистое творчество, без каких-либо «бурных анархических страстей» (Токвиль). Однако Х. Арендт полагает, что, наоборот, именно эта революция и была революцией в собственном смысле слова, тогда как французская и русская приближаются скорее к категории «мятежа».

«Законная революция»? В работе «Консервативное мышление» (1953) известный историк и политический теоретик Рассел Кирк утверждает, что «в целом американская революция не являлась переворотом, она стремилась к восстановлению и консолидации прежних порядков»². Ирвинг Кристол восклицает: «Революция закона и порядка? Что за революция такая, спросим мы у себя. На это многие ответят, что это и была не ахти какая революция, — в лучшем случае, только тень подлинной революции, которая всегда бурна и кровава и разрушительна для тела и души»³. Как современные, так и многие классические политические мыслители и историки вполне разделяют такую оценку. Ханна Арендт говорит, что «этой точки зрения придерживается большинство современных историков, сделавших логический вывод, что в Америке не было революции. Примечательно, что эту точку зрения в той или иной степени разделял и Карл Маркс, видимо, полагавший, что его пророчества относительно будущего капитализма и грядущих пролетарских революций неприменимы к развитию Соединенных Штатов»⁴.

---

¹ Кристол И. К итогам XX века. М., 2014. С. 113.

² Цит. по: Манькин А.С. Наследие американской революции: консервативная интерпретация // Проблемы американистики. Вып. 8: Консерватизм в США: прошлое и настоящее / Под ред. Е.Ф. Языкова. М., 1990. С. 143.

³ Кристол И. К итогам XX века. М., 2014. С. 117.

⁴ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 25.

Несмотря на всю «бурность» французской и русской революций отнесение их к мятежам легко оспорить, т.к. политическое конструирование проявляется как результат той и другой в достаточной мере. В самом деле, Арендт все же чересчур легко выносит вердикт «мятеж»; ее позицию разделяет и Кристол, не замечая при этом некоторых натяжек: «В отличие от мятежа революция — явление политическое. Ее цель — пересмотреть и перестроить политическое устройство общества, и поэтому она движима политическим сознанием, а не политической интуицией. Революция — практическое воплощение политической философии, а отнюдь не экзистенциальный спазм общественного организма»¹. Тут очень хорошо просматривается, что неоконсерватора-публициста пленяет текст Ханны Арендт, и довольно-таки пронизательный Кристол поступает (и весьма охотно) даже исторической логикой: уж отказать французской революции в том, что она была воплощением политической философии, как представляется, довольно сложно! Однако Арендт делает такие выпады с целью заострить тему построения новых политических форм, противопоставляя революционный пафос и насилие (которое, согласно ее идеям, не имеет отношения к *сущности* революции, как, впрочем, и к сущности власти) — основанию нового; отсюда и возвеличивание (вполне обоснованное) Американской революции «с ее главной идеей основание нового государства, новой формы правления»². (О соотношении насилия и революции Арендт говорит так: «...Для характеристики феномена революции насилие уместно не более, чем для описания любого не столь значительного изменения. Только там можно говорить о революции, где насилие используется в целях учреждения совершенно иной формы правления, создания нового государства, где целью освобождения от угнетения является по меньшей мере установление свободы»³.)

Пафос новизны, творчество нового, «творчество свободы» (настоящее, а не риторическое; нет смысла напоминать о том, что риторика свободы составляет львиную часть и французской, и русской *риторик революций*), а не насилие, — вот суть революции: «Только там, где присутствует пафос новизны и где новизна сочетается с идеей свободы, мы имеем право говорить о революции. Из этого следует, что революции представляют собой нечто большее, чем

---

¹ Кристол И. К итогам XX века. М., 2014. С. 118.

² Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 24.

³ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 40.

просто успешно завершившееся восстание, и что едва ли оправданно называть каждый *coup d'état* революцией или усматривать ее признаки в гражданской войне»¹.

Итак, не насилие, а созидание нового в сфере политики является сутью революции, и Американская революция является исключительным подтверждением этого. Что же, собственно, принципиально нового было явлено ею, — и прежде всего в сфере кардинальных принципов политического устройства и форм? Главное, полагает Арендт, — это введение в систему баланса власти, равновесия власти, системы властей, утвержденного Конституцией. Мыслитель справедливо полагала, что власть может быть сдержана только властью, но не законами, не собственно разделением властей и пр., которые являются методами (самой власти), но не какими-то существенными принципами ограничения власти (власть ограничивает себя сама при помощи этих методов, а не кто-то ее ограничивает ими). «Власть может быть ограничена только властью и при этом может сохранять свою силу лишь при помощи власти. Тем самым принцип разделения властей не только обеспечивает гарантию против монополизации власти одной частью государственного аппарата, законодательной или исполнительной, но в действительности устанавливает равновесие, делающее возможным генерирование новой власти, которая в то же время лишена возможности разрастись и расшириться в ущерб остальным центрам или источникам власти»².

Иным, не менее, если не более важным принципом американской революции является разделение источников власти и закона — и установление нового источника закона: «Если народ являлся, так сказать, ”седалищем” власти, то источником закона должна стать конституция, письменно изложенный документ, нечто объективное»³. Разделение власти и авторитета, власти и закона, различение между демократией и республикой — не означало для Арендт противопоставление их: так, в ключевом моменте эти сущности связаны, и связывает их Конституция, — «конечный продукт и изначальная цель всех революций». — «Те, кто получил власть конституировать, творить конституцию, были законно избранными делегатами уже конституированных органов; они получили свой авторитет снизу. Так что, когда они (политики и мыслители Нового Света — А.Н.)

---

¹ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 39.

² Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 207–208.

³ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 215.

твердо придерживались римского принципа, что источником власти является народ, для них это не было фикцией. Народ не был для них абсолютом, наподобие нации, стоящей над всеми авторитетами и свободной от всех законов, но являл собой вполне реальную вещь, организованную множеством, чья власть осуществлялась в соответствии с законами и создавалась ими. Настойчивое различие Американской революцией между республикой и демократией, или господством большинства, зиждется на радикальном различии власти и закона, каждый из которых обладает различными источниками, различными способами легитимации и различными сферами применения»¹.

Однако источник закона — как следует из сказанного — пребывает «сверху, в некоторой высшей, трансцендентной сфере»². Так перед основателями республики (как правления законов, а не людей) встала проблема абсолюта: здесь Х. Арендт приводит затруднение, которое испытывал Руссо — оно «состояло в том, что для того, чтобы не только теоретически найти такую форму правления, которая бы ставила закон над человеком, но и ввести ее на практике, *il faudrait des dieux*, ”нужны были боги”» (или, добавим, нужен был хотя бы Моисей). — Таким образом, «именно Американская революция продемонстрировала, что из... потребностей нужна в ”Бессмертном Законодателе” была наиболее животрепещущей...»³.

Если Декларация независимости была провозглашением идеалов, то американская Конституция стала фундаментом для воплощения единого идеала Америки⁴. «Конституция есть вещь предшествующая государству, а государство — это всего лишь детище конституции», —

---

¹ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 228–229.

² Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 252.

³ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 255.

⁴ «В течение длительного периода, — пишет К.С. Гаджиев, — Декларация независимости стала самым подходящим с точки зрения сплочения нации символом, потому что идейные символы выше материальных, они не ограничены географическими рамками. В этом смысле она могла соперничать даже с конституцией, поскольку легалистский тон последней не совсем соответствовал атмосфере энтузиазма в вопросах, касающихся революции, индивидуальной свободы и народного суверенитета. Как отмечал Р. Гэйбриэль, ”Декларация независимости не была законом, а представляла собой скорее риторику, блестящую риторику”». — И далее интересный факт: «Декларация независимости стала образцом программных документов... Так, например, когда в 1841 г. было организовано движение за трезвость, его сторонники обнародовали ”вторую декларацию независимости”, которая начиналась с перефразированного выражения Декларации независимости: ”Мы считаем эти истины очевидными, что все люди созданы трезвыми”» (Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990. С. 147).

сказал Томас Пейн¹. Конституция, собственно, и стала реализацией идеи божественного законодательства: Конституция — как источник и основание нового политического организма, точка отсчета истории республики. *Демииургом* американской Конституции был народ (хотя и Декларация независимости, и Конституция США были написаны юристами)², но этот акт был произведен как бы по божественному вдохновению, имел божественный *источник*; здесь прагматизм, ценности Просвещения и религия сливаются воедино; религия при этом прагматизируется: «Если отношение американцев к революции и Конституции вообще может быть названо религиозным, то слово "религия" должно быть понято в исконно римском смысле, в каком оно первоначально не означало ничего большего, чем *religare*, связывание себя с началом, подобно тому, как римское *pietas* состояло в связи с началом римской истории, основанием Вечного города»³. С этой точки зрения нет ничего удивительного и скорее вполне логично то, что место *монарха* в сознании американцев было замещено *законом* (ясно, что и тот, и другой могут иметь только божественное происхождение и сами являться близкими к божеству инстанциями). «Король наш, — сказал Томас Пейн, — есть и будет закон!» — И далее, продолжал он в своем скорее трактате, нежели памфлете «Здравый смысл»: «Пусть ее (Конституцию — *А.Н.*) всенародно возложат на алтарь, как божеский закон, как слово божие; пусть на нее возложат также корону, чтобы весь мир знал, что в Америке монархом является закон. В самом деле, если в абсолютных правительствах король играет роль закона, то в свободных странах закон должен играть роль короля, и никакого другого короля там быть не должно»⁴.

---

¹ См.: Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США. М., 2016. С. 229.

² «Для американцев, — пишет Гордон С. Вуд, — конституция была чем-то фундаментальным. Это был письменный документ, который имелся в каждой семье и который носили с собой, как Библию, чтобы цитировать и ссылаться на него, статья за статьей. Такая конституция никогда не могла быть актом законодательного органа власти; она должна быть актом самого народа...» (Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США. М., 2016. С. 229).

³ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 274.

⁴ Цит. по: Мижуев П.Г. Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). М., 2015. С. 136–137. Роль памфлета «Здравый смысл» в Американской революции непропорционально огромна для такого рода произведений, и здесь сложно привести подобный пример из европейской истории, когда литературное творение с таким эффектом и скоростью катализировало бы столь масштабное политическое событие. П.Г. Мижуев пишет: «Памфлет Пэна вышел в январе 1776 года, а в июле того же

Здесь скрыты истоки очень характерного мифа об особой роли Верховного Суда США (Supreme Court of the United States). Ю.Э. Корнилов и Г.А. Шишкин приводят этот миф вместе с его разоблачением в изложении одного английского журналиста: «Есть миф, который безгранично взлелеян многими американцами, а именно миф о том, будто их правительство основано на власти закона, а не на власти людей, а функция Верховного суда состоит в том, чтобы толковать конституцию беспристрастно и с юридической точки зрения именно так, как предусмотрели в конституции отцы-основатели, в силу чего Верховный суд находится над политикой». — Конечно, «ничего не может быть дальше от истины. В действительности Верховный суд не только не "стоит над политикой", но, напротив, находится в центре этой политики, а все его девять членов, так или иначе, служили или служат практической политике...»¹. Учитывая тем не менее, что в сознании американцев «монархом является закон», а не президент, капитал и пр., — истоки мифа о *силе* Верховного Суда следует признать довольно-таки логичными и прочными.

*Проблемы воплощения идеала:
от Вильсона до неоконсерваторов*

Идеи и мифы об особой миссии и исключительности начали свое «хождение» в Америке едва ли не с XVII века, а миф о «явном предначертании» как «политическая транскрипция американской исключительности» (Э.Я. Баталов) обрел свою силу в первой половине XIX века², — но практическая реализация «миссии» началась лишь тогда, когда внутренние силы и международная обстановка позволили начать, — во время президентства Вудро Вильсона. Безусловно, к этому времени американские элиты настолько прониклись *верой* в исключительность и *уверенностью* в превосходстве, что никаких сомнений в

года последовала торжественная декларация независимости, которой конгресс бесповоротно повел дело к политической самостоятельности Америки. Мы видели, как медленно, как неохотно склонялись американцы к этому решению и, если, наконец, в настроении американцев наступила решительная перемена, то одной из причин — такого поворота общественного мнения было появление знаменитого памфлета Пэна. <...> Таким образом, памфлет Пэна принадлежит к числу тех — правда редких — литературных произведений, на примере которых может быть доказано очевиднейшим образом, что часто "слово" не только не может быть противоположаемо "делу", но само по себе составляет одно из величайших по своему влиянию "дел"» (С. 41).

¹ Корнилов Ю.Э., Шишкин Г.А. Кто правит Америкой? М., 1986. С. 120.

² См. об этом: Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009. С. 263.

правомерности крестового похода во имя распространения своих (но понимаемых как общезначимые) ценностей и передела мира по американским планам — в большинстве своем не испытывали. (Конечно, в плане продвижения американских планов «гегемонии» мало кто может быть поставлен рядом с 28-м президентом США, однако тем не менее нельзя забывать и о роли Теодора Рузвельта, с именем которого связывают тот поворот во внешней политике Америки, который явил миру «новую глобальную вовлеченность США»¹.)

Это *состояние* веры в превосходство и неизбежное торжество идеала прочитывается в работе Киссинджера, описывающего вильсоновский переход от изоляции к принципам интервенционизма: «Заявив о себе на международной арене, Америка не желала довольствоваться ролью лишь одного из многих государств, преследующих свои национальные интересы. Доктрина Вильсона отвергала такое моральное равенство, которое ставило бы Соединенные Штаты в один ряд с другими государствами. По Вильсону, у Америки более высокое нравственное призвание: переделать мир по своему образцу и подобию». — И далее Киссинджер говорит о том, что дело не в превосходстве идеала (в этом сомнений не было уже задолго до Вильсона), а в появившейся возможности этот идеал начать продвигать в мире: «...Вопрос о применимости американской модели к остальному миру занимал Америку и прежде — со времен основания республики; Вильсон же прямо заявил о возможности крестового похода во имя распространения американских идей и ценностей, который предполагалось осуществить с помощью активной внешней политики». — Удивительно при этом, что у Вильсона нашлись оппоненты, которые, по словам Киссинджера, «верили, что глобальную миссию Америка лучше всего осуществит, совершенствуя [государственные и общественные] институты у себя дома»², — и это в то время, когда исторические условия, силы и финансы впервые позволили приступить к строительству нового миропорядка! «Вильсон, —

---

¹ Уткин А.И. Теодор Рузвельт: Политический портрет. Свердловск, 1989. С. 115. — И далее: «Став президентом, Т. Рузвельт произвел "тихую революцию" в идейных основаниях американской внешней политики. До него внешнеполитический курс определялся прощальным посланием Вашингтона: сохранять независимость от Европы и помогать в этом латиноамериканским странам. Рузвельт поставил целью добиться руководства общим мироустройством. Политическая ось сместилась с латиноамериканского направления на европейское» (С. 116).

² Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 274.

пишет В.В. Романов, — неоднократно подчеркивал свое убеждение в том, что никто кроме Соединенных Штатов не сможет добиться окончательной победы над авторитаризмом и ”сделать мир безопасным для демократии”». — Таким образом, новый миропорядок задумывался Вильсоном «исключительно как миропорядок по-американски, миропорядок, который стал бы воплощением ”американской мечты”»¹. При этом Вильсон «выступал за экономическую и идеологическую экспансию США. По мнению Вильсона, она являлась наиболее верным *средством обеспечения доминирующего положения США в мире*» (курсивы мои — А.Н.)².

С особой силой и даже некоторым фанатизмом *догма* Америки как идеала, в концептуально-политическом и особенно идеологическом плане развитая В. Вильсоном, проводится американскими неоконсерваторами, продолжателями «активной наступательной политики à la Рональд Рейган»³, которые «видели в США не только государство, но и идеал социально-политического устройства, а в американской идеологии — основу для организации миропорядка в целом»⁴. Вильсон — при всей ясности гегемонистских интенций своей внешнеполитической линии — все же апеллировал к морали и религии, этике долга и альтруизму (пусть даже этот альтруизм был *несколько навязчивым*). «Американские интересы Вильсон видел не столько в экономической экспансии, сколько в том, чтобы демонстрировать всему миру альтруизм США. Главной обязанностью американцев он считал сохранение чистоты своих идеалов, демонстрацию эффективности демократии не только у себя дома, но и по всему миру»⁵. Что же касается неоконсерваторов, — им свойственна особого рода бесцеремонность; невосприимчивость к любого рода критике, понимание критики в свой адрес как нападения, как акта враждебности⁶; ничем не прикрытая агрессия; злобная трескучая ри-

---

¹ Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.–Тамбов, 2005. С. 100.

² Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983. С. 202.

³ Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 66.

⁴ От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтовский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005. С. 151.

⁵ Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.–Тамбов, 2005. С. 37.

⁶ Как тут не вспомнить слова Фулбрайта: «Критиковать свою страну — значит уважать ее и оказывать ей услугу. Критика — это услуга, потому что помогает сделать страну лучше, чем она есть. <...> Критика может обескуражить лидеров стра-

торика, фанатичная уверенность в «колоссальной силе США» и примитивность аргументов в защиту «глобальной гегемонии» и «нового американского века»¹. (При этом вся их «лихая трескотня» и несдержанность представляется скорее маскировкой растерянности, нервозности, неспособности выстроить линию дальнейшего продвижения интересов Америки — так что «победа в Холодной войне» для Америки в итоге представляется не такой уж и блестящей².)

В знаменитом «Проекте Нового Американского Века» (1997) проводится старая идея безусловного американского лидерства, однако истеричность достигает высоких пределов, — авторы, повторяя старые штампы, довольно косноязычно заклинают сами себя: «Мы должны... бросить вызов режимам, которые не принимают наших интересов и ценностей», «Мы должны взять на себя ответственность за особую роль Америки в сохранении и распространении международного порядка, благоприятного для нашей безопасности, нашего процветания и наших принципов»³, и т.д. По заключению Э.Я. Баталова, в документе нарисован мир будущего, «в котором нет ни реального равенства, ни реальной конкуренции, ни реального свободного рынка, ни реального свободного выбора, ни терпимости. Это мир *тотального монопольного господства Соединенных Штатов Америки*»⁴.

ны на краткое время, но усилить их позиции на многие годы; она может привести к разногласию по вопросам конкретной политики, но к согласию принципов. <...> Короче говоря, критика эта больше, чем право, это — акт патриотизма; по-моему, это более высокая форма его проявления, нежели знакомые ритуалы национального приспособленчества» (*Фулбрайт Дж. У.* Самонадеянность силы. М., 1967. С. 33).

¹ «Аргументы защитников идеи "второго американского века", — пишет Э.Я. Баталов, — просты, если не сказать примитивны. В обобщенном виде они выглядят следующим образом. 1) Сегодня Америка сильна, как никогда и далеко превосходит другие великие державы (в некоторых случаях вместе взятые) по многим параметрам силы и прежде всего силы военной. 2) Динамика мирового развития такова, что появление полноценных конкурентов Америки в обозримом будущем не предвидится. 3) Мир остро нуждается в "просвещенном руководстве", а выступить в роли глобального лидера XXI века способны только США» (*Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 67).

² «В конечном счете, — справедливо предупреждает А.С. Панарин, — это грозит Америке положением, в котором не раз оказывались мировые победители: одинокой силы, которую подстерегает исторический случай — тот самый, которого даже внешне подобострастное окружение тайно, но напряженно ждет» (*Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 237).

³ Цит. по: *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 67.

⁴ *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005. С. 67.

А.С. Панарин, анализируя деятельность новых американских «профессиональных стратегических аналитиков», оценивая их заявления и поведение в сравнении с идеологами и доктринерами «блоковой системы», и задумываясь о причинах столь разительных перемен, констатирует, что «морального авторитета Америки хватило бы еще на долгие годы, если бы она действовала в прежней системе мировых сдержек и противовесов, обязывающей к корректности и взвешенности. Нынешние обескураживающие открытия Америки как бесцеремонной силы, насаждающей в мире диктат и двойные стандарты, откровенно попирающей права слабых и незащищенных, наказывающей по своей прихоти и под надуманными предложениями целые народы, оказались возможными лишь в ситуации, когда США выступили в роли победителя и безраздельного гегемона»¹. При этом, помимо всего иного, нельзя не предьявить неоконсерваторам и обвинения в популизме, в потакании специфическим настроениям безнаказанности и безответственности, — поэтому не все заявления бесцеремонных политиков и идеологов США и не во всем стоит воспринимать всерьез. Как тут не вспомнить слова Дж. Кеннана, который, характеризуя американских государственных деятелей, отмечал их склонность «делать заявления и совершать те или иные акции, исходя не из последствий для международных дел (чего следовало ожидать), а из реакции на них американского общественного мнения и в особенности — конгресса. Политиков интересует, выглядят ли они внутри страны достаточно профессиональными и отстаивающими национальные интересы, пусть их действия и не приносят особой пользы этим интересам»².

Биполярная геополитическая система была, по выражению В.Н. Расторгуева, «самым крупным из осуществленных мировых проектов за всю историю человечества»³, но лишь немногие из американских мыслителей, исследователей, политологов поняли, чем была гегемония Америки, чем она может быть в принципе, и как возможна ее реализация; что, собственно, было утеряно с распадом биполярного

---

¹ *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 237.

² *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 40–41.

³ *Расторгуев В.Н.* Социальная реконструкция в современном мире: идеалы и реальность, цивилизационная миссия России // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ.* Вып. 7. Общественные идеалы и реальное общество. К 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой. М., 2016. С. 95.

мира, и чем эта потеря грозит Америке в недалекой перспективе (одним из самых серьезных и ярких исследователей причин крушения американского гегемонизма был и остается И. Валлерстайн¹, одним из первых, если перефразировать выражение Хабермаса, «почувявший важное»). В рамках «западного блока» американское лидерство представлялось (да и было) естественным и, что важно, легитимным; обоснования этой легитимности вытекали из самой сути глобального противостояния блоков, своего рода мировой системы «глобального оппонирования»: так, американский историк и политический публицист Роберт Кейган пишет: «На всем протяжении "холодной войны" легитимность американской силы и глобального лидерства в значительной степени казалась самоочевидной, и причем не только американцам». — Помимо иных факторов, сама «"биполярная" международная система времен "холодной войны" обеспечивала то, что можно было бы назвать структурной легитимностью»². — Более того, нельзя не признать определенную степень полезности и, если угодно, *благодарности* американского лидерства в рамках западного блока: как справедливо утверждает Эмманюэль Тодд, «мы обязаны признать, если хотим понять последующие события, что эта гегемония в течение многих лет была благотворной. Без признания в основном благотворного характера американского господства в 1950–1990 годы мы не сумеем оценить значения последующего перехода Соединенных Штатов из состояния полезности для мира в

---

¹ Концепция утраты Америкой мирового лидерства с середины 70-х годов XX века — изложена Валлерстайном в кн.: *Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World.* N.-Y.; L., 2003; об этой книге см.: *Баталов Э.Я.* Долгое соло Валлерстайна // *Международные процессы.* 2003. № 3. «Большинство аналитиков, — пишет Валлерстайн в одной из относительно недавних работ, — утверждает, что США находились в зените своего могущества после 1991 года, когда мир перешел к однополярности от биполярной структуры, существовавшей во времена "холодной войны". Однако подлинная сущность процесса видится нам обратной. Соединенные Штаты являлись единственной господствующей (в рамках Запада — *А.Н.*) державой с 1945 по 1970 годы, после чего их влияние стало ослабевать. Основной удар по мировому господству США нанес распад Советского Союза, а вторжение в Ирак в 2003 году привело к тому, что медленное ослабление переросло в ускоренное падение. К 2007 году США потеряли свой авторитет не только экономического и политического лидера мировой системы, но и доминирующей военной державы» (*Валлерстайн И.* Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // *Закат империи США: Кризисы и конфликты / С предисл. Б. Кагарлицкого.* М., 2013. С. 19).

² *Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004. С. 108–111.

состояние ненужности, бесполезности и вытекающих из этого кульбита трудностей как для них, так и для нас»¹.

При всем вышесказанном, однако, уход в прошлое блоковой системы для ряда влиятельных американских идеологов (если угодно, для большинства «идеологов у власти») был не поводом задуматься над судьбами влияния США в мире, но, наоборот, сильнейшим подтверждением превосходства Америки и ее ценностей: «...Сформировались представления о том, что в холодной войне США победили не только как государство, но и как носитель определенной системы ценностей: индивидуализма, религии; свободы предпринимательства; принципов политической демократии»². Однако все же «победа» оказалась, по большому счету, преждевременной и нежелательной³, ведь, по словам Кейгана, «в конце "холодной войны"... столпы американской легитимности рухнули вместе с Берлинской стеной и статуями Ленина, и в эпоху, наступившую после ее окончания, никакой замены им не появилось», — и по истечении достаточно короткого времени «относительная стратегическая независимость европейцев заставила многих отказаться Америке в легитимности, которую они некогда сами же ей и предоставили»⁴.

Американские идеологи и стратеги не смогли адекватно подстроить к изменившимся условиям новые концептуальные схемы, открыть новые горизонты, выдвинуть новые принципы или как минимум поставить вопрос о необходимости «нового поворота», разработать новые схемы и установки, — в итоге идеология, а вслед за ней и политика, — начали деформироваться и хаотизироваться,

---

¹ Todd Э. После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004. С. 22–23.

² От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтовский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005. С. 159–160.

³ «Не имея возможности остановить распад СССР, США извлекли из него пользу, объявив о победе в "холодной войне". Но с геополитической точки зрения, это была удивительно бессмысленная победа» (*Валлерстайн И.* Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // *Закат империи США: Кризисы и конфликты / С предисл. Б. Кагарлицкого.* М., 2013. С. 28).

⁴ Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004. С. 111–112. И далее Кейган раскрывает основное противоречие и неразрешимую проблему новой постановки вопроса о легитимности «старого» («старого доброго») гегемона: «Европейцы опасаются не того, что Соединенные Штаты хотят контролировать их, а того, что они сами утратили контроль над Соединенными Штатами и, следовательно, над всем управлением мировыми делами. Если Соединенные Штаты и испытывают сегодня кризис легитимности, то это во многом обусловлено европейским желанием восстановить определенный контроль над поведением Америки» (С. 118–119).

определенная степень единства теоретиков стала достоянием прошлого; демократия, поставленная под сомнение и подвергающаяся «деконструкции» еще с середины 70-х годов XX века (об этом речь впереди), в XXI веке стала, по сути дела, досадным препятствием для стратегов безраздельной и безудержной «гегемонии» (точнее, диктатуры)¹. Если вспомнить грамшианские формулы «сила+согласие» и «диктатура+гегемония» (и ко всему этому — плюс демократия) и применить их для данного случая, то как согласие, так и собственно гегемония элиминируются, и остается сила и диктатура, — диктатура, основанная на силе (поэтому говорить о *гегемонии* США можно в каком угодно смысле, только не в собственном — гегемония как лидерство, как предводительство при согласии ведомых)².

Весьма характерна попытка некоторых «особо продвинутых» доктринеров (в основном это, конечно же, неоконсерваторы) пересмотреть идеологические основы внешней политики США: «...Родилось новое утопическое видение, представление о том, что Соединенные Штаты одновременно призваны и обязаны распространять демократию везде, где только можно... Эта идея, с энтузиазмом поддерживаемая в Вашингтоне альянсом *агрессивных вильсоновцев* и неоконсерваторов, выраженная вера которых в то, что США не могут стать основанием для чего-то меньшего, чем *перманентная всемирная революция*, имеет больше общего с *троцкизмом*, чем с наследием отцов-основателей...»³ (курсивы мои — *А.Н.*). Во-

---

¹ Впрочем, по удачному выражению К.Н. Брутенца в работе 2009 года, «"холодная война" оказалась несговорчивым покойником. Она каждый раз, хоть и съезживалась, теряя в пассионарности, тем не менее то и дело покидала предписанную ей могилу» (*Брутенц К.Н.* Закат американской гегемонии. Конец однополярного мира и великая геополитическая революция. М., 2009. С. 10).

² При этом — необходимо и уместно вспомнить — гегемония у Грамши наилучшим образом могла быть реализована только в демократическом обществе; демократия и гегемония — взаимосвязаны сущностным образом: «...Гегемония тем эффективней, чем больше ведущий класс (группа) способен пополняться элементами из других групп, вбирать их в себя — а в таком типе отношений и заключается, по оценке Грамши, "наиболее реалистический и конкретный смысл" понятия демократии... Демократия, таким образом, стала мыслиться Грамши прежде всего как способ обеспечить условия для постоянного обновления ведущей силы общества, являющейся носителем гегемонии, и противодействовать кристаллизации замкнутой элиты, стоящей над массой управляемых» (*Григорьева И.В.* Социализм, демократия, либерализм: два взгляда (Антонио Грамши и Карло Росселли) // Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти!». М., 1997. С. 33–34).

³ От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтовский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005. С. 170. Слова о «пожаре перманент-

обще, надо сказать, удивительного в этом ничего нет, ведь троцкизм, как убедительно показывает К.В. Блохин¹, был одним из идейных источников современного американского неоконсерватизма, — отсюда и агрессивность его представителей, отсюда же неумение и нежелание выслушивать оппонентов, игнорирование всех мнений, отличных от собственных «догматов».

Авторы работы «От миропорядка империй к имперскому миропорядку», анализируя разнонаправленные подходы и тенденции в американской идейной и идеологической сферах, приходят к выводу: «Весьма сомнительно, что это лишь временные идейно-политические проблемы, которые будут вскоре преодолены»². Однако, несмотря на весь этот идеологический хаос, идеал Америки остается незыблемым. Как же такое возможно? Если предпринять попытку анализа отношения политического идеала и идеологии, используя «американский подход», т.е. прагматизируя идеальное в политике, — то легко увидеть, что идеи, в которых отражен идеал, как бы растворяются в политической практике, лишаясь самооценности и превращаясь в набор установок в рамках целостной программы достижения идеала (при том, что идеал считается безусловно и однозначно определенным заранее, и никаких споров и полемики по этому вопросу не предполагается). Так, американский ученый Дж. Янг определяет идеологию как «четкий набор пригодных для действий идей, отражающих взгляды на мир, каков он есть, каким он должен быть, и программу для достижения идеалов на практике»³. В этом определении хорошо просматривается отличие западноевропейского и американского взглядов на сущность политической идеологии, заостренность американского подхода на практику, понимание идеологии скорее как алгоритма действий, как программы политической

ной мировой революции» принадлежат Д. Саймсу, об этом см.: *Блохин К.В.* Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М., 2016. С. 68.

¹ См.: *Блохин К.В.* Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М., 2016. С. 33, 68, 87, 108–109. «Поразительно, — резюмирует российский исследователь, — но идея экспорта "либеральной революции" семантически и идеологически близка к идее перманентной мировой революции, с которой в начале XX века выступали большевики. "Подстегивание революции", перенесение ее "на штыках" на незрелую историческую почву — все это реминисценции... троцкистского взгляда на мир. Воистину дело Троцкого живет в веках» (С. 87).

² От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтовловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005. С. 170.

³ Цит. по: *Петров Д.Б.* «Американизм»: идеологический ракурс. Исследования классовых функций идеологической стратегии США (60–70-е годы). М., 1980. С. 16.

активности или модели для *конструирования* «политических объектов», а не предмет созерцания или образец для умного *построения* политической реальности; не как реальность высокого порядка, предшествующую политической обыденности.

Превращаясь в алгоритмы и модели, идеалы и идеи отходят на задний план, переставая быть постоянными образцами для сверки проектов, выстроенных по ним: можно сказать, что подрядчикам этих проектов конечные цели безразличны (если вообще известны). Из этого, с одной стороны, следует невозможность принципиальной критики идеологических конструкций (модели же, проекты и алгоритмы — критике и не могут быть подвержены); с другой стороны, и это важная положительная, сильная сторона американского идейно-политического проектирования, — изначальные идеалы остаются неизменными, и так антиплатонизм (вытеснение идейной составляющей из практической политики, замена идей лозунгами и формулами) превращается в скрытый платонизм (платоновская неизменность и самоидентичность идеала). В самом деле, если для Западной Европы, да и вообще для континентальной мысли, в высшей степени характерны конфликты идеалов (тем более идеологические конфликты), то американский политический идеал, будучи выработан, достигнут, — изменениям уже не подвергался; изменялась только идеология, да и то сохраняя кардинально важные черты идентичности и не теряя связи с изначальным идеалом.

Политический идеал Америки и демократия

Зачастую политический идеал Америки отождествляется с демократией¹, — соответственно, в распространении демократии (или

---

¹ В принципе и в строгом смысле, не то чтобы рассматривать демократию как идеал, но и вообще придавать ей универсальный смысл, — будет явным образом нелепо. Вообще, надо четко понимать, что политический идеал — как центральная идея идеологий, доктрин, политических теорий — не может быть сведен к политическим формам, моделям политического устройства и т.д., — и здесь следует согласиться с апофатикой П.И. Новгородцева: «Ни наилучшее устройство власти, ни справедливое распределение богатств, ни всеобщее довольство и счастье, ничто не соответствует безусловному содержанию той нормы, определения которой мы ищем. И власть, и богатство, и счастье, все это внешние и относительные блага, имеющие значение средств для достижения высших целей». — Также мыслитель отмечал: «Столь же незаконным является этот прием абсолютизации исторических начал и в применении к каким-либо отдельным элементам общественной жизни. Когда, например, единоспающим идеалом общественного устройства объявляются народовластие, парламента-

либерально-демократических ценностей) на весь мир и заключается цель мировой самоэкспансии США. Америка — всемирный учитель демократии — мощно и уверенно продвигающая демократию «во всем мире», — этот образ стал хрестоматийным. В книге «Самонадеянность силы» Джеймс Фулбрайт иронично спрашивает: «Американцы считают себя квалифицированными в таком благородном деле, как обучение демократии. Каковы же результаты этих дел, совершенных ими в различных районах мира?». — И не без сарказма отвечает: «При всех наших благих намерениях государства, которые морская пехота Соединенных Штатов больше всех обучала демократии, не проявили особого демократизма». — «Возможно, теперь, — меланхолично резюмирует знаменитый сенатор, — учтя все эти чрезвычайные события, пришло время (работа, заметим, вышла в 1967 году — А.Н.) пересмотреть наши методы обучения. Может быть, мы в сущности, и не созданы для проповеди демократии»¹. (Эти слова звучат в наше время все актуальнее и актуальнее; вообще, очень многие пассажи из «Самонадеянности силы» звучат удивительно современно: например, предостережение Фулбрайта об увлечении Америки внешней политикой в ущерб внутренней: «Чрезмерное увлечение внешней политикой на протяжении многих лет является более чем простым проявлением опьянения силой; оно истощает силу, которую и породило, отвлекая нацию от настоящих источников ее силы, лежащих внутри страны. <...> Сомнительно, чтобы нация могла достичь длительного и прочного величия, ведя внешнюю политику с позиции силы»².)

Казалось бы, сложно совместить идеалы демократии и либеральные ценности — с принципами доминирования и мирового диктата; и довольно сложно найти обоснование стремлению к господству над миром, используя одновременно демократический и имперский лексикон «бесноватой идеи» *Rex Americana*³. Американская модель, —

ризм, социализм и т.п., то очевидно, что и в этих случаях временные и конкретные средства осуществления абсолютного идеала, подсказанные теми или другими затруднениями и нуждами общественной жизни, принимаются за существо самого идеала» (*Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 119–120).

¹ Фулбрайт Дж. У. Самонадеянность силы. М., 1967. С. 20–21.

² Фулбрайт Дж. У. Самонадеянность силы. М., 1967. С. 28.

³ Выражение А.Н. Яковлева, который, прослеживая цель американских «имперско-цивилизаторских» концепций, обращается, среди прочих, к работе публициста Г. Гэррета, который «приходит в восторг от собственного утверждения, что его страна “похожа” на империи прошлых времен. Римская империя, пишет автор, была “защитницей цивилизации”, испанская добавила к этому “духовное спасение”, бри-

анализирует принципы «демократического империализма» А. Ливен, — «должна быть демократической и должна быть добровольно принята другими народами». — Но тогда при ее *насаждении* возникают вопросы: «Как же можно насаждать это вооруженными методами, как можно увязывать это с американскими национальными предрассудками, интересами и геополитическими амбициями? Как можно действовать таким образом и одновременно рассчитывать на то, что американская демократическая модель не утратит при этом свою ценность и притягательную силу? Как можно успешно воплотить отношение, которое якобы базируется на демократизации, если оно проявляется в наглом презрении и к мнению международного сообщества в целом, и к демократическому выбору отдельных стран?»¹. Здесь также нельзя не обратиться к размышлениям Раймона Арона о противоречивости благой цели (мировой безопасности демократии) и силовых методов ее достижения: «Использовать силу, чтобы обеспечить безопасность демократии во всем мире... значит пуститься в предприятие, которое рискует стать тем более жестоким, что своей единственной целью оно ставит устранение жестокости. Ясно, что реальность никогда не сможет подчиниться этим возвышенным мечтам»². — Итак, мир, по мнению американцев, нужно сделать безопасным для демократии, — но как же, спрашивал в свое время Макс Шелер, сделать саму демократию безопасной для мира?³

С одной стороны, продвижение демократии увязывается с безопасностью Америки в управляемом ею же мире, выстроенном по «демократическим принципам» (в реальности, по американскому политическому «образу и подобию», в качестве «образца демократии» весьма сомнительному). Так, в своей работе «Нужна ли Америке внешняя политика?» Г. Киссинджер цитирует статью 1996 года одного политика: «В мире, который становится все более взаимозависимым, Америку все больше волнует то, как, хорошо или плохо, управляют своими делами другие страны. Чем больше появляется стран, избравших демократическую модель развития, и чем теснее

танская исповедовала благородный миф о «бремене белого человека». США дополнили эти признаки империи лозунгами «свободы и демократии». <...> Не особенно церемонясь, Гэррет объявляет Соединенные Штаты прямыми наследниками всех империй прошлого» (Яковлев А.Н. Рах *Americana*. Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969. С. 216–217).

¹ Ливен А. Анатомия американского национализма. М., 2015. С. 148.

² Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000. С. 663.

³ См.: Коужер К. Сумерки Запада. М., 2000. С. 30.

они связаны друг с другом, тем в большей безопасности будет чувствовать себя Америка...»¹. Под предлогом распространения ценностей и исполнения особой миссии (при этом распространению подлежат только те феномены, над которыми Америка по определению сможет в дальнейшем сохранить контроль) происходит расширение влияния и усиление контроля, — причем, как иронично замечает Э.Я. Баталов, «выполнение Соединенными Штатами ”предначертанной” им Миссии есть политико-культурное предприятие, которое должно обернуться для Америки успехом — политическим, коммерческим, военным». — И далее в продолжение мысли о демократии как гарантии безопасности Америки: «Как объяснял, например... Энтони Лэйк, ”чем большее развитие получают демократия и рыночная экономика в других странах, тем более защищенной, процветающей и влиятельной будет наша нация”»². Один из американских неоконсерваторов Джошуа Муравчик был твердо убежден и не скрывал, что «демократия — это еще и метод управления различными обществами. Не следует ждать вызревания предпосылок демократии в той или иной стране, но необходимо их устанавливать силой»³.

С другой стороны, при всей своей притягательности и, если угодно, респектабельности, идея демократии — как она бытует в американской политической мысли и истории — при ближайшем рассмотрении представляется скорее штампом со стершимся изображением, узнаваемым лишь по контурам и названию⁴, — и именно такая «де-

---

¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 284. Вообще, морализаторство и менторский тон — черта для американцев в высшей степени характерная: так, не без иронии (но отнюдь не разоблачающим тоном) говорит Артур Шлезингер-мл.: «Считается, что мы являемся богоизбранными хранителями международного спокойствия и что функция политики США — ставить другим государствам высокие или низкие оценки в зависимости от того, соблюдаются ли ими те правила поведения, которые нам представляются обязательными для всех. Нашему чувству справедливости, несомненно, доставляет удовольствие то, что именно мы со своего судейского кресла излагаем нравственный закон своим грешным братьям» (Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 110).

² Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009. С. 267.

³ Блохин К.В. Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М., 2016. С. 64. Автор монографии приводит далее слова Муравчика: «Если уж быть совсем точным, то, по большому счету, даже в развитых странах послевоенное демократическое строительство не развертывалось естественным путем. Демократия утвердилась в них не без помощи иностранного вмешательства...» (С. 64).

⁴ «Демократия в США, — утверждает Иван Бло, — как и в странах Западной Европы за исключением Швейцарии, является лишь фасадом. На самом же деле

мократия» (как бренд или товар) и подлежит «распространению», т.к. при необходимости этот концепт можно преобразовать как угодно, соответственно любой политической ситуации. Такой конструкт может удачно вписываться в изменяющиеся идеологические системы и «каскады», но едва ли может *быть* политическим идеалом.

Ирвинг Кристол, обратившись к изучению исторической картины развития демократической идеи в Америке, с удивлением обнаруживает «во-первых, насколько невинной эта идея оставалась на протяжении большей части американской истории, и во-вторых, насколько сами американские историки пребывают в замешательстве по поводу этой идеи». — Он приходит к выводу: «...Мы имеем здесь дело с идеологией, причем настолько истовой, что она представляет своего рода религиозную веру. И действительно, эту идеологию можно с полным основанием назвать "демократической верой"... Будучи подлинной верой, этот феномен очень сложен и многолик. Но все же о нем можно сказать две простые истины. Во-первых, эта вера сосредоточена более всего на источниках и происхождении политической власти, а не на практических последствиях этой власти. Другими словами, она, подобно всем верам, делает наибольший упор скорее на "добрые" намерения человека (в данном случае — демократические), чем на то, что может получиться из этих намерений. <...> Второе, неизбежно вытекающее из первого: мы имеем здесь дело совсем не с политической философией. <...> Разница между демократической верой и демократической философией состоит в следующем: в то время как вера может отметить отдельные проблемы демократии, она лишена способности распознать или оценить проблематичность демократии»¹. Здесь уместно вспомнить афоризм Гордона С. Вуда: «Демократия не была решением проблемы; она сама являлась проблемой»²!

власть там принадлежит олигархии. <...> Конечно, Америка мирится с тем, что в 26 штатах из 50 существует прямая демократия, в чем-то похожая на швейцарскую модель, в рамках которой граждане путем референдума, созываемого по народной инициативе, могут выступить против законов, принимаемых местным парламентом. Но в отличие от Швейцарии, результаты референдумов могут быть отменены судами, верховными судами штатов или верховным федеральным судом. Это показывает, что выше всего стоит власть олигархии. И в самом деле, 9 судей могут отменить волеизъявление миллионов граждан, принявших участие в референдуме. <...> Член Верховного суда Антонин Скалиа... заявил журналистам: "Режим, при котором 9 судей навязывают закон народу, игнорируя волю миллионов людей, не может считаться демократическим"» (*Бло И.* Россия Путина. М., 2016. С. 223–225).

¹ Кристол И. К итогам XX века. М., 2014. С. 131–132.

² Вуд Гордон С. Идея Америки. Размышления о рождении США. М., 2016. С. 178.

При этом стоит заметить, что именно в качестве веры демократия наилучшим образом служит лозунгом «американской миссии» и «предметом экспорта»: так, другой неоконсерватор, Чарльз Краутхаммер, едва ли не лучшим образом высказался о связи демократии и миссии: «Демократия является универсальной миссией, и миссионерам требуется крепкая вера в себя и в демократию. Если демократия хороша для нас, мы должны верить, что она хороша и для других»¹. Вообще, надо сказать, американская демократия — как политическая реальность и как феномен идеолого-теоретический — львиной своей частью погружена в риторику и демагогию, которые следует (но, как правило, крайне сложно) отличать от идеологии (как тут не вспомнить восклицание Гарольда Лассуэлла «Демократия провозгласила диктатуру заговаривания зубов!»). Так и сам Кристол вынужден признать, что американцы «приняли демократическую демагогию в качестве единственно приемлемого способа риторического общения между правительством и народом республики»².

Главная же причина того, что демократия, как бы мы ее ни понимали, не может быть ни представлена обоснованно в качестве политического идеала Америки, ни тем более являться им, — состоит в том, что с середины 70-х годов XX века был инициирован процесс демонтажа демократии (здесь от демократии как идеологемы, религии, метода управления и пр. — мы возвращаемся к демократии как политическому режиму, — и видим, что дело не столько в факте такого демонтажа, сколько в том, что он *стал возможен*, — если не *необходим*). В политических терминах суть трансформации, согласно программе преобразований, активно внедряемой начиная с середины 70-х годов, может быть, согласно определению А.И. Фурсова, названа «раздемократизацией» (или «дедемократизацией»): «В 1975 г. увидел свет доклад ”Кризис демократии”, написанный по заказу Трехсторонней комиссии С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки. В докладе четко фиксируются угрозы положения правящему слою — прежде всего против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке. В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти прави-

---

¹ Цит. по: *Блохин К.В.* Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М., 2016. С. 63.

² *Кристол И.* К итогам XX века. М., 2014. С. 115.

тельство, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти "эксцессы демократии" являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник — "внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующемся высокой степенью (политического — А.Ф.) участия". Вывод: необходимо способствовать росту невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию, исходя из того, что она лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный... Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества, по сути — их демонтаж»¹.

Томас Майер приводит «формулу демократического социализма», представленную в 1956 году английским политиком и публицистом Энтони Кросслэндом. Принципы социал-демократической модели, воплотившиеся в политике и экономике «золотого века» демократического социализма (или «славного тридцатилетия»), по Кросслэнду, таковы: «1) либеральная демократия, 2) смешанная экономика, 3) развитое государство благосостояния, 4) кейнсианская экономическая и финансовая политика, 5) вера в общественное равенство». — «Эта

---

¹ *Фурсов А.* Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М., 2015. С. 240. Речь идет о работе: *The Crisis of Democracy. Report on the governability of democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki.* New York University Press, N.-Y., 1975 (см. книгу в интернете: trilateral.org/download/doc/crisis_of_democracy.pdf). Этот доклад, как говорит А.И. Фурсов в другой работе, «на несколько десятилетий становится идеологическим обоснованием раз демократизации Запада и своеобразным руководством к действию. <...> "Кризис демократии" подвел черту под тридцатилетием демократии и открыл новую эпоху в истории Запада — противоположную "славному тридцатилетию" (Ж. Фурастье), означавшую возвращение капитализма, буржуазного общества ядра капсистемы к состоянию рубежа XIX–XX вв., к состоянию "железной пяты" (Дж. Лондон)» (*Фурсов А.И.* Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 46). Сам по себе факт объявления идеологами и стратегами программы глубокого преобразования всей системы общества в виде научно-аналитического, экспертного заключения, почти «трактата», написанного известными, увенчанными лаврами мужами, размышляющими на тему «как бы нам обустроить Запад?», удивлять не должен, — но все же удивляет... По словам Б.Ю. Кагарлицкого, «показательно, что идеологическое наступление правых приняло форму экспертной работы, иными словами, излагаемая политическая позиция демонстративно представлялась публике как взвешенная, надпартийная, нейтральная и объективная в противовес идеологически нагруженным выступлениям радикальных мыслителей и публицистов» (*Кагарлицкий Б.* Неолиберализм и революция. СПб., 2013. С. 28).

модель, — добавляет Т. Майер, — вплоть до 70-х годов была настолько успешной, что она не только всецело господствовала в повестке дня европейских демократий, но и стала в различной степени общей моделью политики для многих других демократических партий»¹.

Авторы «Кризиса демократии», как и те, к кому обращены их вердикты (т.е. члены Трехсторонней комиссии), были убеждены сами и предполагали убедить научно-политическое сообщество (и многих убедили), что такая демократия — чрезмерна, избыточна, — а значит, опасна, ибо в конечном счете ведет к дестабилизации государства, перегруженного социальными обязательствами, с одной стороны, и принципиально неудовлетворяемыми претензиями разных сил и групп на политическое участие, — с другой. Так, С. Хантингтон, «ответственный по Америке» в «Кризисе демократии», по словам Э.Я. Баталова, «вызывает поразивший ее кризис с ”перегрузкой” государства, необдуманно взвалившего на свои плечи чрезмерные социальные обязательства и открывшего слишком много каналов для участия граждан в демократическом процессе. ”Чрезмерная демократия”, проявляющаяся в стремлении государства удовлетворять все возраставшие притязания многочисленных групп интересов, а претендентов на выборные должности — откликаться на неумеренные требования электората, раздавать налево и направо невыполнимые обещания и пытаться придать им силу закона... парадоксальным образом привела к дестабилизации и дисфункции демократических механизмов социально-политического управления со всеми неблагоприятными для общества последствиями»². Особое внимание авторами «Кризиса демократии» было уделено «проблеме интеллектуалов». Так, Мишель Крозье, «ответственный по Западной Европе», в своей части доклада Трехсторонней комиссии выражает беспокойство «расстройством интеллектуального мира» Запада: «По сути дела, мы переживаем культурный кризис, который может быть серьезнейшим вызовом западным обществам: наша неспособность развивать необходимые механизмы принятия решений, неуправляемость наших обществ — ведет к культурной катастрофе». — Что касается Западной Европы, по которой Крозье назначен «ответственным», то тут ситуация — в отношении «развития необходимых механизмов принятия решений» (иными словами, в плане управляемости Европы американскими «руководителями») — пожалуй, хуже, чем где бы то ни было:

---

¹ *Майер Т.* Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI столетие. М., 2000. С. 68.

² *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М., 2010. С. 119.

«Европа в этом отношении — самая проблемная и уязвимая из трех зон, — ведь вследствие прочности и кардинальности ее интеллектуальных традиций развивать тут новые модели невероятно трудно». — Далее М. Крозье продолжает свои рассуждения на эту тему: прежде всего, интеллектуалов (в широком понимании слова) в Европе слишком много как по числу, так и по видам; да к тому же «приход постиндустриального общества знаменует увеличение числа интеллектуалов, будущих интеллектуалов, параинтеллектуалов»! — Другой фактор «недовольства» (стратегов атлантизма?) — это аристократические традиции мира культуры Западной Европы (об этом, вспомним, говорил еще С.М. Липсет). Согласно этим традициям, интеллектуалы в Европе, возмущен Крозье, — это «романтические фигуры», они окружены романтическим ореолом, и эта установка действует даже на подсознательном уровне; при этом «ценностно-ориентированные интеллектуалы» не собираются рассеиваться или исчезать тем или иным образом¹.

Общественное мнение Запада методично обрабатывалось с целью подготовки к изменению внутри- и внешнеполитического курса в сторону «закручивания гаек» и — сначала усиления жесткости внешнеполитической риторики, а затем — и к отказу от политики «разрядки», переходу к конфронтационной линии противостояния с социалистическим блоком. Конечно, от «избытка» демократии необходимо было «заблаговременно» избавиться. «В течение 70-х годов, — рассказывает академик Г.А. Арбатов, — в правящих кругах США участились... жалобы на "неуправляемость" Америки: в стране-де усилились внутренние разногласия, обострились конфликты между политическими институтами, общество стало предъявлять к государству "чрезмерные" социальные требования, наблюдается некий "избыток демократии". <...> У меня сложилось впечатление, что многие из тех, кого тревожит такая "неуправляемость", рассчитывают на то, что усиление международной напряженности сделает американцев более послушными. Все эти факторы в совокупности, как представляется, способствовали формированию среди значительной части правящей элиты США устойчивого мнения, что усиления американского влияния в мире и снижения политической нестабильности внутри США можно добиться, если взять более "жесткий" курс...»².

---

¹ Crozier M. Western Europe (Ch. 2) // The Crisis of Democracy. Report on the governability of democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crozier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki. New York University Press, N.-Y., 1975. P. 30–31.

² Арбатов Г., Олтманс В. Вступая в 80-е... Книга-интервью об актуальных вопросах современных международных отношений. М., 1983. С. 24–25.

Знаменательно (и логично), что с начала 70-х годов в области экономической и социально-политической мысли и практики резко становятся востребованными и «обретают» неимоверное влияние и политический вес ультралиберальные, антикейнсианские идеи Фридриха фон Хайека, разрабатываемые им с конца 30-х годов. По словам Дени Боно, Хайек, сделавший все, что было в его силах, для дискредитации любой формы регулирования экономики, «проповедует концепцию минимального участия государства. Его личный вклад заключался в резкой критике идеи *"социальной справедливости"*. <...> Он выступал за упразднение государственного вмешательства в социальной и экономической областях». — Друг и почитатель Поппера, учитель Сороса, Хайек был вознагражден устроителями «кризиса демократии» 70-х годов: «В доказательство своего интеллектуального господства он получил Нобелевскую премию в 1974 году, после чего она была вручена и шестерым его друзьям-неолибералам: Милтону Фридману (1976), Джеймсу Бьюкенену, Морису Аллэ (1988), Рональду Коузу (1991) и Гарри Бекеру (1992). В определенной степени, в конце двадцатого века *"единственной экономической идеей"* стала его программа, изложенная в *Конституции свободы*». — При таком подходе демократия становится препятствием для установления ультралиберального «антикейнсианского» порядка с его своеобразной «свободой»: «Хайек считал, что сторонники кейнсианства превращают государство в *"экономического диктатора"*. Политическая философия Хайека очень близка тезисам Локка. Государство защищает неотъемлемое право собственности и ограничено индивидуалистическими условиями гипотетического учредительного договора. Тогда право становится инструментом защиты спонтанного рыночного порядка. Следовательно, наибольшую важность приобретает защита экономического либерализма с поглощением политического либерализма. Демократические идеи уходят на второй план. Это приводит Хайека к провокационным заявлениям. По его мнению, демократия не является безупречной политической системой... Недемократический режим, гарантирующий спонтанный порядок рынка, предпочтительнее плановой демократии»¹.

---

¹ Боно Д. Фридрих фон Хайек, крестный отец ультралиберализма // www.voltairenet.org/article130043.html. В «Конституции свободы» (1960) изложена программа Хайека — смысл программы, как резюмирует Д. Боно, таков: «Государство не имеет права на перераспределение, тем более исходя из критерия *"социальной справедливости"*. Его роль должна ограничиваться обеспечением юридических рамок, гарантирующих элементарные правила торговли. В 1976 году он даже пред-

В статье 1979 года Хайек — уже с позиций авторитета — выносит «вердикт» об ограничении демократического правления в масштабах всего Запада: «Когда я говорю о необходимости ограничить демократическое правление или о лимитированной демократии, то, естественно, я имею в виду не ограничение одного правительства, а что все правительства, особенно если они демократические, должны быть ограничены»¹.

До определенного момента, надо сказать, такого рода теории не были востребованы и состояли «в резерве» западных «организаторов науки»², но с началом 70-х годов все резко меняется: после «неожиданного» присуждения Хайеку Нобелевской премии в области экономики (1974): не проходит и нескольких лет, и вот уже — «ученые черпали свое вдохновение из работ Хайека, Фридмана и других членов общества Монт-Пелерин. Оно становилось действительно международным сообществом академиков, многие из которых сейчас имеют внушительные репутации в самых разных научных сферах». — И в итоге «его учение признали одной из главных интеллектуальных сил в администрации Тэтчер и Рейгана»³. Р. Рейган в 1983 году при-

---

ложил денационализировать валюту, то есть приватизировать национальные центральные банки, чтобы подчинить выпуск денег рыночным механизмам». Туманные «рыночные механизмы», которым предлагалось отдать лишнюю часть полномочий государства, или «невидимая рука рынка» (все это вместе — своего рода «Антилевиафан») — что представляют из себя эти загадочные сущности? И в самом ли деле является «спонтанным» защищаемый Хайеком «рыночный порядок»? И что остается от либерализма и от демократии в случае «поглощения политического либерализма» — «экономическим либерализмом»? Да, демократия не является «безупречной политической системой», но является ли таковой неолиберальный режим, установленный на Западе после демонтажа демократии? Взамен «старой модели» Хайек предлагает некую «облачную систему»: «Новая стратификация правил поведения отразила эволюционный переход от модели тесного общесития — *face-to-face society* — к модели открытого общества, основанного на имперсональной коммуникации. Непрямое общение, опосредуемое сложной многоканальной системой сигналов, и есть рыночная экономика» (Мальцева С. Призвание ученого (От переводчика) // Хайек Ф.А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений / Пер., сост. и предисл С. Мальцевой. СПб., 1999. С. 15).

¹ Хайек Ф.А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений / Пер., сост. и предисл С. Мальцевой. СПб., 1999. С. 149.

² «В период с начала 40-х и до 70-х годов, — вспоминает Эрик Хобсбаум, — наиболее видные и влиятельные прежде всего сторонники полной рыночной свободы, такие как Фридрих фон Хайек, чувствовали себя пророками в пустыне...» (См.: Хайек Ф.А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений / Пер., сост. и предисл С. Мальцевой. СПб., 1999. С. 256).

³ Хайек Ф.А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений / Пер., сост. и предисл С. Мальцевой. СПб., 1999. С. 265.

нял идеолога ультралиберализма в Белом доме; М. Тэтчер приветствовала Хайека в 1989 году, в день его 90-летия; а в 1991 году Хайек был награжден президентской медалью Свободы.

Так были «закрыты» проекты «славного тридцатилетия», от европейских вариантов welfare state до амбициознейшего идеала «Великого общества» Линдона Джонсона. Прошло совсем немного времени после выхода «Кризиса демократии» — и Трехсторонняя комиссия получает очередной «рапорт» от «экспертов и аналитиков» о состоянии демократии, на этот раз «победный»: «Всего лишь девять лет спустя, — пишет К.С. Гаджиев, — в 1984 г., когда господство консервативных сил достигло своего пика, та же комиссия обнародовала очередной доклад, в котором уже говорилось о достоинствах и жизнеспособности буржуазной демократии, ее способности приспособливаться к новым условиям для обеспечения эффективного функционирования государства, а также основных прав и свобод человека»¹. Этот доклад называется «Демократия может работать»². Что характерно, во этом докладе ни слова не было сказано об интеллектуалах. Если верить докладчикам, «кризис демократии» был успешно «преодолен», а дальнейшее движение «по пути демократии» предстало практически беспроблемным. На самом же деле в течение «неславных лет» (1980–2010), говорит А.И. Фурсов, «политика стала превращаться в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, а некоторые исследователи вообще констатируют её смерть — её и ”публично-политического человека”»³.

Говоря о причинах столь значимого поворота западных элит в отношении к демократии, мы неизбежно возвращаемся к проблеме гегемонии и/или доминирования. В 70-е годы кризис поразил вовсе не демократию — она развивалась стабильно и динамично, демонстрируя свою привлекательность и адекватность запросам западного общества, — говорить о «кризисе демократии» можно было разве что в смысле констатации «проблем роста», проблем *кризисного* (т.е. *нормального*) развития демократии и т.п. (что и было раскрыто в ярких

---

¹ Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М., 1990. С. 138.

² См.: Democracy Must Work: A Trilateral Agenda for the Decade / A Task Force Report to the Trilateral Commission / David Owen, Zbigniew Brzezinski, Saburo Okita. New York University Press, N.-Y., L., 1984 (см. книгу в интернете: trilateral.org/download/doc/democracy_must_work.pdf).

³ Фурсов А. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М., 2015. С. 264.

работах о демократии тех лет, написанных Норберто Боббио). Кризисом был поражен американский гегемонизм, система доминирования США в рамках Запада: «...В 70-х гг. развитые капиталистические страны — союзники США стали проявлять в своих действиях самостоятельность, независимость от ”старшего партнера”, стремление избавиться от его чрезмерного вмешательства в их дела, что послужило основой для разговоров по обе стороны Атлантики о ”кризисе западной солидарности”»¹. Однако и о «кризисе доминирования» (или, как иногда выражались, «кризисе лидерства») в прямом смысле слова говорить не приходится: речь шла о том, что Америка достигла предела в реализации идеи доминирования, но этого стратегам мировой власти показалось недостаточно. Так, А.И. Никитин приводит мнение известного американского политолога Стэнли Хоффмана (1928–2015)², который, анализируя причины упадка влияния США и кризиса представлений об американской исключительности, — одним словом, «болезни Америки» 70-х годов, — приходит к выводу, что эта «болезнь» вызвана прежде всего «обнаружившимися *пределами возможностей Америки*, причем как возможностей американской системы удовлетворить экономические и политические требования различных групп американцев внутри страны, так и возможностей ее экономического, политического, социального и идеологического влияния в мире»³.

Что же получается, если принимать всерьез заявления о «кризисе демократии», которые на деле оборачиваются установками по ее демонтажу? Выходит, что демократия противоречит концепции американского превосходства, мешает установлению такой системы международных отношений, в которой Америка обладала бы безусловным доминированием. Но в таком случае, если верить призывам «сделать мир безопасным для демократии», распространить демократию как можно шире и пр., — то придется допустить, что демократия препятствует сделать те страны, в которых она получила развитие, безопасными для нее же самой; иными словами, демократия мешает распростране-

---

¹ Никитин А.И. Эволюция американского глобализма. Идеиная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. М., 1987. С. 32.

² См. его известную статью: Хоффман С. Столкновение глобализаций // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. Январь–март. С. Хоффман — известный своей объективностью и стремлением к компромиссам политолог, автор работы «Приоритет мирового порядка» (см.: Hoffman S. Primacy of World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. McGraw-Hill Inc., 1978).

³ Никитин А.И. Эволюция американского глобализма. Идеиная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. М., 1987. С. 59.

нию демократии же¹, что явным образом нелепо; или придется допустить, что та демократия, которую *продвигают*, не тождественна той демократии, которую *призывают продвигать*, то есть не является демократией (при всей «текучести» и несамотождественности этого концепта в его исторической динамике). Нелепость «демократической риторики» США как глобального промодера демократии таким образом становится очевидной; если что и остается несомненным, — то это непреодолимое стремление этой страны к мировому господству: так и демократия в конце 70 — начале 80-х годов XX века легко была принесена в жертву «идолу мирового господства» (и это касается не только демократии в странах Западной Европы, но и демократических достижений в самой Америке²), и одновременно довольно быстро стихли голоса сомневающихся в исключительности, превосходстве, глобальной миссии Америки³.

...В настоящий момент мировая «гегемония» США, чем бы она ни была и как бы ни определялась, медленно, но верно становится

---

¹ Такого рода «теоретические эксцессы» происходили и в эпоху Холодной войны, когда нападки на демократию прикрывались ее же защитой ...от «угроз коммунизма». Так, в работе 1968 года М. Корнфорт пишет: «В наши дни мало кто из стоящих у власти людей не уверяет в том, что он убежден в ценностях демократии и свободы; но они претендуют на защиту этих ценностей от угрозы коммунизма и в этих целях используют силу, лгут, заставляют людей действовать по приказу и подавляют демократические организации столь же рьяно, словно "Законы" Платона убедили их в том, что демократия и свобода — это зло, которое следует пресечь» (Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М., 1972. С. 499).

² Демократия в США начиная с тех лет стала превращаться в то, что Гарольд Лассуэлл называл «мистической демократией»; а сама Америка, согласно его терминологии, приобретает черты «гарнизонного государства», — понятие, которое ученый никоим образом не соотносил с современной ему Америкой 40-х годов XX века. «Мистическая демократия» — это режим, при котором остаются лишь символы демократии, «это, строго говоря, никакая не демократия, поскольку ее можно обнаружить там, где власть и контроль максимально сконцентрированы [в руках немногих], но где, тем не менее, согласно сложившейся практике, говорят от имени народа в целом» (цит. по: Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М., 2010. С. 87).

³ «В 80-х гг., — пишет А.И. Никитин, — особенно в период пребывания у власти консервативной республиканской администрации Р. Рейгана, с новой силой, как бы беря реванш за "разногласицу" 60-х и 70-х гг. в определении американской мировой роли, Соединенные Штаты выступили с позиций воинствующего глобализма, стремясь силой утвердить свои претензии на военное превосходство, экономическое и политическое лидерство на мировой арене» (Никитин А.И. Эволюция американского глобализма. Идеиная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. М., 1987. С. 5).

достоянием истории, и говорить о доминировании Америки, «нищета гегемонии» которой стала очевидной даже для «догматиков атлантизма», скоро можно будет разве что в порядке исторического исследования (хотя при этом останется немало идеологов, доктринеров и политиков, которые не покинут «старые» позиции и будут упорствовать в повторении избитых мантр и штампов об «исключительной и незаменимой»). Но чем стремительней уходит в прошлое гегемония Америки, тем настоятельней становится необходимость изучения исторического развития как самой идеи превосходства и гегемонии одной страны над остальным миром, так и этапов ее политического, экономического и культурного воплощения. Путь Америки к глобальному доминированию, или гегемонии (нет смысла спорить о словах: лидерство такого рода, в таких масштабах — неизбежно носит черты господства), ее достижения и ошибки на вершине силы и, в определенном смысле, славы, — одна из самых захватывающих и поучительных глав истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аббаньяно Н.* Мудрость философии и проблемы нашей жизни. СПб.: Алетейя, 1998.
2. *Аббате М.* Философия Бенедетто Кроче и кризис итальянского общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
3. *Аласания К.Ю.* Теоретические и методологические основания политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX — начало XXI века). М.: Современные тетради, 2010.
4. *Алданов М.* Соч. В 6 кн. Кн. 1: Портреты. М.: Новости, 1994.
5. Американская идеология и претензии США на глобальное доминирование. Совместный доклад аналитического центра Katchon и РИСИ // katchon.com/ru/content/amerikanskaya-ideologiya-i-pretenzii.
6. *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common place, 2016.
7. *Андреев Л.Г.* Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: Московский рабочий, 1994.
8. *Андронов И.Е.* Европейская «республика ученых» XVII–XVIII вв.: механизмы общения // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Д.А. Сдвижков. М.: ИВИ РАН, 2001.
9. *Апатов С.И., Глебов В.В., Коваль И.Н., Райнов П.Я.* США: Современная внешнеполитическая мысль. Анализ концепций американской политологии 80-х годов. Одесса: Логос, 1992.
10. *Апатов С.И.* США и Европа: Общие проблемы американской континентальной политики. Критический анализ буржуазной историографии США. М.: Мысль, 1979.
11. *Араб-Оглы Э.А.* В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Молодая гвардия, 1973.
12. *Арбатов Г., Олтманс В.* Вступая в 80-е... Книга-интервью об актуальных вопросах современных международных отношений. М.: АПН, 1983.
13. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
14. *Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011.
15. *Ариас-Вихиль М.А.* Роллан и Горький: Вокруг путешествия Р. Роллана в СССР (1935) // Постигание Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
16. *Арон Р.* Воображаемые марксизмы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
17. *Арон Р.* История XX века: Антология. М.: Ладомир, 2007.
18. *Арон Р.* Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002.
19. *Арон Р.* Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000.
20. *Арон Р.* Опиум для интеллигенции. Мюнхен: Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960.
21. *Арон Р.* Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015.
22. *Арон Р.* Пристрастный зритель. М.: Праксис, 2006.
23. *Багаев А.В.* Презумпция лжи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.

24. *Балахонов В.Е.* Ромен Роллан в 1914–1924 годы. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958.
25. *Балаян А.А.* Власть и интеллектуальная элита в условиях политических трансформаций. Опыт Европы, Юго-Восточной Азии и постсоветского пространства. СПб.: Алетей, 2015.
26. *Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб.: Алетей, 2016.
27. *Бальтазар Г.-У. фон.* Образ Пеги // Пеги Ш. Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия. М.: Русский путь, 2006.
28. *Баранец Н., Калантарян И.* Деидеологизация и реидеологизация современного общества: мифы или реальность? // Власть. 2012. № 11.
29. *Барбарук Ю.В.* Социальная теория и политические стратегии постмарксизма. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
30. *Барбюс А.* Золя. М.–Л.: ОГИЗ-ГИХЛ, 1933.
31. *Баталов Э.Я.* Долгое соло Валлерстайна // Международные процессы. 2003. № 3.
32. *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
33. *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века (из истории политической философии современности). М.: Прогресс-Традиция, 2010.
34. *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
35. *Беглов С.* Монополии слова. М.: Мысль, 1972.
36. *Белл Д., Иноземцев В.Л.* Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
37. *Бенбасса Э.* История евреев Франции. М.–Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2004.
38. *Бенда Ж.* Конец вечности. СПб.: Русский мир, 2012.
39. *Бенда Ж.* Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009.
40. *Беннет Н.Д.* Франкофония и мировая культура. М.: Компания Спутник+, 2003.
41. *Бердяев Н.А.* Памяти Романа Роллана // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1994.
42. *Бернал Дж.Д.* Наука против войны // Бернал Дж.Д. Наука и общество. Сборник статей и выступлений. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.
43. *Бернхэм Дж.* Грядущее поражение коммунизма. [Ф.-на-Майне]: Посев, 1951.
44. *Бло И.* Россия Путина. М.: Книжный мир, 2016.
45. *Блохин К.В.* Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. М.: Весь Мир, 2016.
46. *Боббио Н.* Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8.
47. *Боббио Н.* Левые в 2000 г.: По материалам интервью, данному теоретическому журналу немецкой СДПГ «Neue Gesellschaft», а также римскому еженедельнику «Espresso» / Рефер. обзор В.П. Любина. М.: ИНИОН, 1990.
48. *Боббио Н.* Свобода и власть // Вопросы философии. 2013. № 5.
49. *Бодров А.В.* Макс Нордау о французском реваншизме 1870-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2007. № 1.
50. *Бодров А.В.* Первые годы после Седана: германский фактор французской политики, общественного сознания и культуры в 1870-е годы. СПб.: СПбГУ, 2011.
51. *Бодров А.В.* Политика Бисмарка в отношении Франции в первой половине 1870-х гг. в зеркале журнала «Preussische Jahrbücher» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. 2011. № 6.

52. *Бойцова О.Ю.* Власть нормы и норма власти. О специфике нормативизма в западной политической науке XX века. М.: Современные тетради, 2004.
53. *Бойцова О.Ю.* Эволюция политико-философского научного сообщества в XX–XXI вв.: мировой контекст // Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы научной конференции 2–4 октября 2014 г. / Общ. ред. В.В. Миронов. М.: Издательство Московского университета, 2015.
54. *Боллингер К., Гейер Г.М.* Идеологические аспекты глобальной стратегии США // Зарубежные марксисты в борьбе против буржуазной идеологии / Сборник переводов / Ред. и предисл. В.В. Мшвениерадзе. М.: Прогресс, 1971.
55. *Боно Д.* Нью-йоркские интеллектуалы и рождение неоконсерватизма // www.voltairenet.org/article130043.html.
56. *Боно Д.* Фридрих фон Хайек, крестный отец ультралиберализма // www.voltairenet.org/article130043.html.
57. Борьба идей в современном мире. В 3 т. / Под общ. ред. акад. Ф.В. Константинова. Т. 2. Современный капитализм: противоречия и доктрины. М.: Политиздат, 1976.
58. *Брутенц К.Н.* Закат американской гегемонии. Конец однополярного мира и великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2009.
59. *Бугай Д.В.* Единство платоновского «Государства». М.: Издатель Воробьев А.В., 2016.
60. *Будрайтскис И.* Интеллектуалы и «новая Холодная война»: от трагедии выбора к фарсу выбора // www.pravaya.ru/look/23561.
61. *Бюлов Б.* Воспоминания. М.–Л.: Соцэкгиз, 1935.
62. *Валлерстайн И.* Геополитика раскола Украины // left.by/archives/934.
63. *Валлерстайн И.* Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: Кризисы и конфликты / С предисл. Б. Кагарлицкого. М.: МАКС Пресс, 2013.
64. *Величко В.Л.* Русские речи. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
65. В лабиринтах буржуазного сознания. Критика концепций духовного мапипулирования / Отв. ред. В.Д. Гранов. М.: Международные отношения, 1978.
66. *Видадь А.* Анри Барбюс — солдат мира / Предисл. Жака Дюкло. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
67. *Винберг А.И.* Черное досье экспертов-фальсификаторов. М.: Юридическая литература, 1990.
68. *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы. М.: Крафт+, 2007.
69. *Войтоловский Ф.Г.* Идеология и практика атлантизма во внешней политике США. Автореферат дис. ... докт.полит.наук. М., 2013.
70. *Волков В.Н.* Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2.
71. *Воровский В.В.* Русская интеллигенция и русская культура. Харьков: Пролетарий, 1923.
72. *Воронцов В.Б.* Сенатор от Арканзаса. М.: Международные отношения, 1971.
73. *Вуд Г. С.* Идея Америки. Размышления о рождении США. М.: Весь Мир, 2016.
74. *Гаджиев К.С.* Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990.
75. *Гальцева Р., Роднянская И.* Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М.: Посев, 2012.

76. *Гарин Э.* Хроника итальянской философии XX века (1900–1943). М.: Прогресс, 1965.
77. Гегемонизм: с эпохой в конфликте / Под общ. ред. С.Н. Морозова. М.: Прогресс, 1982.
78. *Гейдаров Н.А.* Идеология глобальной гегемонии США // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2008. № 1.
79. *Гершов З.М.* Вудро Вильсон. М.: Мысль, 1983.
80. *Гобозов И.А.* Сартр и марксизм // Философия и общество. 2006. № 2.
81. *Гобозов И.А.* Философские проблемы политики. М.: ЛЕНАНД, 2014.
82. *Голиченко Т.* Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2.
83. *Гофман А.Б.* Социология во Франции // Социология и современность. В 2 ч. Ч. 2 / Редкол.: Ф.В. Константинов и др. М.: Наука, 1976.
84. *Грамши А.* Искусство и политика. В 2 ч. М.: Искусство, 1991.
85. *Грамши А.* Письма из тюрьмы. М.: Common place, 2016.
86. *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат, 1991.
87. *Грецкий М.Н.* Антонио Грамши — политик и философ. М.: Наука, 1991.
88. *Григорьева И.В.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М.: Издательство Московского университета, 1978.
89. *Григорьева И.В.* Понятие гражданского общества в политической теории Антонио Грамши // Концепции гражданского общества в странах Европы (исторический аспект) / Отв. ред. М.Б. Корчагина. М.: Издательство Института всеобщей истории РАН, 2009.
90. *Григорьева И.В.* Социализм, демократия, либерализм: два взгляда (Антонио Грамши и Карло Росселли) // Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти!». М.: ИВИ РАН, 1997.
91. *Гройс Б.* Политика поэтики. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
92. *Гроссман Л.П.* Собеседник Толстого. Ромен Роллан и его творчество. По неизданным материалам // Гроссман Л.П. Литературные портреты. М.: РИПОЛ Классик, 2010.
93. *Гудвин Дж.* История доллара. М.: АСТ, 2016.
94. *Гурвич С.Н.* Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX века. М.: Наука, 1976.
95. *Гуревич П.С.* Социальная мифология. М.: Издательство «Мысль», 1983.
96. *Гурко Л.* Кризис американского духа. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
97. *Гуро И.Л., Фоменко Л.Н.* Анри Барбюс. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1962.
98. *Гусаковская Н. Ж.-П.* Сартр и М. Мерло-Понти: История одной переписки // neurope.eu/article/2014/09/05/zh_p_sartre_i_m_merlo_ponti.
99. *Гюго В.* Соч. В 15 т. Т. 15. Дела и речи. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.
100. *Далин А.* Предисловие // Кеннан Д.Ф. Проблемы внешней политики США. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956.
101. *Далин В.М.* Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М.: Наука, 1970.
102. *Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770–1990. СПб.: Наука, 2003.
103. *Дарендорф Р.* После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе. М.: Ad Marginem, 1998.

104. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2014.
105. *Деменчонок Э.В.* Современная технократическая идеология в США. М.: Наука, 1984.
106. *Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
107. Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970 / Редкол.: Т.В. Балашова (предс.). М.: ИМЛИ РАН, 2002.
108. *Диксон П.* Фабрики мысли. М.: Прогресс, 1976.
109. *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
110. *Долгов К.М.* О встрече с Жаном-Полем Сартром и Симоной де Бовуар // Долгов К.М. Философские измерения политики, дипломатии и культуры. Том IV: Культура и современность. М.: Научная книга, 2007.
111. *Долгов К.М.* От Киркегора до Камю. Философия. Эстетика. Культура. М.: Искусство, 1990.
112. *Долгов К.М.* Эстетика Жана-Поля Сартра. М.: Знание, 1990.
113. *Дрейфус А.* Пять лет моей жизни. 1894–1899 / Пер., ред. и предисл. Е. Смирнова. СПб.: Знание, 1901.
114. *Д’Суза Д.* Америка: Каким мир был бы без нее? М.: АСТ, 2015.
115. *Дубин Б.В.* Антиамериканизм в европейской культуре после Второй мировой войны // Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004.
116. *Дьяков А.В.* Жан Бодрийяр собственной персоной // www.vshm.science/blog/aleksandr-dyakov/1055.
117. *Дьяков А.В.* Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2013.
118. *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
119. *Дюваль У.* Утраченные иллюзии: Интеллектуал во Франции // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М.: Новое Литературное Обозрение, 2005.
120. *Егоров В.К.* «Экспертотократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3.
121. *Ерохов И.А.* Современные политические теории: кризис нормативности. М.: Праксис, 2008.
122. *Ефимов В.В.* А.В. Луначарский и литературное движение. Хроника: 1917–1933 гг. Душанбе: Тадж. гос. ун-т, 1991.
123. Ж.-П. Сартр в настоящем времени: Автобиографизм в литературе, философии и политике: Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге 8–9 июня 2005 года / Сост. и пер. с франц. С.Л. Фокина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
124. *Жиру А.А.* Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма. Харьков: Гуманитарный Центр, 2015.
125. *Загладин Н.В.* Антисоветизм в глобальной стратегии империализма США. М.: Мысль, 1981.
126. *Закревский Игн.* По делу Дрейфуса. Сборник статей. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1900.
127. *Закс Л.А.* Оппозиция «левое/правое», Советский Союз и искусство (зарубежное, советское, постсоветское) // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика / Сост. и науч. ред. Т.А.

Круглова. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016.

128. *Зберовский А.В.* Национальная идея как причина конфликта между интеллигенцией и государством // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2007. № 4.

129. *Зобнин А.В.* Формирование атлантической составляющей внешнеполитического курса США (1947–1952 гг.). Автореферат дис. ... канд.ист.наук. Иваново, 2006.

130. *Золя Э.* Соч. В 26 т. Т. 26. М.: Художественная литература, 1967.

131. *Зорин А.Л.* Философские искания левых джентилланцев. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 1999.

132. *Зорин А.Л.* Этика итальянских неоиdealистов: Проблема обоснования морали и метода. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 1999.

133. *Зуева К.П.* Вопреки духу времени. Некоторые проблемы теории и практики международных отношений в работах Раймона Арона. М.: Наука, 1979.

134. *Иванов В.* Идеология: характер и закономерности развития. М.: Издательство политической литературы, 1977.

135. *Иноземцев В.Л.* Книгочей. М.: Ладомир, 2005.

136. *Иноземцев Н.Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М.: Госполитиздат, 1960.

137. *Инсаров.* Современная Франция. История Третьей республики. СПб.: Типография А.Е. Колпинского, 1900.

138. *Ирхин Ю.В.* Миссия, особенности развития и методология политологической школы США (к 135-летию академической политической науки в США) // Вопросы политологии. 2014. № 2 (14).

139. *Истерли У.* Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

140. *Казарлицкий Б.* Неолиберализм и революция. СПб.: Полиграф, 2013.

141. *Казарлицкий Б.Ю.* От империй — к империализму: Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2015.

142. *Каграманов Ю.М.* Америка «закрывает» Европу // Западная Европа и культурная экспансия «американизма» / Сост. Ю.М. Каграманов. М.: Искусство, 1985.

143. *Кампаньоло-Буве М.* Новое взаимодействие: культура и политика. Европейское общество культуры и его политика в области культуры // Искусство и философия. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса (Минск, октябрь 2005) / Редкол.: П.И. Бригадин (и др.). Минск: ГИУСТ БГУ, 2007.

144. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990.

145. *Карабууценко П.Л.* Классики античной философии в современных учебниках и в жизни // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3.

146. *Карцев Е.А.* «Новые правые» Франции: антология современных идей. Основные тенденции эволюции правой идеологии и политики в годы IV и V Республик. М.: Изд. центр «Витязь», 1996.

147. *Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М.: Дом интеллектуальной книги; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

148. *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2002.

149. *Кеннан Д.Ф.* Проблемы внешней политики США. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956.

150. *Кеннеди П.* Об упадке Америки // «Американская модель»: с будущим в конфликте / Под общ. ред. Г.Х. Шахназарова. М.: Прогресс, 1984.
151. *Керни Р.* Диалоги о Европе. М.: Весь мир, 2002.
152. *Кин Ц.И.* Алхимия и реальность. Борьба идей в современной итальянской культуре. М.: Советский писатель, 1984.
153. *Кин Ц.И.* Выбор или судьба. Итальянская культура в преддверии XXI века. М.: Советский писатель, 1988.
154. *Кин Ц.И.* Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М.: Наука, 1978.
155. *Кин Ц.И.* Итальянские мозаики. Статьи об итальянской литературе 70-х годов. М.: Советский писатель, 1980.
156. *Кин Ц.И.* Итальянские светотени. Заметки о литературе и культуре современной Италии. М.: Советский писатель, 1975.
157. *Кин Ц.И., Горяинов В.В.* О некоторых течениях в итальянской культуре // История Италии. Ред. колл.: С.Д. Сказкин (пред.). В 3 т. Т. 3. Под ред. С.И. Дорофеева. М.: Наука, 1971.
158. *Киссель М.А.* Философско-социологические предпосылки концепции «деидеологизации» // Борьба идей и научно-техническая революция / Сост. А.Я. Куклин. Л.: Лениздат, 1973.
159. *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М.: Ладомир, 2002.
160. *Кобринская И.Я.* «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М.: Международные отношения, 1986.
161. *Коломиец В.К.* Политический образ современной Италии: Взгляд из России. М.: Мысль, 2013.
162. *Комолова Н.П.* Движение Сопrotивления и политическая борьба в Италии. 1943–1947 гг. М.: Наука, 1972.
163. *Комолова Н.П., Филатов Г.С.* Пальмиро Тольятти: Очерк жизни и деятельности. М.: Политиздат, 1983.
164. *Коннов В.И., Репина М.И.* Эволюция моделей университетского управления от «studium generale» до «предпринимательского университета» // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 40.
165. *Копьлов В.А.* Интеллигенция в системе гегемонии Антонио Грамши // Актуальні проблеми духовності / Відп. ред. Я.В. Шматко. Кривий Ріг, 2006.
166. *Корнилов Ю.Э., Шишкин Г.А.* Кто правит Америкой? М.: Издательство политической литературы, 1986.
167. *Корнфорт М.* Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М.: Прогресс, 1972.
168. *Короленко В.Г.* Знаменитость конца XX века // Короленко В.Г. Соч. В 10 т. Т. 9. Публицистика. М.: Гослитиздат, 1955.
169. *Кортунов В.В.* Идеология и политика. (Битва идей и эволюция идеологических концепций антикоммунизма в 1950–1970 годы). М.: Политиздат, 1974.
170. *Косенко С.И.* «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1.
171. *Косенко С.М.* О франко-американских противоречиях в области культуры // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 1.
172. *Косиков Г.К.* Может ли интеллигент быть фашистом? (Пьер Дриё Ла Рошель между «словом» и «делом») // Сквозь шесть столетий. Метаморфозы литературного сознания. Сборник в честь семидесятилетия Леонида Григорьевича Андреева / Сост. и общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Диалог–МГУ, 1997.

173. *Костикова А.А.* «Новая философия» во Франции: постмодернистская перспектива развития новейшей философии. М.: Издательство Московского университета, 1996.
174. *Кожер К.* Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
175. *Коэн Д.Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
176. *Коэн М.Р.* Американская мысль. Критический обзор. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.
177. *Краева Т.В.* Образ революции в системе представлений французских левых интеллектуалов (1917 — сер. 30-х гг. XX в.). Дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 2006.
178. *Краева Т.В.* Французские левые интеллектуалы и Советский Союз: механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920-х — середине 1930-х гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 2 (22).
179. *Крашенинникова В.* Предисловие // Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2013.
180. *Крашенинникова В.* Россия — Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Европа, 2007.
181. *Кристол И.* К итогам XX века — Эон: Альманах старой и новой культуры: Сб. статей / Отв. ред.-сост. Гальцева Р.А. Вып. 10: Ирвинг Кристол. К итогам XX века. М.: ИНИОН РАН, 2014.
182. *Кроче Б.* Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма, 1999.
183. *Кудрин Н.Е.* Очерки современной Франции. СПб.: Изд. редакции журнала «Русское богатство», 1902.
184. *Кузнецов В.Н.* Социология идеологии: Курс лекций. М.: Книга и бизнес, 2005.
185. *Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. Очерки документированной истории. М.: ИРИ РАН, 2013.
186. *Куманев В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20–30-х годов. М.: Наука, 1987.
187. *Кумар К.* Гражданское общество // Гражданское общество: Реф. сб. / Российская академия управления / Отв. ред. Иванов Г.И. М.: РАУ, 1994.
188. *Кунцын Г.И.* Ленин о партийности художественного творчества // Ленин и искусство / Отв. ред. В.С. Кружков. М.: Наука, 1969.
189. *Кунчикова Н.С.* Концепции деидеологизации и реидеологизации общественной жизни как противоположные подходы к определению сущности и роли государственной идеологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 31.
190. *Кусаинов А.А.* Французская «новая философия» и культура постмодерна. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
191. *Кустарёв А.* Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М.: Товарищество научных изданий, 2006.
192. *Кутасова И.М.* Антифилософия «новой философии». М.: Политиздат, 1984.
193. *Кьеза Дж.* Что вместе катастрофы? М.: Издательский дом «Трибуна», 2014.
194. *Лактионова Н.Я.* Европроблемы и европерспективы // Геополитический журнал. 2015. № 5 (12).
195. *Лан В.И.* США в военные и послевоенные годы. М.: Наука, 1978.
196. *Лану А.* Здравствуйте, Эмиль Золя! М.: Терра, 1997.
197. *Латицкий М.* Россия — США: две страны, два мира // Россия XXI. 2010. № 3.

198. Либерализм Запада. XVII–XX века / Отв. ред. Согрин В.В. М.: Издательство ИВИ РАН, 1995.
199. *Ливен А.* Анатомия американского национализма. М.: Издательство «Э», 2015.
200. *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро. СПб.: Владимир Даль, 2015.
201. *Липсет М.* Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016.
202. *Липсет С.М.* Размышления о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. Journal of Democasy. 1994. № 1.
203. *Лисовский Ю.П.* Италия: от фашизма к демократии. Трудные дни послевоенной перестройки. М.: Наука, 1990.
204. *Лисовский Ю.П., Любин В.П.* Политическая культура Италии. М.: ИНИОН РАН, 1996.
205. *Лукач Д.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987.
206. *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М.: ИНИОН, 1991.
207. *Любин В.П.* Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006. М.: Наука, 2007.
208. *Любин В.П.* Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков. Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. Ю.А. Кимелев. М.: ИНИОН РАН, 2005.
209. *Людвиголь А.* Бернар Лазар. Краткий очерк его жизни и деятельности. СПб.: Типография Ландау, 1900.
210. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М.: Наследие, 1995.
211. *Майданский А.Д.* «Русский европеец» Э.В. Ильенков и западный марксизм // Вопросы философии. 2015. № 3.
212. *Майер Т.* Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2000.
213. *Маккарти Ю.* Вновь посетив Америку... Спустя 150 лет после путешествия А. де Токвиля. М.: Прогресс, 1981.
214. *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть 1 // Вопросы литературы. 2004. Март–апрель.
215. *Мальцева С.* Философско-эстетическая концепция Бенедетто Кроче. Диалог прошлого с настоящим. СПб., 1996.
216. *Манькин А.С.* Наследие американской революции: консервативная интерпретация // Проблемы американистики. Вып. 8: Консерватизм в США: прошлое и настоящее / Под ред. Е.Ф. Языкова. М.: Издательство Московского университета, 1990.
217. *Марина Х.А.* Интеллектуал и власть // Интеллектуалы и политика / Под ред. Р. Дель Агилы. М.: Московская школа политических исследований, 2007.
218. Марксизм и идеология (Материалы дискуссии по статье Эрнста Фишера «Марксизм и идеология») / Пер. с нем. и итал. яз. Дерюгина А.В.; ред. Цыпник Л.А. М.: ИФ АН СССР, 1968.
219. *Мастрогретори М.* Освобождение от прошлого // Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. В 2 кн. / ИВИ РАН / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Кн. 1. М.: Наука, 2003.
220. *Маттиас Л.* Обратная сторона США. М.: Прогресс, 1968.
221. Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, 1935. Доклады и выступления / Под ред. И. Лупшолла. М.: Художественная литература, 1936.

222. *Мельников Ю.М.* Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945–1983 гг. М.: Политгиздат, 1983.
223. *Мерифилд Э. Ги Дебор.* М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
224. *Меттан Г.* Запад — Россия: тысячелетняя война. М.: Паулсен, 2016.
225. *Мижусев П.Г.* Великий раскол англо-саксонской расы: Американская революция (преимущественно с точки зрения литературных факторов). М.: ЛЕНАНД, 2015.
226. *Мизиано К.Ф.* Пальмиро Тольятти. К политическому портрету // Италия и Европа: Сб. статей / Отв. ред. Комолова Н.П. М.: Наука, 1990.
227. *Миллер Дж.* Страсти Мишеля Фуко. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2013.
228. *Мизес Л. фон.* Либерализм. Челябинск: Социум, 2014.
229. *Миронов В.В., Миронова Д.В.Г.* Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7.
230. *Михайлов Б.В.* Современный американский либерализм: Идеология и политика. М.: Наука, 1983.
231. *Модржинская Е.Д.* Ленинизм и современная идеологическая борьба. М.: Мысль, 1970.
232. *Може Ж.* Социологическая ангажированность // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999.
233. *Моруа А.* В поисках Марселя Пруста: Биография. СПб.: Лимбус Пресс, 2000.
234. *Моруа А.* Ромен Роллан // Моруа А. Соч. В 10 т. Т. 10: Литературные портреты. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Литература, 2001.
235. *Москвичев Л.Н.* Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность (Критические очерки об одной модной буржуазной концепции). М.: Мысль, 1971.
236. *Мотылева Т.Л.* Литература против фашизма. По страницам новейшей зарубежной прозы. М.: Советский писатель, 1987.
237. *Мотылева Т.В.* Ромен Роллан. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969.
238. *Моцелков Е.Н.* Государственная идеология в России: конфликт прошлого и настоящего // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова, О.Ю. Бойцовой, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2015.
239. *Мушинский В.О.* Антонио Грамши. Учение о гегемонии. М.: Международные отношения, 1990.
240. *Мивениерадзе В.В.* Современное буржуазное сознание. Философский аспект. М.: Наука, 1981.
241. *Мивениерадзе В.В.* Философия и идеология // Философия и современность / Ред. кол.: П.Н. Федосеев (рук.). М.: Наука, 1971.
242. Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2009.
243. Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006.
244. *Мюллер Я.-В.* Провал европейских интеллектуалов? // russ.ru/Mirovaya-rovestka/Proval-evropejskih-intellektualov.
245. *Мюллер Я.-В.* Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
246. *Наринский М.М.* Борьба классов и партий во Франции. 1944–1958. М.: Наука, 1983.

247. *Наркирьер Ф.С.* Еженедельник «Monde» // Литературное Наследство. Т. 81. Из истории Международного Объединения революционных писателей / Ред.: В.Р. Щербина (гл.ред.). М.: Наука, 1969.

248. *Наркирьер Ф.С.* Французская революционная литература (1914–1924). М.: Мысль, 1965.

249. *Наумова Е.П.* В поисках синтеза либерализма и социализма: Карло Росселли // Левые в Европе XX века: Люди и идеи / Под ред. Н.П. Комоловой и В.В. Дамье. М.: ИВИ РАН, 2000.

250. *Наумова Е.П.* Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): Формирование и эволюция идейно-политической платформы. Дис. ... канд.ист.наук. М.: МГУ, 1998.

251. *Неменко Е.П.* Интеллектуалы и общество в современной французской социологии: к истории концепта ангажированности // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 3 (30).

252. *Нестерова Т.П.* Джованни Джентиле: искушение тоталитаризмом // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 22. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

253. *Никандров А.В.* Американский политический идеал и проблемы идеологического доминирования США в Западной Европе // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 7. Общественные идеалы и реальное общество. К 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016.

254. *Никандров А.В.* Борьба идей в политической истории второй половины XX века: концепция конца идеологии и ее роль в идейно-политическом противостоянии коммунизма и атлантизма в эпоху холодной войны // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 5. Политика и политическое / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014.

255. *Никандров А.В.* Влияние американских «экспертократических» идей на культуру и политику Западной Европы // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. 2015. № 1.

256. *Никандров А.В.* Глобализация и проблема «исчезновения» интеллектуалов // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 6. Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2015.

257. *Никандров А.В.* Идейные баталии первой половины 50-х годов XX века в Италии: Норберто Боббио и коммунисты в дискуссии о политике и культуре // Вопросы философии. 2013. № 5.

258. *Никандров А.В.* «Идеологические споры» в политике: концепция «секулярной религии» Раймона Арона в идейном противостоянии интеллектуалов // Вопросы философии. 2015. № 7.

259. *Никандров А.В.* Литературное творчество, научно-политическая этика исследователя... и политический заказ («маршаллизация» европейской культуры и внедрение американских идей) // Философия и общество. 2016. № 2.

260. *Никандров А.В.* Норберто Боббио о политике и культуре: независимость интеллектуалов и автономия культуры // Политика и общество. 2012. № 12.

261. *Никандров А.В.* Политическая деятельность и полемика французских интеллектуалов в 20–30-е годы XX века // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. 2015. № 4.

262. *Никандров А.В.* Политическая философия Норберто Боббио: от диалога с коммунистами к разработке концепции роли интеллектуалов // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. 2015. № 3.

263. *Никитин А.И.* Эволюция американского глобализма. Идеиная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. М.: Наука, 1987.
264. *Ниринг С.* Свобода: обещание и угрозы. Критика культa свободы. М.: Прогресс, 1966.
265. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.
266. *Нудельман Ф.* Сартр — автор своего времени? // Ж.-П. Сартр в прошлом и настоящем: Автобиографизм в литературе, философии и политике: Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге 8–9 июня 2005 года / Сост. и пер. с франц. С.Л. Фокина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
267. *Ньюберри М.* Йеху. Сатирические памфлеты. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966.
268. *Ньюберри М.* Йеху со снайперскими винтовками // Америка: Улицы Разделения. Американцы размышляют о себе. Документальная проза / Сост. Е. Стояновская. М.: Прогресс, 1984.
269. *Овсянникова И.А.* Либеральная философия Бенедетто Кроче. Омск: Омский государственный технический университет, 1998.
270. *Ойзерман Т.И.* Что такое «западный марксизм»? Существует ли он в действительности? // Конец предыстории человечества: социализм как альтернатива капитализму. Материалы одноименной международной научно-практической конференции. 27–29 мая 2003 г. / ИФ РАН. Омск, 2004.
271. *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2005.
272. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
273. *Павленко В.Б.* Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? М.: ОГИ, 2011.
274. *Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996.
275. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000.
276. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000.
277. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
278. *Панарин А.С.* Политическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
279. *Панарин А.С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006.
280. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.
281. *Панарин А.С.* Стиль «ретро» в идеологии и политике. (Критические очерки французского неоконсерватизма). М.: Мысль, 1989.
282. *Панова Г., Белоненко А.* Дело Игнатия Закревского // Наше наследие. 2013. № 105.
283. *Пантин И.К.* Понятие «политическое» в теории гегемонии Антонио Грамши // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / Отв. ред. М.М. Федорова. М.: Идея-Пресс, 2009.
284. *Пеги Ш.* Наша юность. Мистерия о милосердии Жанны д'Арк. СПб.: Наука, 2001.
285. *Пеги Ш.* Фундаментальные истины. Overseas Publications Interchange Ltd, L., 1992.
286. *Петров Д.Б.* «Американизм»: идеологический ракурс. Исследования классовых функций идеологической стратегии США (60–70-е годы). М.: Мысль, 1980.
287. *Петровский В.Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организаций, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики. М.: Международные отношения, 1976.

288. *Пефтиев В.И.* Жан-Поль Сартр как теоретик литературы: эссе 1945 г. // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1. № 2.
289. *Пилипенко Н.В.* Соотношение общих закономерностей и особенностей в возникновении и развитии социализма. М.: Высшая школа, 1974.
290. *Пинто Д.* Меж двух миров. Европейская культура и американская демократия. М.: Ad marginem, 1996.
291. *Покровская С.А.* Движение против войны и фашизма во Франции. 1932–1939 гг. М.: Наука, 1980.
292. Положение евреев в течение года между I и II конгрессом сионистов. Речь д-ра Макса Нордау, произнесенная на Втором конгрессе сионистов в Базеле. Вильна: Кн. маг. Л. Бергера в Пинске, 1898.
293. *Полторацкая Н.И.* Меланхолия мандаринов. Экзистенциалистская критика в контексте французской культуры. СПб.: Алетейя, 2000.
294. *Поляков Л.* История антисемитизма. Эпоха знаний. М.–Иерусалим: Литература нового времени: Гешарим, 1998.
295. *Полякова Н.В.* Раймон Арон: Интеллектуал в политике и политика интеллектуала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2016. № 3.
296. *Полякова Н.Л.* XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.
297. *Попов Л.Б.* Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Международные отношения, 2008.
298. *Поннер К.Р.* Неоконченный поиск: Интеллектуальная автобиография. М.: Праксис, 2014.
299. *Постер М.* Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции. От Сартра к Альтюссеру // Философско-антропологические исследования. 2008. № 1–2.
300. *Прайсман Л.* Дело Дрейфуса. Таллинн: Александра, 1992.
301. *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. Политическая биография. М.: Мысль, 1983.
302. Процесс Эмиля Золя в связи с процессами Дрейфуса и Эстерхази. Полный отчет с портретами. Кишинев: Типолит. Э. Шлимовича, 1898.
303. *Пузиков А.И.* Золя. М.: Молодая гвардия, 1969.
304. *Пузиков А.И.* Золя-публицист // Золя Э. Соч. В 26 т. Т. 26. М.: Художественная литература, 1967.
305. *Пульзе С.* Карло Росселли: Либеральный социализм и антифашистское действие. М.: НПЦ «Праксис», 2007.
306. *Пучковская А.А.* Иммануил Валлерстайн о миссии интеллектуалов // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2015. Т. 1. № 6.
307. *Равера К.* Воспоминания о Грамши. М.: Политиздат, 1976.
308. *Раббрух Г.* Философия права. М.: Международные отношения, 2004.
309. *Расторгуев В.Н.* Предметная область философии политики как научной и вузовской дисциплины // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой. М.: Издатель Воробьев А.В., 2010.
310. *Расторгуев В.Н.* Свобода мысли и возможность выбора: политическая и академическая демократия // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 1.
311. *Расторгуев В.Н.* Социальная реконструкция в современном мире: идеалы и реальность, цивилизационная миссия России // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. Вып. 7. Общественные идеалы и реальное общество. К 150-летию со дня рождения П.И. Новгородцева / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова, О.Ю. Бойцовой, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016.

312. *Раиковский Е.Б.* Смыслы в истории: Исследования по истории веры, познания, культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
313. *Ревякин А.В.* Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1998.
314. *Ремизов М.В.* Критика «универсализма» в философии французских «новых правых». Дис. ... канд. филос. н. М.: МГУ, 2004.
315. *Реччия А.* Дискуссия вокруг романа «Доктор Живаго». Итальянские интеллектуалы и русско-советская культура в период оттепели // «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия. Антология статей / Под общ. ред. М. Ариас-Вихиль. М.: Река времен, 2012.
316. *Розенталь Э.М.* Власть иллюзии. М.: Издательство политической литературы, 1978.
317. *Розенталь Э.М.* Лабиринтами сознания. М.: Издательство политической литературы, 1982.
318. *Розин Э.Л.* Ленинская мифология государства. М.: Юристъ, 1996.
319. *Роллан П.* Воспоминания. М.: Художественная литература, 1966.
320. *Роллан П.* Над схваткой // Роллан П. Соч. Т. XVIII. Над схваткой. Предтечи. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1935.
321. *Роллан П.* О роли писателя в современном обществе // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века / Сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева. М.: Прогресс, 1986.
322. *Роллан П.* Соч. В 14 т. Т. 13. Публицистика (1917–1939). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958.
323. *Роллан П.* Статьи, письма / Сост., предисл. Т.Л. Мотылевой. М.: Радуга, 1985.
324. *Романов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.–Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005.
325. Ромен Роллан. 1866–1966. По материалам юбилейной сессии / Редкол.: И.И. Анисимов, Т.В. Балашова, А.Д. Михайлов, Ф.С. Наркирьер, М.А. Яхонтова. М.: Наука, 1968.
326. *Росселли К.* Либеральный социализм / Предисл. Б. Кракси. Mondo Operaio, Roma, 1989.
327. *Рошфор А.* Приключения моей жизни / Пер., вступит. ст. и прим. Е. Смирнова. М.–Л.: Academia, 1933.
328. *Руткевич А.М.* Политическая доктрина Ш. Моррасса // Моррасс Ш. Будущее интеллигенции. М.: Практис, 2003.
329. *Рылин М.* Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М.: Логос, 2002.
330. *Сатино Ж.* О применении категорий «правые» и «левые» в литературном поле // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
331. *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? СПб.: Алетейя, 2000.
332. *Семеренко Л.М.* Формирование, эволюция и институционализация западной политической науки. Дис. ... докт. полит. наук. Саратов, 2002.
333. *Серени Э.* Марксизм, наука, культура. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.
334. *Серт М.* Пожирательница гениев. М.: Альпина нон-фикшн: Глагол, 2008.
335. *Сидоров А.Н.* Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск: Издательство Иркутского государственного технического университета, 2006.
336. *Скворцов В.Н.* Доктрина конвергенции и ее пропаганда. М.: Издательство политической литературы, 1974.

337. *Славин Б.Ф.* Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009.
338. *Смирнов Е.* Периодическая печать во Франции // История печати. Антология. Т. II / Сост. Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова. М.: Аспект Пресс, 2001.
339. *Смирнова Е.В.* Концепт идеологии в социально-философской мысли. Дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 2016.
340. *Сморгунов Л.В.* Интеллектуал в политике и необходимость политической философии // Политическая наука. 2009. № 4.
341. *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.
342. *Соколова С.Ю.* Свобода по-итальянски. Размышления об итальянской политической мысли XX века. М.: Весь Мир, 2014.
343. *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2013.
344. *Стройк Д.Дж.* Становление науки в США (со времен колонизации до Гражданской войны). М.: Прогресс, 1966.
345. *Стуруа М.* Америка восьмидесятых. Пять лет и пять минут. Pamфлеты. М.: Известия, 1986.
346. *Сунгуров А.Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
347. *Суровцев Ю.И.* В лабиринте ревизионизма. (Эрнст Фишер: его идеология и эстетика). М.: Художественная литература, 1972.
348. США: Консервативная волна / Общ. ред. А.Ю. Мельвиля. М.: Прогресс, 1984.
349. США: Политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М.: Наука, 1976.
350. *Сытин А.Г.* Эволюция представлений о существе демократии в западной политической мысли XX в. (Основные тенденции) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2007. № 6.
351. *Тагиефф П.-А.* Цвет и кровь. Французские теории расизма. М.: Ладомир, 2009.
352. *Такман Б.* Европа перед катастрофой. 1890–1914. М.: АСТ, 2016.
353. *Талмон Дж.Л.* Истоки тоталитарной демократии // Тоталитаризм: что это такое? (Исследования зарубежных политологов). Сб. статей, обзоров, рефератов, переводов. Ч. I. М.: ИНИОН РАН, 1993.
354. *Тарасов Г.А.* Международное объединение революционных писателей (МОРП): проблема революционного искусства и взаимоотношения с Анри Барбюсом (1925–1932 гг.) // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика / Сост. и науч. ред. Т.А. Круглова. Екатеринбург: Гуманитарный университет: Кабинетный ученый, 2016.
355. *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М.: Молодая гвардия, 1997.
356. *Тетерин П.В.* Роль США в развязывании «холодной войны» (историографический обзор отечественной литературы). М.: Спутник+, 2012.
357. *Todd Э.* После империи. Pax Americana — начало конца. М.: Международные отношения, 2004.
358. *Томилина М.Я.* Социология интеллектуалов в контексте теории среднего класса // Вестник РГГУ. 2009. № 12.
359. *Трент Дж.* Политическая наука вне политических границ: международное и институциональное развитие политической науки // Политические отношения: прогнозирование и планирование. Ежегодник Советской ассоциации политических наук, 1977. М.: Наука, 1979.
360. *Трифонов Н.А.* Луначарский и МОРП // Литературное Наследство. Т. 81.

- Из истории Международного Объединения революционных писателей / Ред.: В.Р. Щербина (гл. ред.). М.: Наука, 1969.
361. *Трубецкой Е.Н.* Социальная утопия Платона. М.: Типолиитография т-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1908.
362. *Трыков В.П.* Концепция высшего образования Жана-Франсуа Лиотара как теоретическая модель современной высшей школы // Знание. Умение. Понимание. 2012. № 3.
363. *Туган-Барановский М.И.* Интеллигенция и социализм // Анти-Вехи / Сост. В.В. Сапов. М.: Астрель, 2007.
364. *Улановская М.* Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кестлера. Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1996.
365. *Уолцер М.* Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
366. *Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
367. *Уткин А.И.* Стратегия глобальной экспансии: Внешнеполитические доктрины США. М.: Международные отношения, 1986.
368. *Уткин А.И.* Теодор Рузвельт: Политический портрет. Свердловск: Издательство Свердловского университета, 1989.
369. *Фадеева Л.А.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый Хронограф, 2012.
370. *Федотова Е.Д.* Искусство Италии. Век двадцатый. М.: Памятники исторической мысли, 2013.
371. *Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015.
372. *Финк В.Г.* Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1963.
373. *Финн П., Куве П.* Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015.
374. *Фокин В.И.* Международное сотрудничество в области культуры и СССР (20–30-е годы XX века). Дис. ... докт.ист.наук. СПб., 2000.
375. *Фомина В.Н.* Парадоксы концепции «постиндустриального общества» // Социология и современность / Гл. ред. Ф.В. Константинов. В 2 ч. Ч. 2. М.: Наука, 1977.
376. *Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди. Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М.: Эллис Лак, 2008.
377. Франция глазами французских социологов / Отв. ред. В.Н. Фомина, С.А. Эфиров. М.: Наука, 1990.
378. *Фулбрайт Дж.У.* Самонадеянность силы. М.: Международные отношения, 1967.
379. *Фурсов А.* Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015.
380. *Фурсов А.И.* Демократия в системе капитализма: суть, фасад, демонтаж // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4.
381. *Фурсов А.И.* Колокола истории. В 2 ч. М.: ИНИОН РАН, 1996.
382. *Фурсов А.* «Нормальная наука» versus «аналитика» // Свободная мысль. 2013. № 2.
383. *Фурсов А.И.* Русский интерес. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.
384. *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М.: Ad marginem, 1995.
385. *Хайек Ф.* Капитализм и историки / Б. де Жувенель, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, Т. Эштон. Челябинск: Социум, 2012.
386. *Хайек Ф.А. фон.* Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений / Пер., сост. и предисл С. Мальцевой. СПб.: Пневма, 1999.

387. *Ханаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
388. *Харитонова Н.Ю.* Каталонский эпизод истории Международной организации революционных писателей // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории. 1917–1941 гг. Исследования и архивные материалы / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
389. *Хвостунова О.И.* Эксперты как субъект политического дискурса в СМИ. Дис. ... канд. филол. н. М.: МГУ, 2006.
390. *Хейфец М.* Ханна Арендт судит XX век. М.–Иерусалим: ДААТ/Знание, 2003.
391. *Холландер П.* Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб.: Лань, 2000.
392. *Холландер П.* Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978. СПб.: Лань, 2001.
393. *Хромушин Г.Б.* Эволюция буржуазной социально-экономической доктрины «американской исключительности». Автореферат дис. ... докт. экон. наук. М., 1968.
394. *Цвейг С.* Совесть Европы // Цвейг С. Соч. В 10 т. Т. 5. М.: Терра, 1992.
395. *Черноперов В.Л.* Юрген Хабермас в контексте моделей социально-политической реализации западных интеллектуалов // Интеллигенция и мир. 2015. № 2.
396. *Черняк Е.Б.* Приговор веков (Из истории политических процессов на Западе). М.: Мысль, 1971.
397. *Шабад Б.А.* Международная политика и буржуазная идеология. Критика концепций империалистической реакции. М.: Международные отношения, 1984.
398. *Шаво Б.* Школа высших культурных исследований в области социальных наук: социальные науки Франции, финансируемые ЦРУ // www.voltairenet.org/article129887.html.
399. *Шаклеина Т.А.* «Мы сохранили школу и традиции...» // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2016. Т. 14. № 1.
400. *Шаклеина Т.А.* Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3.
401. *Шамиурин В.И.* Консерватизм и свобода. Краснодар: Глагол, 2003.
402. *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005.
403. *Шевакин Г.Г.* Итальянские философские журналы первой половины XX в. // Историко-философский ежегодник '2011 / ИФ РАН. М.: Канон+, Реабилитация, 2013.
404. *Шейдина И.Л.* США: «Фабрики мысли» на службе стратегии. М.: Наука, 1973.
405. *Широченко М.И.* Критическое осмысление современной американской неоконсервативной идеологии с позиций Антонио Грамши // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Сб. мат. научно-практической конф. 7 апреля 2012 г. / Под ред. В.С. Шутова. Томск: Томский государственный университет, 2012.
406. *Шлезингер-младший А.М.* Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-академия», 1992.
407. *Эко У.* Норберто Боббио: пересмотренное представление о назначении ученого // Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: ЭКСМО, 2007.
408. *Энгоаль У.Ф.* Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. М.: Селадо, 2014.
409. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга четвертая, пятая; Книга шестая, седьмая. Словарь имен / Подг. Б.Я. Фрезинским. М.: Текст, 2005.
410. *Эренбург И.Г.* О некоторых чертах французской культуры // Эренбург И.Г.

Соч. В 8 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1996.

411. *Эфиров С.А.* Итальянская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1968.

412. *Яковлев А.Н.* Идеология американской «империи». Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе. М.: Мысль, 1967.

413. *Яковлев А.Н.* Pax Americana. Имперская идеология: истоки, доктрины. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969.

414. *Яковлев М.В.* Идеология. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций. М.: Мысль, 1979.

415. *Adornato F.* I crimini di una classe. Inrtoduzione // Sartre J.-P. Difesa dell'intellettuale. Teoria, Roma–Napoli, 1992.

416. *Agosti A.* Togliatti. Un uomo di frontiera. UTET, Torino, 2003.

417. *Agostini N.* Il contributo del Baretti al dibattito linguistico del primo Novecento. — Università degli studi di Trento. Facoltà di Lettere e filosofia. Lettere moderne laurea triennale. A.a. 2006–2007. Tesi di storia della lingua italiana. Il contributo del Baretti al dibattito linguistico del primo Novecento. Relatore: prof.ssa S. Baggio. Laureanda: Nadia Agostini // circe.lett.unitn.it/attivita/tesi/Tesi_Nadia_Agostini.pdf.

418. *Angelini M.C.* «Il Baretti» (1924–1928): L'ultima rivista di Piero Gobetti // circe.lett.unitn.it/le_riviste/riviste/bibliografia_spe/biblio/angel.pdf.

419. A Norberto Bobbio — la Facoltà di scienze politiche. Torino, 1986.

420. *Ajello N.* Intellettuali e PCI. 1944–1958. Laterza, Roma–Bari, 1979.

421. *Aron R.* Industrial Society and the Political Dialogues of the West // World Technology and Human Destiny / Ed. by R. Aron. University of Michigan Press, 1963.

422. *Asor Rosa A.* Il grande silenzio. Intervista sugli intellettuali / A cura di S. Fiori. Laterza, Roma–Bari, 2009.

423. *Bauman Z.* La decadenza degli intellettuali // www.pansofia.it/files/2014/12/20/570_Bauman.pdf.

424. *Bernini L.* Declino (o trionfo?) delle religioni secolari. Raymond Aron e la questione delle ideologie politiche // *Dialettica e filosofia*. www.dialetticaefilosofia.it/.../54aron_e_l_ideologia.pdf.

425. *Bianchi Bandinelli R.* Dal diario di un borghese e altri saggi. Laterza, Roma–Bari, 1976.

426. *Bobbio N.* Autobiografia / A cura di A. Papuzzi, Laterza, Roma–Bari, 1999.

427. *Bobbio N.* Da Hobbes a Marx. Saggi di storia della filosofia. Morano, Napoli, 1965.

428. *Bobbio N.* Destra e sinistra. Ragioni e significati di una distinzione politica. Donzelli Editore, Roma, 1994.

429. *Bobbio N.* Gramsci e la concezione della società civile. Feltrinelli, Milano, 1976.

430. *Bobbio N.* Il dubbio e la scelta. Intellettuali e potere nella società contemporanea. La Nuova Italia Scientifica, Roma, 1993.

431. *Bobbio N.* Il futuro della democrazia. Einaudi, Torino, 1984.

432. *Bobbio N.* Intellettuali // *Enciclopedia del Novecento* / Istituto dell'Enciclopedia Italiana. Vol. III. Roma, 1979.

433. *Bobbio N.* Introduzione // *Ginzburg L. Scritti*. Einaudi, Torino, 2000.

434. *Bobbio N.* Italia civile. Ritratti e testimonianze. Lacaita Editore, Manduria–Bari–Perugia, 1964.

435. *Bobbio N.* Le ideologie e il potere in crisi: Pluralismo, democrazia, socialismo, comunismo. Terza via e terza forza. Le Monnier, Firenze, 1981.

436. *Bobbio N.* Libertà // *Enciclopedia del Novecento* / Istituto dell'Enciclopedia Italiana. Vol. III. Roma, 1979.

437. *Bobbio N.* Maestri e compagni. Passigli, Firenze, 1984.
438. *Bobbio N.* *Politica* // Dizionario di politica. Diritto da N. Bobbio e N. Matteucci. UTET, Torino, 1976.
439. *Bobbio N.* *Politica e cultura.* Einaudi, Torino, 1955.
440. *Bobbio N.* *Profilo ideologico del Novecento italiano.* Einaudi, Torino, 1986.
441. *Bobbio N.* *Quale socialismo? Discussione di un'alternativa.* Einaudi, Torino, 1976.
442. *Bobbio N.* *Saggi sulla scienza politica in Italia.* Laterza, Bari, 1969.
443. *Bobbio N.* *Una filosofia militante. Studi su Carlo Cattaneo.* Einaudi, Torino, 1971.
444. *Boneau D.* La «Democrazia» ed i suoi «amici». Raymond Aron, difensore dell'atlantismo // *storiassoppressa.over-blog.it/article-criptocrazia-denis-boneau-aron-avocat-de-l-atlantisme-da-reseau-voltaire-2004-68030319.html.*
445. *Borsellino P.* Norberto Bobbio: Profilo dello studioso // Violi C. Norberto Bobbio: A bibliography. Giuffrè Ed., Milano, 1984.
446. *Bredin J.-D.* *The Affair: The Case of Alfred Dreyfus.* G. Braziller, N.-Y., 1986.
447. *Burdeau G.* *Ideologia* // *Enciclopedia del Novecento* / Istituto dell'Enciclopedia Italiana. Vol. III. Roma, 1979.
448. *Campagnolo U.* *Repubblica Federale Europea. Unificazione giuridica dell'Europa* / L. Cedroni (introd.). Rubbettino, Soveria Mannelli, 2004.
449. *Capozzi E.* *L'alternativa atlantica. I modelli costituzionali anglosassoni nella cultura italiana del secondo dopoguerra.* Rubbettino, Soveria Mannelli, 2003.
450. *Capozzi E.* *L'opposizione all'atlantismo: il Congress for Cultural Freedom e l'Associazione Italiana per la Libertà della Cultura* // *L'Antiamericanismo in Italia nel secondo dopoguerra* / Craveri P., Quagliariello G. (a cura di). Rubbettino, Soveria Mannelli, 2004.
451. *Carpi U.* *Il Partito Comunista Italiano e De Sanctis negli anni Cinquanta. Classe operaia ed egemonia nazionale* // ddd.uab.cat/pub/qdi/11359730n16/11359730n16p67.pdf .
452. *Cereja F.* *Intellettuali e politica. Dall'epoca giolittiana all'affermazione del fascismo.* G. Giappichelli, Torino, 1973.
453. *Che cosa fanno oggi i filosofi? / A cura della Biblioteca comunale Cattolica.* Bompiani, Milano, 1982.
454. *Cleveland H. van B.* *The Atlantic Idea and Its European Rivals.* N.-Y., Published for the Council on Foreign Relations by McGraw-Hill, 1966.
455. *Colloques de Rheinfelden / Par R. Aron, G. Kennan, R. Oppenheimer et autres.* P., 1960.
456. *Cotroneo G.* *Le nuove frontiere del pensiero politico dopo la fine delle ideologie // Il liberalismo come pratica della libertà / A cura di G. Pagano. La città del Sole, Napoli, 1997.*
457. *Cranston M.* *Freedom. A New Analysis.* Longmans, L., 1953.
458. *Cranston M.* *The Mask of Politics and the other Essays.* Allen Lane, L., 1973.
459. *Croce B.* *Due anni di vita politica italiana.* Laterza, Bari, 1948.
460. *Degl'Innocenti M.* *Il mito di Stalin. Comunisti e socialisti nell'Italia del dopoguerra.* Lacaïta, Manduria-Bari-Roma, 2005.
461. *Degl'Innocenti M.* *Storia del PSI. Vol. III. Dal dopoguerra a oggi.* Laterza, Roma-Bari, 1993.
462. *Della Volpe G.* *Rousseau e Marx e altri saggi di critica materialistica.* Editori Riuniti, Roma, 1962.
463. *Democracy Must Work: A Trilateral Agenda for the Decade / A Task Force Report to the Trilateral Commission / David Owen, Zbigniew Brzezinski, Saburo Okita.* New York University Press, N.-Y.-L., 1984.
464. *Di Fant A.* *L'Affaire Dreyfus nella stampa cattolica italiana.* EUT Edizioni Università di Trieste, 2002.

465. *Fortini F.* Un mancato editoriale del «Politecnico» // Fortini F. Questioni di frontiera. Scritti di politica e di cultura. 1965–1977. Einaudi, Torino, 1977.
466. *Furgiuele G.* Intellettuali. Una débâcle de classe. Conversazione con Alberto Abruzzese, Mirella Seri, Franco Ferrarotti, Erri De Luca. Ladolfi Editore, Roma, 2014.
467. *Gilbert A.* Must Global Politics Constrain Democracy? Great-Power Realism, Democratic Peace, and Democratic Internationalism. Princeton University Press, 1999.
468. Gobetti e La Voce / A cura di G. Prezzolini. Sansoni, Firenze, 1971.
469. *Gobetti P.* La rivoluzione liberale. Saggi sulla lotta politica in Italia. Cappelli, Bologna, 1924.
470. *Greco T.* Norberto Bobbio. Un itinerario tra filosofia e politica. Donzelli, Roma, 2000.
471. *Guidali F.* Uomini di cultura e associazioni intellettuali nel Dopoguerra tra Francia, Italia e Germania occidentale (1945–1956). Berlin, 2013. — Uomini di cultura e associazioni intellettuali nel Dopoguerra tra Francia, Italia e Germania occidentale (1945–1956). Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Geschichte am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin und am Dipartimento di Studi storici Università degli Studi di Milano. Vorgelegt von Fabio Guidali. Berlin, 2013.
472. Ideological Differences and World Order: Studies in the Philosophy and Science of the World's Cultures / Ed. by F.S.C. Nortrop. New Haven: Yale University Press, 1949.
473. *Johnson P.* Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky. Harpers & Row Publishers, N.-Y., 1990.
474. *Lanfranchi E.* Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Bollati Boringhieri, Torino, 1989.
475. La Voce e l'Europa. Il movimento fiorentino de La Voce: dall'identità culturale italiana all' identità culturale europea / A cura de D. Ruesch e B. Somalvico. Presidenza del Consiglio dei ministri. Dipartimento per l'informazione e l'editoria. Roma, 1995.
476. *Lazare B.* Une erreur judiciaire. La vérité sur l'affaire Dreyfus. Ed. Veuve Monnom, Bruxelles, 1896.
477. Livre d'hommage des lettres française à Émile Zola / Paul Alexis, Séverine, F. Labori. Société libre d'Édition des Gens de Lettres; Georges Balat, Éditeur, P.–Bruxelles, 1898.
478. *Losano M.G.* La trilogia su Umberto Campagnolo (1904–1976): Kelsen, il federalismo, la «guerra giusta» e la guerra europea // Atti della Accademia delle scienze di Torino. Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche. Vol. 145 (2011). Torino, 2012.
479. *Lucia P.* Intellettuali italiani del secondo dopoguerra. Impegno, crisi, speranza. Guida, Napoli, 2003.
480. *Luperini R.* Intellettuali, critica letteraria e globalizzazione // [www. Allegoriaonline.it/PDF/132.pdf](http://www.Allegoriaonline.it/PDF/132.pdf).
481. *Luperini R.* Otto tesi sulla condizione degli intellettuali // www.allegoriaonline.it/PDF/484.pdf.
482. *Maier C.* Intellettualoidi di tutto il mondo, unitevi! Bompiani, Milano, 2007.
483. *Maldonado T.* Che cos'è un intellettuale? Avventure e disavventure di un ruolo. Feltrinelli, Milano, 1995.
484. *Martelli M.* I filosofi e l'URSS. Per una critica del «socialismo reale»: Nietzsche, Marx, Gramsci, Lukács, Bloch, Marcuse, Merleau-Ponty, Sartre, Bobbio. La città del Sole, Napoli, 1999.
485. *Mastrantonio L.* Intellettuali del piffero: Come rompere l'incantesimo dei professionisti dell'impegno. Marsilio, Padova, 2013.
486. *Mastrogregori M.* La libertà della cultura e «guerra fredda culturale»: Bobbio, gli intellettuali «atlantici» e i comunisti: alle origini di *Politica e cultura* (1955) // Storiografia. Fasc. XI. 2007.

487. *Mastrogregori M.* *Politica e cultura: gli intellettuali, la CIA e la «guerra fredda culturale» (1948–1968) / Lezioni tenute all'Università di Roma «La Sapienza». Facoltà di Lettere e Filosofia. Corso di Laurea in Storia. Anno accademico 2005–2006.* Roma, 2006.
488. *Mastromartino F.* *Norberto Bobbio: Una filosofia militante sotto le insegne del discorso rigoroso // iusfilosofiamundolatino.ua.es/download/MastromartinoPonencia_Bobbio.pdf.*
489. *Pazé V.* *La filosofia militante // L'opera di Norberto Bobbio. Itinerari di lettura / A cura di V. Pazé.* Angeli, Milano, 2005.
490. *Prandstraller G.P.* *La rinascita del ceto medio.* Franco Angeli, Milano, 2011.
491. *Rinascita. 1944–1962. Antologia / A cura di P. Alatri. Vol. I.* Firenze, 1966.
492. *Riva R.* *Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità.* Venezia, 2012. — *Gli intellettuali francesi tra impegno e tradimento. Genealogia di un ruolo fra storia e attualità. Tesi di Laurea in Filosofia. Laureando Roberta Riva. Università Ca' Foscari. Venezia. Anno Accademico 2011/2012.*
493. *Said E.W.* *Representations of the Intellectual. The 1993 Reith Lectures.* Vintage Books, A division of Random House, N.-Y., 1994.
494. *Schalk D.L.* *The Spectrum of Political Engagement: Mounier, Benda, Nizan, Brasillach, Sartre.* Princeton University Press, 1979.
495. *Schalk D.L.* *War and Ivory Tower. Algeria and Vietnam.* Oxford University Press, N.-Y., 1991.
496. *Scott-Smith G.* *The Congress for Cultural Freedom, the End of Ideology and the 1955 Milan Conference: «Defining the Parameters of Discourse» // Journal of Contemporary History. 2002. Vol. 37. No. 3.*
497. *Sosso P.* *Julien Benda, Benedetto Croce e la funzione dell'intellettuale // L'utile, il bello, il vero. Il dibattito francese sulla funzione della letteratura tra Otto e Novecento / A cura di T. Goruppi, L. Sozzi.* Pisa, Edizioni ETC, 2002.
498. *Spriano P.* *Gramsci e Gobetti. Introduzione alla vita e alle opere.* Einaudi, Torino, 1973.
499. *Teroni S.* *Difesa della cultura e problematico incontro fra culture: Il Congrès International des Écrivains pour la Défence de la Culture, Parigi 1935 // L'utile, il bello, il vero. Il dibattito francese sulla funzione della letteratura tra Otto e Novecento / A cura di T. Goruppi, L. Sozzi.* Pisa, Edizioni ETC, 2002.
500. *The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission / Michel J. Crosier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuki.* New York University Press, N.-Y., 1975.
501. *Togliatti P.* *La politica culturale / A cura di L. Gruppi.* Editori Riuniti, Roma, 1974.
502. *Traverso E.* *Che fine hanno fatto gli intellettuali? Conversazione con Régis Meyran.* Ombre corte, Verona, 2014.
503. *Urso S.* *La Voce. Etica e politica per una nuova Italia // www.raco.cat/index.php/Cercles/article/view/191145/262909.*
504. *Ventura R.* *Gli intellettuali nell'Italia berlusconiana. Apocalittici o Integrati? // La Libellula. Rivista italianistica. 2011. № 3: «Il mestiere perduto. Sul silenzio degli intellettuali e la rimozione storica dell'idea di cultura come valore politico-sociale».*
505. *World Technology and Human Destiny / Ed. by R. Aron.* University of Michigan Press, 1963.
506. *Zolo D.* *La teoria comunista dell'estinzione dello stato.* De Donato, Bari, 1974.

SUMMARY

The intellectuals of Western Europe reflecting on the problems of their political activities developed many conceptions offering different interpretations of their own role in politics. The direction linking the political role of the intellectual and the protection of culture plays an important role in this series. In this regard, the philosophical heritage of the Italian intellectual, authoritative scientist in philosophy of politics and philosophy of law, the major political thinker of the 20th century — Norberto Bobbio (1909–2004) is of particular interest. For several decades, in his writings and speeches he defended the autonomy of intellectuals and independence of culture. This monography grows out from the dissertation on the conception of intellectuals developed by Norberto Bobbio in the 50's and reinterpreted in the late 70-s of XX century. After defending the dissertation, the author continued the research focused on the fate of intellectuals in the XX century. The monography is devoted to the history of intellectuals of Western Europe of the XX century from their birth in «the storm of the Dreyfus affair» at the turn of XIX–XX centuries to the present day.